

ДВА РУБЛЯ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ КОПЕЕК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

35—36

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА**

ФРИЧЕ—ИСКУССТВОВЕД¹

А. Луначарский

Свою университетскую и научную работу В. М. Фриче начал, как вы знаете, в самом начале нынешнего столетия—приблизительно в 1903—04 году. Я не мог тогда быть ни слушателем его, ни знакомым с ним близко, потому что не был в то время в Москве. Но я встретился с ним в это время—случайно—в Калуге, где я был тогда в ссылке и куда он приехал прочесть серию публичных лекций (имя Фриче конечно было мне известно и раньше, как имя чрезвычайно передового и революционно-настроенного молодого профессора). Несмотря на то, что эти лекции были на популярные темы и читались для довольно обывательской публики калужского захолустья (В. М. читал их главным образом с какой-то благотворительной целью), они сразу показали мне, с кем я имею дело.

В. М. принадлежал к числу тех первых из первых марксистов, которые подняли знамя нашей революции в стенах университета не в качестве большевистски настроенных студентов, а в качестве представителей созревающей и даже зрелой научной группировки. Притом революционный вызов, который был брошен В. М. немарксистской, далеко немарксистской профессуре и еще более мрачно окрашенной чиновничьей среде, под пятой которой существовал в то время университет, имел не только политический в узком смысле характер.

Бывали профессора, которые считали себя большими либералами и даже радикалами; некоторые из них вносили в свое преподавание и в особенности в свои отношения со студенчеством известные черты буржуазного либерализма или радикализма и в своей, обыкновенно очень обуженной русской действительностью, общественной деятельности занимали более или менее либеральные позиции, более или менее ярко показывали свою прогрессивную физиономию.

Но для Фриче дело сводилось не только к тому, что он был социал-демократом на кафедре, что он был университетским человеком и вместе с тем имел более или менее прямые сношения (с 1905 г., если не ошибаюсь, даже регулярные, как член московской организации) с революционной организацией: его научная работа сочеталась с большим радикализмом, вышедшим за пределы радикализма буржуазного и неразрывно связанным с революционной борьбой рабочего класса.

Я не знаю, что привело В. М. к тому, что он стал левым социал-демократом, большевиком, каким путем шло его индивидуальное развитие—политические ли события или его запросы общественные привели его по-

¹ Речь на вечере памяти В. М. Фриче.

степенно к выводу, что только рабочий класс может принести освобождение нашей стране и показать дальнейшие пути к полной перестройке безобразнейшей человеческой жизни, или же его научные искания заставили его наткнуться на великие принципы Маркса, и он, молодой ученый, понял, что только диалектический материализм может быть методом к овладению тем предметом, который он выбрал как объект своей научной работы, и отсюда уже, из этой марксистской научной предпосылки, он сделал выводы о необходимости применить и другую сторону марксизма—его революционную тактику, и не делил уже свою личность на какие-то фрагменты, а, отдавшись марксистской науке, отдался вместе с тем и марксистской революционной общественности.

Я не знаю, как это шло. Может быть—и это очень вероятно—развитие Фриче шло обоими путями сразу. Я знаю только, что он выступил революционером в нашей русской общественности, как большевик (среди профессуры их не было тогда почти совсем, их можно было пересчитать по пальцам) и что результаты этого фричевского «крамольного духа» сказались в обеих областях. Фриче оказался упорнейшим, усерднейшим революционером и вместе с тем несомненно обозначил своей научной деятельностью огромный революционный сдвиг в той науке, которой он себя посвятил.

Он был марксист. И поэтому дело не в том, что он был зачинателем каких-то новых научных линий,—всякий марксист является продолжателем тех великих основ, которые были заложены Марксом и Энгельсом в середине прошлого века. Конечно, он шел по стопам замечательного искусствоведа Плеханова, но это не мешает признать за Фриче заслуги совершенно исключительного порядка, которые даются конечно только людям первого призыва, когда первые «апостолы», основатели и учителя начинают завоевывать в научном отношении новую страну, завоевывать именно принципиальную установку овладения командными вершинами, добываясь таких решительных боев и успехов, что дальше равно талантливым людям приходится, в сущности говоря, только разрабатывать детали и довершать то, что сделано первыми представителями революционного движения в науке, первыми адептами великих учителей.

Деятельность Фриче приобрела огромные возможности после Октябрьской революции. Если не ошибаюсь—я тогда не был в Москве—первые годы он даже подвергся своеобразному несчастью, о котором здесь говорил только что Михаил Николаевич: его посадили в Наркоминдел и нагрузили всякого рода организационной работой до такой степени, что на некоторое время он даже потерял ту крепкую сцепку с наукой, о которой Мих. Ник. говорил. Но, действительно, цепкость в этом отношении Фриче проявил большую, и науке он остался верен. В 1919—20 г. он уже сумел как-то себя устранить от всего этого использования его сил на все-таки второстепенных, при его научных данных, общественных задачах и вернуться к тому, что было для него основным—к науке, никогда, однако, не отказываясь от организаторской роли в пределах этой самой науки.

Я бы хотел сказать два слова о том, как нужно относиться к избранной Фриче области. Часто можно услышать такие разговоры, что, в сущности говоря, хотя все мы признаем известное значение за искусством и искусствоведением, эти отрасли все же стоят несколько дальше от прямых, первоначальнейших (политико-экономических, исторических,

философских) задач марксизма, являются почти роскошью и что к работе по этой линии естественно было бы приступить после того, как основные, главные, наиболее крепко связанные со всей революционной борьбой и социалистическим строительством проблемы будут уже освещены. Но я должен сказать, что избранная Фриче область до чрезвычайности жизненна и не должна быть отодвигается на задний план. Это видно хотя бы из того, что у Плеханова она занимала чрезвычайно большое место,—и не потому, что у Плеханова, а потом у Фриче была особенная, эстетически-построенная натура, которая их толкала к вопросам искусства просто по симпатии или увлечению изящной, многосодержательной формой, с которой приходится иметь дело в этой области, а потому, что литература имела в то время и имеет теперь огромное значение непосредственно в нашей борьбе и нашем строительстве, как огромной силы агитационное средство.

Обследование того, какие общественные формы сознания—а через них классовые силы и основные общественные тенденции—выражаются в художественных произведениях, с одной стороны, т. е. анализ художественных голосов, как показателей и свидетелей эволюции общности, и, с другой стороны, использование для нового класса этих голосов в качестве союзных и воспитание не только союзных, но и собственных художественных голосов, использование их, как наиболее могучей, простой и широко охватывающей формы пропаганды—эти две задачи литературы и всего искусства никак не могут считаться далеко стоящими.

Дело в том, что на трудовые массы, которые очень сильно выиграли за последнее время в своей элементарной грамотности и в своем соприкосновении с культурной жизнью, и на меньшие численно слои, среди которых приходится вести работу, набирая там командный состав грядущей революции, художественные формы действуют едва ли не с большей силой, чем какое угодно логически построенное и базирующееся на огромном количестве правильно освещенных фактов научное и публицистическое воздействие. В России, где в течение долгого времени цензура мешала расправить крылья науке и публицистике, роль учительного искусства и литературы поднялась, пожалуй, выше, чем в какой бы то ни было другой стране. Искусство было могучим орудием в руках передовых общественных групп.

Заняться тем, чтобы сквозь искусство прощупать как можно глубже эволюцию общества в его прошлом и нынешнем состоянии, наметить пути к правильному усвоению союзных, полезных нам художественных сил в разных веках, в разное время и в нашей собственной среде, наконец, приступить к созданию нашего собственного искусства, которое смогло бы избежать всяких блужданий, как можно скорее могло бы идти своим собственным путем,—эти задачи бросались в глаза, совершенно естественно выдвигались перед марксистами-социологами.

Я конечно этим вовсе не хочу сказать, что можно поставить как-то вопрос о конкуренции между литературоведческими задачами и, скажем, политико-экономическими или чисто политическим анализом событий. Я только хочу сказать, что эти вопросы в нашей среде (как социал-демократической, так позднее и в коммунистической) не занимали того места, какое например эстетические и литературоведческие проблемы занимают в буржуазной науке. Между тем нельзя и сравнивать серьезности запросов и яркости и значительности решений в этой области, доступных

нам по сравнению с буржуазией. Только мы обладаем так сказать централизованной и действительно проникновенной точкой зрения на эти проблемы, только мы можем овладеть литературой и сделать ее нашим классовым оружием, не принимая ее, а возводя ее на новую высоту.

Работы т. Фриче отличались двумя чертами. Это были действительно научные работы, глубокие, основанные на большом знакомстве с фактами, на большой эрудиции; факты эти были собраны, изучены, освещены при помощи чрезвычайно строго выдержанного метода, выводы делались с большой научной последовательностью и большой научной убедительностью. И в то же время он всегда писал популярно. Я не знаю, есть ли хоть одно произведение Фриче, которое бы отличалось геллертерскими чертами и которого не мог бы читать самый молодой студент пролетарского происхождения в любом нашем вузе, и даже каждый ученик старших групп нашей школы II ступени, каждый рабфаковец. Может быть он кое-чего не поймет, кое над чем должен будет подумать,—но так же, как над всякой работой, в общем доступной его пониманию. Это вызывает со стороны геллертеров, ученых мандаринов, возражение, что Фриче был в сущности популяризатором, а не ученым. Но пусть они попробуют опровергнуть, что Фриче выдвинул массу новых и принципиальных положений, что он обновил науку, пусть попробуют они расшатать те сваи, которые вбил Фриче, укрепляя фундамент нашего марксистского искусствovedения. Мы можем только гордиться тем, что, идя в значительной степени по стопам наиболее близкого своего учителя Г. В. Плеханова, Фриче сумел соединить очень широкую популярность—я бы сказал завидную популярность—своего языка, своего изложения с настоящим научным его характером.

Вот почему его первое большое сочинение «Очерки по истории западных литератур», которое было издано впервые в 1908 г., вышло потом несколькими повторными изданиями.

Это была, во-первых и прежде всего, большая попытка—такой у Плеханова не было—систематически овладеть с помощью марксистской мысли большим широким явлением в области литературы и искусства—именно западной литературой в целом. Во-вторых, эта работа была подтверждением общего нашего марксистского анализа путей развития европейской буржуазии и характеристикой современной буржуазии на основании новых свидетельств, чрезвычайно ярких и, при правильном их допросе, глубоко верных—свидетельств искусств. Вы понимаете конечно, что при этом я говорю не о прямом отражении в искусстве быта буржуазии и вообще Западной Европы, а о том нашем марксистском допросе этих художественных произведений, как функционально зависящих от определенных классов и групп и выражающих собою иногда чрезвычайно хитрую, почти полусознательную уловку для того, чтобы определенным образом идеологически воздействовать на то общество, из которого они возникли. Все это удалось Фриче прекрасно, и он уже в этом своем произведении дал, в сущности говоря, образец того, чего мы у Плеханова найти не можем, потому что Плеханов дает или общеэстетические и общеметодологические исследования огромнейшей ценности, или доказывает правильность их на отдельных фактах, иногда на отдельных эпохах даже, но работы, которая бы охватывала такую большую и разнообразную область, как вся история литературы Западной Европы, раньше, до Фриче, не было.

«Поэзия кошмаров и ужаса» может быть сейчас перечитана с большой пользой. Буржуазия ушла из той полосы своего разложения, которая

знаменовалась декадентской литературой, но эта полоса чрезвычайно характерна и важна для понимания переживаний буржуазии в целом и ее определенных прослоек. И сомнительная форма мнимого выздоровления, которое потом пережила буржуазная литература, никак не может быть без этого понята, так же, как не может быть понято и нынешнее положение западно-европейской и американской буржуазии вообще и ее литературы, в частности, если мы хорошо не поймем этого «fin de siècle», этих признаков смерти, тех «*facies hippocratica*», которые одно время появились на лице буржуазии.

Последняя работа общего характера по литературе, которая была создана Фриче, — «Западная литература XX века в важнейших проявлениях» — есть анализ нынешнего состояния буржуазии, причем не только в доминирующих странах, что для нас особенно важно, но и в некоторых второстепенных странах, что тоже очень характерно, ибо буржуазия, растянувшись широко по всему свету, имеет вид кометы с хвостом. Все эти прослойки, все ее различные вариации — от крупной, наглой, империалистической, самоуверенной буржуазии во всех переходах, вплоть до оттапливающейся от ядра, но, по существу говоря, от этого ядра зависящей мелкой буржуазии — знать чрезвычайно необходимо. Эта работа В. М. — единственное марксистское сочинение, которое дает в целостном и систематическом виде пронизанную единым духом картину, литературно-географическую карту нынешнего состояния буржуазии.

Сюда можно отнести и его прекрасные «Очерки итальянской литературы», которые представляют собой пример частного приложения того же метода Фриче.

Давая превосходнейший анализ видоизменений, которые претерпевала литература в Западной Европе, Фриче с большим вниманием и большой любовью относился к росткам пролетарской литературы. Этот вопрос затрагивали некоторые его отдельные этюды, ему же была посвящена и последняя работа В. М. Он тщательно работал над проблемами, которые возникают перед нашей пока молодой, но могуче разветвляющейся пролетарской литературой.

Фриче не был однако только литературоведом, историком литературы: не меньшее значение имела его деятельность литературного критика.

Фриче был искусствоведам в самом широком смысле этого слова. Однако он реже ставил перед собой вопросы того или другого искусства специально, чаще пользовался его материалом для общих выводов. Такие выводы, сделанные им на основании материала литературы и изобразительных искусств, легко можно распространить на другие формы искусства, например на музыку.

В социологии искусства Фриче произвел большой переворот. Работы его и в этой области отличаются глубиной и новизной мысли, продуманностью каждого методического шага и каждого вывода, и остаются при этом чрезвычайно популярными, общедоступными по изложению. Здесь он заложил большой фундаментальный камень для всего марксистского искусствоведения. Может быть, мое утверждение покажется кому-нибудь слишком смелым, но я считаю его «Социологию искусства» трудом классическим. Не нам, ведь, марксистам, говорить, что для классического труда она слишком проста, слишком коротка, слишком ярка, потому что «Манифест коммунистической партии» тоже ярка, тоже кратка, тоже прост. Этим я конечно не ставлю «Социологию искусства» по ее зна-

чению в ряд с «Манифестом коммунистической партии», но я ставлю ее рядом со многими другими классическими трудами марксистской литературы, которые отличаются гигантской новизной мысли, но вместе с тем и своей доступностью для массового читателя.

Какими чертами отличается эта, по моему мнению, самая блестящая книга Фриче, написанная в последние годы его жизни?

Главная цель, которую преследовал Фриче, когда писал свою «Социологию искусства», заключалась в том, чтобы доказать, во-первых, что в истории искусства царит закономерность (чем история поднимается до степени социологии), и во-вторых, что эта закономерность в искусстве является отраженной и, в сущности говоря, означает собою как бы одинаковые тени от одинаковых событий, в основе которых лежит самый хозяйственный уклад данного общества в данную эпоху. Конечно, поставив перед собой такую общесоциологическую цель, Фриче не стремился дробить ее, разнимать ее на десятилетия,—он брал большие эпохи; но вместе с тем он никогда не впадал в мертвенный схематизм, не оказывался пленником каких-нибудь абстракций: каждое положение свое относительно возвращающихся от времени до времени видов искусства и относительно полного соответствия возвращения этих характерных черт такому же первоначальному возвращению в экономике (на новой основе, разумеется), он иллюстрирует многочисленными примерами. Выбраны они превосходно, с огромным знанием дела. Нужна была необъятная эрудиция Фриче для того, чтобы суметь из этой бесконечности различных проявлений искусства во времени и пространстве выбрать такие иллюстрации, которые—как всякий понимающий в этом деле может сказать—не являются специально натянутыми, искусственно выбранными примерами, а действительно крайне типичны и в то же время являются великолепной опорой для блестящего хода мыслей, развивающегося как сочетание методологических конструкций в этой книге, которая с начала до конца устремляется к основным поставленным себе целям и по всему руслу, каждой своей главой заканчивает если не здание социологии искусства, то основной его план или великолепную модель, без которой приступить к подобному строительству было бы невозможно.

Разделивши экономические формы на четыре эпохи, повторяющиеся целиком или отчасти в различные периоды истории в различных обществах,—на эпоху первобытную, земледельческую, феодально-землевладельческую и буржуазную,—и подразделив некоторые из них, особенно буржуазную эпоху, на несколько основных подразделений,—торговый капитал, промышленный и т. д.—Фриче каждый раз по той или другой рубрике основных явлений, основных характерных черт искусства берет сначала картину внешнего состояния изобразительного искусства, отмечает такое повторение типов, иногда целых циклов, в которых эти типы одинаково развиваются, а затем уже дает справку о том, какие же классы в данном случае отразили свою сущность в этих произведениях искусства и какое место продиктовано было в обществе этим классам экономической жизнью и основной хозяйственной структурой. Получается поразительно стройная конструкция, которую вряд ли в чем-нибудь серьезном удастся расшатать буржуазной науке. Получается поразительное совпадение циклов основания, т. е. хозяйственных форм, и соответствующих циклов в истории искусств, причем это вовсе не коловращение на месте; а необычайно живое изображение эпох, со всем их своеобразием, идущих вперед

и развивающихся на сравнительно новых началах, но в существе своем все-таки имеющих совпадающие черты, и поэтому находящихся соответственные отражения в своем культурном выражении (которого Фриче во всем его целом не касается), или, по крайней мере, что доказывается этой книгой,—находящих отражение в основных чертах искусства. Все важнейшие линии художественных вопросов затронуты в этой небольшой книге с изумительным блеском и исчерпывающей убедительностью. Мы видим здесь вопрос о развитии и падении искусств, о волнах искусства в отдельных странах, о том, как то одно, то другое из изобразительных искусств—архитектура, скульптура, живопись—поднимаются на поверхность и определяют собой другие изобразительные искусства. Мы видим перед собой проблему тематики, проблему конструкции, проблему господства в отдельных искусствах того или иного основного начала,—например рисунка или колорита в живописи. В одном случае, важном случае, Фриче заходит еще дальше и указывает на полную зависимость от социальных причин самого колорита почти до деталей, поскольку он не является излюбленным колоритом отдельного художника, а доминирующим колоритом эпохи. Когда те из нас, кто этим специально занимался, думал о такой задаче—нарисовать смену колоритов, как они возникали, начиная, скажем, с античной культуры, и сменялись различными красочными гаммами в произведениях групп и исторических художественных пластов, и дать им исчерпывающее марксистское, социологическое истолкование—голова кружилась и думалось: до этого мы еще не дозрели, это слишком трудно. Ведь здесь пришлось бы проанализировать факты весьма разнообразные, и уж конечно нельзя ограничиться основой основ, т. е. такого рода соображениями, что яркие краски соответствуют настроениям оптимистическим, а темные свидетельствуют об упадке настроения. Такие вещи можно встретить у Гёте и у других писателей, бросавших иногда блестящие социологические или социально-психологические блики света на эту область. Казалось, что к такой трудной проблеме еще подойти нельзя. А Фриче сумел подойти к ней и подошел с такой простотой, что я боюсь, как бы некоторые, не только старые, но и молодые ученые не подумали, что это слишком просто, чтобы, прочтя эту главу, они не сказали: об этом-то легко догадаться, это ясно, как день. Такое суждение было бы совершенно неправильно. Это—громадный сноп света в области искусства, марксистского света, и на этой работе можно учиться, как применять имеющиеся у нас знания, чтобы получить блестящие и плодотворные обобщения.

Когда я читал эту книгу Фриче, мне невольно напрашивалась мысль, что в разрешении этих проблем имеется какая-то необыкновенная грация. А Спенсер определял, что эта характеристика приходит нам в голову, это впечатление получается, когда трудовые процессы и движения происходят с наименьшей затратой сил. Впечатление именно такой необыкновенной грации, победоносной грации производит эта книга. Мне пришлось иметь беседу с буржуазным искусствоведам относительно этой книги. Он сказал: «Это первый абрис, это предисловие, введение, и у Фриче вероятно и знаний нехватило бы для того, чтобы сделать что-то большее, чем введение. Но введение сделано не плохо». Пусть это введение,—но сделанное на основе громадных знаний, великолепного синтеза, общего установления основ, поэтому оно приобретает огромное значение. И грация его получается не от легкомыслия, а, напротив, от чрезвычайной сосредоточенности мысли, от ее огромной насыщенности фактическим материалом. Само собой разуме-

меется, что эту вещь ни в коем случае не мог написать человек молодой. Нужна была вся зрелость того Фриче, которого мы видели в последнее время, может быть, нужна была сама революция и зарождавшийся ею энтузиазм, чтобы человек мог взяться за эту работу и так просто ее провести.

Я настаиваю, что эта книга—классическая и что мы еще недооцениваем, какой замечательный дар внесен этой книгой в область марксистской искусствоведческой мысли.

Очень много и других черт есть в этой замечательной книге. Во-первых, превосходнейшее знание буржуазной литературы. Фриче никогда почти не определяет эпоху своими словами—все подтверждает цитатами из наиболее ярких буржуазных писателей. Получается цветистая книга, где цитат чуть не 40%. Кого же он цитирует? Иногда Гаузенштейна,—можно сказать, что этот автор в некоторых работах на три четверти марксист. Но вы найдете у него также Мутера, Конвинера, Рейнака, даже Шпенглера. Каждый из них не только не марксист, а враг марксизма, и каждый из них пришел бы в ужас, когда бы узнал, что взяты лучшие его цитаты, лучшие проблески мысли его и других буржуазных мыслителей—те моменты, когда факты, помимо их воли, заставляют их говорить почти то же, что говорили мы, когда научная честность заставляет их высказывать бессознательно почти марксистские истины. Фриче заставляет буржуазных ученых,—отбросив шлак, фальсификации, взявши то, что в их произведениях настоящее, наиболее научное, наиболее синтетическое,—создать хор, который под его дирижерством поет о социологии искусства ту песню, которая нам нужна.

Ленин, подчеркивая необходимость критического усвоения буржуазной культуры, говорил в своей известной речи комсомолу, что Маркс должен был опираться на огромное количество отнюдь не марксистской литературы, ибо без этой литературы он не мог бы идти вперед. Конечно, дышать отравленной атмосферой буржуазной науки небезопасно. Но мы все же не стоим перед такой трагической дилеммой: либо мы не будем дышать ею и задохнемся от асфиксии, либо будем дышать и угорим от ее скверных газов. Наша марксистская натура такова, что мы можем подвергать себя воздействию буржуазной науки и не только не отравляться ею, но использовать ее для укрепления наших сил.

Пример такого использования дает нам Фриче.

Кроме чрезвычайной популярности, превосходного использования литературоведческого материала, иллюстративного материала, взятого у чуждых нам ученых, кроме ясности конструкции, нужно отметить еще одно большое достоинство книги—чрезвычайную широту взглядов. Фриче очень далек от того греха, который нам стараются навязать и в котором мы иногда можем быть повинны, но в очень незначительной степени, а именно—от греха некоторого схематизма. Схематизм этот объясняется желанием поскорее уточнить общесоциологические принципы, поскорее утвердить основные начала, главные линии; бывают случаи, когда тот или другой исследователь то, что не очень совпадает с этими линиями, что в конкретной действительности более загадочно или более трудно для объяснения, по существу игнорирует. Получается известная стройность, но купленная путем известной схематизации. Обыкновенно нас, марксистов, обвиняют в том, что мы именно так работаем. Если в отдельных случаях иногда по самой сути еще первоначальной работы может проявляться склонность к некоторой схематике, то она во всяком случае является

для нас далеко не типичной. Книги Фриче служат этому достаточным доказательством. Единство и выдержанность марксистского метода здесь поразительны. При всей широте взглядов Фриче его нельзя упрекнуть в эклектизме. Фриче пишет целую главу об ассимиляции классов. Он говорит, что кроме классовой борьбы существует чрезвычайно важное явление—классовая ассимиляция. Этим самым он отмечает одно из важных социальных явлений, которое у нас до сих пор иногда замалчивается. Дело в том, что почти никогда ни феодальные классы, ни буржуазия не создавали себе искусства сами, а создавали его через посредство особой прослойки, очень часто крайне демократического и трудового происхождения. Интеллигенция, о которой мы здесь говорим, в разные времена играет разную роль. И Фриче совершенно правильно говорит, что ассимиляция шла по разным руслам; иногда господствующий класс, импонируя своей силой и своим денежным и политическим влиянием, порабощал этих людей так, что они вынуждены были говорить то, что угодно было господствующему классу, но бывали и обратные явления—когда, против воли господ, в их собственной культуре, через этих художников говорила не только классовая директива, дававшаяся сверху, но и характерные проявления тех настроений, которые шли снизу. Фриче приводит только несколько примеров такого явления.

Саме собой разумеется, Фриче великолепно отдает себе отчет в том, что очень редко искусство данной эпохи представляет собой отражение идеологии одного класса. Класс находится в движении, в развитии, и искусствовед должен установить, в каком состоянии и в какой стадии развития находится класс, интересы которого отражает данное произведение. Но кроме того, почти всегда рядом имеется искусство других классов, более или менее второстепенных и угнетенных, иногда начинающих постепенно возрождаться, или уже вступающих в открытую борьбу и наносящих победоносные удары искусству господствующего класса. Конечно, последнее бывает накануне революции или накануне распада всего общества (в тех случаях, когда революция не происходит, и классовая борьба не приводит к новому порядку, а только к разложению всякого порядка).

В нашем литературоведении ведется спор, должен ли быть использован и принят во внимание конкретный исторический биографический материал. «Социология искусства», правда, в высшей степени общая книга, в которой автор совершенно не касается личности исследуемых художников, но она все же дает интересный ответ на этот вопрос. Возьмите, например, блестящий анализ Рубенса и Рембрандта (каждому из них отведено по полстраницы). Фриче говорит, что Рубенс представляет собою полностью отражение дворянства и богатой буржуазии, господствующих классов бельгийского общества в пору его высокого взлета, в пору его блестящего апогея. Рембрандт же, наоборот, является полным протестантом против своего собственного класса. Он уходит прочь от своей среды, ему нравится нищета, отбросы общества. Уходит он и в чистую фантастику, интересуется еврейским гетто Амстердама. В его полотнах необычайной сложности игра образов и красок. Что это? Переживания нидерландского буржуа? Нисколько. Это—переживания деклассированного артиста. Это, говорит Фриче, переживания такого мещанина, который, выйдя из ремесленной среды, силой своего таланта поднялся сначала очень высоко. Он женился на женщине из высшего класса буржуазии, отведал большого богатства, головокружительного блеска, но был опять низвергнут судьбой в нищету

и таким образом мог познать буржуазный строй в его противоречивости, в его внутренней полярности. Ясно, что такой характеристики Рембрандта нельзя дать, не зная фактов его биографии. Интересно, что, подходя к такому типу, даже в «Социологии искусства» оказалось очень полезным припомнить личные переживания художника, привлечь сюда основные факты его жизни, несомненно влиявшие на его творчество. Если бы Фриче писал монографию о Рембрандте, ему пожалуй пришлось бы еще больше использовать этот материал. Но, повторяю, несмотря на то, что его книга посвящена общесоциологическим установкам, а не истории искусства, Фриче проявил огромную широту взглядов в вопросе о том, что нужно учитывать и изучать и второстепенные закономерности. При этом книга отличается замечательным единством, ничто в ней не оказывается случайным, все нужно для того, чтобы указать необходимые моменты в развитии искусства, predeterminedные закономерным развитием самой экономики.

Фриче написал десятки журнальных и газетных статей и, несмотря на свою большую организационную работу, о которой говорил здесь Михаил Николаевич, несмотря на свою огромную и блестящую педагогическую работу, дал нам целый ряд зрелых и широко обобщающих учебников. В литературной работе он проявил изумительную разносторонность. Я надеюсь, что скоро мы приступим к изданию полного собрания сочинений Фриче. Это будет очень большим подарком для марксистской мысли и для всей нашей общественности. В этих трудах мы найдем не только ценные исследования и этюды о западно-европейском искусстве и литературе, но прекраснейшие этюды о русской литературе и ее историческом развитии, превосходнейшие страницы, посвященные Толстому, замечательный анализ Чехова и его общественно-литературных судеб (в статье, о которой я с гордостью могу сказать, что она является главной вводной статьей в собрании сочинений Чехова, выходящего под моей редакцией; эту статью я считаю лучшим, что было до сих пор написано о Чехове).

Фриче писал довольно много и по вопросам театра. Очень интересны его работы о Гольдони, Мольере и Шекспире, где он рассматривает их произведения как узловые, решающие пункты в развитии театра. Надо особенно подчеркнуть работу о Шекспире. Правда, не Фриче мы обязаны открытием подлинной личности Шекспира, но с наибольшей пожалуй убедительностью из всех тех, кто писал об этом, ему удалось доказать если не достоверность, то глубокую оправданность гипотезы Шекспира-Ретленда.

Михаил Николаевич в речи, которую он произнес у гроба Фриче, сказал, между прочим, что за несколько дней до своей смерти Фриче начал новую работу о Шекспире, за несколько часов до своей смерти о нем говорил и бредил Шекспиром. Это чрезвычайно характерный момент, ибо Фриче был убежден,—я знаю об этом также из личной беседы с ним—что если не все дороги, то очень много дорог ведет к Шекспиру и от него, что это величайший и сильнейший выразитель тех процессов, которыми сопровождается стихийное «линяние», стихийный переход от феодального к буржуазному обществу, и ни на ком с таким богатством нельзя изучать всю внутреннюю лабораторию этого перехода. «Выводы, которые можно будет делать,—говорил Фриче,—из настоящего марксистского обследования Шекспира, будут огромнейшие, и мы их сможем много раз применять к художникам переходных эпох». При этом им была сказана одна очень понравившаяся мне фраза: «Надо помнить, что величайшие литературы—это литературы переходных эпох».

Фриче умер, говоря о Шекспире—и кому придет в голову упрекнуть его в пассивизме? Думаю, всякий поймет, что в данном случае мы имеем дело с завоевателем, что пролетарская крепость, коммунистическая убежденность, партийная прямолинейность Фриче, его боевой дух, о котором все говорят, сказались великолепным образом и в этих экскурсах в прошлое. Он завоевывал для пролетариата эти ценности, и завоевывал не как мертвые музейные ценности, а как вечно живые начала; может быть не так важны сами произведения Шекспира, как познание Шекспира—социального явления и выводы из этого познания, которые будут светить нам в нашем дальнейшем строительстве.

Как боевой коммунист, как строитель социализма подошел Фриче к своей проблематике в области истории искусства, и никакого аматерства, эстетизма, отрыва от действительности у него не было. Конечно он любил искусство (нельзя иначе им заниматься) и признавал его важность, но, представьте себе, гораздо меньше, чем очень многие обыватели или очень многие люди, которые просто, не вдумываясь, говорят об искусстве: «О, искусство!»—и пишут его с большой буквы (смех). Фриче был уверен, что искусство займет в будущем, когда социализм будет приближаться к своему полному оформлению, весьма скромное место. Неоднократно Фриче говорил: «Социалистическое строительство заключается в том, чтобы переделать в высшее произведение искусства самую жизнь. Мы в жизни будем осуществлять то, что первоначально и гадательно называлось красотой, гармонией и другими хорошими словами. И когда это будет достигнуто, то искусству останется весьма скромная роль на втором, третьем плане: содействовать немного украшению и без того прекрасной жизни и в некоторой степени освещать те или другие процессы и без того очень светлые и ясные».

Но для того, чтобы это величайшее художественное дело было доделано, чтобы это величайшее художественное произведение действительно родилось, для этого нам сейчас нужна не только центральная художественная сила—коммунистическая партия и пролетариат, на который она опирается, и не только основная наша художественная работа,—все наше социалистическое строительство, в его политической, военной части, в хозяйственной части,—для этого нам нужно сейчас и искусство. Мы сейчас должны приглашать искусство не столько в качестве прекрасного гостя, сколько в качестве рабочего и солдата. Искусство у нас должно идти в рядах Красной армии; искусство, засучив рукава, с веселой песней должно работать рядом с каменщиками, которые закладывают первый этаж социализма. Для этого нам нужны и наши художники, а иногда и художники прошлого, которые могут, несмотря на то, что они физически умерли, оставаться нашими сотрудниками. И Фриче, хотя он несколько месяцев тому назад физически умер, остается нашим сотрудником. Я думаю, что его смерть, как смерть всякого большого человека, имеет в себе маленькую черту утешения—она заставляет оглянуться на человека, взвесить целиком его значение, представить его себе как синтетическую фигуру, подытожить его работу.

В этом смысле часто, когда прибавляется новая урна, мы можем сказать: еще один умер, еще один вошел в бессмертие.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИДЕИ В. М. ФРИЧЕ

В. Переверзев

В истории марксистской мысли Фриче занимает видное место, как основоположник марксистского литературоведения в России. До Фриче марксистского литературоведения как обособленной дифференцировавшейся области знания не существовало. Марксизм вошел в русскую жизнь как цельное мировоззрение, как всеохватывающий принцип миропонимания. Универсализм—характерная черта раннего марксизма. Это и понятно. Ведь дело шло не об углублении и продвижении вперед какой-нибудь отдельной отрасли знания, а о провозглашении нового мировоззренческого принципа и проведении его во все области знания. Ранний русский марксизм был синкретической идеологией, несшей в себе основу всех специальностей, но еще не дифференцировавшейся на отдельные области знания, не разделившейся на специальные дисциплины. Поэтому классики русского марксизма не были специалистами; они были всеобъемлющи, как все начинатели. «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник», писал Пушкин о Петре I. Это можно было бы сказать о каждом из классиков марксизма. Плеханов и Ленин универсальны. Их всеобъемлющий гений коснулся всего, революционно ниспровергая старые основания, закладывая краеугольные камни нового идеологического строительства, щедро разбрасывая фрагменты специальных построек в виде формул и положений частного и специального характера. Вот почему классики марксизма и являются универсальным источником марксистского наукостроительства, из которого пьют и всегда будут пить все марксисты, какой бы специальностью они ни занимались. Но классики неповторимы. Они были гениальными выразителями синкретической фазы развития марксизма. Дальнейшее развитие требовало дифференциации, обособления отдельных идеологических участков, выделения специальных дисциплин. На основе марксистского мировоззрения возникают специальные области марксистского ведения, появляется тип марксиста—специалиста, учёного: историка, экономиста, правоведа, искусствоведа, психолога и т. д. Фриче и был таким ученым, на основе марксистского миропонимания строившим специальную дисциплину—литературоведение. В истории марксизма он был первым специалистом-литературоведом. Ни Ленин, ни Плеханов, будучи марксистами универсального типа, не ставили специально литературоведческих задач. Даже Плеханов, в общем проявлявший значительный интерес к литературе, написавший

ряд блестящих критических статей, которые показывали огромные преимущества нового метода познания в применении также и к литературному материалу, строил свои статьи, оперируя общими, скорее идеологическими, чем специально литературоведческими категориями. Не имея сколько-нибудь разработанной системы специально литературоведческих понятий, он подходил к явлениям художественной литературы с такими категориями, которые применимы в равной мере и к исследованию явлений всех других видов идеологического творчества, например, философского, публицистического, научного. Эта общеприложимость рабочих понятий приводит к общеприложимости результатов исследования, к утере специфики объекта, к растворению собственно литературоведения в общем идеологоведении. Чтобы из идеологоведения родилась наука о литературе, нужно было выработать систему чисто литературоведческих понятий в соответствии со специфической природой объекта науки. Иначе выражаясь, чтобы вплотную подойти к художественной литературе, нужна была марксистская поэтика. В своей научной работе Фриче вплотную подходит к проблематике марксистской поэтики, четко намечая ее границы и задачи, выдвигая и освещая необходимейшие ее категории в качестве основных для литературоведа рабочих понятий. Углубляясь в разработку литературного материала, то в роли историка литературы, освещающего факты литературного прошлого, то в роли критика, освещающего злободневные явления литературы, Фриче все яснее сознавал, что для успешного исполнения этих ролей неотложно необходима марксистская социологическая поэтика: «Перед марксистским литературоведением стоит настоящая, неотложная, хотя и очень трудная задача—задача создания социологической поэтики—поэтики на марксистско-социологической основе», писал Фриче в «Вестнике Комкадемии» в своей статье о задачах социологической поэтики. Фриче прекрасно понимал, что марксистское изучение литературы невозможно ни на основе формально-эстетической поэтики, ни на основе поэтики исторической, которым в конце-концов совершенно чужда идея закономерности поэтических структур, являющаяся для марксистского литературоведения воздухом, без которого оно не может существовать. Социологическая поэтика и должна быть учением о закономерности поэтических форм. Она должна существовать именно потому, что ни в одной из старых поэтик такого учения не найдешь. И именно теперь ее существование стало возможным, потому что только марксизм открыл базу закономерности всех социальных явлений, в том числе явлений поэзии.

«Если догматическая поэтика давнего прошлого устанавливала известные правила, коим поэты обязаны были следовать в своем творчестве, если историческая поэтика XIX в. имела своим назначением вскрыть исторический генезис поэтических форм, то социологическая ставит своей целью обнаружить ту закономерность, которая существует в жизни этих форм... Устанавливаемая в этой области закономерность есть закономерность не имманентная, а каузальная, есть не что иное, как социологическая обусловленность поэтических форм»¹. Так определяет Фриче существо той новой поэтики, которая необходима для марксистского литературоведения, противопоставляя ее поэтикам прошлого. Совершенно очевидно, что в центре внимания новой поэтики должны стать такие категории, в которых полнее всего выражается закономерность литератур-

¹ «Проблемы социологической поэтики», «ВКА» кн. 17.

ных явлений. Одной из таких категорий—и притом наиболее существенной—Фриче справедливо считает понятие стиля. Центральной проблемой социологической поэтики и является проблема стиля: «Проблема стиля в последнее время стоит, несомненно, в центре внимания как искусствоведов, так и литературоведения,—писал он.—Проблема стиля является столь же несомненно кардинальной проблемой поэтики». Проблему стиля социологическая поэтика должна разработать как основное литературоведческое понятие. Это «наша первоочередная задача». «Если приглядеться к тому, что в последние годы делается в области литературоведения,—писал Фриче,—то нетрудно видеть, что с большой настойчивостью выдвигалась и еще продолжает выдвигаться на передний план исследовательской работы, как коренная и центральная, одна проблема—проблема стиля. Конечной целью исторической поэтики, истории литературы и социологии поэзии одинаково усматривается одна и та же по существу задача: построение истории и социологии литературных стилей»².

Марксизм в сущности всегда двигался к этой конечной цели, поскольку касался литературы. В качестве литературного критика, стремясь объяснить характер и все особенности художественного произведения из единого социального основания, марксист-критик всегда более или менее приближается к осмыслению его как явления стиля. Опирируется ли он категорией стиля или нет, она потенциально, в нераскрытом виде всегда заложена в его работе, если он только подлинный марксист. В своем выступлении на заседании в Комакадемии, посвященном памяти Воровского, Фриче, характеризуя его как литературного критика, говорил: «Как марксист, Воровский конечно понимал, что центральная задача в этой области заключается в том, чтобы показать, как художественный мир, созданный писателем, вырастает со всеми его особенностями из психологии писателя как представителя известной общественной группы, или, иначе говоря, в том, чтобы показать, как черты, свойственные писателю, как представителю известной социальной группы, неизбежно, помимо воли автора, предопределяют все его творчество, от выбора темы, героев, их трактовки, вплоть до литературной манеры и стиля»³.

Но понимать таким образом задачу литературного анализа—это и значит ставить ее как проблему стиля. Ведь по определению Фриче «литературный стиль—это органическое единство всех составляющих литературное произведение или сумму литературных произведений компонентов, как психо-идеологических (тематика, образы и т. д.), так и технологических (жанровых, языковых и т. п.), или иначе—органическое единство формы и содержания»⁴. Воровский как раз и видел свою задачу в раскрытии и объяснении этого органического единства. Сказанным о Воровском Фриче подчеркивает, что идея стиля заложена в идеологической системе марксизма, что, формулируя ее, он лишь следует до конца логике этой системы. Фриче неоднократно давал определение стиля, всякий раз подчеркивая, что содержание этой существеннейшей для литературной науки категории сводится к закономерности. Стиль как закономерность проявляется, с одной стороны, в том, что всякое художественное произведение представляет собой органическую структуру, все части которой объединены

² «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм» кн. 1, 1928.

³ «Памяти Воровского», «ВКА» кн. 5.

⁴ «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм» кн. 1, 1928.

связью необходимости, находятся в теснейшей взаимозависимости, являются разными сторонами некоторого единства.

«Что такое стиль?—писал Фриче.—Под этим термином следует очевидно понимать некоторый единый целостный организм, все части которого спаяны воедино внутренней закономерностью, или иначе и короче некий целостный закономерно построенный организм»⁵.

С другой стороны, стиль как закономерность проявляется в массовом явлении, в исторической повторяемости художественных структур, показывающей, что явление их не случайно, не зависит от прихоти и индивидуального каприза, а обусловлено действием каких-то общих причин. Может быть, нет лучшего аргумента в пользу социологического понимания литературы, как существование стиля. Факт стиля властно давит на сознание исследователя, вынуждая его признать, что база художественных явлений лежит не в личном сознании, а за его пределами—в объективных и именно социальных условиях. Марксист не может не использовать в качестве одного из основных литературоведческих понятий понятие стиля, которое так блестяще подтверждает основное положение марксизма, что ключ к пониманию литературных явлений лежит не в писателе, а в изучении общественного процесса. Это и делает Фриче, беря категорию стиля как рычаг, с помощью которого литературоведение легко переводится на социологические рельсы.

«Можно с чувством удовлетворения констатировать,—пишет он в одной из статей,—что по мере того, как проблема стиля входит в сознание исследователей, у последних вместе с тем крепнет убеждение, что стиль есть явление сверхиндивидуальное, результат внеиндивидуальных действующих сил»⁶.

Фриче убежден, что именно в понятии стиля, понятии глубоко антииндивидуалистическом, марксист найдет верное средство против рецидивов биографизма, расшатывающего устои научного литературоведения. Всяким сомнениям в возможности научного подхода к литературе, всем сторонникам чистого описания, отрицающим возможность каких-либо обобщений в отношении литературно-художественных явлений, Фриче противопоставляет понятие стиля, обобщающий характер которого совершенно очевиден. Факт стиля ставит вне сомнения возможность науки о литературе. Большую научную ценность в глазах Фриче имеет работа немецкого эстетика Гамана, посвященная импрессионизму, именно потому, что в основу ее положена правильно понятая идея стиля.

«При такой постановке проблемы стиля,—пишет Фриче,—устраняется из искусствоведения гегемония личности художника: его личный стиль—только вариант господствующего социального стиля,—падает старый предрассудок, будто художественный стиль есть нечто оторванное от жизни, нечто самодовлеющее, развивающееся по своим имманентным законам, а вместе с ним и другой предрассудок, будто явления художественного творчества, как совершенно индивидуальные, неповторяющиеся, могут быть только описаны в их единобытном существовании, иными словами, расчищается почва для научного изучения стилей в их социальной обусловленности и социологической повторяемости»⁷.

⁵ «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм», 1928, кн. 1.

⁶ «Проблемы социологической поэтики», «ВКА», кн. 17.

⁷ «К постановке проблемы стиля», «ВКА», 4.

Работа Гамана блестяще показывает, каким прекрасным орудием социологического осмысления является понятие стиля. Связь литературного факта с общественным процессом нагляднее всего прощупывается именно через стиль. Стиль, как принцип художественной организации, объединяет не только литературные явления, но и явления всех других искусств. Через стиль литература связывается со всей художественной жизнью общества. В то же время принцип организации художественных явлений оказывается принципом организации и всех других сторон общественной жизни: стиль искусства оказывается стилем культуры.

«Все стороны общественного бытия в каждую данную эпоху—экономика, политика, право, философия, религия, искусство—составляют одно целое, где отдельные части друг друга дополняют, причем это единство всех частей и сторон общественного организма закономерно обусловлено формирующим это единство одним основным началом—экспонимкой»⁸. Изучение литературного факта в плане стиля синтетически включает его в общий поток социальной жизни, наглядно вскрывает органическую связь его со всеми другими сторонами общественного процесса.

«Заслуга Гамана, по словам Фриче—в том и заключается, что он зовет к синтетическому изучению стиля не только во всех областях художественного творчества данной эпохи, но и во всех смежных областях духовной культуры, причем для него все-таки ясно—при всех его в этом отношении шатаниях и невыдержанности,—что стиль культуры данной эпохи есть лишь особое выражение социально-экономических факторов, которые, действуя и в другие эпохи, производят аналогичные идеологические последствия»⁹.

Опираясь категорией стиля, даже, Гаман, ничего общего с марксизмом не имеющий, становится на путь близких к марксизму построений. Этим достаточно убедительно демонстрируется, каким могучим орудием марксистского литературоведения является категория стиля. Ведь основной задачей марксиста-литературоведа, считающего литературу, как и всякую идеологию, «надстройкой» над «экономическим базисом», является раскрытие, полное и наглядное, связи литературных явлений с их экономическим основанием. Между тем связь эта нагляднее всего обнаруживается именно через стиль. Как мы уже видели, литературный стиль есть лишь часть стиля общественного. А это значит, что принцип стиля не является имманентно-литературным, не замкнут в границах литературного ряда, оказывается общим всем рядам культурного процесса, лежит в общем их основании, которым с марксистской точки зрения является производственная деятельность. «Если литературный стиль,—писал Фриче,—есть лишь часть стиля общественного, то очевидно формирующим это стилевое единство принципом является экономика, способ производства»¹⁰. Иными словами, та закономерность, которую мы называем стилем, есть лишь специфическое выражение экономической закономерности; художественный стиль оказывается лишь одной из сторон производственного процесса, инобытием экономики. Раскрывая понятие стиля, социологическая поэтика должна обнаружить в этой художественной категории ее экономическую сущность, соотнести категорию стиля с соответственной экономической

⁸ «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм».

⁹ «К постановке проблемы стиля», «ВКА», кн. 4.

¹⁰ «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм», кн. 1, 1928.

категорией: «Первая задача социологической поэтики,—по словам Фриче,—состоит в том, чтобы установить закономерное соответствие известных поэтических стилей определенным экономическим стилям»¹¹. Решая эту задачу, социологическая поэтика вырабатывает для марксизма такую литературоведческую категорию, без которой он не может сколько-нибудь удовлетворительно выполнить свою основную литературоведческую операцию—«найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления». Нельзя найти социологический эквивалент литературного явления, не зная той общей литературной категории, в которой эта эквивалентность выражается. Такой категорией и является стиль, потому что обусловленность литературного явления экономикой находит выражение именно в стиле, потому что стиль—это закономерность, переведенная с языка социологии на язык искусства. В понятии стиля социологическая поэтика дает марксизму его основную литературоведческую категорию, потому что перевод литературного явления с языка искусства на язык социологии, являющийся основной операцией марксистского исследования литературы, возможен лишь как обратный перевод закономерности стиля на закономерность экономического процесса. Открытие стиливых закономерностей с переводом их на язык социологии Фриче считает существеннейшей задачей социологической поэтики: «Существенная проблема, стоящая перед социологической поэтикой,—говорит он,—заключается в установлении известной социологической закономерности в процессе образования или формирования поэтического стиля и жанра»¹².

Ряд основных законов, наблюдаемых в жизни стиля, легко может быть выражен в терминах социологии, что показывает, как сильно облегчается перевод с языка искусства на язык социологии, когда литературовед пользуется в своих исследованиях категориями стиля. В жизни стиля действует закон «дифференциации», суть которого в том, что каждый стиль включает в себя ряд стиливых разновидностей. Закон этот является художественным эквивалентом того социологического закона, что в обществе, разделенном на классы, идеологические надстройки, в том числе и литературная, не связаны непосредственно с экономикой, а опосредствованы классом, дифференцированы в соответствии с классовой дифференциацией общества: «Не экономика непосредственно,—выражает эту мысль Фриче,—а классовая психология является тем началом, которое с неотвратимой неизбежностью организует все компоненты литературных произведений—тематику, образы, жанровую композицию, словесную оболочку и т. д.—в одно органическое целое»¹³. Поэтому освещение закона дифференциации стиля в связи с законами классовой дифференциации является столь же существенной проблемой социологической поэтики, как и разработка самого понятия стиля: «Вторая задача, стоящая перед социологической поэтикой, заключается в установлении закона дифференциации стиля в зависимости от наличия в данный исторический момент нескольких общественных классов, из которых каждый создает в лице своих писателей свою поэзию»¹⁴. Кроме закона дифференциации, Фриче берет ряд других наиболее общих закономерностей в сфере стиливой жизни, также переводя их на язык социальных закономерностей.

¹¹ «Проблемы социологической поэтики», «ВКА», кн. 17.

¹² «Проблемы социологической поэтики», «ВКА», кн. 4.

¹³ «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм», кн. 1, 1928.

¹⁴ «Проблемы социологической поэтики», «ВКА», кн. 17.

«В области формирования стилей и жанров можно констатировать несколько основных закономерностей,—пишет он в статье «Проблемы социологической поэтики».—Первый закон—это закон подражания. Новый класс, строящий свою поэзию, заимствует известные стилиевые и жанровые образования у того же класса другой страны в настоящем или даже в отдаленном прошлом там, где этот класс раньше успел экономически и социально и культурно конструироваться... Наряду с законом подражания в процессе формирования стилей и жанров действует другой закон—закон противопоставления. Класс формирует свои стили и жанры как противоположность, как антитезу стилям и жанрам того класса, который до него был господствующим и который теперь все более оттесняется на задний план... Это закон выворачивания восходящим классом наизнанку стиля и жанра недавно господствовавшего класса... Оба эти закона—закон подражания и закон противопоставления,—играющие решающую роль в процессе формирования новым классом своих стилиевых и жанровых образований, не являются однако законами, действующими суверенно в мире самих литературных форм, а привносятся в область поэтического творчества диалектикой социального развития, в конечном счете и по существу борьбой классов... Наряду с законом подражания и законом противопоставления в жизни стилиевых и жанровых формаций можно отметить еще закон трансформации классового стиля под влиянием стиля другого класса, социально крепнущего и опережающего своего антагониста»¹⁵. Таковы законы, которые действуют в процессе образования стилей, являющиеся лишь специфическим проявлением законов, управляющих соотношением и борьбой классовых групп. В то же время такие общие законы социального развития, как закон эволюционных и революционных изменений сложившихся общественных формаций, проявляются также в жизни стилиевых образований, чем лишний раз подчеркивается несамостоятельность, социальная обусловленность стилиевой эволюции и «надстроечный» характер литературных явлений. «Развитие стилиевых и жанровых формаций,—пишет Фриче,—идет или резкими скачками или медленными изменениями, путем или «революционным» или «эволюционным». Развитие поэтических форм идет «скачками» в тех случаях, когда в производстве происходят резкие сдвиги или когда на смену одному классу идет другой, или наконец и тогда, когда в психологии класса в силу внешних причин происходят существенные и резкие перемены. Развитие поэтических форм идет, напротив, путем частичных изменений, «эволюционно», когда в экономическом базисе, в классовой структуре и в психологии класса царит сравнительная устойчивость и нет места значительно существенным изменениям и потрясениям»¹⁶.

Изучая литературный процесс в стилиевом плане, мы без особенных усилий воспринимаем его диалектический характер. Закон диалектики, по которому всеобщей формулой движения является противоречие, чрезвычайно наглядно проявляется в движении стилей.

«Развитие и движение художественной надстройки,—писал Фриче,—совершается преимущественно антитетично—и только в этом смысле диалектически, выражая и отражая в своей области и своими формами борьбу классов и внутриклассовых групп. И у нас нет основания отступать от этой, данной еще Плехановым, схемы диалектики жизни надстроечных

¹⁵ «Проблемы социологической поэтики», «ВКА», кн. 17.

¹⁶ «Проблемы социологической поэтики», «ВКА», кн. 17.

областей»¹⁷. О необходимости диалектики при изучении явлений искусства и литературы говорил еще Плеханов. Однако до сих пор в литературоведческой практике марксизма могучее познавательное орудие диалектического метода почти не находит применения, быть может потому, что диалектика литературного процесса вне стиливого плана почти не поддается обнаружению. Пользование категорией стиля делает сравнительно легким делом это обнаружение и властно толкает исследователя к применению диалектического метода в литературоведческой работе. Убедительно показывая, что категория стиля открывает широкий простор применению диалектического метода в литературоведении, Фриче с тем большей настойчивостью требует от марксистов, работающих в области литературного исследования, диалектического подхода к изучению литературных явлений. Он пишет в статье «К юбилею Плеханова»: «Диалектический характер литературных и художественных явлений обнаруживается прежде всего в их внутренней противоречивости, в том, что Ленин называл тождеством или, вернее сказать, единством противоположностей, признанием или открытием противоречивых, взаимно исключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы и духа и общества в том числе». Таким внутренне противоречивым характером, обусловленным как динамическим процессом класса и групп, так и взаимовлиянием их в данной исторической обстановке, обладают если не все, то очень и очень многие литературные и художественные явления... Плеханов не обратил достаточно внимания своих учеников и будущих последователей на это важнейшее явление в жизни литературных и художественных организмов и на необходимость, выражаясь словами Ленина, открывать анализом это единство противоречивых тенденций во всех явлениях и процессах общества, в том числе и литературно-художественных... Именно на эту важнейшую методологическую проблему надлежит ныне обратить серьезнейшее внимание не только потому, что исследование с этой точки зрения отдельных литературных фактов, явлений и формаций, равно как и построение на этой базе истории литературы, воспроизведут эти явления и эти процессы в их подлинном живом бытии, но и потому еще, что сознание противоречивого характера этих явлений и процессов как отражение и выражение в искусстве, с одной стороны, динамических внутриклассовых сдвигов, а с другой—взаимовлияний классов явится надежным оплотом против опасности превращения марксизма в слишком механическую концепцию истолкования литературно-художественных явлений и процессов»¹⁸.

Конечно, Фриче не является новатором, пропагандируя диалектику в литературоведении. Но та постановка диалектического исследования, какую дает Фриче, ставя в центре исследовательского внимания явление стиля, является, несомненно, новой и чрезвычайно плодотворной. Можно смело сказать, что только в такой постановке диалектика становится литературоведчески действенной, что своей постановкой Фриче решительно переводит литературоведение на диалектические рельсы.

Выдвигая в качестве основоположной литературоведческой дисциплины социологическую поэтику, Фриче считает венцом литературоведения литературную критику. Лишь в критике находят практическое приложение истины, добытые литературной наукой. Только через критику литерату-

¹⁷ «Проблемы диалектического развития искусств», «ВКА», кн. 21.

¹⁸ «К юбилею Плеханова», «Литература и марксизм», кн. 3, 1928.

роведение приобщается к жизнестроительству и осуществляет свою общественную стоимость. Наука, лишенная практического значения, оторванная от жизнестроительства—мертвая, никому ненужная наука. Возникшее исторически из запросов критики марксистское литературоведение должно всегда иметь в виду эти запросы. В критике лежит корень нашей науки, и нельзя, если не хочешь засохнуть, отрываться от корня. Отрываясь от критики, марксистское литературоведение неизбежно вырождается, превращаясь в академически засушенную мумификацию марксизма—в катедер-марксистское литературоведение, эту жалкую пародию на марксизм. Фриче всячески старается предупредить и предостеречь литературоведов-марксистов от этого академического вырождения. «Но прошлое,—пишет он,—не должно и не может нас занимать как прошлое. Оно не имеет для нас самодовлеющего значения. Мы не пассажиры, а люди современности, не созерцатели, а практики. Наука для нас только средство организации жизни. История и социология литературы, понятия в смысле истории и социологии стилей, являются для нас лишь тем базисом, на основе которого возможно будет построить подлинную научную литературную критику, применяющую добытые на историческом материале положения и законы к освещению литературной современности»¹⁹. Марксистское литературоведение, будучи насильственно пронизано научным духом, не может не заключать в себе огромной критико-публицистической зарядки, потому что подлинная научность общественно-утилитарна, а критико-публицистическая направленность есть только выражение этого утилитаризма. Всей своей литературоведческой практикой Фриче показывает важность критико-публицистической стихии для марксистского литературоведения. В его работе академическая ученость диалектически претворяется в публицистическую критику, чтобы затем вновь претвориться в академическую ученость. Свое убеждение в служебной роли литературоведения в отношении критики Фриче выразил в заостренной форме в предисловии к сборнику «Заметки о современной литературе», где он писал: «Это отклики на новинки художественной литературы. Написаны они не в литературоведческом плане. Ни один писатель не рассмотрен во всем объеме его творчества... Всесторонний анализ литературного произведения, научно поставленный, требует много работы, т. е. многого времени, которого не было у автора, обязанного быстро откликнуться на художественные литературные новинки. Заменять же научный анализ кустарничеством не позволяла, естественно, некоторая причастность автора к науке о литературе. Но и помимо этого автор не намеревался выступать в роли спеца-литературоведа. Он подходил к литературным произведениям как публицист и большевик, по мнению которого задача в литературе в наше время заключается в том, чтобы организовать психику читателя в направлении к построению социалистического общества и социалистической культуры. Так как наша художественная литература пропитана в значительной степени мелкобуржуазными настроениями и мелкобуржуазной идеологией и так как она далеко не в нужной мере ведет борьбу против мешанской стихии во имя социалистического человека и социалистической морали, то эту обязанность пришлось брать на себя автору, и он взял ее на себя тем охотнее, что по его давнишнему убеждению—жизнь важнее искусства, и искусство мыслится им лишь как орудие организации жизни»²⁰.

¹⁹ «Наша первоочередная задача», «Литература и марксизм», кн. I 1928.

²⁰ «Заметки о современной литературе», предисл., Гиз, 1928.

Настаивая на том, что марксистская наука о литературе необходимо включает в себя критико-публицистическое начало, Фриче подчеркивает, следуя за Плехановым, что и марксистская публицистическая критика таит в себе подлинно научную зарядку. Он борется против академически-пренебрежительного отношения к марксистской публицистической критике, в которой больше подлинной научности, чем в оторвавшемся от жизни засушенном кафедр-марксистском литературоведении. В речи о Воровском он говорит: «Но и как публицист наш критик все же оставался человеком научной мысли, ибо он был марксистом, а уже Плеханов указал, что есть большая разница между либерально-публицистической критикой и марксистской публицистической критикой, которая не перестает и как публицистика быть научной. Поэтому в статьях т. Воровского не только поход против идеологов и литераторов неприятельского класса, но и очень тонкие психологические очерки об интеллигенции, которую он разбивает на разные группы, показывая, как вместе с изменением социальной действительности, изменением положения самой интеллигенции, неизбежно меняется их психология, которая поэтому не может быть иной. И совершенно понятно, что, стоя на своем сторожевом посту, на который его выдвинул рабочий класс, наш критик зорко всматривался в жизнь в надежде увидеть, не идут ли на смену писателям буржуазной интеллигенции творцы иного происхождения, не зарождается ли, наконец, литература пролетарская»²¹.

То, что Фриче сказал здесь о критике Воровском, может быть с некоторой перефразировкой сказано о нем самом. Он был ученым в подлинном значении этого слова. Но и как ученый он все же оставался человеком публицистической мысли, ибо он был марксистом. И он, подобно Воровскому, стоял на том сторожевом посту, на который его выдвинул рабочий класс, уверенной рукой ученого-литературоведа расчищая путь наступающей пролетарской литературе.

²¹ «Памяти Воровского», «ВКА», кн. 5.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ В. М. ФРИЧЕ

И. Нусинов

I

В одной из своих работ последних лет Владимир Максимович писал, что любая наука и в том числе наука о литературе должна быть средством созидания жизни. В слова «созидание жизни» В. М. вкладывал не общий идеалистический, метафизический смысл, а конкретное революционное содержание—строение социалистической жизни.

Эту мысль он особенно отчетливо высказал дважды, когда шла речь о двух революционерах-литературоведах: о Воровском и о Меринге. Отмечая, что статьи Меринга не являются статьями исследовательского типа, В. М. говорил, что это никак не уменьшает их значения, ибо «на них лежит печать воинствующего материализма. Ко всем литературным проблемам и явлениям Меринг подходит не как литературный критик, а как идеолог пролетарской борьбы»¹.

Точно так же в своей речи, посвященной памяти т. Воровского, констатируя, как «трудно, подчас невозможно для критика-марксиста в эпоху пролетарской борьбы быть исследователем, ибо для этого у него нет ни времени, ни прочих внешних условий», В. М. указал как на основное достоинство Воровского на то, что «на свою работу литературного критика он смотрел, как потом на свою дипломатическую миссию, именно, как на боевое служение своему классу».²

Условия политической борьбы часто лишали необходимых «времени и внешних условий» для исследовательской работы и самого Вл. Макс., по он был литературоведом и искусствоведом по преимуществу, и всегда оставался не только литературным критиком, но и исследователем.

Однако с первых критических опытов и до самых последних исследований и статей он пользовался своим пером лишь в целях «созидания социалистической жизни», лишь как средством «боевого служения своему классу».

II

Владимир Максимович еще совсем юношей пошел своей дорогой. Когда ему было 15 лет и его отец немец, служивший в Москве бухгалтером, уезжал с семьей на свою родину в Германию³, В. М. отказался по-

¹ «Печать и революция» № 5-6, 1925, с. 23.

² «В.К.А.», кн. 5, 1923, с. 187.

³ Все факты биографического характера взяты из краткой биографии Владимира Максимовича, написанной Любопыю Алексеевной Фриче.

следовать за своей семьей и остался один в Москве. Своим трудом он стал зарабатывать себе на жизнь и самостоятельно прокладывать свой жизненный путь.

19-ти лет он поступил в Московский университет на историкс-филологический факультет, где изучал сначала классическую филологию, а затем западную литературу. Его исключительные способности дали ему возможность скоро выдвинуться. За работу о «немецком романтизме и его влиянии на русский» он получил серебряную медаль: патриотические чувства профессоров не допускали, чтобы немцу дали золотую медаль. В. М. был оставлен профессором Н. И. Стороженко при университете по кафедре всеобщей литературы, и перед ним открывалась возможность блестящей академической карьеры; надо было только следовать по дороге, проложенной кафедральными учеными.

Либеральные профессора тогда были в меру талантливы, в меру учены и даже в меру революционны. Человек, который в прошлом был кость от кости этой среды, Андрей Белый, сам профессорский сын, недавно в своих мемуарах «На рубеже двух столетий» рассказывал, как эти профессора, «апостолы гуманности», мнили себя божками, которым предначертано судьбой распоряжаться не только своей аудиторией, но и страной. Не сегодня-завтра страна призвет их и вручит им власть.

Но эти ученые и их политические пути не соблазняли В. М. Не манила его ни перспектива унаследовать их кафедры, ни надежда разделить с ними их власть. Да и мало он верил в их грядущую власть и совсем уже не верил в их гуманность и апостольство.

Он больше интересовался той наукой, которая зарождалась за стенами университета и которая в самом университете ютилась в потайных уголках.

Ко времени поступления Вл. Макс. в университет аполитизм, господствовавший среди студенчества в 80-х гг., еще только начал изживать себя. Однако в начале 90-х гг. Вл. Макс. уже состоял в студенческом литературном кружке. В него входили, помимо Вл. Макс., В. Я. Брюсов, К. Бальмонт, П. С. Коган и В. М. Шулятиков. Последний, будучи уже связан с социал-демократическим движением, и явился политическим крестным отцом. Вспоминая за несколько дней до смерти о В. М. Шулятикове, Вл. Макс. говорил, что он указал ему путь к социал-демократии, к марксизму.

За стенами университета уже чувствуется приближение первой революционной волны. И Вл. Макс. идет ей навстречу. Он сознает, что задача его жизни—содейство торжеству класса, идеология которого стала его идеологией. Но Вл. Макс.—литературовед, искусствовед: литературоведение и искусствоведение он делает своим основным средством для осуществления поставленной себе цели, пользуясь им, как главным и наиболее доступным ему оружием социальной борьбы.

III

С конца 90-х гг. начинается преподавательская деятельность Вл. Макс. в средней школе: во 2-й женской гимназии, Александровском коммерческом училище и реальном училище Фидлера. В 1904 г. он сдает магистерский экзамен и с осени 1904 г. начинает читать лекции в Московском университете.

Сперва в средней школе, а затем и в университете его преподавательская деятельность оканчивается одинаково печально или вернее для ученого-революционера одинаково славно: начальство его изгоняет. По тем временам это было совершенно неизбежно. Средняя школа не шла дальше Фонвизина и Жуковского, а молодой преподаватель стал читать юношеству лекции о декабристах, Герцене, Чернышевском и Писареве. Увлеченные его лекциями юноши заучивали наизусть Шиллера и Гейне. И страшно сказать, он стал давать им писать сочинения не о «Недоросле» Фонвизина, а о босях М. Горького. Он впервые, вероятно, в стенах русской средней школы упоминает имена Маркса, Энгельса, Лассалья и излагает их учение.

О революционизирующем влиянии его преподавания можно судить по случайно сохранившимся письмам его бывших учеников и учениц. «Ваши темы,—пишет ему один коллектив учащихся после его изгнания из учебного заведения,—заставили нас подумать над многими общественными вопросами и научили нас мыслить в совершенно новом направлении».

То же самое, но в более значительных размерах повторилось, когда он начал преподавать в университете. Его имя было тогда уже хорошо известно Москве по его критическим статьям и публичным лекциям. Но в университете для университетских божков он был лишь заурядным начинающим доцентом. Ему предоставляют маленькую заброшенную аудиторию № 7 в новом здании университета, и он объявляет свой курс: «Немецкая литература накануне мартовской революции». Этот курс является необязательным для студентов, но с первых же лекций оказывается, что маленькую аудиторию № 7 можно сохранить для тех «великих ученых», на лекциях которых бывает лишь десяток дежурящих студентов, и молодого лектора студенческая волна переносит в богословскую, ныне Коммунистическую аудиторию.

Русские либеральные профессора любили использовать темы западных буржуазных революций для проповеди конституции в России. Вл. Макс. не ограничивается этой куцей либеральной идейкой. О своем курсе немецкой литературы он имел право повторить то, что он впоследствии сказал о работах Меринга, также посвященных немецкой литературе.

Меринг, как писал Вл. Макс., ставил себе три задачи:

«Показать немецким рабочим, что буржуазная литература Германии достигла большой и художественной высоты, когда буржуазия была восходящим классом, что она стремительно пала и в идейном и в художественном отношении, когда буржуазия, став классом господствующим, сама ушла с головой в свои копейные интересы, а писателей заставила служить тем же узко-классовым интересам».

«Разбить те «плутовские легенды», которые буржуазия плела вокруг тех или иных крупных писателей в своих классовых интересах».

«Показать немецким рабочим, что ценного содержится в старой немецкой литературе, как использовать это «наследие»⁴.

Выполнение этих задач являлось для Вл. Макс. средством к выполнению основной задачи дня: учиться на опыте германской революции 1848 г., как надо готовиться к русской революции 1905 г.

Его лекции захватывали аудиторию, и она заполнялась студентами других факультетов, внеуниверситетской революционной молодежью и

⁴ «Печать и революция» № 5—6, 1925, с. 23—24.

рабочими. Его лекции превращались в демонстрации, которые врывались из стен аудитории в университетский двор, а подчас и на Моховую улицу.

В 1904 г., а тем более в 1905 г. среди интеллигенции было немало охотников заигрывать с революцией и на революции заработать себе популярное имя. Но все эти господа столь же поспешно отходили от революции, когда она теряла свою популярность в их буржуазной интеллигентской среде. Вл. Макс. всегда был полон необычайного презрения к ним. Он не искал популярности через революцию, но его постоянной заботой была популяризация идей революции как в годы общественного подъема, так и в годы реакции.

Его последующие курсы «История русской интеллигенции», «Новейшая западная литература», «Европейская литература XIX в.», которые читались им уже после революции 1905 г., были насыщены тем большей непримиримостью, чем больше кругом шел идейный и литературный распад. О характере его курсов, об их общественном резонансе можно судить по тому, что известный черносотенец, депутат Государственной думы Пуришкевич писал на Вл. Макс. доносы в Министерство народного просвещения и, выступив в 1910 г. в Государственной думе по вопросу о положении в университете, особенно обрушился на Вл. Макс. за его «развращающее влияние на студенчество».

Эта травля Вл. Макс. привела к тому, что в 1910 г. ему пришлось уйти из университета. Начальство и реакционная профессура торжествовали. Никто из них не подозревал, что изгнанный из университета за служение революции молодой доцент будет через семь лет возвращен туда победоносной революцией с тем, чтобы уже до конца жизни оставаться бессменным руководителем литературного отделения.

IV

С конца 90-х гг. Вл. Макс. начинает выступать в качестве публичного лектора перед рабочей аудиторией. Он читает на Пречистенских курсах для рабочих. Прошлой весной, во время одного выезда Секции литературы и искусства Коммунистической Академии на фабрику «Серп и Молот», где Вл. Макс. выступил с докладом о современной немецкой пролетарской литературе, нам пришлось услышать восторженные воспоминания одного старого рабочего об этих лекциях Вл. Макс. на Пречистенских курсах. Старик рабочий рассказывал, как на заре организованного рабочего движения молодой Фриче через литературные образы впервые разбудил в нем сознание необходимости организованной рабочей борьбы.

Будучи блестящим оратором, обладая большим темпераментом, Вл. Макс. скоро приобрел широкую популярность как лектор. Он умел зажигать и увлекать аудиторию правдой своих слов и воодушевлять ее на действия, к которым звали его слова.

Даже буржуазные газеты, которые всячески его травили, должны были признать его исключительные качества как оратора: «Он привлекает даже своей, на первый взгляд могущей показаться дефектом, нервозностью», «в его аудитории не место скуке» — таковы вынужденные признания врага.

О чем бы он ни читал, любая его лекция была прежде всего призывом к революционной действительности. И его призыв доходил до слуша-

теля. Его лекции систематически превращались в революционные манифестации. Одна из его публичных лекций в Историческом музее в конце 1903 г. даже закончилась тем, что его слушатели вышли на улицу с пением революционных песен, и был вызван наряд полиции. То была одна из первых уличных демонстраций в Москве, и, поскольку нам известно, — единственной уличной демонстрацией, толчком для которой послужила литературная лекция.

Популярность Вл. Макс. скоро выходит далеко за пределы Москвы, и он, получая приглашения из различных городов, выступает со своими лекциями в Н.-Новгороде, Самаре, Саратове, Ярославле, Казани, Керчи, Симферополе, Севастополе, Уфе, Минске и в целом ряде других городов. Но чем больше был успех его выступлений, тем больше было репрессий. Лекции под невиннейшими академическими заглавиями: «Новейшая русская драма в связи с развитием театра», «От морали к эстетике», «Гольдони и его время» превращались в политические манифестации, и вслед за ними следовали распоряжения градоправителей, запрещающие Вл. Макс. вторичный въезд в вверенный данному градоправителю город. Саратовский губернатор, обжегшись на разрешении одной лекции Вл. Макс. в 1903 г., на просьбу разрешить вторую лекцию так и заявил: «Фриче больше лекций не разрешу, даже если он читал бы из области географии, и присутствие его в Саратове считаю недопустимым».

В начале 1905 г. Вл. Макс. сообщая с М. Н. Покровским, И. И. Степановым-Скворцовым, Михайловым, Дауге, Мицкевичем и др. вошел в лекторскую группу при МК РСДРП(б) и начал систематически выступать по заданиям МК с легальными и нелегальными лекциями в Москве и близлежащих городах: в Твери, Туле, Коломне, Серпухове, Егорьевске. Довод с этих лекций шел в финансовую комиссию МК.

За Вл. Макс. в те годы уже была установлена систематическая слежка, которая не ослабевала вплоть до Февральской революции. Наряду с полицейскими мерами слежки и запрещения лекций была пущена в ход система организованного срыва его лекций при помощи черной сотни. Так, например, в Серпухове только благодаря вмешательству боевой дружины партии удалось предотвратить нападение черной сотни.

В своей лекторской деятельности еще резче, чем в университетской педагогической работе, Вл. Макс. выявил себя как революционер. То не было либеральным культуртрегерством. То была борьба за революцию пролетарскими методами, борьба за марксизм, в условиях, когда самое слово «марксизм» было под запретом.

В самарской газете по поводу лекции Вл. Макс. «Новейшая русская драма в связи с развитием театра», мы читаем: «Примыкая по своему мировоззрению к направлению, к которому в литературе принадлежит А. В. Луначарский, А. А. Богданов, Базаров, Степанов, Потресов и др., В. М. Фриче подходит к определению задач театра с точки зрения общественных групп, которые в силу сложившихся условий являются носителями прогресса во всех областях общественной жизни и которым принадлежит будущее». Таким языком газеты вынуждены были писать о марксизме, о рабочем классе в 1913 г., когда уже началось новое оживление в стране.

По поводу его лекции «От морали к эстетике» газета «Минский голос» характеризует В. М. Фриче как «блестящего изобразителя и обличителя нравственного и эстетического распада западно-европейского общества» (читай: «капитализма» — Н. Н.).

Но через преграды цензуры доходит живое, революционное марксистское слово Вл. Макс., и либеральная московская газета «Раннее утро» так передает содержание лекции Вл. Макс. «От морали к эстетике»: «Бодрая, когда-то воинствующая, жаждавшая общей свободы и счастья буржуазия мало-по-малу превратилась, по мнению лектора, в паразитический, безвольный, бездеятельный класс, и естественно, что в художественной литературе, служащей отражением живой действительности, место морального романа Золя занял эстетизм О. Уайльда, д'Аннунцио и Г. Манна. Порожденное классом, который утерял свою творческую роль в жизни общества, эстетическое мирозерцание носит на себе все присущие ему черты пассивности и безжизненности. И только грядущий великий художник, которого даст нам борющийся класс, вернет, по мнению лектора, эстетизму недостающую ему активность». Та же четкая классовая постановка и в лекции о театре и драме. Изображая кризис современного театра и драмы, критикуя реакционную утопичность идеи Вячеслава Иванова о драме-мистерии, В. М. видит «единственное спасение театра в том, чтобы стать народным (читай: «пролетарским» — *И. Н.*). Что же касается драмы, то она должна снова сделаться драмой динамистической, драмой действия и противодействия, и покоиться не на слабых психически персонажах, а на мужественных, жизнеутверждающих, а не жизнеотрицающих, смело глядящих вперед» («Волгарь»).

Более сочувственно относящийся к марксизму «Нижегородский листок» пишет: «В живом блестящем изложении лектора перед аудиторией развернулась вся история театра за последнюю четверть века. Все схемы Фриче были построены на точке зрения общественного уклада социально-политических отношений (читай: исторического материализма — *И. Н.*). Здесь схеме т. Фриче нельзя было отказать в продуманной стройности».

Позволим себе несколько продолжить цитату, чтобы стало ясно, как В. М. и в годы реакции умел не только отстаивать свои революционные позиции, но как он во имя этих позиций резко выступал против признанных тогда авторитетов.

«Несколько запальчиво, пожалуй, — пишет газета, — лектор отнесся к Художественному театру, называя его театром буржуазии, капиталистическим, хотя, впрочем, он совершенно верно указал на игнорирование «художниками» драмы социальной, где происходит борьба политических партий. Сурово отнесся лектор к попыткам Мейерхольда, видя у последнего искреннее желание сделать актера-марионетку».

Последовательная революционная линия была в чередовании лекций о явлениях упадочных, которые надо преодолеть, с лекциями, популяризирующими революционных писателей. Такова, между прочим, его много раз повторенная лекция «Поэты из народа», лекция, которая в годы всеобщего увлечения модернистами и эстетам была не только откровением по своему материалу, но и дерзновенным вызовом.

Революционный марксист, который в годы реакции продолжает с такой решительностью и непримиримостью свою борьбу, скоро создает против себя единый фронт, от буржуазно-кадетской печати до царской цензуры, неотступно следующих за ним охранников и готовых напасть на него из-за угла черносотенных дружинников. Цензура заставляет передавать его мысли эзоповским языком, образцы которого приведены выше. Начальство все чаще и чаще запрещает его лекции.

Вот несколько заметок из газетной хроники только за зиму 1913/14 г.: «На 9-е февраля назначена была лекция В. М. Фриче «О современной женщине». Московский Градоначальник не разрешил этой лекции» («Русское Слово»).

«Бал вместо лекции. Минск. Вследствие воспрещения лекций Фриче Пушкинская библиотека устраивает танцевальный вечер» («Русские Ведомости»).

«16 марта В. М. Фриче предполагал прочитать в электротeatре «Вулкан» лекцию о М. Горьком. Лекция не разрешена администрацией» («Русские Ведомости», 15 марта 1914 г.).

Но те же самые либерально-буржуазные газеты, которые печатали оппозиционные заметки по поводу неразрешенных лекций В. М. и которые не могли не признавать его исключительных знаний и дарования. систематически поносили его, когда ему удавалось прочитать свои лекции.

Два примера.

В связи с постановкой в МХТ «Хозяйка гостиницы» Гольдони—В. М. читает лекцию «Гольдони и его время». Лекция такой содержательности и ценности, что вся московская пресса пишет о ней. Но до чего различны оценки! Более демократическая газета «Раннее Утро» отмечает как положительную сторону лекции то, что В. М. выяснил, что комедии Гольдони—«манифесты трудовой демократии XVIII века». Даже «Утро России» признает, что «содержательная лекция имела успех». Но уже «Русское Слово», хотя и посвящает этой лекции целый столбец и признает, что «публика внимательно прослушала живую лекцию», в явном противоречии с собственным отчетом утверждает, что «лекция недостаточно разработана» и пренебрежительно отмахивается: «Лектор обрисовал Гольдони как борца трудящихся масс, не коснувшись его значения для театра». И, наконец, правокупеческий «Голос Москвы» пишет: «Когда лектор рисует картины нравов этой интересной эпохи, рассматривает социально-экономический уклад и т. д., все эти места интересны, но стоит ему перейти к обобщениям и выводам, и сейчас чувствуется их несостоятельность». Не мудрено—эти выводы были революционными, а обобщения—марксистскими.

Этот секрет особенно обнаруживается, когда В. М. выступает с лекцией «От Чернышевского к «Вехам». Здесь уже Вл. Максимович нашел поддержку почти только в «Студенческом Слове», вся буржуазная печать резко обрушилась на него.

«Студенческое Слово» пишет: «В идеологии Чернышевского г-н Фриче находит черты, характеризующие его как предтечу русского марксизма». «Авторы «Вех» сожгли все, чему поклонялся Чернышевский», и «поклонились всему, что он сжигал». Интересная лекция собрала почти переполненный зал. Аудитория встретила и проводила лектора аплодисментами». «Раннее Утро» тоже свидетельствует, что это была «интересная лекция, собравшая полную аудиторию Политехнического музея».

Но «Утро России», признавая, что «молодежь встретила популярного лектора дружными аплодисментами», с наглой лживостью утверждает: «Публики собралось не особенно много, лекция, продолжавшаяся очень недолго, ничего нового и оригинального не дала и сильно всех разочаровала».

А сытинское «Русское Слово» откровенно злобно заявляет: «Вся лекция шита белыми нитками. И Чернышевский как фон «Вех» не выдерживает критики; и о «Вехах», как измене всей демократической интеллигенции заветам славного прошлого, можно спорить. А главное—эта пред-

взятая, выученная на зубок марксистская доктрина исторического развития бьет в глаза своей банальностью».

Вот эта самая ненавистная «марксистская доктрина», которой В. М. руководился во всем своем общественном поведении, и была причиной той атмосферы травли, которая скружала В. М. до революции. И если, несмотря на всю эту обнаженную классовую злобу, имя В. М. все же стояло в центре литературной жизни, то обязан он был этому только своим исключительным качеством оратора, лектора и той моральной правде, той силе убежденности, которые были в каждом его слове.

V

Для послеоктябрьского читателя В. М. был главным образом критиком, историком и методологом литературы и искусства.

По существу, эта его деятельность для него всегда была основной. Он начал печататься в 1897 г. в журналах «Русская Мысль», «Мир Божий», в газете «Курьер», вокруг которой одно время группировались марксисты. Позже он был среди основных сотрудников всех наиболее воинствующих марксистских изданий. Он печатался в сборнике «Очерки реалистического мирозерцания», в журнале «Правда», в выпущенном лекторской группой МК РСДРП (б) сборнике «Вопросы дня» (1906 г.), где он опубликовал политическую статью «Обострение классовых противоречий на Западе», в «Литературном Распаде», в «Современном Мире» и др.

И в те годы уже, когда В. М. не был еще непосредственно связан с социал-демократическим рабочим движением и с марксистскими изданиями—пусть его был определенный путь революционера, для которого перо критика только средство для защиты его революционных идей.

Две струи пронизывают все его писания тех лет: разоблачение общественно-вредной литературы и пропаганда социально-активной литературы. Маленькая выписка из его библиографии тех лет:

«Философия лени или поэзия праздности—Гофман», «Трагикомедия индивидуализма—Стриндберг и д'Аннунцио». «Псевдо-ренессанс—Шницлер», «Покрывало Беатриче», «Монна Ванна—Метерлинк», «Психическая чахотка—С. Пшибышевский».

Убийственные заголовки достаточно ярко говорят, куда направлены были стрелы В. М. Эти статьи чередуются статьями об У. Уитмене, об Аде Негри, о Кларе Фибих, о писателях интеллигентного пролетариата.

Этой тактике безжалостного разоблачения врага, культивирования революционной пролетарской литературы В. М. остался верен в течение всего своего литературного пути. На ней построена его последняя книжка критических статей «Заметки о современной литературе», где литературе «правого фланга», «лишних людей», «нэпманов», «кулаков», как озаглавлены II—V главы книжки, противопоставлена литература «Памяти В. И. Ленина» (гл. I) и творения, находящиеся «на путях к социализму» (глава последняя—VI).

В этой книжке выявилась та тактическая линия критика и революционного марксиста, усвоение которой в годы революции с таким трудом давалось иным, как правым, так и левым критикам-коммунистам, в частности из среды бывших и настоящих редакторов наших литературных журналов.

Публикуя в годы империалистической войны первый том «Итальянской литературы XIX в.», В. М. в введении, где, кстати сказать, он дает чрезвычайно четкую постановку проблем «чистого искусства» и «искусства для жизни», пишет: «Первый период итальянской литературы XIX в. не лишен и теперь некоторой общественно-педагогической ценности. На нем покоится отблеск поры благородных коллективных устремлений, поры героической». Нация боролась за национальную независимость, «против внутренних пут, мешающих ее здоровому развитию, и как бы ни была велика внешняя опасность, она никогда не забывает об этой другой стоящей перед ней насущной задаче—заложить основы свободного государственного строя».

В годы, когда даже Плеханов, пользуясь свободным от русской цензуры заграничным печатным станком, призывал забыть счеты с царизмом и помнить лишь о немцах, В. М., вынужденно прибегая к эзоповскому подцензурному языку, пользовался своим историко-литературным исследованием прежде всего для того, чтобы напоминать о том, что «как бы ни была велика внешняя опасность», не следует забывать о другой «насущной задаче—заложить основы свободного государственного строя».

Революционные массы скоро услышали призыв разрешить прежде всего задачу основания свободного государственного строя и создали советский строй.

В. М. оказался тогда в первых рядах. Он пришел и стал в первую линию огня.

VI

Революция пришла, когда Владимиру Максимовичу было уже под пятьдесят лет. Он жил в очень тяжелых условиях, ригористически перенося лишения голодных годов. Вплоть до 1923 г. он жил вместе с семьей в одной небольшой, заваленной книгами комнате. Он перенес огромное личное горе: его единственный сын, пионер Володя, не вынесший лишений голодных годов, заболел туберкулезом и весной 1926 г. умер.

И, несмотря на все это, В. М. сделал за десятилетие революции столько, сколько хватило бы на иную большую славную жизнь. В 1917 г. он был комиссаром по иностранным делам при Московском совете, затем членом коллегии Моно и заведующим его Художественным отделом. В августе 1919 г. он был отозван из Моно, прикомандирован к агитотделу МК РКП (б) и участвовал в качестве агитатора в проведении многих сложнейших кампаний. По поручению Агитотдела МК он занимался созданием районных совпартшкол, с докладом о ходе организации которых должен был выступать на заседании МК 25 сентября 1919 г., когда произошел взрыв в Леонтьевском переулке. В. М. остался цел по счастливой случайности, выйдя за две минуты до взрыва в коридор покурить.

С 1919 г. В. М. был заведующим Лито Наркомпроса и одним из создателей и руководителей издательства Московского совета до 1925 г.

Вернувшись в 1922 г. к научной работе, он был профессором, руководителем и создателем литературного отделения факультета общественных наук I МГУ, организатором и бессменным руководителем Ин-та языка, литературы, искусства и археологии РАНИОНа, руководителем литературного отделения Института красной профессуры, создателем и бессменным руководителем Секции литературы, искусства и языка Комм. Академии, членом коллегии Центрархива, в последние годы—председателем РАНИОНа,

главным редактором «Литературной энциклопедии», журнала «Литература и марксизм», членом коллегий ряда других изданий. Он везде вел руководящую работу и при этой своей огромной и разнообразной организационной работе находил время для не менее разнообразной, изумительно плодотворной литературной и научной деятельности.

За эти годы В. М. писал пропагандистские брошюры, издал «Очерки мирового рабочего движения», выдержавшие ряд изданий и сыгравшие значительную роль в первые годы революции в нашем партпросвещении: в те годы они были чуть ли не единственным популярным пособием по истории рабочего движения.

Он печатал свои статьи почти во всех наших журналах: литературно-художественных («Красная новь», «Новый мир» и др.), научных и критических («Вестник Комм. академии», «Под знаменем марксизма», «Печать и революция», «На литературном посту», «Воинствующий материалист», «Литература и марксизм» и др.), партийно-пропагандистских («Коммунистическая революция», «Культура и революция» и др.).

Он выпустил ряд книг: «Западная литература XX в.», «В. Шекспир», «Очерки социальной истории искусства», «Социология искусства», «Л. Н. Толстой», «Заметки о современной литературе» и заново проработал свой курс «Очерк развития западных литератур».

И вся эта разнообразная теоретическая деятельность служила одной цели—созданию новой социалистической жизни.

Ей Владимир Максимович отдал себя до конца.

VII

Писатель, перо которого неизменно оставалось на страже идей революции, В. М. всегда помнил «о злобе дня». Ею руководился, ей служил. Но при всем даровании журналиста, полемиста, критика он не оставался только критиком. Сознание важности марксистской теории диктовало ему, что только историк и методолог литературы может должным образом выполнить функции критика. Это, между прочим, один из тех заветов В. М., который должны раньше всего усвоить те наши молодые критики, которые так охотно становятся на капитанский мостик литературы, не очень затрудняя себя изучением конструкции литературного корабля.

Не в пример им В. М., чем больше росла его популярность, как критика, тем больше стремился проникнуть в глубины науки о литературе и искусстве. И он вырос в эрудита, имевшего мало равных себе среди современных русских ученых литературоведов и искусствоведов.

В. М. Фриче прошел университетскую школу у проф. Н. И. Стороженко и академика А. Н. Веселовского, учился у них, когда они были общепризнанными авторитетами. Подвергнув их метод переоценке в свете исторического материализма, В. М. показал живой пример того, как надо усваивать и критически переоценивать полученное наследство. На базе критически усвоенного наследства он построил свою систему монистического литературо- и искусствоведения, руководствуясь марксистской методологией.

Его научная работа шла все время по двум линиям: по линии самостоятельного исследования материалов и критической переоценки достиг-

нутого его предшественниками в области литературо- и искусствоведения и по линии внимательного и систематического изучения явлений литературной современности.

Результаты и в той, и в другой области были изумительно плодотворными. Русская наука обогатилась чрезвычайно ценной работой об итальянской литературе: «Литература эпохи объединения Италии» — тема, которая никем помимо В. М. Фриче не была разработана с такой тщательностью. Не менее значительна его работа «Поэзия кошмара и ужасов». На богатейшем и чрезвычайно разнообразном материале, начиная от средневековья и до модернистов конца XIX и начала XX вв., он выяснил социально-историческую обусловленность периодических подъемов и падений волны «поэзии кошмара и ужаса» и установил ту культурно-бытовую и социальную обстановку, которая питает обостренный интерес к изощренному психологизму и патологическим явлениям. Глубоко научная по методам исследования материала, эта работа имела исключительный общественный интерес, так как отвечала необходимости идейной борьбы с эгоцентризмом и крайним индивидуализмом в литературе и критике.

Непрерывная и систематическая работа над материалами литературной современности содействовала тому, что В. М. Фриче одним из первых поставил у нас проблемы социологии стиля и своими работами «Социально-психологические основы натурализма» и «Психология натуралистической драмы» положил начало чрезвычайно плодотворным исследованиям в области социологии формы.

Огромная лабораторная работа В. М. Фриче — автора свыше 50 этюдov по разнообразным вопросам теории и истории литературы и искусства Запада и России — послужила базой для ряда его монографий:

«Художественная литература и капитализм», «Леонид Андреев», «Эволюция театра и драмы», «Мольер», «Германский империализм в литературе» и др. Эти монографии сделали возможным осуществление неоднократно переработанных им и разошедшихся в ряде изданий «Очерков развития европейской литературы», книги «О Западноевропейской литературе XX в.», переведенных на ряд европейских языков.

Здесь, на основе разработанной им марксистской методологии, В. М. Фриче дал стройную картину развития европейской литературы в связи с развитием общественных форм, причем он внес много чрезвычайно ценного и нового в освещение таких явлений мировой литературы, как Данте, французские классики, Бальзак и Золя и многие другие. Исключительное значение для нашей науки и литературы имеет работа В. М. Фриче о В. Шекспире. Пользуясь достижениями марксистской методологии, он заново поставил и с особой убедительностью разрешил проблему авторства так наз. шекспировских произведений.

В. М. Фриче был литературовед с чрезвычайно богатым кругом разнообразнейших литературных интересов. Работая в области истории литературы Западной Европы, Америки и России, от средневековья до наших дней, он являлся одним из наших лучших знатоков западной литературы XX в. Он исследовал разнообразные проблемы методологии литературы, в частности — социологии поэтики, которая по существу являлась совершенно новой областью исследования. Он работал над вопросами современной русской литературы, выпустив уже отмеченную нами книжку «Заметки о современной литературе», а в связи с юбилеем Толстого — книгу Л. Н. Толстой», о которой т. М. Н. Покровский недавно справедливо»

сказал, что без нее едва ли юбилей Толстого был бы проведен в достаточно большевистском духе.

Но В. М. Фриче был не только литературоведом, но и искусствоведом. И здесь его заслуги не менее значительны. Дав в своей первой работе по искусству опыт социологии изобразительных искусств в России XIX в., он в своих «Очерках современной истории искусства» и «Социологии искусства» заложил фундамент современного социологического познания искусства. Выяснив социологическую обусловленность двух стилей в архитектуре—конструктивного и деструктивного, двух основных типов живописи—линейного и колористического. двух основных стилей в живописи и скульптуре—идеалистического и реалистического, разобрав проблему социальной тематики, движения, перспективы, света, красочных тонов и гамм в искусстве, В. М. Фриче заложил основы для превращения социологии искусства из научной гипотезы в научную систему.

Огромная плодотворная деятельность В. М. Фриче в разнообразнейших областях литературы и искусствоведения, самостоятельность и оригинальность его творческих путей позволили ему создать свою школу литературоведения и искусствоведения. Он был не только директором-организатором Института языка, литературы, археологии и искусствознания, он прежде всего был ученым руководителем, главой научной школы.

В Методологической секции Ин-та языка и литературы и Социологической секции Ин-та археологии и искусства точно так же, как и в Секции литературы и искусства Ком. академии, вокруг В. М. создалась значительная группа молодых ученых, литературоведов и искусствоведов. Его ученики являются той живой научной сменой, которая должна будет продолжать разработку его системы социологии литературы и искусства.

Подготавливаемый учениками и соратниками В. М. сборник, посвященный его памяти, где будут подведены некоторые итоги его научного наследства, покажет, что В. М. заложил достаточно солидный фундамент для марксистского литературоведения и искусствоведения.

Им были поставлены основные, наиболее актуальные проблемы теории и истории литературы и искусства. Он дал в своих трудах основные контуры для марксистской истории литературы и искусства, первый поставил и наметил разрешение таких проблем литературоведения, как социология стиля и жанра, как проблема социальной функции литературы. Его исторические работы дают ключ для раскрытия социального эквивалента главнейших явлений литературы, в особенности западной, и для ответа на вопрос о центральных формальных принципах многих явлений литературы, в частности классической трагедии, натуралистической драмы, реалистического романа и др., а также о социальной закономерной детерминированности этих форм.

Выясняя единство социального генезиса и социальной функции явлений литературы и искусства как фактора классовой борьбы, утверждая социально-активный характер литературы и искусства, даже когда речь идет о пассивных, упадочных явлениях, В. М. всегда сознавал, что задача марксистского критика—не только вскрыть реакционность одних произведений и революционность других; задача марксистского критика—воздействовать на писателя и на литературное общественное мнение, с целью помешать возможности создания произведений, мешающих успеху

пролетарской борьбы, и стимулировать создание произведений, помогающих торжеству пролетариата и социализма.

Революционный большевизм в его лице имел решительного и непримиримого борца против фаталистического меньшевизма в области истории литературы и критики. Глубоко веря в то, что его время является эпохой непосредственной борьбы за социализм, он за четверть с лишком века до наших дней ставил и разрешал центральные проблемы современной литературы.

Свой этюд «Психология натуралистической драмы», который вообще является образцом марксистского анализа литературных явлений, он заканчивает такими предсказаниями: «Поступательное движение демократии расчистит почву для нового типа драмы, для драмы XX в. На основании предыдущего анализа и на основании наблюдаемых в наше время особенностей развития общественной жизни и общественной борьбы, мы представляем себе главные черты новой драмы в таком виде:

1) Эта драма совместит в себе завоевания натуралистической поэзии—превосходную характеристику среды—с положительными чертами старой трагедии—активно действующими героями.

2) Она будет социальной, так как изобразит на сцене общественные конфликты, и вместе с тем индивидуалистической, так как в центре столкновений снова станет отдельная личность.

3) В этой драме внешняя и внутренняя борьба опять возьмет верх над пассивной чувствительностью и психологическим фатализмом: в ней динамика должна вытеснить статику.

4) Изображая внешнюю борьбу общественных групп, новая драма уделит особенное внимание внутренней борьбе, происходящей в душе главных действующих лиц.

5) Эта внутренняя борьба будет двоякого рода. Если герой будет принадлежать буржуазным группам, он должен будет побороть в себе унаследованные от предков настроения и связующие его с прежней средой симпатии, если же он—представитель трудящихся классов, он должен будет искоренить в себе свойственные всякой сильной личности эгоистические и авторитарные инстинкты.

6) Чем бы ни кончилась для героя эта внешняя и внутренняя борьба: нравственным поражением при внешней победе или, наоборот, физической гибелью, объединенной с торжеством идеи, или, наконец, гармоническим единством материальной и духовной победы, только при такой постановке вопроса драма станет истинно героической и вместе с тем истинно-социальной»⁵.

В этих положениях поставлены основные проблемы литературной современности. В них предвосхищены основные тезисы партии о литературной политике, основные лозунги нашей пролетарской литературы.

Во время похорон Владимира Максимовича над его гробом многие говорили о том, что В. М. был пионером марксистского литературоведения. Это верно, но это недостаточно. Обычно пионер, как и эпилон, не бывает классиком. При всем своем различии,—эпилон паразитирует на классиках, тогда как пионер подготавливает их приход,—судьба их одина-

⁵ «Правда», 1904 г. IV, с. 120—121.

кова: последующим поколениям нечему учиться у них. К эпигону относятся с пренебрежением, к пионеру—с благодарностью, но оба оказываются превзойденными.

Между тем Владимир Максимович был литературоведом, искусствоведом, историком литературы и критиком, работы которого будут положены в основу работы марксистских историков литературы и искусства, ибо В. М. был не только пионером, но и классиком марксистского литературоведения и искусствоведения.

СОЦИОЛОГИЯ ВОРМСА

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА Р. ВОРМСА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ф. Тележников

I

В начале 1926 г. на 58 году жизни умер один из известнейших французских социологов—Рене Вормс. Русский широкий читатель знает о нем, главным образом, как об авторе прошумевшей когда-то книги «Общество и организм». Последняя дала право всем комментаторам Вормса причислять его к последовательным сторонникам органического направления в социологии. Если к этому знакомству прибавить несколько отрывочных сведений о самом Вормсе и его работах, сведений, почерпнутых из нового словаря Брокгауза и Эфрона, то можно быть уверенным, что больше русскому читателю о нем ничего неизвестно. Мало кто знает, что блестяще написанная книга «Мораль Спинозы» принадлежит перу этого крупного социолога. Из его многочисленных произведений на русский язык переведена лишь незначительная часть, да и то относящаяся к начальному периоду его научной деятельности. Также почти отсутствует литература, посвященная разбору его социологической теории. Характерно, что Большая советская энциклопедия ни словом не обмолвилась о Вормсе и его социологии. Это обстоятельство является, с одной стороны, результатом недостаточной нашей ориентированности в умственных течениях Западной Европы, а с другой—следствием того своеобразного «нигилизма», который подчас проявляется у нас в отношении буржуазной общественной науки и который решительно осужден второй конференцией марксистско-ленинских учреждений.

Между тем Вормс как мыслитель, как представитель определенного социологического течения—это целая эпоха, значительнейшая полоса в истории социологической мысли Франции. Сначала Вормс выступил как талантливый продолжатель органической концепции Спенсера и Лилиенфельда. Его даже не удовлетворяли оговорки Спенсера и Шефле. Необходимо было, с его точки зрения, аналогию общества с организмом довести до конца. А для этого нужно было построить теорию общества «всю с основания». Работа «Общество и организм» явилась осуществлением этого плана. Аналогический метод нашел в ней такое применение, что даже сторонники органицизма не могли не отметить находящихся в ней крайностей. Конец девяностых годов был периодом жаркой борьбы органической теории за первенство. Позднее эта борьба превратилась уже в защиту органицизмом своих слабеющих позиций.

Дискуссия на третьем социологическом конгрессе была поворотным пунктом. По общему признанию, устами Тарда (Тард выступил на конгрессе с большим критическим докладом) была констатирована теоретическая беспомощность органической школы. Да и сам Вормс признавал, что идеологический поединок содействовал смягчению его органических увлечений. После этого наступает в истории французской социологии период ослабления борьбы между различными социологическими направлениями. Индивидуалистический психологизм Тарда постепенно теряет своих adeptов. Органицизм Вормса пропитывается психологическими моментами. Вормс в статье, посвященной 25-летию своего журнала, отмечает, что «системы противопоставлены друг другу менее, чем тогда», т. е. менее, чем в конце девяностых годов. Этот процесс сглаживания острых углов социологических теорий соответствовал общему ходу французской социально-экономической жизни. Резкое противоположение социологических школ в конце 19 века явилось идеологическим выражением противоречий тогдашнего периода французской действительности. Последняя характеризовалась глубокими экономическими кризисами, резкими социальными конфликтами и т. д. С постепенным усилением буржуазии, смягчением борьбы между феодализмом и капитализмом, капитализмом и организациями II Интернационала происходит и идейное смыкание социологических течений. Вормс в своей теоретической деятельности как нельзя лучше отразил этот процесс. В зрелый период своей научной деятельности, связанный с опубликованием основного его труда «Философия социальных наук» («*Philosophie des sciences sociales*»), Вормс в значительной степени изменил выводы своей первой социологической работы. Он сочетал органицизм с контизмом и психологизмом. Не обошлось и без некоторого кокетничанья с историческим материализмом.

Как политический деятель, Вормс всегда стремился обойти крайности консерватизма и коммунизма. В его социологическом учении мы не найдем остро поставленных вопросов, а тем более ярко или своеобразно решенных. Мы не встретим проблем, которые бы привлекли своей оригинальностью, глубиной или новизной. В его социологии все острые углы срезаны или обойдены. В его политической деятельности мы не встретим бурных моментов, напоминающих «Я обвиняю» Золя в знаменитом «деле». О Вормсе можно сказать то же, что в свое время бросил по адресу Спинозы Колерус: «он никогда не видел в своей жизни ни очень печального, ни очень радостного». И все это не мешало Вормсу сделаться виднейшей фигурой в новейшей французской социологии. Даже наоборот, все перечисленные свойства содействовали тому, чтоб он стал одним из руководителей международной социологической организации.

Таким образом Вормс—не отжившее прошлое, французской социологической мысли, но прошлое живое, в известной степени—настоящее. Это в еще большей степени обязывает к знакомству с социологией Вормса каждого, кто хотел бы ориентироваться в современной французской социологии.

II

Рене Вормс родился в 1869 г. в семье профессора политической экономики Эмиля Вормса. Как и большинство детей его круга, Вормс поступил в нормальную школу, где в это время работали Пастер, Фюстель де Куланж и др. известные ученые. Вормс был их учеником. По окончании школы

молодой Вормс продолжал карьеру своего отца: он занял кафедру политической экономии в Соен (Нормандия). Но через некоторое время его разносторонний ум привлекли проблемы философии. В 1890 г. Вормс становится *agrégé de philosophie* и пишет несколько работ, посвященных отдельным вопросам философии. Отметим «Элементы научной и моральной философии», «Мораль Спинозы», «Изложение философии Ратье» и др. Уже в первой из перечисленных книг заметен тот интерес, который особенно проявился позднее, к вопросам общей и социальной методологии. Большие способности и эрудиция выделяют Вормса из числа молодых ученых. Знакомство с Тардом и Фуллье открывает возможность установить связи с представителями общественной науки. Критическое состояние основанной Контом «социальной физики» приводит Вормса к мысли о необходимости принятия ряда мер к ее возрождению. Вормс собирает вокруг себя силы и в 1892 г., сообщая, приступает к изданию журнала «Интернациональное социологическое обозрение». С выхода первых номеров (1893 г.) вплоть до своей смерти Вормс был его душой, главным редактором. Немного спустя (1894 г.) при самом активном участии его организуется Интернациональный социологический институт. Вормс берет на себя скромную роль бессменного секретаря. Институт начал свою деятельность с созыва международного социологического конгресса. Созыв конгрессов и подготовка к ним и впредь оставались основным содержанием деятельности института. Издаваемые институтом анналы сыграли наряду с «Ревю» большую роль в развитии международной социологической мысли. Предметом внимания съездов были основные вопросы социологии: объект и метод социологии, отношение психологии и социологии, проблема классов, солидарности, прогресса и т. д. Целый ряд наших соотечественников: Новиков, Ковалевский, Лиленфельд, Абrikосов и др. принимали живое участие в его работах и помещали свои статьи в литературных предприятиях Вормса. Последним начинанием Вормса было издание «Библиотеки интернациональной социологии». Несколько десятков работ, позднее приобретших европейскую известность, вышли под маркой этой библиотеки: большинство работ самого Вормса, некоторые Тарда, Уорда, Грассери, Гумпловича и др.

Обмен мнениями на страницах «Ревю», периодические международные социологические конгрессы не могли удовлетворить полностью Вормса, ибо ощущалась необходимость в более частом обмене мыслей по вопросам, связанным с обоснованием новой общественной науки. Ответом на подобную нужду явилась организация в 1895 г. Парижского социологического общества. Все наболевшие вопросы социологии, а подчас и самой общественной деятельности находили отклик в докладах и прениях на периодических заседаниях общества. Вормс в качестве генерального секретаря являлся одной из центральных его фигур.

За десятки лет в деятельности общества, а также института можно проследить определенную последовательность, которая в известной степени характерна вообще для развития социологической мысли Франции. Работа международных съездов и социологического общества вначале сосредоточивается главным образом вокруг вопросов обоснования социологии. Спор различных направлений идет главным образом о принципах социологии, ее предмете и методе. В результате определились с большей четкостью отправные точки зрения, пункты сходства и разногласия. От общих вопросов социологическая мысль перешла к более узким и конкретным, к вопросам генетической социологии. Нам представляется, что только что отмеченная

последовательность может быть прослежена и в тех случаях, когда на сцену появляется новый общественный класс. Это может быть в равной степени отнесено и к нашей советской действительности. Мы сейчас в области исторического материализма являемся свидетелями развертывания начальной, но в то же время определенной стадии работы. Центр тяжести научной мысли в области марксистской социологии направлен на разработку основ метода. Работа над отдельными конкретными вопросами еще очень слаба и мало эффективна. Надо полагать, что под влиянием требований жизни, с постепенным осуществлением первой задачи, центр тяжести будет переноситься на конкретные современные вопросы и проблемы генетической социологии. Мы отмечаем в данном случае лишь основную тенденцию, которая ни в какой мере не означает, что работа не должна идти параллельно по обеим линиям. Но вернемся к Вормсу.

Научная работа французского социолога шла в тесной связи с его педагогической деятельностью. Последняя была чрезвычайно разнообразной. В Высшей школе социальных наук Вормс ежегодно вел свободный курс социологии. На факультете права ежегодно им освещалась какая-либо проблема: проблема социального факта, проблема метода и т. д. В течение многих лет, из года в год проводился курс лекций о Конте. А одно время Вормсом был объявлен свободный курс по истории социализма.

Такой же разносторонней была и литературная его деятельность. От вопросов философии Вормс переходит к экономике и обратно. Пишет теоретические эскизы о социологии и правоведении, о социологии экономике. Одно время сосредоточивает свое внимание на синтезировании своих воззрений на социологию. Периодически откликается на животрепещущие темы французской общественной жизни: выпускает две работы, посвященные проблеме народонаселения. В 1906 г. издает книгу о сельскохозяйственной экономике, а в 1914 г.—о земледельческих ассоциациях. В первые годы редакторства он главным образом несет на себе бремя издания: пишет бесчисленные библиографические заметки, помещает отчеты о заседаниях общества, съездов и т. п. Позднее эту работу он перекладывает на плечи сплотившейся вокруг него группы его сторонников.

Помимо указанной деятельности Вормс принимал участие в работе других организаций. Интересуясь Востоком, жизнью различных национальностей, Вормс участвует на колониальных съездах, составляет доклады по колониальным вопросам. Именно по его инициативе социологическое общество, уже после мировой войны, поставило ряд докладов о положении в восточных странах. Некоторое участие принимал Вормс и в государственной работе. Все эти биографические данные, свидетельствуя о многогранности Вормса, проливают некоторый свет в отношении результатов и ценности его литературного наследия.

III

Прежде чем перейти к социологической теории Вормса, представляется целесообразным предварительно бегло осветить основные социологические направления современной Франции. В свете их рельефнее выявится физиономия и пути дальнейшего развития социологии Вормса.

Существующие во Франции социологические течения своими корнями уходят в конец прошлого столетия. Тогда основные направления были

представлены тремя школами: биологической, психологической и социологической. Позитивизм в лице Лафитта и его единомышленников уже тогда не играл значительной роли. Годы взаимной борьбы, обнаружившаяся теоретическая немощь при столкновении с суровой действительностью,—привели к тому, что некоторые из теорий сходят постепенно с социологической сцены.

Едва ли кто будет утверждать, что органицизм Спенсера или Лилиенфельда, психологизм Тарда попрежнему привлекают внимание широких общественных кругов. Вопреки торжественному заявлению Новикова, что «социология будет органической или ее не будет совсем», органицизма как определенного умственного течения в современной Франции нет. Конечно нельзя утверждать, что общественная мысль застрахована от появления аналогичных органицизму попыток. В последнее время статьи Намиаса в «Интернациональном социологическом обозрении», в которых социальная жизнь объясняется законами космоса, свидетельствуют о наличии в некоторых общественных кругах интереса к механистическим концепциям. Но все же говорить о возможности их длительного успеха значит недоучитывать значение того дискредитирования, которое имело место в отношении органицизма. Появление механистических теорий в данный период будет являться не чем иным, как мимолетным эпизодом.

Аналогичная участь постигла и школу Тарда. Правда, споры, которые когда-то вел Тард с Дюркгеймом, еще не закончились. В настоящее время, уже на другой основе, они опять начинают волновать социологическую мысль, но ясно одно, что основная мысль Тарда—растворить социологию в индивидуальной психологии—большинством его единомышленников оставлена. Самые ярые противники учения Дюркгейма о коллективных представлениях все же должны признать за социологией особое место. Сейчас все их стремления направлены на то, чтобы убедить, что для объяснения социальных явлений помимо социологии должна быть привлечена и психология. Как мы увидим далее, Вормс значительно раньше настаивал на объективной заинтересованности социологии и психологии.

Таким образом мы видим, что из трех основных направлений только одно сохранило до настоящего времени свои позиции. Современные социологические течения представлены: социологизмом Дюркгейма, марксизмом, позитивизмом, школой Вормса и, наконец, наличием новых тенденций, еще не оформившихся, но представляющих своеобразное использование взглядов Бергсона. Остановимся коротко на каждом из них.

Позитивистское течение связано с именем Лафитта. Оно имеет целью разработку взглядов родоначальника позитивизма Конта и его правоверного ученика Лафитта. При этом большое внимание уделяется Конту как автору курса позитивной политики. Это обстоятельство налагает на все направление своеобразный характер. Оно носит религиозную окраску, дух изотеризма витает над ним. В работах Конта оно видит источник всяческого удовлетворения. Позитивизм для него—религия. Вслед за Лафиттом оно значительное внимание уделяет обрядовой стороне, устраивает ежегодно праздники, посвященные культу мертвых, культу женщины, годовщине рождения и смерти Конта. В личной жизни называют друг друга братьями, часто фолианты Конта заменяют им священные книги. Численно это—небольшая, но сплоченная группа, имеющая центр в Париже и филиалы по различным странам. В течение десятков лет ею издается журнал «Интернациональное позитивистское обозрение». Сектантский характер направле-

ния, бесконечное пересказывание мыслей Конта на собраниях общества и страницах журнала, почти полное игнорирование современной науки, отсутствие новых проблем и вопросов—все это до минимума ограничивает его роль и значение в умственной жизни страны. Позитивистская секта эпигонов Лафитта—далекое прошлое французской социологии, теплично оберегаемое оторвавшейся от жизни группой людей.

Марксистская школа, хотя и насчитывает несколько десятков лет существования, но, по общему признанию, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли во Франции. До самого последнего времени не было постоянно выходящего журнала. Лишь с 1929 г. начинает издаваться «Марксистское обозрение». Тем не менее влияние марксизма постепенно начинает расти среди рабочего класса. Густав Бело, генеральный инспектор народного просвещения, выступая в Лиге морального воспитания в январе 1927 г. на тему о моральном воспитании пролетариата, должен был признать, что «этой доктрине удалось элиминировать, по крайней мере в глазах рабочих, всякую другую социалистическую концепцию». Марксистской школой сделано чрезвычайно мало в смысле пропаганды своих идей, но еще меньше по части критики буржуазных социологических учений. Мы не ошибемся, если скажем, что в последнее десятилетие не вышло ни одной серьезной марксистской работы, посвященной разбору социологизма, органицизма или какого-либо другого направления. Значение идеологической борьбы с буржуазной социологией, на наш взгляд, недооценивает и «Ревю марксист». В трех вышедших номерах ни одной строчки не посвящено критике буржуазных социологических течений, между тем как марксизму во Франции принадлежит будущее. Но это будущее должно быть завоевано не только в результате критики оружием, но и упорной борьбой на идеологическом фронте.

Наиболее влиятельным, распространенным и пустившим глубокие корни течением является дюркгейзм. Мы в другом месте подробно останавливались на нем и поэтому в данный момент ограничимся суммарной его характеристикой. Монье в философском журнале Леви-Брюля, подводя итоги тридцатилетнего существования французской социологической школы, отмечает успех, выпавший на долю этой школы. Небольшая группа (три сотрудника), объединившаяся вокруг «Социологического ежегодника», в 1896 г., спустя 30 лет, выросла в коллектив, включающий 34 сотрудника по различным специальностям. Основой, сплотившей их, было учение Дюркгейма.

В области философии последнее представляло своеобразное сочетание контизма с кантовским априоризмом. В понимании социологии —объективный психологизм. В теории метода—объективизм, социологизм и механический детерминизм. Социологизм был против утилитаризма Милля, психологизма Тарда, органицизма Спенсера. Социология в представлении Дюркгейма ни в коем случае не может опираться на какую-либо иную науку, к примеру, биологию, но является самостоятельной дисциплиной с специфическим объектом и методом. В результате подробного анализа социологического учения Дюркгейма мы показали безуспешность его попытки. Наряду с этим мы не могли не отметить, что дюркгейзм ближе всех из буржуазных социологических теорий подошел к цели—обоснованию действительной науки об обществе. Его внимание было сосредоточено на выявлении специфичности социальной жизни и законов ее развития. Это обстоятельство заставляло видеть в этой школе наиболее опасного и в то же время наиболее серьезного противника. Можно и нужно не соглашаться с разрешением социологизмом

отдельных и общих вопросов, но нельзя пройти мимо них, отмахнуться от них.

В начальный период своей деятельности социологическая школа посвятила себя разработке основ своего мировоззрения. Проблема общества, социального факта, сущности социологии и ее метода были главными вопросами, занимавшими ее в этот период. Позднее от общетеоретических проблем она переходит к вопросам генетической социологии: выяснению сущности первобытного мышления, происхождения религии, кастового строя, морали и пр. Именно социологической школе интернациональная социология обязана постановкой проблемы о дологическом мышлении. Одно перечисление докладов, которые были прочитаны во французском философском обществе на протяжении многих лет, показало бы, что живая мысль бьется в социологической школе и ищет научных путей к своему выходу. Но было бы не совсем точным, если бы мы охарактеризовали социологическую школу монолитной. Не говоря о политических разногласиях, которые по свидетельству Монье существуют между последователями Дюркгейма, по целому ряду важнейших сторон дюркгейзма между ними единства нет. Но в данный период все же общность основных взглядов и пережитого прошлого перевешивает, и социологическая школа продолжает выступать как наиболее популярное, распространенное и спаянное социологическое течение.

Дюркгейзм на всем протяжении своего развития не раз подвергался ожесточенным нападкам и критике со стороны Тарда, Вормса, отчасти Бергсона. В послевоенные годы, особенно в самые последние, вновь социологизм стал предметом пристального внимания. Вышел целый ряд работ, в которых основные начала социологии Дюркгейма подвергались суровой отрицательной оценке. Два особенно пункта встретили возражения: учение о коллективных представлениях и вопрос о взаимоотношении социологии и психологии.

Нельзя сказать, чтобы выбор намеченных для оспаривания пунктов поражал своей новизной. Еще в начале нынешнего столетия не кто иной, как Вормс, указал на них, как на наиболее спорные. Весь интерес заключается в той аргументации, которую развили современные оппоненты Дюркгейма, в тех положениях, которые они считают необходимым ему противопоставить. Было бы поспешным усматривать в этой критике проявление единой воли вновь организовавшейся социологической школы. Для этого нет еще данных. Но тем не менее некоторая общность во взглядах дает право говорить о наличии новых тенденций, чрезвычайно любопытных и симптоматичных. В основном эти тенденции выражаются в перенесении взглядов Бергсона в область социальной науки. Застрельщиком явился талантливый диссидент школы Дюркгейма Гастон Ришар. Известный женеvский социолог Дюпра считает Ришара звеном в блестящей цепи французских социологов: Монтескье, Руссо, Кондорсе, Конт, Эспинас, Тард, Дюркгейм, Вормс и Ришар. Помимо Ришара целый ряд других имен является выразителем новых тенденций: Алье, Леруа, Эссертье, Ласбакс.

Оценивая современное состояние французской социологии, Гастон Ришар считает характерным для нее двойной конфликт. Это, во-первых, конфликт между феноменологической и онтологической социологией, а во-вторых, между социологией и психологией. Иначе говоря, он имеет в виду борьбу группы социологов, выражающих новые тенденции, с социологизмом. Как мы знаем, онтологизм Дюркгейма заключается в его взгляде на общество, как систему коллективных представлений, не могущую быть

объясненной и сведенной к индивидуальным сознаниям. Отсюда вывод, что психология не может быть привлечена к объяснению социальных явлений. С решением этого вопроса связан и другой: проблема человеческой свободы. Последней, по их мнению, нет места в социологической системе Дюркгейма, ибо общество навязывает людям цели, социальная жизнь принуждает индивидов к определенным действиям. Иначе говоря, детерминизм, подобный тому, который проявляется в природе, господствует и в области социальной.

Мы согласны с тем, что в социологических построениях Дюркгейма имеется ряд существенных противоречий. В самом деле, общество—некоторая специфичность, отличная от составляющих ее индивидов, но в то же время общество—коллективный психический субъект. Психичность является важнейшим признаком индивидов. Почему общественная психическая жизнь отрывается от индивидуальной, Дюркгейм не объясняет, но только декларирует. Дюркгейм делается жертвой своей собственной непоследовательности. Обосновать на психологической почве специфичность общества невозможно. Поставив радикально вопрос, Дюркгейм остановился на полпути в его решении. Отсюда законная неудовлетворенность его критиков.

Не меньшие возражения вызывало учение о детерминизме социологической школы. Но все же нужно признать, что нападки в данном случае не совсем обоснованы. Совершенно верно, что детерминизм Дюркгейма носит несколько механический характер. Но сказать, что Дюркгейм не различает детерминизма природного от социального, значит грешить против истины. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить, что все обоснование общественной науки предпринято Дюркгеймом в целях оправдания возможности морального совершенствования общества. Дюркгейм не возражает против человеческой свободы, он только вводит ее в рамки детерминированного исторического процесса. Что же противопоставляется оспариваемым положениям Эссертье, Ласбакса и др? Первое возражение касается взаимоотношения социологии и психологии. Эссертье в своей «Психологии и социологии» настаивает на сотрудничестве обеих наук при объяснении явлений социальной действительности. Второе—касается теории коллективных представлений. Между индивидуальной и коллективной психической жизнью не существует принципиального различия. Учение о коллективных представлениях должно быть оставлено, а вместе с ним подлежит пересмотру вся теория Леви-Брюля о дологическом мышлении. Наконец, вместо детерминизма выдвигается человеческая свобода.

Наиболее ярко новые тенденции выразил Ласбакс. В своей двухтомной работе «La cité humaine» он предлагает своеобразную философию истории. Исторический процесс развивается по триаде. Начинается он с «La cité divine». Это был цикл свободы. Социальные системы являлись утопическими конструкциями об обществе. Социолог был поэтом, т. е. творцом. Период «Божественного города» кончается Макиавелли. Второй период—это господство «La cité naturelle». В нем механизм заменяет свободу. Область идеала оказывается в угоду фактам. Социолог стал ученым—абстрактным созерцателем. Он стремится более знать, чем действовать. Это был период, когда мысль склонилась к детерминизму. Гоббс, Монтескье и Руссо, Смит, Кондорсе и Гегель, Конт, Маркс и Дюркгейм—вот циклично расставленные вехи, характеризующие этапы развития социологической мысли в период «Естественного города». Дюркгейм завершает второй этап. Сейчас мы являемся свидетелями начала нового—«La cité humaine». Вторую часть работы Ласбакс посвящает изложению своего взгляда на сущность «Человеческого го-

рода», на сущность новой социальной системы. По его мнению, Анри Бергсон дал мотивы для построения новой социологии. «Отличительный характер современной социологии должен заключаться в возвращении к примату активности» (т. II, с. 23). Дюркгейм пришел в тупик потому, что он обошел проблему действия, т. е. «проблему свободы и живой спонтанности». Механической концепции социальной эволюции Дюркгейма необходимо противопоставить иную, в которой вместо понятия механизма доминирующим было бы то, что Бергсон называет *élan vital*.

Ласбакс возражает также против мысли Дюркгейма, что социология занимается объективным изучением фактов. Не с вещами и фактами, как говорит Дюркгейм, имеет дело социология, но с ценностями. «Институты являются выражением ценности... идеал является главным двигателем эволюции» (65). «Силы моральные по Ласбаксу выступают на сцену с наступлением эры «Человеческого города». Перед нами новая философия ценности, являющаяся истинной наследницей старой онтологии «*de l'Etre pur*» (II, 360).

Мы закончили краткое описание той социологической атмосферы, в среде которой развивалась и развивается социология Вормса. Дальнейший анализ последней покажет ее место среди указанных социологических направлений.

IV

В «Большой французской энциклопедии», в заметке, посвященной Вормсу, высказывается мнение, что он в вопросах философии занимал позицию между эмпиризмом и критицизмом. Все наши поиски аргументов в подтверждение этой мысли успехом не увенчались. Автор заметки, по нашему мнению, прав только в одном, что Вормс был эмпириком типа Конта. В этом нас убеждают отдельные, часто мимоходом высказанные замечания по тем или иным философским вопросам, но больше всего общая социологическая концепция Вормса. Изложение системы своих философских воззрений Вормс не дал. Как философ он известен больше в качестве пересказчика. Как мы уже отмечали, он дал краткое изложение философии Рэя и моральных взглядов Спинозы. Комментарии в этих работах занимают очень скромное место.

Основа кантовской философии—априоризм—находит недвусмысленное возражение со стороны Вормса. В книге «Социология, ее природа, содержание и задачи», в главе, посвященной выяснению взаимоотношения философии и социологии, Вормс кантовскому учению об априоризме категорий противопоставляет точку зрения Спенсера о их происхождении в результате длительного биологического и исторического развития человеческого рода. В другом месте Вормс выражает свою мысль значительно яснее. Вопреки мнению Канта, что пространство и время являются только субъективными формами созерцания, Вормс полагает, что последние «суть свойства, присущие самим вещам»¹. Если к этим совершенно отчетливым свидетельствам присоединить многочисленные утверждения, что наука апостериорна, что наше знание получается и начинается в результате наблюдения, то высказанная на страницах энциклопедии версия о причастности Вормса к Канту должна быть безоговорочно отвергнута.

Вормс в своих философских воззрениях примыкает к позитивизму.

¹ «Philosophie des sciences sociales», III, 86.

Напомним основные положения позитивизма так, как они были формулированы его основателем. Центральная задача Конта заключалась в борьбе против метафизики и теологии за позитивное мышление. В вопросах гносеологии—агностицизм, абсолютная относительность наших знаний, панпсихизм. Последний, заключааясь в убеждении во всеобщей одушевленности природы, являлся у Конта предпосылкой для принципиально нечеткой постановки вопроса о классификации наук.

Большинство указанных пунктов, иногда с некоторыми оговорками, является характерным и для философии Вормса.

Прежде всего мы не располагаем данными, которые бы говорили об онтологическом субъективизме Вормса. Приведенное выше свидетельство в отношении пространства и времени и ряд других убеждают в том, что внешний мир и сознание не одно и то же для Вормса, что вещи, по его мнению, существуют вне нашего сознания, объективно. Мы приведем отрывок полностью. «Для науки пространство и время не являются порождением ума, они—свойства, присущие самим вещам. Они—объективная реальность. Только не нужно преувеличивать, ошибаться в природе этой реальности. Это не они конституируют вещи, но, наоборот, вещи порождают пространство, его наполняя, и время, в нем развиваясь. Нельзя сказать, что существа (*les êtres*) являются частями пространства; пространство есть измерение (или—скорее совокупность измерений) вещей. Также нельзя сказать, что события являются частями времени: время есть «ряд последовательных событий»². Как мы знаем, и Конт не ствергал объективное существование внешнего мира. Но помимо внешнего мира есть знание о нем. И в этом вопросе мы констатируем сходство между Контом и Вормсом. С точки зрения того и другого мыслителя мы не в состоянии познать вещи, но только явления. «Сущность вещей,—говорит Вормс,—для нас всегда остается непроницаемой. Не будем же рассуждать о «вещах в себе» и ограничимся явлениями, воспринимаемыми нашими чувствами»³. Но наряду с этой основной мыслью иногда можно встретить и другую тенденцию: вера в силу нашего разума познать социальную природу⁴. Это познание распространяется не только на познание законов, но и причин явлений. Вормс сталкивается в этом вопросе возможность усмотреть его разногласие с Контом. По мнению Вормса, Конт, отрицая возможность стыскания причин, имел в виду сверхестественные причины, о которых большею частью шла речь в метафизике, но не причины в научном смысле слова. Несмотря на наличие подобных оптимистических замечаний, все же основным мотивом является у него агностицизм.

Вормс вслед за Контом подчеркивает преобладающую роль чувств в познании. Конт в главе «Общий обзор позитивизма» пишет, что «чувства господствуют одновременно над мышлением и деятельностью». Вормс также считает, что наше знание апостериорно. Наука не может выходить за пределы того, что дано нашими органами чувств. Это не значит, что Вормс отрицает как бы то ни было значение за разумом, но означает, что область сверхчувственного—это область метафизики, но не науки. Давая оценку морали Спинозы, Вормс пишет: «Его доктрина, как рациональная, весьма обширна, но как человеческая, как наука о всеобщей деятельности человека,

² «Philosophie des sciences sociales», III, 86.

³ «Биологические принципы в социальной эволюции», с. 5.

⁴ «Philosophie des sciences sociales», I, 96—97.

она недостаточно широка, ибо пренебрегает двумя существенными факторами морали: чувствами и свободой воли. Она игнорирует прежде всего чувства. В глазах Спинозы чувствительность и разумность—одно и то же⁵.

Но чувствительность не есть только свойство человеческого общества. Известная доля «сознательности», чувствительности свойственна и животным, и растениям, и даже неорганическому веществу. «Не существует ли,—спрашивает Вормс,—как думал Лейбниц, постепенной лестницы сознания, спускающейся бесконечно малыми ступенями от человека до неорганического существа». И отвечает на этот вопрос утвердительно, ссылаясь на то, что «этот взгляд недавно нашел подтверждение в работах Бючли⁶». Иначе говоря, мы видим в данном случае у Вормса теорию панпсихизма.

Последняя вместе с отсутствием диалектического взгляда на природу помешала научно обосновать классификацию наук как Конту, так и Вормсу. Вормс не раз говаривал, что принципы классификации наук им заимствованы у Конта. Но у родоначальника позитивизма классификация наук построена на принципах, толкование которых может быть двояким: или в основу кладется единство природы, подчеркивается это единство, или наряду с единством—своеобразие, специфичность. Целый ряд исследователей Конта видят у него или то, или другое. В современной французской социологии теории Вормса и Дюркгейма подчеркивают свое согласие с одним из вышеуказанных принципов. По мнению Леви-Брюля, высказанному в работе о Конте, именно Дюркгейм является истинным наследником Конта, потому что он в своей социологической теории старался обосновать своеобразие общественной жизни и ее проявлений, не могущее быть сведенным к законам низших областей. Вормс же наоборот привлекает мысль об единстве мира, единстве различных его областей: природы и общества. Некоторую эволюцию в этом вопросе Вормс проделал, но не такую решительную, чтобы мы смогли говорить об изменении у него принципиальных взглядов на основы построения классификации наук. Эта эволюция заключалась в том, что в позднейший период своей научной деятельности Вормс принужден был обратить внимание на выявление разнообразия в природе и обществе, более, чем он делал раньше, его подчеркнуть. В работе «Организм и общество» идея единства, связи общества и природы была его *idée fixe*. Это обстоятельство не могло, конечно, придать его классификации наук сколько-нибудь прочный фундамент. Ибо вопрос о своеобразии отдельных наук не был научно решен.

Только Энгельсу в его «Диалектике природы» удалось, основываясь на диалектическом понимании мира, наметить и обосновать классификацию наук. Дальнейшей задачей марксистской философии является разработка гениального наброска Энгельса.

Будучи согласен в принципах построения классификации с Контом, Вормс разделяет также взгляд Конта на расположение наук в порядке возрастающей сложности и своеобразия (самую классификацию Вормс предлагает несколько отличную от контовской). В своей ранней работе «Элементы научной философии и философии моральной» Вормс в классификацию включает четыре группы наук: математические, физические, естественные и социальные. Первые две—абстрактные, вторые—конкретные. Каждая из групп в свою очередь расчленяется в ряд, построенный по тому же принципу.

⁵ «Мораль Спинозы», 180.

⁶ «Общество и организм», 12—13.

В «Философии социальных наук» классификация Вормса несколько меняется: отправляясь от деления мира на три области: космическую, биологическую и социальную, Вормс полагает, что в каждой области имеются, с одной стороны, науки о явлениях, а с другой—науки о существах. Это деление, соответствующее контовскому, на основные и частные, Вормс заимствовал от Мануври. В итоге классификация Вормса получает следующий вид: области космической соответствуют геометрия, механика, астрономия, физика и химия (науки о феноменах), и космография, география, геология, минералогия (науки о существах). Области биологии: анатомия, физиология (науки о феноменах), ботаника и зоология (науки о существах). Наконец, области социальной—ряд других наук о феноменах и существах. Указанный выше основной порок классификации Вормса выявляется с необычайной отчетливостью. В основу берется деление природы, давно оставленное наукой. Сам Вормс признавал некоторую искусственность своего деления, указывая, что грани между областями природы относительно, искусственны. Помимо того, основные деления Вормса настолько широки, что они не могут просто быть противопоставлены друг другу. Ибо всякая классификация —не только объединение, но и противопоставление (размежевание). К примеру, область космологии включает целый ряд таких групп явлений, которые более отличны друг от друга, чем сходны.

Помимо основного недостатка, мы можем отметить в классификации и другие. В первом литературном опыте (раннем) самое деление на науки конкретные и абстрактные искусственно. Всякая наука имеет дело с фактами и с отношениями между ними. Всякая наука имеет дело с обобщениями, законами. Вормс принужден был отказаться от этого противопоставления, ибо иначе он был бы лишен возможности обосновывать правомерность социологии.

Последним вопросом, на котором следует остановиться при характеристике философских взглядов Вормса, является понимание им сущности самой философии. И здесь мы должны констатировать сходство его воззрений с Контом.

Философия в их представлении—это общий синтез наук, общие выводы из всех наук. Но философия не только система, а и точка отправления наук. Ее объектом является чувственный мир, но не абстрактные рассуждения о «происхождении и целях всех вещей». Ее метод—наблюдение. Философия, по Вормсу, составляется из философии космической, органической и социальной. Таковы философские взгляды Вормса, нет необходимости останавливаться на разборе их, ибо эта задача критики позитивизма уже не раз решалась в марксистской литературе.

V

Период конца прошлого и начала настоящего столетия был полон попыток обоснования синтетической науки об обществе. Печальные предшествующие опыты породили немало скептиков, отрицавших возможность ее построения. Вормс в одной из последних своих статей вспоминает о том недоверии, с каким было встречено выступление группы социологов в защиту новой науки об обществе. Задачу реабилитации взяли на себя Дюркгейм, Вормс, Тард, де-Поберти и др. Каждая школа по-своему решала вопрос. Общим для них было убеждение в самостоятельности этой науки, независимости ее от других дисциплин. Различало же—понимание сущности социологии. Для одних (Дюркгейм в ранний период, отчасти Конт) последняя

представлялась суммой специальных общественных наук. Для других—не суммой, но синтезом их. Горячим сторонником последнего понимания был Вормс.

Социальные науки и социология, по Вормсу, имеют своим объектом общественные элементы и факты. Предмет у них общий—социальная действительность. Линией водораздела является тот аспект, под которым могут быть рассматриваемы социальные явления. Специальные науки изучают социальные функции. Последние различны. Отсюда и наличие многих специальных дисциплин: экономика, мораль, религия и т. д. Социальная наука не одна. Их столько, сколько социальных функций. Социология же имеет дело с социальной формой. Это первое различие между ними.

Далее. Характернейшей чертой социологии, по Вормсу, является ее синтетичность. Она не частная наука, как политическая экономия, наука о морали и т. д. Она обобщает данные специальных наук, объединяет результаты, указывает на сотрудничество, соприкосновение отдельных дисциплин при трактовке вопросов, она синтезирует то, что разъединяют специальные науки. Иначе говоря, социология—общая наука об обществе, но не специальная. В качестве таковой она является точкой отправления социальных наук и их заключительным аккордом. Исходным пунктом потому, что она указывает им на их объект и методы. Вершиной—следствие того, что на основе добытых ими данных она строит свой собственный синтез. Социология, по Вормсу, является не чем иным, как «главнейшей ветвью» общей философии, является философией социальных наук. Важнейшая работа Вормса по социологии, в которой он свел воедино свои литературные труды предшествующих лет, озаглавлена «Философия социальных наук». Она состоит из трех частей (книг). Первая посвящена проблеме объекта социальных наук и рассматривает общество в статическом разрезе. Вторая трактует о методе. Третья анализирует выводы из социальных наук. Положение социологии аналогично космологии и биологии. Последние также являются синтезом частных наук.

Следующей характернейшей чертой социологии является ее «научность».

Социология—наука. Этот признак особенно подчеркивается Вормсом. Ибо наряду с наукой существует искусство. Социология—наука, но не искусство. Наряду с этим делением Вормс вводит и другое, отличное от первого, деление на теорию и практику. Наука не противопоставляется практике, а теория искусству. «Наука есть теория природы. Искусство—теория действия», говорит Вормс⁷. «Теория—порядок общий и абстрактный, практика—частный и конкретный»⁸. Искусство не что иное, как «осознанная практика»⁹. Общее между искусством и практикой заключается в том, что оба стремятся к действию. Наука же стремится «только знать». Искусство формулирует идеал. Наука имеет дело с реальным, с тем, что было и есть. Первое предписывает правила, вторая выводит законы. «Наука есть синтез наших знаний, искусство—синтетическое правило нашей активности»¹⁰. Первое обращается к воле, вторая к рассудку, интеллекту. При помощи науки человек познает мир, через искусство улучшает его. Различию в целях соответствует различие в методах. Наука действует при помощи наблюдения, классификации

⁷ «Philosophie des sciences sociales», II, 185.

⁸ «Sociologie», 9.

⁹ «La science et l'art en économie politique», 30.

¹⁰ «Philosophie», I, 168.

и индукции, искусство же через вывод из определенных принципов. Итак, социология—наука. Всякой науке соответствует искусство. Экономической науке—экономическое искусство, дающее указание на то, как изменять явления согласно идеалу. Юридической науке—искусство законодателя, юрисконсульты, судьи и т. д. Что касается искусства, соответствующего социологии, то, по мнению Вормса, «время социологического искусства наступит позже». Когда, каковы условия его появления, Вормс умалчивает.

Последним моментом, характеризующим взгляды Вормса на социологию, является вопрос о ее разделении. Как известно, Конт впервые разделил ее на социальную статику и динамику, или иначе социальную анатомию и физиологию. Вормс, принимая в основном это расчленение, все же вносит ряд коррективов. Его, прежде всего, не удовлетворяет подчеркивание Контом роли статики. По Вормсу, статика представляет собою лишь познавательный прием, который доставляет ограниченный результат. Само «разделение не отвечает реальному. В природе не существует покоя»¹¹. Далее Вормс упрекает Конта в забвении понятия кинематики, вследствие чего аналогия между механикой и социальной физикой носит характер несколько произвольный. Ибо механика имеет дело с кинематикой. Наиболее существенное возражение Вормс приводит в отношении соответствия у Конта статики анатомии, динамики—физиологии. По мнению Вормса, знака равенства между этими понятиями ставить нельзя. Социальная структура (анатомия) не находится в состоянии покоя. Общественные элементы и их отношения подвержены непрерывным трансформациям. Также и в отношении физиологии. Мы можем наблюдать последнюю в статическом разрезе. В итоге—вместо двухчленного деления Вормс вводит четырехчленное: статическая анатомия (структура), статическая физиология (социальная функция), динамическая анатомия, динамическая физиология (функция в ее эволюции)¹².

Данное расчленение имеет только познавательное значение: В реальной жизни, объективно, оно не существует. Но как познавательный прием оно, во-первых, показывает «начальную независимость и отдельное происхождение этих двух делений»¹³, а затем их тесную связь и «перекрещивание» друг с другом.

Таковы в основном воззрения Вормса на социологию. С первого взгляда некоторые мысли Вормса о сущности социологии и соотношении ее со специальными науками могут показаться верными. В самом деле, социология, по Вормсу, является точкой отправления частных социальных наук, т. е. она является как бы методологией их. Но пристальный анализ показывает, что такое первоначальное суждение было бы ошибочным. В этом нас убеждают понимание философии Вормсом и развиваемая им при этом аргументация. Для Вормса философия как общая, так и социальная, является синтезом частных наук, в первом случае всех, в другом только социальных. Иначе говоря, философия объединяет данные отдельных наук. Подобное понимание, конечно, не может рассматриваться как правильное, ни с логической, ни с исторической точки зрения. С исторической потому, что оно настаивает на возникновении социологии после того, как появились частные науки. Между тем история общественных наук не дает права говорить о существовании

¹¹ «Philosophie», I, 175.

¹² «Philosophie», I, 178.

¹³ «Philosophie», I, 179.

подобной последовательности. Наоборот, она указывает на то, что целый ряд наук возникает только после того, как положено было начало социологии.

Основное же заблуждение Вормса заключается в том, что для него социология представляет по преимуществу сводку общих данных социальных дисциплин. Философия социальных наук для Вормса не является тем, что на марксистском языке получило наименование метода. Социология не является, по Вормсу, методологией. Нас ни в коем случае не должно ввести в смущение встречающееся у Вормса утверждение, что социология указывает специальным наукам их объект и метод. Ведь совершенно две различные вещи: быть методом и трактовать о методе. Вормс, поскольку он полагает, что социология синтезирует данные частных наук, конечно не мог не включить в нее рассуждений об их методе.

Вормс на основании анализа частных наук развивает в социологии учение о методе. Но с нашей точки зрения он далек от того, чтобы объявить социологию общественной методологией. Вся его беда, следовательно, заключается в том, что философия в его представлении только синтез. Между тем философия и социология в марксистском понимании не синтез. Как та, так и другая, будучи науками о связях, законах развития, представляются вместе с тем и методом для частных дисциплин. Говорить о социологии только как о синтезе, значит ставить ее в зависимое положение от развития специальных общественных наук, значит недооценивать ее роль как метода. Конечно было бы легкомысленным отрицать значение для социологии всего исторического опыта развития частных наук. Социология, как и философия, опирается на результаты отдельных наук. Положения социологии проверяются развитием отдельных общественных наук. Но на основании синтеза последних мы не получим науки, которая занимается выявлением логики развития общества. Социология, или исторический материализм, является наукой, получающейся в результате применения «теоретического мышления», т. е. материалистической диалектики, к обществу и его развитию. В итоге—логика общественно-исторического процесса. Будучи примененной к изучению социальной действительности, она выступает как метод ее исследования. Иначе говоря, социология—мы имеем в виду действительно научную социологию—марксистскую—находится в иной связи, ином взаимоотношении с частными социальными науками, чем то представлялось Вормсу.

Не меньшее возражение, а подчас и недоумение вызывает противопоставление науки и искусства. Все воздвигнутое Вормсом построение страдает чрезвычайной надуманностью. Но последняя характерна не только для Вормса, но и для многих французских социологов. Еще Эспинас стремился различить два понятия: социологического искусства и социальной науки. Вслед за Эспиной это разделение считал правомерным и Дюркгейм. Но за общностью постановки вопроса скрадывается значительное различие в трактовке. Дюркгейм далек был от того, чтобы считать интерес к социологии чисто спекулятивным. С его точки зрения социология призвана играть значительную практическую роль. Социология, по его мнению, даже в состоянии указать те цели, которые должны осуществлять люди. Но все же социология—наука, а осуществление, действие есть область социологического искусства. Вормс значительно резче проводит разграничение науки от искусства. Только последнее устанавливает цели, т. е. идеалы. Само же искусство отыскивает средства осуществления целей и правила действия. Наука бесстрастна. Мы не можем не признать, что дюрк-

геймовская постановка вопроса значительно ближе к истине. Основное заблуждение Вормса заключается в том, что им дается неадекватное освещение природы идеала.

Вормс, если не целиком, то во всяком случае непомерно отрывает идеал от действительности. Говорит же он, что «искусство представляется высшим проявлением человеческой свободы, утверждающейся в противовес природе. Оно есть синтез наших потребностей, стремлений и воли»¹⁴. Правда, Вормс не отрицает влияния науки при конституировании целей. Особенно это касается определения тех путей, благодаря которым может быть достигнута та или иная цель. «Наука,—говорит Вормс,—освещает путь для искусства и практики». Но нам представляется, что он чрезвычайно много возлагает на способности человека, группы. Наличие в теории действия,—«элемента нового и важного», заставляет Вормса настаивать на наименовании искусства и отказаться от общепринятой терминологии «прикладной науки». Это изменение, внесенное Вормсом, в состоянии лишь запутать вопрос, дать с самого начала неправильное направление для его разрешения. Наиболее наглядно это можно проследить на общественном знании. Мы уже отмечали, что, по Вормсу, каждой специальной общественной науке соответствует «прикладная наука», или, как он говорит, искусство. Политической экономии, как науке, соответствует экономическое искусство. Вот на этом конкретном примере становится наиболее очевидной шаткость позиции Вормса. Что теоретическая экономия—не то же самое, что экономическое искусство или, выражаясь современным языком, экономическая политика, в этом никто конечно не сомневается. Но что существует между ними как дисциплинами принципиальное различие, простирающееся вплоть до различия в методах—это положение Вормса не может расцениваться иначе, как ошибочное. Как законы, открываемые политической экономией, так и законы экономической политики имеют одну и ту же природу. Они отражают действительность и ее развитие. По Вормсу один императивен, другой индикативен, на самом деле оба термина в равной степени приложимы к обеим дисциплинам. Законы политической экономии, выражая движение действительности, вместе с тем намечают тенденции ее развития. Иначе говоря, они приоткрывают завесу, отгораживающую нас от будущего. То же можно сказать и о законах, формулируемых экономической политикой. Обе дисциплины поэтому являются науками и одновременно теорией действия. Обе науки пользуются в равной степени индукцией и дедукцией. Цели, или иначе, по Вормсу, идеалы, осуществление которых ставится в порядок дня, устанавливаются на основе изучения общественной жизни, объективного хода ее развития. Экономическая политика, право, мораль и пр. «искусства» также являются науками, как и теоретическая экономия и др. общественные науки. К попытке Вормса внести нечто иное в понимание соотношения теоретических и прикладных наук поэтому нельзя отнестись иначе, как к бесплодной и лишенной научного основания. Надо ли также подвергать сомнению всю искусственность проводимого Вормсом различения теории и науки?

Последним мнением, требующим внимания, является упорно повторяемое буржуазными социологами разделение социологии на статику и динамику. Вормс, как мы видели выше, внес ряд поправок к положениям Конта. Они, на наш взгляд, изменяют к лучшему данное Контом соотно-

¹⁴ «La science et l'art en économie politique», 36.

шение двух частей социологии. Но все же правильного решения вопроса они не дают. Основной недостаток контовского решения заключается в недиалектическом понимании отношения статики к динамике. Между этими двумя категориями у Конта пролегает глубокая пропасть. Вормс же разрешает вопрос путем подчеркивания субъективности статики. В действительности же мы имеем дело лишь с постоянным движением.

В марксистской литературе и вообще среди марксистов является преобладающим убеждение, что самое понятие статики чуждо марксовой теории общества. Нам представляется, что это не так. Необходимо различать статику в контовском смысле и статику в диалектическом освещении. Совершенно верно, что абсолютно лишь движение материи. Но в каждый данный момент каждая вещь может быть наблюдаема и в статическом положении. Ведь диалектическая логика не упраздняет формальной логики, но преодолевает ее. Подобно тому, как последняя является моментом первой, так и покой есть частный случай движения. Разве, к примеру, мы не вправе рассматривать взаимоотношение производительных сил и производственных отношений в аспекте данного момента. Исследователь-марксист в своей научной практике встречается с необходимостью подобного рассмотрения довольно часто. Но все различие между ним и ограниченным буржуазным мышлением заключается в том, что марксист не может остановиться на рассмотрении явления в его статике. Он считает себя более обеспеченным от всяких ошибок только тогда, когда рассматривает социальный факт в развитии. Не может быть противопоставления статики динамике. Первая представляет момент постоянно изменяющейся социальной действительности. Вормс не понял взаимоотношения этих двух способов рассмотрения. Он, так же, как Конт, остановился на точке зрения их принципиального противопоставления. Подобная метафизичность привела его к признанию двух видов социальных законов, разъединенных друг от друга. Что касается названий анатомии, физиологии, заимствованных из естествознания, то нужно сказать, что они являются у Вормса существенным остатком от периода увлечения его органицизмом. Любопытно, что в работе 1926 года «Социология, ее природа..» Вормс выражения, употребительные в механике и часто оспариваемые, заменяет более приемлемыми: социальная структура, социальные функции, социальная эволюция.

Все сказанное нами выше о понимании Вормсом социологии убеждает в том, что разрешение проблемы социологии, как науки, в результате работ Вормса мало продвинулось вперед. И это вовсе не потому, что ему не удалось разрешить только что рассмотренные вопросы, но главным образом вследствие того, что объект социологии им был выделен далеко не четко из среды объектов других наук. Одно указание на то, что именно область социального является предметом социологии и частных общественных наук, не в состоянии обосновать социологии. Необходимо принципиальное отграничение области общественного от природы. Необходимо было понимание общественного как особого качества, отличного от других качественных областей единой природы. Этого, как мы увидим из следующей главы, недоставало концепции Вормса.

Что социология имеет своим предметом общественные факты, социальную жизнь, в этом согласны все направления французской социологической мысли. Основным вопросом, разделяющим их, является вопрос о сущности общества и социального факта. То или иное понимание общества придает своеобразие социологическому направлению и делает его таковым.

Вполне понятно поэтому, что Вормс уделяет этой проблеме много внимания. В трактовке понятия общества он проделал некую эволюцию. В раннем своем произведении все усилие его синтетических способностей было направлено на сближение общества и организма. Моменты, их отличающие, Вормс упоминает мимоходом. «Общество,—говорит Вормс,—прочное соединение живых существ, проявляющее свою деятельность сообща»¹⁶. Чем характерно приведенное определение? Тем, что в нем подчеркивается наличие связи живых существ, прочность установившейся связи и, наконец, общность деятельности. Но в нем нет ничего, что бы свидетельствовало о своеобразии общества. Между тем Вормс уже тогда отлично понимал, что отождествлять общество с организмом нельзя. Можно лишь говорить об их подобии. Общество, по Вормсу,—организм плюс некоторая специфичность. В чем заключается последняя? «Большая доля разума и свободы в составных частях, в особенности же более высокая степень сложности в обществах, чем в организмах»¹⁶,— что мешает проведению полной аналогии между двумя понятиями. Это новое в обществе побудило Вормса, не отрывая его от организма, назвать его суперорганизмом.

Прошло несколько лет упорной борьбы за органическое мировоззрение, и под влиянием доводов своих критиков Вормс признает, что и другие теории имеют сильные стороны. В «Философии социальных наук» Вормс ставит себе задачу не столько сближить общество с организмом, сколько выявить их различие. Вормс стремится примирить боровшиеся течения по всем вопросам, в том числе и по основному. Поэтому он не довольствуется старым определением общества, но предлагает иное, в котором звучат новые мотивы. «Общество,—пишет Вормс,—есть коллективное единство, существование которого необходимо для поддержания индивидуальных жизней»¹⁷. Подчеркивание общества, как единства, целого, выдвигается на передний план. Это целое получается в результате связи индивидов на основе сходства среды, расы, семьи, политического объединения, общих воззрений и т. д. Связь индивидов отличается характером общим, но не специальным, длительным, наконец, она сознается людьми. Но не это делает человеческое общество обществом. Сознание преследуемой цели¹⁸, вот что отличает общество от организма. «Социальное существование—самое полное, самое богатое, самое возвышенное»¹⁹. Поэтому общество с точки зрения Вормса появляется там, где налицо *intelligence*²⁰.

Но сказанным не исчерпывается характеристика общества, данная Вормсом.

Вормс настаивает на реальности общества. В этом отношении он расходится с Дюркгеймом и Тардом. В противовес точке зрения Тарда Вормс утверждает, «что нет необходимой связи между устойчивостью элементов общества и сохранением его формы и функции»²¹. «Вы ошибаетесь,—обращается он к Тарду,—отрицая всякое другое существование, кроме существования изолированных людей»²². Но точно так же является ложным рассмат-

¹⁶ «Общество и организм», 16.

¹⁶ «Там же» 234.

¹⁷ «Philosophie», I, 31.

¹⁸ «Sociologie», 31.

¹⁹ «Philosophie» I, 23.

²⁰ «Soelologie», 31.

²¹ «Philosophie», I, 56.

²² «Sociologie», 42.

ривать общество вне составляющих его индивидов. «Когда говорят о социальном теле, этим хотят указать на совокупность граждан»,—говорит Вормс²³. «Когда говорят о коллективном духе, имеют в виду индивидуальные, рассматриваемые в их совокупности». Что же делает общество реальностью?

Ответ Вормса чрезвычайно любопытен: «Если не хотят признать теорию органицизма, согласно которой оно составлено из связи одновременно анатомической и физиологической, остается признать по меньшей мере, что оно состоит из психологической связи его элементов»²⁴. Патриотические чувства, которые воодушевляют нацию во время войны, являются, по Вормсу, подтверждением единства общества, доказательством того, что общество является «истинным существом». Стремление отграничить общество как социологическое понятие от других групп, которые некоторыми социологами также называются обществами, побудило Вормса к внесению нового признака, характерного для общества. Общество, по Вормсу, самодостаточно, оно самодовлеющая группа. В каждый определенный исторический период существовало общество. То оно было представлено древней семьей, то последовательно городом (*cité*), а то империей. На современном этапе развития человечества общество олицетворяется в нации. Сколько наций, столько и обществ. Человечество идет к единому обществу.

Понимание общества является, так сказать, отправным пунктом всякой социологической теории. Первая непосредственная задача социологии заключается в изучении тех элементов, из которых состоит общество, и тех отношений, которые возникают между элементами.

Общество, по Вормсу, состоит из человеческих и нечеловеческих элементов. Первые представляются людьми и их объединениями: профессиональными, классовыми и пр. «Общество не прямо составляется из индивидов»²⁵. Вторые состоят из природы и техники. Мы не будем останавливаться на этой стороне учения Вормса, несмотря на то, что она помогла бы нам уяснить взгляды его на сущность профессии, класса и т. д. Отметим лишь, что мысль о вещественных элементах, без указания на то, что они являются сгустком прошлого общественного труда, приобретает характер значительной неясности и поверхностного суждения.

Элементы общества, находясь в состоянии непрерывного воздействия друг на друга, порождают то, что Вормс называет социальными фактами. Пройти мимо социального факта не мог Вормс, ибо этот вопрос являлся и является предметом горячего обсуждения социологов различных направлений. В новейшей французской социологии существует несколько обоснований сущности социального факта. Теория Тарда сводила сущность последнего к подражанию. По мнению Бугле, и совершенно справедливому, эта точка зрения была наиболее отдаленной от натуралистов и экономистов. В противовес концепции Тарда Дюркгейм выдвигал иную, по которой сущность социального факта усматривалась в его принудительности по отношению к индивидуальным сознаниям. Бело попытался в своей работе «Этюды о позитивной морали» примирить и превзойти указанные выше теории. Сознательный контакт—договоренность—значительно лучше, по его мнению, отражает сущность социального факта, нежели «гнетущая» принудительность и подражательность. Вормс не удовлетворился ни одной из предложенных

²³ «Sociologie», 46.

²⁴ «Philosophie», 7.

²⁵ «Philosophie», I, 64.

теорий. Это не значит, что они ложны. Нет, их недостаток, по Вормсу, заключается в том, что они односторонни. Так же, как и подражание, принудительность выражает социальные факты. Но далеко не все. Между тем, в качестве конституирующего признака должен быть взят такой, который бы был свойственен им всем. Такой характерной чертой Вормс считает *сопсуорс*. «Социально все то в наших глазах, что предполагает *сопсуорс* многих индивидов»²⁶. *Сопсуорс*—не простой контакт, но общая деятельность, кооперация. Что представляет, к примеру, коллективная охота как социальное явление? спрашивает Вормс. «*Сопсуорс* энергий, обнаруживаемых всеми членами, в преследовании одной и той же цели»²⁷. В других случаях мы имеем согласие или сочтание воли или мыслей. Но всюду мы видим все же *сопсуорс*. Вормс не удовлетворился выяснением сущности социального факта, но попытался выяснить «внешний и внутренний» их характер, дать классификацию. Под внешним характером Вормс понимает те черты, которые можно наблюдать извне. Таковы: многочисленность, сложность социальных фактов, разнообразие в пространстве и изменчивость во времени. Внутренние черты, присущие всякому социальному факту, могут быть выявлены лишь при углубленном их рассмотрении. Они, во-первых, *mentales*. «В каждом социальном факте,—говорит Вормс,—имеется общее представление» (*representations*)²⁸. Хотя многие социальные факты,—продолжает он,—выражаются в различных материальных актах, но в действительности «общая мысль воодушевляет их». В другом месте ту же мысль Вормс выражает иначе: «Социальные факты—прежде всего факты психические»²⁹.

Вторым внутренним признаком является каузальность. Каждый социальный факт имеет причину. Случай не разрушает причинности. Вормс согласен с определением случая, данным Курно: случай есть «пересечение двух независимых рядов». Третьим признаком является правильность (*regularité*), т. е. существуют и повторяются типические явления в различных странах и исторических периодах. Наконец, последним свойством является внутренняя финальность (*finalité*), иначе говоря, внутренняя целеустремленность. «Социальные явления—по Вормсу—представляются не чем иным, как проявлением человеческой воли»³⁰.

От характеристики социальных фактов Вормс переходит к их различению и классификации. Начинает Вормс с критики классификации Греефа. Последний в основу своей классификации положил принципы классификации наук Конта. В результате у Греефа получилась лестница в семь ступеней. Начинается она с экономических фактов и кончается политическими. Вормс полагает, что классификация Греефа спорна потому, что «мы не уверены», что существуют категории явлений более общие, а другие—менее. Всюду, где существует экономическая жизнь, говорит Вормс, существует под различными формами жизнь семейная, моральная, интеллектуальная³¹. В основу своей классификации он кладет основные социальные функции. Их три: функция питания, воспроизводства, отношения. Первой соответствуют экономические факты, второй—семейные, третьей—с одной стороны, моральные, религиозные, интеллектуальные, эстетические, а с другой—

²⁶ «*Sociologie*», 38.

²⁷ «*Philosophie*», I, 84.

²⁸ «*Philosophie*», I, 92.

²⁹ «*Philosophie*», I, 21.

³⁰ «*Philosophie*», I, 98.

³¹ «*Philosophie*», I, 102.

юридические и политические. Вопреки попытке Греефа, Вормс не считает возможным устанавливать отношения соподчиненности, иерархичности между различными категориями социальных явлений. Каждый социальный факт имеет значение и не допускает приоритета других.

Фирканд в своей работе «Преодоление позитивизма в современной немецкой социологии» одним из характернейших признаков позитивизма считает механистический взгляд на общество, по которому последнее представляет совокупность индивидов. Нам кажется, что такое категоричное утверждение не учитывает того своеобразия, которое существует во взглядах на общество среди сторонников позитивизма. К примеру, Дюркгейм, как мы можем заключить из приведенных выше слов, хотя и позитивист, но стоит на точке зрения универсализма (выражение Франка). Как мы показали в другой статье, дюркгеймовское понятие общества носит на себе черты мистицизма. Идеал, бог, система коллективных сознаний, по Дюркгейму, синонимы общества. Вормс сочетает в себе крайности универсализма и индивидуализма. Вообще в истории социологии мы наблюдаем несколько течений по данному вопросу. К примеру, Барт полагает, что «мы не должны забывать, что отдельный человек есть только абстракция, что только общество действительно живет»³². Противоположную точку зрения занимает Кареев, по которому «личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология». Вормс, по нашему мнению, занимает промежуточную позицию. Общество для него, с одной стороны, реальность, единство, самодостаточность, а с другой—оно ничто вне составляющих его индивидов. Личность формируется обществом, но и обратно личности воздействуют на него. Подобная концепция у Вормса явилась результатом сочетания натурализма с психологизмом. Натуралистические тенденции заставляют Вормса настаивать на реальности общества и пр., психологические же—на значительной роли индивидуального сознания.

Само по себе признание реальности общества является конечно правильным. Но без раскрытия смысла, источника реальности, оно далеко не является достаточным. Можно считать, как это делает органическая школа, что связь анатомическая, физиологическая, подобно той, что существует в отдельных организмах, делает общество реальностью. Можно видеть источник реальности общества в единстве психической, духовной связи. Вормс, как видно из его слов, склонен это признать. Но все же ни физическая, ни психологическая связь не делают общество реальностью. Реальность его—специфическая, вытекающая из своеобразия его природы. То, что Вормс не понял этой специфичности, что он не обосновал ее, это обстоятельство определило слабость его социологической теории. Видя характерное в обществе в психологической связи его элементов, Вормс не смог отграничить социальное от психического. Не отрывая же общество от органической области, признавая принципы биологии свойственными человеческому обществу, Вормс не дифференцировал социальное от естественного.

Правильное решение вопроса заключается в признании общества системой производственных отношений. Взаимодействие людей на почве производственной деятельности делает общество реальностью. Неспособность понять своеобразие общества привела Вормса к тому, что констатирование самодостаточности общества не получило надлежащего обоснования.

³² «Философия истории как социология», 237.

Что общество самодостаточно, что иные общественные группы не являются таковыми—возражать против этого невозможно. Но опять-таки все дело в том, чтобы показать источник, природу этой самодостаточности. Вормс ограничился лишь утверждением. В лучшем случае его положение можно признать тавтологическим: для того, чтобы общество было самодостаточным, необходимо, чтобы были налицо все элементы, все функции, благодаря которым оно может быть самостоятельным. В буржуазной литературе мы знаем много попыток рассмотрения общества как некой самодовлеющей группы. К примеру, Зиммель в своей «Социальной дифференциации» писал: «Границы собственно социального существа можно видеть там, где взаимодействие личностей между собою проявляется не только в их субъективных состояниях или поступках, но создает объективное образование, которое обладает известной независимостью от отдельных участвующих в нем личностей»²³. Объективное же образование, по Зиммелю, заключается в различных формах «права, нравов, общения», к которым должен неизбежно присоединиться всякий индивид. Иначе говоря, налицо психологическое обоснование самостоятельности общества. Решение вопроса должно быть иное. Источник самодостаточности, мы не находим ничего предосудительного в самом термине, лежит в трудовой организации общества, в том, что общество прежде всего—совокупность общественных отношений, возникающих в процессе производства. Наконец, на наш взгляд, представляется неверной и третья характерная черта общества, данная Вормсом. Вормс полагает, что общество есть единство. Как понимать последнее? По мнению Вундта, признание данного объекта единством зависит от точки зрения познающего субъекта. Вормс, как эмпирик, в известной степени органицист, считает, что единство дается в самом предмете. Общество живет, развивается как всякое целое, подобно тому как живет и развивается индивидуальный организм. Марксизм также видит в обществе единство. Маркс не раз называл общество социальным организмом, «общественным субъектом». Но его понимание единства отличается от понимания Вормса тем, что последний не видел в общественном целом разнообразия. Общество, с точки зрения марксистской социологии,—единство многообразия. Вормс, хотя, как мы увидим далее, и говорил об отдельных общественных формах, но не установил понятия общественной формации. Это обстоятельство придало его понятию общества метафизический характер, свойственный вообще всему буржуазному мышлению. Таковы основные соображения, которые необходимо было привести в отношении трактовки Вормсом исходного пункта всякой социологии.

Не меньше возражения вызывает предложенное Вормсом разрешение проблемы социального факта. Подобно тому как общество отличается от животных сознательностью, так же и органический факт отличается от общественного тем, что последний представляется по преимуществу психическим. Так ставит вопрос Вормс. Является ли необходимым подвергать критике подобное утверждение? Она была бы уместна, если бы анализ социологии Вормса предназначался для аудитории, находящейся в плену буржуазных социологических представлений. В данном случае одно констатирование является достаточным для того, чтобы убедиться в неправомерности данного Вормсом решения.

Насколько сопоис Вормса лучше выражает сущность социального факта, чем, к примеру, «принуждение» Дюркгейма или «подражание» Тарда?

²³ «Социальная дифференциация», 23.

Мы полагаем, что все эти теории социального факта далеки от истины. Основной их недостаток заключается в том, что они схватывают не «сущность», но внешнюю, бросающуюся в глаза черту социальных фактов. Помимо того, и подражание и принуждение и *сопсоус* выражают свойства не только социальных явлений. В самом деле, разве кто в силах опровергнуть наличие принуждения и в естественной области, разве *сопсоус* не может иметь места по отношению к фактам физиологическим? Определение сущности общественного факта должно быть таковым, чтобы оно отличало социальный факт от *характеристики явлений* смежных областей. Мы не можем ничего прибавить к тому определению, которое нами дано в статье, посвященной социологии Дюркгейма. Мы писали, что социальное явление представляет взаимодействие людей на почве их производственной деятельности. Это определение, на наш взгляд, является содержательным, а не формальным. Оно в действительности схватывает сущность социального факта. *Сопсоус* же Вормса по существу должен быть отнесен к разряду тех черт, которые сам Вормс назвал внешними.

Обращаясь к классификации социальных фактов, данной Вормсом, мы ограничимся следующими основными замечаниями. Во-первых, в основу классификации Вормсом кладутся основные факты, принципы органической жизни, т. е. игнорируется специфичность общественной жизни. Сказать, что основными социальными функциями являются функции питания, воспроизводства и отношения, это значит ограничиваться поверхностными аналогиями. Далее—признать, что все социальные факты имеют одинаковое значение и роль в социальной области, значит заранее оправдать тот эклектизм, который так характерен для метода Вормса. Исправляя классификацию Греефа, Вормс не приблизил разрешение вопроса, но в значительной степени его затруднил.

VII

Как и многие другие вопросы, Вормс проблему социального развития поставил достаточно широко. Почти все основные вопросы, имеющие к ней отношение, так или иначе освещены. Как и в других случаях, Вормсом привлекается разнообразный материал, главным образом в виде сопоставления различных теорий. Несмотря на все это, все же анализ Вормсом проблемы не приобретает глубоко исследовательского характера. Трактовка проблемы социального развития начинается с чрезвычайно важного, но достаточно темного вопроса о происхождении обществ. Разбор последнего ведется в плоскости методологической. Отмечая существование двух противоположных учений о происхождении обществ, Вормс старается примирить теорию общественного договора и теорию органическую.

Гипотеза Руссо, по Вормсу, ни в каком случае не может быть принята, ибо имеющиеся факты из истории культуры ее не подтверждают. Но и теория Спенсера нуждается в коррективе. Вывод: «органическая теория дает возможность понять возникновение обществ, а договорная—позднейшие этапы их развития. Общества рождаются по образцу организмов и действуют сначала согласно законам последних. Затем они прогрессируют способом специфически человеческим, направляясь к идеалу, установленному умом... они стремятся реализовать между своими членами равенство и договорную солидарность»³⁴.

³⁴ «Sociologic», 54.

Самый процесс перехода от животного состояния в человеческое совершается без толчков, перерыва, при посредстве мира умственного (*mental*). Люди не сознательно объединяются в общества. «Они,—по Вормсу,—рождаются ассоциированными». Раз возникнув, общество развивается, оно эволюционирует. Вормс отличает эволюцию от прогресса. Он предпочитает говорить об эволюции обществ, но не об их прогрессе. Страницы, посвященные различию эволюции и прогресса, любопытны и содержат подчас верные мысли. Эволюция для Вормса понятие нейтральное, не включающее момента оценки, прогресс же—субъективное. Прогрессивным является, по Вормсу, все, что представляет улучшение по сравнению с предыдущим состоянием. А критерий? «Критерий этого улучшения мы извлекаем из самих себя»³⁵. «Не существует общего и объективного критерия прогресса»³⁶. В приведенных рассуждениях Вормса верным является убеждение в отсутствии общего критерия, но неправильно, что нет объективного. Вопрос о прогрессе ставится Вормсом на очень шаткий фундамент: признания безусловной, абсолютной относительности наших представлений о прогрессе. Правильное решение проблемы предполагает субъективный критерий класса на основе понимания объективных законов развития данной общественной формации. Что же является движущей силой социальной эволюции по Вормсу? Из четырех возможных факторов: человеческого желания, действия среды, социальной структуры и влияния орудий производства, основным двигателем общественного развития является желание лучшего (*désir*), причем желание лучшего не только в смысле Спинозовского самосохранения, но количественного и качественного улучшения условий жизни индивидуума. Желание, по Вормсу, это—«импульс, который рождается в человеке, когда он думает о том, что его состояние могло бы быть улучшено через овладение той или иной вещью, это—активное стремление к лучшему»³⁷. Натуралистические мотивы довольно сильно звучат в этой части учения Вормса. Движущая сила исторического процесса, хотя и относится им к разряду *mentale*, но по существу носит биологический характер. По другому случаю он говорит, «что активность социальная покоится на активности биологической». Желание лучшего проявляется во всех областях: оно толкает к воспроизводству потомства, к увеличению богатства и т. д. Помимо движущей силы мы наблюдаем в историческом развитии средство, при помощи которого оно осуществляется. Таковым является, по Вормсу, *intelligence*. Наличие и деятельность последнего отличают развитие общества от развития организмов. В то время как у животных приспособление к среде импульсивно, неразумно, у человека оно осмыслено. Сам же разум развивается благодаря желанию³⁸. В каких формах протекает социальная эволюция? Вормс разбирает ряд теорий: теорию прямолинейного развития, в форме круга (Вико), спирали (Грассери), двойного и тройного ритма (Сен-Симон и Гегель). С точки зрения Вормса ни одна из предложенных теорий не может претендовать на непогрешимость. Социальная эволюция настолько сложна, что ее нельзя уместить в тесные рамки какого-либо правила. Своеобразие той или иной эпохи, страны, социальным фактам соответствует и разнообраз-

³⁵ «Philosophie», I, 149.

³⁶ «Philosophie», I, 150.

³⁷ «Philosophie», III, 249.

³⁸ «Philosophie», III, 258.

разие в формах социального развития. Возможны новые, не предусмотренные существующими теориями формы. Какие—Вормс умалчивает.

Процесс общественного развития является, по Вормсу, таким образом не чем иным, как процессом реализации человеческих желаний. При этом осуществлении желаний человек и группы людей неизбежно приходят в столкновение с другими членами общества и другими группами. В результате возникает между ними борьба, конкуренция, каковые можно наблюдать во всех областях, начиная с политической и кончая экономической. В борьбе побеждает наиболее приспособленный. Но конкуренция и борьба не являются единственными характерными чертами социальной эволюции. Сама борьба, успех в ней, по Вормсу, возможны лишь благодаря тому, что в обществе действует другой принцип—солидарность. Под влиянием последней смягчается и, что особенно важно, устраняется сама борьба. Это достигается тем, что в обществе увеличивается разделение труда, дифференциация. Борясь, ассоциируясь, дифференцируясь, люди в конце концов приспосабливаются к природе. Приспособление представляет собою «более или менее полную координацию существа и его среды». Приспособление биологическое отличается от социального тем, что последнее предполагает подчинение природы человеческим целям.

Краткое изложение принципов социальной эволюции показывает, что Вормс рассматривает исторический процесс по аналогии с биологическим. Эту мысль он проводит более решительно в произведении «Биологические принципы социальной эволюции». Там Вормс заявляет, что «почти все законы биологической эволюции найдут также применение и в социальной области» (71). А перед этим он десятки страниц посвящает выяснению того, как принципы приспособления, наследственности и подбора осуществляются в общественной жизни.

Какова тенденция социальной эволюции? И на этот вопрос пытается дать ответ Вормс. В основной своей работе он из всех концепций социального развития считает наиболее удачной теорию Спенсера, знаменитые формулы последнего, из которых одна касается развития социальной структуры, другая социальной функции. Одна другую дополняет. Все же формулу эволюции социальной структуры Вормс считает необходимым несколько перефразировать. В его формулировке она приобретает следующий вид: «Общества развиваются от нерасчлененности в гомогенности к упорядоченности в гетерогенности». В таком виде формула приобретает «удовлетворительный аспект» и, по мнению Вормса, не противоречит закону эволюции, предложенному Тардом. Для последнего первоначальное—гетерогенность общественных групп. При содействии подражания различие в обществе сменяется гомогенностью.

В работе «Социология, ее природа...» в издании 1926 г. Вормс, в общем сочувственно относясь к формулам Спенсера, отмечает, что «новые события» показали, что «милитаризм может развиваться с индустриализмом» (119).

В итоге он решает предложить собственный закон развития социальной структуры. Согласно ему, две тенденции наблюдаются в общественной эволюции: «в силу одной—группы увеличиваются, в силу другой—они разделяются» (123). Иначе говоря, «по мере того, как общество в целом растет, оно фрагментируется на множество отдельных обществ» (125). Проявление этого закона обеспечивает постепенное установление общественной гармонии.

В какой степени предложенная Вормсом теория социальной эволюции соответствует исторической правде? Какое место она занимает в ряду других теорий, трактующих об общественном развитии? Мы не ошибемся, если скажем, что этот пункт учения Вормса в наибольшей степени выявил слабость всей его социологической концепции. Социолог-марксист не в состоянии отметить ничего поучительного ни в постановке вопроса о социальной эволюции, ни тем более в его разрешении. Вормс ограничивается общими рассуждениями, которые в сильной степени напоминают наивные формулы общественной науки в раннем периоде ее развития. При трактовке проблемы общественного развития Вормс в общем остается на почве органицизма. Если при анализе общества и социального факта он все же старается найти то специфическое, что отличает общество от организма, то при отыскании формул развития общественной жизни Вормс ограничивается перенесением биологических законов в социальную область. Он не дает себе труда отыскать законы, которые были бы характерны для общества. Вормс принципы биологической эволюции почти без всяких ограничений распространяет и на общественную действительность. А если иногда он пытается установить эти различия, то все же своеобразия общественного развития выявить ему не удается. В самом деле, разве сознательная, целесообразная деятельность человека конституирует социальное приспособление? Даже, по Вормсу, принципиального различия получиться не может, ибо психичность, по его мнению, представляет свойство как организмов, так и человека. Все дело только в том, что у одних она более развита, чем у других.

Остановимся коротко на одном из принципов социальной эволюции—наследственности. Последняя, по Вормсу, проявляется двояко: в наследственности способностей и наследственности общественного положения. Примером второго являются касты. «Касты обладали характером этнологическим раньше, чем характером профессиональным»³⁹, говорит Вормс. Другой пример: «Если в течение долгого времени сын наследует место своего отца, то это происходит от того, что естественный закон подготовил его к этому раньше, чем был установлен закон гражданский»⁴⁰. Если сравнить эти рассуждения Вормса с соответствующими социологической школы, в частности—с мыслями Бугле о кастах, то окажется, что Бугле значительно ближе к истине, чем Вормс. С точки зрения социологической школы, касты—социального происхождения, но не природного.

К такому же выводу мы придем, если сопоставим решение вопроса о двигателях общественного развития у Дюркгейма и Вормса. В то время, как у первого движущая сила социального развития—социального характера, у Вормса она биологического характера. Но ведь совершенно ясно, что одним «желанием лучшего» объяснить то или иное направление развития общества невозможно. Что поняла социологическая школа, того не понял Вормс.

Не менее бесплодной является попытка отыскать формулы общественного развития. В какой степени предложенный Вормсом закон развития социальной структуры в состоянии объяснить переход из одной стадии общества в другую? Подобно тому, как формулы Спенсера оказываются пустыми схемами, пренебрегающими разнообразием конкретной действительности, точно так же и тенденции, намеченные Вормсом в развитии социаль-

³⁹ «Биологические принципы социальной эволюции», 44.

⁴⁰ Там же.

ной структуры, представляют скорее плод голой абстракции, нежели выражение действительного процесса истории.

В самом деле, какую познавательную силу, какую ценность имеет утверждение Вормса, что «по мере того как общество в целом растет, оно фрагментируется на множество отдельных обществ». Если бы эта формула даже соответствовала жизни, все же она не в состоянии объяснить ни одного из вопросов, нас интересующих: почему общество фрагментируется так, а не иначе, как будут развиваться отдельные общественные институты и пр. Но основной недостаток этой формулы в том, что она не отражает действительного процесса развития общества, ибо последний сложен и не укладывается в узкие рамки единого закона. Вормс и в данном случае сделался жертвой своих биологических увлечений. Закон, имеющий место в органической области, он перенес некритически на сферу общественной жизни.

Все сказанное убеждает, что теория Вормса о социальном развитии является слабейшим местом в его собственной социологии и вместе с тем несомненным шагом назад в сравнении с современной ему попыткой социологической школы.

VIII

Слабое развитие социальных наук в конце прошлого столетия помимо объективных условий объяснялось малой разработанностью вопроса об их методе.

Капитальный труд Милля, посвященный главным образом логике естественных наук, в части, касающейся обществознания, являлся необычайно бледным и немоющим. Почти то же можно сказать и про другие работы. Между тем необходимость в разработанной теории метода социальных наук ощущалась очень остро. Это привело на первых порах к ряду попыток применить методы отдельных естественных наук, с поправками, а иногда и без них, к обществознанию. Таковы, к примеру, попытки Вальраса, Парето, Тарда, органической школы и т. д. Представитель последней, Новиков, полагал, что только органическая школа с ее методами позволяет теории общества стать действительной наукой. Но все эти попытки не выдержали испытания и вызвали реакцию в лице социологической школы. Мы склонны думать, что только последней из общей массы других буржуазных социологий в большей степени удалось поставить проблему метода социальных наук на достаточную теоретическую высоту. Социологическая школа, главным образом в лице Дюркгейма, со всей остротой поставила вопрос о специфичности общественной жизни и своеобразии методов ее изучения. И все же более внимательное знакомство с ее выводами убеждает в том, что задача обоснования специфического метода социальных наук ею не решена.

Не меньшее внимание проблеме метода обществознания уделил Вормс. Весь второй том его трилогии посвящен этому вопросу. Вормс также, как и Дюркгейм, озабочен отысканием черт, присущих именно методу социальных наук. Но все его учение, как в постановке проблемы, так и в аргументации и выводах, выглядит более слабым и нерешительным. Прежде всего бросается в глаза, что Вормс при анализе метода центр тяжести переносит на разработку того, что входит в понятие общелогических приемов мышления. Несомненно, логика Милля оказала некоторое влияние на разработку Вормсом собственной теории метода. Наряду с анализом общелогических посылок и приемов Вормс уделил значительное внимание и техническим прие-

мам исследования. Что же касается основ метода общественных наук, тех специфических посылок, с которыми исследователь подходит и познает, то эта часть, особенно развитая Дюркгеймом, Вормсом развивается мимоходом, в отделе, посвященном обществу и критике «односторонних» методов.

Да едва ли имело смысл для Вормса отдельно ее трактовать, коль скоро анализируется общество в его структуре и функции. Ведь, по Вормсу, социальная жизнь едина. Отдельные ее стороны: психическая, экономическая, моральная и пр. представляют не что иное, как результат абстрагирующей деятельности нашего ума.

Изучая какой-либо социальный факт, мы не можем ограничиться анализом его только с одной какой-либо стороны, но должны осветить и со всех других. Ни одна из них не является в отношении другой определяющей.

Вормс—эклектик. И эта черта не может не сказаться на общей физиономии его метода. Тот компромисс, который свойственен другим пунктам теории Вормса, окрашивает и его учение о методе. Вот почему, разбирая различные теории метода, Вормс не останавливается ни на одной из них, но видит в каждой одну сторону истины.

Все методы, которые предлагались социологами, Вормс относит к одной из двух групп. К первой группе он причисляет математический, физический, биологический, психологический и односторонние социальные методы. Это методы априори. Априорными Вормс их называет потому, что они привлекаются из других областей знания, они «основаны на разуме», а не на наблюдении самой социальной жизни, они образовались до того, как были внесены в область общественной науки. В каждом из них Вормс находит достоинства и изъяны.

Математический метод вследствие присущей ему точности может быть использован как «процесс изложения приобретенных результатов»⁴¹. Но применение его чрезвычайно ограничено. Благодаря ему мы не в состоянии получить новых истин, ни понять «происхождения, значения, эволюции социальных сил». Конкретное неуловимо для абстрактного математического метода.

Физический метод, по мнению Вормса, широко применялся Дюркгеймом. Сущность его сводится к трем основным моментам: он объективен, коллективен и механичен. Последние приемы являются характерными для того метода, который применяется в физике. Взятые сами по себе черты физического метода являются односторонними. Если настаивать на их применении в социальной области, то это представится возможным лишь при условии дополнения их психологическим методом, введенным в социологию Тардом.

Психологический метод характеризуется чертами, противоположными физическому: субъективизмом, индивидуализмом, финальностью. Органический метод, с точки зрения Вормса, сочетает крайности этих двух противоположных друг другу методов. Психологический метод содержит в себе принцип, который не может быть отброшен: признание психичности социальной жизни. Этот принцип является дополнением к тем, которые выражают сущность биологического метода, оказывающего ценные услуги при познании общественной действительности. Значение этого метода для социологии вытекает из возможности проведения некоторых аналогий между обществом

⁴¹ «Philosophie, II», 16.

и организм. Основанием же для упрека является его «недостаточное уважение» к специфичности социальных явлений. Также подвергаются Вормсом критике методы, являющиеся по существу социальными, но пытающиеся приемы, методы какой-либо специальной науки распространить на всю социальную область. Вормс их делит на две категории. Одна берет за основу какой-либо социальный элемент, другая какой-либо социальный факт. Ратцель, Гумплович, Лебон, Кост, Ломброзо, берущие за основу элементы географические, демографические, этнографические, принадлежат к первой. Конт, Бюхер, Маркс, Фюстель де-Куланж, выдвигающие на первый план элементы интеллектуальные, экономические, религиозные, должны быть причислены ко второй.

Ни один из них не может быть истинным методом. Им является тот, «который включает все социальные элементы и все социальные факты»⁴².

В противовес методам «априори», Вормс выдвигает иной, освобожденный от «предвзятой идеи», охватывающий социальную жизнь во всей ее сложности, основанный на наблюдении, метод апостериори, иногда называемый им индуктивным. Он состоит из массы отдельных приемов, составляющих две группы: приемы анализа и приемы синтеза. Исходным пунктом исследования социальных фактов является наблюдение (observation). При наблюдении фактов исследователь должен соблюдать ряд правил: изолировать научную проблему от вопросов практики, избегать легковерия и скептицизма, гореть «любовью к науке», помнить, что «не явления предназначены для того, чтобы освещать теорию, но что теория существует для того, чтобы синтезировать явления»⁴³. Само наблюдение должно быть полным и точным, связанным с результатами других наблюдений, по возможности дальше проследивать развитие явлений, иметь дело с фактами существенными и доступными.

Наблюдению должна притти на помощь статистика. Статистика, по Вормсу, не наука, но только метод, так как она не имеет специального предмета исследования. Статистический метод применим не ко всем категориям социальных явлений, но только к имеющим материальную основу. К явлениям интеллектуального порядка он приложен быть не может. Но и там, где им пользуются, он дает результаты, которые «нуждаются в толковании». Иначе говоря, он недостаточен. Ибо и сам статистический вывод представляется лишь голой цифрой, получающей смысл не иначе как в связи с той социальной действительностью, часть которой он резюмирует⁴⁴. Абстрактность этого метода восполняется, по мнению Вормса, монографией, позволяющей глубже проникнуть в существо социального факта. Монография ограничивается типическими сторонами социальной жизни. В этом ее недостаток. Пробел обоих предшествующих приемов устраняется сравнительно новым способом—анкетой. Последняя объединяет в себе лучшие их стороны, она доставляет и общие и конкретные результаты. Вормс даже полагал, «что из всех методов апостериори ей принадлежит самая большая будучность»⁴⁵.

Все упомянутые приемы исследователем используются в том случае, когда факты могут быть наблюдаемы. В случаях же, если приходится иметь дело с явлениями прошлого или ненаблюдаемыми, то действитель-

⁴² «Philosophie», II, 70.

⁴³ «Philosophie», II, 85.

⁴⁴ «Philosophie», II.

⁴⁵ «Philosophie», II.

ными способами являются этнография и история. Последним аналитическим методом, который Вормсом подвергается рассмотрению, является эксперимент. Но область его применения не наука, а искусство. После того как социальная действительность расчленена при помощи аналитических приемов, задача науки заключается в том, чтобы снова ее синтезировать, соединить. Это достигается через применение метода классификации, отыскания причин и установления законов. Вормс подробно останавливается на каждом из этих способов.

После окончания процессов анализа исследователь, по мнению Вормса, должен перейти к отысканию причин и действий. Проблема причинности так, как она разрешается в физической науке, существенно отличается по Вормсу, от постановки ее в органической и социальной жизни. В физике явление, называемое причиной, совершается до действия и влечет последнее за собой, т. е. причинность выражает отношение последования. В социальной и органической области дело обстоит значительно сложнее. Так как организм, общество могут быть рассматриваемы с статической и динамической точки зрения, или иначе, анатомической и физиологической, то и причинность здесь представляется в двояком виде. Она или выражает отношение последования или отношение сосуществования. В первом случае предшествующее явление выступает как причина последующего. Во втором—одно выступает в отношении другого в качестве определяющего (*dominateur*). Но как в том, так и в другом случае действие в свою очередь оказывает влияние на причину и само становится причиной. Это обстоятельство значительно усложняет причинность и ведет к тому, «что множество причин порождают одно действие»⁴⁶. Для пояснения Вормс в числе других приводит следующий пример. Для удовлетворения экономических интересов строятся железные дороги. Но развитие железнодорожной сети способствует распространению новых идей и установлению демократического режима, а последние в свою очередь толкают к дальнейшему развитию экономики. Если же рассматривать этот пример в статическом разрезе, т. е. при условии одновременного существования вышеперечисленных явлений, то увидим, что «каждое из них в некоторой степени является причиной двух других». Налицо, как говорит Вормс, характер «взаимности».

После того как установлены причинные связи, процесс исследования переходит к классификации. Классификация может быть трех родов: классификация социальных элементов, социальных фактов и, наконец, классификация общества. Правило для классификации чрезвычайно общее. «Дело заключается,—говорит Вормс,—в том, чтобы сочетать существа или факты, которые представляют между собой больше сходства, чем различия»⁴⁷.

Последним этапом исследования является собственно индукция или установление законов. Последние, по Вормсу, двух родов. С одной стороны, императивные формулы, устанавливаемые властью, а с другой—законы, с которыми имеет дело наука. Первые касаются области искусства, вторыми оперирует исследователь. Вормс соглашается с определением, в свое время выдвинутым Монтескье: законы представляют «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей». Законы социальной действительности, по Вормсу, двух категорий: сосуществования и последовательности. К примеру, положение Маркса, что каждой форме общества соответствует соб-

⁴⁶ «Sociologie», 103.

⁴⁷ «Sociologie», 99.

ственный закон народонаселения, Вормсом рассматривается как удачный образец закона сосуществования. Вообще, по мнению Вормса, к числу законов сосуществования должны быть отнесены формулы, характеризующие социальный тип общества. Законы же Спенсера, Конта (трех стадий) характеризуют формулы последовательности. Степень значимости и пространственности того или иного закона зависит от числа наблюдаемых фактов. Нельзя распространять законы на другие области, если их существование там не будет установлено. Вормс выступает в данном случае как сторонник взглядов Милля.

Трактовкой закона заканчивается по существу изложение Вормсом методов социальных наук. Употребляемые иногда приемы—дедукция, аналогия, по мнению Вормса, не могут рассчитывать на роль основных.

Помимо методов специальных общественных наук Вормс отдельно рассматривает методы социологии и методы социального искусства. Основываясь на частных науках, социология занимается сближением, противопоставлением, сравнением результатов, полученных от специальных наук. Координация является существенным моментом метода социологии. Основными приемами социального искусства является дедукция и эксперимент.

Помимо разработки общих вопросов социологии, Вормс уделил много внимания исследованию отдельных конкретных проблем. Главным образом его привлекали вопросы современности: состояние земледельческих ассоциаций, проблема народонаселения. При исследовании их Вормс применял выработанные им методы. Рассмотрение конкретного применения их позволит воочию убедиться в беспомощности методологической концепции Вормса.

Остановимся на проблеме народонаселения. Русскому читателю известна та тревога, которая охватывала не одно поколение французской общественности при виде уменьшения населения в стране. Десятки социологов, политических деятелей бились над разрешением проблемы. Вормс был в их числе. Каковы причины уменьшения рождаемости, спрашивает Вормс? Некоторые полагают, что они—органические, биологические. Но это—ошибочное представление. «Не в области органической, но в области психологической их нужно искать»⁴⁸. Среди факторов психологических первое место занимают религиозные и моральные идеи. Религия содействовала увеличению рождаемости. Ослабление религиозности ведет к тому, что ослабевает стимул ее. Помимо этого мы наблюдаем ослабление семейных связей, что тоже оказывает свое отрицательное действие. «К этим основным факторам присоединяются экономические». Последние Вормс видит главным образом в том, что жизнь становится тяжелее, люди принуждены довольствоваться меньшим. Это обстоятельство приводит к ограничению рождаемости. К числу побочных факторов Вормс относит рост индивидуализма как следствие прогресса «богатства, свободы, просвещения».

Возьмем другой пример: рассуждение Вормса о причинах войн. По мнению Вормса, причины войн—«трех родов: экономические, умственные, политические». Та же точка зрения развита им в одном из документов Интернационального социологического института. Последним предположено было в 1929 г. созвать очередной всемирный социологический конгресс. Повестка дня включала один вопрос: «основные причины войны и условия,

⁴⁸ «Revue internationale de sociologie», 1916, II, 550.

обеспечивающие установление длительного мира». Более разработанная программа в числе основных причин войн предусматривала: антропологические, демографические, экономические, политические и пр.

О чем свидетельствуют приведенные примеры? Полагаем, что возможен единственный ответ: изъяны методологии Вормса неизбежно привели его к сомнительным выводам. Вормс не в состоянии был правильно наметить разрешение проблемы народонаселения и войны, ибо эклектичен был его метод исследования. В самом деле, психические факторы признаются Вормсом в качестве определяющих. Но сами-то указанные психические явления ведь чем-то обусловлены? Вормс не завершает своего анализа и ограничивается лишь перечислением внешних, бросающихся в глаза явлений. Было бы неточным, если бы мы не упомянули, что Вормс не отрицает значения экономического фактора. Несколько раз даже можно было слышать, как Вормс настаивал на важности экономических явлений. Так, к примеру было на конгрессе 1900 г., посвященном историческому материализму. В своей речи Вормс подчеркивал заслугу сторонников исторического материализма, обративших внимание на роль экономики в общественной жизни. Но он, во-первых, отказывался признать определяющий характер экономики, и, во-вторых, вульгаризировал самое понятие экономического фактора. В экономике, по его мнению, решающее значение имеет процесс обмена, но не процесс производства. В других же местах вульгаризация шла значительно дальше. Сущность экономического фактора Вормс видел в том, что люди должны есть, пить, т. е. удовлетворять свои основные естественные потребности. Несмотря на то, что порой Вормс начинал говорить как бы языком своих идеологических противников, все же в основе его методологии носила ярко выраженный эклектический характер. Даже его единомышленник Новиков должен был признать что у Вормса эклектизм метода влечет за собой «аморфизм и беспомощность» в разрешении конкретных проблем.

Другой характернейшей чертой методологии Вормса является формально-логическое понимание познавательных приемов и категорий. Вормс в основу своей концепции положил индуктивную логику Милля. Вормс не ставил перед собой задачу разработки системы категорий. Он касался категорий, поскольку это вызывалось необходимостью обосновать методологию общественных наук. Вслед за Миллем Вормс особенно останавливается на выяснении понятий причины и закона.

Что понимание причинности в социальной жизни отличается от причинности в области физической—в этом Вормс прав. Но отличие вовсе не в том, в чем видит его Вормс. По Вормсу, в социальной области причина часто сосуществует с действием. Нам кажется, что Вормс в данном случае не различает категории причины от другого понятия—взаимодействия. Причинность как в социальной области, так и в физической, так и во всякой другой, выражает отношение последования. Причина всегда и всюду предшествует во времени действию. Выражение сосуществования причины и действия, на котором настаивает Вормс в отношении органической и социальной области, переводит нас в круг понятия взаимодействия. И поскольку причинность переходит во взаимодействие, постольку мы не в праве отвергать наличие ее в области физических явлений. Как в органической области, так и в физической, действие оказывает обратное воздействие на причину. К чему приводит точка зрения Вормса? К тому же выводу, к которому пришел ранее его Милль; т. е. к признанию множественности

причин. Последнее же совершенно извращает понятие причинности и характеризует формально-логическое, механическое понятие причинности. В чем же заключается истинное различие причинности физической и социальной? В том, что характер связи причины и действия в каждой из них качественно иной. Основной бедой Вормса является игнорирование проблемы качества. Неумение разрешить ее привело Вормса к тому, что различные специфические области природы им были представлены как области, отличающиеся лишь количественно друг от друга.

В связи с сказанным нам хотелось бы поставить вопрос, который на данной ступени разработки диалектической материалистической логики является чрезвычайно существенным. В общей форме вопрос можно формулировать следующим образом. В различных областях природы причинность, качество и прочие категории отличаются друг от друга только ли содержанием или форма причинности, качества и т. д. также в них специфична? До сих пор, когда развивалась, разрабатывалась та или иная категория, обычно противопоставлялись два типа: механический и диалектический. Диалектическое понимание качества противопоставлялось механическому, диалектическая трактовка причинности—механической, причем всегда подчеркивалось, что органическая область, физическая, является полем действия законов диалектики. Все это могло создать представление, что диалектическое понимание общеполитической категории как формы одно, но что в различных сферах оно наполняется различным содержанием. Нам представляется, что такое понимание чрезвычайно упрощено. Оно, может быть, имело оправдание на некотором этапе развития советской философской мысли, но все же не носило характер только постановки вопроса.

Решающим с нашей точки зрения аргументом является правильное понимание диалектического взаимоотношения формы и содержания. Поскольку категория представляет содержательную форму и поскольку содержание при переходе из одной сферы природы в другую меняется, постольку не может быть и речи об абсолютной форме категории. И задача марксистской философской мысли заключается в том, чтобы не только противопоставлять механическому пониманию категорий диалектическое, но и попытаться наметить различие отдельных типов категорий в качественно различных областях. К этой задаче мы только подходим.

Но вернемся к Вормсу. Какой результат дает причинное объяснение Вормса?

Как и всякое эмпирическое направление, теория причинности Вормса по существу не в состоянии различить явление от сущности. Она вращается по плоскости представляющихся непосредственному человеческому сознанию фактов и в конце концов ограничивается констатированием порочного взаимодействия.

Не менее спорным является данное Вормсом понимание закона. Прежде всего само определение закона страдает у Вормса ограниченностью. Формула Монтегье, с которой Вормс полностью соглашается, далеко не адекватна. Она статична. Закон не только выражает известное постоянство между фактами, но и включает тенденции развития. Далее у Вормса налицо метафизическое противопоставление двух типов законов: сосуществования и последовательности. Между тем первый представляет частный случай второго. Наконец, Вормс не смог наметить типов закономерности. Последнее явилось результатом игнорирования качественности отдельных областей природы.

Та же метафизичность характеризует понимание Вормсом и других понятий, равновесия к примеру. Последнее для него представляется в виде двух противоположно направленных сил. «Между двумя антагонистическими силами—разрушающей и поддерживающей, обновляющей и продолжающей—устанавливается некоторого рода равновесие. Это равновесие, это частичное соглашение противоположностей—основной закон общественной жизни и всей природы»⁴⁰. Хотя упоминание о законе борьбы противоположностей в устах Вормса является фактом любопытным, тем не менее оно не может нас ввести в заблуждение. Ибо только что приведенные формулировки в малой степени проникнуты диалектикой.

Ограниченность метода Вормса сказывается также и в резком противопоставлении анализа и синтеза, дедукции и индукции, априори и апостериори. Упомянувший нас нами не раз Новиков совершенно справедливо отмечает, что дедукция часто предшествует наблюдению, ибо для того, чтобы изучать, необходима отправная точка зрения.

Эклектичность, формальная логичность метода Вормса неизбежно привели его к преувеличению роли технических приемов. Говорит же Вормс, что методу анкеты принадлежит самая большая будущность. Вслед за Дюркгеймом Вормс придает большое значение также и методу сопутствующих изменений. Вообще Вормс даже не ставит вопроса о сравнительной роли того, что называется собственно методом, и технических приемов. В этом отношении вся его теория метода мало чем отличается от теории метода большинства буржуазных социологов.

В заключение нам необходимо отметить противоречие Вормса в отношении оценки аналогии. Во втором томе своей «Философии социальных наук» Вормс предупреждает против увлечения методом аналогии. Аналогия, по его мнению, является излюбленным приемом в салонах. Применение же ее в науках сулит большие опасности. Между тем подобная оценка идет в разрез с той практикой, которая имела место у Вормса. Нам представляется, что вопреки его собственному мнению аналогический метод в руках Вормса являлся наиболее излюбленным орудием. Вся его работа «Биологические принципы в социальной эволюции»—живое тому доказательство. Законы, имеющие место в органической области, Вормс почти без поправок, по аналогии вносит в общественную жизнь.

IX

В программной речи на первом социологическом конгрессе Рене Вормс выставил тезис о сотрудничестве социологов различных школ и партий. И нужно признать, что он с большой настойчивостью старался воплотить его в последующей своей деятельности. В литературных своих предприятиях, в собственных речах, статьях, книгах он стремился элиминировать все, что с его точки зрения относилось к «искусству», политике. Тем не менее, как и следовало ожидать, эта задача осталась неосуществленной. Уже в первых своих работах Вормс наряду с анализом «научных» вопросов уделяет некоторое внимание изложению своих политических взглядов. В «Обществе и организме», констатируя болезнь современного ему общества, Вормс немало страниц посвящает изложению правил «гигиены» обществ и их лечению. Какова его политическая ориентация? Вормс стремится быть объективным, пройти мимо крайностей консерватизма и коммунизма. В лице

⁴⁰ «Биологические принципы социальной эволюции», 28.

его мы имеем горячего сторонника либерализма. Глашатаем либерализма он был в период увлечения органицизмом, им он остался и в дальнейшем. По собственному мнению Вормса, практическим выводом из органической теории является «осуждение эгоизма, радикального индивидуализма». Либерализм, проявляемый во всех областях, является, по Вормсу, лучшей гарантией общественного порядка и прогресса. Та же мысль им развивается значительно позднее (1914 г.), в речи на одном из заседаний Парижского социологического общества, посвященном проблеме либерализма. «Кто такой либерал? Это тот, кто желает свободы для всех». Последняя должна проявляться во всех областях: экономической, политической и религиозной. Отсюда вытекает у Вормса требование экономического, политического и религиозного либерализма.

Вормс не кокетничает с социализмом, как одно время Дюркгейм. Он отвергает мероприятия, предлагаемые социалистами, и выдвигает свои, соответствующие интересам либеральных буржуа.

Вормс не закрывает глаза на общественные непорядки, он признает, что в обществе существуют патологические явления. Причины последних, по Вормсу, двоякие: внешние и внутренние. К первым относится война и промышленная борьба, ко вторым «крайняя бедность и избыток».

Каковы средства? Вормс возражает против «исключительных» мероприятий. Широкие теории, «всеобщие целебные средства», по его мнению, должны быть решительно оставлены и заменены «специфическими», подобными тем, что употребляются в медицине. «Превосходство для общественного тела, как и для индивидуального, алопатии над гомеопатией, превосходство вспомоществования между частями над автономией, наконец, превосходство эволюции над революцией»—вот, по Вормсу, «общие начала общественной терапии, которыми могут руководиться политики». «Мы отвергаем насилия,—продолжает Вормс,—во имя народных интересов». Но вместе с тем Вормс считает недостаточным полагаться «на целебную силу природы». Необходимо вмешательство государства. В этом вопросе мы наблюдаем существеннейшее различие между Вормсом и Дюркгеймом. Дюркгейм одно из действительных средств избежания общественных болезней видел в организации синдикатов и в сведении к минимуму роли государственной власти. По Вормсу же, государство, развивающееся на пути к демократии, воодушевляемое началами либерализма и «просвещенной децентрализации», в состоянии лучше разрешить проблему роста человеческой свободы. Ту же умеренность во взглядах проявляет Вормс по отношению к вопросу об общественном экономическом неравенстве.

«Для этого недуга,—пишет Вормс,—было предложено коренное лекарство: устранение самого богатства и бедности». «Мы,—продолжает он,—не одобряем полного уравнивания состояний». Что же предлагает Вормс? Организация потребительных обществ, развитие кооперации по производственному принципу, вхождение рабочих в анонимные индустриальные общества, участие в прибылях,—вот сумма мер, которые, с одной стороны, позволяют мирным путем освободиться от экономической нужды и зависимости, а с другой—делают невозможным возникновение таких явлений как забастовки. Но все же Вормс не рассчитывает на то, что все эти мероприятия в состоянии быстро устранить социальные болезни. Только через постепенно осуществляющуюся дифференциацию, устраняющую соперничество, общество будет приближаться к идеалу. Последний рисуется Вормсу в чрезвычайно бледных тонах. В этом отношении Вормс мало что внес но-

вого в сравнении с Контом. Осуществится бóльшая власть над природой человека. Распределение богатств будет улучшено. Высшие расы обучат хозяйствовать низшие, сделают последние более культурными. Нравы проникнутся принципами братства и общей солидарности. Религия станет более толерантной. Искусства и науки лягут в основу социального прогресса. Таков общественный идеал Вормса и его политические воззрения. Они, нам думается, находятся в полном соответствии с его общесоциологическим учением. Они в некоторой степени объясняют, почему этот оппортунист в теории сделался притягательным центром международной буржуазной социологической мысли.

Мы закончили разбор социологии Вормса. Мы в состоянии ответить теперь на поставленный вначале вопрос: какое место занимает Вормс среди социологических направлений.

Рене Хюбер, давая общую характеристику современных социологических течений, высказывает совершенно правильную мысль: «Современная социология является идеалистической». Конечно, общественная теория Вормса не представляет исключения.

Вормс—идеалист. По мере постепенного разрыва его с органицизмом, все более выясняется идеализм его концепции. Но Вормс не только идеалист, он эклектик. Его эклектизм приобретает чудовищные размеры и приводит к тому, что социологическая концепция Вормса оказывается без стержня, многоликой. Это обстоятельство объясняет известную популярность Вормса. Каждое социологическое течение находило в теории Вормса кусочек своего, притом преподнесенного в положительной форме.

С другой стороны, это же обстоятельство позволяет нам разрешить вопрос о школе Вормса. Что существует во Франции течение, сочетающее органицизм с психологизмом и позитивизмом, в этом не может быть сомнений. Продолжающийся издаваться журнал, основанный Вормсом, «Интернациональное социологическое обозрение», сохраняет традиции своего основателя. Но в то же время совершенно ясно, что теория, сотканная из порой противоречивых частей, не сможет долго господствовать над умами. Беспомощность ее при столкновении с действительностью заставит сторонников отбросить ее или изменить. Этот процесс уже сейчас становится заметным. Гастон Ришар, ближайший сотрудник Вормса, редактор «Ревю», после смерти последнего, является одним из тех, кто возглавляет новые тенденции в социологии. Отправляясь от положения Вормса, он вносит пункты, которые дают право видеть в нем не только сторонника Вормса.

Современная французская социология переживает глубокий кризис. Мы являемся свидетелями увеличивающихся разногласий даже в среде такой школы, которая до последнего времени считалась монолитной. Мы имеем в виду социологическое направление. В этом разложении социологизма не последнюю роль сыграл Вормс. Но критикуя Дюркгейма, Тарда, он воспринял от них некоторые стороны их теорий и тем самым значительно ослабил свои собственные идеологические позиции. Социология Вормса в большей степени, чем какое-либо другое социологическое течение, соединив в себе механически связанные элементы, таила тенденцию своего собственного распада. Что этот распад стал фактом, является еще одним доказательством известной правильности того восклицания, которое некогда было брошено буржуазным социологам: «Социология будет социалистической или ее не будет совсем».

МЕХАНИСТИЧЕСКАЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ

ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ т. БУХАРИНА

В. Рудаш

I

Вопрос о причинности имеет первостепенную важность для оценки и взаимного различения философских линий. Ленин говорит по этому поводу следующее: .

«Вопрос о причинности имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего «изма...»

Ибо ясно, в самом деле, что субъективистская линия в вопросе о причинности, выведение порядка и необходимости природы не из внешнего объективного мира, а из сознания, из разума, из логики и т. п. не только отрывает человеческий разум от природы, не только противопоставляет первый второй, но делает природу *частью* разума, вместе того чтобы считать разум частью природы. Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм (к разновидностям которого относятся теории причинности и Юма и Канта), т. е. более или менее ослабленный, разжиженный фидеизм. Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»².

Отнюдь не случайно также, что вопрос о причинности стал, особенно в новейшее время и в современной философии, центральной проблемой. Не говоря уже о том, что эта проблема связана теснейшим образом с вопросом о реальности внешнего мира,—это само собою понятно и вытекает также из слов Ленина, так как отрицание этой реальности ведет логически и к отрицанию объективности закона причинности, а реальность внешнего мира, как я это показал в другом месте, не подвергалась в античном мире сомнению,—не говоря об этом, в античном мире были налицо более глубокие причины, препятствовавшие постановке этой проблемы в полном ее объеме. В античном, основанном на рабстве, экономическом строе существовало лишь очень ограниченное поле для применения машин, и современное крупное производство не могло в нем развиваться. До тех пор, пока применение человеческой рабочей силы дешевле применения машины, последняя не может завоевать хозяйства. Развитие же естествознания связано

¹ Настоящая статья воспроизводит, по существу, часть рецензии в книге Бухарина «Теория исторического материализма», которую я написал еще в 1922 г., вскоре после появления названного труда. Рецензия тогда не была напечатана по причинам, оставшимся мне неизвестными.

² «Материализм и эмпириокритицизм», 2-е изд., с. 126—127.

теснейшим образом с развитием современного крупного производства, связано в двояком отношении: во-первых, нужды промышленности двигают вперед естественные науки, ставя им задачи, используя их результаты, контролируя и связывая их с практикой, без которой наука теряет свои корни и вообще невозможна. С другой стороны, современное производство доставляет нужные технические средства, без которых естествознание вынуждено отказаться от проникновения вглубь и—что еще важнее—от постижения сущности явлений. Знаменитый естествоиспытатель Л. Больцман говорит:

«В этих аппаратах (а именно, в лабораторном оборудовании современной физики и химии—В. Р.) я вижу не только приспособления, чтобы в новой форме заставить служить силы природы, нет, я созерцаю их с величайшим благоговением и смею сказать, что вижу в них подлинные приспособления, предназначенные на то, чтобы раскрыть сущность вещей³.

Хотя греками и были сделаны крупные открытия в области астрономии, хотя начатки современного естествознания точно так же ведут обратно к грекам, тем не менее в общем и целом оно было слабо у них развито. Наука, в которой греки пошли дальше всего, которая может быть охарактеризована как их настоящая наука, есть конечно не естествознание, а математика (геометрия).

Но здесь причинности не играет роли. В математике ничто не «совершается», отдельные теории являются не причинно, а логически связанными, и известно, что это обстоятельство ввело в заблуждение и философов нового времени, особенно Канта, и заставило их искать происхождение математики не в практике, а в «чистом разуме».

Этим и обусловлено, почему у греков проблема причинности не выступила на первый план. С другой стороны, антагонизм между материализмом и идеализмом не приобрел еще у греков той остроты, как в новейшее время, когда оба эти воззрения должны были сталкиваться все более и более непримиримо. Это обстоятельство, а также то направление, по которому пошло современное развитие культуры, поставили проблему каузальности в центр философских спекуляций.

Рука об-руку с современным капитализмом развивались и естественные науки. Но естествознание без каузального объяснения мира есть нечто немислимое. И если Коперник и Кеплер, которые совершили переворот в средневековых представлениях о существе и строении мира, оставляют еще открытым вопрос о том, что причиняет движение планет вокруг центрального светила, и их законы чисто-математические (так наз. форономические, описывающие только форму движения), без указания причин и взаимозависимостей, вызывающих именно данные движения, то вскоре вместе с Галилеем и Ньютоном наступает коренная перемена, которая была неизбежна, раз естествознание хотело выполнить свою задачу. Ньютон ввел в астрономию механическую силу как причину. Как ни расценивать понятие силы, и если даже механическая причина представляет лишь один из видов причинных связей, именно ньютоновская механика является питательной почвой механического материализма, против разновидности которого направлены и эти строки, но здесь для нас важна другая сторона вопроса: ньютоновский закон тяготения является универсальным причинным законом, который остался с тех пор необходимой

³ Популярные статьи, с. 27.

и незыблемой основой современного естествознания. Со времен Галилея и по сей день современное естествознание было и остается *динамичным*, т. е. исследует *законы движения* мира; оно не довольствуется описанием естественных процессов, как это делали Коперник и Кеплер, а прослеживает *причинные связи*. И этого факта не могут конечно изменить никакие усилия махистов, которые хотят отбросить назад естествознание на коперниковскую и кеплеровскую стадию развития, т. е. на такую стадию развития, преодоление которой сделало естествознание тем, чем оно является сейчас. Это было бы не прогрессом, а регрессом науки. Ничего не изменила в этом отношении и новейшая революция в естествознании, хотя отдельные естествоиспытатели и были бы не прочь использовать ее в духе махизма.

Что касается общественных наук, то, хотя ход их развития был иной, чем естествознания, однако, несмотря на эту разницу, они являются точно так же продуктом нового времени. Именно новейшая классовая борьба, классовая борьба буржуазного общества с его колоссальными революциями, которые при всех различиях обнаруживали все одну и ту же закономерность, эта классовая борьба вскрыла, что общественный процесс протекает с такою же строгою закономерностью, как и процесс природы. С другой стороны, современное общество, структура капиталистического хозяйства вскрыли законы движения, которым оно подчиняется в «мирные времена», несмотря на всю свою анархию. Политическая экономия, историческая наука, словом—отдельные общественные науки развивались, правда, иным путем, чем естествознание, но в общем с ним направлении и с одинаковыми результатами; они все больше становились науками, исследующими *причинные законы движения* общества, подобно тому, как естественные науки исследуют причинные законы движения природы. Наконец со времени Маркса, этого Ньютона общественных наук, исчезают последние остатки *принципиального различия* между естественными науками, с одной стороны, и общественными науками—с другой; те и другие являются лишь познанием различных отделов мировых связей, не оторванных друг от друга непроходимую пропасть. Если закономерности общества иные, чем в природе, то все же они являются естественными законами общества (термин Маркса) в том смысле, в каком Энгельс называет физику механикой молекул, химию—физикой атомов и биологию—химией белков. Он хочет этим «выразить связь, непрерывность, а также различие, разрыв между обоими явлениями»⁴. В этом смысле естествознание и обществознание, несмотря на все различия между ними, все-таки не *разнородны*: и то и другое имеет характер *необходимости*, характер *причинной* закономерности. Маркс характеризует всегда свой метод как метод *естественнонаучный* и хочет этим подчеркнуть именно то, что и естествознание и обществознание проникнуты оба одним и тем же духом, применяют один и тот же метод, имеют одну и ту же задачу: причинное исследование мира (природы и общества).

II

Итак, развитие современной науки имеет в своей основе признание закона причинности. Современная наука *детерминистична*, под чем понимается утверждение, что в мире, природе и обществе не может произойти

⁴ Энгельс, Примечания к «Анти-Дюрингу», «Архив Маркса и Энгельса», т. II, с. 143.

ничего, что не вызывалось бы причинами, не определялось бы и не было бы объяснимо причинами. Ничто не может произойти беспричинно, и одни и те же причины должны постоянно вызывать одинаковые следствия.

Легко понять, что если бы природа не знала повторения (приблизительно) одинаковых причин и (приблизительно) одинаковых следствий, то никакая ориентация в ней не была бы возможна. Вся трудовая деятельность, как и коренящаяся в ней научная деятельность человечества покоится на том факте, что в природе (так же и в обществе, хотя и под другими условиями и в другой форме) явления повторяются и известные причины всегда вызывают одни и те же следствия. Если бы это было не так, то не было бы возможно *предвидение*; в мире, где нужно было бы постоянно ожидать, что известные причины будут иметь все иные и иные следствия, жизнь была бы невозможна. И особенно дорог должен быть принцип детерминизма современному пролетариату, на долю которого выпала историческая миссия свергнуть классовое общество путем сознательного, планомерного действия. Поэтому пролетариат должен вести самую решительную борьбу против всяких попыток телеологии, так как без признания закономерности мира никакое целесознательное действие, конечно, невозможно.

Но как ни необходим принцип детерминизма в качестве основы, как ни важен он как оплот против религии и идеализма, он становится тем не менее неверным, если его применяют односторонне механически или превращают из фундамента в целое здание. Если все определено причинами, все детерминировано, то не существует случайности, таков повидимому неизбежный вывод из детерминистической точки зрения. То, что мы называем случаем, не есть объективное, т. е. независимое от нас и нашего сознания свойство мира. В природе и обществе ничего похожего на случай не существует, мы *называем* случайностью просто то, причины чего нам *неизвестны*. То, что мы называем случайностью, есть не что иное, как незнание причин, вызвавших данное событие. Случайность есть, следовательно, нечто *субъективное*, в противовес причинной детерминированности всякого естественного или общественного события, детерминированности, представляющей естественный либо общественный закон.

Такова концепция т. Бухарина по вопросу о причинности. Он подробно рассматривает эту проблему в своем труде «Теория исторического материализма». Приведем из него наиболее существенные места. Он говорит:

«Чтобы еще более понять всеобщую обусловленность явлений, нужно остановиться на разборе того, что представляет из себя так называемая случайность. В самом деле, со случайностью мы встречаемся довольно часто и в обычной жизни и в жизни общественной... В каком отношении стоит случайность к закономерности, или, что то же самое, к *причинной необходимости*?..

Возьмем... пример: случайную встречу на улице с знакомым, которого я не видел двадцать лет. Есть причины этой встречи? Не трудно видеть, что они есть: под влиянием определенных причин я вышел тогда-то, пошел по такой-то дороге, с такой-то скоростью; под влиянием других причин мой знакомый тогда-то начал свое путешествие по такой-то дороге, с такой-то скоростью. Само собой очевидно, что совокупное действие этих причин *неминуемо* должно было привести к нашей встрече. Почему же *мне* эта встреча кажется случайной?.. Почему я *называю* нашу встречу случайной?

По очень простой причине: потому что я *не знал* причин, которые двигали моего приятеля, потому что я *не знал* даже о том, что он живет со мной в одном городе, а следовательно и не мог предвидеть нашей встречи».

И затем т. Бухарин формулирует понятие случайности следующим образом:

«Если при перекрещивающемся действии двух или нескольких причинных цепочек (рядов) мы знаем только одну, тогда явление, которое получается при этом перекрещивании, представляется нам случайным, хотя на самом деле оно вполне закономерно»⁵.

Как видит читатель, занимаемая здесь Бухариным позиция совпадает с той, которую мы изложили выше: случайность—не объективная, а субъективная категория (понятие): случайность есть то, что мне таким *кажется*, чего я *не знаю*. Но тогда роль случайности в мире значительно больше, чем роль необходимости, ибо несомненно, та часть причинных связей, которую я знаю, бесконечно мала по сравнению с той, которая мне неизвестна и должна остаться неизвестной: *этим не случайность, а необходимость низводится к очень ограниченной роли*, как мы увидим это еще подробнее.

Эта точка зрения отвергает случайность вообще как объективную категорию. «Хочется ли человеку почесать за ухом (вскочил маленький прыщик), или же он совершает героический поступок,—все равно: на это есть свои причины»⁶,—таков вывод из этой точки зрения. Событие *либо* необходимо, *либо* случайно. Необходимо все, что имеет причину, случайным могло бы быть лишь нечто такое, что было бы беспричинно. Но так как все на свете должно иметь причину, то все необходимо, в мире существует исключительно только необходимость, и случайность есть только «случайность» (в кавычках), т. е. только субъективное мнение человека, не вполне знающего соответствующие причинные связи. Необходимость и случайность противопоставляются здесь как *неподвижные*, непримиримые и исключющие друг друга категории, как альтернатива («или—или») определенная и неумолимая, которая кажется очень соблазнительною, так как поддерживается всем аппаратом *формальной* логики, и все-таки неверна, ибо *недиалектична*.

Прежде всего нужно констатировать, что диалектик Энгельс отвергает эту точку зрения, как недиалектическую, и подвергает ее самой жестокой критике. Привожу соответствующее место, хотя и очень длинное, так как оно будет необходимо для дальнейшей нашей аргументации:

«Другая противоположность, в плену у которой находится метафизика, это—противоположность между случайностью и необходимостью. Есть ли что-нибудь более противоречивое друг другу, чем обе эти логические категории? Как возможно, что обе они тождественны, что случайное необходимо, а необходимое точно так же случайно? Обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как категории, безусловно исключющие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим. Таким образом оба существуют бок о бок в природе; в последней заключаются всякого рода

⁵ Бухарин, Теория исторического материализма, с. 40—42. Везде курсив автора.—В. Р.

⁶ Там же, с. 33.

предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, причем важно только одно—не смешивать их между собой... А затем объявляют необходимое единственно достойным научного интереса, а случайное безразличным для науки. Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, что, следовательно, *знают*, то интересно, а то, чего нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь. Но при такой точке зрения прекращается всякая наука, ибо задача ее ведь в том, чтобы исследовать то, чего мы не знаем. Это означает следующее: что можно подвести под всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может объяснить, сводя непонятное ей к сверхъестественным причинам. При этом по существу дела совершенно безразлично, назову ли я причину непонятных явлений случаем или богом. Оба эти названия являются лишь выражением моего незнания и поэтому не относятся к ведению науки.

«Противоположную позицию занимает детерминизм, перешедший к естествознанию из французского материализма и рассчитывающий покончить со случайностью тем, что он вообще отрицает ее. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре и не шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот клеверный цветок был оплодотворен в этом году пчелой, а тот—нет, и притом этой определенной пчелой и в это определенное время, что это определенное, унесенное ветром семя львиного зева взошло, а другое нет, что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру,—все это факты, которые вызваны неизменным сцеплением причин и следствий, связаны неизбежной необходимостью, и газовый шар, из которого возникла солнечная система, был так устроен, что эти события могли произойти только так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это, вместе с Августином и Кальвином, извечным решением божьим или, вместе с турками, кисметом, или же назовем необходимостью. Ни в одном из этих случаев не может быть речи об изучении причинной цепи, ни в одном из этих случаев мы не двигаемся с места. Так называемая необходимость остается простой фразой, а благодаря этому и случай остается тем, чем он был. До тех пор пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным; а от того, что нам скажут, что этот факт предвиден уже в первичном устройстве солнечной системы, мы не подвигаемся ни на шаг дальше. Мало того, наука, которая взялась бы проследить этот случай с отдельным стручком в его каузальном сцеплении, была бы уже не наукой, а простой игрой, ибо этот самый стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные—кажущиеся нам случайными—свойства: оттенок цвета, плотность и твердость шелухи, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу. Таким образом с одним этим стручком нам пришлось бы проследить уже больше каузальных связей, чем в состоянии решить их все ботаники на свете.

«Таким образом случайность не объясняется здесь из необходимости; скорее наоборот, необходимость низводится до чего-то чисто случайного. Если тот факт, что определенный стручок заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь,—явление того же порядка, что и закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то, значит, действительно,

не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградирует до уровня случайности. Мало того. Можно сколько угодно утверждать, что разнообразие находящихся на определенном участке бок о бок органических и неорганических видов и индивидов покоится на ненарушимой необходимости, но для отдельных видов и индивидов оно остается тем, чем было, т. е. случайным. Для материнского растения случайно, куда ветер занесет его семя, для дочернего растения,—где это семя найдет почву, откуда оно вырастет, и уверение, что и здесь все покоится на ненарушимой необходимости, является очень жалким утешением. Хатическое соединение предметов природы в какой-нибудь определенной области или даже на всей земле остается, при всем извечном первичном детерминировании его, таким, каким оно было,—случайным»⁷.

Цитата длинна, но было бы преступлением сократить ее. Нигде узкодетерминистическая точка зрения—точка зрения т. Бухарина—не была подвергнута такой исчерпывающей и уничтожающей критике. Эта точка зрения ведет свое происхождение от французского материализма, т. е. от *метафизического* и *механического* материализма, и, следовательно, узкий детерминизм сам *метафизичен* и *механистичен*. Метафизичность заключается в неподвижной непримиримости понятий необходимости и случайности, в их противопоставлении, как непримиримых, исключających друг друга противоположностей («либо—либо»). Механистичность же заключается в том, что в этой концепции, которая учитывает исключительно и только чисто количественную сторону механического, вечного повторения явлений, *понятие порядка*, т. е. *качества*, отсутствует, не имеет места, или лучше сказать—и это особенно ярко выражено у т. Бухарина—есть только нечто субъективное,—субъективное мнение, т. е. почги ошибка и, во всяком случае,—иллюзия. Укус блохи и законы движения солнечной системы или закон превращения энергии, почесывание за ухом, вызванное прыщиком, и совершение геройского подвига,—все это принадлежит к одному и тому же порядку явлений, «все события, начиная с самых мизерных и незаметных и кончая потрясающими событиями современности,—все эти события *одинаково не случайны*, одинаково причинно обусловлены, т. е. *одинаково причинно необходимы*»⁸.

«Одинаково»—повторяет неустанно эта точка зрения и тем самым осуждает себя сама на все те несуразности, которые Энгельс ставит ей в укор: она не выходит из теологической точки зрения, ибо безразлично, назову ли я то, чего не знаю, богом и кismetом или случайностью; она осуждает себя на абсолютную бесплодность, так как своей формулой ничего не может разъяснить, и оставляет неразъясненным именно самое важное—*специальные* законы движения каждой области явлений; она низводит необходимость на уровень случайности, ибо, если все «одинаково» необходимо, то *одинаково нет ничего* необходимого, все случайно.

Эта точка зрения лишена перспективы или, лучше сказать, дает *неверную* перспективу: в ее сером освещении пропадают *особые* краски, закономерности, связи, процессы; важное подавляется неважным уже в силу чисто численного его перевеса, исчезает в массе чистого количества. Тут, собственно говоря, нет возможности ориентации, которая предписывалась бы законами движения самого мира и общества: не объективное движение

⁷ Энгельс, Заметки, «Архив Маркса и Энгельса», т. II, с. 191—193.

⁸ Бухарин, Теория исторического материализма, с. 44. Курсив автора.—В. Р.

мира *отражается* в сознании человека, когда он в непроницаемом как будто хаосе событий отделяет важное от неважного, от второстепенного, от *случайного* (ведь они все «одинаково» важны), а решает субъективная оценка, *человек выбирает себе* из множества одинаково важных событий то, что ему кажется наиболее важным. Важное или неважное, необходимое или случайное—есть нечто субъективное.

Таким образом природа и общество опять низведены до уровня хаоса, в них, вообще говоря, нет места никакому закону, и только человек вносит в них закономерность. Это кажется как будто преувеличенным, ибо существует ли другая точка зрения, которая больше подчеркивала бы в природе и обществе объективную закономерность, чем точка зрения механического детерминиста, который даже все причинные обусловленности считает «одинаково» важными? И все-таки это так: как детерминист со своей субъективной оценкой случая только ставит его на место вечного божественного промысла или кismet и благодаря этому застревает на теологической точке зрения, точно так же он застревает со своей «строгой», но односторонней формулой необходимости, где все *одинаково* причинно обусловлено, на идеалистической точке зрения. Противоположности переходят друг в друга: односторонний материалист сходится с идеалистом. Ибо, если все *одинаково* причинно обусловлено, «если и то, что был убит австрийский эрцгерцог незадолго до войны, и то, что Англия вела колониальную политику, и то что возникла мировая война... все эти события одинаково не случайны», если «строго говоря, в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений»⁹, то это тот же хаос событий, что и гороховые стручки и блошины укусы, о которых говорит Энгельс.

В самом деле, не предоставлено ли тогда произволу, *какие* события брать в качестве важных из одинаково важных? Где может тогда существовать *объективное* основание для этого выбора? Опыт? Он может нами руководить лишь в том случае, если уже в самой действительности, в самом реальном внешнем мире явления протекают так, что различная их важность приковывает к себе наше внимание; если, следовательно, явления внешнего мира сами не просто обусловлены «одинаково» причинно, но, кроме того, еще обнаруживают качественное различие, которое бросается наблюдателю в глаза, т. е. если природа представляет лестницу качественно различных порядков, рядов, в которых закон причинности не осуществляется монотонно, безразлично, без всякого ударения, а наоборот: универсально причинно обусловленное, имея в то же время бесчисленные свойства и будучи связано с бесконечным рядом вещей, событий, процессов и проч., одновременно обусловлено и не обусловлено, необходимо и случайно, смотря по свойству (принадлежит ли оно к существу вещи, события и т. д. или нет), смотря по той роли, какую играет это свойство или вся вещь или все событие в той или иной связи. Почесывание за ухом является, безусловно, причинно обусловленным (у человека прыщик), но герой-пролетарий, сражающийся на баррикадах, который среди героических подвигов *случайно* почешется, остается героем, почесался ли он или нет. Как таковой он определяется не *физиологическими* причинами почесывания, а *социальными* причинами, лучше сказать—закономерностями революционной классовой борьбы, в отношении которых почесывание—чистая случайность. И это так, несмотря на всякую детерминированность. Не только в нашем мнении, поскольку

⁹ Бухарин, Теория исторического материализма, с. 44.

нам оставались бы неизвестными причины почесывания, но и объективно, даже в том случае, когда нам с т. Бухариным хорошо известно, что у него прыщик. Даже если бы такое физиологическое явление стало массовым (благодаря какой-нибудь эпидемии), оно не получило бы характера необходимости. Нэ, например, массовая смертность детей есть *необходимое* явление капитализма, так как она обусловлена не физиологически, а социально—структурой капитализма. Она является *существенной чертой* капитализма.

Тов. Бухарин не идет, разумеется, так далеко, как этого требовала бы его философская теория, и не ставит убийство австрийского эрцгерцога, колониальную политику Англии и мировую войну на один и тот же уровень. Он, несомненно, не разделяет того мнения, будто мировая война вызвана убийцей эрцгерцога. Но странно, что эта идеалистическая и даже определенно антидиалектическая концепция т. Бухарина служит именно *методологическим введением* к труду «Теория исторического материализма», где исторический материализм как раз является *теорией*, по которой общественные явления *разного порядка качественно* различны, которая рассматривает *один ряд* явлений, экономический жизненный процесс общества как базу, в которой коренятся все другие общественные процессы, опять-таки—в определенном порядке, смотря по их важности. Этого как раз буржуазная наука не может понять в теории исторического материализма и ломает голову над тем, что дает марксизму право выделить именно экономический жизненный процесс общества, между тем как общество есть бесконечное множество явлений и каждое из этих явлений, даже каждый экономический процесс, имеет бесконечное множество других, даже не экономических сторон. Они не могут (или не хотят) этого понять, потому что не знают диалектики, которая может быть как раз названа учением о *существенных* связях, зависимостях. И т. Бухарин как здесь, так и в других местах погрешает именно против диалектики. И если он сплошь и рядом не заходит так далеко, как этого требовала бы его философская теория, то это—непоследовательность, разлад между верховным принципом и его применением, между теорией и практикой. Он разделяет участь всех сграниценных механических детерминистов: их всех одолевает действительность с ее объективно-значимыми закономерностями и заставляет их, вопреки собственной теории, признавать случайности, отделять важное от неважного, существо от проявления и пренебрегать последним.

III

Механический детерминист смешивает несколько понятий, которые тождественны только в его мнении, в действительности же обозначают самые разные вещи. Во-первых, он полагает, что «закономерный» и «причинно-обусловленный» означают одно и то же. Так, Бухарин спрашивает: «В каком отношении стоит случайность к закономерности, или, что то же самое, к причинной необходимости?»¹⁰ Итак, он видит противоположность не только между случайностью и необходимостью, но между случайностью и закономерностью вообще. Так, он говорит в другом месте: «...Явление представляется нам случайным, хотя на самом деле оно вполне закономерно». Итак, случайность и закономерность, по его мнению, исключают друг друга, они представляют застывшую противоположность.

¹⁰ Бухарин, Теория исторического материализма, с. 44.

Однако понятие «закономерность» *отнюдь не покрывается* «причинной связанностью». Во-первых, не покрывается в том смысле, что причинная связь явлений не есть их *единственный* способ связи и причинная закономерность не есть *единственная* закономерность, какая существует на свете. Так, например, существует еще и нечто такое, как *логическая, математическая, эстетическая, художественная* и проч. закономерности, не говоря уже о *диалектической* закономерности, которая вообще бесконечно богаче, чем закон причинности детерминистов. Следовательно «причинная связь» есть только один, хотя и очень важный вид закономерности явлений. Во-вторых, «причинная связь» и «случайность» не только не представляют застывших, исключающих друг друга противоположностей, но и *вообще не представляют противоположностей*, а наоборот: случайное столь же причинно обусловлено, как и необходимое. Не здесь как раз лежит различие между необходимостью и случайностью, не в том, причинно ли они обусловлены или нет. Иными словами, *случайность имеет точно так же свою закономерность, как и необходимость*. Не следует забывать, что теория вероятностей есть не что иное, как закономерность случайности, и она, как и статистика, была бы невозможна, если бы случайность не была причинно обусловленной.

С другой стороны, т. Бухарин смешивает «причинную связанность» с «необходимостью». Он говорит: «Необходимое есть причинно обусловленное. Ни больше, ни меньше»¹¹. Он думает, следовательно, что все, что причинно связано, уже тем самым необходимо, и иной необходимости, как необходимости причинной связанности, он не знает. Но тогда все необходимо, случайности тогда не существует. Таким путем, как говорит Энгельс, случайное не вычеркивается из действительного мира, и все не становится необходимым, но, наоборот, все становится случайным: не «случайность объясняется здесь из необходимости, скорее, наоборот, необходимость низводится до чего-то чисто случайного»; тогда «действительно, не случайность подымается до уровня необходимости, а необходимость деградируется до уровня случайности».

Вскрытие причин известного явления есть, несомненно, одна из основных задач науки, но необходимость его этим далеко не доказана. Возьмем некоторые примеры.

Среди форм стоимости, которые Маркс исследует в «Капитале» при анализе товара и его стоимости, имеется одна, которую он именует «случайной формой стоимости». Почему? Думает ли Маркс, что эта форма стоимости не имеет причин? Или он того мнения, что мы не знаем причин этой формы стоимости? Разумеется, ни то, ни другое, в действительстве чего, надеемся, нет надобности. Другие обозначения, которые Маркс еще придает этой форме стоимости, разъясняют, почему она является случайной. Маркс называет ее, кроме того, еще, между прочим, «единичной» формой стоимости. По Марксу, следовательно, «случайное» равнозначуще с «единичным». Что это значит? Это значит, что пока существует эта форма стоимости, она не есть и не может быть не чем иным, как «единичным» явлением, которое стоит вне господствующей в общем закономерности производства, является в отношении ее случайностью. Ясно ведь, что эта форма стоимости (x товара $A = y$ товара B , 20 аршин холста = 1 сюртуку) имеется налицо лишь тогда, когда акт обмена представляет собою единичное явление, когда производимые блага не при

¹¹ Там же, с. 45.

обрели еще, как правило, форму товара, когда, следовательно, преобладает натуральное хозяйство. Обмен, как указывает Маркс в другом месте, «вначале выступает в отношениях различных общин друг к другу в гораздо большей степени, чем в отношениях членов внутри одной и той же общины». Но здесь он бывает большею частью единичный, т. е. случайный. Случайный как в отношении самого акта обмена, так и в отношении того, что именно обменивается. Но уже эти единичные или, лучшие сказать, изолированные и поэтому случайные акты обмена разлагают общину, если из частичных и случайных актов превращаются в более или менее частые явления. Почему? Потому что единичная, случайная форма стоимости содержит зародыше те противоречия, которые чужды примитивным общинам, и представляет, таким образом, закономерность, отличную от господствующих в них закономерностей хозяйства—закономерность товарного хозяйства. Пока производство не является производством товаров, товар есть «случайное» явление, хотя и вполне причинно обусловленное; оно становится необходимым только тогда, когда становится *всеобщим* явлением. Но тогда уже выступает постепенно *всеобщая форма стоимости*, переходящая затем в *денежную* форму, которая и может быть названа *необходимой формой стоимости развитого* товарного общества и позже—капиталистического общества, так как является существенным элементом этих обществ, не мыслимых и не могущих существовать без денежной формы. Итак, если раньше «случайное» было равнозначно с «единичным», то теперь «необходимое» равнозначно со «всеобщим». Но по Бухарину выходит, что Маркс был не вправе признавать случайную форму стоимости. Ведь эта форма, хотя и выражает единичный акт обмена, но в то же время причинно обусловлена, т. е., по Бухарину, не случайна. Но если она причинно обусловлена, то должна рассматриваться как необходимая и должна быть названа не случайной, а *необходимой формой* стоимости. Однако тогда исчезает как раз наисущественнейшее различие между этой формой и денежной формой: именно потому, что денежная форма принадлежит к существу товарного хозяйства и капитализма и вытекает из закономерностей этих форм хозяйства, она представляет в них необходимое явление, тогда как случайная форма стоимости появляется там и только там может быть формой стоимости, где стоимость и товар представляют нечто чуждое, постороннее, т. е. нечто случайное, неподходящее к инородному существу и инородной закономерности соответствующей общины,—натурального хозяйства.

Или возьмем пример, который может еще ярче осветить проблему необходимости и случайности. Возьмем роль личности в истории, но лишь постольку, поскольку эта проблема связана с исследуемым здесь вопросом.

Как известно, Маркс рассматривает личности, выступающие на исторической сцене в качестве действующих лиц, лишь как «экономические маски». Капиталист есть лишь «олицетворенный капитал» (*Kapitalindividuum*)¹².

«Экономическая маска капиталиста связана с данным лицом лишь постольку, поскольку деньги его непрерывно функционируют как капитал»¹³.

«Все поведение капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием»¹⁴.

Теперь я спрашиваю, причинно ли обусловлено, *кто* может играть мало привлекательную роль «маски» капиталиста, или же это причинно не обу-

¹² «Капитал», т. I, с. 556.

¹³ Там же, с. 528.

¹⁴ Там же, с. 555.

словлено? Верно, конечно, первое: никто не становится капиталистом, или, наоборот, никто не перестает быть таковым без известных причин, которые это обуславливают. Счастливое стечение обстоятельств позволяет одному стать капиталистом, другого кризис выбрасывает из класса капиталистов, и он теряет функцию представлять волю и сознание капитала. Но все-таки это *только случайность, кто* становится капиталистом и кто перестает быть им. *Необходимы* же, с одной стороны, существование класса капиталистов, т. е. «экономическая маска», в которую должны рядиться люди, а с другой — процесс концентрации капитала во все меньшем числе рук. Необходима роль, которая может и должна исполняться, но вполне предоставлено случаю, *кто* будет играть эту роль и как долго ему это удастся. Понятием «маски» (Charaktermaske) Маркс именно подчеркивает эту необходимость. Капиталистический хозяйственный строй развивается из простого товарного хозяйства по *необходимым* имманентным законам. Однажды развившись, этот хозяйственный строй требует капиталистов. Драма сочинена историей (изобретательный, плодovitый и хитроумный автор!), в ней предусмотрены те или другие роли, но вполне предоставлено случаю, кто будет исполнять все эти роли в ходе постановки пьесы. Здесь, как и во всякой драме, абсолютно случайно, кто унаследует необходимую меру одаренности, чтобы быть в состоянии сыграть роль короля Макбета; на самую роль это не имеет никакого влияния. Но абсолютно необходимо в капиталистическом обществе должны возникать Макбеты, т. е. убийцы и эксплуататоры. Необходим *класс* капиталистов (разумеется, в рамках капиталистического хозяйственного строя), абсолютно же случайно, из каких индивидов этот класс всякий раз складывается.

То же самое имеет место и с пролетариатом. Со времени своего возникновения он пребывает в неустанной борьбе с буржуазией. Эта классовая борьба зреет в историческом процессе, принимает различные формы, имеет свои закономерности. Она необходимо вытекает из внутренних противоречий капиталистической системы. Однако для каждого пролетарского индивида является совершенно случайным, какую роль он будет играть в этой классовой борьбе. Он может в ней играть, субъективно или объективно, даже контрреволюционную роль, несмотря на то, что он пролетарий. Если у одного индивида это случайно (ибо пролетариат есть, в общем, революционный класс, *это* необходимо), то абсолютно необходимо, это ибо, — вытекает из империалистической фазы капитализма, — чтобы в среде пролетариата образовалось контрреволюционное крыло: рабочая аристократия и рабочая бюрократия. Как видно, и здесь переплетаются различного рода и степени необходимости и случайности. Марксизм и не станет никогда исследовать, какие индивидуальные причины движут отдельным капиталистом и отдельным пролетарием, когда они так или иначе поступают иногда против своих собственных классовых интересов: это не только зависит от тысяч случайностей, которые хотя и все причинно обусловлены, но не могут быть прослежены, — *оно и не меняет ничего, абсолютно ничего, в ходе исторического процесса, что единственно необходимо*. Никто не изложил этого лучше самого т. Бухарина¹⁵. Психологические загадки поведения индивидов не интересуют марксизм, ибо, хотя они и необходимы под углом зрения психологии и в психологической связи, но являются совершенно случайными в историческом процессе. Здесь единственно и исключительно необходим «железный ход» самого процесса.

¹⁵ См. «Политическую экономию рантье».

Это сохраняет свою силу даже для таких исключительных личностей, как Маркс и Ленин. Было абсолютно необходимо, чтобы пролетарская классовая борьба создала себе соответствующую теорию. После различных приступов и попыток со стороны его предшественников это дело всемирно-исторического значения удалось совершить Марксу. С другой стороны, эпоха социальных революций потребовала дальнейшего развития этой созданной Марксом теории, в соответствии с изменившимися после Маркса условиями. Это было делом Ленина. Выработка революционной теории и дальнейшее ее развитие были абсолютно необходимы и совершились в соответствии с *имманентными* закономерностями пролетарской классовой борьбы. Но являлось опять-таки совершенно случайным, что это дело было выполнено личностями Маркса и Ленина. Ряд обстоятельств сделали этих великих людей тем, чем они были. Этих обстоятельств могло бы и не быть, к счастью, они оказались налицо, — но от этого *нисколько не менялась необходимость создания революционной теории классовой борьбы*. Теория могла бы быть создана и в том случае, если бы Маркс и Ленин не обладали бы той гениальностью, благодаря которой эта задача оказалась им по плечу. Маркс и Ленин являются продуктами истории и пролетариата, и если бы их не было, то пролетариат создал бы, должен был бы создать других теоретиков и вождей, с одним ограничением: теория должна была прийти «извне», как Ленин это излагает в «Что делать?».

Маркс и Ленин были во всех своих жизненных проявлениях детерминированы, причинно обусловлены. От их происхождения, структуры их мозга и пр. зависело, в какой степени и были ли они вообще гениальны или нет. С точки зрения истории все это случайно, а также случайно и то, что именно они выполнили ту роль, которая была объективно необходимо предписана историей. Сама эта роль, необходимость создания революционной теории пролетариата, дальнейшее развитие этой теории в империалистическую эпоху — *вот это не было случайно, было необходимо*. Точно так же было необходимо, что теория эта была основана *немцем* (ибо это было связано с наследием немецкой классической философии) и затем была развита *русским* (ибо это было связано с революционной ситуацией в России и опытом русского пролетариата).

Возьмем наконец следующий пример.

Была ли смерть Ленина случайна или необходима? Всякий «строгий» детерминист скажет: разумеется, она не была случайна. Ни самый факт смерти, ни момент ее наступления и пр. Возьмем, с другой стороны, факт смерти Робеспьера в Великой французской революции. «Строгий» детерминист скажет опять, что и это не было случайностью. Словом, с его точки зрения, обе эти смерти были необходимы, ибо они «одинаково» причинно обусловлены, а «необходимый» означает не что иное, как «причинно-обусловленный», ни больше, ни меньше. И тем не менее, между смертью Ленина в русской революции и смертью Робеспьера во французской — есть то различие, что первая была случайна, а вторая — необходима. Смерть Робеспьера связана с термидором и была лишь выражением закономерностей буржуазной революции. Если бы даже Робеспьеру удалось бежать и продолжать где-нибудь жить, — термидор был *необходим*, он был обусловлен закономерностями буржуазной революции. Робеспьер английской революции, Кромвель, не был казнен, он умер естественной смертью, даже сыну его и наследнику победоносная контрреволюция подарила жизнь, но эта контрреволюция была (хотя и в других формах) тер-

мидором английской революции и была в ней столь же необходима, как было необходимо наступление термидора во французской революции. Смерть же Ленина была простым *физиологическим* процессом, а не *исторической* необходимостью или закономерностью *пролетарской* революции. Как таковая, как физиологическое явление, смерть Ленина была необходима, в истории русской революции она была случайностью. У Робеспьера наоборот: его смерть была необходимостью исторического процесса, так как она была падением партии и диктатуры. Как физиологический процесс, она была чистой случайностью, так как по состоянию своего организма он мог бы, вероятно, долго еще жить.

Всякая историческая личность представляет еще кроме того совокупность самых разнообразных сторон: является отцом семейства, другом, любителем шахматной игры, музыки и пр. Все это случайно с точки зрения исторического процесса. Но это случайное может стать необходимым, перейти в необходимость, или когда оно какую-нибудь сторону участвует в исторически необходимом, или же когда оно сгущается в важное звено исторического процесса, *переходит* в историческое.

Какого цвета у революционного борца волосы и глаза, умер ли бы он от болезни, если бы не погиб на баррикаде,—все это причинно обусловлено и все-таки случайно. Но то обстоятельство, что германские социал-демократы устраивают расстрел рабочих, это не только причинно обусловлено, но и необходимо обусловлено исторической ролью социал-демократий.

Следовательно то, что необходимо, более чем причинно обусловлено. Что необходимо в одном порядке, в одной связи, то тем не менее случайно в другом. И обратно. Необходимость и случай так же мало являются заставляющими, исключаящими друг друга противоположностями, как и все другое на свете. *Случайность переходит в необходимость, всякое необходимое явление включает в себе ряд случайностей.*

Энгельс разъясняет это на примере из биологии:

«В противовес обоим этим взглядам выступает Гегель с неслыханными до того утверждениями, что случайное имеет основание, ибо оно случайно, но точно так же не имеет никакого основания, ибо оно случайное; что необходимость сама определяет себя как случайность, и что, с другой стороны, эта случайность есть скорее абсолютная необходимость («Логика», кн. II, отдел «Действительность»). Естествознание предпочло игнорировать эти положения как парадоксальную игру слов, как противоречащую себе самой бессмыслицу, закоснев теоретически в бессодержательности вольфовской метафизики, согласно которой нечто *либо* случайно, *либо* необходимо, но ни в коем случае не то и другое одновременно, или в столь же бессодержательном механическом детерминизме, который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признать ее в каждом отдельном случае.

«В то время как естествознание продолжало так думать, что *сделало* оно в лице Дарвина?

«Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его прежних мета-

физических неизменности и постоянстве... Случайность уничтожает необходимость, как ее понимали до сих пор. Прежнее представление о необходимости отказывается служить. Сохранить его—значит навязать природе, в качестве закона, противоречащее самому себе и действительности произвольно логическое построение, значит отрицать всякую внутреннюю необходимость в живой природе, значит вообще объявить хаотическое царство случая единственным законом живой природы»¹⁷.

Если нет в природе имманентной, т. е. объективной, *случайности*, то нет и имманентной необходимости, это, по Энгельсу, доказано Дарвином. Случайности, которым подвержен всякий индивид, в каждом отдельном случае необъяснимы, и если бы даже поддавались объяснению, то от этого было бы мало пользы. Что нужно науке и что достигнуто было Дарвином, это отыскание закона, по которому случайности *переходят* в свою противоположность, в необходимость, по которому *индивидуальные* случайности превращаются в законы развития *видов*. Подобно тому как индивид и вид не являются неподвижными противоположностями, а диалектическими полюсами, которые друг с другом связаны, друг друга обуславливают, но так же в известном смысле друг друга исключают, так и их закономерности, закономерности развития индивида случайны; проследить их каждую в отдельности невозможно, *но исключительно из них*, из этих индивидуальных изменений складывается *необходимость* развития видов, без этих случайностей нет развития видов. А также и обратно: закономерность развития видов живет и действует в каждом индивиде (наследственность и пр.), определяет его, является общей основой индивидуальных, *случайных* изменений его. Или, пользуясь словами Гегеля: случайное индивидуального развития имеет основание (ибо оно причинно обусловлено, как все другое на свете) и в такой же мере не имеет основания (ибо то, что в этом развитии есть индивидуального и остается таковым, не принимает участия в развитии вида, т. е. не принимает участия в общем, разве если оно *отбрасывает* индивидуальное и становится таким путем основой массового явления, в данном случае—развития вида). Но это необходимое развитие вида возникает из числа случайных, индивидуальных изменений, и таким образом случайное необходимо, необходимость определяет себя как случайность.

Такого же взгляда держится и Ленин:

«Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе, как в этой связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка или сторона, или сущность отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков как случайные, отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

«... А естествознание показывает нам... объективную природу в тех же качествах, превращения отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей»¹⁸.

¹⁷ Энгельс, Заметки.

Значит и Ленин признает, что случайное есть нечто объективное. И подобно Энгельсу он связывает случайность с необходимостью. Случайное превращается в необходимое, необходимое есть частичка или сторона, или сущность случайного. Жучка есть собака. В качестве собаки она принадлежит к чему-то общему, к виду собак, и ее существование определяется необходимостями, закономерностями вида, к которому она принадлежит (наследственностью и пр.) Одновременно это дворняжка, а не овчарка. Это, с одной стороны, случайность в отношении вида, но с другой стороны, все-таки нечто общее, хотя бы и не такое, как вид. И, как индивидуальная Жучка, она имеет тысячу случайных свойств. Среди них есть некоторые, которые могут повести и вероятно поведут к дальнейшему развитию этой разновидности и таким образом перейдут в необходимые. Если мы называем Жучку собакой, обозначаем древесный лист, как таковой, то оставляем в стороне эти случайные свойства не потому, что мы этого хотим, но по нашему произволу, а потому, что существенное, которое мы отделяем от являющегося, есть *объективно* существенное, потому что противоположность между сущностью и явлением, между необходимостью и случайностью *имеется налицо в самой природе как объективный закон*. Но только эта противоположность не неподвижна и не недиалектична; не исключает взаимно одна другую, как рисуют ее механические детерминисты, и с ними т. Бухарин; она диалектична, находится во взаимной связи и постоянном взаимном превращении, связана тысячью нитей и взаимных переходов.

IV

В одном месте своей книги т. Бухарин спохватывается, что его теория необходимости находится в некотором разногласии с марксизмом, с диалектическим материализмом. Он вносит в нее поэтому «поправку».

Маркс и Энгельс говорят часто об «общественной необходимости», под которою они однако понимают не просто причинное сцепление общественных событий. Но так как по Бухарину необходимость вообще и историческая необходимость в частности состоит исключительно только из причинного сцепления событий и таким образом все, что существует, необходимо, то это противоречие нуждается в «примирении». Однако согласовать марксистскую теорию необходимости с теорией необходимости Бухарина, собственно говоря, невозможно. Ибо диалектический материализм есть *преодоление* механического, и оба они так же мало могут быть согласованы, как, например, теория флогистона с современной химией. Это может произойти только благодаря неправильному толкованию марксизма. Фактически вносимая Бухариным поправка является не столько поправкой к его теории (которая неисправима), сколько *исправлением марксизма*. От этого его позиция решительно не становится лучше, она окончательно портится.

Присмотримся поближе к этой поправке, и читатель должен будет убедиться, что я, к сожалению, несколько не преувеличил.

«*Необходимое условие* дальнейшего развития,—говорит т. Бухарин,—называется часто тоже *исторической необходимостью*. В этом смысле исторической необходимостью была Французская революция, без которой капитализм не мог бы развиваться; или так называемое освобождение крестьян в 1861 г., без которого не мог бы развиваться дальше русский капитализм.

В этом смысле является исторической необходимостью социализм, так как без него невозможно дальнейшее развитие общества. Если общество будет развиваться, неизбежно будет социализм. В этом смысле и Маркс и Энгельс говорят об «общественной необходимости».

И затем прибавляет:

«Метод отыскивания *необходимых условий* по имеющимся (или предполагаемым) фактам чрезвычайно часто употреблялся Марксом и Энгельсом, хотя до сих пор на это обращали крайне мало внимания. Между тем в сущности весь «Капитал» построен именно так»¹⁹.

Действительно, «на это до сих пор мало обращалось внимания», ибо это все, что угодно, но только не теория Маркса; «метод отыскивания *необходимых условий*» есть все, что угодно, но только не метод, примененный Марксом в «Капитале».

Как известно, Маркс применял в «Капитале», как и везде, диалектический метод. Это достаточно общеизвестно и достаточно «обратило на себя внимание» всех. Чего же ради т. Бухарин, который тоже признает, что диалектический метод есть метод марксизма, переименовывает его в «метод отыскивания *необходимых условий*», ежели между ними нет никакой разницы? Но такая разница существует. Именно поэтому т. Бухарин только и «обратил внимание» на новый метод, т. е. *открыл* его. Разница заключается просто в том, что у т. Бухарина *нет диалектики*, и это мы постараемся сейчас доказать.

Мы позаимствуем у т. Бухарина один пример и сопоставим его трактовку с трактовкой того же случая у Маркса. Притом «случаю» было угодно, что Маркс не только разбирает тот же пример, что и Бухарин, так что различие методов становится наглядным, но вдобавок *применяет рядом оба метода*: как диалектический метод, так и «метод отыскивания *необходимых условий*». Это бросает еще более яркий свет на различие обоих методов.

Речь идет о капиталистическом развитии в России, с одной стороны, и о превращении капиталистического общества в социалистическое — с другой.

В известном письме к Вере Засулич Маркс на вопрос о судьбах русской крестьянской общины дает следующий ответ:

«Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит полное отделение производителя от средств производства... Основой всей этой эволюции является *экспроприация земледельца*. В полной мере она осуществлена пока только в Англии... *Но все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути». («Капитал», франц. изд., с. 315).

Следовательно «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы*. Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«*Частная собственность*, основанная на личном труде... будет замещена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплуатации чужого, но формально свободного труда» (там же, с. 34).

«В этом западноевропейском процессе речь идет таким образом о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*...

¹⁹ Бухарин, Теория исторического материализма, с. 46—47. Курсив автора—В. Р.

«Анализ, представленный в «Капитале», не дает ничего, что можно было бы выставить за или против жизнеспособности русской общины. Специальные изыскания, которые я произвел и материалы, для которых я почерпал в первоисточниках, убедили меня, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России. Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия самостоятельного развития»²⁰.

Итак, в России упадок общины, т. е. развитие капитализма, не есть историческая необходимость в том смысле, в каком Маркс ее понимает. Ибо *внутренние противоречия общины не ведут неизбежно к капитализму*, таких внутренних противоречий в ней нет. *В частной же собственности* они имеются. Но если община не ведет неизбежно к капитализму, то *может* однако развиваться в этом направлении, что с ней и произошло. И Маркс изучает условия, которые могут этому способствовать или препятствовать.

Как мы видим, Маркс ставит вопрос об исторической необходимости совершенно иначе, чем Бухарин. Противоречия, заключающиеся в *частной собственности*, толкают ее от одной формы (частной собственности, основанной на личном труде) к другой (капиталистической собственности). Это обусловлено *имманентными* закономерностями частной собственности. У деревенской общины в России это диалектическое *противоречие* отсутствует, поэтому она и может стать непосредственно более высокой формой коммунизма, если известные условия для этого будут налицо или будут созданы. Развитие же деревенской общины в капитализм не обусловлено ее сущностью; причины, вызывающие такое развитие, находятся *вне* ее.

Маркс, как уже упомянуто, применяет в этом письме рядом оба метода: *диалектический*, обосновывающий *историческую необходимость* развития частной собственности, и метод «отыскания необходимых условий» некоторой *возможности*, не являющейся однако исторической необходимостью. Тем не менее ненаступление обстоятельств, которые могли бы сделать русскую общину непосредственной основой высшей формы коммунизма, не меняет абсолютно ничего в той *исторической необходимости*, что, несмотря на капиталистическое развитие, в России, в конечном счете, должна быть осуществлена высшая форма коммунизма.

Эту историческую необходимость Маркс излагает следующим образом в знаменитой главе «Капитала» об «исторической тенденции капиталистического накопления»:

«Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а потому и капиталистическая частная собственность есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство с *неизбежностью* процесса природы порождает отрицание себя самого. Это — отрицание отрицания»²¹.

К социализму ведут, по Марксу, диалектические противоречия частной собственности. Социализм есть неизбежное последствие частной собственности. В соответствии с этим Маркс говорит в другом месте:

«Буржуазные производственные отношения представляют последнюю антагонистическую форму общественного процесса производства. Этой

²⁰ «Архив Маркса и Энгельса», I, с. 286:

²¹ «Капитал», т. I, М. 1923, с. 600.

общественной формацией завершается поэтому предистория (*Vorgeschichte*) человеческого общества»²².

Марксу не приходит поэтому в голову изображать дело так, будто социализм может осуществиться или не осуществиться. Историческая теория Маркса есть теория *развития* общества. Движущая сила этого развития есть диалектическое противоречие. Не об *условиях* осуществления социализма идет речь у Маркса. Это совершенно иной вопрос; это зависит от особых исторических условий: социализм может осуществиться раньше или позже, медленнее или быстрее. Первая попытка может потерпеть крушение, даже ряд попыток может потерпеть неудачу (Венгерская и Баварская советские республики). Но все это обусловлено обстоятельствами, которые не вытекают из существа дела. И все это ничего не меняет в той исторической необходимости, что социализм *должен* быть осуществлен.

А у Бухарина читаем: «Если общество будет развиваться, *неизбежно* будет социализм». Это далеко не похоже на ту историческую необходимость, о которой говорит Маркс и которая коренится в *диалектике*, это всего лишь «метод отыскивания необходимых условий» — «по имеющимся (или предполагаемым) фактам». Здесь совершенно отсутствует историческая необходимость наступления социализма, здесь эта необходимость не вытекает из *имманентной* закономерности развития частной собственности, но ставится в зависимость от *внешних* условий, которые могут его с собой привести или не привести. Здесь историческая *необходимость* превращается недialeктически в *возможность*. «Необходимость» социализма стоит у Бухарина на той же ступени, что возможность развития общины у Маркса. Если бы последняя сохранилась, то на это были бы свои «условия» (причины). Она не сохранилась. На это тоже были свои «условия» (причины). Так же точно и у Бухарина: если социализм осуществится, то на это есть свое «условие» (причина). Если он не осуществится, то, значит, это условие просто не наступило.

У Маркса как раз наоборот. Маркс не ставит развитие деревенской общины к социализму на одну ступень с развитием общества к социализму вообще. Первое есть возможность, зависящая от известных условий, которые он точно излагает; второе — есть *историческая необходимость*, которая *должна осуществиться и осуществляется* при любых условиях (безразлично, сохранится ли деревенская община или погибнет и будет замещена капитализмом).

Разница между обоими методами представляется мне чрезвычайно наглядной. Этим окончательно решается судьба «теории отыскивания необходимых условий», но опровергается также взгляд т. Бухарина, будто это и есть метод, на котором, «в сущности», построен «Капитал». «Капитал» — то во всяком случае построен на диалектическом методе.

Человечество осуществит социализм, так как социальное движение есть одновременно и *эволюция*, движение в определенном направлении, в направлении к социализму. Эта *оценка* общественного процесса не есть конечно телеология; цель, к которой направляется историческое движение, есть имманентная цель самого исторического движения, она ставится *самой* историей. Она отличается коренным образом от телеологии буржуазной науки, которая принимает независимую от истории цель, предписанную ей извне (богом и пр.), и их отнюдь не следует смешивать. Тов. Бухарин справедливо отграничивает марксизм от телеологии. Но он вместе с водой вы-

²² Маркс, Предисловие к «Критике политической экономии».

плескивает из ванны и ребенка: он уничтожает не столько телеологию, сколько диалектику. С превращением диалектического метода в метод «отыскивания необходимых условий», он превращает марксизм в узкий эмпиризм, который привязывается к фактам, оторванным от законов движения. Имманентные законы, которым подчиняются эти факты и которые как раз обуславливают историческую необходимость, *сущность* диалектического *развития* утрачиваются в концепции т. Бухарина.

ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ И ЛОГИКА МАРКСИЗМА

ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ КАК УЧЕНИЕ О СТУПЕНЯХ РАЗВИТИЯ АБСОЛЮТНОЙ ИДЕИ, ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

Г. Дмитриев

ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Достаточно явственно обнаружилось в настоящее время теоретическая убогость, слабость, негодность попытки подменить диалектический материализм механистическим мировоззрением. Весь ограниченный круг аргументации, употребляемой механистами, оказался совершенно исчерпанным, и теоретически механисты, а также все те, кто под этим флагом вел борьбу против диалектики, оказались разоблаченными и разбитыми. Нужно, конечно, еще отвечать на те или другие выступления механистов, не прибавляющие ровно ничего нового к тому, что было ими сказано и пережевано. Но задачи, стоящие сейчас перед нами в области философского мышления, не должны ограничиваться этой непосредственной полемикой с механистами.

Перед нами сейчас стоит двоякая задача. С одной стороны, мы должны, подытожив наши разногласия с механистами, популяризировать взгляды диалектиков, продвинуть их максимально в массы, их максимально проработать. С другой—наша дискуссия с механистами должна быть продолжена на новой, повышенной основе.

Дискуссия с механистами, мы вплотную подошли к целому ряду важнейших вопросов, как например: о роли и связи отдельных категорий материалистической диалектики, характеристике качества и количества в их взаимном отношении, проблеме абстрактного и конкретного понятия, связи случайного с необходимым и пр. Все эти вопросы поставлены перед нами, так сказать, два раза. Мы должны показать, как торжествует диалектика в области отдельных специальных научных дисциплин, в области истории, политической экономики, в области органической и неорганической природы, математики и пр. И мы должны также обосновать правильность точки зрения материалистической диалектики вообще, должны дать связанное и систематическое изложение категорий материалистической логики, должны показать отношение между формальной логикой и диалектикой и др. Эта последняя задача сводится к проблеме построения нашей материалистической логики и связанной с ней самым теснейшим образом проблеме материалистического истолкования гегелевской философии, системы и метода.

Мы думаем—и это мы постараемся в дальнейшем обосновать,—что в *настоящее время* центральным узлом всех проблем, которые определяют *вид, конструкцию, тип построения нашей материалистической логики*, является не столько вопрос о характере самих категорий, из которых должна состоять эта логика, а проблема *порядка их расположения*. В ре-

зультате нашей дискуссии с механистами, в результате наших углубленных занятий над Гегелем, после «Диалектики природы» Энгельса, после ленинского конспекта гегелевской логики, выяснилось достаточно определенно, что в общем, с теми или другими поправками, мы можем принять основные категории гегелевской объективной логики. Но, в таком случае, перед нами встает вопрос кардинальной важности: можем ли мы согласиться с тем толкованием порядка, какое дает сам Гегель? Тот или другой ответ на этот вопрос, который есть тот же вопрос о соотношении исторического и логического, предпринимает две возможных линии, две конструкции, два типа построения нашей материалистической диалектики. Одна конструкция логики очень близка, если не совпадает совсем с гегелевской логикой, эта конструкция *в своей сути также решает проблему исторического и логического*, а другая конструкция исходит из тех же категорий, какие имеются в гегелевской логике, *принимает порядок их расположения*, но дает такое истолкование этому порядку, какое совершенно не совместимо с гегелевским. Ответ на этот вопрос о толковании порядка гегелевской логики в свою очередь определяет понимание самих категорий логики: качества, количества и пр.

В дискуссии с механистами отчетливо обнаружилось значение категории качества для понимания действительности. Можно сказать, что эта категория была в центре наших споров с механистами. Но, несмотря на это, все же выплывает ряд недоуменных вопросов, связанных с пониманием этой категории. Как понимать качество и куда поместить в логике эту категорию? Если под качеством понимать внутреннюю закономерность вещи, внутреннюю форму, то эта категория в таком случае должна быть помещена в конце логики вместе с определениями сущности, формы и т. д. (принимая, что движение категорий в логике идет от абстрактного к конкретному, от простого к сложному). Или мы согласимся с Гегелем и будем вместе с ним определять качество прежде всего как внешнюю, непосредственную, тождественную с бытием определенность. В таком случае, так же, как у Гегеля, эта категория должна быть помещена в самом начале логики. Какое из этих двух пониманий качества более правильное? А может быть, эти два понимания не исключают друг друга—их можно примирить, согласовать, указав каждому из них соответственное место?

Другая не менее важная и интересная проблема—э роли и месте категории количества. Понимание этой категории и определение ее роли также имело решающее значение для размежевания диалектиков и механистов. Конечно, нельзя быть диалектиком и признавать, что реально—объективно—существует только количество, а качественное разнообразие существует только субъективно, только в сознании человека. По этой линии проходит граница механистического и диалектического понимания категории количества. Но в то же время возникает вопрос: верно ли логическое сопряжение и отождествление количественного и механического, которое так распространено в нашей литературе не только среди механистов, но и среди диалектиков? Верно ли, что механика при всех условиях *всегда, даже современная механика*, есть наука исключительно количественная и что применение математического метода в какой-нибудь области человеческого знания *всегда связано со сведением* качественного своеобразия к простейшим механическим или физико-химическим закономерностям? Этот вопрос влечет за собою целый ряд других интересных и важных вопросов. Встает по всей широте проблема определения математики, отношения ее к диалек-

тической и формальной логике, роли математического познания в исследовании различных ступеней действительности. Возникает связанный с этими проблемами вопрос о роли пространства и времени и необходимости введения этих форм в качестве категорий в нашу материалистическую логику.

Необходимо поставить также ряд вопросов и в отношении остальных категорий логики. Согласны ли мы с положением Гегеля, что мера имеет свое господствующее значение только на первых ступенях развития природы и что в дальнейшем, на более высоких ступенях природы и развития духа, определения меры играют совершенно подчиненную роль? Правильно ли, что определения сущности неприменимы к характеристике низших форм развития действительности, потому что здесь материя является без сущности, здесь внутреннее еще скрыто, находится еще в потенции, а не в действии?

Встает в общем вопрос об определении самого предмета материалистической диалектики. Как определить материалистическую диалектику—только ли так, что материалистическая диалектика есть учение о ступенях и формах развития материи, или это определение еще неполно, недостаточно и поэтому не верно, и надо определить материалистическую диалектику как учение *об общих законах* и ступенях развития материи?

И, наконец, встает также весьма важный вопрос об отношении субъективной и объективной логики, объективной и субъективной диалектики, формы и содержания нашего познания, истины и достоверности.

Наши разногласия с механистами, обнимающие круг весьма кардинальных вопросов, имели следующую особенность: они были сосредоточены главным образом на проблемах объективной диалектики. Все главнейшие пункты разногласий вращались вокруг понимания объективной реальности и материи. Частично, впрочем, затрагивались и некоторые вопросы субъективной диалектики, так, например, довольно остро встал вопрос о взаимоотношении в научном познании общего и частного, о роли конкретного понятия. Несомненно, что вместе с отрицанием реальности качества и сведением его к количеству, вместе с отрицанием реальности общих понятий—класса, капитализма и др.—механисты должны были бы выдвинуть свое особое, отличное от диалектического, понимание познания и мышления, свою особую механистическую логику. Но несмотря на это, мы можем все-таки с полным правом сказать, что вопросы субъективной диалектики—проблема соотношения формы и содержания познания, характеристика ступеней нашего мышления, вопросы взаимоотношения исследования и изложения, роли анализа и синтеза, проблема абстракции и конкретного понятия—остались в тени, на заднем плане. А между тем никакое построение нашей материалистической логики, конечно, невозможно, если не будет отчетливо разрешен вопрос о взаимоотношении законов познания с законами действительности, о взаимоотношении субъективной и объективной диалектики. В настоящее время, повидимому, в этом отношении наступил некоторый перелом. Особенное значение имеет ленинский конспект «Науки логики» Гегеля. Центральной мыслью, красной нитью проходящей через весь этот конспект, основным углом, под которым Ленин читал и рассматривал гегелевскую логику, является мысль, что теория познания не может рассматриваться и изучаться изолированно от вопросов общей диалектики, что учение о движении нашего познания должно быть теснейшим образом связано с вопросами объективной диалектики, с учением о движении материи вообще.

В этой работе мы пытаемся не столько самостоятельно разрешить все эти вопросы, сколько дать им правильную постановку. И эта последняя задача тоже имеет известное значение,—правильно сказал кто-то, что дать верную постановку вопроса есть уже половина дела. Другую половину мы надеемся получить в живом товарищеском обмене мыслей...

Вполне понятно, почему мы сосредоточили преимущественное внимание на Гегеле. В построении нашей материалистической логики мы неизбежно направляемся от гегелевской. Вот почему мы вначале даем характеристику основных положений гегелевской логики, а потом, в связи с их критической отрицательной и положительной оценкой, мы попытаемся поставить и разрешить некоторые основные вопросы и нашей логики.

I

ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ КАК УЧЕНИЕ О СТУПЕНЯХ РАЗВИТИЯ АБСОЛЮТНОЙ ИДЕИ, ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

«Центр тяжести интереса лежит не в сфере философии права, а в сфере логики. Философская работа Гегеля направлена не на то, чтобы наполнить абстрактное мышление конкретным содержанием политических определений, а на то, чтобы испарить содержание существующих политических определений и превратить их в абстрактные мысли. Не логика дела, а дело логики является философским моментом. Не логика служит для оправдания государства, а государство для оправдания логики».

К. Маркс, Критика философии права Гегеля.

Логика Гегеля занимает центральное место в общей системе его философии. Вся остальная часть его философии, его учение о природе и духе, его история философии и различные «философии»—права, истории, искусства и пр.,—с одной стороны, служат введением, подготовительной ступенью для его логики, а с другой—являются продолжением логического, отображением логической идеи в различных конкретных формах. Философия Гегеля резюмируется в его методе, но логика Гегеля—это и есть учение о методе или методология. Для нас, марксистов, логика Гегеля имеет особое значение. Мы направляемся от гегелевской логики не случайно и не только потому, что исторически Маркс и Энгельс были когда-то гегельянами,—мы все признаем, что процесс построения нашей материалистической логики есть в то же время процесс переворачивания Гегеля с головы на ноги, процесс материалистического толкования гегелевской логики.

Логике Гегеля предшествует «Феноменология духа»—наука о являющемся сознании.

Эта наука является введением в логику, она излагает возникновение науки и знания вообще и дает нам характеристику ступеней, которые проходит наше сознание в своем развитии до науки. Путь этот длинен, и его надо осознать во всей необходимости. Движимым началом, которое заставляет подниматься наше сознание с одной ступеньки на другую, является противоречие между субъектом и объектом, «я» и субстанцией, вещь в себе и вещь для нашего сознания. Перед сознанием стоит задача преодоления этого противоречия, потому что субстанция должна быть понята как субъект и все внешнее, чувственное, материальное должно быть понято в своей

существенности как понятие. Основные ступени, какие проходит сознание в процессе этого преодоления, следующие. Первая ступень—чувственное непосредственное знание; здесь объект выступает как совершенно чуждый, посторонний, внешний субъекту. Предмет чувственного сознания кажется совершенно независимым от субъекта, совершенно обособленным, единичным. Чувственное сознание имеет дело с этой непосредственностью предмета, с его единичностью, с «этим», «здесь», «теперь» и «там», с его внешними качествами, отношениями и свойствами. Но и само чувственное предметное сознание тоже проходит различные ступени. Оно начинает с непосредственной чувственной достоверности и через воспринимающее сознание приходит к рассудку. Последний имеет дело с внутренним началом вещей, с их сущностью и здесь сознание уже отрешается от своей чувственности и становится самосознанием. На этой ступени сознание имеет своим предметом самого себя. Предмет перестал быть внешним сознанию: это последнее в предмете узнает самого себя. Но это-то и составляет недостаток и противоречие самосознания вследствие чего оно страдает пороком субъективности. Именно по этой причине, сознавая свою ограниченность и свои недостатки, самосознание отрицает самое себя и переходит к третьей, последней ступени—разумному сознанию, где уже преодолевается субъективность. Разум—это единство чувственного сознания и самосознания, единство объективности и субъективности. Разумность уверенность сознания в том, что оно составляет всю реальность и что его собственное определение совпадает с сущностью вещей. Последней ступенью и заканчивается развитие сознания, а вместе с этим и феноменология духа. Дальнейшие ступени представляют собой только этапы в развитии последней ступени—разумного сознания. Вместе с последней разумной ступенью феноменология достигает своего результата. Все независимое, объективное, противостоящее субъекту в конце концов оказывается ему тождественным, оказывается только его временным отчуждением, вернувшимся к своему истинному исходному пункту.

Объект делается тождественным субъекту, потому что субъект в чуждом и противостоящем ему объекте нашел свое собственное я и открыл его внутреннюю движущую сторону, каковой являются понятие, истина всех родов, форм и ступеней сознания. Истина сделалась тождественной с достоверностью, и вместе с уничтожением этой противоположности субъекта и объекта, сознания и внешнего предмета, мы переходим на следующую, более высокую стадию развития, которая имеет дело с чистым сознанием вообще, с наукой вообще, с чистым понятием, свободным от всего внешнего, реального и чувственного. Изучением движения этого чистого понятия занимается логика.

Эта наука у Гегеля делится на два больших отдела: объективная и субъективная логика. Содержание логики характеризуется ее категориями. Категории логики—определения, атрибуты логической идеи—не субъективны, не являются свойствами только индивидуального сознания, его познавательными функциями, как думает Кант (его философию поэтому по справедливости следует назвать субъективным идеализмом). Категории объективны, они суть наиболее общие существенные атрибуты всех вещей, природы и духа. Логика поэтому может быть определена как учение о категориях.

Изложение логики носит необходимый характер и обуславливается внутренним развитием определений самого предмета логики—чистого по-

нения. Никакой другой предмет, говорит Гегель, не может излагаться столь имманентно пластически, «как необходимое развитие мышления». В этом отношении логика даже превосходит математику. Предмет логики—понятие—развивается совершенно свободно в силу ритма присущей ему диалектики. Диалектика понятия состоит в обнаружении и разрешении скрытых в понятии противоречий. Сначала понятие полагает себя, утверждает свои определения и свою характеристику—это стадия тезиса, затем, развивая свои собственные определения, оно обнаруживает имеющиеся в нем противоречия, оно отрицает самого себя, это—стадия антитезиса и затем наконец оно соединяет утверждение с отрицанием—это стадия отрицания отрицания или синтеза. В этой смене тезиса, антитезиса и синтеза и состоит диалектический ритм понятия, благодаря которому понятие движется вперед, поднимаясь с одной ступеньки на другую.

Какой же принцип положен Гегелем в основу этого ступенчатого расположения категорий логики? Что изображают эти категории—ступени логики?

Этот вопрос весьма важен для понимания гегелевской логики, и только при условии отчетливого ответа мы сможем дать ей материалистическое истолкование.

1

Соответственно основному разделению философской системы Гегеля на три части—логика, философия природы и философия духа—мы можем установить следующее истолкование логики и ступеней логического развития: 1) логика, взятая сама по себе, характеризует развитие абсолютной идеи—она изображает бога в его предвечном, домировом бытии; 2) ступени логики характеризуют развитие неорганической и органической природы; 3) эти ступени изображают развитие субъективного и объективного человеческого духа (вместе с развитием философской мысли).

Логика прежде всего должна быть определена как учение о боге—вечной субстанциональной основе всего существующего. «Логику следует поэтому понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. *Это царство есть истина, как она без покрова есть сама в себе и для себя.* Можно поэтому выразиться так, что это содержание есть *изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения мира и конечного духа*». Предмет логики и религии, следовательно, один и тот же, но логика постигает свой предмет—бога—в понятиях, а религия—в форме представлений. И эта логическая форма постижения бога—наисовершеннейшая; только посредством понятий мы наиболее тесным образом, так сказать, сообщаемся с богом. Ступени логики—категории—в таком случае являются различными определениями бога, его свойствами, его бесконечными атрибутами. Было бы неправильно думать, что эти ступени становятся таковыми только при реализации божественной логической идеи в конечные формы природы и духа и что в домировом чисто божественном существовании они не являются ступенями, а суть определения бога, сосуществующие вместе в бесконечном застывшем единстве. Это верно, что абсолютная идея носит в себе сразу все свои бесконечные определения—атрибуты, свойства,—но эта абсолютная идея не есть застывшее неподвижное тождество субстанции, как это имеет место, напр., в философии Спинозы. Абсолютная идея у Гегеля есть единство своего пути и своего результата, метода и содержания,

единство развития с вечным тождеством сосуществующих определений Абсолютная идея в своем дореальном существовании развивается в чистой мысли. Логика, в таком случае, есть наука не о конечном реальном понятии, а учение о божеском понятии, развитие которого еще заключено в пределах небесной сферы.

Так понимаемая логика представляет собою в целом доказательство бытия бога. Гегель снова пытается реабилитировать эти доказательства, которые после английских скептиков, французских материалистов и критики Канта не встречали сочувствия. Более того, можно сказать, что вся философия Гегеля в целом, и особенно его логика, представляет собою одно большое единое доказательство бытия бога. Каждое определение—категория логики—есть по Гегелю ступень в познании бесконечной абсолютной идеи. И с каждой этой ступенью мы поднимаемся выше и выше по лестнице божественных определений, оставляя позади то, что раньше казалось совершенно непосредственным и самостоятельным. Ритм диалектического движения продолжается до тех пор, пока мы не доходим до бога, до абсолютной идеи—этой бесконечной всеосновы. В этом переходе от непосредственного к опосредствованному, от обусловленного к условию, от следствия к причине, от положенного к внутренней полагающей цели и состоит по Гегелю разумное доказательство бытия бога. «Если говорят: рассматривайте природу, она вас приведет к богу, вы найдете абсолютную, конечную цель, то это не значит, что бог есть некоторое опосредствование, а это значит, что мы лишь совершаем переход от другого к богу, и совершаем этот переход таким образом, что, бог как следствие есть вместе с тем абсолютное основание природы, что следовательно, наоборот, то, что выступает как следствие, оказывается также и основанием, а то, что сначала представлялось основанием, низводится на степень следствия»¹. Таково теологическое значение логики в понимании Гегеля.

Развитие логической идеи не замыкается в пределах только надмирной небесной сферы. Логическая идея в своем божественном движении выходит за свои границы, преобразуясь в конечные формы природы и человеческого духа. Эта реализация логической идеи есть не что иное, как творчество мира. Впрочем, это сотворение мира нельзя рассматривать в строго ортодоксальном теологическом смысле. Сначала был бог—«вначале было слово и слово было к богу и бог было слово»,—а потом бог занялся творчеством мира. Эта первичность логической идеи и бога у Гегеля не имеет временного характера. Справедливо сказал Энгельс, что первичность духа и сотворение мира у Гегеля носят весьма запутанный характер. Бог, у Гегеля, первосущественен по отношению к миру, а еще точнее—бог и мир это одно и то же, но мир, т. е. природа, и человеческая история находят свою сущность в боге, в духе, в понятии. Этим самым теизм Гегеля переходит в пантеизм, и здесь намечается общая линия совпадения мировоззрения Гегеля и Спинозы.

2

В таком случае теологическое истолкование логики непосредственно подготавливает и переходит в истолкование ее как ступеней развития реальных мировых процессов, как ступеней реальной действительности. Бог проявляется в мире, и логическая идея вместе со всеми своими сту-

¹ «Малая Логика», с. 77.

пениями проявляется в различных формах реального исторического процесса. Логику поэтому можно определить как общее учение о действительности. Сущность мира есть бог, сущность действительности есть дух, понятие, мышление. Логика поэтому является учением о мышлении, о понятии в его истинном совершеннейшем смысле.

Самому термину «логика» Гегель уже придает другой смысл, чем в обычном понимании формальных логики. Формальные логики понимали мышление исключительно в субъективном смысле, как одну из духовных деятельностей или способностей, стоящую наряду с другими—с чувственным восприятием, с созерцанием, с фантазией и т. д. Они полагали, что «мышление составляет только форму познания, что логика отвлекается от всякого содержания и что так наз. вторая часть рассудка, составляющая познание, материя, должна быть взята откуда-то извне; что поэтому логика, от которой эта материя совершенно не зависит, может указать лишь формальные условия истинного познания, а не может содержать в себе самой реальной истины или быть путем к реальной истине, так как самое существенное в истине, содержание, лежит вне ее»². Объективное содержание здесь протivостоит формам нашего мышления, которые имеют исключительно субъективный характер. Логика определяется как наука о формах и законах мышления, понимаемого в этом субъективном смысле.

Такое понимание логики и мышления, говорит Гегель, не преодолевает еще противоположности субъекта и объекта, не выходит еще за пределы являющегося мышления, которое служит предметом рассмотрения феноменологии духа. И этому пониманию мышления как субъективной, ограниченной, конечной, рассудочной деятельности, имеющей дело лишь с явлениями, а не с сущностью вещей, нужно противопоставить, говорит Гегель, другое, более глубокое понимание.

Только в размышлении обнаруживается истинная природа всех вещей, и то, что получается в результате размышления, есть продукт самого мышления. Мышление есть истина всего предметного, есть объективнейшая деятельность, составляющая суть всех предметов, внутреннюю основу и субстанцию всего существующего. «Согласно этим определениям, мысли могут быть названы объективными мыслями, причем к таким объективным мыслям следует причислять также и формы, которые рассматриваются в обычной логике и считаются обыкновенно формами сознательного мышления». С этой точки зрения мышление не противоречит равнодушно содержанию как некая совершенно пустая субъективная форма. Чистое мышление порождает само свое собственное содержание, потому что понятие есть бесконечная форма—источник всего живого и конкретного. Истинное мышление, мышление в понятиях, всегда имеет дело только с самим собою и в своем усвоении и формировании содержания не требует выхода к чему-нибудь внешнему. Логика есть наука о мышлении в этом объективном и существенном его понимании.

Логика есть чистая наука и «предполагает освобождение от противоположения сознанию». «Она содержит в себе мысль, поскольку последняя есть также вещь в себе самой, или—вещь в себе самой, поскольку она есть также чистая мысль. Как наука истина есть чистое саморазвивающееся самосознание и имеет образ самости, которая есть в себе и для себя сущее познаваемое понятие; понятие же, как таковое, есть сущее в себе и для

² Гегель, Большая Логика, ч. 1, с. 6.

себя. Это объективное мышление есть содержание чистой науки. Последняя поэтому в такой малой мере формальна, столь мало лишена материи для действительного и истинного познания, что ее содержание, напротив, есть единственная абсолютно-истинная, если тут еще можно употребить слово «материя», истинная материя, но такая материя, форма которой не есть нечто внешнее, так как эта материя есть собственно чистая мысль, стало быть, абсолютная форма. Логику следует поэтому понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. Это царство есть истина, как она без покрова есть сама в себе и для себя»³.

Логика есть наука о чистом знании, об истине как абсолютном основании всего. «Система логики есть царство теней, мир простых существенностей, свободный от всякой чувственной конкретности».

Логика заменяет место прежней метафизики—как науки о вещах, постигаемых мыслью, в их существенности. Эта логика содержит в себе предшествующую формальную логику и метафизику и сохраняет те же самые формы мысли и законы, «но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий». Гегель отмечает заслуги Канта и Фихте, которые подготовили это более высокое понимание логики. «Критическая философия уже превратила метафизику в логику, но, подобно последующему идеализму она, как было упомянуто выше, из-за боязни перед объектом придавала логическим определениям существенно субъективное значение; поэтому им остался присущ тот объект, от которого они убегали, и при них сохранилась, как потусторонность, вещь в себе и бесконечное преткновение (Фихте)»⁴.

Такое понимание логики, как учения о мышлении—истинной основе всего существующего,—определяет соотношение законов логики и законов действительности, категорий логики и форм развития материального процесса.

Ступени—категории логики—суть ступени развития самого мира. Порядок их расположения предугадывает последовательность всякого развития, где бы оно ни происходило—в природе, обществе или человеческом мышлении. Логика поэтому есть также и история, но история вообще, как совершенно абстрактное определение тех ступеней, которым подчинен всякий исторический процесс. Этим самым Гегель устанавливает в своей логике тождество логического и исторического. Какой бы конкретно-исторический процесс мы ни взяли—историю природы, общества, развитие права и человеческого сознания, историю философских учений,—мы можем вскрыть, отмечая в сторону все своеобразное, существенно общую историческую основу—процесс движения, взятый в чистом виде. В логике Гегеля как чистом учении о понятии даны сначала все основные определения действительности природы и духа как чистые отвлеченности, как понятия, пребывающие во внутреннем свободном соотношении между собою. Понятие логики, развивающееся в сфере чистой стихии мышления, предвосхищает и предваряет весь ход мировых материальных процессов. Между логикой и реальной действительностью существует полный параллелизм в развитии. Чистым категориям логики соответствуют отпечатки—категории природы и духа субъективного и объективного.

³ «Большая Логика», с. 6.

⁴ «Большая Логика», с. 7.

Очень ярко это положение параллелизма и совпадения категорий логики и действительности выразил Л. Фейербах в своих «Предварительных тезисах к реформе философии». «Гегелевская логика—это теология, приспособленная к разуму и современности, теология, превращенная в логику. Подобно тому, как божественное существо теологии является идеальной или абстрактной совокупностью всех реальностей, т. е. всех определений и всего конечного, такова же и логика. Все, что находится на земле, повторяется в теологии и на небе, точно так же все, что есть в природе, имеется и в небесах божественной логики: качество, количество, мера, сущность, химическое, механическое и органическое. В теологии мы все имеем *дважды*: один раз абстрактно, другой раз конкретно; дважды все и в гегелевской философии: в качестве объекта логики и потом снова в качестве объекта философии природы и духа»⁵.

Гегель, к сожалению, нигде не дал вполне отчетливого и связного изложения вопроса о соотношении категорий его логики со ступенями природы и духа. Чаще всего он высказывается по этому поводу в первой части объективной логики—в учении о бытии.

Представление об этом соотношении мы можем получить из следующей цитаты—единственной, где этот вопрос ставится Гегелем в общем виде: «Чистые определения бытия, сущности и понятия, правда, образуют собою основу и внутренний простой остов форм духа; дух как *воззрительный*, так же, как чувственное сознание, имеет определенность непосредственного бытия, а дух как *представляющий*, так же, как *воспринимающее* сознание, поднялся от бытия на ступень сущности или рефлексии. Но эти конкретные образования столь же мало касаются науки логики, как и те конкретные формы, которые принимаются логическими определениями в природе и которые становятся в ней пространством и временем, затем наполненными пространством и временем, как *неорганическую* природой, и (наконец) *органическую природою*. Также и здесь на понятие должно смотреть не как на акт самостоятельного рассудка, не как на *субъективный* рассудок, но как на понятие в себе и для себя, отражающее также *ступень и природы и духа*. Жизнь, или органическая природа, есть та ступень природы, на которой выступает понятие, но как понятие слепое, не усваивающее само себя, т. е. не мыслящее; как последнее оно присуще лишь духу. От этого недуховного, так же, как и от духовного вида понятия, не зависит его логическая форма; об этом уже во *вступлении* сделано потребное упоминание; это такое значение, которое должно быть оправдано не в *логике*, а выяснено еще до нее»⁶. Из этой цитаты мы можем сделать вывод, что логика обнаруживает свое действие в *целом* дважды—один раз в качестве ступеней развития природы, а другой—конкретного духа. Ход понятия в логике направлен от абстрактного к конкретному, от простейших определений, от чистой непосредственности к наиконкретнейшей основе всего существующего—абсолютной идее. Но такое же направление имеет развитие природы и конкретного духа. Низшим формам природы и духа соответствуют низшие формы логической идеи, более высокие формы логики параллельны более высоким формам природы и духа.

⁵ Л. Фейербах, Соч., т. I, с. 61.

⁶ «Большая Логика», ч. 3, с. 9.

«Если оставить в стороне конкретные определения, которые для другой сферы, например, для физики, могут быть с таким же успехом заменены другими конкретными определениями и, следовательно, несущественны, то мы имеем перед собой главу из *Логики*».

К. Маркс, Критика философии права Гегеля.

Дадим прежде всего сопоставление ступеней развития логической идеи и природы.

Природа представляет собою царство внешнего. «Все предметы природы внешни одни другим и внешни в самих себе (в своих частях). Вот основное отличие природы от духа». Предметы природы даны нам в опыте как изолированные, разбитые и «ничем не связанные между собою»... Связи их порваны—они существуют как чуждые друг другу. Ступени развития природы—механизм, химизм, организм—«существуют независимо друг от друга и ничем не связаны между собою (ибо эта связь остается чисто внутренней). Все предметы природы действуют друг на друга извне, и поэтому в природе господствует не свобода, а *необходимость и случайность*»⁷.

Только с первого непосредственного взгляда движение природы кажется самостоятельным, развивающимся совершенно независимо и самостоятельно в сфере чувственного, эмпирического и материального. Опытное знание,—которое занято изучением природы,—исходит из действительности, как она есть, полагая, что последняя существует совершенно независимо от понятия, от разума, от логического. Опытное знание полагает, что при изучении явлений природы не надо ничего привносить от себя, действительность должна быть взята неприкосновенной, как она есть, и в изучении должна определяться сама собою. Философия тоже делает своим принципом изучение действительности. Но действительность философии и опытного знания, изучающего природу,—это разные действительности. Философия утверждает, что действительность обоснована понятием и истину нужно искать в мышлении, а опытное знание, заблуждаясь, думает, что действительность есть совокупность чувственных объектов. Это приводит к конфликту опытного знания с самим собою. Точка зрения опытного знания, которая, будучи проведена последовательно, есть материализм, терпит крушение в тот момент, когда опытное знание действительно хочет сделаться знанием и наукой. Для того, чтобы стать наукой, опытное знание никогда не может ограничиться одним лишь наблюдением, опытом, одним лишь эмпирическим констатированием фактов действительности. «Но если бы естествознание захотело ограничиться одним наблюдением и свидетельствами чувств, то оно должно было бы осматривать, обонять, ощупывать предметы, и в этом случае животные были бы также естествоиспытателями»⁸.

Одного наблюдения очевидно недостаточно. Чтобы обнять бесконечно разнообразный материал, который доставляется опытным знанием,—науками о природе,—ему должна быть придача форма всеобщности. Для этого опытное знание должно прибегнуть к размышлению и анализу. И

⁷ «Философия природы», пер. Чиждова, с. 21.

⁸ Там же, с. 27.

в этом анализе естествознание добирается до всеобщих определений, которые составляют истинную сущность всех чувственных предметов. Но всеобщее, к которому приходит опытное знание, не подлежит чувственному наблюдению—оно не существует в чувственности. «Это всеобщее не существует внемным образом, как всеобщее; рода, как такового, нельзя воспринимать, законы движения небесных тел не начертаны на небе. Всеобщего, следовательно, мы не слышим и не видим,—оно существует лишь для духа»⁹. Истина опытного знания оказалась во всеобщем, а это последнее есть не что иное, как продукт нашей мыслительной деятельности. «Так как то, что в размышлении обнаруживается истинная природа вещей, столь же верно, сколь верно и то, что это мышление есть *моя* деятельность, то эта истинная природа есть вместе с тем порождение моего духа, и именно порождение моего духа как мыслящего субъекта; она есть мое порождение со стороны моей простой всеобщности, порождение моего духа как просто у себя сущего «я» или, иными словами, порождение моей свободы». В этом и состоит крушение и самопротиворечивость опытного знания и всех наук о природе. Оно противоречит тому принципу, с каким оно выступает как опытное знание. Предполагая оставить природу неприкосновенной, «как она есть», оно в результате анализа преобразовывает природу. Выступив с лозунгом «лицом к опыту», оно вынуждено повернуться к нему спиной и искать истину в мысли.

Само опытное знание не в состоянии самостоятельно, вполне последовательно и систематично проследить и установить внутреннюю сущность природы; опытное знание в бессилии останавливается перед понятием и логическим потому, что все методы и принципы, с какими оно обыкновенно привыкло действовать, предназначены для внешнего и непосредственного: Эту задачу может выполнить только особая наука—философия природы. На долю этой науки возлагается задача вскрыть внутреннюю связь, которая соединяет все явления природы. Философия природы следит за развитием понятия в природе и старается узнать внутреннюю необходимость в движении последнего. Опытное знание и науки о природе черпают свой материал из непосредственного опыта; философия природы овладевает этим материалом и преобразовывает его согласно требованиям мысли. «Естествознание подготавливает содержание для философии, но эта последняя облачает его в разумные формы, в конкретные понятия, и показывает, что все это содержание с необходимостью вытекает из полного понятия вещи».

В этом и состоит различие опытного знания или наук о природе от философии. Философия природы вводит в область естественных наук логические и метафизические понятия, без которых опытное знание имеет недостаточный и ненаучный характер. «Философия природы должна следить за возникновением духа в природе, т. е. должна узнать, каким образом предметы природы, вначале чуждые и внешние друг другу, вступают в более и более органическую связь, пока, наконец, не явится в ней сознательная мысль, проникающая во все предметы природы и узнающая их взаимную связь». Философия природы доказывает, что природа, как будто совершенно независимая и равнодушная к понятию, является на самом деле не чем иным, как «системой логических определений, осуществляющихся в предметах внешних друг другу». На долю философии природы, следова-

⁹ «Малая Логика», с. 49.

тельно, выпадает посредническая задача. Она должна согласовать природу с разумом, естествознание с логикой, материю с понятием. Она должна показать, что движение и ступени развития природы согласуются с движением понятия в логике—этой сфере совершенной истинности. Она должна обнаружить и доказать, что естественно-исторические переходы и ступени суть ступени деятельности понятия в его внешнем обнаружении. Природа в таком случае, сама в целом, вместе со всеми своими ступенями и переходами, представляет одну большую ступень в развитии абсолютного. Она сама в целом получает истинное значение только в той мере, поскольку ее результатом является дух и понятие.

Природа проходит в своем развитии две больших ступени—неорганическую и органическую. Первая ступень развития природы характеризуется признаками внешности и непосредственности. Здесь создания природы—мертвые тела—лишены внутренней связи, они разрознены, разбеднены до бесконечности. И даже в области физики и химии, на высших ступенях развития неорганической материи,—они не имеют еще внутреннего единства и не являются еще самостоятельными субъектами. Только на органической ступени природа углубляется в себя и находит в себе существенное и истинное—понятие и дух. Предметы природы на органической ступени суть уже самостоятельные субъекты, сами из себя внутренним путем развивающие все свои свойства и определения. Это разделение ступеней развития природы находится в соответствии с разделением логики на два больших отдела—объективной и субъективной логики. Объективная логика заступает место прежней метафизики и непосредственно онтологии—«той части этой метафизики, которая должна исследовать природу сущего (ens) вообще; сущее обнимает собою как *бытие*, так и *сущность*».

Объективная логика также не выходит за пределы внешнего и непосредственного. Это особенно явственно обнаруживается на первой ступени объективной логики—учении о бытии. Но также и на высшей, последней ступени объективной логики, в отделе о сущности, понятие пытается, но не может еще обнаружить свои внутренние определения. Первая большая ступень—объективная логика—соответствует первой большой ступени—отделу природы в ее неорганической форме.

Вторая большая ступень логики—отдел субъективной логики. Субъективная логика заступает место прежней—формальной—логики, как учения о мышлении, она придает законам и правилам этой логики совершенно другой, глубоко объективный, существенный характер. Здесь понятие уже обнаруживает свои внутренние свойства и развивается в соответствующей ему форме. Только здесь, на этой ступени, мы имеем дело с развитием в подлинном смысле этого слова. Объективная логика, и следовательно неорганическая форма существования природы, еще не знает развития. В сфере бытия, начальном отделе объективной логики, диалектический процесс характеризуется «переходом в другое». В сфере сущности, втором отделе объективной логики, мы имеем дело с «отражением в другом». И только субъективная логика имеет дело с движением понятия как развитием, «посредством которого полагается лишь то, что уже имеется в себе». Этой второй части логики соответствует в природе органическая жизнь. Разделение объективной логики на две части—бытие и сущность—гармонирует с разделением неорганической формы развития материи на две ступени: механика и физика. Все категории бытия—качество, количество

и мера—должны находить свои корреляты в области механики. Физические и химические процессы стоят под знаком сущности.

Не всегда легко провести этот параллелизм у Гегеля между логическим и историческим процессом. Гегель не всегда последователен, не всегда строг в соблюдении логического этикета. Иногда ему приходится жертвовать историческим в пользу логического, и чаще всего, наоборот, логическим в пользу исторического.

Чистое бытие логики и первая ее категория—качество—не находит себе совершенно четкого и строгого отпечатка в развитии природы. Логика начинается с понятия чистого бытия—этой совершенно неопределенной непосредственности, свободной от рефлексии. Чистое бытие равно лишь самому себе и не имеет никаких различий ни внутри, ни вне себя—в противном случае была бы нарушена его непосредственность и чистота. «В нем нет *ничего* воззрительного, если здесь может идти речь о воззрении (*Anschauen*); или, иначе, оно есть именно это чистое, пустое воззрение. В нем столь же мало можно что-либо мыслить, или, иначе, оно есть также лишь эта пустая мысль. Бытие неопределенно-непосредственное есть на деле *ничто*, и не более и не менее, чем ничто»¹⁰. Вот это чистое бытие логики, равное ничто, не находит себе отпечатка в природе. Природа перескакивает у Гегеля почему-то через это чистое бытие, перескакивает через качество и начинает свой разбег прямо с количества. Первые самые простейшие ступеньки развития природы—это пространство и время. Но эти формы механического развития природы соответствуют в логике ступеням развития категории количества. Пространство соответствует чистому, а время определенному количеству... Впрочем, в иенской тетради философии природы, наиболее ранней записи лекций, сделанной Гегелем в 1804—1806 гг., природа начинает развиваться с эфира, характеристика которого, по Гегелю, очень близка к чистому бытию логики. Этот эфир не есть что-нибудь чувственное, его нельзя сравнивать с обыкновенным эфиром естествовников и физиков. Этот эфир, или абсолютная материя, есть чистая мысль, он совершенно прост и равен всегда самому себе. Эфир, так же, как и чистое бытие логики, не имеет в себе ничего определенного—это еще «неопределившийся дух», «недвижный покой», «бесконечная и неизменная связь, равнодушная к внешней форме и определенности и вмещающая их в себе». Эфир «существует как бытие вообще, а не как раздельное и реально определенное существование». Вся эта характеристика эфира вполне соответствует чистому бытию в логике, и мы не знаем мотивов, почему в позднейших записях, тетрадях и чтениях Гегель отказался начинать развитие природы с эфира?!

Так же неопределенно обстоит дело и с качеством—этой первой категорией объективной логики. Мы узнаем у Гегеля вообще, что качество находит свое надлежащее применение только в области природы, но с какой областью, с какой ступенью развития природы связана ближе всего эта категория, мы конкретно не знаем.

«Далее следует указать, что качество по существу своему представляет собою лишь категорию конечного, которая поэтому и находит себе настоящим образом место лишь в царстве природы, а не в мире духа. Так, например, в царстве природы так наз. простые вещества, кислород, углерод, и т. д., должны рассматриваться как существующие качества. На-

¹⁰ «Большая Логика», ч. I, т. 29.

против, в царстве духа качество встречается лишь в виде чего-то подчиненного, и им исчерпывается какой-нибудь определенный образ духа. Рассматривая, например, субъективный дух, составляющий предмет психологии, мы можем, правда, сказать, что то, что называется *характером*, есть по своему логическому значению качество, но это не следует понимать так, что характер есть такая же насквозь проникающая душу и непосредственно тождественная с нею определенность, как это имеет место с вышеозначенными простыми веществами в царстве природы. Качество, напротив, обнаруживается более определенно, как таковое, также и в духе, поскольку последний находится в несвободном, болезненном состоянии. Это бывает в состоянии страсти, и в особенности в состоянии страсти, дошедшей до сумасшествия. О сумасшедшем, сознание которого всецело проникнуто чувством ревности, страха и т. д., можно с полным правом сказать, что его сознание может быть определено как качество»¹¹.

Вторая ступень логики—количество—это то же качество, но такое, которое «безразлично», «равнодушно к бытию». Количество характеризует собою изменение в бытии, в вещи, но без изменения самой вещи, самого ее качества. Эта категория, так же, как и качество, имеет ограниченное применение и находит свое надлежащее место тоже только в природе.

«Количество есть во всяком случае ступень идеи, которой, как таковой, следует воздавать должное раньше всего как логической категории, а затем также в предметном мире—как в царстве природы, так и в царстве духа. Но здесь сразу же обнаруживается и различие между этими двумя царствами: определения величины не имеют одинаковой важности в предметах царства природы и в предметах царства духа. В природе, как представляющей собою идею в форме инобытия и вместе с тем вне-себя-бытия, именно поэтому количество и играет большую роль, чем в мире духа—этом мире свободной внутренней жизни. Мы, правда, рассматриваем и духовное содержание под углом зрения количества, но сразу ясно, что, когда мы рассматриваем бога как триединого, число *три* имеет здесь гораздо более подчиненное значение, чем в случае, когда мы, например, рассматриваем три измерения пространства или три стороны треугольника, основное определение которого и состоит в том, что он есть плоскость, ограниченная тремя линиями. Затем уже в пределах самой природы мы также находим указанное различие, большее и меньшее значение количественного определения,—в неорганической природе количество и играет, так сказать, более важную роль, чем в органической. Если мы в пределах неорганической природы будем различать между механической областью и физической и химической областями в более тесном смысле слова, то здесь снова обнаруживается то же различие, и механика есть та научная дисциплина, в которой меньше, чем в какой-либо другой, можно обходиться без помощи математики, или, вернее, та научная дисциплина, в которой без помощи математики нельзя сделать ни шагу. Она поэтому обыкновенно рассматривается, вслед за самой математикой, как точная наука *par excellence*, причем мы должны снова напомнить сделанное раньше замечание относительно совпадения материалистической и исключительно математической точек зрения. Согласно всему здесь сказанному следует признать отыскивание, как это часто случается, всех различий и всех определенностей только в количественном одним из предрассудков, наиболее мешаю-

¹¹ Гегель, *Малая Логика*, пер. Столпнера, с. 157.

щих как раз развитию точного и основательного познания. Дух, например, несомненно нечто большее, чем природа, животное нечто большее, чем растение, но мы очень мало узнаем об этих предметах и их различии друг от друга, если мы остановимся только на таком «больше» или «меньше» и не пойдем дальше, не поймем их в их своеобразии, т. е. прежде всего в данном случае в их качественной определенности»¹².

Таким образом в своей характеристике кличества и конкретного применения этой категории в действительности Гегель более точен, более определен, чем это было с категорией качества. Гегель более подробно и вполне определенно указывает, какая область природы связана преимущественно с этой категорией. Подлинной областью, где безраздельно и совершенно суверенно господствует категория количества и математика, является механика. В физике и химии уже ограничивается это господство количественного, и совсем малое подчиненное значение имеет оно там, где прекращается господство природы и внешнего, где оно переходит в господство внутреннего,— в области конкретного духа. Но даже в самой механике, стоящей, по Гегелю, исключительно под знаком количества, эта категория имеет различное значение и применение в зависимости от того, с какой ступенькой механики мы имеем дело.

Механика рассматривает «внешние отношения между телами, которые тяготеют друг к другу, но еще сохраняют свою самостоятельность», и разделяется на: 1) учение о пространстве и времени—формах бытия, элементы которого совершенно внешни друг другу; 2) учение о материи и движении—о разобщенных и друг другу внешних телах—предмет конечной механики и 3) учение о материи в ее свободном движении, «вполне осуществляющем понятие материи»—это предмет «небесной» или «абсолютной механики». Только на первой ступеньке механики, в области чисто внешних форм пространства и времени, категория количества находит свое максимальное применение и играет главнейшую роль.

Категория количества рассматривается Гегелем в логике сначала как чистое количество,—«не связанное границей»,—чистое определение непрерывности. Объективизация этого чистого количества, переход его из области логики в действительность представляет собою пространство природы. После чистого количества Гегель рассматривает в логике определенное количество или количество «с некоторым определением или границей вообще», которое в полной своей определенности есть число. Объективизация этого определенного количества или числа в реальности составляет то, что мы называем временем. Наука, изучающая пространство, есть геометрия, наука, изучающая время—арифметика. Геометрия и арифметика—это единственные основные математические науки. Все остальные науки о количестве сводятся к ним и в них имеют свое обоснование.

Гегель постоянно подчеркивает ограниченность математического метода и количественных определений. Он постоянно предупреждает об ошибках, которые могут получиться, если мы односторонне с математическим методом будем подходить к изучению таких предметов, которые требуют другого, более совершенного, более тонкого, более гибкого подхода. Были, например, попытки, говорит Гегель, возвысить математическое познание и распространить его из области механики на другие области и в частности на область логики и философии. Спиноза, Вольф и др. пыта-

¹² Гегель, Малая Логика, пер. Столпнера, с. 172.

лись представить математическое познание как метод самой философии. Но это, говорит Гегель, совершенно неверно, противоречиво и принадлежит далекому прошлому. Математика рассматривает только несущественные различия; это познание, совершенно внешнее материалу, находит свое истинное применение только в сфере внешности—в области конечной природы. Философское же познание есть внутреннее движение в понятиях—от сущности к сущности, от сущности к явлению.

Следующая категория—ступень объективной логики—мера есть единство качества и количества. Мера есть качественно определенное количество, она есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество.

Мера показывает недостаточность качественных определений без количественных и наоборот. И это единство и нераздельность качества и количества в мере не есть раз навсегда данное застывшее единство. Мера есть движение, есть закон перехода качества в количество и обратно.

Так же, как и предыдущие категории бытия, мера находит свое полное применение только в области природы и в частности в области механизма. «Полное, отвлеченное, *безразличное* развитие меры, т. е. ее законов, может иметь место лишь в области *механизма*. И если определить точнее область, где находит свое надлежащее применение категория меры, мы должны указать на конечную и абсолютную механику. Уже в физике и органике применение меры терпит ограничение, и совсем ограниченное применение она находит в царстве духа. «Еще менее находит себе место своеобразное, свободное развитие меры в царстве духа. Легко усматривается, что республиканский образ правления, как, например, афинский или смешанный с демократией, аристократический, может иметь место лишь при известной величине государства; что в развитом гражданском обществе количества неделимых, занимающихся различными промыслами, находятся в известном взаимном отношении; но отсюда не вытекает ни закона, ни своеобразия формы мер. В духовном, как таковом, преобладают различия *напряженности* характера, *силы* воображения, чувства, представления и т. п., но определение не выходит за границы этой неопределенности *сильного и слабого*. Насколько бледны и совершенно пусты оказываются так называемые законы, установленные для отношения силы и слабости чувств, представлений и т. д., в этом можно убедиться, обратившись к психологиям, старающимся установить такие законы»¹³.

Таким образом все категории бытия, составляющие первый отдел объективной логики, качество, количество, мера, находят свое соответствующее отображение в первых ступенях развития природы—«механизме».

Гегель довольно подробно, систематично, и повидимому, с большой охотой, как это свидетельствуют приведенные нами выдержки, проводит параллели между первой частью своей объективной логики и природой. Мы получили в общем отчетливое представление о том, чему в природе соответствует категория качества, количества и мера и каковы границы суверенного действия этих категорий. В дальнейшем—следующем отделе объективной логики, в учении о сущности, а также в субъективной логике—Гегель совершенно перестает проводить эти параллели. Только в учении о понятии он мельком бросает замечание, что понятию логики в действительности соответствует органическая жизнь. «В природе ступени понятия

¹³ «Большая Логика», ч. I. с. 288.

соответствует органическая жизнь». Но более подробно определить, как мыслил Гегель отношение следующих за бытием ступеней логики к ступеням природы, мы, к сожалению, не можем. Продолжая эти параллели между логикой и природой, мы можем последовательно предположить, что ступеням логики, расположенным между бытием и понятием, очевидно, соответствуют ступени природы, расположенные между «механизмом» и органической жизнью. Или, следовательно, вторая часть объективной логики — сущность со своими дальнейшими определениями, находит свой аналог в природе — в ступенях физики и «химизма».

Подтверждением этому может служить та характеристика, которую дает Гегель в своей философии природы физическим и химическим явлениям. Физика имеет своим предметом индивидуальные тела, «т. е. такие, которые сами определяют свои свойства и в которых обнаруживается внутренняя, формулирующая, деятельность, одерживающая верх над тяжестью, или стремлением к внешнему центру»¹⁴. Физический процесс таким образом являет собою переход от чисто внешних определений к внутренним. Но еще более выпукло выступает внутренняя связь на следующей ступени развития природы — в «химизме». «Можно даже сказать, говорит Гегель, что химический процесс есть процесс жизни, стоящий на низшей ступени развития: тела, подвергающиеся этому процессу, не остаются, какими они есть, но потребляются и затем снова воспроизводятся. Итак, этот процесс есть замкнутый в себе круг». Эта внутренняя связь, которая уже отчетливо обнаруживается в химических явлениях, вынуждает химиков для их объяснения признать принцип целесообразности. Химики «должны допустить, что не одни внешние условия влияют на исход этого процесса; но что частью он совершается под влиянием идеи, к осуществлению которой служит»¹⁵.

Логическая категория вещи и ее свойства, которая составляет один из отделов второй части объективной логики — учения о сущности — находит свое надлежащее применение только в области неорганической природы и преимущественно в области физических и химических процессов. Только физики и химики рассматривают объекты как состоящие из отдельных веществ — материй, только они разлагают свои объекты на самостоятельные вещества. «Это разложение на самостоятельные вещества находит свое надлежащее место только в неорганической природе, и химик совершенно прав, разлагая, например, поваренную соль или гипс на их вещества и говоря затем, что кухонная соль состоит из соляной кислоты и натра, а гипс из серной кислоты и извести. Геогнозия точно так же рассматривает с полным правом гранит как сложное тело, представляющее собою соединение кварца, полевого шпата и глиммера. Эти вещества, из которых состоит данная вещь, сами, в свою очередь, суть вещи, которые как таковые могут быть снова разложены на более абстрактные вещества, как, например, серная кислота, которая состоит из серы и кислорода»... такое... «понимание вещей, как состоящих из самостоятельных веществ, применяется часто в таких областях, в которых оно больше уже не обладает силой. Уже в пределах природы, в применении к органической жизни эта категория оказывается неудовлетворительной. Говорят, правда, что животное состоит из костей, мускулов, нервов и т. д., однако непосред-

¹⁴ Гегель, Философия природы, с. 48.

¹⁵ Там же, с. 439.

ственно ясно, что не имеет того смысла, который имеет высказывание, что кусок гранита состоит из вышеназванных веществ. Эти вещества относятся совершенно равнодушно к своему соединению и могут столь же прекрасно существовать и без этого соединения; различные же части и члены органического тела сохраняются только в их соединении, и, отделенные друг от друга, они перестают существовать как таковые»¹⁶.

Переход от внешнего к внутреннему, под знаком которого стоят физические и химические процессы, совпадает с переходом от бытия к понятию, чем характеризуется категория сущности, рассмотрением которой занята вторая часть объективной логики. Определения физических и химических явлений недостаточны и противоречивы, потому что им недостает полноты внутреннего движения. Правда, они выявляют уже внутреннюю жизнь, они обнаруживают уже внутреннее движение понятия, но это обнаружение недостаточно и смешано с внешней непосредственной характеристикой: физические и химические явления страдают пороками, какие присущи внешним существованиям, и именно поэтому они требуют перехода к следующей более совершенной ступени—к организму.

Так же недостаточны и определения сущности. Сущность—категория, которая следует за бытием. Она снимает признаки внешности и непосредственности, которыми характеризуются категории бытия. Сущность есть то же бытие, но «погруженное внутрь себя». Сущность «есть соотношение с самим собою, лишь будучи соотношением с другим; это другое, однако, есть не как нечто сущее, а как *положенное и опосредствованное*». Но определения сущности надломлены в себе—в них еще не может быть выявлено истинное свободное движение понятия. Все определения сущности релятивны и сами по себе недостаточны для характеристики абсолютного.

Взаимодействие у Гегеля последняя категория, которой заканчивается учение о сущности. Как последняя, эта категория есть истина всех предшествующих. Но категория взаимодействия как причинное отношение в наиболее полном развитии хотя и стоит на пороге понятия, однако недостаточна для того, чтобы полностью выразить это последнее. «Если не идут дальше рассмотрения содержания лишь с точки зрения взаимодействия, то это на самом деле такой способ рассмотрения, в котором совершенно отсутствует понятие; мы иногда имеем дело с сухим фактом, и требование опосредствования, которое является главным мотивом применения отношения причинности, снова остается неудовлетворенным. Если мы ближе присмотримся к отношению взаимодействия, мы увидим, что его неудовлетворительность состоит в том, что, вместо того чтобы рассматриваться как эквивалент понятия, оно само прежде всего требует, чтобы его постигли. А чтобы понять отношение взаимодействия, мы должны не оставлять две его стороны в непосредственной данности, а должны, как мы это указали в двух предшествующих параграфах, познать в них моменты третьего, высшего, которое именно и есть понятие»¹⁷.

Изучением понятия занят следующий большой отдел гегелевской логики—ступень субъективной логики.

Термин «субъективный» надо понимать, говорит Гегель, в более высоком смысле, чем это установлено в обычном словоупотреблении. Обыкновенно под субъективным познанием понимают случайное познание,

¹⁶ «Малая Логика», с. 217.

¹⁷ «Малая Логика», с. 259.

не дошедшее до сути вещей, не самостоятельное, производное, относящееся к субъекту, зависящее от субъекта, определенное свойствами субъекта. Обыденному познанию чувственно воспринимаемые вещи, говорит Гегель, кажутся объективными, существующими сами по себе самостоятельно и независимо от субъекта. Мысль и понятие обыденное познание, наоборот, считает вторичным, производным и зависящим от чего-то другого. Но термину «субъективный» надо дать другое понимание, чем это, которое еще не возвышается над ступенью являющегося сознания.

Движение познания направлено от объективного к субъективному, от предмета к понятию, от субстанции к субъекту. Точка зрения субъекта должна быть руководящей при построении истинной философской системы. «Все сводится к тому, чтобы понимать и выражать истинное не как субстанцию, но как субъект». В этом отношении должна быть раскрыта и преодолена система Спинозы, которая наиболее выпукло представляет точку зрения субстанции.

Но субъект в этом высоком понимании вовсе не есть отдельный индивидуум, ограниченный, конечный субъект, со своим ограниченным познанием. Субъект—это понятие, идея вообще, это абсолютная идея или бог. Субъективная логика в этом смысле есть учение о субъекте, учение о понятии в его наиболее развитой совершенной форме. Предыдущие две ступени логики—бытие и сущность—тем самым сделались моментами понятия, а это последнее обнаружилось как их основа и истина.

Объективная логика излагает возникновение, генезис понятия. Непосредственно понятие возникает из диалектического движения субстанции «через причинность и взаимодействие». Понятие есть истина субстанции, свобода есть истина необходимости, а субъективная логика есть истина объективной логики. Только в этой субъективной логике диалектическое развитие рассматривается в его подлинном надлежащем виде, потому что «переход в другое есть диалектический процесс в сфере *бытия*, а видимость, отражение в другом, есть диалектический процесс в сфере *сущности*. Движение понятия есть, напротив, *развитие*, посредством которого полагается лишь то, что уже имеется в себе.»¹⁷ Таким образом субъективная логика Гегеля должна быть определена как следующая более конкретная, более высокая, более истинная ступень в развитии понятия в сравнении с объективной логикой. В природе этой ступени соответствует органическая жизнь.

Понятие остается еще нераскрытым на низших ступенях развития природы, и только в живых организмах оно достигает соответственного выражения. Вначале создания природы непосредственны и внешни и не связаны внутренней связью—это мертвые тела, и только на органической ступени природа углубляется сама в себя. Организм—это самостоятельные субъекты; «они производят из себя систему членов и органов, которые обратно подчиняются господствующему над ними и самообладающему единству». Ступени развития жизни: 1) геологический организм; 2) растительный организм; 3) животный организм. Мы не будем проводить параллели между этими ступенями и категориями логики—Гегель ничего не оставил нам по сему поводу, и мы не хотим ограничиться одними лишь догадками.

¹⁷ «Малая Логика», с. 266.

«Мы имеем здесь перед собой совершенно тот же переход, который совершается в логике из сферы сущности в сферу понятия. Тот же переход совершается в натурфилософии из неорганической природы к жизни. Это все одни и те же категории, которые составляют душу то одной сферы, то другой сферы. Дело только в том, чтобы найти для отдельных конкретных определений соответствующие абстрактные».

К. Маркс, Критика философии права Гегеля.

Какие же параллели можно провести между категориями логики и ступенями развития конкретного духа?

Здесь так же, как и при определении последних ступеней развития природы, Гегель чрезвычайно скуп на сопоставления. Он высказывает только несколько небольших замечаний, совершенно недостаточных для того, чтобы установить вполне определенное представление об этом взаимоотношении категорий логики и ступеней развития духа.

Можно сделать разные предположения насчет того, как Гегель понимал это взаимоотношение. Можно предположить, и для этого имеются кое-какие данные, что ступени развития конкретного духа стоят, так сказать, под знаком третьей части логики—его учения о понятии.

«Дух—это существо самое конкретное, это наиболее полная и развитая форма, какой достигает идея, осуществляя самое себя. Существо духа состоит в уразумении своего собственного понятия или в самопознании. Отличительная черта духа—то, что он субъект, развивающийся в свободе, т. е. сам определяющий себя к развитию. Вот почему переход от природы к духу следует определить как переход от необходимости к свободе. Дух отвергает внешность и раздробленность природы, возвышаясь из материального и реального элемента в элемент «чисто идеальный». Все виды духовной деятельности суть не что другое, как ступени, посредством которых дух вносит внешние формы природы в свой собственный, внутренний элемент; возвращая их к их идеальному единству, уподобляя их себе, он становится духом и существует как дух»¹⁸. Дух есть *истинный* продукт природы и, следовательно, «та первобытная цель, которой природа обязана своим бытием». Сначала кажется, что природа является основой, является первичной по отношению к духу и последний есть только результат природы. Но на самом деле это неверно. Природа не существует прежде духа и не определяет его к действительности, дух не происходит из природы и не поставлен ею. Он не есть результат природы: он есть сам свой собственный результат. Он сам производит себя, явившись первоначально под видом логической идеи природы. «Когда природа переходит в дух, она переходит не во что либо совершенно ей противоположное; напротив, дух, который существовал в природе во внешних, пространственных формах, возвращается теперь к своему единству. Но этот переход не уничтожает различия между природой и духом, потому что дух рождается из природы не так, как рождаются ее собственные создания»¹⁹. Дух не есть безжизненное существо—это есть процесс чистой деятельности, необходимо обнаруживающейся в известных определенных формах и ступенях. В природе

¹⁸ Гегель, *Философия духа*, пер. Чижова, с. 17.

¹⁹ Там же, с. 21.

все ступени существуют внешне и независимо одна от другой. Ступени же развития духа, напротив, связаны тесною внутреннею связью. Науки, изучающие дух во всех его ступенях и конкретных проявлениях, весьма разнообразны. Это разные истории: история развития индивидуального и родового сознания, или феноменология духа, история права, история религии, эстетика, история нравственности, история философии, всемирная история и т. д. Философия духа по отношению к этим наукам играет такую же посредническую роль, как и философия природы по отношению к естественным наукам. Философия духа должна показать, в каких ступенях и как проявляется конкретно логическая идея, она должна показать, что понятие духа необходимо, т. е., что оно есть результат развития всеобщего понятия или логической идеи.

Так в общем характеризуется дух в противоположность природе. Именно эта противоположность духа природе заставляет нас прибегнуть для его характеристики к более совершенным и конкретным категориям логики, чем те, какие применялись для характеристики природы.

Как мы уже видели, Гегель постоянно подчеркивает, что категории бытия суть определения непосредственности и внешности и как таковые они занимают господствующее положение только в области природы, в характеристике же явлений духа они имеют второстепенное и подчиненное значение.

Качество, например, обнаруживается определенно в области духа только тогда, когда дух выходит из своего нормального свободного состояния и находится в состоянии болезненном, что бывает при сумасшествии или какой-нибудь страсти. Такую же внешнюю подчиненную роль в области духа играет и категория количества. Мы очень мало узнаем о предметах духа—этом мире внутренней жизни, если мы будем к нему подходить только с числовыми количественными определениями. «Сразу ясно,—говорит Гегель,—что, когда мы рассматриваем бога как триединого, число три имеет здесь гораздо более подчиненное значение, чем в том случае, когда мы, например, рассматриваем три измерения пространства или три стороны треугольника, основное определение которого и состоит в том, что он есть плоскость, ограничиваемая тремя линиями»²⁰. Такое же подчиненное и ограниченное значение имеет и категория меры, если она прилагается к духовному содержанию.

Если эти категории логики не в состоянии охватить всей полноты жизни конкретного духа, то тогда, следовательно, нужно прибегнуть к более высшим категориям из второго и, очевидно, особенно, из третьего отдела гегелевской логики, из его учения о понятии.

Это соображение находит свое подтверждение в основном разделении философии духа, которое совпадает с основным разделением этой третьей части логики. Философия духа рассматривает движение духа в трех больших ступенях или разделах: 1) учение о духе «в форме соотношения с самим собой», или субъективном духе; 2) учение о духе, который «осуществляется во внешности», или объективном духе, и 3) учение о духе как единстве объективного и идеального элемента, о духе в своей внешней истине, или абсолютном духе. На такие же сходные три основные части делит Гегель и свою субъективную логику, или учение о понятии: 1) учение о субъективном, или формальном понятии; 2) учение о понятии объективном, по-

²⁰ Гегель, *Малая Логика*, с. 173.

нению реальному; 3) учение об идее, о субъекте и объекте, единстве понятия и объективности, абсолютной истине.

Но этому предположению можно противопоставить другое, согласно которому дух, так же, как и природа, развивается строго *по всем* ступеням логики, начиная от первой и до последней. Не третья часть логики—учение о понятии в таком случае характеризует поступательное движение духа, а *вся* логика в целом, *во всех* своих ступенях, частях и категориях.

Более того, в отличие от философии природы, логика имеет для характеристики духа, так сказать, дифференцированное многократное применение. С одной стороны, основное деление и ход развития духа совпадают с основным делением логических категорий. С другой—и каждая из тех частей—ступеней, на которые Гегель разделяет развитие духа, также развивается «по ступеням», согласно *всем* категориям—ступеням логики.

В подтверждение этого следует прежде всего сослаться на то, что природа исчерпала уже все категории гегелевской логики. Механика исчерпала все категории бытия; физика и химия—категории сущности; органическая жизнь—категории понятия. В силу этого, очевидно, чтобы перейти к характеристике духа, необходимо снова сначала повторить весь круг логических категорий, с первой до последней.

В таком случае основное деление логики на три основных отдела предугадывает и предвосхищает основное разделение ступеней развивающегося духа. Первая ступень—форма субъективного духа в соответствии с первой большой ступенью логики—носит непосредственный характер. Все определения духа здесь внешни и непосредственны. Дух погружен в природу и подчинен ей и действует только по ее внушениям, и духовная деятельность существует только в возможности, но не в действительности. Эта непосредственная форма существования духа не соответствует его понятию, в силу чего дух отвергает форму непосредственности и переходит на ступень «посредственных» определений. Эта ступень есть стадия развития объективного духа, соответствующая логической идее в форме сущности. Субъективный дух повиновался природе и поэтому был не свободен, объективный дух существует в свободе, в сознании своей независимости. Но определения объективного духа, так же, как и определения категории сущности, относительно и противоречивы. Объективный дух находит свое завершение в объективном законе (нравственность, государство), но этот закон недостаточен, «потому что он есть продукт субъективной воли». Дух должен осознать, что он есть источник всего действительного, всего мира, и обнаружить свою сущность в произведениях искусства, в религии и философском размышлении. Эта третья ступень развития духа соответствует третьей части логики Гегеля—его учению о понятии.

Эта параллель между логикой и ступенями развития конкретного духа имеет дифференцированный характер, потому что все ступени логики с первой до последней применимы для характеристики каждой отдельной только что рассмотренной ступени развития духа. Логика снова повторяет свой диалектический бег в каждой части и ступени конкретного духа.

Так, например, основное разделение ступеней субъективного духа снова повторяет основное деление логики. Субъективный дух является в трех главных формах: 1) в форме души; 2) в форме сознания; 3) в форме духа. Душа—это дух, погруженный в природу или дух в непосредственной форме; очевидно, этой ступени души соответствует первая ступень логики—учение о бытии или о понятии в непосредственной форме. Вторая ступень

субъективного духа характеризуется тем, что дух «существует через посредство» — «здесь дух находится в соотношении со своим предметом и убеждается в своей особенности». Это — ступень сознания, и она составляет предмет феноменологии духа. Эта ступень духа находит себе аналогию во второй части объективной логики, в учении о сущности, определения которой также имеют «опосредствованный», «соотносительный», «рефлексивный» характер. И наконец в третьей ступени субъективный дух определяется самим собою и «возвышается над своими определениями как субъект, существующий для себя. Это — собственно дух, и он составляет предмет психологии». Благодаря этой своей «субъективности» и свободе, эта последняя ступень развития конкретного духа совпадает с третьей ступенью логики, где понятие обнаруживает себя в истинной форме.

Такие же параллели между ступенями и логики и развитием духа можно провести и во всех других областях конкретного духа; между развитием сознания (феноменология духа), развитием права, историей философии и пр. и пр.

5

Особенно убедительна и интересна аналогия между ступенями логики и ступенями развития философской мысли.

Прежние догегелевские историки философии не видели в развитии философии единства и закономерности. История философии, по их мнению, представляла собою груду фактов, группу разрозненных систем, каждая из которых исключала и отрицала другую. Смена этих систем во времени вследствие этого имела случайный, стихийный, бессмысленный характер.

Другое, более научное, диалектическое понимание истории развития философской мысли мы находим у Гегеля. Единство философской мысли создается самой этой мыслью. Все философские системы, несмотря на все их кажущееся многообразие и случайную разнородность, — все они имеют один и тот же предмет, одно и то же содержание — мыслящий дух. «Мы должны сделать понятным, — говорит Гегель, — что это многообразие многих философских систем не только не наносит никакого ущерба самой философии — возможности философии, — но, напротив, является и являлось абсолютно необходимой предпосылкой существования науки философии»²¹. В истории философской мысли ничто не теряется, ничто не пропадает напрасно, все, что подготовлено работой предшествующих поколений, все, что произвел всеобщий дух в своем философском развитии, — все это образует наследство, «душу каждого последующего поколения, его духовную субстанцию, его принципы, предрассудки и богатство; и одновременно это полученное наследство низводится до роли наличного материала, который преобразовывается духом. Полученное таким образом изменяется, и обработанный материал благодаря этому обогащается и одновременно сохраняется»²².

Вот почему ход развития философской мысли не есть процесс формирования чуждых нам вещей — это есть процесс нашего собственного формирования, процесс развития нашей науки.

²¹ Гегель, Введение в историю философии, Книга для чтения, под ред. А. Деборина, т. II, с. 279.

²² Там же, с. 266.

Каким же законам подчинен этот процесс формирования философских мыслей?

Этот закон тот же, какой господствует во всяком развитии, где бы оно ни происходило, тот самый закон, который во всей чистоте раскрыт системой логики, это—закон логического развития. «Согласно этой идее я утверждаю,—говорит Гегель,—что *последовательность философских систем в истории та же, как и логическая последовательность определенной идеи в понятиях*. Я утверждаю, что если освободить основные понятия исторических философских систем от всего того, что касается их внешней формы, их применения к частному случаю и тому подобных элементов, то получатся различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии»²³ (курсив мой—Г. Д.).

Еще более резко подчеркнул Гегель это совпадение развития понятия с ходом развития философской мысли в своей «Малой Логике». «В истории философии мы находим различные ступени логической идеи в виде выступавших друг за другом философских систем, каждая из которых имеет своей основой особое определение абсолюта. Подобно тому как развитие логической идеи оказывается поступательным движением от абстрактного к конкретному, так и в истории философии наиболее ранние системы суть также наиболее абстрактные и, следовательно, вместе с тем и наиболее бедные системы. Отношение же между более ранними и более поздними философскими системами в общем такое же, как и между предшествующими и последующими ступенями логической идеи: оно именно *таково*, что последующие содержат в себе предшествующие как снятые. Таково истинное значение философии и так часто ложно понимаемых опровержений философской системы другой и, прежде всего, предшествующей системы следующей... История философии по своему существенному содержанию имеет дело не с прошлым, а с вечным и вполне наличным и должна быть сравниваема в своем результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов. Но эти божественные образы суть различные ступени идеи, как они выступают друг за другом в диалектическом развитии. Задачей самой истории философии остается более точно выяснить, в какой мере имеющее место в истории философии раскрытие ее содержания, с одной стороны, согласуется с диалектическим развитием чистой логической идеи и, с другой стороны, отступает от него»²⁴.

В своей логике, особенно в ее начале, Гегель неоднократно проводит параллели между различными определениями логической идеи и различными ступенями развития философской мысли. Логика, которая составляет в своей совокупности учение об основах всего существующего, не может опираться и опосредствоваться никакой другой наукой. Начало логики должно быть непосредственное—во всей своей чистоте. Таким чисто непосредственным началом, и поэтому началом чисто формальным, является понятие самого начала. Это понятие имеет в себе два момента: ничто и бытие, единство которых составляет становление. Соответственно с этим логическим началом располагается и начало философского мышления. В восточных системах, особенно в буддизме, абсолютным принципом, как известно, является ничто, пустота. Философия Парменида таким началом делает бытие; Парменид говорит, что только бытие есть, а небытия нет.

²³ Куно Фишер, Гегель, т. VIII, полутом II, с. 279.

²⁴ «Малая Логика», с. 148.

А глубокомысленный Гераклит выступил против такой абстракции, такого отмежевания ничто от бытия и обратно, он синтезировал бытие и ничто в высшем принципе—становления.

Дальнейшее развитие категорий бытия, усложнение и различение его определений имеет свой аналог в дальнейшем усложнении и развитии философских систем. Бытие, достигшее ступени соотношения с собою или для-себя-бытие как завершенное качество, а также как соотношение «отрицательного с самим собою... то, что в самом себе не имеет различий и, следовательно, исключает другое из себя»,—проецируется в истории философской мысли в атомистической философии. «Атомистическая философия,—говорит Гегель,—представляет собою ту точку зрения, с которой абсолютное определяет себя как для-себя-бытие, как одно и как множественное одних». Эта философия образует существенную ступень в историческом развитии идеи, и до сих пор атомистика пользуется большим почетом у таких естествоиспытателей, которые ничего не хотят знать о метафизике.

Следующая за качеством ступень логической идеи—количество. Эта ступень имеет свою проекцию в истории философской мысли, с одной стороны, в материалистическом мировоззрении, с другой—в пифагореизме. Материалистическое мировоззрение исходит из абстрактной материи «как таковой», отвлеченной от всякой конкретной формы, в силу чего последняя получает безразличное и внешнее определение. Материя «как таковая» являет собою пример чистого количества, вот почему математическое мировоззрение так тесно в истории философской мысли связывалось с материалистическим. Определенное количество логики—число—составляет сущность пифагореизма. Пифагор строил свою философию на числах и считал их основными определениями всех вещей, как это ни казалось обыденному сознанию парадоксальным. Эта философская система, поскольку она выражала известную сторону—ступень развития логической идеи, выявляла в некотором отношении истину, хотя несомненно, что одной лишь мысли, представленной в числе, недостаточно, чтобы выразить посредством нее сущности и понятие вещей.

Категория меры находит свое своеобразное отображение в положении, которое ясно высказано некоторыми греческими мыслителями: «все существующее имеет свою меру». «Более развитая, более рефлектированная мера есть необходимость, судьба, Немезида».

Различные определения сущности—второй части объективной логики Гегеля—также находят свое различное отображение в движении философской мысли. Видимость, напр., есть «феномен скептицизма или явление идеализма». Точка зрения основания есть принадлежность софистической философии: «Развитие одних только оснований, главным образом в области права и нравственности, есть вообще точка зрения и принцип софистов, которые ограничивались приискиванием подобных оснований». Точка зрения действительности составляет принцип аристотелевской философии; это однако—не вульгарная действительность непосредственно наличного, а идея как действительность. Принцип субстанции является главнейшим принципом Спинозовской философии, и в подчеркивании этого принципа состоит большая заслуга Спинозы перед философской мыслью, потому что субстанция представляет существенную ступень в процессе развития идеи.

Логическая идея в форме понятия излагается в последней части гегелевской логики и является наиболее совершенной и высокой формой,

в какой вообще развивается идея. Вот почему точка зрения понятия в истории философской мысли принадлежит самому последнему времени, относится к самым последним философским системам, которые вобрали в себя все богатство наследства прошлого. Уже философию Канта в некоторой своей части можно определить как философию понятия. Кант возвысился над обыденным внешним пониманием рассудка как способности или свойства, так же относящегося к «я», как свойство вещи относится к самой вещи. «К глубочайшим и правильнейшим взглядам, находящимся в критике разума, принадлежит тот взгляд, по коему *единство*, составляющее *сущность понятия*, познается как *первоначально-синтетическое единство апперцепции*, как *единство «я мысля»* или самосознания»²⁵. Это положение Канта обуславливает собою трансцендентальный вывод категорий... Благодаря этому единству апперцепции категории получают объективный характер, и само понятие выступает как нечто объективное, составляющее истину всех существующих предметов. Здесь таким образом «определенно высказана *объективность мышления*, то тождество понятия и вещи, которое и есть истина». Но, несмотря на это, философия Канта не могла всецело встать на точку зрения понятия, потому что она страдала органическим пороком субъективизма. Понятие в ней признавалось за нечто только лишь субъективное, «из которого нельзя *выколупать* (*herausklauben*) *реальности*», оно объявлялось чем-то лишь *формальным*, разделенным от содержания и поэтому не содержащим в себе самом истины. Эти недостатки философии Канта пытались исправить Фихте и Шеллинг, но это им полностью не удалось.

Единственная философия, которая действительно является философией понятия, которая сохраняет и одновременно отвергает всю предшествующую философию, все предшествующие системы,—это учение абсолютного идеализма. Это учение достигает абсолютной истины и в силу этого нарушает и прорывает ограниченные рамки исторического развития. История философии ставит точку на системе абсолютного идеализма. В этой системе уже историческое развитие переходит в логическое, потому что только система абсолютного идеализма отображает ход развития логической идеи в соответствующей, истинной форме.

Нам сейчас совершенно неинтересно выяснять вопрос, какое понимание ближе гегелевской философии—то ли, которое ставит развитие конкретного духа под знаком одной лишь категории логики—понятия,—или то, которое полагает, что развитие конкретного духа строго разворачивается соответственно всем логическим ступеням, с первой до последней. Нам сдается, что последнее понимание может быть скорее оправдано некоторыми, правда, небольшими и вскользь брошенными замечаниями самого Гегеля.

Все эти параллели между логикой и природой, между логикой и духом мы приводили только для того, чтобы обрисовать *то значение, какое имеет в гегелевской логике расположение категорий*. Подытоживая наши рассуждения, мы можем сказать, что это *расположение не случайно и не произвольно, а характеризует собою непреложный закон всякого исторического развития, где бы оно ни происходило—в природе, человеческой истории и человеческом мышлении*.

²⁵ Гегель, Большая Логика, с. 7.

«Поступенность» категорий логики, порядок и последовательность их расположения, характеризует движение самого исторического предмета. Логическое и историческое совпадает в гегелевской логике, потому что логика—это сама история, но взятая в чистом существенном виде, освобожденном от всего наносного, привходящего и случайного, что имеется в действительном конкретном историческом процессе. Так своеобразно Гегель повторяет центральный пункт Спинозовской методологии, выраженный им в известной теореме: «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей».

(Продолжение следует).

О КАТЕГОРИИ МЕРЫ У ГЕГЕЛЯ

В. Брушлинский

I

«Мера,—говорит Гегель,—есть конкретная истина бытия»¹ Это надо понимать в том смысле, что раздел гегелевской «Логики», посвященный мере, представляет собою высшую стадию развития гегелевского «учения о бытии», именно ту стадию, на которой две основные категории бытия—качество и количество—рассматриваются в их взаимной связи и единстве и тем самым получает свое завершение вся первая книга «Науки логики» («Учение о бытии»).

Если первый раздел «Логики» трактует категорию качества, *отвлекаясь* от ее существенной связи с количеством, а второй раздел разбирает категорию количества, *отвлекаясь* от того обстоятельства, что всякое количество есть количество какого-нибудь определенного качества, т. е. количество специфическое,—то посвященный мере *третий* раздел «Логики» исследует именно *самое эту связь*, существующую в реальном мире между качествами и количествами этих качеств.

Отсюда ясно, что, прежде чем говорить о самой мере, необходимо предпослать несколько замечаний относительно того, что Гегель понимает под категориями «качество» и «количество», которые трактуются им в их изолированности в первых двух разделах «Логики» и в их существенном единстве в третьем и последнем разделе «Учения о бытии».

II

В одном из своих устных выступлений А. М. Деборин указал на то, что понятие качества в начале гегелевской «Логики» выступает в смысле наиболее непосредственной, наиболее простой, наиболее бедной и наиболее абстрактной категории, о которой на первых порах можно сказать только то, что это есть бытие, реальность. На дальнейших же ступенях развития гегелевской «Логики» мы встречаем понятие качества уже в более развернутом, более богатом смысле и под новыми названиями: а именно, под такими

¹ Hegel, Wissenschaft der Logik, Hrsg. v. G. Lasson, erster Teil, Lpz. 1923. S. 339.

В дальнейшем, цитируя этот том, мы будем просто указывать номер страницы. В виду того, что в издании Лассона попадаются неоговоренные издателем опечатки, все наши ссылки на «Большую Логiku» сверены с изданием Glockner'a: Hegels Sämtliche Werke, Band IV, Stuttgart 1928. В некоторых случаях мы будем указывать также и номера страниц гlockнеровского издания, обозначая это издание буквой «G», поставленной перед номером страницы.

заголовками, как «форма», «вещь», «целостность». Можно сказать, указывал А. М. Деборин, что качество *в развернутом виде* есть внутренняя структура вещи. Но это только в развернутом виде, а не в первой книге гегелевской «Логики», посвященной учению о бытии.

Что же такое «качество» в гегелевском учении о бытии? Чтобы дать более ясный и более наглядный ответ на этот вопрос, обратимся к тем примерам, которыми Гегель иллюстрирует эту свою категорию, и к тем поясняющим выражениям, с которыми, как с синонимами, он отождествляет свое понятие качества.

Прежде всего возьмем гегелевские примеры. Они рассыпаны по всему «Учению о бытии» и уже с самого начала показывают, что на всем протяжении первой книги «Логики» Гегель под «качеством» понимает приблизительно одно и то же. В разделе о Качестве Гегель пользуется такими примерами, как «кислое», «терпкое», «горячее» (Saure, herbe, feurige Qualität, 101). В разделе о Количестве мы встречаем следующие примеры: «красное», «синее», «поле», «луг», «лес» (178), «точка», «линия», «плоскость» (274, 306, 312); наконец, само «количество» — указывает Гегель — представляет собою одно из качеств (332). В разделе о Мере мы находим такие примеры: «пространство», «время» (351, 353, 358), «вес», «объем» (360—362) «температура» (348), «легкомыслие», «преступление», «порок», «добродетель» (384) и т. д.

Из всех этих примеров видно, что качество у Гегеля в «учении о бытии» еще не означает *вещь* в собственном смысле слова. Но если качество не есть еще вещь, то еще менее это есть *свойство* вещи, ибо свойство необходимым образом предполагает вещь, свойством которой оно является, принадлежит этой вещи и *относится* к вещи; качество же в гегелевском понимании принадлежит только самому себе и относится к самому себе.

Итак, качество не есть ни вещь, ни свойство. *Качество представляет собою всякое более или менее определенное «нечто»*. И действительно, если мы обратимся к тем понятиям, которые Гегель употребляет в смысле синонимов разнозначных понятию качества, то чаще всего мы найдем у него отождествление термина «качество» с термином «нечто» («die Qualität oder das Etwas», 380; «Etwas oder eine Qualität», 384 и др.).

Другое постоянно встречающееся у Гегеля отождествление — это отождествление Qualität и Bestimmtheit. Правда, последний термин (как указывает сам Гегель) имеет еще более общее значение, чем термин «качество», т. е. можно говорить и о качественной определенности и о количественной (98). Поэтому, в более строгом смысле, Гегель отождествляет «качество» не просто с определенностью, а с определенностью, *относящейся к себе самой* («die sich auf sich beziehende Bestimmtheit», 332). Или, как еще иначе выражается Гегель, качество есть такая определенность, которая тождественна с самим бытием того «нечто», определенностью которого она является (97, 169).

Каждое качество есть нечто *своеобразное*. Поэтому, далее, мы встречаем у Гегеля отождествление Qualität и Eigentümlichkeit (напр., 238).

Наконец, весьма часто подчеркивается у Гегеля момент *непосредственности* и относительной *простоты*, как характерные моменты любого качества, причем в термине Einfachheit Гегель явно подчеркивает словечко «ein», так что Einfachheit означает не только простоту, но и, так сказать, монолитность, единство, целостность.

III

В разделе о Качестве категория эта выступает в трех следующих друг за другом аспектах. В самом начале мы имеем нечто абсолютно-неопределенное или «нечто вообще»,—то, что Гегель называет «чистым бытием». Это есть первый, наиболее непосредственный и наиболее неопределенный аспект качества.

Второй его аспект—это уже определенное нечто, отличное от других «нечто»: «это» в отличие от «другого»; «это», как ограничиваемое и определяемое другими «нечто».

Наконец, третий и высший аспект качества—это «для-себя-бытие», т.-е. «нечто» в его фиксированности, в его относительной самостоятельности, относительной изолированности, относительной замкнутости, в его имманентном единстве с самим собою.

Все эти аспекты качества различаются между собою по степени своей определенности: Das Sein überhaupt есть вполне неопределенное «нечто», реальность вообще (das unbestimmte Unmittelbare, die reine Unbestimmtheit, с. 66); das Dasein, по определению Гегеля, есть das bestimmte Sein (95); наконец, das Fürsichsein характеризуется Гегелем как *абсолютная* определенность или определенность—*просто*, определенность—без околнностей (das Schlechthin Bestimmtheit, 356; G. 428).

Это последовательное развитие качественной определенности имеет своей, так сказать, диалектической *пружиной* противоречие между характерным для всякого качества на всех стадиях его развития *отношением к самому себе и отношением к другому*, без какого-либо отношения к другому нельзя выделить и фиксировать никакого «нечто» (169). Отношение к другому выступает на первый план в категориях конечного определенного бытия (Dasein) и «снимается» (но не уничтожается) в категории для-себя-бытия.

IV

Итак, что же такое «качество» по Гегелю? *Это все, относительно чего можно спросить: что это такое?* Одна из высших, наиболее развернутых категорий в разделе о Качестве так и называется: «Für-Eines-Sein», причем Гегель указывает, что берет этот термин из обыденного выражения: «Was für Eines?», которое по-русски можно передать словами: «*это что за штука?*» Гегель ухватывается за это словечко «*Eines*» для того, чтобы подчеркнуть отношение к самому себе, как к некоторому внутреннему единству, к некоторой относительной самостоятельности и замкнутости каждого фиксированного в категории Fürsichsein качества. Это Fürsichsein и есть всякое качество в его фиксированности, в его относительной замкнутости. Поэтому оно и есть «Одно».

V

Всем предыдущим изложением мы пытались установить общий смысл и общее содержание, вкладываемые Гегелем в понятие качества на всем протяжении первых трех разделов «Науки логики». Мы видели, что качеством Гегель называет всякое непосредственно «нечто», всякое непосредственное содержание, всякое непосредственное своеобразие.

Теперь пойдем дальше.

Все многообразие качеств распадается на две группы, существенно различающиеся между собой как *качества конкретные* и *качества абстрактные*. Это различие до известной степени намечается уже самим Гегелем, но Гегель как идеалист, не проводящий надлежащего разграничения между конкретным и абстрактным, не останавливается должным образом на означенном различии двух групп качеств и не делает из него необходимых выводов. Мы же, диалектические материалисты, должны строго различать между теми «качествами», которые можно назвать конкретными или реальными, и между «качествами» абстрактными.

Существенной особенностью первых является то обстоятельство, что они всегда существуют как наполняющие известное пространство и известное время. Об этих качествах с полным правом можно сказать (как указывал А. М. Деборин), что они суть «объективная реальность, данная нам в ощущении», т. е. применить к ним ленинское наиболее общее, наиболее первоначальное определение материи². Если обратиться к приведенным выше гегелевским примерам качеств, то такие «нечто», как «поле», «луг», «лес», «синее», «красное», «кислое», «горячее», химические элементы и химические соединения и т. д., должны быть отнесены к конкретным или реальным качествам. Все они суть пространственно-временные, материальные «нечто». Самые же *пространство и время* как абстрактные понятия, отражающие реальные *формы* всякого бытия,—пространство как таковое и время как таковое,—суть (как указывает и сам Гегель) качества абстрактные (358). Математическая точка, не имеющая никаких измерений, математическая линия, не имеющая никакой ширины и высоты, математическая плоскость, не имеющая никакой толщины и т. д.—все это суть качества абстрактные. О них уже нельзя сказать, что это есть «реальность, данная в ощущении». Это—лишь абстракции от реального мира, моменты его *формы*, обособленные от всякого реального содержания. То же самое относится ко всем вообще отвлеченным понятиям, напр., к понятию количества как такового. Гегель указывает, что количество как таковое есть одно из качеств—особого рода определенность, относящаяся к себе самой (332). Совершенно очевидно, что это есть именно *абстрактное* качество, а не конкретное.

VI

Из ближайших следствий этого различия между конкретными и абстрактными качествами нам важно обратить внимание на то обстоятельство, что непосредственно следующая за категорией качества категория *количества* является универсальной *только* для *конкретных* качеств. Напр., можно говорить о более интенсивной синей краске и о менее интенсивной, о более обширном поле и о менее обширном, о большей степени легкомыслия и о меньшей степени и т. д.,—но нельзя говорить о большей или меньшей точке, если брать точку в смысле математического понятия, в каком смысле она мыслится абсолютно непространственной, лишенной всякой величины. Равным образом, пространство как таковое, как основная *форма* всякого бытия, не может быть большим или меньшим, более интенсивным или менее интенсивным. И количество как таковое, как универсальная категория, не может быть большим или меньшим, хотя количество всякого *реального качества* может быть увеличиваемо и уменьшаемо: в этом, согласно Гегелю, как раз и состоит его основная характеристика.

² Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. X, 117.

Это увеличение и уменьшение всякого определенного количества возможно беспредельно, если мы рассуждаем *in abstracto*,—если же мы не упускаем из внимания *реальных мер* и их взаимоотношений, то только в определенных пределах.

Итак, в разделе о Количестве речь идет об абстрактном рассмотрении величины как таковой, как такого определения *любых* конкретных качеств, которое *индифферентно* к самим этим качествам и к которому эти последние в свою очередь индифферентны. Так именно исследует «количественную определенность» та специальная наука, которая ведает этим предметом, т. е. математика. Гегелевский же раздел о Количестве представляет собою попытку философского осмысления математики, ее предмета и ее метода.

С каким предметом имеет дело математика? Можно сказать, что она имеет дело с *абстракцией качества*, точнее, с абстракцией от конкретного или реального качества. Другими словами, математика рассматривает *величину, как таковую*,—величину, могущую быть величиной *любого* конкретного качества, все равно какого, но все-таки непременно *какого-нибудь*. При этом математика принципиально отвлекается от того обстоятельства, что фактически-то величины отнюдь не абсолютно индифферентны к тем *качествам*, величинами которых они являются. Вот эта-то *связь* между величинами и их качествами и конституирует категорию *меры*. Сам Гегель в одном месте определяет категорию количества как *абстрактно-безмерное* (das abstrakte Masslose, 384—385). Математика вполне правомерно отвлекается от категории меры, от связи количеств с качествами, но именно в силу этого отвлечения она и является наиболее абстрактной и наиболее формальной наукой.

VII

В разделе о Мере Гегель «снимает» характерное для математического познания абстрагирование от конкретного качества и подвергает исследованию именно ту *имманентную связь* между количествами и качествами, которая повсюду встречается в реальном мире.

«Мера есть предвосхищение закона», указывает А. М. Деборин. И с этим нельзя не согласиться. Однако мера еще не закон в *собственном смысле этого слова*, как думают некоторые товарищи. Мера не есть закон в собственном смысле уже по той причине, что мы тут еще не дошли до категории *вещи* (Ding), каковая категория впервые выступает лишь в «Учении о сущности», в разделе о Явлении. В разделе же, трактующем категорию меры, мы все еще пребываем в сфере *непосредственного бытия*, в сфере качества, как специфического содержания, связанного с определенным количеством этого содержания. Чтобы быть вполне точным, надо оговорить, что и «содержание» мы употребляем здесь не в том специальном смысле, в котором оно противопоставляется форме и в котором оно выступает у Гегеля в «Учении о сущности», а в более общем смысле некоторой *Eigentümlichkeit* вообще, некоторой Bestimmtheit, или, еще лучше, в смысле, тождественном значению слова «*нечто*».

Правда, сам Гегель в одном месте своего раздела о Мере говорит: «мера, или закон» (353), но из контекста ясно видно, что слово «закон» употреблено здесь Гегелем не в собственном смысле, а в смысле *низшей ступени* собственно-закона. Закон же в строгом и собственном смысле

рассматривается Гегелем в дальнейших частях его «Логики» — во второй и в третьей книге ее.

В том месте раздела о Мере, где Гегель делает упомянутое отождествление меры и закона, он приводит в качестве примера открытый Кеплером закон движения планет, выражаемый формулой $s^3 = at^2$. И Гегель подчеркивает, что дело открытием этой формулы отнюдь не исчерпывается, что необходимо вывести эту формулу из *понятия* тех *качеств* (пространство и время), которые входят в эту формулу в определенном количественном отношении друг к другу. Гегель неправ, требуя дедукции из чистых понятий: это есть требование абсолютного идеализма. Но он прав в том смысле, что действительно формула $s^3 = at^2$ не дает подлинного объяснения вращения планет вокруг солнца. Мы сказали бы, что такое подлинное объяснение возможно только путем изучения *истории* солнечной системы и путем исследования законов движения материальных масс в тех или иных условиях. Само собой разумеется, что из «чистых» понятий пространства и времени этих законов и этой истории не высосешь.

Для большей ясности приведем еще другой пример, тоже встречающийся у самого Гегеля. Это — знаменитый пример с изменением агрегатных состояний воды в связи с изменением ее температуры. Возьмем явление *кипения* воды, которое, как известно, наступает при 100° С. Количественное изменение температуры воды приводит на известной степени этого изменения к изменению качества: горячая жидкость превращается в горячий газ. Это отношение между интенсивной величиной температуры, с одной стороны, и такими качествами, как «жидкость» и «газ», с другой стороны, представляет собою отношение *меры*. Но это еще не закон в строгом смысле этого слова. Это, скорее, лишь эмпирическое констатирование того факта, что при нагревании до 100° С вода обычно закипает. Но если мы начнем нагревать воду до 100° при атмосферном давлении выше нормального, то вода у нас не закипит даже после того, как мы ее нагреем до 100°. Под давлением в 2 атмосферы вода закипит у нас лишь при 121°. Это последнее отношение между температурой в 121° и превращением жидкости в газ есть опять-таки отношение *меры*. И таких отношений меры может быть весьма и весьма много. Для того, чтобы все относящиеся сюда отношения меры возвести на степень *закона* в собственном и строгом смысле этого слова, необходимы научное обобщение и научная обработка всех подвергнутых наблюдению фактов кипения путем нахождения *причины* этого явления, изучения *условий* его, установления его *сущности*, его механизма, его основания.

Отсюда, кажется нам, ясно, что мера и отношения мер еще не суть законы в собственном смысле этого слова, а лишь *низшая ступень* закона, лишь «предвосхищение закона», как выразился А. М. Деборин.

VIII

— После этих общих соображений о месте категории меры в системе гегелевской логики перейдем к более детальному рассмотрению того развития, которое претерпевает у Гегеля эта категория в посвященном ей разделе «Науки логики».

Как уже отмечалось, величина или количество какого-нибудь качества сперва (в разделе, трактующем о Количестве) рассматривается у Гегеля как нечто абсолютно внешнее и индифферентное по отношению к самому этому качеству.

В главе о *Специфическом количестве* (первая глава раздела о Мере) величина какого-нибудь качества или какого-нибудь «нечто» берется уже как *существенно-связанная* с данным «нечто», как его неотъемлемое определение. «Нечто» уже отнюдь не индифферентно к своей величине: изменение величины есть вместе с тем изменение *качества* этого «нечто» (343).

Это и есть категория *непосредственной меры* (unmittelbares Mass, 343, 344, 346 и др.), как непосредственного *единства* количества и качества.

В этом единстве «снимается» основная характеристика количества — именно его абсолютная индифферентность к качеству, его абсолютная «внешность» по отношению к качеству. Однако «снятие» не есть полное уничтожение того, что «снимается». Упомянутая внешность или индифферентность количества сохраняется и в мере, но только как *момент*.

Таким образом с самого же начала раздела о Мере Гегелем устанавливается *двойное* значение или *двойкий* аспект количественной определенности: 1) количественная определенность как внешняя, безразличная и абсолютно-изменяемая граница какого-нибудь «нечто» и 2) количественная определенность как непосредственная мера данного «нечто», как то, с чем неразрывно связано *качество* этого «нечто». Другими словами, Гегель различает количество, как таковое, и количество, как момент меры. Софизмы «куча» и «лысый», о которых упоминает здесь Гегель, как раз и иллюстрируют то затруднительное положение, в которое попадает человек, *односторонне* цепляющийся только за абстрактное понятие количества, как такового (345—346).

IX

Установивши указанный двойкий аспект количественной определенности, Гегель вслед за тем рассматривает *взаимоотношение этих двух аспектов* или этих двух сторон количества, которые в дальнейшем (347 ff) берутся воплощенными в *двух различных, но соотносящихся друг с другом «нечто»*: напр., в температуре внешней среды и в температуре отдельных вещей, помещенных в этой среде. В то время как температура среды мыслится изменяющейся в простой арифметической прогрессии, т. е. величина этой температуры рассматривается как безразличная к самой среде, как могущая безразлично увеличиваться и уменьшаться, — температура вещей, находящихся в этой среде, зависит также и от их качественной природы, от их теплоемкости, так что внешняя температура среды воспринимается каждой отдельной вещью *специфическим образом*, в меру своей теплоемкости: здесь уже нет того безразличия изменения, которое, согласно нашему допущению, имеет место в отношении температуры среды.

Этот пример, согласно мысли Гегеля, должен иллюстрировать то, что Гегель называет *специфицированием безразличной величины*, — другими словами: превращение простой, извне данной, безразличной величины в величину, специфически определяемую качеством данного «нечто». Эта форма категории меры носит у Гегеля название *специфицирующей меры*.

X

Следует отметить, что заголовок «Специфицирующая мера» употребляется у Гегеля в двойном значении: 1) как название для всего 2-го подотдела главы о Специфическом количестве и 2) как название для второго подраз-

деления этого 2-го подотдела—того именно подразделения, содержание которого мы только что изложили.

Этому второму подразделению предшествует коротенький абзац, озаглавленный «Die Regel» (346), под каковым заголовком фигурирует отношение между измеряющей единицей (напр., фут) и измеряемой при ее помощи величиной: первая представляет собою нечто постоянное и твердо установленное, в самом себе определенное и специфическое (хотя и произвольно принимаемое за единицу измерения), вторая же есть любая обыкновенная величина, могущая безразлично увеличиваться и уменьшаться.

Из содержания этого коротенького подразделения видно, что слово «Regel», стоящее в заголовке, обозначает в данном случае не «правило» (как переведено у Дебольского), а такие понятия, как «мерило», «масштаб», «норма», «образцовая или указная мера».

XI

В приведенном выше примере с температурой внешней среды и расположенных в этой среде тел, т. е. в примере, иллюстрирующем категорию специфицирующей меры в узком смысле этого термина,—температура среды принималась за нечто такое, что может изменяться чисто количественным, безразличным образом. Но, строго говоря, температура среды есть в свою очередь температура *специфическая*,—именно, температура воздуха, воды или еще чего-нибудь, следовательно, такая температура, изменения которой до известной степени зависят от специфических особенностей данного воздуха, данной жидкости и т. д. Поэтому Гегель и переходит к рассмотрению такого отношения меры, сторонами которого являются уже не простое количество и количество специфическое (как это имело мест в Специфицирующей мере), а *два качества*, представляющие собою две различные, но *соотнесенные друг с другом меры*.

Это и есть «отношение обеих сторон как *качеств*» (349 f).

Существенным моментом этой формы категории меры Гегель считает то обстоятельство, что специфические количества, составляющие здесь стороны отношения меры, выступают не в первой, а в высших степенях (в квадрате, в кубе). Тем самым, указывает Гегель, они являются подлинно переменными величинами (351).

В качестве примера одной из высших форм реализации этой категории Гегель приводит кеплеровское уравнение $s^3 = at^3$, выражающее взаимоотношение времен и расстояний в движении планет вокруг солнца. Это уравнение есть, по выражению Гегеля, *реализованная мера*, представляющая собою взаимоотношение двух мер или двух специфицированных количеств— s^3 и t^3 .

XI

В следующем затем подотделе, озаглавленном «Для-себя-бытие в мере» (Das Fürsichsein im Masse, 354 f), Гегель рассматривает понятие физической *константы*, т. е. того эмпирического коэффициента, который в той или иной форме входит в уравнения механики и физики.

Понятие этой константы, этого, по выражению Гегеля, «для-себя-бытия непосредственной величины» (357), служит для Гегеля переходом к следующей категории—к категории «*реальной меры*» (358 ff).

Здесь сторонами отношения меры являются уже такие меры, которые вместе с тем суть реальные «нечто», *самостоятельные* материальные предметы, а не такие «абстрактные качества», как пространство и время, которые были типичными примерами для сторон «реализованной меры» (предыдущей категории).

Первый подраздел «Реальной меры» носит заголовок: «*Отношение самостоятельных мер*» (359). Это отношение выступает сперва (360 f) как непосредственное отношение двух мер, характеризующих различные, вне друг друга существующие предметы, приводимые во внешнее соединение друг с другом. В качестве примера здесь фигурируют два вещества, обладающие различным удельным весом. Уже любой отдельный удельный вес, сам по себе, представляет собою некоторую меру,—именно определенное отношение между тяжестью или массой, с одной стороны, и объемом тела—с другой стороны. Это отношение характеризует собою качественную природу данного «нечто» или, выражаясь более обычным языком (358), данного тела, данной вещи,—и при этом *только в сравнении* с другими телами, вещами или веществами. Когда же, далее, два тела, обладающие различным удельным весом, вступают в механическое соединение друг с другом, то получающийся сплав или смесь обнаруживает по большей части некоторое *уменьшение* совокупного объема, в то время как *вес* сплава или смеси точно равен сумме весов соединенных воедино тел (361—362).

Гегелю важно подчеркнуть эту спецификацию величины объема при соединении различных тел по той причине, что она служит ему переходом ко второму подразделению «Отношения самостоятельных мер»,—именно к «*Мере как ряду отношений мер*» (362 ff).

XIII

В подразделении «Мера как ряд отношений мер» какое-нибудь самостоятельное «нечто» выступает в форме такой меры или такого качественно-количественного отношения, которое выражается в определенных специфических количественных отношениях к ряду других «нечто» или других тел. Примером может служить *химическое сродство*, существующее между различными химическими соединениями (363). Гегель, повидимому, имел в виду при этом главным образом учение Бергмана о количественном выражении сродства между основаниями и кислотами. Бергман предполагал, что одно и то же количество основания тем больше требует кислоты для своего насыщения или нейтрализации, чем больше у них сродства друг к другу. Он нашел, что для насыщения 100 частей едкого кали требуется 78,5 частей серной кислоты, 64 ч. азотной, 51,5 ч. соляной; для насыщения же 100 частей едкого натра нужно 177 ч. серной кислоты, 135, 5 ч. азотной, 125 ч. соляной. В том и другом случае *порядок* кислот остается *один и тот же* ³.

Вот такого рода *ряд пропорций или мер насыщения* (нейтрализации) и характеризует собою специфическую природу исследуемого тела, выступающего в качестве *противоположения* этого ряда.

³ «Энциклопедический словарь» Брокгауза-Эфрона, статья «Соли».

XIV

Наконец, третье подразделение рассматриваемого подотдела носит заголовок «*Избирательное сродство*» (*Wahlverwandtschaft*, 265 ff).

Здесь существенным моментом отношения меры является момент *исключительности* или момент *предпочтения*. Какое-нибудь химическое вещество уже не соединяется без различия с *любым* из членов противостоящего ряда, взятых в соответствующих количественных пропорциях, а соединяется предпочтительно с тем членом, с которым оно имеет избирательное сродство. Другой пример приводится Гегелем из области музыки: какой-нибудь музыкальный тон гармонирует не с любым из противостоящих ему тонов, а только с тем из них, с которым его связывает избирательное сродство (366).

XV

Второй подотдел «Реальной меры» посвящен знаменитой «*Узловой линии отношений мер*» (*Knotenlinie von Massverhältnissen*, 379 ff).

Уже во всех предыдущих формах категории меры, как не раз отмечалось, мы имели дело с *двоющим аспектом* количества, которое как момент входит во все эти формы: а именно с аспектом количества как такового (аспект безразличия)—и с аспектом количества как *качественно-специфицированного* (аспект спецификации). В «Избирательном сродстве» количественный аспект заключался в количественных пропорциях, причем любой член одного ряда рассматривался как способный к нейтрализации с *любым* без различия из членов противостоящего ряда, но только в различных пропорциях. Качественный же аспект «Избирательного сродства» заключался в моменте *предпочтения* или в моменте исключения всех других соединений, кроме соединения с наиболее «родственным» веществом. Теперь в «Узловой линии мер» два указанные аспекта достигают своей наиболее развернутой формы. Качественный аспект выступает здесь как пребывающая качественная основа, как себе тождественный материальный субстрат, являющийся носителем количественных изменений, которые до известного предела остаются *безразличными* для данного качества, т. е. *чисто количественными*, но, перейдя этот предел или эту меру, вызывают внезапное изменение самого этого качества и появление другого, *нового* качества. При этом означенный предел количественных изменений специфически определяется *самим качеством* данного «нечто»: каждое такое «нечто» имеет свою собственную, специфическую, имманентную *меру*, за пределами которой наступает переход в другое качество, в другое «нечто».

Количественный аспект или количественная сторона изменения характеризуется *постепенностью*. Качественный же аспект или качественная сторона этого постепенного изменения, когда оно переходит положенные ему природой данной вещи границы, дает *перерыв* постепенности или *скачок* (381). И Гегель подчеркивает, что если мы будем цепляться только за количественный аспект какого-нибудь изменения, только за аспект постепенности, то мы никогда не выйдем за пределы простой *тавтологии*, никогда не поймем действительного изменения, которое заключает в себе переход к *качественно-иному*, переход чисто количественного изменения в качественное и обратно (383—384).

XVI

Гегель приводит целый ряд примеров, иллюстрирующих категорию *скачка*, из самых разнообразных областей действительности. Тут фигурирует и натуральный ряд чисел, в котором мы имеем, наряду с чисто количественным, безразличным увеличением или уменьшением на одну единицу, такие специфические отношения между различными, несмежными членами этого ряда, как отношение кратного и делителя, степени и корня. Далее в качестве примеров фигурирует ряд музыкальных тонов (где, с одной стороны, мы имеем отношения простого постепенного повышения или понижения тонов, следующих друг за другом, а с другой стороны—специфические гармонические отношения между отдельными, несмежными тонами); далее ряд окислов азота (N_2O , NO , N_2O_3 , N_2O_4 , N_2O_5 : все эти соединения возникают только на строго определенных точках шкалы окисления и обнаруживают специфические качественные различия между собой, тогда как на промежуточных пунктах шкалы окисления мы не имеем вообще никаких специфических соединений); затем—ряд окислов какого-нибудь металла (напр., свинца, каковые окислы равным образом образуются только на определенных количественных пунктах окисления и обладают существенно различными специфическими качествами); далее—ряд агрегатных состояний воды, связанных с определенными пунктами в шкале температурных изменений воды; далее—всякое вообще рождение чего-нибудь нового и всякая смерть; наконец, в области моральных явлений—переход от легкомыслия к преступлению (путем количественного, постепенного увеличения степени легкомыслия), от добродетели к пороку и т. д. (381—384).

XVII

Узловая линия отношений мер уже включает в себе следующую категорию, категорию *«безмерного»* (384).

В узловой линии мы имели переход одного какого-нибудь качества или одного какого-нибудь «нечто»—путем количественного увеличения или уменьшения этого качества—в другое качество, в другое «нечто». Это другое качество или другое «нечто» и представляет собою «безмерное» по отношению к предыдущему качеству. Напр., безмерное или чрезмерное легкомыслие уже перестает быть легкомыслием и становится преступлением.

Узловая линия мер, указывает Гегель, может продолжаться в бесконечность. Правда, далеко не всякий эмпирический пример узловой линии являет собою бесконечный ряд, но принципиально возможны также и бесконечные ряды переходов количеств в качества и обратно. Напр., натуральный ряд чисел есть именно такой бесконечный ряд, в котором, с одной стороны, мы имеем простое количественное, безразличное увеличение каждого последующего числа на одну единицу, с другой же стороны, с этим количественным однообразным увеличением связаны разного рода специфические отношения между отдельными числами этого ряда.

Гегель берет именно эту абстрактную возможность бесконечного продолжения узловой линии мер⁴ и устанавливает, что здесь мы имеем, в отли-

⁴ В этом опять-таки сказывается отсутствие у Гегеля надлежащего разграничения между абстрактными и конкретными качествами, что, как уже отмечалось, проистекает из общидеалистической установки Гегеля.

чие от бесконечности качественной и от бесконечности количественной,—новый, высший вид бесконечности, в котором качественная и количественная стороны снимаются одна в другой и тем самым полагается в развернутом и углубленном виде, как бы возвращенным в себя само, то непосредственное единство качества и количества, которое вообще составляет содержание и существо категории меры.

Таким путем Гегель приходит к понятию пребывающей самостоятельной *материи*, как той основы или того субстрата, который остается одним и тем же в процессе смены одних качеств другими—смены, обусловленной, как мы знаем, количественными изменениями этих качеств. Это понятие намечено Гегелем уже в трактовке самой узловой линии мер, где уже дважды встречается и самый термин «пребывающий субстрат» или «тождественный субстрат» (379—380), а также и равнозначный ему термин «основа» (*Grundlage*, 379).

Для иллюстрации понятия субстрата мы позволим себе напомнить один из гегелевских примеров узловой линии мер, а именно ряд окислов азота: тождественным субстратом этого ряда являются *одни и те же элементы*—азот и кислород, которые, соединяясь друг с другом в различных количественных отношениях, дают *качественно-различные, специфические продукты*.

Подвергая в подразделе «Безмерное» это понятие субстрата дальнейшему анализу, Гегель подчеркивает, что в категориях «узловой линии мер» и «безмерного» качественно-количественные отношения, которые в предыдущих категориях выступали как *самостоятельные* «нечто»,—теперь определяются только как *узлы* одного и того же субстрата и тем самым низводятся на степень простых *состояний* (*Zustände*). «Изменение,—говорит Гегель,—выступает теперь только как изменение *состояния*, причем то, что изменяется или переходит из одного состояния в другое, полагается как остающееся себе тождественным в этих переходах» (386).

Таким образом, заключает Гегель главу, посвященную «реальной мере», последовательное развертывание и реализация категории меры приводит в конце концов к потере мерой своего самостоятельного существования. Единство пребывающего субстрата с самим собою, к которому привело нас рассмотрение узловых рядов мер, *снимает* категорию меры как самостоятельное существование и превращает ее в простой *момент* (387).

XVIII

Однако раздел, посвященный мере, этим еще не заканчивается. Последняя глава его, озаглавленная «*Становление сущности*», занята дальнейшей трактовкой того индифферентного к своим состояниям субстрата, понятие которого наметилось в категориях узловой линии и безмерного.

«Абсолютной индифференцией»,—в отличие от абстрактной индифференции «чистого бытия» и от индифференции, присущей чистому количеству, Гегель называет ту индифференцию, которая сама себя с собою опосредствует путем отрицания всех определенностей бытия—качества, количества и их непосредственного единства, меры—и которая, следовательно, является результатом всех предыдущих категорий логики. Вот эта-то абсолютная индифференция и является субстратом тех внешних для нее и переходящих (*verschwindende*) качественных различий, которые суть ее переходящие *состояния* (*Zustände*, 388).

XIX

При дальнейшем рассмотрении категории индифференции оказывается, что субстрат, индифферентный по отношению к своим состояниям, как бы складывается из *двух факторов*, находящихся в *обратном отношении* друг к другу (388 ff). Если бы не было этих двух факторов, могущих соединяться друг с другом в различных количественных пропорциях (при условии, чтобы уменьшение одного из факторов компенсировалось соответственным увеличением другого), тогда была бы невозможна самая множественность состояний индифферентного субстрата, т. е. не были бы возможны никакие различия в нем.

Те два фактора, из которых складывается индифферентный к своим состояниям и остающийся везде одним и тем же субстрат, представляют собою два различные *качества*. Но это не самостоятельные качества, не самостоятельные «нечто», могущие существовать независимо и отдельно друг от друга, а только неразрывно-связанные между собою *моменты* одного и того же единства, одного и того же целого.

Поэтому, указывает Гегель, каждая из сторон того обратного отношения двух факторов, в форме которого теперь выступает категория индифференции, в свою очередь представляет собою единство и обратное отношение *обоих* факторов: ведь факторы эти, как мы видели, необходимо являются неразрывно-связанными друг с другом. И только тем различаются между собою обе стороны, из которых складывается индифференция, что в одной из них *преобладает* один из факторов, в другой же стороне—другой фактор.

Нетрудно догадаться, что анализируемая у Гегеля вышеизложенным образом категория «индифференции как обратного отношения ее факторов» имеет в виду главным образом шеллингову философию тождества, хотя Гегель при этом ни разу прямо не называет Шеллинга.

Изложение и анализ этой шеллингианской формы категории индифференции переплетаются у Гегеля с обстоятельной критикой ее. Гегель показывает, что категория эта страдает неустранимым внутренним противоречием. В самом деле, с одной стороны, мы имеем здесь внешние и безразличные *количественные* различия между различными степенями перевеса одного из факторов, конституирующих индифференцию, над другим. С другой же стороны, налицо *качественное* отношение этих факторов друг к другу, в силу которого один фактор необходимо предполагает другой и существует лишь в той мере, в какой существует этот другой фактор. В силу этого *качественного* отношения между факторами невозможен никакой *количественный* перевес одного из них над другим (т. к. перевес одного качественно-соотносительного момента повлек бы за собой соответствующий и параллельный ему перевес другого момента). А между тем только различные количественные степени этого *перевеса* одного фактора над другим и должны были конституировать собою множественность состояний в ее отношении к единому, тождественному, индифферентному субстрату этих состояний.

Таким образом выходит, что качественная соотносительность *обоих* факторов делает невозможным как равенство их, так и неравенство.

Если же отбросить эту качественную соотносительность *обоих* факторов, эту неразрывную качественную связь между ними, то они станут вполне безразличными друг к другу и не составят уже никакого единства, никакой тождественной и целостной индифференции.

Получается, подчеркивает Гегель, «всестороннее противоречие» (392), которое взрывает и разлагает то единство качества и количества, которое составляло существо категории меры,—и тем самым образуется переход к категории сущности.

XX

«Переход в сущность»—так и озаглавлен у Гегеля последний коротенький подотдел разбираемой нами последней главы раздела о Мере (397—398).

В предыдущем подотделе, трактовавшем об индиференции как об обратном отношении ее факторов, Гегель—наряду с тем внутренним противоречием, присущим этой категории, на котором мы уже подробно останавливались—отмечал также и другой недостаток, свойственный категории индиференции и тесно связанный с означенной ее противоречивостью. А именно, Гегель подчеркивал, что те внешние и преходящие различия, которые выступают как состояния или модификации индиференции, определяются не самой этой индиференцией, являющейся их в-себе-сущим субстратом, а чем-то *внешним* по отношению к ней. Индиференция полагает свои различия не путем имманентного самоопределения и самоопосредствования, а определяется к этим различиям *извне* (390).

В подотделе «Переход в сущность» снова указывается на это чисто внешнее отношение между индиференцией и ее определениями, как на то, что подлежит снятию в следующих категориях,—именно, в категориях сущности. Переход в сущность как раз и состоит в том, что единство индиференции становится «абсолютной отрицательностью», которая сама от себя отталкивается и этим путем полагает и снова снимает свои имманентные определения. Тем самым оказываются «снятыми» как индиферентный в-себе-сущий субстрат, так и внешние ему «непосредственные» различия, которые, как мы видели, не могут мыслиться без всестороннего противоречия. Бытие, как самостоятельная непосредственность, исчезает, и на его место выступает *сущность*, как самоопосредствование и самоотражение. В сфере этой сущности бытие остается лишь в качестве одного из моментов ее самоотталкивания (398).

Так заканчивается у Гегеля раздел, посвященный мере, а вместе с тем и вся первая книга его «Логики».

О КРЕДИТНЫХ СВЯЗЯХ В РЕАЛЬНОМ КАПИТАЛИЗМЕ И В ХОЗЯЙСТВЕ СССР

Ф. Михалевский

А. КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Межсекторные кредитные связи.

Под капиталистической системой данной капиталистической страны мы понимаем всю ее хозяйственную систему. Капиталистический сектор, в процессе поглощения некапиталистического сектора (бедняцкие и середняцкие массы деревни, кустари, *свои и колониальные*), превращает его в свой придаток и этим самым включает его в свою систему.

Мы ни в какой мере не хотим сказать этим, что без этого придатка существование капитализма немыслимо (Роза Люксембург), но мы хотим сказать, что в дальнейшем изложении некапиталистический сектор нас интересует лишь постольку, поскольку он является питательной базой для сектора капиталистического.

Если бы весь производственный механизм страны был сосредоточен в капиталистическом секторе, в распоряжении этого сектора должно было бы находиться во всякий данный момент определенное количество средств производства и потребления, которое необходимо для того, чтобы поддерживать поток воспроизводства и рост этого потока *в размерах, максимально совместимых с определяющей нормой прибыли*.

Под «определяющей» я понимаю ту норму прибыли, ниже которой начинается отлив капиталов из страны.

Поскольку вокруг капиталистического сектора находится еще достаточно мощные слои некапиталистических хозяйств, являющихся поставщиками средств производства и потребления для капиталистического сектора, последний освобождается от необходимости иметь в своем распоряжении во всякое данное время весь нужный для бесперебойного воспроизводства запас средств производства и потребления, зато он должен иметь взамен этого соответствующий запас средств производства и существования для обслуживающих его некапиталистических хозяйств.

Если в распоряжении капиталистической системы в целом нет всего запаса средств производства и потребления, который нужен для максимального использования возможностей прибыли по норме не ниже определяющей, и нет также предметов вывоза на внешний рынок (сюда может относиться и золото), взамен которых он мог бы получить нужные ему запасы из-за границы, то такая картина, весьма нередкая в странах молодого капитализма, получает на языке стоимости выражение в виде недостатка капитала.

Нужно заметить, что результат, аналогичный результату недостатка средств производства и средств потребления для трудящихся, получается и в том случае, если в стране нехватает средств потребления для капиталистов. Для их получения из-за границы понадобится часть тех эквивалентов, которые могли бы пойти на производительный импорт.

Способ поглощения некапиталистического сектора капиталистическим не может быть иным, как способ экспроприации, ибо в конечном счете средства производства, находящиеся в распоряжении некапиталистического сектора, должны перейти к капиталистическому сектору, а человеческий материал должен превратиться в продавцов рабочей силы. Поэтому обмен веществ между капиталистическим и некапиталистическим сектором не может быть эквивалентным. Каждый этап этого процесса обмена веществ есть усиление капиталистического сектора за счет некапиталистического. Благодаря этому обмену веществ система в целом воспроизводит себя, но воспроизводит неравномерно. Обсасывающая часть относительно все усиливается, обсасываемая относительно все ослабевает.

Формы проявления неэквивалентности обмена веществ между капиталистическим и некапиталистическим секторами многочисленны, но в основном сводятся к следующим четырем методам:

- 1) неэквивалентность цен;
- 2) налоги, в том числе в экстренных случаях эмиссионный налог;
- 3) эмиссионная премия;
- 4) кредит.

Из этих методов мы подробно остановимся на последних двух.

а) Эмиссионная премия¹.

Я отличаю эмиссионную премию от эмиссионного налога, оставляя последний термин для случая инфляции.

Когда потребность обращения в деньгах увеличивается, новые средства обращения могут быть даны: а) государством в форме бумажных денег, б) банками в форме банкнот или жироальных денег, в) отдельными капиталистами в форме векселей, бон и т. д. Тот из перечисленных эмитентов, которому посчастливилось заполнить пустоту, превратил щепы в деньги. Поскольку эмитент избавил золотоискателей от необходимости потратить труд на производство полноценных средств обращения, он их освобождает и от труда изъятия из обращения соответствующего товарного эквивалента. Последний достается эмитенту. Эмиссионная премия, не превращающаяся в эмиссионный налог—это находка ценности, которой никто будто бы не потерял. Но это неверно. Необходимость тратить труд для добычи полноценных средств обращения является с самого начала *faux frais*. Общество стихийно нащупывает возможность заполнить каналы

¹ Для простоты мы в тех капиталистических условиях, о которых будем говорить дальше, подразумеваем существование бумажно-кредитного обращения, хорошо наполненного, но не пресыщенного (без дефляции и инфляции). При расширении потребности обращения в деньгах выпускаются новые кредитные или бумажные деньги. При сжатии деньги изымаются из обращения.

В основных современных капиталистических странах, не считая США, дело приблизительно так и обстоит. Само собою разумеется, что элиминирование полноценных денег тут чисто внешнее, допустимое только в силу специфического характера данной работы, в которой речь идет о преломлении законов чистого капитализма в капитализме реальном. Элиминировать же полноценные деньги по существу и непосредственно противопоставлять товар заместителям денег—значит закрыть себе путь к пониманию денег.

обращения бумагой вместо золота, но вместо облегчения обществу получается только прибыль эмитенту. Он получает за суррогат столько же, сколько за полноценный металл. За все же возможные последствия употребления суррогата платит опять-таки общество в целом.

В капиталистической системе эмитент всегда находится в капиталистическом секторе (капиталистическое государство, банки, отдельные капиталисты). Таким образом эмиссионная премия достается капиталистическому сектору целиком, изъятия же ложатся на него только частично. Разницу дополняет некапиталистический сектор.

В тех случаях, когда денежные знаки более сильной страны находят большое хождение в экономически слабых странах (доллары во время мировой инфляции), эмиссионная премия становится формой эксплуатации последних.

б) Кредит.

Капиталистическому кредиту имманентна экспроприация. При этом кредит—оружие обоюдоострое, могущее разить как с одного конца, так и с другого. Вопрос о том, кто окажется экспроприатором, кредитор или дебитор, решается соотношением сил.

В ростовщическом кредите экономическая сила на стороне кредитора. Экспропрированным оказывается дебитор. Роль ростовщического кредита в истории общественных классов общеизвестна.

То же самое повторяется в наше время в кредитных отношениях, связывающих различные капиталистические системы. Америка экономически сильнее Германии, Франция—Польши. Этим и определяется направление работы того экспроприационного насоса, который представляет собой кредит. И в этом случае, как и в некоторых других, отношения между группами стран воспроизводят с известным опозданием отношения между классами одной и той же страны.

В капиталистическом кредите эпохи классического капитализма силы кредитора и дебитора по внешности уравновешены, и оба они полюбовно делят плоды эксплуатации третьей стороны—рабочего. На самом же деле тут уже дебитор выступает экспроприатором экспроприатора, принося себе часть приносимой капиталом прибыли (предпринимательскую прибыль) и оставляя собственнику капитала только процент. Но экспроприация покамест касается только плодов, но не дерева. В эпоху финансового капитала сила уже оказывается на стороне дебитора, который при помощи аппарата акционирования и учредительства выступает экспроприатором кредитора. Подробно об этом в следующем разделе.

Кредитно-акционерная мобилизация превращает в капитал и свободные средства некапиталистического сектора, превращая фонд воспроизводства последнего в фонд расширения капиталистического воспроизводства.

Способы мобилизации средств некапиталистического сектора весьма разнообразны: сберегательная книжка, страховые налоги, закладные листы, облигации и акции, выпускаемые самыми мелкими купюрами. Экспроприация тут проявляется не только в форме снятия учредительской прибыли. Дело в том, что твердый остаток средств, извлеченных из некапиталистического сектора кредитным путем, из года в год все растет. Проценты уплачиваются из новых поступлений.

Конечно, мелкий производитель может держать свои свободные средства просто в кубышке. Но при наличии в стране достаточно чуткого денежно-

эмиссионного аппарата, даже кубышка мелкого производителя является орудием его экспроприации.

Поскольку сберегатели некапиталистического сектора спрятали свои деньги в кубышки и *прочно их там держат*, они тоже, хотя и косвенно, кредитуют капиталистический сектор. Прочно изъятые из обращения деньги оставляют там известную пустоту, которую капиталисты в той или иной форме заполняют, изымая беспроцентно и безвозвратно в форме эмиссионной премии то, что они могли бы получить от некапиталистического сектора в виде денежных сбережений, платя за последние проценты и обещываясь их возвратить. Таким образом денежное обращение приспосабливается к определенному ежегодному уходу известного количества денежных знаков в подполье. Если бы этот уход прекратился (как это имеет место при инфляции), получился бы известный избыток денежных знаков.

Сбережения некапиталистического сектора, тезаврированные сегодня, могут быть завтра изъяты из кубышек и реализованы, т. е. при их помощи с рынка могут быть взяты средства производства и потребления, нужные капиталистическому сектору. Тем не менее всегда в кубышке остается известный твердый остаток, который по существу является беспроцентным и безвозвратным займом для буржуазии. Французский крестьянин, не доверяющий сберегательной кассе и чековой книжке и держащий свои денежные сбережения в чулке, так же, хотя, разумеется, не в той же мере, содействует переливу средств из некапиталистического сектора в капиталистический, как и его английский или шотландский собрат, депонирующий свои сбережения в банке. Если, несмотря на это, капиталистический сектор делает все возможное, чтобы привлечь извне сбережения, то это потому, что бережливость крестьянина, рабочего, ремесленника, служащего и т. д. как насос перекачки слишком важен для капиталистического сектора, чтобы оставить его во власти стихии и не заняться его культивированием.

Процентуруя вклады некапиталистов охотнее чем, вклады капиталистов, кредитная система и страховой аппарат премируют, бережливость и поощряют ее. Сбереженный в свою очередь доход превращается в источник дохода. Средний остаток всей сберегательной системы, включая сюда и страховую, одним словом, средний остаток организованных сбережений (обозначим его через *А*) выше того среднего остатка сбережений, который существовал бы, если бы дело сбережения не было организовано (обозначим этот предполагаемый остаток через *Б*). По существу проценты, выплачиваемые сберегателям, даются не за всю сумму их сбережений, а за *А—Б*.

Сбережения усиленно привлекаются на фондовый рынок. В фондах деньги несомненно лежат прочнее. Их не всегда можно сбыть по более или менее выгодному курсу. Когда начинается их усиленная сброска, она, по крайней мере у мелких держателей, в известной степени автоматически застопоривается падением курса. Фонды, размещенные среди мелких держателей, считаются размещенными наиболее прочно.

Фондовое дело в капиталистических условиях является орудием не только кредитной, но и прямой экспроприации некапиталистического сектора. Мелкий сберегатель, покупая фонды, всегда платит за них дороже других покупателей, а, продавая их, получает за них меньше других продавцов.

Роль сбережения совершенно различна в странах ввоза и странах вывоза капитала. В странах, ввозящих капитал, сбережения с капиталистической точки зрения безусловно желательны. Воспитание духа бережли-

ности там—одна из важнейших хозяйственных задач. В странах, вывозящих капитал, вопрос выглядит несколько иначе. Бережливость суживает рынок, между тем как новый капитал, притекающий благодаря бережливости в капиталистический сектор, все равно не может найти применения внутри страны. Допустим, что вопрос идет о том, сбережет ли некапиталистический сектор в год сто миллионов или же он их истратит на средства потребления. Пусть рынок средств потребления снабжается капиталистическим производством на 70%. Пусть далее определяющая норма прибыли в стране 10%, звенность—2, средняя скорость оборота капитала 3 раза в год, экспортная норма прибыли—12, экспортная норма процента—6, процент, уплачиваемый сберегателям,—3. Если 100 миллионов будут прожиты, они расширяют капиталистический рынок на 70 миллионов. При звенности, равной 2, и норме прибыли в 10% наращенный капитал $= (1,1)^2 = \frac{121}{100}$ первоначального, первоначальный— $\frac{100}{121}$

наращенного, а наращение $= \frac{21}{121}$ наращенного. Иначе говоря, потребление указанных 100 млн. увеличит капиталистическую прибыль на $70 \cdot \frac{21}{121} = 12,1$ млн.

Насколько увеличится при этом капиталоемкость страны? $70 - 12,1 = 57,9$. Так как капитал оборачивается 3 раза в год, то капиталоемкость страны увеличится (и соответственно уменьшится вывоз капитала) на $\frac{57,9}{3} = 29,3$ млн.

Вопрос о том, что выгоднее для капиталистического сектора, потребление или сбережение 100 млн., всецело решается возможным способом вывоза капитала. Пусть весь вывоз возможен в форме предпринимательского капитала. Сбережение 100 млн. увеличивает вывоз капитала на $100 + 29,3$ млн., что доставит капиталистическому сектору $\frac{129,3}{100} = 15,5$ млн.

Это куда выгоднее, чем результат потребления.

Если, наоборот, весь капитал может быть вывезен только в форме капитала ссудного, расчет получается такой:

100 млн., сбереженных некапиталистическим сектором, приносят в год чистых $6 \frac{1}{2} - 3\%$, уплачиваемых сберегателям—3 млн.

30 млн. (приблизительно), освобожденных для вывоза, дадут $0,06 \cdot 30 = 1,8$ млн.

$$\begin{array}{r} 3 \text{ млн.} \\ + 1,80 \text{ млн.} \\ \hline \end{array}$$

Итого. . . 4,80 млн.

Между тем как потребление некапиталистическим сектором 100 млн. дали бы капиталистическому сектору, как мы видели выше, 12,1 млн. Ясно, что в этом случае потребление с капиталистической точки зрения выгоднее сбережения.

Когда вывозится и ссудный и предпринимательский капитал, выгодность или невыгодность сбережения зависит от удельного веса ссудного капитала в общем вывозе капитала.

В последних расчетах мы отвлеклись от указанного выше, связанного со сбережением, момента экспроприации. Твердый остаток никогда не выплачивается. Он, конечно, является большим плюсом на стороне бережливости.

Поскольку вывоз ссудного капитала стонивится преобладающей формой вывоза капитала, заинтересованность капиталистического сектора насыщенных капиталом стран в бережливости некапиталистического сектора все ослабевает. Вот почему мы видим такое резкое различие в отношении к сбережению между классиками и некоторыми новейшими экономистами.

II. Флюктуация капитала внутри капиталистического сектора.

Переливы капитала внутри капиталистического сектора происходят по двум основным способам: по способу непосредственной капиталистической экспроприации и по способу кредита.

Под непосредственной капиталистической экспроприацией мы понимаем экспроприацию путем конкуренции. Капитал раздавленного конкуренцией капиталиста-неудачника переходит в руки более сильных капиталистов, чаще всего более сильных в смысле количества капитала, находящегося в их распоряжении. Подробно мы на этом способе перелива капитала останавливаться не будем. Нам важно только отметить то, что при непосредственной капиталистической эксплуатации капитал переходит в новые руки вместе с титулом собственности на него. Между титулом собственности на капитал и распоряжением капиталом разрыва не создается.

Если бы переливы капитала возможны были только по медленному и громоздкому способу непосредственной капиталистической экспроприации, коэффициент полезного действия капитала был бы очень невелик. ибо во всякое данное время очень много капитала находилось бы в состоянии полной или частичной импотенции. Перенасыщению капиталом этих пунктов соответствовал бы недостаток капитала в других. Трудность передвижения питательных соков внутри системы обрекла бы последнюю на гибель в самом зародыше. Ясно, что решающее значение должны иметь переливы капитала по более легкому способу, переливы, которым собственник капитала не только не оказывает сильного сопротивления, но которому он всячески содействует.

Кредит—это частная собственность, отрицающая себя только для того, чтобы себя утвердить. Тут самоотрицание частной собственности есть одновременно торжество и частной собственности и общеклассового распоряжения капиталом. Как бы легко ни переливался капитал по способу кредита, он не выходит из распоряжения класса капиталистов в целом.

Какие бы формы ни принял капиталистический кредит, наиболее характерной и определяющей его чертой является *совмещение частной собственности на капитал и общеклассового владения капиталом, общеклассового использования капитала для целей эксплуатации*. Этим дано определение капиталистического кредита.

Кредит в отношениях между капиталистическим и некапиталистическим сектором одной и той же системы заострен, как мы видели, преимущественно против кредитора. Мы говорим преимущественно, потому что параллельно существует ростовщическое кредитование некапиталистов капиталистами в самых разнообразных формах до продажи велосипедов на выплату включительно.

Вопрос о том, эксплуатирует ли кредитор дебитора или наоборот, гораздо сложнее по отношению кредита внутри капиталистического сектора. Тут кредит приобретает самостоятельную форму существования в виде кредитной системы. Наиболее важные органы этой системы—банки, биржа—и берут и дают кредит.

В акционировании, которое в своих новейших формах есть модифицированный кредит, последний уже не есть отношение между кредитором и дебитором. Он уже есть сотворение дебитора кредитором. Наконец, отношения совершенно осложняются, когда самые банки создаются путем акционирования. В общем тут уже приходится говорить о соотношении сил не между кредитором и дебитором, а *между кредитной системой в широком смысле этого слова и прочими частями капиталистического хозяйства.*

В эпоху финансового капитала кредитная система—это уже не только банки плюс биржа плюс публичные займы,—*это вся система акционирования, учредительства, фюзий и монополизации.* Имманентная кредиту экспроприация выступает в совершенно обнаженном виде. Теперь не может быть спора о соотношении сил между кредитной системой в широком смысле и всем тем, что в капитализме под это понятие не подходит. Спор о том, существует ли в эпоху финансового капитала засилие банков над промышленностью или наоборот, поставлен неправильно: в эту эпоху и банки и промышленность *являются креатурой кредитной системы в широком смысле этого слова.*

Б. КРЕДИТНЫЕ СВЯЗИ В ЭКОНОМИКЕ СССР

1. Обмен веществ между капиталистическими странами и СССР.

Индустриализация означает в первую очередь коренной сдвиг в производстве. Если номером 1 обозначить средства производства средств потребления, номером 2—средства производства средств производства № 1 и т. д., то сдвиг должен произойти в сторону производства средств производства самых высоких номеров.

Круги воспроизводства у нас расширяются. В них включаются звенья, которые у нас раньше отсутствовали и которые, поскольку они были необходимы, замещались импортом.

Отсюда чрезвычайное повышение капиталоемкости СССР в период реконструкции.

В капитализме стоимостный учет дает критерий и для ресурсов и для целей производства. Ресурсы—капитал. Цель—прибыль.

У нас стоимостный учет играет роль вспомогательную. *Основным критерием выгодности той или иной затраты является ее значение для строительства социализма.* Норма прибыли и процента теряет свое решающее для обмена веществ значение. У нас капиталоемкость определяется не нормами прибыли и процента, а соображениями максимального строительного эффекта и максимально быстрого темпа. В силу этого СССР в период реконструкции должен быть страной высокого в сравнении с капиталистическими странами процента.

Капиталоемкости нашего хозяйства не угрожают кризисы сбыта как в силу роста жизненного уровня широких масс, так и в силу роста плановости. Капитал должен привлекаться высоким процентом из стран низкого процента, в первую очередь из Соединенных Штатов, Голландии, а затем и Англии в СССР. Этому естественному движению мешает финансовая блокада.

Формы ввоза к нам капитала могут быть самые разнообразные. Первая во времени—это форма концессий, как форма, наименее выгодная для нас и наиболее выгодная для наших контрагентов, реализующих в этом случае

не процент, а прибыль. Далее идет форма коммерческого кредита—кратко- и среднесрочного. В получении этих кредитов нами уже достигнуты известные успехи.

В настоящее время картина такова, что иностранный капитал к нам уже приходит за прибылью, но еще не приходит за процентом.

Но кто сказал «а», должен сказать «б». Вслед за функционирующим капиталом к нам придет и ссудный капитал, придет после того, как капиталоёмкость Германии, остатков Австро-Венгрии и лимитрофов будет до некоторой степени исчерпана.

Из того, что индустриализация создает условия для притока к нам иностранных капиталов, конечно, не следует, что самая возможность индустриализации зависит от притока капиталов извне. Более подробно об этом позже.

Как мы уже говорили, критерием выгодности прилива капитала к нам служат не соображения прибыли, а соображения целесообразности с точки зрения социалистического строительства. Этот факт есть внешнее выражение глубокого различия по существу между кредитным движением капитала внутри капиталистической системы и случаями выхода кредитуемого капитала за пределы капиталистической системы.

Кредитует ли в капиталистическом хозяйстве капиталист капиталиста, некапиталист капиталиста или капиталист некапиталиста—кредитование все равно происходит в пределах капиталистической системы и на основе закона этой системы, закона эксплуатации. Когда же кредитное движение выносит капитал за пределы капиталистической системы в виде ссуды советскому хозяйству, движение капитала имеет под собой две друг другу противоречащие основы: закон эксплуатации, с одной стороны, социалистическое строительство, с другой. Капитал, так сказать, перематывается с вала эксплуатации на вал социалистического строительства.

Внутри капиталистической системы кругооборот кредита в конечном счете ведет к еще большему усилению экономически сильного и к еще большему ослаблению экономически слабого. Перематывание капитала с вала эксплуатации на вал социалистического строительства имеет обратные результаты. И это потому, что, будучи переброшен из капитализма на социалистическое строительство, капитал с одной стороны, а именно со стороны того способа, которым мы его используем, перестает быть капиталом, а начинает функционировать как стоимость, обслуживающая тот класс, который ее создал.

II. Кредит в отношениях между обобществленным и необобществленным секторами.

Разница между кредитными отношениями, связывающими, с одной стороны, капиталистический и некапиталистический сектор в капиталистической системе, а с другой стороны, обобществленный и необобществленный сектор в системе строительства социализма, определяется всецело разницей в способах роста доминирующего сектора здесь и там.

Капиталистический сектор капиталистической системы имеет строе-ние полярное. На одной стороне экспроприированные продавцы рабочей силы, на другой стороне—экспроприаторы.

Рост капиталистического сектора—это рост экспроприации, рост количества экспроприированных продавцов рабочей силы, при уменьшении числа экспроприаторов. Поэтому кредит, как фактор роста доминирую-

щего сектора, не может быть не чем иным, как *фактором экспроприации*.

Втягивание в социалистический сектор широких масс трудящихся, а именно бедняков и середняков в деревне, затем кустарей-одиночек, имеет характер не экспроприации, а ассимиляции.

Основным и прямым способом ассимиляции индивидуальных хозяйств социалистическим сектором является их коллективизирование. Всякий новый хозяйственный коллектив есть новый вагон,, ставший на рельсы социализма. Связи контроля и организованного обмена веществ, которыми основной массив нашего социалистического сектора охватывает всякий коллектив, только вскрывает тот факт, что он плоть от плоти нашего социалистического сектора. Различная степень переваренности коллективов в социалистическом котле дела по существу не меняет, поскольку окончательная переварка есть только вопрос времени.

Но кроме основного способа, есть ряд косвенных способов ассимиляции необобщественного сектора обобщественным. Одним из этих способов является кредит.

Кредитные связи между социалистическим сектором и несоциалистическим сохраняют элементы экспроприации, точнее экспроприации экспроприаторов, лишь по отношению к ликвидируемым нами обломкам эксплуатирующих классов, а именно к кулакам и нэпманам. По отношению же к трудовым массам несоциалистического сектора кредитные связи не могут быть не чем иным, как орудием ассимиляции, орудием социалистической экспансии.

Кредитные связи у нас существуют между обобщественным сектором и самыми различными слоями необобщественного сектора. Схематически контрагенты обобщественного сектора по кредиту могут быть разделены на три группы:

а) Ликвидируемые обломки капиталистического класса: кулак и нэпман.

б) Невовлеченные в колхозы бедняцкие и середняцкие массы деревни.

в) Невовлеченные в коллективы кустари-одиночки и лица свободных профессий.

По пункту а) кредит, как правило, имеет одностороннее направление. Мы те остатки нэпманских и кулацких капиталов, которые не удастся изъять непосредственно (налоги и т. д.), привлекать в форме вкладов и путем фондовой эмиссии.

Бедняк есть тоже в конечном счете односторонний кредитный контрагент нашего хозяйства. Он, взятый в массу, не может кредитовать обобщественный сектор, но последний должен кредитовать его. Средняк и кредитует (вклады, паи, займы) и кредитруется.

На нашем кредитовании деревни ярко сказываются особенности нашего кредита, являющегося орудием не экспроприации, а вовлечения трудящихся масс в социализм. С одной стороны, кредит революционизирует деревню и социально и технически. С другой стороны, это кредит, на котором кредитор не выигрывает, а теряет на процентах. Тот же крестьянин, который по ссуде платит 5 %, может одновременно быть держателем 12 % займа и получать от того же самого контрагента 12 %.

Перечисляя кредитных контрагентов обобщественного сектора, я не упомянул важнейшего контрагента—рабочих и служащих. И это потому, что их нельзя противопоставлять обобщественному сектору, органическую часть которого они составляют.

Кредитные отношения обобщественного сектора в целом, с рабочими и служащими, в частности, тоже двухсторонние. С одной стороны—вклады и фонды, с другой стороны—рабочий кредит.

Если, как мы выяснили выше, для всякой страны, ненасыщенной капиталами, сбережения имеют большое экономическое значение, то в наших условиях роль сбережений и их привлечения в кредитную систему исключительно велика. Потому наша финансовая политика направлена к сознательной, плановой организации сбережения и изъятия этого дела из власти стихии. Основным методом тут являются фондовые кампании. Подробное освещение этого вопроса дано мною в недавно вышедшей работе «К методологии изучения нашего денежного обращения» (очерк первый), куда я и отсылаю читателя.

III. Кредитные связи внутри социалистического сектора

1. Кредитные связи между государственной и кооперативной частью социалистического сектора.

Эти связи могут с внешней, технич.ской стороны сильно отличаться от кредитных связей между госпредприятиями (кредитование колхозов) или же совершенно не отличаться (кредитование потребительской кооперации). Но во всяком случае дальше внешних различий дело идти не может. Экономическая сущность во всех перечисленных случаях одна и та же. Поскольку она яснее всего выступает в кредитных связях между госпредприятиями, мы подробно остановимся на последних.

2. Кредитные связи между госпредприятиями.

Организация государственной части социалистического сектора теперь основана на принципе, который я назвал бы принципом условной децентрализации владения. Каждая хозяйственная единица (отдельное предприятие или трест) условно считает вложенную в нее часть общественного достояния предметом своего владения.

Этот вид децентрализации отличается от децентрализации распоряжения рядом моментов:

1) Государство в целом не несет ответственности за дефициты предприятия, находящегося на коммерческом расчете.

2) Прибыль такого предприятия не считается прямой прибылью государства, а подлежит дележу между государственным хозяйством в целом и данной единицей.

3) Отдельные государственные единицы платят все налоги до подоходного включительно.

В чем смысл указанной условной децентрализации владения?

Тут, конечно, в первую очередь важно совмещение возможно большей осведомленности с распорядительной властью. Ибо при централизме кто лучше всего информирован («работники на местах»), не имеет права маневрирования, а кто облечен полнотой власти (центровик), тот в лучшем случае информирован лишь суммарно. Чем слабее влияние стихии и случайностей на ход воспроизводства, чем меньше, стало быть, нужно маневрировать, тем меньшее значение имеет этот вопрос. Но для устранения разрыва между информированностью и правомочностью достаточно было бы децентрализации распоряжения. Можно было бы в достаточной степени расширить полномочия работников на местах и вместе с тем усилить их личную ответственность, не создавая однако категории «ответственности предприятия». Но дело вот в чем.

Крах капитализма есть крах личной заинтересованности, как двигателя хозяйства. В переходный период личная заинтересованность производителя и организатора еще не может быть устранена совершенно, но ее роль весьма ограничена.

Наряду с растущим общеклассовым сознанием ответственности за социалистическое строительство в целом выступает сознание сугубой коллективной ответственности работников данной хозяйственной единицы за состояние дел в ней и *социалистическое соревнование* с другими единицами. Поэтому наряду с общехозяйственными сигнализаторами требуются специальные, достаточно ощутительные сигнализаторы для каждой хозяйственной единицы. Таким сигнализатором является хозрасчет.

Поскольку капиталы, вложенные в ту или иную единицу, составляют предмет ее условного владения, постольку обмен веществ между отдельными единицами должен по внешности носить меновой характер.

Продукт государственного сектора, принимающий форму товара при выходе во внешний мир, должен номинально оставаться товаром и в своих передвижениях внутри госсектора.

Всякая прививка имеет свою внутреннюю логику. Прививка оспы дает иммунитет против этой болезни, но в то же самое время сама вызывает ряд болезненных явлений. Трансплантация товарной формы внутри обобщественного сектора—фактор, имеющий до поры до времени положительное значение. Но товарная форма, даже выпотрошенная, богата ферментами противоречий, которые она вносит во внутренний товарообмен обобщественного сектора. Отсюда необходимость взять товарную форму вместе с той аппаратурой, которая создана движением ее противоречий, т. е. вместе с деньгами и кредитом и даже вместе с теми противоречиями, которые вытекают из денег и кредита, которые хотя и в очень ослабленной форме дают себя знать внутри госсектора.

Мы тут имеем и противоречие денег и товара, и противоречие покупки и продажи, и противоречие собственности и кредита, и противоречие бескалендарности реализации и календарности платежа и т. д. За заимствованную форму приходится платить довольно дорогой прокат.

Кредит внутри обобщественного сектора прежде всего является фактором обмена веществ внутри указанного сектора. Но наряду с этим *кредит внутри обобщественного сектора может быть и фактором аккумуляционным, фактором обмена веществ между обобщественным и необобщественным сектором*. Возьмем следующий пример. ВТС получил от Госбанка ссуду в миллион рублей. Этот миллион рублей был эмиссионного происхождения или был привлечен из необобщественного сектора путем вкладов. ВТС истратил этот миллион рублей на покупку хлопка у неколлективизированных дежкан. Подойдем к вопросу с точки зрения обмена веществ. Какой тут был обмен веществ? Ясно, что тут был обмен веществ между обобщественным и необобщественным сектором. Этот процесс состоял из следующих звеньев: 1) необобщественный сектор дал кредитной системе на миллион рублей вкладов; 2) кредитная система дала этот миллион рублей ВТС; 3) последний получил при помощи этого миллиона рублей от необобщественного сектора хлопок. Хотя одно из звеньев этого процесса имело форму кредитной сделки внутри обобщественного сектора (Госбанк—ВТС), тем не менее реальным результатом всего процесса было передвижение средств производства из необобщественного сектора в обобщественный. Таким образом кредит внутри

обобщественного сектора может быть не только фактором внутреннего обмена веществ, но и фактором ассимиляции.

Было бы ошибкой думать, что действительно возможна классификация всех случаев кредита внутри обобщественного сектора по указанному примеру. В нашем примере миллион, употребленный для получения хлопка из необобщественного сектора, был получен от последнего же. Но это необязательно. Он мог быть получен в форме взноса на текущий счет какого-нибудь треста. И наоборот, миллион, полученный в форме вкладов необобщественного сектора, может быть дан в ссуду одному тресту для покупки товара у другого треста. Наконец, если трест, беря ссуду, может знать, для чего он ее брал, то Госбанк, давая ее, совсем не может, за редким исключением, знать, за счет каких именно источников он эту ссуду дает.

Поэтому тут может быть речь не о классификации кредитных сделок внутри обобщественного сектора, а о том, чтобы установить в них наличие двух совершенно различных по своему экономическому содержанию элементов: межсекторного и внутрисекторного обмена веществ.

Такой же подход возможен и по отношению к кредиту в капиталистическом хозяйстве. И там многие внутрисекторные кредитные сделки являются только звеньями межсекторного обмена веществ, но там вопрос далеко не имеет той актуальности, которая ему присуща в нашем хозяйстве, ибо там между внутрисекторным и межсекторным обменом веществ нет того глубокого принципиального различия, которое имеется у нас. Там и внутри секторов и между секторами одинаково господствует меновое начало. У нас оно (и то в сильно ущемленном виде) осталось между секторами, внутри же обобщественного сектора его по существу нет.

Чтобы выделить действительно внутрисекторные кредитные отношения обобщественного сектора, необходимо отвлечься от вышеуказанных ассимиляционных элементов.

И когда мы это сделаем, мы получим ключ к пониманию судьбы ссудного капитала, в частности, и кредита вообще внутри социалистического сектора. Мы увидим, что если категория ссудного капитала и кредита вообще у нас постепенно отмирает, то *темп* отмирания этих категорий в *ассимиляционных процессах*, с одной стороны, и в процессе *внутрисекторного* обмена веществ, с другой, *совершенно не тот*.

Отмирание категорий ссудного «капитала» внутри социалистического сектора с каждым днем становится все более очевидным фактом. Нас могут ввести в заблуждение текущие счета госпредприятий. И действительно, что такое указанные текущие счета, как не временно высвободившиеся капиталы трестов, ищущие применения в других госпредприятиях? Но подойдите к вопросу с точки зрения единого счета—и вы увидите, что *текущие счета госпредприятий—категория бухгалтерская, но отнюдь не экономическая*. Госпредприятия всегда должны кредитной системе, а не наоборот. Действительно, положительное сальдо имеется только у Цустраха, Госстраха, Госспирта, т. е. именно в тех пунктах, через которые проходят средства, привлеченные из необобщественного сектора или от рабочих и служащих.

В общем и целом можно было бы положение характеризовать так: Госбанк никому не должен—Госбанку все должны. И этот факт имеет то важное последствие, что, несмотря на решительное преобладание безналичных расчетов внутри обобщественного сектора, возможности творчества кредита другим способом, кроме способа эмиссии, у нас очень ограничены. И действительно, творчество кредита невозможно без реальных кредито-

ров, стоящих за спиной банка. Поскольку у Госбанка реальных кредиторов мало, основным способом *«творчества кредита»* для него является *банкнотная эмиссия*.

Возвращаемся к вопросу об отрицании категории ссудного капитала внутри обобщественного сектора.

Конечно, так грубо апеллировать к грешной действительности не полагается. Нам могут сказать, что сегодня за госпредприятиями числится отрицательное сальдо, а завтра может числиться положительное. Таково, например, теперь положение НКПС. Я потому и не говорю, что категория ссудного капитала, поскольку дело идет о действительно внутренних флюктуациях обобщественного сектора, уже отмерла, я говорю только, что она быстро, у нас на глазах, отмирает. Дело идет к тому, что субстанциональное отсутствие в социалистическом секторе внутреннего ссудного капитала найдет организационное оформление. Последнее будет иметь характер не только бухгалтерский (введение единого счета), но и органический. Дело в том, что интересы планирования кредита настоятельно требуют его централизации. Вексельная эмиссия госпредприятий уже строго лимитируется, удельный вес коммерческого кредита падает, и близко то время, когда с коммерческим кредитом можно будет в интересах плана распрощаться. Какая тогда создастся картина? Госпредприятия ничего не должны друг другу. Все они получают нужную им покупательскую силу от кредитной системы. Задолженность треста или синдиката А кредитной системе, поскольку речь идет о внутреннем обмене веществ, механически возникает, когда известная кванта обобщественных благ вступает в А. Задолженность механически же погашается, когда эта кванта в своем движении по пути производства или обращения проталкивается дальше. Что такой порядок целесообразен и в конечном счете необходим для планирования, никем не оспаривается.

Но позвольте, скажут мне, где же тут исчезновение «ссудного капитала». Ведь это исчезновение коммерческого кредита. Но дело в том, что генерализация банковского кредита и его централизация в наших условиях и будет упразднением категории «ссудного капитала» внутри социалистического сектора.

Хозрасчетное положение Госбанка при этом потеряет всякое экономическое содержание. Госбанк будет экономически противостоять другим госпредприятиям не как госпредприятие, а как *государство непосредственно*. Положение создается такое, что каждая хозяйственная единица будет получать от государства средства 3 типов:

1. Основной «капитал».
2. Обратный «капитал» фиксированный.
3. Обратный «капитал» временный. Именно временный, а не флюктуационный, ибо исчезновение данной единицы временного «капитала» из одной единицы вовсе не должно сопровождаться ее появлением в другой единице. Механическая передвижка данной кванты «временного капитала» из единицы в единицу может быть закончена тем, что «капитал» попадает в единицу потребительского порядка, состоящую на госбюжете, и там просто потребляется.

В настоящее время перераспределение оборотных средств между госпредприятиями происходит под кредитным покровом. Генерализацией банковского кредита этот покров будет сорван. *Унифицированный кредит*

в наших условиях перестанет быть кредитом и превратится в прямое распределение и перераспределение оборотных средств.

При этом нужно полагать, что граница между фиксированным и временным оборотными капиталами вряд ли долго будет существовать.

Когда граница исчезнет, произойдет открытое объединение оборотных средств всех госпредприятий. Кредитные связи внутри социалистического сектора отомрут за ненадобностью. Останутся только до поры до времени кредитная ассимиляционная связь обобщественного сектора с необобщественным.

Исчезновение кредитных отношений внутри обобщественного сектора будет вызвано унификацией кредита. Последняя будет вызвана интересами планирования. Таким образом пред нами пример того, что значит переход количества в качество в вопросах плана. Ни одна из трансплантационных форм не может остаться вне регулирующего влияния плана. Но когда план в достаточной степени овладевает данной трансплантационной формой, она становится ненужной и отпадает.

Еще одно. Кредит внутри обобщественного сектора исчезает раньше денежных расчетов. Это дает материал для рассуждения о последовательном порядке исчезновения меновых категорий в нашем хозяйстве.

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК И ПРОТИВОРЕЧИЯ БАНКОВСКОГО КРЕДИТА

3. Атлас

III. КОНКРЕТНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ИММАНЕНТНЫХ БАНКОВСКОМУ КРЕДИТУ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Мы подходим к анализу отдельных форм банковского кредита или банковских операций. Мы считаем, что, за исключением вопросов банковской бухгалтерии, в так наз. «банковской технике» нет ничего такого, что бы не могло интересовать экономиста-теоретика. Конечно, вопрос о том, применить ли к контокорренту штафельный или прогрессивный метод, или вести учет операций по книгам или по карточной системе,—все это несущественно для теоретика-экономиста. Но те конкретные формы, в которые облакается банковская деятельность и в которых она находит свое, правда, очень скупое отражение на балансах,—суть вопросы, огромное научное значение которых, за редкими исключениями, недооценивалось в общей теоретико-экономической литературе². Мы не собираемся

¹ См. «ВКА» № 34(4).

² Как иностранные, так в особенности наши русские экономисты-теоретики с полным пренебрежением относятся к формам банковского кредита, как-будто эти последние представляют нечто второстепенное и не нуждаются в научно-экономическом анализе. Так, например, наш крупнейший теоретик М. И. Туган-Барановский, посвящая кредиту в целом всего несколько страничек в своем курсе (*Проф. М. И. Туган-Барановский, Основы политической экономии*, Петроград 1918, с. 276—288) почти столько же, сколько и «страхованию», ограничивается простым указанием на некоторые банковские формы. В курсе П. Маслова (*Проф. Петр Маслов, Наука о народном хозяйстве, ГИЗ, 1923*) кредит вообще отсутствует, а в объемистых «Началах» А. А. Исаева (*А. А. Исаев, Начала политической экономии*, СПб 1908, с. 530—541) такоже нельзя найти ничего, кроме школьных указаний на формы банковского кредита, отнюдь не более глубокие, чем в курсах банковской техники Бухвальда или Вейцмана.

Немногом больше дает в интересующем нас вопросе такоже и Железнов в своем ранее столь популярном курсе (*В. Я. Железнов, Очерки политической экономии*, М. 1919, вып II.) и А. Мануйлов (*Проф. А. Мануйлов, Политическая экономия*, М. 1919, с. 237—276). Что касается современных марксистских курсов, то и здесь дело обстоит отнюдь не лучше, ибо одни, как Любимов и Кон, еще не добрались в серии своих «выпусков» до кредита, а другие, как Мотылев (*В. Е. Мотылев, Курс политической экономии*, т. I, с. 167—191), ограничиваются простым переложением Гильфердинга и Каценеленбаума. Такоже слабо разработана эта проблема и в общэкономической иностранной литературе. Понвидимому, пренебрегая кредитом, и в частности экономическим анализом форм банковского кредита, наши русские теоретики лишь переняли манеру европейских «мастеров науки».

Лучше, например, немецкие и австрийские современные курсы, как Филипповича («Осложения политической экономии», СПб 1901), Оппенгеймера («*Theorie der reinen und politischen Ökonomie*», Halbband I, 1923, Halbband II, 1924), Лифманна

исчерпать все конкретные формы банковской деятельности, и оставляя в стороне особенности банковской практики в различных странах, постараемся сосредоточить внимание лишь на тех формах, которые имеют принципиальное значение для анализа банковского кредита, а вместе и роли кредита при капитализме вообще.

Все банковские операции могут быть прежде всего разбиты на три основных группы: 1) торговые (в том числе: а) валютные, б) товарные); 2) комиссионные (те же, но за счет комитентов) и 3) кредитные; при этом совершенно недопустимо смешение кредитных и торгово-валютных операций, как это делает Вебер³.

Нас, конечно, интересует только третья группа операций, которая именно и конституирует самое понятие «банка» как *кредитного института*. Нам придется касаться первых двух групп, однако лишь постольку, поскольку, например, за такими комиссионными и торговыми операциями, как покупка и продажа фондов, или товарными аккредитивами, репортом, комиссионной реализацией эффектов и пр., скрываются в действительности чисто кредитные операции.

* * *

В банковской литературе имеется великое множество классификаций форм банковских активных операций, и любая из этих классификаций правильна в том случае, если выдержан классификационный принцип. Так, можно классифицировать эти операции по срочности, по видам обеспечения, по субъектам кредитования, по чисто техническим и юридическим моментам и т. п. Если же попытаться дать общую классификацию, то, во-первых, никаким образом нельзя удовлетвориться только каким-либо одним классификационным признаком, и, во-вторых, нужно выбрать именно те критерии, которые имеют существенное значение для экономического анализа, и отбросить чисто технические или юридические моменты.

Существует, например, такая классификация:

I *Краткосрочные*:

1) *контокоррентные*, 2) *ломбардные*, 3) *дисконт*.

II. *Долгосрочные*:

1) *облигационные* и 2) *ипотечные*⁴.

Дефект этой классификации заключается в том, что нет определенного объективного критерия для разграничения краткосрочности и долгосрочности, и поэтому отнесение тех или иных операций к I или II подразделениям совершенно произвольно. Так, например, *контокоррентная операция*, если, скажем, задолженность предприятий в течение ряда лет не снижается ниже определенного уровня, *перестает* быть «краткосрочной»

(«Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», Bd. I, 1920), Аммон («Grundzüge der Volkswirtschaftslehre» I. F. 1926) ограничиваются такими же школьными указаниями на формы банковского кредита, как и русские экономисты. Сравнительно более подробно разработан этот вопрос у Карла Дили («Theoretische Nationalökonomie», Bd. III, 4 Aufl. 1922), но и здесь дело ограничивается систематикой эмпирических форм, а не выяснением закономерностей банковского кредита.

Все это дает нам полное основание сказать, что банковский кредит и его формы до сих пор не получили «гражданских прав» в теоретико-экономической науке и остаются уделом специальных монографий, посвященных кредиту и его формам...

³ Вебер А., Депозитные и спекулятивные банки, М. 1927, с. 118.

⁴ Шер, Техника банковского дела, перев. Е. Сиверса, СПб 1904, с. 307—311.

и становится «долгосрочной», что в действительности постоянно имеет место. С другой стороны, например, «облигационное кредитование» для данного банка может быть не «долгосрочным», а «краткосрочным» в том случае, если банк реализует на денежном рынке облигации вскоре же после того, как был оказан предприятию «облигационный кредит», что опять-таки имеет постоянно место на практике.

Правда, за «краткосрочностью» и «долгосрочностью» в действительности скрыто очень важное деление между денежным кредитованием и кредитованием в оборотный капитал, с одной стороны, и кредитованием в основной капитал—с другой. Но в том-то и дело, что банковские активные операции не дают никаких внешних признаков, по которым можно было бы их классифицировать на основе этого критерия: *банковские операции всегда маскируют это деление*, и поэтому при классификации самих форм этих операций, как таковых, приходится этот критерий оставить.

Банковский практик *Обет* в своей классификации исходит прямо из внешнего различия форм активных операций, как таковых, с учетом момента *залога*. Он делит активные операции на 1) *контокоррент*, 2) *учет*, 3) *ломбардно-репортные*, 4) *кредит под поручительство*, 5) *акцептные*, 3) *аккредитивные*, 7) *ипотечные* ⁵.

Собственно, здесь, «не мудствуя лукаво», просто перечислены все основные активные операции без заботы о классификационном признаке. Но «беззаботность» о принципах классификации отразилась даже на этом простом перечислении операций, ибо, например, никакого основания не имеет *Обет* противопоставлять ломбардные операции контокоррентным, ибо и при контокорренте могут, например, ломбардироваться ценные бумаги—форма, широко распространенная при финансировании биржевых спекуляций с ценными бумагами. Также и аккредитивная операция является одновременно ломбардно-товарной и т. п.

В то же время *Обет* отмечает, что в практике многих немецких банков принято различать: 1) *Bar-Kredit* («Наличный кредит»), 2) *Lombard-Kredit*, 3) *Aval-Kredit*, 4) *Discont-Kredit* и 5) *Akzept-Kredit* ⁶.

Характерно, что здесь совсем исчез поставленный *Обетом* на первое место «контокоррентный кредит». Это вполне правильно, ибо контокоррентным может быть как *Bar-Kredit*, под которым понимается *бланковый кредит*, т. е. без всякого обеспечения, так и *Lombard-Kredit*. Но, с другой стороны, исключение столь важного момента фиксированной срочности и контокоррентности делает эту схему недостаточной. Наконец, и по этой схеме нет основания для разграничения, например, ломбардного и акцептного кредита, ибо и при акцептном кредите сплошь и рядом требуются специальные гарантии в виде, например, *ломбардирования ценных бумаг*.

Нельзя также делить активные операции на 1) *вексельные*, 2) *ссудные*, 3) *онкольные* и 4) *спекулятивные*, как это делает в русской литературе *А. Мануйлов* ⁷, ибо «ссудной» является не только ломбардная операция, подразумеваемая автором под рубрикой 2, но и «вексельная», и «онкольная», и «спекулятивная». Кроме того, «спекулятивная» операция является в то же время «онкольной», и нет абсолютно никакого критерия для опреде-

⁵ Цит. соч., с. 338.

⁶ Цит. соч., ч. 1, с. 223—381.

⁷ «Курс политической экономии», с. 255—257.

ления того, в каком случае онкольная операция носит спекулятивный характер (да и самое понятие спекуляции неопределенное) и в каком случае является «нормально» — коммерческой.

Оставляя в стороне специальные типы банков, как ипотечные, мелиоративные, коммунальные и т. п., и соответствующие им специальные виды кредита и анализируя операции обычных депозитных банков, мы можем дать следующую классификацию их активных операций. Эта классификация, построенная на комбинации двух признаков: 1) характера залога и 2) условий погашения, сводится к следующему:

Характер залога	Условия погашения
I. Вексельные:	а) учет, в) срочная ссуда, с) онкольная ссуда.
II. Подтоварные: включая ссуды под товарные документы	а) срочная ссуда, в) онкольная ссуда, с) товарный аккредитив
III. «Эффективные»:	а) срочная ссуда, в) репорт, с) онкольная ссуда, д) покупка и продажа ценных бумаг
IV. Бланковые: (беззалоговые)	а) срочные, в) онкольные (контокоррент)

Из нашей классификации выпал фигурирующий в классификациях Обста и банкиров *акцептный кредит*. Но это сделано потому, что акцептная операция сама по себе есть не что иное, как *определенная форма кредитной эмиссии*, и как таковая она должна войти в классификацию форм пассивных операций, а именно эмитируемых фондов банковского кредитования. В качестве же активной операции акцепты хотя и фигурируют в форме самостоятельной статьи на балансах английских, немецких и французских банков, но по существу акцептная операция должна быть причислена ко II, III или IV группам в зависимости от того, требует ли банк при акцепте вещного залога (и какого именно — в виде ли ценных бумаг или товарных документов и т. п.) или не требует. В последнем случае это будет *бланковый кредит*, оказанный банком *трассату*. Что же касается *овального кредита*, понимаемого Обстом как кредитование под поручительство, то такой включен в IV группу, поскольку в этом случае нет ни товарно-вексельного, ни ломбардного обеспечения ссуды, но чисто финансовая гарантия платежа третьим лицом.

Кроме того, в нашей классификации не нашла себе места прививающаяся в новейшей банковской практике активная операция «учета книжных записей». Однако эта операция «учета долгов» вносит лишь чисто технические особенности по сравнению с учетом товарных векселей, и поэтому она может быть включена в I группу. Эта операция заключается в следующем. Допустим, промышленное предприятие А в договорном порядке выполняет крупный заказ капиталисту В. Согласно договору, этот последний оплачивает А стоимость заказа по окончании всей поставки. При каждой поставленной А партии товаров в книгах А появляется долг В на стоимость данной партии. Эта долговая запись и учитывается банком; по окончании поставки А производит расчет с В и одновременно погашает свой

долг банку по учету долговых записей. Но дело нисколько бы не изменилось в том случае, если бы *А* за каждую поставленную *В* партию товаров выставял бы на последнего тратту, каковая, будучи акцептованной *В*, учитывалась бы в банке. Таким образом по существу нет никакого различия между «учетом долгов» и учетом тех же долгов, выписанных на векселях, т. е. между «учетом векселей» и «учетом книжных записей». Но эта последняя форма, хотя и не выделяется нами в особую группу классификационной схемы, имеет серьезное значение в иной плоскости, а именно для взаимоотношений банка и клиентов. Не случайно, что эта форма стала распространяться лишь в эпоху финансового капитализма, ибо она дает возможность вмешательства банковского капитала в ход дел промышленных предприятий. Это совершенно очевидно из правил, устанавливаемых банками при «учете книжных требований». Так клиенты Deutsche Bank, пользующиеся этим видом кредита, «обязуются вести все свои банковые сношения только с Deutsche Bank, открывать ему свободный доступ к обозрению всех своих деловых операций, имеющих отношение к учитываемым требованиям» и т. д. ⁸.

Классический учет векселей все более вытесняется в эпоху монополистического капитализма контокоррентным бланковым кредитом и отчасти «учетом книжных записей», как дополнением к нему,—и обе эти формы, являясь порождением системы финансового капитала, в то же самое время создают почву для укрепления фактической унии банкового и промышленного капитала...

* * *

Спрашивается, в какой связи находится данная здесь классификация активных операций с нашей общей схемой реализации фондов банковского кредитования? Можно ли определить, в каких именно конкретных формах банковского кредита реализуются фонды денежного и капитального кредитования? Можно ли, например, сказать, что учет векселей и подтоварные ссуды—это денежный кредит, а фондовые и бланковые ссуды—это капитальный кредит? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны кратко проанализировать каждую форму в отдельности под интересующим нас углом зрения.

1. ВЕКСЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Общим признаком этих операций служит то, что в данном акте ссуды в распоряжении банка остаются векселя обязательно с двумя подписями на весь срок кредитования. Принципиально нет поэтому разницы между ссудой под залог товарных векселей и учетом этих векселей, что именуется на юридическом языке «досрочным освобождением валюты векселя». При ссуде также происходит это «досрочное освобождение валюты векселя». Учет—это не что иное, как срочная ссуда векселепредъявителю под залог векселя, при которой срок ссуды совпадает со сроком векселя. Поэтому с точки зрения условий погашения учет и срочная ссуда под залог векселей могут быть противопоставлены *контокоррентной ссуде* под векселя,—форма, применяющаяся главным образом при кредитовании центральным эмиссионным банком или вообще более крупными банками нижестоящих банков и дающая возможность для этих последних регулировать этим путем свои наличные резервы. Эта форма является производной, поскольку онкольную

⁸ Бухвальд, Техника банковского дела, пер. А. Каган-Шабшай, М. 1914, с. 29.

ссуду банк получает под векселя, ранее им самим учтенные для своих клиентов. Поэтому нам достаточно остановиться на основной и универсальной форме вексельных операций—дисконте векселей. Сущность этой операции и противоречия рассмотрены *Марксом* во многих местах III тома «Капитала», главным образом в связи с показаниями капиталистов перед парламентской комиссией⁹.

Маркс и *Энгельс* противопоставляли учет как ссуду денег займу, как ссуде капитала. Следовательно, теоретически учет,—это прежде всего ссуда денег или форма денежного кредита: «Получение векселей,—говорит *Маркс*,—это превращение товара в форму кредитных денег, как учет векселей—лишь превращение этих кредитных денег в другие деньги, а именно банкноты»¹⁰.

Но если общественная функция учета векселей—денежный кредит, как форма обращения, то это не значит, что при *всякой* сделке учета действительно осуществляется именно эта функция кредита. *Под формой учета могут скрываться процессы, противоречащие и исключающие функции денежного кредита, что подчеркивалось как Марксом, так и Энгельсом*¹¹. Это противоречие учета мы попытаемся здесь проанализировать...

Коклен был совершенно прав, утверждая, что «возможность продавать векселя, полученные взамен товаров, есть *необходимое* условие кредита», и это условие, как говорит далее *Коклен*, осуществляют банки¹². На этой возможности зиждется все здание коммерческого кредита и кредитной эмиссии. «Возможность продавать векселя»—это значит возможность их учитывать в банке, а последнее означает лишь превращение кредитной эмиссии из коммерческой в банковскую форму. Нормальные закономерности кредитной эмиссии имеют в качестве своей обязательной предпосылки наличие двух условий: 1) векселя действительно «товарные» или, как говорит *Коклен*, «полученные взамен товаров» и 2) движение этих товарных векселей в отношении их *валюты* и *сроков* соответствует реальным процессам товарообращения.

Но вексель сам по себе ничего не говорит о том, выполнены ли эти условия или нет. Как раз сама *форма векселя* исключает возможность положительного ответа на этот вопрос. Тем менее вексель дает представление а) о действительном характере товарной транзакции, в) о ценности продан-

⁹ См. т. III, ч. 1, с. 387, 397, 399, 410—417, 412; т. III, ч. 2, с. 18, 23 4, т.

¹⁰ Т. III, ч. 1, с. 413.

¹¹ *Маркс*: «Обыкновенный предприниматель дисконтирует, чтобы антиципировать денежную форму своего капитала и тем сохранить непрерывность процесса воспроизводства; не затем, чтобы расширить дело, или раздобыть добавочный капитал, а чтобы уравнивать кредит, который он дает, кредитом, который он получает. И если он станет расширять свое дело в кредит, учет векселей принесет ему мало пользы, так как учет есть только превращение уже находящегося в его руках денежного капитала из одной формы в другую; он предпочтет заключить заем на более длинный срок». Но это не исключает того, что «наездник кредита во всяком случае учет свои бронзовые векселя, чтобы расширить свое дело... чтобы получить в свое распоряжение чужой капитал» (т. III, с. 411). *Энгельс* также отмечает, что в форме учета векселей может осуществляться ссуда капитала именно «там, где вексель—бронзовый вексель, который отнюдь не представляет проданного товара» (т. III, с. 413). Правда, *Энгельс* дальше замечает, что такие векселя «не берет ни один банкир», но, как будет показано ниже, это не подтверждается новейшей практикой, например, английской, когда определенная категория бронзовых или финансовых векселей квалифицируется банками как наилучший учетный материал, и эти векселя даже предпочитают обычным коммерческим векселям.

¹² *Коклен*, О кредите и банках, с. 89.

ного товара и с) о сроке, необходимом для реализации этого товара конечным потребителям. Векселя—это не больше и не меньше, как *абстрактные* обязательства платежа определенной денежной суммы такого-то числа, в таком-то месте и такому-то лицу ¹³.

Абстрактная форма векселя вступает в противоречие с общественной функцией векселя при капитализме как основного инструмента коммерческого кредита. Уже из самой этой формы векселя вытекает деление векселей на «товарные» и «финансовые», экономическая природа и функции которых совершенно различны, что очевидно из всего предыдущего анализа.

Но из этого далее вытекают противоречия самого финансового векселя. Последний может быть учтен либо за счет фондов денежного, либо за счет фондов капитального кредитования. *В первом случае, как это вытекает из всего изложенного, учет будет действовать инфляционно*. Наконец, во втором случае финансовый вексель может виться либо средством займа дополнительного капитала, либо «займа денег» в том смысле, что заемщиком не является капиталист или занятые деньги в руках капиталиста не предназначены для капиталистического функционирования. В этих случаях фонд капитального кредитования расходуется как денежный кредит *вне сферы капиталистического кругооборота, в силу чего сокращается объем возможного капитального кредита при наличном фонде этого последнего*.

Не следует думать, что удельный вес финансовых векселей в общем объеме учетных операций современных депозитных банков ничтожен и что на этом основании можно игнорировать вообще эту категорию векселей. Энгельс в одном месте, правда, мимоходом заметил, что «бронзовые» векселя «не берет ни один банкир». Однако Маркс в III томе «Капитала» приводит целый ряд справок опытных практиков, которые говорят об обратном ¹⁴.

Если сами банкиры не в состоянии определить, где вексель представляет товар и где—«ветер», то тем паче и для теории нет никакого критерия, по которому можно было бы определить, какая, например, сумма из 7—7½ миллиардов марок, вложенных в среднем в векселях всей Германии в довоенное время ¹⁵, может быть отнесена на долю товарных и какая—на долю финансовых векселей.

Во всяком случае можно считать вполне доказанным, что в Германии форма вексельного учета широко применялась для финансирования промышленности ¹⁶. Несомненно также, что и в Англии в учетно вексельном обороте чрезвычайно широко распространены финансовые векселя и к тому же без всякой маскировки. Английская практика установила даже отличительные признаки для такого рода векселей: 1) они выписываются английскими коммерсантами на лондонские финансовые дома, с которыми они не могут иметь товарно-торговых сделок и 2) обычно в круглых суммах. Акцептируя такие векселя, Merchant-Bankers (купцы-банкиры) лишь облегчают для своих клиентов пользование *бланковым кредитом* в форме учета этих векселей либо на денежном рынке, либо прямо у крупных депозитных банков. Эти векселя

¹³ Шершеневич определяет вексель как «основанное на договоре и выраженное в строго определенной письменной форме одностороннее обязательство оплатить известную денежную сумму», при этом подчеркивается, что «вексель есть *абстрактное* обязательство» (см. «Учебник торгового права», М. 1919, с. 282, 283).

¹⁴ «Капитал», III, с. 387, 399.

¹⁵ Obst, Das Bankgeschäft, B. II, S. 256.

¹⁶ Ср. Prion, Das deutsche Wechseldiscontgeschäft, 1907, S. 46—47.

относятся к *Prima-Parer* (первоклассным) и учитываются по самой низкой учетной ставке ¹⁷.

Итак, финансовые векселя—это вполне обычный учетный материал депозитных банков. Но *это и не могло быть иначе*, поскольку всякий депозитный банк—это не только депозито-эмитирующий, но в то же время и депозито-аккумулирующий кредитный институт. А аккумулируемые депозиты служат фондом *капитального кредитования* и не только в оборотный, но и в основной капитал. Вот почему депозитные банки не имеют равным счётом никакого основания отказываться от учета финансовых векселей и использования формы учета даже для грюндерских целей. Это вполне закономерно, и что бы ни говорил *Thomas Hankey* о необходимости «отличать векселя от ипотек», не в интересах банков строго держаться за это различие на практике.

Итак, мы выяснили двойственную и противоречивую природу векселя и учетно-вексельной операции. Но если даже допустить, что банками учитываются исключительно товарные векселя (что более или менее правильно лишь в отношении учетного материала центральных эмиссионных банков, например, б. Австро-венгерского банка, где это правило строго соблюдалось), то этим еще не было бы устранено противоречие дисконта. Это вытекает из того, что вторая из установленных нами предпосылок кредитной эмиссии, а именно *точное соответствие* движения товарных векселей в отношении валюты и срока последних реальным процессам товарообращения, постоянно и необходимо нарушается.

Еще *Маклеод* высказал ту мысль, что из нескольких векселей, предъявляемых к учету за один и тот же товар, только один имеет характер обеспеченного ¹⁸. В самом деле: нет ничего нереального в том, что один и тот же товар может в процессе обращения неоднократно переходить из рук в руки, прежде чем он попадет к потребителям. Если, скажем, какой-либо товар стоимостью в 1 000 р. будет в процессе обращения продан в кредит под месячные векселя 10 раз, и все эти векселя будут учтены в банке, то в этом случае товарную форму капитала в 1 000 р. заменит денежная форма на 10 000 р. Между тем, если для действительного движения данного товара на пути к потребителю в обращение должно быть брошено денежных знаков, допустим, только на 1 000 р., то, следовательно, все 9 000 р. будут избыточными средствами обращения. Но они избыточны лишь как средства обращения наличного товарного капитала. В то же время они могут быть использованы для *авансирования* нового производительного капитала. Здесь вступает в силу общая закономерность кредита: если эти векселя на 9 000 р. учтены за счет аккумулированных фондов кредитования (стабилизовавшихся депозитов), то не произойдет ни частной, ни общей инфляции. Однако, так как банки обычно рассматривают вексельный учет как чисто денежный кредит и широко пользуются для этого эмитируемыми фондами, то инфляционное (частное или общее) влияние учета товарных векселей вполне возможно.

¹⁷ Если обычные коммерческие векселя учитывались до войны из 4—4 $\frac{1}{2}$ %, в провинции из 5—6%, то *Prima-Parer*, к которым относятся и указанные в тексте векселя, учитывались обычно из 3—3 $\frac{1}{2}$ % (*Jaffe, Das englische Bankwesen, S. 207.*)

¹⁸ *Маклеод*, Основания политической экономии, пер. Веселовского, с. 258. Это было доказано также *Дж. Ст. Миллем*—см. Основания политической экономии, пер. Чернышевского, 37.

Можно, конечно, и возразить, что взятый нами пример—нереален. Ведь с прибылью товар может продаваться, только проходя известные инстанции: например, от промышленника к оптовому купцу центрального рынка страны, от этого последнего к районному оптовику и, наконец, к розничнику, и в каждом случае появление векселя и его срок отражают реальные процессы товарообращения. В то же время на одной и той же инстанции товарообращения, повидимому, невозможно несколько сделок купли-продажи. Это, конечно, правильно, но только в том случае, если *цены стабильны* и нет повышательных тенденций. Но период подъема, период интенсивного роста цен всегда связан с оживленной *товарно-торговой спекуляцией*, а при этой последней как раз и имеют место многократные акты купли-продажи на одной и той же инстанции товарообращения и конкретнее—на одной и той же *товарной бирже*. Таким образом целью учета может быть, и это постоянно имеет место на практике, извлечение из банков денег для биржевой товарной спекуляции, но отнюдь не для реального и необходимого товарообращения.

Далее, опять-таки в период подъема деньги могут извлекаться из банка путем учета для косвенного или непосредственного финансирования *грюндерства*. Пользование в этих целях формой учета имеет вполне резонное основание в относительной дешевизне вексельного учета по сравнению с другими формами финансирования. Такие случаи, «когда векселя выписывались не потому, что был куплен товар, а товар покупали для того, чтобы дать возможность выписать вексель, годный для учета, для превращения в деньги»¹⁹, и таким путем раздобыть капитал, неоднократно отмечались Марксом. Для финансирования (в форме, напр., купли акций и облигаций) дополнительный капитал может быть извлечен из банков в форме учета векселей через *простое удлинение сроков векселей* и совершенно независимо от приведенного примера—учета векселей в товарно-спекулятивных целях.

Допустим, что товар проходит через указанные выше четыре стадии обращения: производительный капиталист *A*, оптовик № 1—*B*, оптовик № 2—*C*, розничники—*D*. Допустим, что срок, в течение которого *B* может реализовать этот товар ряду мелких районных оптовиков *C*, равен 15 дням; срок для реализации *C* розничникам *D*—тоже 15 дням и, наконец, срок для окончательной реализации *D*—30 дням. Всего таким образом по реализации этого товара необходимо 2 месяца. Нормально в этом случае тратта *A* на *B* должна быть выписана на 60 дней, *B* на *C* на 45 дней и *C* на *D* на 30 дней, и по истечении 60 дней все тратты, учтенные в банке, были бы погашены, а товарообращение завершено. Но для *A* нет никакой необходимости кредитовать *B* именно на 60 дней, а не на несколько больший срок, ибо предполагается, что деньги могут быть немедленно же по совершению продажи получены из банка путем учета; банк, буд это даже такое «принципиальное» учреждение, как б. Австро-венгерский банк, не имеет основания отказать в учете, ибо вексель безусловно «здоровый», согласно *banking principle*. Эмиссионный банк, конечно, не имеет возможности точно проконтролировать действительные сроки товародвижения, а депозитные банки вообще в этом не заинтересованы, ибо учетный процент они получают независимо от того, сколько времени товар будет находиться в обращении. Поэтому во всей этой системе равным счетом ничего не изменится от того, что *A* выпишет тратту на *B* не на 60, а на 90 дней, *B* на *C* не на 45, а на 60 дней и *C* на *D* на 45 дней.

¹⁹ Marx, Das Kapital. III, Aufl. 4, Hamburg 1922, S. 395.

Предполагая, что последующие партии товаров реализуются в том же порядке, т. е. что наличные не нужны, *В* будет располагать свободными деньгами в течение 30 дней, *С*—в течение 15 дней и *Д*—в течение 15 дней. При движении следующей товарной партии свободные деньги у *В*, *С*, *Д* удваиваются и т. д. до тех пор, покуда система прочна. На денежном рынке оседает, таким образом, *новый свободный денежный капитал*, который без опасений может быть вложен, например, в *эффекты*, представляющие, как будет показано ниже, *форму «финансирования» капиталистических предприятий*.

Заемщики становятся займодавцами. Эта метаморфоза совершилась благодаря простому учету «здоровых» товарных векселей. Таким образом чисто *капитальный кредит*, который должен был бы быть получен путем бланкового кредита или облигационного займа, здесь оказан в форме *учета векселей*. А так как учет векселей обычно служит формой реализации банковских эмиссионных фондов (банкнотных и депозитных) то, следовательно, за счет этих последних оказан капитальный кредит,—противоречие, в результате которого неизбежна—*инфляция*, и эту неизбежность не могут предотвратить самые строжайшие нормы *banking principle*.

Торнтон в свое время сделал следующее смелое заявление, компрометирующее товарные векселя: «Я полагаю,—говорит Торнтон,—что гипотеза, утверждающая, будто бы реальные векселя представляют собой имущество, а фиктивные векселя не представляют его,—что эта гипотеза слишком преувеличивает достоинство реальных векселей и слишком унижает фиктивные»^{19*}.

Заявление Торнтон, безусловно, не лишено серьезного основания, поскольку всегда налицо условия, превращающие самый «реальный вексель» в чистейшую фикцию!

2. ПОДТОВАРНЫЕ ССУДЫ

Сюда мы относим все те банковские активные операции, при которых гарантией платежа по ссуде служит залог либо товара (на складе клиента или банка), либо товарного документа (варранты, коноссаменты, дубликаты и пр.). К последней форме примыкает широко распространенная в русской практике, особенно в хлебной и сырьевой торговле, так называемая *товарная аккредитивная операция*.

В международной торговле товарно-аккредитивная операция связана с интервалютарными операциями в форме акцептов и известна под названием *рамбурсного кредита*, но рассматривать эту усложненную форму товарного аккредитива для нас нет надобности...

Поскольку реализация товаров связана с более или менее длительным его транспортированием, форма товарного аккредитива, в которой сочетаются кредитная и комиссионная операции, более рациональна и удобна, чем форма обычного вексельного учета. Кроме того, эта форма имеет положительное значение и для реализации банковских эмиссионных фондов, ибо *здесь, повидимому, исключается возможность получения из банка денег сверх того, что необходимо для реального товародвижения: срок кредитования соответствует в точности сроку движения товара из пункта В в пункт А*.

^{19*} Цит. по Дж. Ст. Миллю, Основания политической экономии, пер. Чернышевского, с. 38.

Теперь рассмотрим *основную форму подтоварного кредита*: ссуду под залог товаров на складе клиента или банка. С точки зрения теоретического анализа, эта форма наиболее сложна. Она прежде всего должна быть противопоставлена таким формам, как учет товарных векселей, товарный аккредитив, ссуды под залог транспортных документов, ибо в отличие от всех этих форм при подтоварной ссуде товар *извлекается из обращения* и консервируется на товарном складе.

Но цели такого консервирования могут быть различные и в основном двоякие: временное консервирование может быть, вынуждено чисто *производственными* условиями или *рыночными условиями*.

Производственные условия, вынуждающие консервировать товар на складе, обычно связаны с *естественными процессами*, которые не требуют никакой или почти никакой технической обработки. Так, всегда необходимо значительное время для сушки табака, фруктов, овощей и т. п. Особенное значение этот момент имеет в области виноградарства и виноделия. Известно, что высшие сорта вина суть «выдержанные», следовательно, отлежавшиеся на складе в течение ряда лет, а иногда десятка лет. И вот это самое «выдерживаемое вино», которое, между прочим, «убедило» Маклеода в ложности трудовой теории ценности, может, конечно, стать объектом подтоварной ссуды, что и имеет место в действительности. Если под это вино выдана банком ссуда, в размере, скажем 75% рыночной стоимости этого вина в данный момент, то следует ли рассматривать эту ссуду как *ссуду денег* или как *ссуду капитала*?

Энгельс в своих примечаниях к I-й части III тома «Капитала», не имея в виду взятый нами пример, рассматривает подтоварную ссуду *вообще* как ссуду денег на том основании, что клиент получил от банка сумму денег, равную или даже меньшую (у нас 75%), чем тот его капитал, который он передал банку. Но в данном случае этот момент не играет никакой роли: ведь клиент лишь *заложил* свой полуфабрикат. Если даже этот последний консервируется на складе, то, будь это вино или табак, данный полуфабрикат *продолжает находиться в процессе производства*, каковой ведь не закончен до тех пор, пока товар не стал годным для потребления. Следовательно, лишь *номинально* капитал клиента передан банку: в действительности же этот капитал продолжает оставаться в форме *производительного капитала*. Полученные же в ссуду деньги являются *дополнительными* по отношению к капиталу, которым располагают производители вина и табака. Этой ссудой они не реставрируют денежную форму ранее авансированного им капитала, но получают дополнительный капитал, следовательно, им *авансируется новый капитал в денежной форме*, который в зависимости от условий ссуды может пойти на расширение либо оборотного, либо основного капитала винодельческого предприятия.

Этот вид кредита, несмотря на различия в срочности ссуды, близок по своей природе *ипотечному кредиту* (который вообще вне поля нашего анализа), каковой несомненно является *формой ссуды капитала*, ибо заложенным в банке имуществом продолжает пользоваться должник, который сверх своего капитала получает у банка дополнительный капитал по ипотеке.

Другое дело, если то же самое вино или табак в недоработанном виде *реализуются*, вступают в обращение; но подтоварная ссуда как раз исключает *реализацию*, каковая при посредстве кредита может быть совершена в обычной форме учета векселей. Ясно, что если источником такого рода

подтоварных ссуд служат эмитируемые банковские фонды, то инфляционное влияние этих ссуд—возможно.

Теперь нам остается рассмотреть подтоварную ссуду спекулятивную. Товар закладывается в банке, «чтобы выдержать цену». Если большая часть рыночного запаса заложена в банке, то это, конечно, сокращает предложение и гонит цены вверх даже при неизменном предложении. Между тем, само сокращение предложения стимулирует спрос, и именно торгово-спекулятивный спрос, ибо всякий хочет использовать благоприятную рыночную конъюнктуру. Банк таким образом играет активную роль в расширении товарной спекуляции.

«Вмешательство банковского капитала опять-таки дает как спекуляции, так и торговле, возможность расширить свои операции»²⁰. При наличии развитой биржевой системы и возможности в любое время реализовать объекты биржевой спекуляции—стандартные товары—банк, который к тому же никогда не выдает подтоварные ссуды в размере полной рыночной стоимости закладываемых товаров, имеет возможность пользоваться для этих операций своими текущими «онкольными» средствами... «Наличность биржи,—говорит Гильфердинг,—с ее бесконечной цепью актов купли-продажи, составляющих содержание спекуляции, обеспечивает банку возможность во всякое время реализовать его деньги. Деньги не закрепляются, остаются для банка денежным капиталом, по-банковски вложенным капиталом, и потому приносят только проценты»²¹.

Однако подтоварные ссуды, задерживая реализацию, сокращая быстроту товарного обращения, оказывают ценоповышающее влияние даже независимо от того, за счет какого фонда выдаются подтоварные ссуды. Если это эмитированный фонд, то очевидно, что в этом случае его реализация не связана с осуществлением специфических функций денежного кредита, и следовательно, эти подтоварные ссуды могут влиять инфляционно. Если же это аккумулированный фонд, то этот фонд опять-таки не используется в сфере капитально-производительного кредита, но идет в сферу товарной спекуляции. Таким образом, в этом последнем случае, аналогично некоторым другим, выше рассмотренным случаям, благодаря подтоварным ссудам *сокращается объем капитального кредита в отношении к фонду капитального кредитования*.

Хотя для заемщика-спекулянта занятые у банка деньги являются капиталом, при посредстве которого он совершает свои спекулятивные обороты, но с общественной точки зрения этот ссуженный капитал используется как деньги и при этом не в их специфической функции товарообращения, но наоборот, для *торможения* этого процесса и «разводнения» денежного обращения. Таким образом здесь интересный случай, когда даже капитальный кредит превращается в денежно-инфляционный, а кредит—вообще при подтоварных ссудах—из формы обращения становится формой торможения этого процесса.

Далее, подтоварный кредит, действуя инфляционно, стимулируя повышение цен²², вместе с тем содействует созданию высокой конъюнктуры: растущие цены, поощряя грюндерство, тем самым все более повышают

²⁰ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 172.

²¹ Там же, с. 172.

²² Мы таким образом рассматриваем спекулятивное повышение товарных цен, как *кредитно-инфляционное*. Это имеет объективное основание в том, что спекулянты почти всегда «работают» на заемные, т. е. ссуженные банком средства.

спрос на капитальный кредит. Этот повышенный спрос банки не в состоянии удовлетворить депозитной аккумуляцией и, как было показано выше, фонды денежного кредита все более энергично направляются по руслу капитального кредита, что еще более усиливает инфляционный процесс и общую повышательную волну конъюнктуры.

При этих условиях и *товарные аккредитивы* могут быть использованы для расширения спекуляции. Клиенты банка стараются *оттягивать* выкуп товарных документов, и таким образом товарный аккредитив превращается в подтоварную ссуду на более или менее длительный срок. Если же товар выкупается, то он немедленно же может быть брошен в спекулятивный оборот либо при посредстве товарных ссуд, либо в форме тех многократных актов биржевой купли-продажи и учета возникающих из этих актов векселей, о чем шла речь в § 1 настоящего раздела.

Однако во многих случаях подтоварные ссуды выполняют функцию *выравнивания цен*. Это относится не к динамике промышленного цикла, но к *сезонным колебаниям цен*, каковым подвержен в наибольшей мере рынок сельскохозяйственных товаров.

В период реализации урожая всегда происходит резкое понижение цен, и подтоварные ссуды, в этом случае сокращая объем предложения в горячий момент хлебной и сырьевой кампаний, тем самым удерживают цены от катастрофического для производителей падения. Благодаря этому *сокращается амплитуда сезонных колебаний цен этих товаров*, и, кроме того, значительная часть производителей имеет возможность реализовать свой урожай позднее и получить, если не спекулятивную, то вполне нормальную цену. Впрочем, обычно выгодами банковского подтоварного кредита в этом случае пользуются не сами производители, но хлебные и сырьевые торговцы...

Итак, подтоварные ссуды, с одной стороны, в пределах сезонных колебаний уравнивают цены, а с другой стороны, в течение промышленного цикла содействуют *разрыву* цен между его исходной и кульминационной точками. В одних случаях они *создают*, в других—*предотвращают* спекуляцию... При одном характере подтоварных ссуд этим путем *расширяется* капитальный кредит и объем производства, при другом—*сокращается* объем возможного капитального кредитования и раздувается объем денежного обращения.

Таково многообразное и противоречивое содержание экономических процессов, скрытых за столь повидимому тривиальной формой, как подтоварное кредитование.

Общий же вывод из анализа обеих этих форм—вексельного и подтоварного кредитования—сводится к тому, что столь распространенное в общей и специальной литературе механическое причисление этих форм банковского кредита к так называемым «краткосрочным» и «регулярным» операциям совершенно бессодержательно*. Те противоречия, которые скрыты за этими элементарными формами, органически включаются в общую си-

* То, что в форме краткосрочного кредита может осуществляться долгосрочный кредит, признает и Прион «Когда предъявляются требования со стороны промышленности на капитальный кредит, и банки его ей предоставляют, они прибегают к формам, выработанным для краткосрочного кредита... Для оценки политики банков и общего состояния кредита важно знать, какие размеры приняло предоставление долгосрочного по существу и краткосрочного по форме кредита» (см. сб. НКФ, «Кредит и банки», 1929, с. 40, курсив наш—З. А.).

стему противоречий капиталистического строя, и их действие вполне ощутимо в реальном движении капиталистической конъюнктуры. Развитие этой последней, конечно, не обусловлено только одними «денежно-кредитными факторами», как считает распространенная в наши дни экономическая доктрина. Но эти «факторы», являясь порождением имманентных закономерностей капиталистической динамики, в то же самое время влияют на эту последнюю, усиливая развитие противоречий капиталистической системы в целом... Этот тип взаимодействия—обычный для всякой вообще системы.

3. «ЭФФЕКТНЫЕ ОПЕРАЦИИ»

Сюда относятся: а) покупка банком ценных бумаг за свой счет и б) ссуды срочные и онкольные под залог ценных бумаг, с) репорт. В этой же связи должна быть рассмотрена д) комиссионная операция банков по реализации ценных бумаг, так называемая «эмиссия» (ценных бумаг).

Рассмотрим каждую из этих форм в отдельности.

а) покупка ценных бумаг за счет банка

«Ценные бумаги» суть *фиктивный капитал*, общую теорию которого мы не можем здесь рассматривать и ограничиваемся ссылкой на *Маркса*²³ и *Гильфердинга*²⁴. Для нас важно различие государственных процентных бумаг, с одной стороны, и акций и облигаций капиталистических промышленных предприятий—с другой.

Мы совершенно согласны с *Беккератом*, который акционерную форму финансирования считает *кредитной*, рассматривая ее как «Kredit gegen Ertragsbeteiligung» («Кредит за участие в доходе»)²⁵. Покупая акции и облигации промышленных предприятий за счет собственного капитала или стабилизовавшихся аккумулированных депозитов, банк оказывает в данной форме *капитальный кредит* акционерному предприятию.

Но кто является владельцем этого номинально «безличного» предприятия и, следовательно, заемщиком? Ответ может быть только один: тот капиталист или та группа капиталистов, которые владеют «*контрольным пакетом*» акций.

Покупка банком акций какого-либо предприятия может рассматриваться как кредитная операция лишь постольку; поскольку эта операция не нарушает «суверенитета» самого предприятия, т.е. контролирующей последнее группы капиталистов. За этим пределом, т.е. когда благодаря скупке акций какого-либо предприятия контрольный пакет переходит в руки банка, *эта операция теряет кредитный характер*. Роли меняются: банк становится фактическим собственником предприятия, а бывшие его владельцы, если они оставили у себя некоторую часть акций,—кредиторами банка. Скупка акций является одной из важнейших форм общеизвестного «сращения» банковского капитала с промышленным. В этом случае объединенному банковско-промышленному капиталу противостоит разрозненная масса мелких кредиторов, которые в форме депозитов и акций финансируют этот объединенный капитал.

²³ *Маркс*, *Капитал*, т. III, ч. 2, гл. XIX и XXX.

²⁴ *Гильфердинг*, *Финансовый капитал*, отд. II, гл. VIII—X.

²⁵ *Beckerath*, *Geldmarkt und Kapitalmarkt*, S. 62.

Итак, лишь до известной точки, когда «количество переходит в качество» (кредитование предприятия превращается во владение таковым), покупка акций может рассматриваться как активная кредитная операция, как форма капитального кредита и именно *грюндерского кредита*. Но в пределах этой «точки» данная форма капитального кредита имеет свои особенности. В случае, например, прямой долгосрочной ссуды в основной капитал, что немецкие банки открыто показывают в своих балансах под статьей «*Dauerende Beteiligung*» («длительное участие»), ссуженные деньги прочно закреплены в предприятии и не могут быть из него извлечены по желанию банка. Если предприятие благодаря такой ссуде попадает в зависимость от банка, то не менее верно и обратное—банк оказывается в зависимости от предприятия, и отсюда необходимо должна установиться так называемая «взаимность интересов».

Иные отношения устанавливаются между банком и предприятием в случае финансирования в форме скупки акций. Здесь отсутствует *прямая связь* между банком и предприятием. Более того: последнее даже может не знать, что его кредитует данный банк. Анонимность кредиторов и раздробленность кредитованной суммы в сравнительно мелких купюрах фиктивного капитала создает возможность для субъектов этого капитального кредита в любой момент отказаться от своих прав, как кредиторов, и извлечь кредитованный капитал. Для банка это как бы *онкольная*, а не *срочная*, а тем паче—*долгосрочная ссуда*. Но разница между этой формой и обычной онкольной ссудой та, что право *at call* («по требованию») кредитор имеет не к должнику, но к *обществу*, точнее, к *денежному рынку*, который всегда это право удовлетворяет (если акции не дутые), ибо на денежном рынке постоянно, хотя и в переменном объеме, предлагается ссудный капитал.

В этой своеобразной «онкольности» данной формы капитального кредита заключено ее противоречие. В случае прямого долгосрочного кредитования (в основной капитал) предприятия банком, последний может пользоваться для этого лишь *определенной частью* фондов капитального кредитования, а именно *твердо стабильными депозитами*. Как другой частью фонда капитального кредитования (временно-стабильными депозитами), так и фондом денежного кредитования (т. е. эмиссией) банк не может пользоваться, ибо он не будет в состоянии удовлетворить требования по текущим счетам за счет обратного притока кредитованных сумм, поскольку таковые в этом случае отсрочены на ряд лет.

Иное дело при капитальном кредите в форме покупки акций. Здесь эти требования могут быть встречены в любой момент путем простой продажи акций на денежном рынке. Поэтому, хотя покупка акций является *формой капитального кредита в основной капитал*, однако этот кредит может питаться как *аккумулярованными*, так и *эмитированными депозитами*. Другое дело, что в результате этого возможно и даже неизбежно нарушение равновесия кредита. Если банк слишком увлекся этой операцией, то, в случае усиленных требований по текущим счетам, он неизбежно сам вырвет для себя могилу тем, что, производя массовую и экстренную реализацию своих эффектов, сразу же собьет цену последних.

Однако если вообще промышленные и торговые дела идут вполне «гладко» и «в гору», то при известной осторожности банк может избегнуть краха. Инфляционное кредитование промышленности в этой форме наряду с прочими формами (о чем ниже) содействует прогрессирующему росту цен, прибылей, а, следовательно, и курсов акций. При такой конъюнктуре

и при наличии «круговой поруки» между депозитными банками и этими последними и центральным эмиссионным банком, попавший в трудное положение банк сможет воспользоваться временным кредитом у других банков для того, чтобы реализовать портфель своих эффектов без катастрофы.

Но это вообще сохраняет силу в отношении всех форм инфляционного кредитования: вплоть до момента генерального взрыва противоречий нарушенное равновесие актива и пассива каждого банка может быть заново внутри, и как раз в тот момент, когда указанное противоречие достигает наибольшей силы, сохраняется видимость наибольшего благополучия и расцвета.

Но если в форме покупки акций расширяются возможности капитального кредитования—грюндерства—за пределы соответствующих этому кредиту банковских пассивных фондов, то в форме покупки государственных, городских и т. п. не-промышленных ценных бумаг, наоборот, *сокращается* объем возможного капитального кредитования, поскольку в этом случае не происходит действительного вложения капитала в производительные капиталистические предприятия. И именно это противоречие, как было указано выше, в числе прочих дает объективное основание для нарушения основного банковского закона—соответствия по характеру и объему активных операций пассивным фондам.

б) и с) срочные и онкольные ссуды под залог ценных бумаг и репорт

Хотя репорт-депорт²⁶ юридически есть сделка купли-продажи, однако экономически эта операция совершенно тождественна *срочной ссуде под залог ценных бумаг*. В самом деле: при репорте банк покупает по данному биржевому курсу ценные бумаги за наличные в данный момент и одновременно обязуется продать через обусловленный срок те же бумаги тому же лицу. При этом продажная цена банка не связана с курсовой разницей. При репорте разница между покупной и продажной ценой банка определяется исключительно двумя моментами: а) нормой процента по данной операции и б) сроком, отделяющим момент покупки от момента продажи. При репортной операции спекулирует *клиент*, но не *банк*, ибо банк только вкладывает свои средства на этот срок и извлекает их плюс обычный процент. Следовательно, колебания курса не затрагивают банк: он всегда получает барыш²⁷. Зато клиент может при репортной сделке: а) выиграть, б) проиграть и с) сохранить status quo. Выигрывает он в том случае, если положительная курсовая разница в его пользу выше уплаченного банку процента; проигрывает в двух случаях: если эта разница ниже уплаченного процента или если курсовая разница оказывается отрицательной для него и, наконец, сохраняет status quo, если положительная разница равна проценту, уплаченному банку. Юридически при репортной сделке ценные бумаги переходят в собственность банка²⁸, но так как через известный срок банк

²⁶ Депорт—обратное репорту. Репортная операция банка является депортной для клиента и наоборот.

²⁷ При внезапном и катастрофическом обесценении репортированных эффектов клиент, конечно, не воспользуется своим «правом» обратного их выкупа, и убытки лягут на банк.

²⁸ О репортных операциях см. *Razumeck*, Das Kreditgeschäft im Bankbetriebe, Berlin. 1923. В. I, S. 58; *Зак и W. Prion*, статьи во II томе «Банковской энциклопедии» под ред. Яснопольского. Киев. 1917; *Гильфердинг*, Финансовый капитал, гл. VIII.

обязан продать эти ценные бумаги тому же клиенту, то этот юридический момент в данной плоскости анализа не вносит по сравнению с срочными ссудами под залог ценных бумаг никаких существенных экономических отличий²⁹.

В силу этого мы можем объединить экономический анализ репортных операций с анализом ссуд под ценные бумаги, тем паче, что как этими ссудами, так и репортом в биржевой практике пользуются для одних и тех же целей.

Совершенно правильно утверждение проф. З. С. Каценеленбаума, что банки при посредстве ссудных операций с ценными бумагами направляют свои средства на пополнение основных капиталов промышленных предприятий³⁰. Это положение вполне подтверждается практикой европейских банков. Но в то же время это положение правильно лишь «вообще». Так, противопоставление проф. З. С. Каценеленбаумом операций с ценными бумагами, обслуживающими этого рода капитальный кредит, вексельным операциям, обслуживающим обращение³¹, может быть принято лишь с большой оговоркой. Мы уже показали, что если не игнорировать противоречий вексельного учета, то следует признать, что и в этой форме может осуществляться того же типа капитальное кредитование, как и в форме ссудных операций с ценными бумагами. Но несомненно, конечно, что связь этой последней формы с капитальным кредитом (в основной капитал) более ясна и непосредственна, чем формы вексельного учета.

Сказать, что репорт и ссуды под ценные бумаги (наряду с их действительной покупкой) служат формой капитального кредитования, — еще недостаточно. Нужно выяснить еще *специфические* противоречия этой формы. Они вытекают из особенностей той сферы, которую обслуживает этот кредит. Сфера же эта главным образом — биржевая спекуляция эффектами.

Поскольку само появление акций и облигаций является результатом кредитной сделки, постольку ссудные банковские операции с акциями и облигациями являются *надстрочными* кредитными сделками или кредитными операциями, так сказать, второго порядка. Совершая эти операции, банк опирается с уже *совершившимся актом кредитования*, точно так же, как переучет векселей, как кредитная сделка, базируется на уже совершенном кредитном акте — учете векселей, а эта последняя в свою очередь базируется на первичном кредитном акте — товарной продаже в кредит (коммерческом

²⁹ Однако этот юридический момент имеет важное экономическое значение, но в иной плоскости. Ввиду юридической формы купли при репортной сделке ценные бумаги переходят в собственность банка до момента их обратной продажи. Но благодаря этому банк, расширяя репортные операции (понижением процентной ставки), имеет возможность к моменту общего собрания акционеров сконцентрировать в своих руках контрольный пакет акций и стать на время фактическим хозяином предприятия. Таким путем банки имеют возможность удерживать влияние на промышленные концерны без того, чтобы иммобилизовывать большие средства, и при сравнительно небольших средствах контролировать предприятия, капитал которых во много раз больше собственных и заемных средств банка, вместе взятых. Ср. *Гильфердинг*, Финансовый капитал, Гиз, 1923, с. 163. Филиппович, кроме того, отмечает, что репортная политика служит также важным подсобным орудием банковской эмиссии эффектов: понижая репорт, банки развивают спекуляцию на повышение, чем и создаются благоприятные условия для новой эмиссии эффектов (*Philippovitch*, — *Grundriss der politischen Ökonomie*, Bd II, Theil 2, S. 181).

³⁰ Проф. З. С. Каценеленбаум, Учение о деньгах и кредите, ч. 2, изд. 2-е, с. 218.

³¹ *Ibidem*, S. 219.

кредите). Как в этом последнем случае мы должны исходить из первичной формы, так и в насто~~ящем~~ анализе мы будем следовать тому же методу.

Поскольку акции и облигации выброшены на рынок и реализованы, постольку этим данный акт денежно-капитального кредитования завершен: грюндеры получили авансом будущую предпринимательскую прибыль в форме *учредительного барыша*, а держатели акций приобрели специфический кредитный документ—право на доход, капитализация которого определяет «стоимость» этого фиктивного капитала. Дальнейшее движение этого последнего, его своеобразное «обращение», переход из рук в руки не имеет никакого отношения к действительному процессу *товарного обращения*, а тем паче к производству, следовательно, *это процесс, независимый от процесса воспроизводства капитала*³². И это самый важный момент: банк, участвуя в процессе *движения* этого фиктивного капитала, отнюдь не регулирует обращение, как таковое.

В том случае, когда банк покупает на «фондовом рынке» акции, он просто замещает собой кредитора данного акционерного предприятия. Он превратил свои деньги в фиктивный капитал, а владелец акций свой фиктивный капитал—в деньги, дальнейшее движение которых всецело зависит от усмотрения их владельца³³. Хотя эта сделка не изменяет величины функционирующего капитала (это имеет место только в том случае, если банк купил до этого еще нереализованные, следовательно, впервые эмитируемые акции), но несмотря на это покупка акций, как уже было указано, есть *капитальный кредит*, перенесенный продавцом акций на плечи банка. Этот кредит вступает в противоречие с тем фондом, из которого черпаются средства для этой операции. Более сложное отношение в случае ссуды под ценные бумаги. Анализируя эту операцию, Энгельс находит, что в этом случае «он (клиент банка—З. А.) получил платежные средства, в которых он нуждается, но не дополнительный капитал, потому что он отдал банку большую капитальную стоимость, чем та, какую получил от него. Но, с одной стороны, он не мог воспользоваться этой большей капитальной стоимостью для своих потребностей текущего момента, как средством платежа,—потому что эта капитальная стоимость была затрачена в определенной форме с целью получения процента; с другой стороны, у А были свои основания не превращать этой стоимости в платежные средства путем продажи³⁴». Это бесспорно так, с точки зрения клиента банка, с которой Энгельс рассматривает настоящую операцию. Клиент банка не получил *дополнительного* капитала, но лишь превратил свой собственный капитал из одной формы (фиктивного капитала) в другую форму (денежного капитала), а банк совершил обратное превращение. Однако, если банк этой операцией не ссудил капитала, то в то же время он не ссудил и *средств обращения*, ибо ссуда под ценные бу-

³² Это игнорируется обычно специалистами-практиками биржевого и банковского дела:

«Реальной, действительной считают они тогда всякую операцию, идет ли дело о продаже титулов доходности или о продаже товаров: надо только, чтобы бумаги или товары действительно передавались из рук в руки. Они совершенно игнорируют тот факт, что обращение фондов совершенно безразлично для обмена веществ в обществе, между тем как обращение товаров—условие его жизни» (*Гильфердинг*, Финансовый капитал, с. 189).

³³ «При продаже акций для индивидуального капиталиста совершается обратное превращение фиктивного капитала (который в свое время был превращен в промышленный капитал) в денежный капитал» (*Гильфердинг*, Финансовый капитал, с. 168).

³⁴ *Маркс*, Капитал, т. III, ч. I, с. 441.

маги сама по себе, в отличие от учета товарного векселя, отнюдь не говорит о том, что полученные заемщиком деньги выполняют функцию средства обращения. Что же ссудил банк? Чтобы эту тайну разгадать, мы должны теоретически представить эту ссудную сделку как акт временной купли-продажи, что практически и имеет место в форме *репорта*: банк покупает у своего клиента акции сегодня и продает их ему же через месяц. Что же касается покупки акций, то с содержанием этого процесса мы уже знакомы. Этой операцией банк принимает на себя тот капитальный кредит, который ранее был оказан предприятию владельцем акций. Следовательно, ссужая клиенту деньги под залог акций, банк не дает этому последнему дополнительного капитала, в чем совершенно прав Энгельс, но временно освобождает его от капитального кредита, который в свое время клиент оказал акционерному предприятию. Клиент отказывается от своей роли кредитора в пользу банка; он превращает этой сделкой свой капитал в первоначальную форму денежного капитала, а банк закрепляет свой денежный капитал в форме фиктивного капитала. Следовательно, ссуда под залог акций есть не капитальный кредит, оказанный клиенту банком (здесь просто сделка купли-продажи на срок), но капитальный кредит, переуступленный клиентом в пользу банка. *Поэтому, если выйти из круга взаимоотношений между банком и клиентом, то следует рассматривать всю ту сумму средства, которую банк вложил в промышленные акции и облигации как находящиеся в портфеле собственных ценных бумаг, так и в залоговом и репортном портфелях—как капитальный кредит, оказанный банком акционерным предприятиям, эмитировавшим в свое время эти эффекты.*

Так решается этот спорный вопрос, и вместе с тем это решение ни в коей мере не противоречит тому, что, как установил Энгельс, акт ссуды под ценные бумаги есть с точки зрения взаимоотношений клиента и банка сделка купли-продажи, *изменение формы капитала, а не аванс капитала*. Этот последний момент имеет первостепенное значение под углом зрения нашего анализа, т. е. противоречий форм банковского кредита. Поскольку репорт, а также срочные и онкольные ссуды под ценные бумаги суть *краткосрочная* банковская операция, и к тому же обеспеченная ценностью, имеющей более или менее устойчивую цену и способность к сбыту, постольку для банка нет надобности ограничивать себя в этих операциях той определенной частью фонда кредитования, которая по нашей схеме служит источником капитального кредита. А отсюда—неизбежность того нарушения кредитного равновесия, с которым мы уже сталкивались при анализе других форм банковского кредита. Мы стараемся ближе рассмотреть противоречие данной формы...

Для чего вообще *ломбардируются* или *«репортируются»* капиталами ценные бумаги? Общая цель, конечно, реставрирование денежной формы первоначального авансированного и закрепленного в ценных бумагах денежного капитала. Что касается производительных капиталистов, то для таковых эти ценные бумаги, поскольку они находились в предприятии, были не чем иным, как *резервным капиталом*. И если в известные моменты появляется надобность в таковом, то резервный капитал, находящийся в данной форме, должен быть превращен в форму денег, чтобы выполнить свою функцию. Поскольку это временная потребность в денежной наличности, постольку капиталисту нет надобности вообще реализовать ценные бумаги, и он ограничится простой срочной или онкольной ссудой. Когда же надобность в деньгах миновала, эффекты выкупаются у банка и снова переходят в резерв.

Но эффекты—это не только денежные резервы производительных капиталистов—они служат объектом самостоятельной предпринимательской и в то же время совершенно непроизводительной деятельности—*биржевой спекулятивной торговли*. Главная часть ссудных операций с ценными бумагами направлена именно в эту сферу в форме *репорта и онколя*.

Мы не можем здесь анализировать функции биржи вообще и «фондовой»—в частности. Напомним только, что это такая сфера торговли, конъюнктурные колебания которой хотя в конечном счете и детерминируются состоянием производства и товарного обращения, но в каждый данный момент могут не зависеть от этих последних. «Биржа есть рынок,—говорит Гильфердинг,—для этого обращения собственности, взятой сама по себе»³⁵ (неуклюжий перевод: нужно сказать «собственности, как таковой»—З. А.). Собственность на товар или капитал нельзя смешивать с самим товаром или капиталом, и, следовательно, обращение собственности не есть обращение товара или капитала—это обращение своеобразного «товара» или иррациональной формы капитала—титула собственности, права на прибавочную стоимость. Но несмотря на это, и обращение титулов собственности так же, как и действительное обращение (товарное), требует средств обращения—денег или их заместителей.

Но это ведь чисто спекулятивное обращение, рассчитанное исключительно на дифференциальный барыш из курсовых разниц. Рассчитывая на этот барыш, спекулянты заключают *сделки на срок*, и к моменту выполнения взятых обязательств, «оживленный оборот на кассовом рынке,—говорит Беккерат,—может вызвать сильно повышенную потребность в средствах обмена»³⁶. Банк доставляет эти «средства обмена», и от него, следовательно, зависит в значительной мере объем спекулятивных оборотов. Часть сделок на срок взаимно компенсируется³⁷, но остаток должен быть покрыт наличными, а так как такового у спекулянтов нет (они спекулируют главным образом на заемные деньги), то банковским кредитом. Этим и объясняется отмеченная Беккератом «повышенная потребность в средствах обмена». Рост этой «потребности» определяется исключительно ростом самой спекуляции: «абсолютная же величина средств обращения,—говорит Гильфердинг,—необходимых для биржевых целей, в особенности велика в периоды сильной спекуляции, потому что как раз в периоды оживленной спекуляции последняя обыкновенно направляется односторонне, и потому разница, которую остается уравнивать, сильно возрастает»³⁸.

Расширяя и сокращая репорт и онколь под ценные бумаги, банки стимулируют или сдерживают биржевую спекуляцию. Если же спекуляция уже стимулирована самим банком, то к моменту *ultimo* банк стоит перед фактом «повышенной потребности в средствах обмена» как выражается Беккерат, и эту потребность он не может не удовлетворить, ибо в биржевом крахе меньше всего заинтересован банк, который всегда располагает солидным портфелем собственных, ломбардированных и репортированных

³⁵ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 156.

³⁶ Beckerath, Geldmarkt und Kapitalmarkt, S. 162.

³⁷ В этих целях в Лондоне с 1874 г. существует Exchange Clearing, где до 90% всех обязательств по ценным бумагам взаимно компенсируются, а остаток сальдируется опять-таки не наличностью, но, главным образом, чеками на банк. См. Jaffe, Das englische Bankwesen. S. 95.

³⁸ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 145.

эффектов. И хотя ссудные операции с ценными бумагами являются формой капитального кредита, однако в эти периоды банк не может не прибегать к *эмиссии*, чтобы покрыть эту повышенную потребность спекуляции в деньгах. При этом к услугам депозитных банков имеется готовая и удобная форма эмиссии—*акцепт*. *Яффе* отмечает, что «ряд неудач английских депозитных банков с акцептными операциями привел к тому, что депозитные банки теперь поэтому только тогда акцептируют векселя, когда вносится в качестве обеспечения соответствующая сумма в ценных бумагах»³⁹. Это, правда, облегчает акцептным домам получение значительных доходов без всякой затраты капитала⁴⁰, но зато значительно расширяет возможности биржевой спекуляции за счет чистой эмиссии средств обращения.

Отсюда вполне возможно такое положение (глубоко противоречивое!), когда при стационарном или даже сокращающемся объеме производства и обращения банковская эмиссия средств обращения значительно возрастает только потому, что возросла спекуляция. Последняя обладает самостоятельной сферой и формами движения, независимыми от производства: «Повышенная оживленность спекуляции вообще не стоит ни в какой связи с повышением сбыта и потребностями в краткосрочном кредите хозяйственной жизни вообще, но происходит очень часто во времена наступившего застоя» (Stagnation).

Поэтому *Беккерат*, не без основания, считает, что если даже отвлечься от технических моментов «фондовых» операций и сильного влияния внеэкономических факторов (например, политики), то следует признать, что этот «фондовый рынок» имеет известную самостоятельность и с точки зрения общеэкономических причин образования процента.

«Спекулятивная торговля эффектами,—говорит Беккерат,—работает с товаром *sui generis*, рыночное положение которого очень часто отклоняется от состояния рынка общехозяйственной жизни, следовательно, от положения рынка товарных благ и трудовых услуг». Так, «при относительно спокойном и здоровом состоянии общих экономических отношений, на бирже благодаря спекулятивным манипуляциям и переворотам происходит сильное напряжение краткосрочного биржевого кредита и процента за биржевые деньги»⁴¹. Спекуляция, вытекающая из нее потрясения и банковский кредит, с нею связанный, с общественной точки зрения—суть явления сугубо-отрицательного порядка... При данной форме экономического строя (капиталистической) эта спекуляция необходима и неустранима⁴², а раз так, то необходимы и те противоречия данных форм банковского кредита, которые с этой спекуляцией связаны...

Но нужно различать двоякого рода спекуляцию. Во-первых, спекуляция может быть просто тотализатором. Таковы большей частью сделки на срок. При наличии этих последних, сумма покупок может в 2 и 3 раза превышать сумму существующих в наличии данных родов эффектов. Но

³⁹ *Jaffe*, Das englische Bankwesen, S. 209.

⁴⁰ *Ibid.*, S. 210.

⁴¹ *Beckerath*, Geldmarkt und Kapitalmarkt, S. 162—163.

⁴² «Как раз сделка на разницу есть законнейшее дитя основного капиталистического настроения: это—операция в себе, абстрагированная от грубой формы проявления стоимости, от потребительской стоимости; совершенно естественно, что эта экономическая вещь в себе представляется не-капиталистическим гносеологам вообще трансцендентной, и в своей досаде они объявляют ее шарлатанством» (*Гильфердинг*,—Финансовый капитал, с. 188—189).

эти покупки-продажи фиктивны и в действительности никогда не совершаются. Если *A* обязался «продать», а *B* «купить» такого-то числа определенные акции по 120, то это не значит, что акции действительно будут куплены или проданы. Если курс будет 130, то *B* просто уплатит *A* разницу в сумме 10, если курс будет 100, то *B* уплатит *A*—20. Это чистый «спорт»—тотализаторская ставка. Для покрытия таких разниц и повышается спрос к моменту ultimo.

Но гораздо важнее спекуляция второго рода, связанная с действительным расширением спроса на эффекты. Располагая, скажем, 10 000 р. и рассчитывая на значительное повышение акций, спекулянт сначала закупает таковые. Затем он их ломбардирует в банке по онколю и получает 70% наличности. На эти деньги опять покупаются акции, которые вновь ломбардируются, и т. д.—история, которая «грешным делом» случается и у нас в СССР с госзаймами. Таким образом «кредит позволяет спекулянту использовать даже незначительные колебания цен; он может расширить свои операции далеко за пределы своего собственного имущества, и, благодаря размерам операций, даже маленькие колебания цены приносят крупные бырыши» (Гильфердинг, цит. соч., с. 159). Однако это расширение спекуляции на дрожжах банковского кредита, в отличие от первого типа «тотализаторской спекуляции», не остается без влияния на производительный капитал. Ведь здесь происходит фактическое расширение спроса на эффекты, общее оживления «эффектного рынка», чем дается стимул новому грюндерству, а вместе с тем и действительному расширению производства. И это происходит в данном случае исключительно благодаря экспансии банковского кредита в форме ссудно-эффектных операций. *Каким же источником питается эта экспансия? Каким угодно, но только не теми, которыми она должна была бы питаться, чтобы сохранилось общее равновесие кредита—обращения—производства.*

В подтверждение этого достаточно указать, что такой осторожный банковский практик, как *Обст*, порицая банк за увлечение эмиссионно-фондовыми операциями, как «иррегулярными», относит без всяких оговорок к «регулярным» и «краткосрочным» операциям такие операции, как репорт и ломбардирование эффектов⁴³. Повидимому, в банковском мире считается вполне нормальным, когда за счет текущих счетов (не абсолютно стабильной их части, а всех текущих счетов, за вычетом ничтожного резерва) банк занимается репортом и ломбардированием, ибо, в самом деле, что может быть лучше хороших акций в период хорошей конъюнктуры? Что, повидимому, может быть здоровее и надежнее такого кредита?

Между тем мы доказали, что в этих формах точно так же, как и при собственно-спекулятивных операциях (покупка эффектов за свой счет), осуществляется капитальное кредитование, и именно финансируется производство, расширяется и оборотный и основной капитал. Следовательно, только с узко банковской точки зрения, которая видит одну вещь—ликвидитет собственного банка—и за этим деревом не замечает леса—всей экономической системы в целом,—можно причислять репортные и ломбардные операции—к «регулярным», а покупку фондов к «иррегулярным» операциям. Удивительно, как проблема ликвидности закрывает перед глазами банкиров и их теоретиков такую простую вещь: *если при ломбарде и репорте банк сам не покупает в собственность эффектов, то ведь за него другие это делают*

⁴³ *Odst*, Das Bankgeschäft, Bd. II, S. 318.

на средства банка, и следовательно, как в том, так и в другом случае, грюндерство получает финансовую базу.

Итак, противоречие налицо: капитальное кредитование осуществляется при анализируемых формах активных операций не за счет соответствующей, всегда ограниченной и неэластичной части пассивных фондов, но за счет всех фондов без различия степени их стабильности, и даже за счет эмиссионных фондов.

Каков же результат этого противоречия? Во всех предыдущих случаях мы видели, что результатом этого противоречия была кредитная инфляция. И эти формы, конечно, не представляют исключения, но здесь инфляция имеет некоторые специфические черты в соответствии с особенностями данного рынка. А именно в первую очередь при расширении этих операций указанным порядком повышается спрос на наличные эффекты. Если в данный момент не произошло новой эмиссии эффектов, а ломбардирование и репорт расширились, то инфляция немедленно же сказывается на повышении курсов дивидендных бумаг. Это повышение является инфляционным потому, что оно не связано ни с изменением доходности этих бумаг, ни с изменением нормы процента.

Если же в дальнейшем банки сократят ломбард и репорт, то инфляция сменится дефляцией, спрос на эффекты упадет, предложение повысится, и в биржевом бюллетене будет фиксироваться более или менее резкая, в соответствии с большей или меньшей резкостью поворота репортной политики *понижательная тенденция* дивидендных бумаг.

Только с точки зрения проанализированного нами противоречия банковского кредита могут быть объяснены постоянно имеющие место общие повышательные и понижательные тенденции на «фондовом рынке» при стабильности всех прочих конъюнктурных показателей, т. е. эффектная спекуляция, как таковая.

Но кредитная дефляция, за исключением кризисов, более редкое явление, чем кредитная инфляция. В общем течении промышленного цикла банки не имеют оснований снижать взятый ими темп развития эффективно-судных операций, и одна инфляционная волна всегда подхлестывается следующей волной. Повышение цен имеющихсх в наличии ценных бумаг естественно создает благоприятную обстановку для нового грюндерства, каковое, расширяя «обращение» эффектов, создает «материал» для нового расширения ломбардных и репортных операций и т. д., непрерывной спиралью расширяется кредит, спекуляция, производство, кредит, спекуляция и т. д.

Судно-эффектные операции рассматриваются нами в силу этого как один из важнейших каналов кредитно-инфляционной экспансии, которая постоянно имеет место в циклическом движении капитализма.

В заключение мы считаем необходимым также отметить наличие особого противоречия тех же форм, а именно *обратного порядка*, в сравнении с тем противоречием, которое здесь было проанализировано. Предполагалось, что деньги, полученные по репорту и ломбарду, шли на дальнейшее расширение биржевой спекуляции. Но это не всегда так. Мы уже отметили, что ломбардированные в банке эффекты могли быть извлечены из резервного фонда производительного предприятия. Но эти деньги могут быть использованы просто как средства обращения. Вместо того, чтобы обращаться в банк за вексельным учетом, предприятие может получить те же средства обращения ломбардированием фактически ненужных для предприятия, как такового, ценных бумаг. В этом случае в форме ломбардной или репорт-

ной операции будет оказан чисто *денежный кредит*, и, следовательно, если банк для этих целей пользуется эмиссионным фондом, то никакой инфляции не произойдет. Более того: возможно даже, что на эти операции будут отвлечены фонды капитального кредитования, как это было отмечено в отношении учета векселей. Таким образом здесь мы имеем обратное противоречие: фонд капитального кредитования реализуется в активных операциях как *денежный кредит*. Однако, если мы отметим это контрпротиворечие, то не более, чем для полноты картины, ибо основной сферой эффективно-судных операций служит биржевая спекуляция, и, следовательно, основным противоречием является вышерассмотренное нами, а не отмеченное здесь, о «санирующем действии» которого вряд ли есть основание говорить.

d) Банковская эмиссия эффектов

Акционерное *грюндерство* может осуществляться помимо банков, например, в двух формах: 1) так называемой «публичной подписки» и 2) «выпуска на биржу без предварительной подписки». Но так как в новейшей эволюции капитализма банки выполняют первостепенные организационные функции, концентрируя в своих руках огромные денежные капиталы и кредитную эмиссию, то серьезное *грюндерство* для успеха своего предприятия всегда стремится заручиться содействием банка или банковского консорциума.

Эта связь банков с *грюндерством* вообще может быть двоякого порядка: в одних случаях банк может быть фактическим соучастником и инициатором *грюндерства*, в других—простым посредником. В этом последнем случае с внешней стороны эта операция ничем не отличается от обычных комиссионных операций: банк берет на себя рыночную реализацию определенного «товара» по поручению и за счет третьих лиц. Однако эта «комиссионная операция» оказывает огромное влияние на «сближение» банков и промышленности и их «сращивание» в унитарную форму *финансового капитала*.

Когда банк выступает в качестве *грюндера* или «согрюндера», то он всегда вкладывает значительные собственные денежные капиталы в эффекты, но в отличие от обычной покупки эффектов, рассмотренной в § «а», эта операция *не может рассматриваться как акт капитального кредитования банком некоего предприятия*. Банк здесь с самого начала выступает как собственник будущего предприятия, именно как *грюндер*. Следовательно, здесь та точка, за пределами которой количество переходит в качество (кредитование—в обладание предприятием), достигнута уже в самом начале. Банк принимает на себя всю эмиссию акций и затем уже выпускает часть акций и облигаций на рынок и, следовательно, не кредитует, но сам получает капитальный кредит от широкой публики на эффективном рынке. Следовательно, в противоположность обычной покупке акций «эмиссия эффектов» есть прежде всего закрепление аккумулированных банком фондов в форме депозитов и собственных акций в *собственное*, учреждаемое банком предприятие; выпуск же акций есть второй акт *грюндерства*, именно *заем* банком средств у публики для учрежденного им промышленного предприятия.

В соответствии с этим различают две формы *грюндерства*: 1) «единовременное» или «единое» (*Simultan-oder Uebernahmegründung*) и 2) «поэтапное» или «ступенчатое» (*Sukzessiv-Stufen oder Zeichnungsgründung*).

В последнем случае *грюндер*, в противоположность первому случаю, принимает на себя только часть акций, а для остающейся части ищет под-

писчиков⁴⁴. Эта форма сравнительно более редка: она имеет место в том случае, когда грюндер не обладает достаточной финансовой мощью для полного самостоятельного грюндерства. Если же в качестве грюндера выступает мощный банк, то ему нет надобности прибегать к предварительной подписке. Он приобретает за свой счет все акции по номинальному курсу, затем играет на повышение при помощи репортных и ломбардных операций и через некоторое время реализует всю массу или часть акций (в зависимости от того, стремится ли банк к тому, чтобы остаться фактическим собственником предприятия или нет) по рыночному курсу. В результате, как известно, грюндер-банк кладет в карман учредительскую прибыль. Но обычно для реализации по повышенному рыночному курсу требуется более или менее длительный период времени, в течение которого обрабатывается общественное мнение и стимулируется биржевая игра на новых акциях. В течение всего этого времени банковский капитал оказывается закрепленным в этих акциях: деньги, которыми были оплачены акции, уже перешли в распоряжение предприятия, и, следовательно, денежный капитал превращен в форму производительного капитала. Между тем банк, поскольку он рассчитывает на реализацию в ближайшем будущем всех или части акций, не имеет основания ограничиваться для этой операции определенной частью фонда капитального кредитования. В этом отношении далеко позади себя оставило все прочие аналогичные опыты знаменитое *Credit Mobilier*, которое при 60 млн. франков собственного капитала имело в 1860 г. вложенными в эффекты 200 млн. франков. Неудивительно, конечно, что этот банк кончил крахом.

Современные банки, даже такие, как немецкие, которые энергично занимаются спекулятивным грюндерством (что и дало *Weberu* основание называть эти банки «депозитными и спекулятивными»), нельзя отождествлять с *Credit Mobilier*, грюндерский размах которого был вне всякой конкуренции.

Немецкие «спекулятивные» банки занимаются более утонченной и осторожной спекуляцией. Если временами они берут на себя огромные грюндерские дела, то в дальнейшем ходе грюндерства они предпочитают поскорее освободиться от тяжелого груза эффектов и ограничиваются более кратковременной спекуляцией. Быстро реализуя эффекты, они оставляют возможность и другим спекулянтам поживиться на учредительском барыше. Отсюда относительно не такой большой портфель эффектов у немецких банков: в 1913 году *Deutsche Bank* при 200 млн. марок собственного капитала имел в эффектах 161 млн. марок, *Dresdner Bank*—200 млн. собственного капитала и 43 млн. в эффектах, *Discontgesellschaft*—200 и 30, *Darmstädter Bank*—160 и 54⁴⁵.

Но это, конечно, не исключает того, что к моменту грюндерства тот или иной банк временно значительно расширяет свой портфель. Кроме того, как мы указали, репортные и ломбардные операции также представляют собой определенную форму финансирования. И если все это учесть, то нужно признать, что у немецких банков дело обстоит не совсем так, как показывают приведенные цифры: объем капитально-грюндерских операций значительно шире; противоречия, которые отмечены были выше в §§ а, b, c, сохраняют всю свою силу и в отношении данной формы.

В немецкой литературе высказывался тот взгляд, что с точки зрения интересов самого банка, его рентабельности, нет никакой необходимости

⁴⁴ *Obst*, Das Bankgeschäft, Bd. II, S. 388.

⁴⁵ *Obst*, Das Bankgeschäft, Bd. II, S. 309.

в так называемых «иррегулярных операциях». Это аргументируется статистически доказанным фактом, что «иррегулярные» — грюндерские операции приносят немецким банкам значительно меньше прибыли, чем обычные, «регулярные» и «краткосрочные» операции. Так, Лансбург вычислил, что капитал, вкладываемый крупными немецкими банками в эффективные и «консорциальные» операции, дает только $\frac{1}{3}$ того, что на соответствующую часть собственного капитала могла бы принести «чисто банковская деятельность»⁴⁶. Такой же точки зрения держится А. Вебер, а также Обст⁴⁷.

В самом деле, какой же в этом случае смысл для банков заниматься «спекулятивными операциями»? Эти авторы останавливаются перед неразрешимым противоречием: повидимому, если грюндерские операции явно невыгодны для немецких банков и в то же время они энергично занимались и занимаются ими, то остается совершенно нелепое предположение, что банки берут на себя это «тяжелое бремя» из неких «высших», «общественных» и «этических соображений». Но, конечно, этого не могут допустить ни Лансбург, ни Вебер, ни Обст, ибо все они прекрасно знают истинные мотивы операций немецких банков вообще. Как же разрешается это противоречие?

Дело все в том, что эти авторы на основе балансовой статистики делают слишком поспешный и слишком обобщающий вывод. В отношении «статистики» основная их ошибка в том, что они разывают и друг другу противопоставляют, с одной стороны, приобретение банком эффектов в собственность и, с другой стороны, ссудные операции с эффектами, что недопустимо, ибо, как мы уже показали, и те и другие операции тождественны по своей природе. Банку выгодно принять на себя какую-либо новую и солидную эмиссию эффектов и эти последние, не задерживая в своем портфеле, выбросить на рынок по низкому курсу. Это открывает возможность для спекулянтов играть на повышение, а для банков расширять свои репортные и ломбардные операции. Поэтому прибыль от фондовых операций нужно искать также и в репорте и в ломбарде, которые не менее «иррегулярны», чем собственно-спекулятивные операции. Прибыль, которой банк лишается, выпуская эффекты по низкому курсу, отчасти вновь возвращается к нему в форме прибыли по репорту и онколю под эффекты. Правда, эта прибыль меньше, чем могла бы дать доведенная до конца спекуляция, но зато, отказываясь от части прибыли, банк вместе с тем почти совершенно освобождается от риска, что достигается ограничительными нормами в отношении страховки интересов банка при репортных и ломбардных операциях.

С другой стороны, при сложном переплете интересов банков и промышленности в системе финансового капитала, быть может банки во многих случаях сознательно ограничивают свою прибыль, чтобы увеличить дивиденд акционеров патронируемого предприятия. Во всяком случае, уже одно то, что банки, несмотря на отмеченное Лансбургом и Вебером положение, продолжают действовать в том же направлении, говорит о том, что эти операции и выгодны и необходимы, если не исключительно для данного банка, то для той группы финансового капитала, в которую этот банк входит. Так, для банка какого-нибудь Моргана, эмитирующего акции вновь учрежденного Морганом акционерного предприятия, может оказаться целесообразным отказаться от учредительского барыша по эмиссии в пользу того же Моргана, «контролирующего» это предприятие...

⁴⁶ Ibid., S. 318.

⁴⁷ Das Bankgeschäft, Bd. II, S. 318—319.

Наряду с этой наиболее важной формой эффективной эмиссии за счет собственного капитала банка остановимся в двух словах на второй из двух упомянутых вначале форм—комиссионной реализации эффектов. Но это, впрочем, уже не такая обычная «комиссия»: банк за «услугу» эмиссии эффектов выговаривает себе так наз. Optionsrecht, которое заключается в том, что банку, получившему от комитента акции по пониженному курсу, разрешается продавать их по более высокому курсу, и разница между Tageskurs и Uebernahmekurs попадает в руки этого далеко не скромного и рядового «комиссионера», каким в этом случае является банк. Не вкладывая ни копейки денег в эту операцию, банк зато дает, так сказать, свой «бланк» *грюндерам*, свою марку, и за право пользования своим монопольным положением делит с *грюндерами* учредительский барыш. В *Германии* *грюндерство* осуществляется по преимуществу в первой, самостоятельной форме, в *Англии* и *Америке* более распространена вторая форма—комиссионный выпуск банком акций с гарантией их распространения, за что берется особая провизия—эта форма называется Underwriting (подписка)⁴⁸. Кроме того банки принимают активное участие не только в эмиссии новых акций, но и в конверсиях, санированиях, фузированиях и т. п., но останавливаться на этих особых моментах для нас нет надобности.

Таково экономическое содержание многообразных форм банковских «эффектных» операций.

4. БЛАНКОВЫЕ ССУДЫ

Наш анализ форм активных операций заканчивается формой бланковых или «беззалоговых» ссуд. Сюда относится прямое беззалоговое кредитование лица или предприятия в формах: 1) срочной и 2) некой или контокоррентной ссуды. Но обычно эти бланковые ссуды отождествляются с последней формой, что имеет, однако, объективное основание в широчайшем распространении именно этой формы в эпоху финансового капитала. В дальнейшем анализе мы поэтому будем иметь в виду именно эту форму бланкового, иначе именуемого «личного» кредита.

Бланковый кредит—это та форма, в отношении которой у *Энгельса* не было никаких сомнений, что в этом случае мы имеем дело с *ссудой капитала*, а не денег. «Если банк,—говорит *Энгельс*,—соглашается дать своему клиенту заем просто под личный его кредит, без представления с его стороны обеспечения, то дело ясно. Клиенту безусловно авансируется определенного размера стоимость, как дотолнение к его капиталу, которым он до сих пор располагал. Он получает аванс в денежной форме, т. е. он получает не только деньги, но и денежный капитал» («Капитал», т. III, ч. I, с. 414).

Конечно, в том случае, когда клиент банка, не имея векселей (полученных им за проданные товары), которые он мог бы учесть, не имея товаров или эффектов, которые он мог бы заложить, получает у банка кредит, то он этим увеличивает объем своего оперативного капитала. И с этой точки зрения, конечно, далеко не безразлично, имеет ли клиент обеспечение для залога или векселя для учета, ибо наличие того и другого говорит о наличии у клиента *капитала* в той или иной форме, который он передает банку, и взамен этого получает капитал в другой форме. Наоборот, при бланковом кредите происходит прямая передача банком клиенту денег в качестве

⁴⁸ *Obst*, Das Bankgeschäft, B II, S. 398—399.

капитала; клиент же банку ничего не дает, кроме своего личного обязательства уплатить такую-то сумму такого-то числа или по требованию банка (at call).

В условиях кредитной практики первых трех четвертей XIX века положение Энгельса было совершенно правильно: в тот период «личный, бланковый» кредит действительно являлся исключительно формой займа капитала, ибо товарное обращение совершалось преимущественно в форме векселей, и если нужны были деньги для обращения, то всегда учитывали векселя. Не то в практике эпохи монополистического капитализма.

Вообще товарное обращение (реализация или превращение капитала из товарного в денежную форму) может совершаться при помощи того же *коммерческого кредита*, «осложненного» банковым, но без векселей, а именно в форме *банковского контокоррентного кредита* и *внутри- и междубанковского жирооборота*. Но несмотря на устранение векселей, объективные закономерности вексельного оборота и при этой высшей форме кредитной эмиссии сохраняют всю свою силу.

Поскольку же в современных условиях *конттокоррентная ссуда* выполняет функции учета *коммерческих векселей* и, следовательно, тождественна по существу учету, постольку отпадает противопоставление учета векселей «займу под личный кредит» — *бланковой ссуде*. Точно так же и проанализированный выше учет «книжных записей» вполне тождествен по существу учету торговых векселей.

Но если в форме *банковского конттокоррентного кредита* может совершаться процесс товарного обращения, то это не значит, что этот кредит есть всегда денежный кредит, функции которого ограничиваются процессом обращения. Противоречия этой формы аналогичны противоречию прочих, уже рассмотренных нами форм: поэтому мы лишь вкратце коснемся здесь анализа этого противоречия применительно к данной форме.

Конттокоррентная ссуда вообще вовсе не обязательно *бланковая* — «беззалоговая». Фиксированная срочность, с одной стороны, и конттокоррентность (онкольность) есть различие в нашей схеме, с точки зрения второго классификационного признака — условий погашения ссуды. Это различие может иметь место при других формах ссудных операций (вексельных, подтоварных, эффектных) так же, как и при форме *бланкового кредита*. Поэтому так называемый «конттокоррентный кредит» нельзя рассматривать как самостоятельную форму: этот кредит может быть либо обеспеченным а) векселями, б) товарными документами, с) эффектами, либо d) не обеспеченным никаким залогом. «Конттокоррентный кредит» очень часто является *смешанной формой*, т. е. частично обеспеченным, частично необеспеченным⁴⁹. Но нас интересует сейчас этот так называемый «конттокоррентный кредит» в чистой форме, т. е. беззалоговый.

В сущности говоря, Вебер совершенно прав, говоря, что «непокрытый кредит — самый обеспеченный»⁵⁰. В современных условиях гигантской концентрации производительных капиталов, конечно, совершенно нелепо для банков требовать обеспечения у какого-нибудь колоссального, обладающего огромными капиталами треста, тем паче, если банк сам участвует в делах этого треста. И лишь в тех случаях, когда банк не уверен в своем заемщике, он требует от него каких-либо «вещных гарантий» в виде обеспечения: вот

⁴⁹ Ср. Rozumek, Das Kreditgeschäft im Bankbetriebe, B. I, S. 55; Шер, Техника банковского дела, с. 307.

⁵⁰ См. статью Вебера в «Банковской энциклопедии», т. I, с. 170.

почему «непокрытый кредит—самый обеспеченный»⁵¹. В условиях монополистического капитализма как учет векселей, так и ломбардирование товаров все больше теряет свое прежнее превалирующее значение, и все более на первый план выступает как частично обеспеченный, так и необеспеченный «контокоррентный кредит».

В Англии «ссуда по текущему счету» является в настоящее время важнейшей формой кредитования, широко распространенной как во внутренней и внешней торговле, так и при банковском кредитовании промышленности.

«Форма, в которой предоставляются (в Англии—З. А.) эти кредиты,—говорит Визер,—есть форма «текущего кредитования с лимитом (Overdraft with Limit), т. е. банк обязывается в течение определенного времени—года, двух лет, редко больше... оплачивать чеки клиента, будь то оплата наличными или через жирооборот—с превышением в определенных границах размера его счета»⁵². Не менее распространен «контокоррентный кредит» в Германии: Ейдельс считает, что «контокоррентные операции являются основой всех деловых отношений банка и промышленности»⁵³.

При этом не следует забывать, что контокоррентный кредит по преимуществу—бланковый кредит: «Более или менее значительная часть выдач по контокоррентному кредиту и акцептам,—говорит О. Гейман,—представляет собою бланковый, т. е. непокрытый кредит, и такого рода кредитование широко практикуется банками, даже экспортными» (курсив наш—З. А.)⁵⁴.

Что же это за «деловые отношения», осуществляемые этим по большей части «непокрытым» и в то же время «самым обеспеченным кредитом»? Что это, денежный или капитальный кредит, а если капитальный, то какой именно, в основной или оборотный капитал?

Контокоррентность кредита вообще как-будто говорит в пользу его «краткосрочности», но не «долгосрочности». Если при этом кредит банк в любой момент в праве потребовать ссуженные деньги обратно, то, очевидно,

⁵¹ Конечно, и в отношении мелкой клиентуры банк может отказаться от требования «обеспечений» или «покрытия» в том случае, если кредитоспособность клиента не вызывает сомнений. Но это возможно только в том случае, если круг клиентеллы ограничен. Так, по сообщению Визера, именно в филиалах английских банков кредитование клиента в большей мере зависит от личной оценки кредитоспособности последнего со стороны руководителя банка или инспектора, чем от обеспечений, которые может дать клиент. В связи с этим «в их книгах не проводится основное деление кредитов на *покрытые и непокрытые*» (курсив наш—З. А.). Отсюда невозможность цифрового учета обоих видов кредита: «к сожалению отсутствует,—говорит Визер,—цифровой материал для суждения об отношении покрытых и непокрытых кредитов. Вообще же у меня создалось впечатление, что сумма бланкового кредита в каждом «конкретном случае составляет не менее $\frac{1}{4}$ общей суммы контокоррентного кредита» (Wieser, Der finanzielle Aufbau der englischen Industrie, S. 277—278). Визер считает, что залог вообще в практике провинциальных банков играет второстепенную роль: «Банк предоставляет кредит главным образом на основе личного знания положения должника; при этом, например, залог домов едва ли является чем-либо большим, чем простой формой, и если такового обеспечения нет, то банк выдает кредит без покрытия» (ibid. S. 278—279. Курсив наш—З. А.). Кроме того, Визер отмечает в отношении всей вообще банковской системы широкое пользование наряду с «прямыми обеспечениями» (direct security) также и так называемыми «побочными обеспечениями» (collateral security). Объектом последних служат ценные бумаги третьих лиц. Такие обеспечения обычно очень легко найти. При кредитовании акционерных обществ в качестве «collateral security» пользуются собственными акциями членов административных советов этих обществ (ibid. S. 279).

⁵² W. ieser S. 278.

⁵³ Jeidels, Das Verhältniss der deutschen Grossbanken zur Industrie, 1905, S. 33.

⁵⁴ О. Гейман, Германские экспортные банки, П., 1917, с. 72.

что заемщик не может пользоваться этим кредитом для долгосрочных вложений, и даже для вложений в оборотный капитал, ибо этот последний нельзя так быстро реализовать at call банка. Отсюда, повидимому, функциональное назначение этого кредита есть сфера денежного кредита, а его источником может быть фонд эмитированных депозитов. Особенность этого вида кредита в том, что здесь форма эмиссии является в то же время и формой ссуды, или ссуда «создает» эмиссию. Именно широкое распространение этой слитой воедино формы ссуды—эмиссии обусловило появление новейшей экспансивистической теории (Гана, Шумпетера, Зомбарта) и громкий ее успех. Выдавая «контокоррентную ссуду», банк в то же время и создает для нее «средства» в форме контокоррента (депозита). В другом месте нами было показано⁵⁵, что это «создание денег» (средств обращения) целиком обусловлено закономерностями воспроизводственного процесса и необходимостью кредита, как формы обращения в этом процессе. В новейшей эволюции капитализма эта форма кредитной эмиссии вытесняет прочие формы в связи с широким развитием внутри-и междубанковского жирооборота.

Если в отношении прочих форм кредита—вексельных, подтоварных и эффектных операций—нам приходилось аналитически открывать противоречия, за ними скрытые, и показывать, при каких условиях фонд денежного кредитования направляется посредством этих форм по руслу капитального кредитования, то в отношении контокоррента дело обстоит значительно проще. Здесь нет никакой надобности прибегать к чему-либо напоминающему описанные махинации при дисконте, как удлинение сроков векселей, поиски подставных лиц, чтобы получить видимость товарного векселя и т. п. и т. п. Здесь *срок кредитования* и способ *использования заемных средств* всецело остаются на усмотрение клиента, ибо от него не требуется никакого залога, который бы связал свободу его действий. Что же касается права at call со стороны банка, то таковое превращается в чистейшую фикцию, ибо при современном размахе контокоррентного кредитования промышленности внезапно потребовать от последней погашения миллионной задолженности—это равносильно банкротству самого банка. Таким образом *онкольность* фактически существует не для банка, но для *его клиентов*, которые имеют благодаря этому возможность регулировать свой платежный оборот таким образом, чтобы никогда не иметь ни одной марки «без работы».

Такова действительность. В форме «контокоррентного кредита» осуществляется капитальное кредитование промышленности. «Развивается все более оживленный контокоррентный оборот,—пишет *Обст.*—и деньгами промышленность пользуется не только для поддержания работающих предприятия, но также для создания новых фабричных вложений... Этот контокоррентный кредит облегчает расширение производства, приобретение новых машин и оборудования, наем новой рабочей силы и в известных случаях необходимость производства в запас»⁵⁶ (курсив наш—З. А.). То, что в форме контокоррентного кредита осуществляется широкое финансирование промышленности,—было доказано еще *Ейделсом*⁵⁷. Также и Вебер подчеркивает, что усиленное кредитование промышленности германскими банками осуществляется в форме контокоррентного кредита. Вебер полагает, что краткосрочность контокоррентного кредита весьма условна, и при

⁵⁵ См. нашу статью в журн. «Под знаменем марксизма» № 3 за 1928 г.

⁵⁶ *Obst.*, Das Bankgeschäft, Bd. I, S. 514.

⁵⁷ Указанный выше труд Ейделса, посвященный выяснению связей банков и промышленности Германии, был издан еще в 1905 г.

известных обстоятельствах краткосрочный кредит вообще неизбежно превращается в долгосрочный.

Это, конечно, верно. Но вместе с тем противоречие банковского кредита в этой форме совершенно оголено, и не нужно это противоречие «открывать». С одной стороны, очевидно, что при наличии жирооборота банки могут создавать средства обращения в форме контокоррента. С другой стороны, доказано, что этими контокоррентами пользуются для долгосрочного кредитования, т. е. безусловно для кредитования в основной капитал. Таким образом эмиссия средств обращения превращается в форму авансирования капитала или ссуды капитала. Противоречия капиталистической динамики, диктующие банкам пользоваться эмиссионными фондами для капитального кредитования, подробно рассмотренные нами выше, находят в контокоррентном кредите готовую и вполне совершенную форму своего проявления. Основные противоречия кредита главным образом проявляются в этой форме, а также в форме эффектных операций.

Та интеграция функций кредита, о которой выше была речь, находит свое полное завершение в этой форме кредитования. Здесь банковский кредит выступает одновременно и как форма обращения и как форма капиталопроизводства, причем разграничить, в каких случаях имеет место одна форма и в каких—другая, здесь, в отличие, например, от учета векселей, абсолютно невозможно. Можно только сказать, что контокоррентная задолженность функционирующих капиталистов банкам составляется из: а) вложений в основной капитал, б) вложений в оборотный капитал, в) не представляет собой никакого капитального кредита, но является суммой средств обращения эмитированных банком на основе коммерческого кредита. Указать же пропорции элементов этой задолженности никто не может, ибо баланс фиксирует все это одной цифрой, расшифровать которую может только посвященный в интимные отношения данного банка с капиталистическими трестами и синдикатами, которые он кредитует.

Бланковый контокоррентный кредит является формой, резюмирующей и обобщающей все прочие формы. Экономические процессы, протекающие в формах вексельного, подтоварного и «эффектного» кредита, могут быть представлены в форме контокоррентного кредита. Последний, резюмируя все прочие формы, вместе с тем и резюмирует все особые противоречия, скрытые за этими формами, которые могут быть сведены к основному и общему противоречию банковского кредита, а это последнее, в свою очередь—к общим противоречиям капитализма вообще. Вся деятельность банка могла бы быть выражена в форме «единого счета»—активно-пассивного контокоррента, и все установленные в настоящем очерке закономерности, все многообразные формы банковского кредитования были бы включены в эту форму, наиболее эластичную и наиболее приспособленную для выполнения функций банковского кредита.

Поскольку контокоррентный кредит, опираясь на эмитируемый фонд кредитования, выступает как форма капиталопроизводства, постольку последнее оказывается фиктивным и внутренне-противоречивым, ибо здесь в самом деле «капиталопроизводство» возникает, как говорит Зомбарт, «aus Nichts» («из ничего»), что, конечно, невозможно. Это фиктивное капиталопроизводство означает не что иное, как кредитную инфляцию, и именно эта кредитная инфляция, в наличии которой нельзя сомневаться, является альфой и омегой концепции современных экспансивистов...

ОБЪЕКТИВНОЕ ИЛИ МАРКСИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПСИХОЛОГИИ*

К. Корнилов и Ю. Франкфурт

Статья т. Залманзона «Против эклектического направления в психологии»¹ очень характерна для тех сдвигов, которые происходят среди механистов-психологов, поэтому на ней стоит остановиться. Путанная по изложению, она затрудняет анализ, однако постараемся выполнить желание т. Залманзона «о ясной и исчерпывающей» критике, то-бишь, ответе.

Прежде всего отметим, что, по собственному заявлению т. Залманзона, он выступил в печати как раз в тот момент, когда борьба с субъективной эмпирической психологией под знаменем марксистской психологии была благополучно закончена, а борьба с объективным направлением выявила эклектическую сущность «диалектического» направления Корнилова и Франкфурта (с. 142).

Как известно, глава эмпирического субъективного направления, Челпанов, до 1924 г. выступал не только против марксизма, но против материализма вообще, а с 1924 г. переменил тактику и пытался превратить Маркса в субъективиста, дуалиста и эмпирика. Вредность, враждебность и неприемлемость позиции Челпанова до и в особенности после 1924 г. исчерпывающе ясны и очевидны. Казалось бы, что психологи-марксисты должны были броситься *активно* в борьбу. Но у т. Залманзона нет пороку для такой активной борьбы. Он является только *пассивным созерцателем*, предоставляя нам вести литературную борьбу с субъективной психологией под знаменем марксизма.

Но стоило нам отмежеваться от других немарксистских участников борьбы, стоило нам повести борьбу на два фронта—не только против субъективистов, но и против объективистов, особенно против методологии физиологической школы Павлова, как т. Залманзон вышел из пассивно-созерцательного равнодушия. Такая перемена не случайна. Свой своего видит издали. Критика объективистов оказалась и критикой т. Залманзона. И он поневоле заговорил.

1. НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ОБЩЕЙ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА У Т. ЗАЛМАНЗОНА

Механизм принимает различные формы. Тов. Залманзон—механист в психологии, выступающий под флагом объективизма. Он ставил и ставит вопрос так: или объективное, или субъективное направление в психологии.

Его постановка недостаточна, ограничена, метафизична, неверна теоретически и исторически.

* От редакции: В порядке обсуждения.

¹ См. «ВКА», кн. 34(4).

Ленин пишет, что «между понятиями (система воззрения) объективиста и марксиста (материалиста) есть разница», на которой «следует остановиться», так как неполное уяснение этой разницы есть «основной недостаток». Разница эта состоит в том, что марксист-материалист последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм»².

Марксизм не тождественен с объективизмом. Объективизм ограниченнее марксизма. Марксизм принципиально выше не только субъективизма, но и объективизма. Марксистская психология—исторически более молодое направление, вырастающее на почве исторически более ранних субъективного и объективного направлений. Отвергая принципиально субъективное направление, мы не можем в то же время *полностью* солидаризироваться и с объективным направлением в психологии и отмежевываемся принципиально и от него хотя и по другим мотивам, чем от субъективного направления. Но т. Залманзон этого диалектического подхода не понимает. Ставя вопрос—или субъективное или объективное направление, отвергая первое и примыкая ко второму, он не поднимает марксизма принципиально *над* обоими направлениями, а *отождествляет* его с одним из них—с объективным. Он отождествляет марксизм, эту высшую ступень методологии, с объективизмом, этой низшей ступенью методологии, что принципиально недопустимо. Эта принципиально ошибочная теоретическая установка особенно вредна с точки зрения истории развития у нас психологии, оценки боровшихся и борющихся в ней сил и направлений.

Ведь в прошлом, до 1926 г., мы имели такой период борьбы с субъективной эмпирической психологией, когда среди борцов *не* было марксистской группы, поскольку последняя сложилась только к 1923—1924 г., да и после этого в борьбе принимали участие и не-марксисты—рефлексологи, бихевиористы, фрейдисты. Следовательно, о борьбе с субъективной психологией под знаменем марксизма можно говорить только в отношении *части* участников, и то только начиная с определенного момента. А т. Залманзон говорит о борьбе с субъективной психологией под знаменем марксизма, не вводя никаких ограничений в отношении участников борьбы. Это значит, что он поддерживает распространенную среди психологов вредную и неверную мысль, что достаточно быть против субъективной психологии для того, чтобы считать себя марксистом, поддерживает потому, что это дает ему возможность и механизм считать марксизмом.

И действительно. Последние годы прошли в борьбе между диалектиками и механистами вообще и в области психологии в частности. Но для т. Залманзона *нет* механистов. Он берет слово «механисты» в кавычки. Он знает одну только формулу: объективисты или субъективисты. А это означает только одно—смазывание вопроса о механистах, что также неверно и вредно в идеологическом отношении, в отношении чистоты идеологии пролетариата. Мы, мол, не механисты, а объективисты,—говорит он о себе и иже с ним. Скрываясь за объективизмом, отождествляемым им с марксизмом, он отождествляет механизм с марксизмом. А о нас, психологах-марксистах, борющихся на два фронта, и с субъективистами и с объективистами, он заявляет: «Вы, мол, не диалектики, а эклектики, субъективисты». Прием этот—обычный у всех механистов наших в отношении диалектиков-марксистов. Тов. Залманзон мотивирует это утверждение тем, что мы, мол,

² Ленин, т. II, с. 64—65.

за синтез субъективного и объективного направления. Но в чем суть дела? О каком синтезе идет речь?

Мы утверждали и утверждаем, что в споре о *реальности* психики и о *необходимости изучать ее* *правы* субъективисты, при всей неприемлемости их идеалистического подхода, и *неправы*, объективисты, сводящие всю проблему к физиологии мозга.

Признавая формальную правоту субъективного направления в смысле признания им реальности психики и необходимости ее изучать, мы отвергали принципиально *подход* субъективной психологии к психике, отрыв психики и от социального, и от биологического, и от физиологического моментов³. В противоположность этому мы утверждали, что марксистская психология должна изучить субъективное и как отражение социального бытия и как свойство мозга. Но, с другой стороны, мы утверждали, что *нельзя* сводить, как это делают физиологи, всю проблему *только* к физиологии мозга, что психика есть особое своеобразное свойство мозговой материи, которое должно быть познано в его качественном своеобразии и специфичности, что надо изучать *не только* физиологию мозга, но и субъективные переживания как таковые. В этом-то смысле мы и говорили, что марксистская психология есть синтез обоих направлений, что она должна стать на *высшую* методологическую ступень, преодолеть принципиально идеализм субъективного направления и механистическую ограниченность объективно-физиологического направления.

В тезисах о Фейербахе Маркс критикует домарксистов-материалистов за то, что они были пассивными созерцателями, не учитывали человеческой активности. Этот принципиальный недостаток, эта ограниченность оставляет брешь в идеологии, которую и пытался заполнить идеализм. Но идеализм, указывают Маркс и Энгельс, подходил к человеческой активности идеалистически и, следовательно, не мог ее объяснить. Тут-то и выступают Маркс и Энгельс со своей теорией. Диалектический материализм охватывает человеческую активность, но не с идеалистической, а с материалистической точки зрения, преодолев этим не только принципиальную неприемлемость идеализма, но и ограниченность пассивно-созерцательного материализма. Но от этого марксизм *не* стал и *не* является ни эклектикой, ни идеализмом. Наоборот, он представляет собой *высшую*, в сравнении не только с идеализмом, но и с пассивно-созерцательным материализмом, ступень методологии. Эта марксистская методология, этот подход к разрешению общего вопроса диктуют нам определенный подход и к разрешению частных проблем. Поэтому, говоря о том, что марксистская психология есть синтез, т. е. преодоление, в вопросе о психике, о ее реальности и необходимости ее изучать, и субъективного и объективного (физиологического) направления, мы *не* превращаемся ни в идеалистов, ни в эклектиков, а применяем марксистскую методологию в разрешении спорного психологического вопроса.

Тов. же Залманзон видит в этом эклектизм и идеализм. Это доказывает только одно, что он механист. Но пугаясь, очевидно, своей механистичности, желая ее смазать, он волей-неволей вынужден в своей мотивировке извратить факты.

Первое извращение. Синтез Корнилова, говорит он, состоит из двух несвязанных операций: с одной стороны, операций с поведением, а с другой, —

³ Ю. Франкфурт, «Красная Новь», 1927, № 10.

операций, с психикой, несвязанных потому, что в синтезе этом нет, мол, физиологии мозга. Но ведь это неверно. Мы все время утверждаем, что нельзя изучать психику без физиологии мозга. Этот реальный факт слишком бьет в глаза, и т. Залманзон, противореча себе, заявляет, что Корнилов, мол, признает учение об условных рефлексах только частично. Но что значит «частично»? *Часть* учения об условных рефлексах? Но т. Залманзон не привел и не может привести такой цитаты. Ведь в книге Франкфурта «Рефлексология и марксизм», которую т. Залманзон отвергает, посвящена особая глава научной ценности учения об условных рефлексах во *всех* его частях. Каков же смысл нашего «греха», т. е. частичного признания учения об условных рефлексах? Мы это учение признаем частично в том смысле, что оно охватывает только *часть* того объекта, который должна изучать психология, а именно—физиологию мозга, в то время как, кроме физиологии, надо еще охватить и особое свойство мозга—субъективное. *Это* частичное признание учения об условных рефлексах есть единственно возможная марксистская оценка. Тов. же Залманзон видит в этой «частичности» недостаток и ошибку потому, что для него физиология мозга *все*, а не часть, потому что он механист.

Желая и здесь смазать свой механизм, т. Залманзон утверждает, что мозговые процессы, физиология высшей нервной деятельности остаются у Корнилова за бортом, заменяются законом однополюсной траты энергии. Но ведь эта энергия тратится мозгом, это энергия мозговая. Как же можно после этого утверждать, что, например, у Корнилова «выпадает» мозг? Разве физиологические процессы высшей нервной деятельности не представляют собой процессов превращения энергии? Установление общего закона траты энергии то центрально, то периферически не есть установление отдельных конкретных физиологических законов иррадиации, концентрации и т. д., а охватывает *весь* центральный процесс в целом. Установление *общего* энергетического закона, с одной стороны, и установление конкретных физиологических законов, с другой стороны, не только не исключают друг друга, а, наоборот, дополняют друг друга. Обвинение в отрыве от мозга, в замене физиологии мозга законом однополюсной траты энергии есть выдумка т. Залманзона. Но на выдумках далеко не поедешь, и т. Залманзон пытается выйти из положения, но уже с другого конца. «Сведение сложных процессов нервной деятельности к абстрактным законам движения энергии,—говорит оно Корнилове,—представляет собою операцию явно механистического порядка». «Упрощают психологию... и те психологи, которые сводят их (сложные проявления поведения — Ю. Ф.) к элементарным и абстрактным законам движения энергии» (с. 143). Но, во-первых, как мы видели, о таком сведении нет и речи. Во-вторых, почему т. Залманзон считает закон однополюсной траты энергии элементарным?

Неужели он думает, что превращение энергии происходит только при низших физиологических процессах и что при *высших* физиологических процессах превращение энергии не происходит? Но ведь это явно абсурдно. Тов. Залманзон приписывает механистичность Корнилову там и с той стороны, где ею и не пахнет. Но эта выдумка т. Залманзона выявляет еще один момент ограниченности его мышления, а именно: признание им *только* конкретных физиологических законов и непонимание в то же время общенергетического процесса в тех же конкретных законах. Ограниченная односторонность, мешающая понять все многообразие бытия, есть одна из черт механистической установки.

Второе извращение. Тов. Залманзон делает попытку перевести спор о субъективном направлении на совершенно другие рельсы. «Все дело, значит, в отрицании вспомогательного значения самонаблюдения или словесного отчета», — характеризует т. Залманзон взгляд Корнилова на механистов-психологов и при этом вопрошает: «Разве объективное направление отрицает вспомогательную роль словесного отчета и разве эта вспомогательная роль является моментом, синтезирующим объективное и субъективное направления?».

Но ведь, во-первых, все своеобразие метода Павлова состоит в абсолютной объективности этого метода. Ведь Павлов *полностью* изгоняет самонаблюдение. Ведь в его лаборатории *нельзя* пользоваться субъективными терминами. Как же пользоваться методом самонаблюдения? Тов. Залманзон, защищающий и солидаризирующийся с Павловым, своим утверждением о том, будто объективное направление не отрицает вспомогательной роли самонаблюдения, обнаруживает или незнание фактов или сознательное их извращение.

Во-вторых, с точки зрения *практики, методики* изучения, оценка роли самонаблюдения, как метода, имеющего второстепенное значение, бесспорно является выражением нашего марксистского синтеза. И действительно. Субъективная психология видела в самонаблюдении *единственный* метод изучения, поскольку она идеалистически изучала только субъективное, как таковое, в отрыве от физиологии мозга и поведения и, в лучшем случае, — *основной* метод при *второстепенном объективном* методе, поскольку она вынуждена была, вопреки своему принципу, считаться с объективными фактами.

С другой стороны, объективисты видят в *объективном* методе *единственный* метод, поскольку они сводят всю проблему или только к физиологии (чисто физиологическое направление), или только к поведению (чисто поведенческое, чисто бихевиористическое направление) или к обоим этим моментам (третья разновидность объективизма.)

Мы же, марксисты, синтезируя, увязывая субъективное поведение и физиологию мозга и рассматривая поведение, как основу, а мозг с его двумя свойствами — физиологией и субъективным свойством — как производное, подходим, естественно, совершенно иначе и к оценке методов. Синтезируя элементы сложного объекта психологии, мы не можем не синтезировать и методику. Мы считаем необходимым пользоваться и объективным и субъективным методами, считая основным — объективный и только второстепенным — субъективный метод. Поэтому утверждение о второстепенной роли самонаблюдения является *методической* формой для синтеза по существу, для синтеза в области объекта психологии. Для т. же Залманзона дело не так обстоит. В этом нет ничего удивительного, ибо как наше отношение к методам, так и отношение к ним т. Залманзона определяются отношением по существу к объекту изучения, а здесь, как мы это увидим ниже, у т. Залманзона есть изъян.

В-третьих, из той же цитаты, которую приводит т. Залманзон и которой он «обосновывает» свой «вывод», что, по Корнилову, все дело якобы во вспомогательной роли самонаблюдения, видно, что речь идет, во-первых, о своеобразном агностицизме объективистов, хотя и признающих реальность психики, но фактически отрицающих возможность ее познать, во-вторых, о механистическом сведении психологии к физиологии и лишь, в-третьих, о второстепенной роли самонаблюдения. Откуда же «вывод», что *все* дело

только в роли самонаблюдения? Кого обманет такой «вывод»? Кто не видит фактическую неверность «вывода»?

Странная получается картина; привести цитату, в которой говорится о *трех* моментах, и заявлять, что дело сводится только к *одному* моменту.

Такое обращение т. Залманзона с фактами можно объяснить или тем, что т. Залманзон, как механист, не может понять, о чем говорится в приведенной им цитате, или тем, что среди некоторых механистов, вроде т. Залманзона, об агностицизме и сведении психологии к физиологии не принято говорить, ибо они уклоняются от прямой, честной и открытой постановки и ответа на щекотливые для них вопросы.

Таким образом те фактические мотивы, которые т. Залманзон приводит в доказательство эклектизма и идеализма нашего синтеза, представляют собой извращение наших взглядов, а его исходная точка зрения—невозможность синтеза в смысле теоретического преодоления и объективного и субъективного направлений—принципиально неверна и смазывает различие между объективизмом, механизмом, с одной стороны, и марксизмом—с другой.

II. ТОВ. ЗАЛМАНЗОН—МЕХАНИСТ ТИПА МАТЕРИАЛИСТА-ФИЗИОЛОГА

Извратив факты утверждением, что Корнилов сводит весь спор между объективистами и субъективистами к вопросу о роли самонаблюдения, т. Залманзон дает *свою* постановку вопросам: «Суть дела не в способах *оперирования*, а в способах *объяснения*. Объяснение как *поведения*, так и субъективных явлений, его сопровождающих, *мозговыми* процессами,—вот в чем *основной* момент *объективного* направления». Так пишет т. Залманзон. Разберемся.

Во-первых, неверно, что «суть дела *не* в способах оперирования, а в способах объяснения». Это значит недооценить практическую сторону, отказать от правильной марксистской практики в психологии. По нашему, суть дела *не только* в способах объяснения, *но и* в способах оперирования. Да и как можно их противопоставлять! Нельзя же правильно объяснять при неправильном оперировании, т. е. изучении.

Во-вторых, что представляет собой то объективистическое объяснение, которое предлагает т. Залманзон и которое он хочет выдать за марксистское? Мы считаем, что *основным* моментом в изучении объекта психологии является *поведение*, обусловливаемое в основном и главным общественным, социально-классовым бытием, т. е. *социальными* действиями. Мы утверждаем, что это поведение, обусловленное социально-классовым бытием, *определяет* функционирование мозга, т. е. и субъективные его свойства и его физиологию. Правда, мозг нам дан от природы. Человеческая природа дает нам мозг с его физиологическими и субъективными свойствами. Но она дает нам только аппарат, способный, точнее, могущий функционировать. Но *как* он будет функционировать, в *каком* направлении физиологические процессы будут в нем протекать и *какие* субъективные переживания мы будем иметь,—все это определяется общественным, социально-классовым бытием через поведение. *Социальным* явлением—поведением—мы объясняем и субъективное и физиологическое.

А т. Залманзон? Он считает, что *мозговые* процессы объясняют не только субъективное, но и поведение. Поскольку мозговые процессы объясняют, по т. Залманзону, и субъективное, постольку под ними понимается

фактически только физиология. Следовательно физиология, т. е. явление естественно-исторического порядка, объясняет, определяет, по т. Залманзону, не только субъективное, но и поведение, т. е. явления *социального*, общественного, социально-классового порядка.

Но ведь это и есть чистейший физиологизм; один из видов *реакционного* естественно-научного материализма в объяснении явлений *общественного* порядка, один из видов *механистического* материализма.

Когда мы выступали против школы Павлова, то мы выступали *не* против научной ценности учения об условных рефлексах, поскольку оно изучает физиологию мозга, а против теоретической установки, объясняющей поведение физиологией, т. е. против физиологического материализма.

Мы бросили школе Павлова упрек в физиологическом максимализме и мы теперь направляем его и в отношении т. Залманзона. Превратить марксистов-психологов в эмпириков и субъективистов, как это сделал т. Залманзон, во имя физиологического, по существу механистического, материализма, есть вредная, опасная идеологическая операция.

III. ДУАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ Т. ЗАЛМАНЗОНА

Физиологический материализм, физиологический максимализм роднит т. Залманзона с Павловым, также утверждающим, что физиология мозга дает нам возможность заменить животные отношения между людьми чисто человеческими, т. е. разрешить социальную проблему. Но этого мало: т. Залманзон настолько пленен *теоретической* установкой физиологического материализма Павлова, что защищает *все* теоретические ошибки последнего.

Тов. Залманзон защищает Павлова от нашего упрека в отождествлении субъективного с физиологическим. Он приводит мотивы теоретического, принципиального порядка, с одной стороны, и фактического порядка, с другой. Мотив теоретический сводится к тому, что отождествление возможно только идеалистическое, со стороны идеалистов, а не механистическое, со стороны материалистов. Он утверждает, что это доказывается приводимыми нами же цитатами, которые побивают якобы нас самих, а именно: что мы употребляем как аргумент против объективистов-механистов те цитаты, которые ясно и четко опровергают обвинение идеалистами материализма в отождествлении (с. 153).

Во-первых, почему мы не вправе оперировать против объективистов и механистов и теми цитатами, которые опровергают обвинения идеалистами материалистов в тождестве? Ведь эти цитаты указывают, что последний материализм не признает тождества, и мы, следовательно, можем ими пользоваться против объективистического и механистического *отождествления* субъективного с физиологическим.

Во-вторых, т. Залманзон извращает исторические факты, утверждая, что основоположники марксизма сталкивались только с идеалистическим тождеством и не сталкивались также и с механико-материалистическим тождеством. Тов. Залманзон ссылается на приведенные нами цитаты о том, что «упрекать материалистов в тождестве» — нельзя, ибо это «значит навязывать им идеалистическое тождество». Но понимает ли т. Залманзон, о каких материалистах идет речь? Речь идет о таких материалистах, которые *действительно* являются таковыми, которые *действительно* создавали, творили материализм.

Почему т. Залманзон не обращает внимания (ему невыгодно?) на то приведенное нами место, где Плеханов спрашивает: «Кто из *видных* материалистов», «кто из *выдающихся* материалистов» отождествлял субъективное с объективным?

Речь, следовательно, идет о выдающихся, видных, авторитетных материалистах, с коими марксизм считается, с коими он солидаризируется, кого он считает действительно материалистами. А ведь, кроме таких материалистов, есть и другие, с которыми марксизм не солидаризируется, которых он, наоборот, резко клеймит, отвергает. Известно ли т. Залманзону то, что основоположники марксизма писали *против вульгарного* материализма, считавшего, что психика является таким же выделением из мозга, как желчь из печени, т. е. особой материей, и отождествлявшего, таким образом, субъективное с физиологическим? Ведь эта критика вульгарного материализма выявляет, во-первых, наличие «философов», утверждающих, что психика — это материя, т. е. отождествляющих психику с физикой; во-вторых, она показывает, что они являются материалистами; в-третьих, — что есть, следовательно, материалисты, отождествляющие субъективное с объективным; в-четвертых, что основоположники марксизма боролись с ними, как с вульгаризаторами, и наконец, в-пятых, что основоположники знали, следовательно, что есть материалистическое тождество. Если ему все это неизвестно; потому, что в марксистской психологии еще не приведены были соответствующие цитаты, то он ведь должен знать следующее приведенное уже нами утверждение Плеханова: «Прочитав эти строки, можно, пожалуй подумать, что Чернышевский разделял взгляд тех будто бы материалистов, которые утверждали, что мысль, а следовательно и ощущения есть не более как движение вещества. Но на самом деле он, как и Фейербах, был очень далек от такого материализма».

Ведь это утверждение Плеханова четко и ясно говорит о том, что основоположники марксизма знали не только об идеалистическом, но и о механико-материалистическом тождестве, что они боролись не только с первым, но и со вторым.

В-третьих, тов. Залманзон извращает факты, утверждая, что мы оперировали *только* цитатами, направленными против *идеалистического* тождества, ибо, цитируя мысли Плеханова о *будто бы* материалистах, мы оперировали, следовательно, и цитатами, направленными против *объективистического* тождества.

В-четвертых, из всего сказанного следует, что мы, выступая против механистического тождества, не превращаемся в сторонников Петцольда, Шмидта, не отождествляем субъективного с объективным и что теоретическое утверждение т. Залманзона об отсутствии механико-материалистического тождества не выдерживает никакой критики и смазывает вопрос о механико-материалистическом тождестве.

Далее т. Залманзон утверждает, что Павлов фактически не повинен в тождестве. Но ведь положение Павлова о том, что «сознание *представляет собой* нервную деятельность определенного участка больших полушарий с оптимальной возбудимостью», означает *только* тождество. Не поможет сравнение этой мысли Павлова с мыслью Фейербаха: «Что для меня или субъективно, есть чисто духовный, не материальный, не чувственный акт (сознание), то само по себе, или объективно, есть материальный, чувственный акт». Оно не поможет потому, что Фейербах, отвергая чисто духовную, нема-

териальную сущность, признает *материально-чувственную сущность*: единство субъекта и объекта.

Не поможет также и ссылка на Фореля, ибо последний признавал реальность своеобразного свойства субъективного и видел в нем не самый физиологический процесс, а внутренний рефлекс мозга, т. е. по-нашему—внутреннее состояние мозга, и следовательно, не утверждал, что субъективное «представляет собой», т. е. является физиологическим, как это утверждает Павлов. Не поможет и утверждение т. Залманзона, что мысли Павлова *сказаны мимоходом*. Мысли ученого, создающего *теорию* поведения, об одном из важных *моментов* поведения очень важны и не являются мыслями мимоходом. Если они сказаны мимоходом, но не верны, то надо это подчеркнуть, дабы они никого не путали, ибо вот же они спутали не только учеников Павлова, но и т. Залманзона.

Спрашивается, почему т. Залманзон, логике и фактам вопреки, так защищает Павлова? Да потому, что, защищая Павлова, он защищает самого себя. И действительно, что делать с теми страницами его статьи, где психика оказывается *только* фикцией, не реальностью, чем-то кажущимся, а на «самом деле» превращающимся из явления «для меня» в явление «само по себе». Ведь это превращение, производимое т. Залманзоном, и есть *сведение* субъективного к объективному, отождествление субъективного с объективным, механико-материалистическое тождество.

Это сходство т. Залманзона с Павловым идет значительно дальше. Тов. Залманзон удивляется, как это мы «ухитряемся», обвиняя Павлова в механико-материалистическом тождестве, в то же время квалифицировать его и как бессознательного идеалиста. Он, очевидно, еще больше удивится, когда прочтет, что мы и *его* причисляем к бессознательным идеалистам. Но ведь это «ухищрение» присуще Плеханову, который называет филисов, отождествляющих субъективное с объективным, «будто бы материалистами» т. е. и бессознательными идеалистами, как мы видели это выше. Тов. Залманзон упрекает нас в том, что мы не объяснили и не показали, как это механист-материалист является одновременно бессознательным идеалистом.

Что же, восполним этот пробел, благо статья т. Залманзона дает для этого хороший повод. Механист является бессознательным идеалистом *потому*, что он не отдает себе самому отчета в том, что, по его мнению, субъективное не может быть свойством материи. Идеалист утверждает это открыто, сознательно, поэтому он является *сознательным* идеалистом, а механист этого не сознает, поэтому он является *бессознательным* идеалистом. И действительно, перед нами антиномия: материя—психика. Как решает эту антиномию марксизм? Он включает второй член в первый, ибо для него психика является свойством материи, внутренним ее состоянием. Что говорит идеалист? Он говорит, что психика является чем-то нематериальным. Он сознательно ставит второй член антиномии *вне* первого, утверждая, что психика не может быть присуща материи.

Ну, а что говорит механист? Для него по существу *нет* психики, т. е. второго члена антиномии, для него есть *только* первый член—материя, но без включения в нее психики, ибо ее совсем нет. Другими словами, для него как и для идеалиста, материя не может обладать свойствами психичности, психика не может быть присуща материи, т. е. он *фактически* смотрит на материю теми же глазами, что и *идеалист*. Но он является не сознательным, а бессознательным идеалистом, потому что он субъективно считает что психики вообще нет, не отдавая себе отчета в том, что в *основе* этого утвер-

ждения его лежит сходная у него с идеалистом мысль, что материи не присуще, не может быть присуще субъективное свойство. Но этого мало. Статья т. Залманзона интересна в том отношении, что выявляет открыто, сознательно его идеализм и дуализм.

Защищая Павлова, т. Залманзон пишет: «Если взгляды о непространственности и адетерминистичности психики признать вместе с т. Франкфуртом дуалистическими, то это дуализм совсем особого рода, ибо он как две капли воды похож на *самый подлинный монистический материализм*». Посмотрим, что это за монизм и что это за материализм.

Тов. Залманзон ссылается на Фейербаха и Бухарина. Он приводит из Фейербаха следующую цитату: «Конечно, в психологии нет ничего заполняющего пространство. Но это отсутствие всякого заполнения пространства, всякого физиологического материала, эта пустота имеет субъективное основание». Всякий, не ослепленный механизмом, видит, во-первых, что Фейербах говорит о заполнении пространства физиологическим материалом. Пространство занято, следовательно, последним, т. е. материей. Во-вторых, Фейербах говорит об отсутствии заполнения пространства физиологическим материалом, о пустоте, как о чем-то имеющем *субъективное* основание, т. е. что субъективно только—отсутствие, пустота. Каков же смысл утверждения Фейербаха?—Смысл один: *нам, субъективно*, в процессе переживания, кажется, что мы имеем дело только с субъективным, без физиологического материала, заполняющего пространство. И действительно, когда мы переживаем, мы думаем только о самом переживании, а не о том материальном физиологическом процессе, который происходит в нашем мозге. О последнем у нас нет никаких восприятий в субъективном. Мы ничего о нем в момент переживания не знаем. Отсюда и превращение субъективного в особую материальную сущность. Против этого-то превращения и борется Фейербах, утверждая, что оно имеет *только субъективные основы, кажется* нам *только субъективным*. На самом деле субъективное не оторвано от материи. Субъективное, как особое свойство мозга, имеет свою материальную базу, основу—физиологический материал, материю, заполняющую пространство. Следовательно, субъективное совершается в пространстве, но пространство-то заполнено не субъективным, как таковым, а физиологическим материалом, материей.

А о чем говорится в цитате Бухарина, приводимой т. Залманзоном? В ней говорится, что «одни явления имеют протяжение, занимают место в пространстве, а другие не занимают места в пространстве». Бухарин говорит, следовательно, о непротяженности психики, о том, что она не занимает места, что *место* занято, заполнено *материей*. Психика является свойством материи, заполняющей пространство. Но она, психика как таковая, места *не* занимает, ибо она является внутренним состоянием заполняющей пространство протяженной материи. Психика как таковая не занимает места, непротяженна, но она является свойством протяженного мира, совершается в пространственном мире. Так обстоит дело не только со свойством психичности, но и со *всеми* свойствами материи. Свойство материи, говорит Плеханов, не есть часть материи. Не будучи частью материи, свойство материи, всякое свойство, не занимает места в пространстве, *не* протяженно, но является свойством протяженного мира, свойством пространственного мира, присущим пространственному миру, внутрипространственным явлением, пространственным в смысле присущности пространственному миру. Занимает ли форма место, спросим мы еще раз т. Залманзона? Нет.

Занимает ли место движение? Нет. Но являются ли они внепространственными, непространственными? Таюже нет. Место занимает материя, включающая уже в себе свои свойства. Она, материя, протяженна. Ее свойства не занимают места, не протяженны, но они являются свойствами внутрипространственными, а не *внепространственными*.

Итак, психика не протяженна, но *непротяженная*, она присуща пространственному миру. Она не протяжена в том, что не занимает как таковая места, но она *пространственна* в том смысле, что свойственна протяженной, заполняющей пространство материи, пространственному миру. Надо, следовательно, различать понятия «протяженность» и «пространственность». Когда мы утверждаем, что психика не протяженна, не занимает места (поскольку место занято материей, обладающей психичностью), психика характеризуется как нечто не протяженное, не занимающее места, но как нечто внутри протяженного мира, *внутри* пространства сущее, как нечто присущее заполняющей пространство, занимающей место материи. Когда же говорят, что психика не *пространственна*, то переносят психику *вне* пространства, т. е. в другую нематериальную область, делят мир на две области: пространство—непространство. Вот почему *нельзя* говорить, что субъективное протекает во времени, но не в пространстве. Вне пространства, не в пространстве ничего не происходит. Это дуализм.

Всего этого т. Залманзон не понимает, считая «чудом», что «совершающееся в пространстве не занимает места в пространстве». Но это обнаруживает только его механистическое упрощенство, непонимание соотношений между материей и ее свойствами, больше того—его дуализм. «Говорить о пространственности психики,—это значит отождествлять субъективное «для меня» с теми процессами, которые действительно совершаются в пространстве, занимая в нем при этом определенное место. Отождествление является необходимой и составной частью идеалистической философии» (с. 156). Так утверждает т. Залманзон.

Что у нас *нет* места отождествлению, что наша формула о *непротяженности*, но пространственности психики не означает тождества, ясно из всего предыдущего. Но то обстоятельство, что т. Залманзон не приемлет мысли о том, что психика пространственна, т. е. присуща пространственному миру, что он защищает формулу не только непротяженности, но непространственности психики, обнаруживает только, что метафизическое мышление мстит ему, приводит его к мысли, что психика есть нечто *внепространственное*, и превращает его в дуалиста. Этот дуализм т. Залманзона еще ярче выявляется в его отношении к *адетерминистичности* психики.

Тов. Залманзон считает, что признание не только пространственности, но и адетерминистичности психики является «подлинным монистическим материализмом». Надо же уметь договориться до признания монизмом и *материализмом* положения, что целая область явлений беспричинна, нейтральна в отношении закона причинности!

Точка зрения, утверждающая, что есть два вида явлений—детерминированные и адетерминированные—и являющаяся *дуалистической*, поскольку признает две принципиально различных области явлений, и *идеалистической*, поскольку признает явления *непричинные*,—эта точка зрения объявляется т. Залманзоном монистической и материалистической.

Ссылка т. Залманзона на Фейербаха, что в психологии мы «найденныши, ничего не знаем и не хотим знать о «родословной» нашей психики», что «в наше сознание попадают только заключения, а не послышки, результаты,

а не процессы организма»,—эта ссылка показывает, что т. Залманзон не понимает Фейербаха. Ведь мысль Фейербаха сводится к тому, что только в психологии, в сознании, *субъективно*, мы не имеем родословной, посылок, процесса, что на *самом деле* наши субъективные переживания имеют родословную; что на самом деле *наличествуют* не только заключения, но и послышки, не только результаты, но и процессы. А т. Залманзон хочет вычитать отсюда адетерминистичность психики... Но адетерминизмом является не Фейербах, а т. Залманзон. Механистичность уживается у последнего с адетерминистичностью психики, т. е. с дуалистически-идеалистической установкой в психологии.

Если до сих пор мы находили *идеализм* у т. Залманзона, поскольку он выявлял свой *дуализм*, то теперь выявим его идеализм, как таковой, независимо от дуализма.

Тов. Залманзон отказывается видеть идеализм в утверждении Павлова, что «наши субъективные переживания *направляют* нашу ежедневную жизнь и *обуславливают прогресс* человеческого общежития». Он утверждает, во-первых, что Павлов не социолог. Да, это верно, но это ничего не доказывает и не опровергает нашей мысли. Павлов не социолог. Он—*физиолог*. Но беда-то т. Залманзона в том, что он не понимает, не видит или сознательно закрывает глаза на то обстоятельство, что защищаемый им Павлов, будучи не социологом, а физиологом, все же не ограничивается узкой, хотя и очень важной, областью физиологии мозга, а хочет решить, объяснить проблему *поведения* в целом и не только поведения животных, но и человека. Поведение человека есть в основном и главным явление *социального* порядка. Следовательно, не социолог, а физиолог Павлов все же пытается *фактически* решить проблему *социального* порядка. Поэтому мы не только вправе, но и обязаны оценить его социологическую установку.

Тов. Залманзон напрасно пытается поймать нас на противоречии: с одной стороны, мы квалифицируем мысль Павлова о том, что наши субъективные переживания обуславливают общественный прогресс, как идеализм, а с, другой стороны, мы твердим о том, что наши субъективные переживания являются рычагом прогресса. Эта попытка найти у нас противоречие обнаруживает только непонимание т. Залманзоном вопроса. Ведь мы говорили и говорим о субъективном как рычаге истории лишь *после* того, как оно само определено бытием, лишь поскольку оно *обратно* воздействует как второстепенный фактор, порожденный основным фактором. А Павлов ведь об этом и не упоминает. Он просто говорит о направляющей роли субъективного. Но такая простая формула ничего другого не представляет собой, как идеализм. Тов. Залманзон механист и все же защищает идеалистическую формулу!

А чтобы смазать свой идеализм, т. Залманзон «ссылается» на Энгельса, утверждающего: «Если каждый человек оказывается идеалистом вследствие того простого обстоятельства, что у него есть идеальные стремления и что он подчиняется влиянию идеальных сил, то всякий мало-мальски нормальный человек—идеалист, и непонятным остается одно, как на свете могут быть материалисты».

Но ведь Энгельс говорит, во-первых, о наличии психики и, во-вторых, о ее влиянии лишь после того, как он *раньше* подчеркнул, что эта влияющая психика *порождена* бытием. Другими словами, Энгельс говорит, что поведение определяет психику и что затем уже эта психика воздействует обратно на действия, поведение. Но как раз *этой-то* формулы у Павлова

нет. Он говорит ведь *только* о направляющей роли психики. Неужели механист т. Залманзон так полонен учением Павлова, что не понимает этой разницы? Очевидно, что так оно и есть.

Если не понимать этой разницы, если так относиться к идеализму, то прав Энгельс, что тогда не будет на свете материалистов. Ведь вся мысль Энгельса направлена против того, чтобы признание психики как отражения бытия, воздействующего обратно на бытие, называть идеализмом, *против* злоупотребления словом идеализм, так как, утверждает Энгельс, под идеализмом надо понимать признание *первичности* психики, т. е. как раз то, что высказал Павлов и что защищает т. Залманзон. Тов. Залманзон защищает идеалистическую формулу. Ну, разве же это не идеализм?

Итак, т. Залманзон защищает *весь* диапазон неправильных теоретических установок, присущих Павлову в области науки о поведении: т. е. не только физиологический материализм, отождествление субъективного с физиологическим, но и дуалистические и идеалистические взгляды на субъективное.

IV. Тов. ЗАЛМАНЗОН—МЕХАНИСТ ТИПА МАТЕРИАЛИСТА-БИХЕВИОРИСТА

Но, пугаясь вышеуказанных выводов, т. Залманзон пытается отойти от своей «теории» и предлагает рядом с ней еще одну точку зрения, представляющую собой, несмотря на свою противоположность первой, только другую разновидность механизма в психологии. Тов. Залманзон пишет, что «объективное направление вовсе не исчерпывается физиологией мозга», что «марксисты-объективисты при этом рассматривают индивидуума не только как продукт природы, но и как продукт общественных отношений», воздействующий обратно на среду, что «марксистская психология развивается как синтез социальной психологии и физиологии высшей нервной деятельности» (с. 145).

Разберемся. 1. Предлагая синтез физиологии и социальной психологии, т. Залманзон тем самым признает, противореча себе, синтез между объективным и субъективным направлением. Утверждение т. Залманзона, что социальная психология есть наука, только еще рождающаяся,—исторически неверно. Тов. Залманзон не знает или скрывает тот исторический факт, что эмпирическая психология имела *две* ветви: индивидуальную и социальную психологию. Социальная психология ведет свое начало от идеалистического направления в психологии. Тов. Залманзон может возразить, что он имеет в виду не идеалистическую социальную психологию, но ведь и мы, говоря о синтезе между объективным и субъективным направлением, подходим к субъективному не с идеалистической точки зрения. Поэтому или и мы имеем право говорить о синтезе и не являемся из-за синтеза псевдо-марксистами, эклектиками и субъективистами, или т. Залманзон делает оборот в 180°, становится на нашу точку зрения возможности синтеза и ставит себя в положение гоголевского персонажа. Вся разница между нами и т. Залманзоном заключается, во-первых, в том, что мы говорим о синтезе в отношении всей эмпирической психологии, а он только в отношении *одной ее ветви*; во-вторых, что мы говорим о синтезе *открыто*, не боясь называть вещи своими именами, а он *замаскированно*, в-третьих, что мы *признаем* историческую преемственность, а он *отрицает* ее; в-четвертых, что мы не извращаем истории, а он ее извращает. Но от всего этого т. Залманзону не легче.

2. Выделяя среди объективистов группу объективистов-марксистов, учитывающих не только физиологию, не только человека как продукт природы, но и человека как продукт общественных отношений, т. Залманзон *отмежевывается* от физиологического направления и *делает попытку* стать на правильный путь. Он пишет: «Физиология высшей нервной деятельности, усложняясь по мере перехода от животных к человеку, должна иметь в качестве *отправного* пункта своих исследований данные *социальной психологии*. Экспериментальное изучение высшей нервной деятельности у человека без данных социальной психологии не может дать существенных результатов, что как раз и доказывается скудными незначительными результатами применения метода условных рефлексов на человеке» (с. 147. Курсив наш—К. и Ф.).

Этим утверждением т. Залманзон *переворачивает* то взаимоотношение между физиологическим и социальным, которое он защищал выше, делает поворот на 180°.

Раньше, по т. Залманзону, физиология высшей нервной деятельности объясняла субъективные явления и поведение. Раньше можно было понять поведение и психику из мозга. Раньше основным, исходным пунктом для объяснения поведения и психики была физиология мозга. Теперь оказывается совершенно противоположное. Теперь нельзя уже объяснить, понять физиологию без социальной психологии. Теперь социальная психология является уже исходным пунктом для изучения, понимания и объяснения физиологии высшей нервной деятельности.

Свой 180°-й поворот т. Залманзон сделал тихо, незаметно, скромно, не обмолвившись ни единым словечком. Почему так молчалив т. Залманзон? Потому ли, что он сам не понимает, не отдает себе отчета в том, что с ним происходит? Потому ли, что у него нет мужества сознаться в своем повороте, дабы не вскрыть ошибочности своего первого синтеза? Потому ли, что он хочет смазать разницу между первым и вторым синтезами его? Потому ли, что он, о ужас, *приблизился* к нашей точке зрения?

Мы говорим, что т. Залманзон *делает попытку* встать на правильный путь, а не встал на него, что он *приблизился* к нашей точке зрения, а не дошел до нее. Постараемся это показать.

Как понять, что «социальная психология всеми своими корнями уходит в марксистскую социологию, отличаясь от нее только объектом своего исследования» (с. 146)? Тов. Залманзон не расшифровывает, что он понимает под марксистской социологией, а это очень важно ввиду споров о ней. Если он под ней понимает все другие, кроме социальной психологии, социальные науки, то он прав, но тогда нельзя говорить о марксистской социологии, а надо говорить о других социальных науках. Если же т. Залманзон понимает под марксистской социологией исторический материализм, то он неправ в двух отношениях. Исторический материализм как методология истории охватывает все общественное бытие в том числе и социальную, классовую психику. Психика, следовательно, является *частью* объекта истмата. Поэтому, надо было бы говорить о том, что социальная психология отличается от марксистской социологии тем, что она изучает *часть* ее объекта. Это одна сторона вопроса. А другая сторона вопроса принципиально еще важнее. Исторический материализм охватывает все общественное бытие, в том числе и социальную психику, но как? Он как методология устанавливает *общие* законы развития общественного бытия, а не конкретные процессы развития *отдельных* конкретных областей общественного бытия. Это послед-

нее есть функция отдельных конкретных социальных наук, коим истмат как методология диктует методологический подход, находя в них свое применение и конкретизацию. Социальная психология является одной из таких наук. Поэтому ошибочно говорить, что социальная психология отличается от марксистской социологии только объектом изучения. Социальная психология, изучая часть того объекта, который охватывает исторический материализм, отличается от последнего также и своим *характером*. Исторический материализм есть *общая* методология истории, устанавливающая *общие* законы исторического процесса, а социальная психология есть частная, конкретная социальная наука, базирующаяся на историческом материализме и добывающая конкретный материал, конкретизирующий и подтверждающий его.

3. Совершенно не удовлетворяет формулировка т. Залманзоном взаимоотношения между социальным и биологическим в его синтезе. «Социальная психология должна отделять социальные факторы от биологических, изучая их связь и антагонизм» (с. 146),— вот и все, что он может сказать по этому столь важному и столь же скользкому для многих вопросу. После той жестокой критики, которой подвергался биологизм со стороны диалектиков, нет большой заслуги в различении т. Залманзоном биологии и социологии. Ведь этого мало: важен второй шаг—какова *сравнительная* роль социологического и биологического факторов. А в этом отношении «связь и антагонизм» можно толковать как угодно. Связанными и антагонистическими могут быть явления и равноценные, и, следовательно, формула о «связи и антагонизме» возможна и с точки зрения равноценных взаимодействующих факторов, которую марксизм давно отверг. Можно только посоветовать т. Залманзону усвоить принцип марксистской психологии о приоритете социального фактора над биологическим.

4. Тов. Залманзон, вполне правильно указывая на основную роль поведения, заявляет, что «псевдомарксистское, автоматическое понимание исторического процесса возникает тогда, когда сознание и психика объясняются помимо и вне конкретной человеческой деятельности» (с. 146). Тов. Залманзон допускает здесь несколько ошибок.

а) Объяснение сознания и психики помимо и вне человеческой деятельности—это не псевдомарксистский автоматизм, а чистейший идеализм. Тов. Залманзон или не разбирается в философских нюансах или формулирует свою мысль таким неточным образом для того, чтобы ему было легче приписать нам всяческие «грехи».

б) Поскольку т. Залманзон окрестил нас псевдомарксистами, поскольку он, следовательно, направляет свое замечание против нас, за долго до него указывавших, что основой *психики* является поведение, постольку он клеветает на нас, извращая факты.

в) Тов. Залманзон, очевидно, хочет подчеркнуть, что мысль о поведении как основе впервые формулирована им, механистом, что представляет собой опять-таки историческое извращение. Все это можно объяснить только тем обстоятельством, что, сделав головокружительный поворот от физиологического максимализма, видящего *основу* поведения в *физиологии* мозга (как это присуще т. Залманзону на 141—143 с. его статьи), к правильной, защищаемой нами мысли о *поведении*, как *основе* физиологии (на дальнейших страницах своей статьи), т. Залманзон потерял перспективу истинного положения вещей и счел впервые им признанную мысль за впервые им высказанную.

5. Если уже говорить о псевдомарксистском автоматизме, то этим грешит сам т. Залманзон в своем отношении к субъективному. Ведь давно установленная уже основоположниками марксизма мысль об обратном влиянии идеологий, надстроек, не освобождает нас от решения вопроса о «психике», ибо понятие «психика» нетождественно ни с понятием «надстройки», ни с понятием «идеологии». Ведь можно признавать роль надстроек, идеологий, отрицая роль психики. Как же обстоит, по т. Залманзону, с психикой, с субъективным? Он говорит о социальной психологии. Но что она изучает: только ли поведение или также и субъективное?

Тов. Залманзон утверждает, что он признает подсобную роль самонаблюдения. Казалось бы, что он признает субъективное и необходимость его изучить. Но это только слова. Послушаем его: «Субъективные явления, явления «для меня» объясняются и расшифровываются *только* в процессе изучения объективных отношений. Этим несколько и ни в какой мере не устраняется подсобная роль субъективных показаний и высказываний. Подсобная их роль в том как раз заключается, что эти показания и высказывания являются только материалом для изучения *объективных* процессов и отношений» (с. 147).

Из этого рассуждения ясно, что самонаблюдение не служит для познания субъективного как такового, что познать субъективное как таковое не нужно, что познавать надо только объективное. Но этого мало. Субъективное, по т. Залманзону, есть вообще *нечто нереальное*.

«Наука в процессе своего поступательного развития, шаг за шагом, с большими трудностями отвоевывала у религии и идеализма тот материал нашего познания, который относился к явлениям «для меня». Явления «для меня» по мере развития науки *превращались* в существующие «сами по себе» процессы и отношения—объект человеческого воздействия. Но *человеческая природа не является исключением из этого правила*» (с. 148).

Ясно, что субъективные явления *превращаются* в объективные. перестают быть и казаться субъективными, исчезают как субъективные.

По мере развития науки исчезает психика, это измышление идеализма, и остается одно только объективное—вот по существу точка зрения т. Залманзона, объясняющая, почему он так резко выступает, как мы видели выше, против синтеза объективного и субъективного направления. Зачем синтезировать, когда субъективное есть идеалистический обман, исчезающий с развитием науки? Вот какая мысль лежит по существу в основе взглядов т. Залманзона, мысль, сближающая его с Энчменом, видевшим в психике буржуазную выдумку. И все это после того, как т. Залманзон приводит утверждение Фейербаха, что «*разница между мышлением и бытием в психологии не уничтожена*». Да, надо бороться против субъективной идеалистической психологии, против *отделения* ею психики от нашего тела в самостоятельную сущность, как борется с этим Фейербах, но это не должно нас привести, как не приводило и Фейербаха, к отрицанию *реальности* психики, как отличного от физиологии особого свойства. А пока т. Залманзон этого не понимает, он превращает человека в автомата. Но это и есть тот псевдомарксистский автоматизм, который т. Залманзон хотел приписать нам и который по всей справедливости относится к нему самому.

И действительно, если из синтеза физиологии высшей нервной деятельности и социальной психологии исключается субъективное, как исчезающее нереальное, то остается физиология, с одной стороны, и поведение, с другой стороны. Но *такой* синтез представляет собой только другую

разновидность объективизма, другую разновидность механизма в психологии. Если первый синтез, предложенный т. Залманзоном, является неприемлемым физиологизмом, то второй синтез его является неприемлемым бихевиоризмом. Если желание т. Залманзона отмежеваться от физиологизма можно только приветствовать, то предлагаемый им новый синтез является хотя и лучшей, но все же неприемлемой разновидностью объективизма, механизма, сдвигом от физиологизма, но сдвигом половинчатым, недостаточным, остающимся все же в пределах объективистического, механистического материализма. Механизм, мертвое, старое довлеет над т. Залманзоном даже в его попытке отмежеваться от физиологизма!

Учитывая механистический автоматизм, присущий объективному направлению, защищаемому т. Залманзоном, мы можем уже оценить следующую его мысль: «Объективное направление выбивает идеализм из самой *основной* его позиции, из учения о субъекте, о человеческом «я» (с. 148). Тов. Залманзон, в отличие от нас, не принимал участия в борьбе с субъективной психологией, как он сам это признает. Неужели это происходило потому, что он боялся этой борьбы, *преувеличивая* силу субъективной психологии, как это видно из только что цитированной нами мысли его о том, что *основой* идеализма является учение о субъекте, а не социальное, общественное бытие.

Объективное направление не является достаточной научной опорой в борьбе с субъективной психологией, поскольку оно не только отвергает (что вполне правильно) идеалистический взгляд на сущность психики, но и *отрицает реальность психики*.

Далее, что значит утверждение т. Залманзона о том, что «социальная психология сквозь поверхностную оболочку поведения человека проникает в сущность «истинных сил», в сущность тех социально-экономических сил, классовых отношений, которые лежат в основе поведения» (с. 146). Мы, грешные марксисты-психологи, полагали, что социально-экономические, классовые отношения устанавливаются, изучаются, выявляются в их *сущности* другими социальными науками, а не психологией, что марксистская психология берет эти установленные другими социальными науками социально-экономические, классовые отношения как *данное* уже для вскрытия, объяснения и изучения поведения и психики. А у т. Залманзона получается наоборот: с его точки зрения, социальная психология *начинает* с поведения только как с оболочки, как с поверхности, для того, чтобы проникнуть от поведения и через поведение *в сущность* социально-экономических и классовых отношений. Но это означает только одно—неправомерное расширение функций социальной психологии, превращение ее из надстроечной в базовую науку.

Если первый синтез т. Залманзона характеризуется физиологическим максимализмом, неправомерным преувеличением роли физиологии, то второй его синтез характерен социально-психологическим, точнее, поведенческим, бихевиористическим максимализмом, неправомерным преувеличением роли социальной психологии как науки о поведении. Его второй синтез представляет собой шаг вперед от физиологизма, но он все же не приемлем, ибо представляет собой поведенческий, бихевиористический максимализм, одну из разновидностей механизма в психологии. Анализ рассматриваемого теперь синтеза т. Залманзона мы резюмируем так.

1. Перефразируя положение т. Залманзона, «кто отправляется от субъекта, тот является идеалистом», мы говорим: но мы *не* отправляемся

от субъекта, а идем к субъекту, поэтому мы не являемся идеалистами. А как обстоит в этом отношении дело у т. Залманзона,—мы видели выше.

2. Кто отправляется от объекта, тот является представителем *разновидности* материализма. Тов. Залманзон, *не отправляющийся от объекта к субъекту*, а признающий только объективные явления—поведение и физиологию—является материалистом, но принадлежит к той разновидности материализма, которая является не марксистским, а механистическим материализмом.

3. Отказавшись от физиологического материализма (первых страниц своей статьи) и пытаясь (на дальнейших страницах) стать на противоположную, социологическую, марксистскую точку зрения, т. Залманзон смог встать только на автоматическую механистическую точку зрения, что означает только полущаг к марксизму и, следовательно, механистическую эклектику.

V. ПСИХИКА (КАК СОЦИАЛЬНОЕ) ПОВИСЛА У Т. ЗАЛМАНЗОНА В ВОЗДУХЕ

Превратив психику из явления «для меня», т. е. из субъективного, в явление «само по себе», т. е. объективное, и формулировав таким образом точку зрения механистического автоматизма, т. Залманзон пугается, очевидно, и этой разновидности механизма и делает еще один шаг в связи с вопросом о субъективном в истории. Он заявляет, что признает субъективное не только исторически, но и психологически. Но как он признает субъективное психологически? Мы утверждали, что субъективное по Марксу (в его тезисе о Фейербахе) охватывает и человеческие действия и субъективные переживания, что субъективное в истории *включает* в себе субъективное психологически как свою часть, что идеалист Челпанов и механисты (прибавим теперь, и т. Залманзон) извращают этот тезис, отождествляя, первый—человеческие действия—с самосознанием, а вторые—самосознание—с человеческими действиями. И вот т. Залманзон выступает против нас.

Во-первых, он недоумевает, как это материалисты—«механисты» и идеалист Челпанов «повинны в одном и том же грехе?». Но мы ведь не говорили топорно-механистически—в одном и том же грехе. Мы утверждали, что оба, и идеалист и механисты, *извращают* тезис Маркса, проводят отождествление, что они повинны в одном и том же грехе, поскольку они оба отождествляют два понятия, но мы подчеркивали, что их отождествление по существу не одинакового порядка, ибо отождествлять действие с самосознанием и отождествлять самосознание с действием—это не одно и то же, не один и тот же грех с точки зрения *содержания* отождествления. Что с чем каждый из них отождествляет? Идеалист отсекает действия, объективное, оставляя *только* субъективное, сводя таким образом объективное к субъективному, а механист, наоборот, отсекает самосознание, оставляя *только* действие, объективное, сводит таким образом субъективное к объективному. Поэтому идеалисты и механисты повинны в одном грехе, поскольку они отождествляют оба члена антиномии: действие—самосознание, поскольку они отсекают *один* из членов антиномии, и в то же время они повинны в *разных* грехах, поскольку они отсекают, превращают друг в друга, сводят друг к другу *разные* члены антиномии. Но это ведь диалектика, которая недоступна механисту. Недоумение т. Залманзона обнаруживает только то, что он, как механист, не приемлет уже давно данную основоположниками марксизма, в том числе и Плехановым, диалектическую критику двух видов отождествления.

Во-вторых, т. Залманзон нашел неизвестно где раздвоенность у нас, придумав Франкфурта № 1 и № 2. На том основании, что мы отвергали

положение Челпанова о субъективном «не исторически, а психологически», т. Залманзон заявляет, что мы предлагаем субъективное «не психологически, а исторически», и солидаризуется с этим Франкфуртом № 1. Но мы, отвергая челпановское положение «не исторически, а психологически», противопоставляли ему положение «исторически и психологически», как сам т. Залманзон это признает, говоря, что Франкфурт № 2 толкует субъективное Маркса и исторически и психологически. Откуда же т. Залманзон взял «наш» «№ 1»? Он, как и мы, отрицает положение Челпанова, отчего получается сходство между ним, т. Залманзоном, и нами в области отрицательной, критической. Но далее, в положительной области, мы противопоставляли челпановской метафизике «или-или» диалектическое «и-и», а т. Залманзон противопоставляет, хотя и с другим содержанием, но метафизическое же «или-или». И вот, не понимая разницы между нашим «и-и» и его «или-или» и видя наше сходство в отрицании Челпанова, т. Залманзон солидаризируется с нами, приписав нам свою формулу «или-или». Мы отвергаем приписанный нам «№ 1», представляющий психологическую аберрацию, перенос т. Залманзоном его суждения из его головы в нашу, и отказываемся от чести числиться в солидарности с механистом. Так обстоит с Франкфуртом «№ 1».

Что же касается Франкфурта «№ 2», отождествляющего будто бы вместе с Челпановым самосознание «с действиями», то этот выдуманный т. Залманзоном «№ 2» с особой яркостью выявляет метафизическую установку механиста, не понимающего разницы между формулами «или-или» и «и-и». Он пишет: «Трактуя в силу этого субъективное Маркса исторически и психологически в одно и то же время, Франкфурт стирает все грани между самосознанием и человеческой деятельностью» (с. 152). Но ведь сказать, что субъективное в истории включает в себе и действия и самосознание, не значит отождествлять самосознание с действиями. Ведь сказать, что субъективное в истории включает в себе, как часть, субъективное психологически, не значит отождествлять их между собой.

Тов. же Залманзон увидел здесь тождество *потому*, что как механист он не может не быть метафизиком и понимает только формулу «или-или», а не формулу «и-и».

В-третьих, кто прав, мы ли, утверждая, что субъективное у Маркса надо трактовать *и исторически и психологически*, включая последнее в первое как часть, или механист т. Залманзон, утверждающий, что субъективное у Маркса надо трактовать *только исторически*, исключая из этого исторического психологическое. Для ответа на этот вопрос достаточно продумать ту цитату из Плеханова, на которой мы, между прочим, и базировались и которую приводит вслед за нами т. Залманзон, трактуя ее извращенно механистически. Она гласит:

«Экономический материализм является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как в силу ее развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории» (с. 151).

Подумайте, т. Залманзон! Речь идет об экономическом, точнее, *историческом материализме*. Думаете ли вы, что *исторический материализм* изучает неисторические, естественнонаучные явления? Ведь это абсурд! Естественно-исторические явления—это ведь область наук естественных, диалектики природы, а не наук исторических, общественных, исторического материализма. Следовательно, если исторический материализм, общественные науки изучают не только развитие деятельности человека, но и развитие ее

следствия—самосознания, то это значит, что самосознание, т. е. субъективное психологически, представляет собой явление исторического, общественного порядка и входит как часть, именно как следствие деятельности, в историю, в субъективное исторически.

Недаром ведь Плеханов охватывает изучение развития деятельности и ее следствия общей формулой—изучения того, как складывается субъективная сторона истории. Субъективное в истории охватывает и основное—действия и производное от них, следствие,—самосознание, субъективное психологически. Субъективное, по Марксу, имеет два смысла: широкий и узкий. Субъективное в широком смысле этого слова это—субъективное в истории, охватывающее и действия и самосознание, а субъективное в узком смысле этого слова охватывает только часть субъективного в истории, а именно самосознание, субъективное психологически. Марксизм различает субъективное в истории и субъективное психологически, видя в последнем часть первого. Интерпретация же т. Залманзона, хотя и противоположна интерпретации Челпанова, все же неприемлема, как механистическое упрощенчество.

В-четвертых. Отказываясь включить в субъективное исторически субъективное психологически, но признавая, кроме и вне субъективного исторически, также и субъективное психологически, т. Залманзон делает бесспорно попытку отойти от своей первой физиологической установки, но это все же только попытка, к тому же и неприемлемая по существу.

И действительно, если субъективное психологически не входит в субъективное исторически, то оно не представляет собой явления исторического порядка и не является объектом изучения исторических общественных наук. Но оно не может ведь входить и в объект изучения естественных наук, поскольку содержание его социально. Следовательно, субъективное психологически остается висеть в воздухе. Это в лучшем случае. А если мы вспомним сказанное т. Залманзоном о превращении явления «для меня» в явление «само по себе», то получается только формально-словесное, вынужденное признание реальности психики, не приводящее к реальным фактическим выводам, т. е. ко включению психики в ту область реальных исторических явлений, которая изучается историческими, общественными науками, к коим принадлежит и психология.

Идеалистическое тождество нашего положения т. Залманзон видит также и в том, что мы признаем действенность психики, смазывая этим якобы вопрос о том, что собственно воздействует на бытие: психика или человеческие действия. Но и этот мотив не вывезет т. Залманзона. Для него картина проста. В мозге, в голове действует один физиологический процесс на другой, ибо психики как чего-то отличного от физиологии нет, а во вне, на окружающее нас объективное бытие действуют только наши объективные акты поведения. Спрашивается только, на каком основании основоположники марксизма-ленинизма говорят об *обратном воздействии* психологии. Далее, ведь т. Залманзон *тоже* признает обратную роль надстроек, и если он действительно на деле, а не вынужденно, на словах, признает субъективное психологически, то он не может, не должен выступать против действенности психики.

В чем же дело? Все дело в том, что т. Залманзон — механист. Как механист он понимает *только* объективное и не понимает разницы между непосредственным и посредственным действием, не понимает того, что и действенность является качественно-различной, соответственно качественному

различию явлений. Когда для нас субъективно одно состояние влияет, вызывает, воздействует на другое, то объективно—один объективно-субъективный процесс воздействует, влияет на другой.

Внутри человека, в мозге, происходит *непосредственное* воздействие одного физиологического механизма, обладающего одним субъективным свойством, на другой физиологический механизм, обладающий другим субъективным свойством. Объективно действует один объективно-субъективный механизм на другой. Но *для нас*, субъективно, происходит действие одного субъективного состояния на другое. Эта смена субъективных состояний, это воздействие одного субъективного состояния на другое происходит субъективно для нас *непосредственно*, но объективно оно совершается *опосредствованно*, посредством действия объективно-субъективных процессов, через объективное действие объективно-субъективных механизмов.

Что же касается действия во вне, то *объективно непосредственно* действует на окружающее бытие наш акт поведения. Но человек ведь не простой объект, а объект-субъект, т. е. объект, действующий *лишь* постольку, поскольку он имеет *субъективные* отражения. Больше того, для себя, субъективно, человек действует *только* под непосредственным воздействием имеющихся у него *субъективных* переживаний. В этом смысле субъективное и является непосредственно для нас, субъективно, рычагом истории. Но это субъективно, для нас непосредственное действие психики осуществляется объективно в отношении окружающего нас бытия *опосредствованно* через посредство объективного действия на окружающее бытие акта поведения.

Таким образом, дело происходит не так упрощенно-механистически, как это себе представляет т. Залманзон. Мы обязаны различать непосредственное объективное действие акта поведения на бытие и непосредственное субъективное для нас действие психики, совершающееся объективно *опосредствованно*, через объективно-непосредственное действие акта поведения. Мы обязаны различать непосредственное объективное действие одного объективно субъективного механизма мозга на другой и непосредственное субъективное для нас действие одного субъективного состояния на другое, совершающееся *опосредствованно*, через посредство объективно-непосредственного действия объективно-субъективных механизмов.

Это различение качественно различных форм действия исключает как механистическое, так и идеалистическое тождество. И если т. Залманзон видит в *этом идеалистическое* тождество и делает вывод о действии только объективного, то это выявляет или его механистическое отождествление или превращение признаваемого им субъективного психологически в эпифеномен, т. е. оставляет психику висящей в воздухе.

VI. НЕЧЕТКОСТЬ ВЗГЛЯДА НА ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО У т. ЗАЛМАНЗОНА

Мы видели, что субъективное психологически, признаваемое т. Залманзоном, или висит в воздухе, или отождествляется с объективным. Но т. Залманзон *пытается* сделать еще один шаг к марксизму. Он посвящает целую главу доказательству правильности психофизического единства. Если бы он направлял это доказательство *против* Павлова или против себя самого, его шаг к психофизическому единству был бы более ценен, а может быть, и более выдержан. Но поскольку он обращается к нам и *не* отказывается от своей защиты павловской методологии и от своих собственных взглядов (механико-материалистического тождества), постольку он, во-первых,

напрасно открывает нам Америку, а во-вторых, нечеток в своем ответе. Поскольку он отвергает идеалистическое тождество, психофизический параллелизм, психофизическое взаимодействие и петцольдовский идеалистический, формально-геометрический, формально-физический функционализм, постольку он прав. Но ведь это только *одна* сторона вопроса. Есть еще и другая сторона—надо ответить на вопрос, каково же на самом деле отношение *двух* моментов *одного* единства. И вот тут-то т. Залманзон пасует. Для него, во-первых, нет механистического тождества, что оставляет открытым вопрос о том, в состоянии ли он теоретически *преодолеть* это тождество и не является ли признание единства не фактическим, а формальным, словесным. Это наше подозрение получает *реальную* базу в той путанице, которую мы имеем у т. Залманзона. И действительно. Он критикует мысль Корнилова о том, что объективное и субъективное связаны между собой функционально как свойство и материальный субстрат свойства. Ведь Корнилов говорит о функциональной связи между психикой как особым своеобразным свойством особым образом организованной материи и этой последней. Эта функциональная зависимость означает, что когда изменяется материя, то изменяются и ее свойства, в том числе и психологическое свойство. Это единственно правильное, названное Корниловым функциональным, соотношение психики и материи т. Залманзон отвергает. Что же тогда? Каково же соотношение? Но от ответа на этот вопрос т. Залманзон уклоняется. Он пишет: «*Метафизический* вопрос о связи двух миров явлений заменяется двумя исключительно практическими вопросами: *вопросом о конкретном изучении сложных форм движения и их исторической связи с простыми формами движения и вопросом о сопоставлении явлений «для меня» с объективными процессами и отношениями*» (с. 160).

Хорошо, что т. Залманзон признает простые и сложные формы движения в их исторической связи. Но ведь более сложные формы движения обладают *качественно-новыми* свойствами, в частности, интересующая нас материя обладает своеобразными формами движения физиологических механизмов с их субъективными свойствами. Как же можно изучать эти высшие формы, не разрешая вопроса о соотношении их свойств? Ведь между последними есть закономерность, без познания которой нельзя познать высшие формы как цельное единство. Далее, как можно сопоставлять субъективное с объективным без знания этой закономерности? Ведь это будет чистейший эмпиризм.

Во-вторых, почему т. Залманзон называет метафизическим весь вопрос о связи субъективного с объективным? Ведь это есть только своеобразное выражение агностицизма, кстати, отметим, не чуждого т. Залманзону, который не видит агностицизма в некритически-усвоенной им теории Павлова. Ссылка т. Залманзона на Фейербаха и Плеханова представляет собой только извращение взглядов последних. И действительно, из цитаты Фейербаха о том, что *характерный* для прежней *абстрактной* философии вопрос, каким образом могут влиять друг на друга самостоятельные субстанции тела и души, оставался для нее неразрешимым *потому*, что субстанции эти были абстрактными, чисто умственными сущностями,—из этой цитаты т. Залманзон делает вывод: «Вопрос о том, как возможен переход физического в психическое, движения в сознание, каково между ними взаимоотношение, как вывести одно из другого—это вопрос чисто *метафизический*» (с. 159).

Но ведь Фейербах критикует здесь только абстрактную постановку идеалистов, а не самый вопрос о соотношении «тела» и «души». Метафи-

зкой является *идеалистический* ответ на вопрос, а не самый вопрос. На вопрос *надо* ответить. Не поможет т. Залманзону и цитата из Плеханова о том, что «материалисты никогда не обещали дать ответ» на вопрос, «как из вещественного движения может получиться сознательное ощущение», что «они только утверждают, что помимо субстанции, обладающей протяжением, нет никакой другой мыслящей субстанции и что подобно движению сознание есть функция материи» (с. 159).

Ведь в этой цитате речь идет об объяснении *первичного*, ведь ее нужно взять только в аспекте мысли Плеханова о том, что ни материалист, ни идеалист не могут объяснить, откуда берется его первичное как нечто данное. Но это не освобождает нас от установления закономерных соотношений свойств конкретных видов материи. Этого последнего Плеханов требует, он дает определенный ответ на вопрос о соотношении субъективного и объективного. Перед этим ответом Плеханова стоит и т. Залманзон, но, не понимая как механист диалектического ответа на него, он находит один выход—заявить, что «положение Плеханова не совсем ясно сформулировано» (с. 160), и попытаться «распутать» эти «неясные» положения.

«Неясность» у Плеханова т. Залманзон «нашел» при сопоставлении следующих двух мыслей Плеханова: 1) «Невозможно объяснить или описать один ряд явлений с помощью *представлений или понятий*, развитых для объяснения или описания другого» и 2) «Материализм есть прямая противоположность идеализма. Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или иными свойствами материи, тела». Есть ли тут противоречие или неясность у Плеханова? Нет. Во второй мысли речь идет об исходной, основной, принципиальной, философской установке: материя ли предшествует духу или дух—материи, является ли первичным, основным всеобъясняющим дух или, наоборот, материя. Считая основой мира материю, материализм объясняет ее структурой, степенью и формой ее организованности наличие или отсутствие психических свойств и выясняет процесс перехода одним образом организованной материи (неорганической), не обладающей качеством «психичности», в другим образом организованную, высокоорганизованную (органическую) материю, обладающую качеством «психичности». Таков смысл второй мысли Плеханова.

Каково же соотношение этих двух свойств органической материи—физиологического и психического? И вот тут-то и выступает *первая* мысль Плеханова, состоящая в том, что эти два свойства *качественно различны*, характеризуются *качественно-различными* признаками, и, следовательно, те понятия и представления, которыми мы пользуемся для описания одного свойства, не применимы для описания и объяснения другого свойства.

Таким образом, у Плеханова нет никакой неясности, нет никакого противоречия, когда он говорит, с одной стороны, о возможности, а с другой, о невозможности объяснения. Но т. Залманзон, оставаясь по существу механистом, этой диалектики не понял и находит свой «выход» из «неясности». Он пишет: «В *каком* смысле нужно понимать невозможность объяснить один ряд явлений с помощью понятий, развитых для объяснения другого? В *том* ли смысле, что нельзя объяснить состояние «для меня» объективными процессами и отношениями? Нет, тысячу раз нет, ибо это означало бы отрицание самых основ материализма». «Очевидно, что здесь дело идет о *другого*

рода объяснения, об объяснении возникновения одного ряда из другого, о взаимоотношении и связи двух рядов явлений, иначе говоря, дело идет о том же метафизическом вопросе» (с. 160). Он объявляет, следовательно, метафизикой всякое объяснение возникновения взаимоотношения и форм связей двух рядов, т. е. он приписывает Плеханову отказ от положительного ответа на вопрос, уклонение от ответа. Но в этом повинен не Плеханов, а сам т. Залманзон. Давая критику только идеалистического тождества и отрицая наличие механико-материалистического тождества, т. Залманзон своим отказом заставляет усомниться в том, правильно ли понимает он единство, не скрывается ли за его единством фактическое тождество. Или он отказывается от ответа на вопрос о соотношении двух моментов единства и считает невозможным описать и объяснить формы связи между ними *потому*, что ему не чужд и дуализм?

Как бы то ни было его «единство» остается неясным, нечетким, недоговоренным, недодуманным.

VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ АБЕРРАЦИЯ т. ЗАЛМАНЗОНА

Плеханов, говорит т. Залманзон, действительно против подлинного механизма, за подлинную диалектику. Хорошо говорит т. Залманзон, но беда его в том, что он видит механизм у нас, а диалектику у себя.

Мы ставим ясно и четко вопрос: является ли «механизмом» приводимое т. Залманзоном наше положение о том, что марксисты-психологи «учитывают *оба* момента, а именно: *объективные* физиологические процессы как основу и *субъективные* переживания, как неотъемлемое, неотделимое, но своеобразное, особое качество этих физиологических механизмов». Если *это* есть «механизм», то что такое по т. Залманзону механизм? Если *это* не диалектика, то что такое по т. Залманзону диалектика? Неужели т. Залманзон думает, что «диалектикой» является та эклектическая смесь взглядов, которую он выразил в *одной* только статье, а именно: 1) неправильное понимание синтеза на с. 141—143, 2) физиологический материализм—там же 3) бихевиоризм на с. 141—146, 4) дуализм и идеализм на с. 146—148 и 150—154, 5) неверное понимание соотношения между субъективным исторически и субъективным психологически на с. 148—150 и 6) нечеткая, неясная «теория» единства на с. 154—156.

Чувствуя, очевидно, непрочность своей «диалектики», т. Залманзон дает заключительную формулировку относительно необходимости изучать «конкретное поведение целостной личности, действующей в определенной, конкретной, социально-исторической (почему не социально-классовой—К. и Ф.) обстановке», при «сопоставлении объективных (мозговых очевидно—К. и Ф.) процессов с субъективным миром «для меня», «на пути синтетического развития психологии» (с. 162). Но ведь это есть *то*, что мы, марксисты-психологи, защищаем, начиная с 1924 г.

Итак, т. Залманзон приблизился, наконец, к *нашей* точке зрения, но та правильная формулировка, которую он дает в заключение, будет ценна *только* при *одном* условии, если он осознает ошибочность тех взглядов, которые мы выявили в его статье, сознательно от них откажется, признает их несовместимость с марксистской психологией, открыто и прямо *присоединится* к той платформе, которую марксисты-психологи защищают уже с 1924 г.

О РЕВИЗИОНИЗМЕ И ЭКЛЕКТИКЕ В ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

(В связи с книгой Андруэского «Эстетика Плеханова», Л. 1929)

А. Михайлов

I

Марксистское искусствознание развивается в условиях борьбы не только с откровенно-идеалистическими течениями, но и с целым рядом вульгарно-материалистических и оппортунистических «школ» и «школок», в наличии и выступлениях которых не было недостатка в последние годы. Напомним здесь о так называемых «форсоцах» и «сверхматериалистах». Один из представителей последних, И. Иоффе, в своей работе «Культура и стиль» наиболее отчетливо сформулировал основные положения «сверхматериализма», полностью направленные против ортодоксально-марксистского понимания искусства.

В настоящее время можно наблюдать оформление новой ревизионистской «школы» в науке об искусстве. В отличие от «сверхматериалистов», которые прикрывали ревизию марксизма в искусствознании критикой некоторых недостаточно развернутых положений Плеханова, новая «школа» стремится зачастую прикрыть свой оппортунизм именно подобными положениями.

Представители этой школы выступают как «подлинные» защитники тех взглядов на искусство, которые были высказаны в той или иной связи классиками марксизма. Так поступает, например, Л. И. Аксельрод, выступившая еще три года тому назад с серией статей «Методологические проблемы искусства», которые дали, в сущности говоря, философский базис многим ревизионистам в искусствознании.

Л. И. Аксельрод, отправляясь от общеизвестного отрывка Маркса об искусстве античного мира, пытается доказать, что «отличительная сторона искусства с точки зрения Маркса состоит в эстетическом насаждении, т. е. в художественной форме»¹. На самом деле в этом отрывке Маркса речь идет о том, что формы античного искусства неразрывно связаны с определенным историческим этапом в развитии человеческого общества, вне конкретных условий которого невозможно было бы их развитие. Вместе с тем Маркс

¹ См. Аксельрод (Ортодокс) Л. И., Вопросы искусства, «Красная новь», кн. 6 1926, с. 151. Некоторые ошибки Аксельрод впервые были отмечены еще в статье Маца И., Буржуазные течения и тенденции в искусствознании, «Книга и революция», кн. 5, 1929.

ставит вопрос о причинах жизненности и воздействия этих форм в иную эпоху. Судя по отдельным замечаниям его на этот счет, он склонен был искать разрешения вопроса в законах исторической преемственности. Но так как отрывок остался незаконченным и обрывается на своего рода прелюдии к разрешению этого вопроса, то очень трудно сослаться на отдельные фразы этой прелюдии как на заверченный ответ. Можно сказать только одно, что из всех высказываний Маркса никоим образом не вытекает, будто он приписывал спецификум искусства форме или эстетическому наслаждению.

Мы уже не говорим здесь об отождествлении эстетического наслаждения и художественной формы. Здесь Л. И. Аксельрод целиком опирается на Канта, который эстетическое удовольствие, «чистое» и «незаинтересованное», оторванное от практики, связывал исключительно с формой как основой этого эстетического удовольствия. В этом отношении философская позиция Л. И. Аксельрод, занятая ею в последнее время², целиком совпадает с ее суждениями об искусстве. Правда Л. И. Аксельрод пытается в указанных статьях избежать разрыва эстетического и утилитарного, отрыва эстетического суждения от практики, но это только маневр, помогающий замаскировать истинные намерения автора.

Если спецификум искусства сводится к «эстетическому наслаждению» или художественной форме, то сама «эстетическая потребность» сводится к биологическим свойствам человеческой природы. Здесь Аксельрод ссылается уже не на Маркса, а на Плеханова. Говоря о первобытном искусстве, Аксельрод замечает: «Все явления первобытного искусства, ясное дело, продиктованы утилитарными мотивами различного характера. Все его содержание определяется производственными отношениями. Но в то же время искусство это, удовлетворяя эстетической потребности людей, получает самостоятельную значимость. Искусство с точки зрения этой эстетической значимости до такой степени всеобщее, т. е. присуще всем первобытным племенам, что теория искусства может рассматривать эстетическую потребность как биологический факт, как свойство человеческой природы, которое справедливо признается и подчеркивается Плехановым»³.

Напомним слова Плеханова: «Природа человека делает то, что у него могут быть эстетические вкусы и понятия. Окружающие его условия определяют собою переход этой возможности в действительность»⁴. Как видит читатель, Плеханов говорит о том, что природа человека дает лишь возможность для эстетических вкусов и понятий, но в своей действительности они являются социальными фактами. Л. И. Аксельрод подменяет социальное биологическим.

Отказываясь одновременно с этим от рассмотрения искусства как процесса, оторвав эстетическое от социального и объявив его спецификумом искусства, Л. И. Аксельрод очень быстро приходит к совершенно уже идеалистическому выводу о «вечной» ценности художественной формы.

² Ср. статью Н. Карзва, Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму, «Гид знаменем марксизма» 1928, № 9—10 и 1929, № 2—3, особенно, замечания о надклассовой трактовке морали и т. д.

³ См. Л. И. Аксельрод, Методологические проблемы искусства, «Красная новь», кн. 12, 1926, с. 165.

⁴ Плеханов, т. XIV, с. 11.

Греческий мыслитель Эмпедокл, говорит Аксельрод, является родоначальником химии. Элементы его теории вошли в науку, но вся теория «как самостоятельная индивидуальность потеряла, разумеется, всю свою значимость»... «Иначе обстоит дело с произведением искусства. Илиада и Одиссея Гомера также вошли в историю искусства, оказав, быть может, не меньшее влияние на ход развития эстетических ценностей, чем теория Эмпедокла на ход развития естествознания. Но значение Илиады и Одиссеи отличается от теории Эмпедокла тем, что они продолжают существовать как индивидуальные ценности, действуя на нас как таковые, как художественные произведения»⁵.

Эстетическое превращено здесь в абсолют. Сходные утверждения можно найти в работах Зивельчинской, Луначарского и др.

Положения Аксельрод дают философскую основу для ряда ревизионистских выступлений, и этот факт нельзя недооценивать.

Борьба с ними является в настоящее время очередной и актуальнейшей задачей представителей ортодоксального марксистского искусствознания. Но эта борьба может быть плодотворной и результативной только в том случае, если ревизионистские, вульгарно-механистические положения будут подвергнуты критике с точки зрения марксистско-ленинской диалектики, примененной к исследованию вопросов искусства.

Ставя проблему в таком плане, мы должны с совершенной ясностью и четкостью определить то значение, которое может иметь в процессе разработки марксистско-ленинской методологии искусствознания и в борьбе с вульгаризаторами и ревизионистами эстетическое наследие, оставленное нам основоположниками марксизма.

Особенно важно систематизировать и истолковать с этой точки зрения эстетическое наследие Плеханова.

Основной задачей плехановских работ об искусстве являлась борьба против идеалистического понимания искусства и перенесение общих положений марксизма в область художественной практики. Наиболее разработаны были Плехановым вопросы зависимости искусства от экономической основы и социально-политической структуры общества, о происхождении искусства и приемах художественной критики. В анализе ряда конкретных эпох Плеханов иллюстрировал необходимость и плодотворность марксистского метода в изучении искусства. Наименее разработана была им проблема категорий диалектического развития искусства и совершенно почти не затронут в принципиально теоретическом плане вопрос о пролетарском искусстве и искусстве эпохи зрелого капитализма.

Уже из этого ясна неравноценность наследия Плеханова при разрешении отдельных вопросов.

Далее нужно отметить, что эстетика Плеханова имеет свою эволюцию: если взять, например, его статьи о русской критике (конец 90-х гг.), с одной стороны, и статьи 1908—1912 гг.—с другой, то можно проследить нарастающие элементы «объективизма», которые были в более или менее скрытом виде и в ранних его работах.

Особо следует отметить, что большинство формулировок Плеханова, относящихся к вопросам диалектического развития искусства, не развернуты в достаточной мере и могут дать повод к совершенно неправильным выводам, если их применить в буквальном смысле. Например, в своей статье «Искус-

⁵ Л. И. Аксельрод, Методологические проблемы искусства, «Красная новь», кн. 7, 1926, с. 181.

ство и общественная жизнь» (1912) Плеханов выясняет социальные причины двух типов искусства: «искусство для искусства» и «искусство для общества». Всем известны его формулировки и истолкования этих типов искусства. «Склонность художников и людей, живо интересующихся художественным творчеством, к «искусству для искусства» возникает на почве безнадежного разлада их с окружающей их общественной средой» (XIV, 131). И далее: «Так называемый утилитарный взгляд на искусство, т. е. склонность придавать его произведению значение приговора о явлениях жизни и всегда ее сопровождающая радостная готовность участвовать в общественных битвах, возникает и укрепляется там, где есть взаимное сочувствие между значительной частью общества и людьми, более или менее деятельно интересующимися художественным творчеством» (там же).

Мы могли бы привести здесь целый ряд примеров, когда этими формулировками Плеханова прикрывается неумение понять диалектику художественного развития и дать классовый анализ тех или иных художественных течений. Можно встретить иногда попытки объяснить все развитие мирового искусства с помощью этих двух категорий. При этом забывают, что как раз в этих положениях Плеханова мы имеем сведение сложной диалектики классовой борьбы и ее выражения в художественной практике—к взаимоотношениям «общественной среды» и профессиональных групп художников и «людей, живо интересующихся художественным творчеством». И тем менее, значит, эта общая недифференцированная схема может послужить ключом к истолкованию всего богатства исторического развития искусства.

Точно так же, анализируя противоречивость художественного развития, «Плеханов этот существеннейший закон диалектики художественных форм запрятал в пространные рассуждения о психологическом законе противоречия как дополнении к закону подражания, вместо того чтобы решительно обособить его и выдвинуть его как «ведущее начало» литературно-художественного процесса, как отражение и выражение классовой борьбы, происходящей в обществе»⁶. Примеры, которыми Плеханов иллюстрирует, в частности, действие «закона антитезы», показывают, что он понимал антитечность как механическую смену противоположных художественных направлений и стилей, а не как «раздвоение единого», единство противоположностей во всех процессах и явлениях действительности, в том числе и художественной действительности. Замечание Ленина о том, что «на эту сторону диалектики (на «раздвоение единого и познание противоречивых частей его» как на «суть» диалектики—А. М.) обычно (например у Плеханова) обращают недостаточно внимания»—должно быть распространено и на эстетические высказывания Плеханова. Мы подчеркиваем эти стороны плехановской эстетики, потому что весьма распространено апологетическое отношение к каждой строчке и к каждому положению, им высказанному. Вряд ли можно считать это добродетелью: чаще всего здесь скрывается неумение развернуто поставить и разрешить тот или иной вопрос.

Но одновременно с этим эстетическое наследие Плеханова в своей лучшей и ортодоксальной части является не только историческим фактом, но и действенным орудием в нашей сегодняшней действительности. Борьба Плеханова за идейное общественно-значимое искусство (см., например, его высказывания об импрессионистах и др.), борьба против идеализма, требование раскрытия социально-классовой роли художественной практики, как

⁶ В. М. Фриче, К юбилею Плеханова, «Литература и марксизм», кн. 3, 1928, с. 63.

важнейшей задачи марксистского искусствоведения и т. п.,—все это входит в арсенал лучших традиций марксистской науки об искусстве и марксистской критики; и под знаменем этого наследия мы боремся и будем бороться со всеми вульгаризаторами, стыдливými полуйдеалистами и «форсоцами», прикрывающими свой отход от марксизма выхолащиванием лучшей части плехановского наследия при одновременном выпячивании того, что должно быть в нем преодолено.

Важнейшей задачей является поэтому такой анализ эстетики Плеханова, который одновременно гарантировал бы и от некритического апологетства и от оплошления ее ортодоксальных в условиях нашей действительности (а не только для своего времени) положений.

Именно такую задачу ставит себе Андрузский, автор не так давно вышедшей книги «Эстетика Плеханова (Основные вопросы марксистской социологии искусства)», «Прибой», 1929.

Книга Андрузского является пока что единственной монографией, посвященной данной теме.

II

В введении к своей работе Андрузский выражает недовольство по поводу того, «что в современных суждениях об эстетической теории Плеханова царствует полнейший беспорядок и разногласия» (6), обещает дать «диалектическое» изложение этой теории и выявить ее «диалектическую сущность», понять ее в исторической обстановке, в связи с взаимодействием эстетических систем и художественной практики той эпохи, в эволюции, в связи с современным марксистским искусствознанием и т. д. (7—8).

Надо сразу же отметить, что ни одно из этих обещаний автором не выполнено: он подошел к эстетике Плеханова метафизически и апологетически, и она послужила лишь поводом для создания новой эстетической системы—уже не Плеханова, а Андрузского, системы, в которой беспорядочные цитаты Роланд-Гольст, Аксельрод, Меймана, Прудона, О. Уайльда и др. удивительно «гармонично» сочетаются и уживаются с непрерывными клятвами верности самой доподлинной диалектике и стопроцентному марксизму, которого не поняли все искусствоведы-марксисты, исключая Андрузского. Вот почему речь будет идти здесь преимущественно об эстетической системе самого Андрузского, но не об эстетике Плеханова¹.

Для «Эстетики» Андрузского (именуемой им несколько пространно—«Основные вопросы марксистской социологии искусства») крайне характерно, что если он «определение искусства, предложенное Толстым» (искусство есть средство общения через заражение чувствами), считает «материалистическим определением» и сближает его с определением Чернышевского (15), а взгляды Роланд-Гольст и Аксельрод неоднократно объявляет безусловно ортодоксальными, то одновременно с этим он подвергает яростной атаке высказывания В. М. Фриче, несколько не задумываясь о той громадной дистанции, которая отделяет эти последние от путаных и нередко полуйдеалистических положений Роланд-Гольст и Аксельрод. Впрочем атаки Андрузского носят довольно поверхностный характер не только по существу,

¹ Этот вопрос мы затронем в специальной статье, где и будет сказано более подробно о характере интерпретации Андрузским положений Плеханова. Во всяком случае эта интерпретация отнюдь не похожа на то, что нам надо и о чем говорилось выше. Впрочем это будет видно ясно ниже.

но и по форме. Так, говоря о «спецификуме» искусства, Андрузский замечает: «по мнению т. Мăца, «с п е ц и ф и к у м» искусства заключается в эмоционально-акцентированной организации материалов или в эмоционально акцентированных образах» (23), и сейчас же начинает полемизировать с т. Мăца. Но определение Мăца, данное на той самой странице, на которую ссылается Андрузский, говорит прежде всего о практической (специфической) задаче искусства и только затем—об эмоционально-акцентированных образах, через посредство которых эта задача выполняется. Спецификум искусства в определении т. Мăца представляет единство этих моментов⁸. А Андрузский берет из этого единства одну сторону и, представив ее как спецификум в понимании Мăца, начинает критиковать. Критика столь же странная, сколько и напрасная. Но не об этих деталях идет речь. Речь идет о той системе, которую предлагает Андрузский, как нечто наиболее диалектическое и марксистское.

Начнем с определения искусства. «Совокупность материальных произведений, выражающих в конкретно-образной форме понятия общественного человека о прекрасном в широком смысле, являющиеся продуктом определенного общества или общественного класса, образует то, что называют искусством, и к тому же искусством, находящимся на определенной исторической ступени развития, искусством с своеобразным, ему одному присущим характером» (25). Спецификумом искусства по Андрузскому является красота. «Искусство есть обобществление красоты» (18); «Плеханов признает, что сущностью искусства является красота» (19); «Роланд-Гольст также видит в красоте сущность искусства» (20); «именно в красоте (в широком смысле) Плеханов усматривал отличительный характер искусства, его *differentia specifica*» (22); «из приведенных рассуждений Плеханова и Г. Роланд-Гольст следует, что красота есть особое, своеобразное качество чувства» (31); «красота есть эмоциональное отношение субъекта к объекту» (32); «красота есть диалектическое единство общественной (объективной) пользы и индивидуальной (субъективной) бесполезности» (37) и т. д. Таковы определения Андрузского. Прежде всего отметим тавтологичность этих определений. Сказать, что искусство есть совокупность произведений искусства (хотя бы и материальных), выражающих в конкретно-образной форме общественные понятия о прекрасном—значит по существу ничего не сказать. Определить красоту как особое качество чувства—значит ничего не определить.

Л. Толстой, которого Андрузский считает материалистом, очень едко отзываясь в своей работе «Что такое искусство» о подобных суждениях. Как найти то специфическое, что отделяет искусство от неискусства, спрашивает Толстой и замечает: «Средний образованный человек нашего круга и даже художник, не занимавшийся специально эстетикой, не затруднится и этим вопросом. Ему кажется, что все это разрешено давно и всем хорошо известно.

«Искусство есть такая деятельность, которая проявляет красоту», отвечает такой «средний человек», ибо «средний человек... твердо убежден в том, что все вопросы искусства очень просто и ясно разрешаются признанием красоты содержанием искусства». Андрузский поступает в точности, как толстовский «средний человек». Толстой указал и ошибку подобных опреде-

⁸ См. И. Мăца, К вопросу марксистской постановки проблемы стиля, «ВКА», № 25 (1), 1928, с. 105.

лений. В них «целью искусства ставится получаемое от него наслаждение, а не назначение его в жизни человека и человечества»⁹.

Искусство есть особая область практической деятельности общественного человека, социально-необходимая, а вовсе не «совокупность материальных произведений», искусство—не сумма вещей, но процесс и притом диалектический, вот чего не понимает Андрузский. Социальная функция искусства состоит вовсе не в том, что оно «выражает понятия общественного человека о прекрасном», а в том, что оно является одним из средств идеологического освоения действительности обществом или классом с точки зрения его жизненных интересов и отличается от остальных идеологий не тем, что подлежит освоению, а способом освоения. В определение искусства должно войти и то, что является общим для всех выражений человеческой практики, и в том числе художественной практики, и то, что отличает последнюю. Здесь, поскольку мы рассматриваем искусство как идеологическую деятельность, следует отграничить его от материальных общественных отношений. Если идеологические общественные отношения суть те, как определял Ленин, «которые прежде, чем им сложиться, проходят через сознание...», то материальные общественные отношения «складываются, не проходя через сознание людей».

Но подчеркивая идеологический характер искусства, мы должны указать то, что отличает его от остальных проявлений идеологической деятельности. Это и будет специфический способ воспроизведения идей и представлений в образах: однако ни образность, ни эмоциональная акцентированность не являются спецификом сами по себе, а лишь в связи и единстве с практической задачей художественной деятельности. Идя по этому пути, мы подчеркиваем социально-практический характер искусства (в противоположность метафизическим категориям «прекрасное» и «красота») и указываем на его связи с остальными «надстройками» и отличия от них. С этой точки зрения определение Андрузского не вскрывает существа художественной практики.

III

Мы не имеем возможности остановиться на всех вопросах, поднимаемых Андрузским. Важнее вскрыть его методологические позиции. Если уже в определении искусства он не смог встать на правильный путь и ограничился эклектикой из Роланд-Гольст, Аксельрод и т. д., то в вопросах диалектики искусства дело обстоит еще хуже. Неомотря на то, что Андрузский считает себя единственным диалектиком, способным разрешить вопросы искусства,—диалектика его похожа скорее на софистику Прудона, нежели на метод Маркса. В работе Андрузского нет недостатка в чисто словесном жонглировании категориями диалектики. Теза, антитеза, синтезис, количество, качество, общее, отдельное и т. п.,—все это повторяется буквально в каждой фразе. Но как поняты и как применены эти категории?

Возьмем вопрос об идеальном и реальном в искусстве. «Идеальное противоположно реальному. Эта антитеза имеет в искусстве два смысла. Во-первых, как противоположность общего и отдельного, и, во-вторых, как противоположность желательного и существующего». «Идеалисты,—говорит Андрузский,—стоят за идеализирование реальной действительности, реалисты—за голую правду», и добавляет: «с диалектической точки зрения сле-

⁹ Л. Толстой, Что такое искусство, М., 1909, с. 12, 15, 50.

дует признать, что правы и те и другие—каждый с своей точки зрения» (167—168). Почему правы и те и другие? Потому, что искусство воспроизводит наши понятия о действительности, а эти последние есть уже, «строго говоря», известная идеализация действительности. При этом Андрузский полагает, что на практике соединение идеализма и реализма (которые он почему-то отождествляет с реальным и идеальным) неизбежно в силу того, что «подражательная (т. е. очевидно реалистическая — А. М.) деятельность художника сводится главным образом к воспроизведению отдельного... идеализирующая деятельность художника... сводится главным образом к воспроизведению общего», ибо общее непосредственно художнику недоступно. «... Необходимо поэтому соединение идеализма (тип) и реализма (исключение). Необходим диалектический синтез идеалистического и реалистического начала в искусстве (конкретное, единичное, как синтез общего и особенного)» (169). Андрузский приписывает эту удивительную «диалектику» плехановским суждениям об импрессионистах, хотя последние отнюдь не дают к этому повода. Свои глубокомысленные рассуждения Андрузский заключает следующим образом: «Итак, искусство, если оно только хочет быть подлинно глубоким и содержательным искусством, должно выходить за пределы данной действительности в действительность будущего лишь «реальным» путем, но никак не «идеальным». Подобный идеализм (?! — А. М.), хотя и противоположен реализму, все же по существу отождествляется с реализмом. Реализм воспроизводит действительность настоящего времени, а идеализм тоже воспроизводит действительность, но действительность будущего». И далее с сочувствием цитирует Мечникова: «изящное искусство не должно быть реалистическим в смысле рабского подражания действительности; оно может и даже переходит за пределы последней... Только если он (художник) серьезный идеалист, то в своем идеале он будет соотноситься с природой и ее законами, которых обойти нельзя» (172).

Трудно представить что-нибудь более вульгарное, чем эти рассуждения. Прежде всего Андрузский путает идеализм и идеалистическое понимание действительности с идеальным и абстрактным, а реализм—с подражательностью. Затем он ограничивает область реализма—отдельным, а идеализма—общим, а так как диалектика, как это он где-то прочитал, утверждает единство общего и частного, то следовательно необходимо соединить идеализм и реализм в искусстве на паритетных началах. Но было бы смешно говорить, что реалистическое отношение к действительности в искусстве не может выйти за пределы единичного, отдельного; напротив, беря эту действительность в ее противоречивости, реалист не только может показать связь отдельных явлений, но и указать путь к разрешению этих противоречий, путь в будущее. От этого он несколько не станет идеалистом, а его искусство—идеалистическим искусством. Такой «идеализм» (говоря терминами автора) отнюдь не будет противоположен реализму, как софистически заявляет Андрузский, и ему не за чем будет отождествляться с реализмом, раз он сам является реализмом. Мы не заставляем наших художников становиться идеалистами, когда требуем от них акцентирования тех моментов действительности, которые готовят коммунистическое общество.

Еще более нелепо говорить, что реализм воспроизводит действительность настоящего, а идеализм—будущего. С этой точки зрения любой наиболее прогрессивный художник будет идеалистом, а любой реакционер от искусства, не понимающий будущего и хватающийся за отживающие явления,—самым настоящим реалистом. Впрочем вздорность всех этих выска-

званий Андрузского, абсолютное непонимание им тех самых категорий, с которыми так смело он обращается, совершенно очевидны.

Наиболее занятен тот «диалектический» метод, который изобретен Андрузским. Он напрасно думает, что это метод Гегеля и Маркса. От Гегеля здесь есть только терминология, а от Маркса почти ничего. Все «диалектические» рассуждения Андрузского строятся по одной замечательно нехитрой схеме. Андрузский знает положение: формальная логика держится формулы: «да—да и нет—нет», диалектическая логика, напротив, утверждает: «да—нет и нет—да». Из этого, как известно, следует, что всякое явление имеет в себе свою собственную противоположность и отрицание, что все развивается диалектически. Несколько иначе рассуждает Андрузский: если существуют, скажем, в искусстве реализм и идеализм, то они одинаково правы «каждый с своей точки зрения», и истинный «диалектик», подобный Андрузскому, должен объединить их в одно целое, сказав: нам в равной мере нужен и идеализм и реализм. В другом месте, говоря об «имманентности» и «каузальности» в понимании «формалистов», «метафизиков-социологов» (Переверзев и Иоффе, отчасти, В. М. Фриче) и «эклектиков» (Луначарский)¹⁰, Андрузский заявляет: все эти точки зрения относительно правильны и в то же время неправильны. Это называется дать «диалектическую» оценку! Никакого качественного критерия нет, значит, для определения того, кто более прав или неправ. Гордящийся своей «диалектикой» и признанием объективной истины, Андрузский очень легко подменяет диалектику релятивизмом. «Они относительно правильны»—заявляет он об этих трех точках зрения (103). «Относительно» к чему они «правильны»—неизвестно,—во всяком случае относительно к диалектике едва ли все они одинаково правы или неправы. Сам Андрузский разрешает вопрос просто: искусство и зависит от экономической структуры и не зависит! (107—108). Зависит—поскольку какое-либо явление искусства определяется социальными условиями, не зависит—когда это явление искусства само порождает другое явление искусства. В первом случае—«каузальность», во втором—«имманентность». А в действительности Андрузский подменил более непосредственную зависимость более опосредствованной.

Во всех вопросах Андрузский держится все одного и того же способа их разрешения—«и там и тут и то и это, и то и это и там и тут»,—как гласит одна песенка.

Речь идет, скажем, о «самодвижении». Андрузский пишет: «Хотя источник движения искусства и лежит вне его, тем не менее источник самодвижения присущ самому искусству» (111). Андрузский не замечает снова, что он занимается простой тавтологией и к тому же противоречит себе. На той же странице четырьмя строками выше он пишет: «развитие есть самодвижение», а так как движение и есть развитие, то значит движение и есть самодвижение. При чем же тут их тонкое различие и два источника?

В этом различии сказывается снова удивительно «диалектическая» природа Андрузского: известно, что философы-диалектики утверждают, что источник движения предмета необходимо обнаружить в нем самом¹¹. Ме-

¹⁰ Все эти характеристики, само собою разумеется, остаются на совести автора. Мы берем их просто как примеры.

¹¹ См. например Гегель и Подволицкий, *Философские корни правого уклона: «Но чтобы понять предмет в развитии, самодвижении, необходимо найти источник движения в самом предмете»* («Под знаменем марксизма», № 9, 1929, с. 3).

ханизмы же, напротив, сводят диалектику развития к механическому движению, источником которого является не диалектическое единство и борьба противоположностей в самом предмете, а внешние причины, внешние столкновения противоположных сил.

Наш истинный «диалектик» решает и на этот раз остаться верным себе: правы конечно и те и другие: источник движения находится вне предмета, а источник «самодвижения» в нем самом¹².

Непонимание диалектики обнаруживается и в других рассуждениях Андрузского. Он знает, что «как учит нас диалектика—«развитие есть борьба противоположностей». С диалектической точки зрения развитие следует понимать «как единство противоположностей, разделение (раздвоение, говорил Ленин, а не разделение—А. М.) единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними»—цитирует, как и всегда поспешно и с ошибками, Андрузский Ленина. Далее Андрузский заявляет (еще раз противореча сам себе), что «источник развития, движущий момент, имманентен развивающемуся явлению... Движущей силой является внутреннее противоречие данного явления. Противоположность формы и содержания и есть как раз то внутреннее противоречие, которое является основным источником развития искусства» (69—90). Без этого, заявляет Андрузский, не было бы развития искусства. Все остальные противоречивые моменты сводятся к основному, их объясняющему противоречию формы и содержания¹³. Это положение Андрузский повторяет по крайней мере раз двадцать, цитируя то Гегеля, то Плеханова. Ни у того, ни у другого нет однако признания противоречивости формы и содержания как основной категории диалектики искусства. Правда Плеханов говорит о том, что форма может «отделяться» от содержания, но только в «исключительные эпохи», а Гегель указывает, что «в истинных произведениях искусства содержание и форма совершенно тождественны», но Андрузский делает вид, что все это—вода на его мельницу. «Данное искусство, в котором форма тесно связана с содержанием, распадаясь в процессе своего развития на содержание и форму, обнаруживает свою противоречивость и затем воссоздается уже в иной форме, в ином качестве.

¹² «Диалектик» Андрузский, любящий вообще кроме указанного здесь метода эклектического соединения всего, что предстает его взору, еще и сильные выражения, обильно обставленные восклицательными знаками, в одном из примечаний заявляет: «Полное непонимание диалектики обнаруживает также—также» (потому, что до этого «непонимающих» диалектики было обнаружено Андрузским великое множество—А. М.) А. Михайлов. «Если можно говорить о «самодвижении», и «саморазвитии» художественного (и литературного, в частности) процесса,—пишет он,—то только в этом смысле, в смысле его диалектического развития через борьбу и единство заложенных в нем противоречий. Заметим во избежание всяких недоразумений, что эта противоречивость не может быть сведена к взаимоотношениям формы и содержания, к их антагонизму и отрыву друг от друга» (Михайлов А., О некоторых вопросах марксистской критики, «На литературном посту», № 17, 1928, с. 38—39). К сожалению (добавляет Андрузский.—А. М.) избежать недоразумений т. Михайлову не удалось! Мы советуем Андрузскому обратить внимание на следующее положение Ленина, которое очевидно он, по свойственной ему привычке, прочел слишком бегло: «Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни есть познание их как единства противоположностей». Что касается сведения *ведущего противоречия* художественного *процесса* (мы подчеркиваем это потому, что т. Андрузскому не свойственно понимание художественной практики как *процесса*) к противоречию формы и содержания, то об этом ниже.

¹³ Мы опускаем здесь полемику Андрузского с В. М. Фриче. Об этом достаточно сказано нами в статье «Взгляды В. М. Фриче на искусство».

На известной ступени своего развития общественное сознание, т. е. содержание искусства, впадает в противоречие с существующими художественными формами, в которых оно до сих пор выражалось» (95).

Происходит художественная революция.

«Диалектика» искусства принимает у Андрузского такой окончательный вид: «Форма истинна и совершенна только тогда, когда она тождественна с содержанием. Но в упадочном искусстве форма отделяется от содержания. Упадочное искусство являет нам консервативные и пустые художественные формы, лишенные надлежащего содержания... Содержание все более и более отстает от формы. С другой стороны, общественное сознание, т. е. содержание искусства, не находит себе выражения в надлежащих художественных формах... Это противоречие разрешается художественной революцией, являющейся отражением социальной революции. Художественная революция сводится к тому, что старые художественные формы и формальные приемы, во-первых, частично сохраняются, но в связи с новым содержанием получают новое функциональное значение; во-вторых, частью заимствуются, но соответствующим образом перелицованные и видоизмененные; в-третьих, частью совсем отменяются и предаются забвению. В течение известного промежутка времени происходит процесс переработки и приспособления старых и выработки новых подходящих художественных форм. Форма более или менее отстает от содержания. Затем на почве нового содержания происходит полный расцвет новых художественных форм. В течение некоторого времени это соответствие остается ненарушимым, оно даже все более упрочивается. Но мало-по-малу показываются ростки нового разлада: мысли, чувства и стремления передового общественного класса или слоя, по указанной выше причине, опять переживают старые художественные формы и т. д. Поэтому можно сказать, что диалектика художественного развития и художественной формы в классовом обществе есть в известном смысле (подчеркнуто мной—А. М.) отражение и выражение диалектики классового развития... Резюмируем наши соображения. Для Плеханова тезисом является данное искусство, в котором определенному содержанию соответствует определенная форма; антитезой—противоположное искусство, в котором также определенному содержанию соответствует определенная форма. В каждом тезисе, антитезисе и синтезисе наличествуют три вышеуказанных момента: 1) преобладание содержания над формой; 2) их соответствие; 3) преобладание формы над содержанием. Но эти три неравноценных момента не являются диалектическими моментами диалектического развития искусства. Такие противоположные соотносительные моменты представляют собой содержание и форму. Диалектическим синтезом их является само искусство» (97—98). Попробуйте, разберитесь в этой путанице! Отметим прежде всего просто нелепости. Вначале речь идет о противоречии «пустых» и «консервативных» форм и, очевидно, более богатого содержания, но констатируется из этого отставание... содержания. В третьей фазе отстают формы, но констатируется преобладание формы. Далее: в каждом тезисе, антитезисе и синтезисе есть все три фазы, но тезис—это данное искусство, антитезис—противоположное искусство, а синтезис—«само искусство» как синтез формы и содержания. Что и говорить: хитрая «диалектика»! И хотя развитие искусства заключается в смене пресловутых трех фаз (триада!), но это, видите ли, не «диалектические моменты»—такowymi являются форма и содержание. Довольно странные «моменты развития», не являющиеся «диалектическими». Но вся эта путаница в конце концов сво-

дится все к той же трусливой и вульгарной эклектике. Категории лишь загораживают ее, а для триад «не остается и другого места, как роль крышки и шелухи», как говорил когда-то Ленин в статьях о народниках. Эклектика же заключается вот в чем: рассматривание развития искусства по трем фазам—в такой форме, как это делает Андрузский—весьма распространено у искусствоведов, слабых по части диалектики и думающих, что основой ее является число три. Это стало уже обычаем всех вульгаризаторов, форсоцов и т. д. (напр., Иоффе, Федоров-Давыдов). Андрузский решает выполнить этот завет упрощенства. Но такое понимание несовместимо не только с подлинной диалектикой искусства, но и с механистическим пониманием «антитетичности». Поэтому Андрузский «трехстепенность», «триаду», загоняет внутрь тезы и антитезы, которые он понимает в духе «антитетичности». «Антитетичность» он хочет вместе с тем дополнить третьим членом (для «триадного» счета) и так как не знает, где его взять, то заявляет, что таковым является само искусство «вообще» как единство формы и содержания. Но разве теза и антитеза не искусство и не единство формы и содержания? Таким образом все оказалось примиренным; но для полного завершения дела не хватало еще одного, а именно—раздвоения единого, триады есть и даже очень много, а раздвоения нет. На помощь пришли форма и содержание,—они оказались воплощением этого раздвоения, и еще одна «диалектика» была приготовлена.

В итоге «диалектик искусства» получилось ровно столько, сколько точек зрения пытается примирить Андрузский. Вот почему все они воюют друг с другом и очень плохо слажены. Кроме этого необходимо отметить и иного рода эклектичность. Мы уже видели, что источник развития искусства пребывает у Андрузского между Сциллой и Харибдой: он как-будто и в искусстве и вне его. Свою «диалектику» Андрузский считает «имманентной» самому искусству, значит источник в нем. Но так как такие категории, как классовая борьба, играют в этой «диалектике» довольно призрачную роль, а с другой стороны, Андрузский уже перенес в угоду механистической точке зрения источник развития искусства в не искусства, оставив последнему «источник самодвижения», то он принужден был повторить свою операцию и здесь.

Прежде всего он отождествил содержание искусства и содержание общественного сознания (хотя для всякого ясно, что это вещи разные). Изменение общественного сознания приводит к изменению в содержании искусства, а затем изменяется и форма. Диалектика содержания и формы с этой точки зрения есть лишь отраженная диалектика общественного сознания. Но так как содержание тождественно последнему, то, очевидно, «источник самодвижения» (в трактовке Андрузского) можно полагать и в искусстве и не в искусстве—смотря по тому, с какой точки зрения подойти. Мы уже видели выше, что если Андрузский рассматривает три разных точки зрения, то полагает «относительную» правоту каждой из них. Так он поступает и здесь.

Все эти частные проявления эклектизма имеют своей основой исходные эклектические позиции в понимании самого искусства диалектики художественного процесса. Существует бухаринская «теория равновесия», которая нашла известное отражение в некоторых искусствоведческих работах. «Теория равновесия» полагает, что: «В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы. Только в исключительных случаях они уравнивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы

имеем, состояние покоя, т. е. их действительная борьба остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутреннее противоречие» обнаружится, происходит нарушение равновесия, и, если на момент установится новое равновесие, оно установится на новой основе, т. е. при другом сочетании силы» (Бухарин)¹⁴.

Такое равновесие именуется «подвижным».

Но, как правильно замечают Б. Гессен и И. Подволюцкий, «ленинское понимание диалектики в корне отлично от бухаринского. По Бухарину движение возникает как результат нарушения равновесия путем превалирования какой-либо из противоположно направленных сил. Весь процесс движения есть непрерывная цепь нарушений и восстановлений равновесия и, следовательно, основное в изучении процесса есть изучение той превалирующей силы, которая нарушает равновесие и определяет направление движения».

Далее причина нарушения равновесия является внешней предмету или процессу, лежит вне его, поэтому на место понимания предмета в его самодвижении ставится проблема равновесия среды и системы.

Суть ленинского понимания диалектики не в нарушении и восстановлении равновесия... а в понимании явления как единства противоположностей, но не как застывшее единство, а как постоянный переход одной противоположности в другую, создающий внутреннее движение (самодвижение)... Диалектические противоположности не растворяются одна в другой, не нейтрализуют одна другую, подобно противоположно направленным силам, не превалируют одна над другой, а переходят одна в другую, и этот переход каждого явления, каждого процесса в свою противоположность и составляет суть всех форм движения материи, всеобщий закон всего существующего¹⁵.

Ленинское понимание диалектики несовместимо с бухаринским или богдановским «равновесием». Истинный «диалектик» Андрузский пытается примирить их. Его трехфазная «диалектика» формы и содержания есть просто вульгарное применение некоторых положений теории равновесия. Отношения формы и содержания в этой «диалектике» сводятся к «соответствию» их (читай «равновесию») «в течение некоторого времени» и к нарушению этого равновесия при изменении одной из «сил» — формы или содержания. Изменение одной из сил, например, содержания, приводит к новой форме (которая пока что безучастна к изменениям содержания), причем эта форма оказывается по существу совсем не «новой», а приспособленной старой. Здесь есть и равновесие двух сил, и превалирование одной стороны художественного процесса, вызывающее развитие, и перенесение источника развития искусства во вне (в содержание общественного сознания). Но только все это эклектично и прикрывается другой «диалектикой».

Применив теорию равновесия, Андрузский заявляет, что «эти три неравноценных момента не являются диалектическими моментами диалектического развития искусства» (98). Такое заявление весьма странно: разве Андрузский не утверждает, что диалектика формы и содержания есть основа диалектики искусства? Почему же их развитие и взаимоотношения не являются «диалектическими моментами»? Впрочем мы совершенно согласны с ним в одном: это, действительно, скорее эклектические моменты, нежели диалектические.

¹⁴ Цитирую по статье Гессена и Подволюцкого, *Философские корни правого уклона, «Под знаменем марксизма»* № 9, 1929, с. 5.

¹⁵ Гессен и Подволюцкий указанная статья, с. 9.

Но все же не подобает истинному «диалектику» вести себя, как гоголевская унтер-офицерская вдова. Уничтожив свои категории как «диалектические», Андрузский помещает их внутри тезы и антитезы. Но противоположностями, дающими им развитие, являются форма и содержание, различные моменты «соотношения» которых не дают однако «диалектики». Выходит, что внутри тезы и антитезы нет никакой диалектики. Отношения тезы и антитезы тоже дают лишь механику, а не диалектику. Эклектические старания Андрузского привели к тому, что, несмотря на множество «категорий» и «моментов», на непрерывное упоминание диалектики—последняя исчезла в его построениях. Предлагаемая им «диалектика» формы и содержания выхолащивает подлинно диалектическое содержание художественного процесса. Мы знаем, что основной принцип диалектики—рассмотрение всего в движении, в развитии. Конкретным выражением развития искусства является внутренне-противоречивое развитие определенных типов и стилей художественной практики. В типах и стилях как динамических и внутренне-противоречивых категориях мы должны обнаружить и источник их «самодвижения» и конкретные формы «самодвижения». Диалектика художественного развития заключается не в том, что оно рассматривается как отражение внешних толчков и импульсов, а в том, что художественный процесс имеет в себе внутреннее, имманентное ему единство противоположностей; имеет многообразные и противоречивые отношения и связи как в самом себе, так и с другими процессами и явлениями действительности. Неправильное, недиалектическое понимание этого может привести к «имманентизму», к формализму, процесс художественного развития может быть оторван от всех других процессов, изолирован в себе, и его диалектика будет сведена тогда к пустой игре понятий и терминов. Такая диалектика является софистикой, и именно ею занимается Андрузский.

Если мы говорим, что единство и борьба взаимоисключающих противоположностей есть универсальный закон всякого развития, то одновременно с этим должны помнить, что «всем формам движения необходимо присуща свойственная им (подчеркнуто мною—А. М.) форма единства противоположностей». Именно это имел в виду Ленин, когда он приводил примеры из различных областей науки. Как пример формы единства противоположностей в области общественных наук (т. е. методологический пример), он называет классовую борьбу. Классовая борьба является ведущим противоречием для всех проявлений общественного развития и общественной практики в классовом обществе.

В ряде своих работ Ленин говорит о классе как о определяющем необходимость данного процесса, говорит о борьбе классов как о борьбе, которая определяет развитие общества и т. д.

Искусство в классовом обществе является также одной из форм классовой борьбы. Это бесспорно для всякого марксиста. Противоречия общественного развития, выражающиеся в классовой борьбе, не суть однако только внешняя причина развития искусства, они присущи самому искусству в специфической форме своего проявления.

Поэтому, когда мы говорим о «самодвижении» искусства, мы имеем в виду то, что данная конкретная форма единства противоположностей присуща самому искусству, и источник его «самодвижения», его внутренней активности, лежит именно в этой форме единства противоположностей. Но развитие художественного процесса неразрывно связано с развитием всех иных сторон общественного процесса в целом. При всех своих специфич-

ческих особенностях они связаны в единство, которое характеризуется хотя бы уже тем, что классовая борьба едина, но формы ее проявления специфичны и особенны.

В области искусства противоречия общественного развития выступают перед нами в виде представлений об этих противоречиях и отношений к ним класса, «заведующего» в данный момент материальным и духовным производством. Таким образом, форма проявления их в искусстве есть классово-субъективированная форма. Но поскольку эта последняя сама неразрывно связана и определена объективными материальными отношениями и объективным положением класса и включает в себе моменты объективного, постольку мы говорим об искусстве как единстве субъективного и объективного.

Представления и идеи о реальных противоречиях общественного развития, данные в искусстве, в образах, не устраняют самих противоречий,— а воспроизводят их в «идеальном», являющемся лишь особой качественной переработкой и инобытием «материального».

В художественном процессе эти противоречия даны, следовательно, в специфической форме. Но является ли эта специфическая форма прежде всего единством формы и содержания как взаимоисключающих и противоречивых категорий? В этом ли суть диалектики искусства? Конечно нет.

Отношения формы и содержания, количества и качества суть (как указывал на это Ленин) примеры переходов «каждого определения—качества, черты, стороны, свойства—в каждое другое (в свою противоположность?)»¹⁶ т. е. примеры диалектики. Но таких примеров можно было бы указать много, ибо диалектика и есть «бесконечный процесс раскрытия новых сторон, отношений etc.», и все они сводятся к единству противоположностей, однако не в том смысле, что какое-либо отношение поглощается другим (как у Андрузского отношение количества и качества, имманентного и каузального поглощается отношениями формы и содержания) или превалирует над остальными.

Противоречия общественного развития являются ведущим началом художественной практики и выступают здесь как противоречия взаимоисключающих тенденций в самом существе и в формах художественного освоения действительности общественным субъектом. Оно выражается в противоречивой природе всех элементов художественной практики и в частности содержания и формы. Не беспорядочное взаимодействие различных сторон и проявлений художественного процесса и не механическая их связь и соподчиненность, а диалектическое единство на основе выявления этого ведущего противоречия—вот как надо ставить вопрос. Внутренняя активность формы и содержания и их взаимосвязь, взаимопроникновение диктуются именно характером этого ведущего противоречия, имеющегося уже в них самих. Внутренняя активность формы и содержания, их взаимосвязь могут быть поняты только в этом плане. Они конечно не равнодушны друг к другу.

Содержание требует определенной формы, и наоборот. Форма переходит в содержание и содержание в форму. «Содержание есть сама сущность, но форма также существенна, потому что сущность проявляется только в определенной форме. Поэтому форма есть также содержание, содержание образует и форму. Определенное вещество не может воспринять любую форму» (Гегель). Исходя из этих свойств формы и содержания, стимулируемых их внутренней активностью, и можно понять

¹⁶ «Ленинский сборник», т. IX, с. 277.

«переделку содержания» и «сбрасывание формы», которые отнюдь не находят надлежащего места в трех «фазах» Андрузского.

IV

Обнаружив полное непонимание диалектики искусства уже в общих своих положениях, Андрузский, нисколько не смущаясь этим, продолжает углублять свои ошибки и вульгаризировать марксистскую методологию искусства.

Сведя ведущее противоречие художественного процесса к взаимоотношениям формы и содержания, он спешит пристроить соответственным образом и другие категории диалектики. «... искусство есть диалектический синтез общественного содержания и художественной формы» — повторяет еще раз Андрузский и делает неожиданный вывод: «Отсюда следует, что форма качественно характеризует искусство, а содержание количественно» (100).

Диалектика количества и качества сводится к тому, что «в искусстве количественные изменения определенного содержания в конечном итоге приводят к изменению определенной формы, которая ему соответствовала. То-есть, иными словами, количественные различия переходят в качественные. В общем как невозможны количественные изменения без качественных, так немалыми и качественные изменения без количественных» (101). Последняя фраза есть простая оговорка, поскольку речь идет все время об активности содержания (= содержанию общественного сознания), которое своими количественными изменениями диктует качественное преобразование формы, но ни разу не определяется характер и результаты активности этой последней, постольку она выступает в рассуждениях Андрузского как момент пассивный¹⁷.

В этом безусловно есть известное отражение механистической точки зрения, которая «сводит качество к количеству и приписывает всю активность в изменениях лишь количеству»¹⁸. Но взаимная связь количества и качества выражается не только в переходе первого во второе, но и второго в первое. В таком случае Андрузский должен был бы раскрыть не только определенность формы содержанием, но и содержания формой.

Но его основная ошибка заключается отнюдь не в этом, а в отождествлении количества с содержанием и качества с формой. «Качество есть вообще тождественная с бытием непосредственная определенность... Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть», — говорит Гегель. Количество же «составляет определенность бытия, но уже не тождественную с ним непосредственно, а равнодушную относительно его и ему внешнюю... вещь, несмотря на то, что количество меняется, остается все тем же, чем она есть». Моментом связи того и другого, взаимного их проникновения и един-

¹⁷ Вообще надо сказать, что самые понятия «форма» и «содержание» автор употребляет не как понятия сущности и форм художественного процесса, не как категории развивающегося процесса, а как статические категории. Отсюда — трактовка развития формы механическими толчками (накопилось количество в содержании, и оно дает толчок к развитию формы и т. д.).

¹⁸ Подволоцкий И., указанная статья.

ства, является мера. Переходы количества в качество и обратно могут быть поняты лишь через «меру» и в связи ее с другими мерами.

«Количественные определения выступают... как степени развития качества. Понятие интенсивности количества выступает здесь наиболее ярко, оно является количественным выражением степеней развития качества. Само качество выступает здесь в полном определении. Оно активно определяет свои количественные изменения, «качество переходит в количество». Процесс «перехода качества в количество» есть в то же время процесс количественных изменений данного качества, рост количества. Соответственно своему количественному росту качество разворачивается, проходит ряд степеней, этапов; становится все более интенсивным и напряженным. Процесс разворачивания меры есть процесс взаимодействия качества и количества, примат в котором принадлежит качеству. Лишь пройдя этот процесс, развиг до предела свой количественный рост, а следовательно и свою напряженность и противоречия, качество подходит к своей границе. Количество переходит в качество, данная мера превращается в другую меру, происходит скачок. Скачок и есть не что иное, как переход одного качества в другое качество, точнее переход меры в меру»¹⁹.

Как нужно применять вышесказанное к изучению художественного процесса и как определить в нем отношения количества, качества и меры? Андрузский удовлетворяется тем, что сводит эти отношения к отношениям формы и содержания, т. е. по существу снимает вопрос, сводя все богатство конкретных форм диалектического развития к проблеме формы и содержания. Он механизмирует и вульгаризирует диалектику.

На самом деле вопрос более сложен, хотя и менее запутан, нежели это можно представить по выводам Андрузского. Количество и качество не отождествляются с формой и содержанием. Если качество есть «тождественная с бытием определенность» (Гегель), то качество по отношению к художественному процессу есть его определенность, тождественная с ним самим, определенность, как правильно замечает Острцов²⁰, проявляющаяся в самом типе и характере данной художественной практики, но отнюдь не сводящаяся к качественной определенности только формы. Когда мы говорим о типе художественной практики и заявляем, что это реалистический тип, то тем самым уже даем ему какую-то качественную характеристику, определенность, без которых данный тип художественной практики не был бы тем, что он представляет. Степень насыщенности типа искусства данным качеством есть количество. Отношения количества и качества не сводятся к механической связи, при внутренней неподвижности каждого из них. Как количество, так и качество имеют свою внутреннюю интенсивность.

V.

От проблемы количества и качества Андрузский переходит к проблеме имманентного и каузального. На с. 106 он полемизирует с «форсцами», относящими каузальность к содержанию и имманентность к форме. Он счи-

¹⁹ См. *Подволицкий*, Ленинский конспект «Науки логики» и проблемы материалистической диалектики, «ВКА», № 31(1), 1929 г., с. XLIII и XLIV.

²⁰ *Острцов А.*, К вопросу о диалектике художественного процесса, «Под знаменем марксизма» № 6, 1929, с. 121.

тает их решение не диалектичным, разрывающим форму и содержание. Но уже на следующей странице Андрузский заявляет, что «форсоцы» правильно относят «каузальность» к развитию содержания, а «имманентность» к развитию формы, и начинает доказывать: «Нет никакого сомнения в том, что экономическая структура данного общества до известной степени непосредственно обуславливает и определяет его психологию, склад его идей. Поэтому искусство данного общества также до известной степени обусловлено и определяется экономической структурой или общественными отношениями данного общества. Отсюда следует, что искусство до известной степени самостоятельно; что оно в известных границах независимо от экономической структуры» (107). Чувствуя, что в этом положении никак нельзя опереться на Плеханова, который ясно указывает, что развитие искусства, при всей сложности опосредствования его различными идеологиями, социально-политическими фактами, в конечном итоге определяется экономикой, Андрузский заявляет: «Какой-нибудь ехидный «формалист» или поверхностный «марксист» упрекнет меня здесь пожалуй в том, что я впал в противоречие с Плехановым. Ибо Плеханов утверждает, что искусство всегда и всюду в конечном счете зависит от экономической структуры, а я, наоборот, говорю, что искусство в известных границах не зависит от экономической структуры. Но в действительности никакого расхождения у меня с Плехановым нет. Все дело в том, что Плеханов говорит об экономической структуре вообще, а я говорю о данной экономической структуре. Иными словами данное искусство не зависит в известных границах от экономической структуры данного общества, но вовсе не от экономики вообще» (107).

Отрывок этот вообще показателен не только для методологии автора, но и как образец ополнения им лучших сторон эстетического наследия Плеханова. Достаточно прочитать статьи последнего о первобытном искусстве, французском искусстве XVIII в. и др., чтобы обнаружить в них бесчисленные доказательства связи данного искусства с экономикой данной эпохи, а не только признание этой связи «вообще». Андрузский клеветает на Плеханова с тем, чтобы протащить свои эклектические положения, наивная безграмотность которых слишком ясна. Что это за зависимость «данного» искусства от экономики «вообще», если оно не зависит от «данной» экономики, из которой оно вырастает?

Интересен самый способ доказательства, построенный на бессвязных фразах: экономика непосредственно («до известной степени») определяет психологию,—говорит он, и, взяв из всего этого положения только «до известной степени», перестраивает его уже так: искусство «до известной степени» определяется также экономической структурой. «До известной степени» — выпячивается, а «непосредственно» — выброшено совсем. Очень нехитрая штука. Дальнейший переход прост: если определяется только «до известной степени» (и в посредственном и непосредственном смысле), то значит «до известной степени» не определяется. Итак первое положение «доказано». Развивая его дальше, Андрузский потихоньку возвращается к уже выруганным им «форсоцам» и начинает развивать то, что он только что отверг. Форсоцы не диалектики, говорил он, потому что механически разрывают форму и содержание и приписывают первой имманентность, а второму каузальность (106—107). Андрузский же «истинный диалектик», и потому он не «разрывает» форму и содержание. Он только заявляет, что содержание обуславливает форму, а она сама порождает новую форму.

«... всякая новая художественная форма есть следствие нового общественного содержания и одновременно следствие старых художественных форм» (109), отсюда следует, что каузальным моментом является содержание, а имманентным—форма. Конечно и здесь Андрузский не может опереться на Плеханова и, чувствуя невозможность найти у последнего хоть одну фразу в свою пользу, прибегает к совершенно оригинальному методу. «Роль формы в искусстве (пишет Андрузский—А. М.) с известными оговорками подчеркнуто мной—А. М.) можно сравнить с ролью личности в истории. «Каждая личность,—говорит Плеханов,—своей особой походкой идет по дороге протеста. Но куда ведет эта дорога, это зависит от общественной среды, окружающей протестующую личность» (XIV, 211). Художественная форма, скажем мы, своей особой походкой идет по дороге развития искусства. Но куда ведет эта дорога, это зависит от художественного содержания, развитие которого зависит от общественной среды» (109).

Отношение индивидуального и социального приравнены к отношению формы и содержания. Но интереснее всего то, что и в этом вопросе Андрузский не только покинул диалектическую точку зрения, но, по своему обыкновению, разрешил вопрос по формуле: «с одной стороны» и «с другой стороны». С одной стороны, форма как-будто момент имманентный, а с другой—как-будто каузальный!

На самом деле проблема имманентности и каузальности в искусстве разрешается иначе. Поскольку мы говорим о внутренней закономерности, об источнике «самодвижения» в самом искусстве—мы выражаем уже то, что неполно и односторонне подчеркивается понятием «имманентность». Когда же мы говорим о связи художественного процесса со всеми остальными сторонами и проявлениями общественного развития, о внешней активности его—конечно не в смысле беспорядочного влияния, не в смысле «теории факторов», а в смысле закономерной, объективной связи всех процессов действительности—то мы уже выражаем то, что неполно подчеркивает «каузальность». Но как внутренняя закономерность, «самодвижение», так и связь присущи в равной мере и форме и содержанию. Андрузский, так любящий ссылаться на Гегеля, мог бы прочесть у него много поучительного на этот счет.

В контексте «Науки логики» Ленин отмечает: «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью» (161). И далее «когда читаешь Гегеля о каузальности, то кажется на первый взгляд странным, почему он так сравнительно мало остановился на этой излюбленной кантианцами теме. Почему? Да потому, что для него каузальность есть лишь одно из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всесторонне охватил уже раньше, во всем своем изложении, всегда и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы etc. etc.» (167). «Выделять каузальность из этой связи нелепо», говорит Ленин в другом месте (197).

Таким образом подлинно-диалектический подход к изучению искусства (как и любого другого явления) вообще снимает проблему каузальности и имманентности в том виде, как она поставлена Андрузским. Как и во всех остальных вопросах он отнюдь не выступает здесь в качестве диалектика. Отдельные положения механистов, «форсоцов», идеалистов смешались у него в причудливом беспорядке, прикрытые видимостью «диалектических» суждений. Когда поэтому он переходит к суммирующей главе «Диалектика художественного развития», то он не в силах сделать ничего иного, как повто-

речь ту же эклектику. Еще и еще раз он поучает, что изменения количественного порядка, происходящие в общественном сознании (а следовательно и в содержании искусства), приводят к качественному изменению в форме, к скачку (130 и др.). Еще раз он разрывает диалектический процесс на механически понятые категории, в которых все плоско и ограничено настолько, насколько это может быть при полном непонимании сути диалектики.

Здесь Андрузский пытается увязать свою «диалектику» с диалектикой классового развития. «...диалектика классового сознания является отражением классовой борьбы. Таким образом содержанием искусства в классическом обществе присуща своя внутренняя диалектика: именно диалектика классового сознания. Но эта внутренняя диалектика содержания искусства отнюдь не есть еще внутренняя диалектика развития искусства» (125).

Но если «внутренняя диалектика содержания», сводящаяся без остатка к «внутренней диалектике общественного сознания», не есть в то же время «внутренняя диалектика» самого искусства, то что остается от этой последней? Ничего—кроме «имманентного» развития формы. Увы, все это не ново, отнюдь не ново. Под этими положениями может подписаться любой формалист или эклектик типа Шмита, который тоже ведь сводил законы развития искусства к законам развития сознания. Для формалиста здесь есть «имманентная» форма, для эклектика—«формально-социологическая» и «имманентно-каузальная» смесь, но для диалектика—лишь видимости категорий.

VI

Мы видели, что попытки Андрузского поставить и разрешить правильно «основные вопросы марксистской социологии искусства» неизменно кончаются эклектизмом. Мы могли бы увеличить примеры этого: взять хотя бы вопрос об «общих», особенных и «единичных» причинах развития искусства, причем к «особенным» относится и историческая обстановка (82—83), повторение «теории факторов» наряду с потугами на диалектику, разрыв изучения искусства на «имманентное» изучение формы и «каузальное» изучение содержания (глава: «Два акта материалистической критики») и т. д. Постоянным рефреном в разрешении всех этих проблем является у Андрузского пресловутое «с одной стороны» и «с другой стороны», постоянная эклектика под видом диалектики. Андрузский ставит например вопрос об искусстве и действительности. Как он его разрешает? «...Утверждение реалистической эстетики: «искусство стоит ниже действительности» есть только относительная истина, так как в известном смысле правильно и положение романтической эстетики: «искусство стоит выше действительности». «...Короче говоря, приходится признать, что искусство одновременно и ниже и выше действительности. Это и есть, с моей точки зрения, диалектическое разрешение вопроса об отношении искусства к действительности» (174—175). А с марксистской точки зрения это и есть как раз эклектическое разрешение вопроса. Диалектика не заключается в том, что она примиряет различные определения—идеалистические, метафизические, вульгарно-социологические. Диалектика преодолевает и снимает их, сохраняя положительные моменты предшествующего развития научной мысли на новой основе и в новом диалектическом синтезе. Искусствовед-диалектик решит спор

тем, что он преодолевает и снимает обе точки зрения; искусство не ниже и не выше действительности, оно есть особая специфическая область общественной практики (действительности) и, как таковая имеет сходство с другими областями практики (действительности) и отличия. Эклектик «примирит» эти точки зрения через механическое их соединение—«искусство и ниже и выше действительности»,—демонстрируя тем самым свою ограниченность и органическую неспособность понять диалектику.

Эклектика обычно бывает тесно связана не только с методологической, но и чисто фактической невежественностью. Эти «стороны» Андрузского можно было бы иллюстрировать до бесконечности.

Ограничимся несколькими примерами.

Так, говоря в одном месте о том, что Плеханов, постулируя два акта материалистической критики как равноценные, оставался чаще всего в пределах первого акта (отыскание «социологического эквивалента»), Андрузский начинает искать причины этому. Причина первая—Плеханов был народником в 70-х гг.; причина вторая—в 70-х годах «как известно, во главе художественной жизни в России стояли художники-передвижники: Маковский, Перов, Крамской и др. Эти художники считали, что художник должен быть критиком общественных явлений и требовали поэтому от живописи и деятельности... Мы полагаем, что влияние этого художественного направления наложило известный отпечаток на эстетические вкусы и наклонности Плеханова» (145) и заставило его, очевидно, заниматься больше «социологическим эквивалентом».

Маковский в роли «фактора», обусловившего эстетические взгляды Плеханова—это очень пикантно, но страшно невежественно. Не думает ли «истинный диалектик» Андрузский, что причины некоторых особенностей эстетики Плеханова лежат гораздо глубже? В другом месте Андрузский серьезно рассуждает о том, что марксизм допускает «биографический метод» (84). Марксизм признает значение индивидуальности, но не «биографический метод», который снимается марксистским методом.

Ни одно из своих положений Андрузский не разворачивает на материале искусства, исключая изложения конкретно-критических суждений Плеханова. Но материал искусства, использованный Плехановым, недостаточен для разрешения ряда вопросов. Например по вопросу о французском искусстве существует несколько точек зрения, с которыми нельзя не считаться (Гаузенштейн, Луначарский и др.). Но Андрузский предпочитает нудно излагать Плеханова, прибавляя бесчисленные восклицательные знаки, и лишь в примечании глухо упоминает, что эпоха рококо сложнее, нежели это представлял Плеханов, не делая никакой попытки расширить круг материала последнего.

Роль Андрузского в отношении Плеханова сводится, с одной стороны, к тому, что, опоясывая лучшие ортодоксальные традиции его эстетического наследия и разбавляя их цитатами из Меймана, О. Уайльда, Роланд-Гольст, Л. Аксельрод и др., он превращает Плеханова в самого себя, т. е. в эклектика и путаника, а с другой стороны—что он неспособен отнестись критически к ряду недостаточно развитых или уже превзойденных положений Плеханова.

Все это ведет не только к полной методологической несостоятельности, не только к извращению марксизма в искусствознании, но и к подмене диалектики как революционного орудия познания обывательским рассуждательством, поверхностной болтовней, вредной в политическом уже от-

ношении. Например положение о том, что всякое научное исследование имеет дело с тем, что есть, и только как таковое может быть теоретическим и объективным, а всякие выводы о том, что должно быть—суть субъективные рассуждения в области практики, т. е. не объективны, не теоретичны,—является не только неправильным, но и политически вредным. С этой точки зрения учение о социалистическом обществе не объективно, не теоретично, оно лишь результат субъективно-практических рассуждений!

Социальная физиономия Андрузского довольно ясна. Маркс писал в свое время о Прудоне: «Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как ему никогда не удавалось понять научной диалектики, то он дошел только до софистики. В действительности это случилось благодаря его мелко-буржуазной точке зрения. Мелкий буржуа... всегда бывает составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Такой двойственный характер носят его экономические интересы, а потому и его политика, его религиозные, научные и художественные воззрения, его мораль, наконец все его существо. Он сам—живое противоречие»²¹. Если добавить к этому, что Андрузский и Прудон несоизмеримы конечно по масштабу и талантности и что Андрузский по натуре склонен скорее к эклектике, чем к диалектике, будучи вынужден все же говорить о последней, то мы получим портрет этого «живого противоречия», единственная оригинальность которого та, что оно питает неиз'яснимую склонность к восклицательным знакам, бесконечно парадирующим на страницах его крикливой, но бессодержательной книги. И если мы подробно остановились на последней, то потому, что это не единственное «живое противоречие» в нашей практике, не исключение, а лишь один из многих примеров эклектического опошления марксизма в науке об искусстве.

²¹ Маркс и Энгельс, Письма, 1923, с. 21.

КРИТИКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ БУХАРИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ДОКЛАДЫ тт. С. КРИВЦОВА и И. РАЗУМОВСКОГО ¹

Тов. Подволоцкий (председательствующий): Докладами тт. Кривцова и Разумовского мы открываем работу Института философии. При построении плана работ нашего Института на предстоящий год мы исходили из тех задач, которые стоят теперь перед марксизмом в области теории.

В течение ряда лет мы наряду с борьбой против идеализма вели упорную борьбу против механистической ревизии диалектического материализма. В этой многолетней борьбе против механистов ревизионистская сущность теоретических позиций механистов была разоблачена. Философию марксизма—диалектический материализм—мы отстаивали во всей чистоте. Все основные марксистские философские силы сплотились на основе принципов диалектического материализма, которые мы отстаивали в борьбе против механистов. Мы можем сказать теперь с полным правом, что все более значительные марксистские теоретические кадры, работающие в различных областях знания, спланиваются на основе этих же принципов. Наконец, наши позиции в борьбе против механистов единодушно признаны, а взгляды механистов осуждены как ревизионистские таким авторитетным марксистским коллективом, как II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Таким образом механистические взгляды в области философии в основном разоблачены. Институт должен дать положительную разработку основных проблем диалектического материализма и исторического материализма.

Но если мы победили механистов в области философии, то это далеко не означает, что мы вообще покончили с механистическими взглядами. Напротив, с механистическими взглядами, с механистической методологией мы встречаемся во всех областях знания: в области естествознания, в области исторического материализма, политической экономики, в области изучения советской экономики, искусствоведения, в области психологии, истории и т. д. Наконец механистическая методология является теоретической основой правого уклона и левых шатаний в нашей партии, а также и троцкизма. Поэтому механистическая ревизия диалектического материализма является основной методологической опасностью в партии.

Тот факт, что механистическая методология, проведенная последовательно т. Бухариным (у которого механисты заимствовали свои взгляды) в области исторического

¹ Печатаемые здесь доклады тт. Кривцова и Разумовского, а также прения и заключительные слова докладчиков представляют собой сокращенное изложение дискуссии, происходившей в Институте философии Комкадемии 14/XI, 26/XI, 3/XII, 12/XII и 19/XII 1929 г.

материализма и в области исследования советской экономики, является теперь теоретической основой правого уклона, ставит перед Институтом ряд задач. Мы должны в работах нашего Института дать глубокую научную критику теоретических основ правого уклона. Вся работа Института, особенно работа секций диалектического и исторического материализма, должна быть построена под этим углом зрения. Научно-исследовательская работа должна быть поставлена актуально-политически. В своей работе Институт должен давать теоретический ответ на те актуальные вопросы, которые стоят перед партией. Мы имеем теперь решительное наступление социализма на капиталистические элементы, бурный темп социалистической реконструкции и неизбежное на данном этапе обострение классово-борьбы. Институт должен поставить в центре внимания разработку актуальных проблем, как проблема революции, проблема государства, классов и классовой борьбы в переходный период, проблема изменения классов и их соотношения, изменения общественных отношений в реконструктивный период, кооперативный план Ленина, исследование закономерностей переходного периода, проблемы нэпа и т. д. Необходимо разработать все проблемы исторического материализма в их новой постановке в условиях реконструктивного периода. Разработка проблем диалектики должна быть поставлена на богатейшем материале нашей эпохи. Можно специально указать на разработку диалектики в политике партии в борьбе против троцкизма и правого уклона, вскрывая в то же время механистическую, метафизическую методологию троцкизма и правых. Необходимо больше, чем до сих пор, заняться изучением диалектики у Ленина.

Мы имеем теперь оживление теоретической мысли в целом ряде научных дисциплин. Наряду с объективными причинами—грандиозными темпами развития хозяйства и социалистической его реконструкцией,—ведущими к невиданному оживлению научной мысли, несомненно значительную роль в этом оживлении играла и философская дискуссия. Оживление методологической работы мы имеем во всех областях научного знания. Все это обуславливает громадный интерес к философии со стороны научных работников в этих областях, попытку найти в философии методологическое орудие при разрешении актуальных проблем их науки. Мы правильно определим содержание дискуссии и суть оживления научной мысли, если скажем, что, наряду с борьбой против идеалистических тенденций, научная мысль направлена на борьбу с механистической методологией, механистическими взглядами в области этих наук. И работу в этом направлении несомненно оживила наша философская дискуссия. Победив и разоблачив механистов в области философии, мы вызвали движение против них в области конкретных наук. Все это выдвигает перед нами—философами—труднейшие задачи.

Мы должны возглавить борьбу против идеализма и механистической методологии во всех областях знания. Это означает, что мы должны поднять свою работу на новую, более высокую ступень. Наряду с дальнейшей разработкой материалистической диалектики, мы должны принять участие в разработке методологии конкретных наук. Это выдвигает необходимость овладеть знанием специальных наук.

После II марксистско-ленинской конференции, предвидя эти новые задачи, мы выдвинули перед каждым философом необходимость овладения наряду с философией хотя бы одной специальной наукой. Только овладев конкретным знанием, философы смогут выполнить задачу борьбы против идеалистических и механистических взглядов, задачу разработки диалектической методологии в области конкретных наук. И нужно сказать прямо, только овладев конкретными знаниями, философы смогут дать и разработку материалистической диалектики. Не должно быть философа, не владеющего какой-либо конкретной наукой—это должны запомнить все желающие всерьез заниматься философией. Это выдвигает вместе с тем задачу организованного распределения философских сил по различным наукам, которые философы должны изучать и в области

которых они должны работать совместно со специалистами. «Философам», которые без всяких конкретных знаний захотят заняться игрой в категории, которые захотят говорить обо всем, ничего не зная,—буквально должна быть объявлена борьба. Институт должен распределить свои силы по фронту конкретных наук, работать в контакте с основными марксистскими силами, работающими в области конкретных знаний, и быть тем методологическим центром, в котором они могли бы найти помощь в их работе.

На первом этапе борьбы против механистов на первый план выдвинулись собственно философские проблемы и проблемы естествознания. Завоевание естествознания марксизмом является одной из важнейших задач, стоящих перед марксизмом в нашу эпоху. Эта работа должна продолжаться со все возрастающей силой, по мере того как будет увеличиваться число естественников-марксистов.

Но вместе с этим выдвигаются новые задачи, которые не были достаточно выпукло выдвинуты в предшествующие годы борьбы с механистами: это—*разработка исторического материализма* и других общественных наук и борьба против механистических взглядов или тенденций в этих науках. Достаточно назвать «Теорию исторического материализма» Бухарина. В области общественных наук мы имеем еще до сих пор сильное влияние *богдановщины*. Этот факт заслуживает того, чтобы обратить на него внимание и выдвинуть борьбу против богдановщины как актуальную задачу.

Мы переживаем период перестройки общественных отношений. Старые общественные отношения и соответствующие им закономерности исчезают. Развиваются новые общественные отношения, новые закономерности. Гигантский темп социалистической реконструкции осязательно выдвигает эти новые отношения и закономерности, выдвигает целый ряд новых общественных явлений. Теория отстает от темпа практической стройки новых отношений. Научное исследование новых явлений, новых закономерностей является актуальнейшей задачей, стоящей перед марксизмом. Необходимо перестройка существующих общественных наук и создание *новых* отраслей естествознания. Перед экономистами, в частности, стоит громадная задача разработки экономики переходного периода. Я вообще думаю, что работа в области политической экономии должна быть поднята на более высокий теоретический уровень: от обсуждения предмета политической экономии необходимо перейти к исследованию важнейших категорий «капитала», к исследованию проблем империализма и к работе над исследованием советской экономики. То же и в других областях.

Но эти громадные задачи, стоящие перед марксизмом в области естествознания, требуют разработки метода исторического материализма и борьбы против механистических искажений исторического материализма. Разработка проблем исторического материализма в условиях реконструктивного периода должна быть выдвинута на первый план как в работе нашего Института, так, по моему мнению, и в работе других марксистских научно-исследовательских учреждений.

Но случайно то, что работу нашего Института мы начинаем с доклада из области исторического материализма, доклада, дающего критику механистической методологии как теоретической основы правого уклона.

Обострение классовой борьбы у нас и на Западе выдвигает необходимость дальнейшего, развертывания и усиления нашей борьбы с *идеализмом* и *ревизионизмом*.

Борьба против идеализма должна быть развернута не только в чисто философской области, но во всех областях знания. Развертывая борьбу против всех идеалистических течений на Западе, мы должны в то же время обратить сугубое внимание на борьбу с идеалистическими направлениями или тенденциями в СССР. В наших условиях идеализму труднее всего развиваться в открытой философской форме. И хотя мы имеем ряд идеалистических философских выступлений, имеем попытки протаскивания и распространения у нас модных западноевропейских идеалистических

философских взглядов, но идеализм выступает у нас больше всего под прикрытием конкретного знания: в области естествознания, в области истории, искусства (достаточно назвать ГАХН), права, политической экономии и др. общественных наук. Поэтому нужно вести развернутую борьбу против идеализма во всех этих областях.

Вместе с тем, как я уже говорил, нужно усилить борьбу против механистических взглядов, являющихся основной опасностью среди марксистов. Таким образом мы должны еще более развернуть борьбу на два фронта: против идеализма и против механистов.

Критику *ревизионизма* нужно развернуть в области философии, естествознания и политики. Необходимо обратить особенное внимание на критику «левых» социал-демократов (Макс Адлер, Отто Бауэр и др.). Нужно наладить выход этим работам Института за границу. Этой работой мы поможем борьбе коммунистических партий против социал-демократии. Критику ревизионизма необходимо увязать с критикой теоретических основ правого уклона и троцкизма.

Необходимо обратить внимание на борьбу с религией, на разработку проблем происхождения религии, истории атеизма и т. д.

Таковы основные задачи нашей работы.

Я уже сказал, что перед Институтом стоит задача положительной разработки категорий материалистической диалектики, исторического материализма, а равным образом ряда других проблем. Фундаментальным предприятием в этой области будет подготовляемая институтом «Философская энциклопедия», работа над которой рассчитана на 3—4 года. Энциклопедия ставит своей задачей дать в *систематической* форме коллективное научное исследование всех основных проблем марксистского мировоззрения. Философская энциклопедия содержит исследование проблем 1) диалектического материализма, 2) исторического материализма, 3) диалектики естествознания, 4) марксистскую историю философии, 5) критику современной буржуазной и ревизионистской философии и социологии. К работе в «Философской энциклопедии» привлечены все основные марксистские научно-исследовательские силы, работающие в этих областях. «Философская энциклопедия» является важнейшей работой нашего Института. Основные проблемы, разрабатываемые для энциклопедии, будут поставлены в виде докладов и обсуждены в секциях нашего Института. Поэтому секционная работа Института в текущем году и в ближайшие годы будет в значительной мере строиться под углом зрения подготовки «Философской энциклопедии». Думаю, что и в работе других философских научно-исследовательских учреждений (в Харькове, Ленинграде, Киеве и др.) постановка в виде докладов и обсуждение порученных им тем для «Философской энциклопедии» должны занять основное место.

В июне 1930 г. мы созываем I марксистско-ленинскую философскую конференцию. На конференции будут обсуждены актуальные и основные проблемы диалектического материализма, исторического материализма, диалектики естествознания, ряд проблем истории философии и современной философии и ряд тем по истории атеизма. Доклады, поставленные на конференции, должны быть серьезно разработаны и предварительно обсуждены в Институте философии.

Исходя из этих общих задач, стоящих перед Институтом, мы намечаем следующее направление работы секций Института:

1) Работа Секции *диалектического материализма* пойдет по следующим направлениям: а) разработка проблем материалистической диалектики. Работа эта пойдет вместе с б) разработкой IX—XII Ленинских сборников. Ленин дает глубочайшую постановку основных проблем материалистической диалектики, поднимая материалистическую диалектику на новую, высшую ступень. Исследование постановки проблем диалектики Лениным должно составлять основную задачу этой секции; в) критика философских основ правого уклона; г) разработка диалектики «Капитала», необходимая

как для разрешения ряда спорных проблем и положительной разработки категорий политической экономии, так и для разработки материалистической диалектики. Эта работа может быть выполнена лишь совместными усилиями философов и экономистов.

2) Работа *Секции исторического материализма*, которая выдвигается теперь как основная секция нашего института, пойдет по следующим направлениям: а) разработка актуальных проблем, о которых я говорил, и критика взглядов правых уклонистов в этих вопросах; б) критика абстрактно-социологических механистических взглядов в области исторического материализма; в) положительная разработка проблем исторического материализма; г) критика буржуазной социологии; д) критика современного ревизионизма.

В плане предстоящего года намечены следующие проблемы: а) исторический материализм как наука. Здесь должна быть дана и критика абстрактно-социологического понимания исторического материализма т. Бухариным; б) исторический материализм и «теория равновесия»; в) дискуссия о проблеме производительных сил, имеющая большое теоретическое значение; г) проблема общественно-экономической формации и абстрактная постановка проблемы общества у т. Бухарина; д) происхождение классов и критика теории классов т. Бухарина; е) классы и классовая борьба в переходный период; ж) проблема культурной революции; з) понятие исторической закономерности; и) закономерности переходного периода; к) теория гражданского мира т. Бухарина; изменение классов и их соотношения в реконструктивный период.

3) *Секция истории философии*. Здесь богатейший материал по линии «Философской энциклопедии». История философии будет занимать два или три тома энциклопедии, и поэтому разработка проблем займет очень много времени. В плане текущего года мы ставим ряд проблем по следующим разделам: а) по истории материализма и диалектики в античном мире и в новое время; б) проблемы истории атеизма; в) исследование философской эволюции Маркса.

4) *Секция современной философии*. Основная задача секции: а) критика современного идеализма и метафизики, б) критика современного ревизионизма, в) разработка истории русской философии и критика современного идеализма в СССР.

5) *Секция диалектики естествознания*. В этой области стоят следующие задачи: а) критика современных идеалистических направлений в области естествознания, б) критика механистических воззрений; в) разработка отдельных проблем диалектики естествознания в области неорганических и органических наук.

Мы в текущем году сможем затронуть лишь небольшую долю тех проблем, которые стоят перед марксизмом. Мы это совершенно отчетливо сознаем, но мы и не думаем разработать все эти проблемы в один год нашими, хотя и значительными, но в сравнении с теми грандиозными задачами, которые перед нами стоят, очень небольшими силами.

Вся научно-исследовательская работа Института должна идти в теснейшей связи с работой философских научных учреждений в Харькове, Ленинграде, Киеве, Баку и других городах. Совместная работа над «Философской энциклопедией», согласование плана работ, взаимная постановка докладов, взаимная информация, персональная связь—таковы формы связи теперь, которые в дальнейшем должны стать еще более тесными. Вокруг Института должны объединиться все марксистские научные силы, работающие в области философии, исторического материализма и диалектики естествознания. Кроме того, Институт должен стать методологическим центром для институтов и секций Комкадемий и других научных учреждений. Ряд методологических докладов этих институтов должен быть поставлен в Институте философии.

Наконец полностью созрела необходимость издания специального философского журнала, органа Института философии, который должен стать центральным органом всех философских работников СССР.

Наряду с научно-исследовательской работой наш Институт наметил большую работу по пропаганде марксизма: издание популярной библиотечки по проблемам диалектического и исторического материализма и актуальным проблемам современности; организацию ряда популярных докладов в Институте и непосредственно на предприятиях. Теперь эта массовая работа сочетается с борьбой против правого уклона. Силами Института совместно с ОБМД мы организовали поездки работников Института во все областные и промышленные центры СССР. На места выезжало уже 20 товарищей, прочитавших более 40 докладов. Эта работа будет все более развлекаться.

Наконец, последнее. Институт философии должен выйти, как говорят, на международную арену. Мы должны, насколько это удастся, использовать все возможности для пропаганды диалектического материализма и борьбы против буржуазной философии в капиталистических странах. Используя коммунистические газеты и журналы и близкие к ним органы, используя случайные поездки за границу, мы в то же время должны поставить задачей систематическую связь, поездки и издание марксистско-философского журнала на иностранных языках.

ДОКЛАД т. С. КРИВЦОВА

В статье «К постановке проблем теории исторического материализма» т. Бухарин выражал недовольство по поводу того, что никто, мол, не обратил должного внимания на те новые постановки и новые решения проблем исторического материализма, которые он пытался дать в своей книге, и что никто не подверг их надлежащему критическому рассмотрению. Этот упрек не совсем верен. В нашей педагогической практике нам всегда приходилось строить свое изложение исторического материализма на антитезе к т. Бухарину, потому что, хотя книга т. Бухарина почти всюду считалась обязательным учебником, но большинство ее положений были для нас неприемлемы уже с самого начала, когда эта книга вышла в свет.

Основными недостатками бухаринского «Учебника марксистской социологии» являются ее неисторичность, абстрактность и схоластичность. Даже там, где т. Бухарин говорит о конкретных исторических фактах, о конкретных исторических эпохах, у него получается определенный схематизм, стремление свести все явления к однотипным связям и схемам. Через всю книгу т. Бухарина проходит одна основная методологическая установка, с нашей точки зрения совершенно неприемлемая: это — *теория равновесия*, или, как он говорил в «Экономике переходного периода», *постулат равновесия*.

Бухарин пытается дать в своем курсе исторического материализма *теорию общества вообще*. Когда Ленин читал «Экономику переходного периода», которая имеет еще подзаголовок «Общая теория трансформационного процесса», то он не мог удержаться от пометки: «Что такое???» «Вобщем?» «à la Spencer???» Это значит, что Ленин, как подлинный диалектик, с самого же начала протестует против такой абстрактности и такого «вообще». В «Теории исторического материализма» т. Бухарин сразу же заявляет, что сновная задача исторического материализма — это выяснение вопроса: «Что такое общество?» Ставя вопрос об обществе вообще, т. Бухарин трактует исторический материализм как марксистскую *социологию*. Ленин в опубликованных в XI Ленинском сборнике пометках на «Экономику переходного периода» многократно отмечает абстрактность и схоластичность «социологического» подхода, неизменно заключая слово «социология» в кавычки. «Социологическая схоластика», замечает в одном месте Ленин. Бухарин

любит говорить о «типах связи». Ленин несогласен с такой терминологией и пометает: «Лучше было бы сказать *процес*»³.

Вследствие абстрактной постановки вопроса Бухарин, говоря о капитализме, замечает, что это есть «антагонистическая, противоречивая система». Ленин замечает, что это «архинеточно: антагонизм и противоречие совсем не одно и то же; первое исчезнет, второе останется при социализме»⁴. По поводу бухаринского выражения: «возрождение промышленности в ее социалистической *формулировке*», Ленин, дважды подчеркивая слово «формулировка», замечает: «Вопиюще неверный термин»⁵. Далее, когда мы будем говорить о бухаринском понимании производственных отношений, мы увидим, как вследствие этой абстрактной и схоластической постановки вопросов Бухарин ставит знак равенства между элементами производственных отношений капиталистического общества и некоторыми элементами производственных отношений будущего социалистического общества.

В чем же основная беда Бухарина? Ленин видит ее в склонности т. Бухарина к игре в аналогии, в дефиниции, в мудреные термины и понятия, в пристрастии Бухарина к формулам и т. д. На основные грехи Бухарина Ленин указывал также и в своих публичных выступлениях. В речи на фракции VIII съезда советов в конце 1920 г. Ленин говорил: «Мы прекрасно знаем, что у каждого человека бывают маленькие слабости и у большого человека бывают маленькие слабости, в том числе и у Бухарина есть слабость. Где словечко с выкрутасом, то тут он уже не может не быть «за». О производственной демократии он на пленуме ЦК 7 декабря писал резолюцию почти что со сладострастием...»⁶.

Бухаринским «выкрутасам», бухаринскому «эклетицизму» и бухаринскому пристрастию к абстрактным внеисторическим категориям Ленин противопоставляет «точную, простую, ясную формулировку» Маркса из «Ницеты философии»: «идеи и категории столь же мало вечны, как и выраженные ими отношения»⁷.

Второй основной момент, который бросается в глаза при чтении бухаринской «Теории исторического материализма», — это схематичность в описании Бухариным отдельных общественно-экономических формаций. У Бухарина получается так, что каждой общественно-экономической формации соответствует только один тип надстройки, только один тип психологии, только один тип идеологии. Такой же схематизм встречается у т. Бухарина и в «Экономике переходного периода». Например, Бухарин указывает, что обществу в его империалистической фазе развития соотносительны только один тип войны, именно: «мировая война», «гигантское потрясение *всей* системы». Ленин поправляет т. Бухарина и указывает на итало-турецкую войну 1911—1912 г., которая существенно отличается от мировой войны 1914—1918 гг. И Ленин замечает: «Академик опустил *differentiam specificam*»⁸. Когда Бухарин в другом месте пишет, что «гражданская война... не есть война в собственном смысле этого слова, ибо она не есть война двух государственных организаций», Ленин уже совершенно выходит из себя и замечает: «Уф! Ох! караул! Полная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора упражняться в игре понятиями, выдавая это за социологию»⁹.

Когда мы сейчас говорим о правом уклоне, то многие склонны забывать так называемый «левый коммунизм», а между тем между правым уклоном и «левым ком-

³ XI Ленинский сборник, с. 358.

⁴ Там же, с. 357.

⁵ Там же, с. 368.

⁶ Ленин, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 13.

⁷ XI Ленинский сборник, с. 388.

⁸ Там же, с. 396.

⁹ Там же, с. 355.

мунизмом», идейным вожаком которого был тот же самый т. Бухарин, мы находим определенное идеологическое и методологическое родство, одинаковую идеологическую и методологическую установку. В XI Ленинском сборнике напечатан ряд интереснейших документов из эпохи борьбы за Брестский мир. Ленин трезво учитывал реальное соотношение сил в начале 1918 г. и потому требовал немедленного заключения аннексионистского мира: иначе мы явемся агентами Вильсона и погубим социалистическую революцию в России. Бухарин этого не понимал и настаивал на немедленной революционной войне во что бы то ни стало. Неумение учитывать конкретную обстановку вообще характерно для т. Бухарина. Отсюда проистекают определенные политические ошибки.

Подобно тому как т. Бухарин считает, что империализму соответствует только один тип войны, он считает, что империализму отвечает только один тип государства и капитализму также один тип государства. Говоря о «национальном государстве» в эпоху империализма, Бухарин в сноске замечает, что термин «национальное государство» «далеко не точен... он смешивает «нацию» («целое») с государством, т. е. организацией господствующего класса». Ленин ставит здесь три вопросительных знака и пишет: «Это не смешение, а исторический факт. Автор «забыл», что типичное государство при капитализме есть национальное государство (колонии)»⁹. С этими теоретическими ошибками т. Бухарина связаны крупные разногласия его с Лениным во время мировой войны (Бернская конференция заграничных секций большевиков в марте 1915 г.), а также недооценка Бухариным значения национального вопроса как в эпоху войны, так и в нашей революции. Тов. Бухарин не умеет учитывать специфических особенностей каждой общественной формации и специфических форм ее проявления в той или иной стране. Ленин же всегда учил о том, что тип капитализма в разных странах различен и что необходимо внимательнейшим образом изучать это *своеобразие*, эти *особенности* капитализма в каждой данной стране.

Откуда же проистекает эта неисторичность и схематичность т. Бухарина? Это проистекает из его общеметодологической установки, из его общего понимания того, что такое наука. В «Теории исторического материализма», говоря о науке (в отделе о надстройках), т. Бухарин приводит цитату из «Познания и заблуждения» Маха¹⁰. Дальше (на с. 240) он дает свое собственное определение науки: «Наука—это связанные, приложенные друг к другу, систематизированные мысли, стройными рядами обнимающие собой какой-либо предмет познания». По Бухарину мысли не отображают предмет познания и закономерности этого предмета, а только «обнимают предмет». И это не случайно, так же как неслучайна и вышеупомянутая ссылка на Маха с его «опытом дикаря». В самом начале своей книги, говоря о понятии закономерности, как об основном понятии всякой науки, т. Бухарин сопоставляет Маркса с Махом и Пирсоном и ставит между ними знак равенства. Бухарин пишет: «Эта правильность (закономерность) в природе и обществе совершенно независима от того, познают ее люди или нет. Другими словами, это есть объективная... закономерность... Первым шагом науки является вскрыть эту закономерность и вычленивить ее из хаоса явлений. Маркс видел признак научного знания в том, что оно дает «целостность многих определений и отношений» в противоположность «хаотическому представлению». Этот признак науки, которая «систематизирует», «приводит в порядок» «организует», создает «систему» и т. д., признается решительно всеми. Так, Мах определяет процесс научного мышления как приспособление мыслей к фактам и мыслей к мыслям... Пирсон пишет: «Не факты сами по себе образуют науку, но метод, которым они обработаны», и т. д.¹¹. Таким образом, по Бухарину, выходит,

⁹ XI Ленинский сборник, с. 381.

¹⁰ «Теория исторического материализма», с. 181.

¹¹ Там же, с. 15—16.

что и Мах, и Пирсон стоят на точке зрения признания объективной закономерности. В действительности же Мах и Пирсон *отрицают* объективность закономерности и именно за это были подвергнуты резкой критике в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина.

В «Политической экономии рантье» Бухарин опять-таки дает немарксистские определения науки, следуя за теми буржуазными учеными, которые делят науки на «идиографические» (т. е. чисто описательные) и «номографические» (т. е. устанавливающие законы)¹².

В «Теории исторического материализма» т. Бухарин пытается применить это разделение наук к взаимоотношениям истории и социологии. Но здесь нужно обратить внимание на то, что еще давным-давно писал Маркс Кугельману. Маркс указывал, что одна констатация явлений, одно описание их вовсе еще не составляют науки. Всякая наука предполагает научное объяснение явлений, т. е. причинное объяснение, вскрытие закономерностей, присущих данным явлениям.

Таким образом мы видим, что в определении науки т. Бухарин резко расходится с Марксом, Лениным и вообще с диалектическим материализмом. Отсюда же происходит у т. Бухарина и немарксистская постановка вопроса о научном *методе*. В ряде пометок на «Экономику переходного периода» Ленин обращает внимание на бухаринский плюрализм (если можно так выразиться) в вопросе о научном методе. Например на с. 131 Бухарин пишет, что «даже когда отдельные элементы выпадают из общественно-производственного процесса, они *рассматриваются* с точки зрения общественной системы производства... они *теоретически интересны*»... и т. д. Ленин замечает: «Не те слова. Ошибка богдановской терминологии выступает наружу: субъективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания»¹³. Немного дальше т. Бухарин пишет: «Несмотря на то, что сохраняется значимость объективно общественного метода, этот последний приобретает *иной логический тон*». Ленин замечает: «Бухарин усвоил *дурной тон*. Тут не «тон» и не «логика» а *материальное*»¹⁴. С точки зрения Бухарина существует известная равноправность разных методов. На с. 132 «Экономики переходного периода» Бухарин пишет, что «диалектически-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм... неизбежно должна быть подчеркнута при анализе эпохи» (переходного периода). Ленин замечает: «Из этой фразы замечательно рельефно видно, что для автора, испорченного эклектизмом Богданова, диалектическая «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения». Неверно»¹⁵. Когда Бухарин в предисловии к «Экономике переходного периода» говорит о «познавательной ценности метода Маркса», Ленин негодует: «Только «познавательная ценность»? а не объективный мир отражающая? «Стыдливый».. агностицизм!»¹⁶.

Таким образом мы видим резкое столкновение двух методологических установок: с одной стороны, диалектически-материалистическая установка Ленина, с другой стороны—эклектическая установка Бухарина, пытающегося сочетать марксизм с Begriffs-scholastik Богданова. Ленин подчеркивает, что нельзя «поставить рядом» эту Begriffsscholastik и диалектический процесс. Надо выбирать: «или—или»¹⁷.

Для нас марксизм является не одной из возможных точек зрения, а определенным мирозерцанием определенного класса, имеющим не только теоретический, но и дей-

¹² «Политическая экономия рантье», изд. 1919, с. 151.

¹³ XI Ленинский сборник, с. 385.

¹⁴ Там же, с. 386.

¹⁵ Там же, с. 387.

¹⁶ Там же, с. 348.

¹⁷ Там же, с. 361.

ственный характер. У Бухарина же мы имеем абстрактно-теоретическую точку зрения. Он, например пишет: «Раз доказана теоретически невозможность восстановления» (капиталистических производственных отношений) и т. д. Такая постановка совершенно неправильна. Ленин отмечает эту неправильность, сам он ставил вопрос совершенно иначе, именно о *возможности* (а не о невозможности) того или иного факта¹⁸.

Если теперь обратиться специально к пониманию т. Бухариным исторического материализма, то и тут приходится констатировать решительное расхождение между правильной марксистской концепцией и точкой зрения т. Бухарина. Исторический материализм не является социологией, не является теорией общества вообще, как это выходит у т. Бухарина. Исторический материализм—определенное руководство для политической деятельности, «конкретный анализ конкретной ситуации» (как определял марксизм Ленин в 1919 г.).

Говоря об особенностях марксистской методологии в области общественных наук, частным случаем которой является истмат, т. Бухарин отмечает три пункта «1) объективно-общественную точку зрения, 2) материально-производственный подход и 3) диалектически-историческую постановку вопроса»¹⁹. К этим трем характерным особенностям марковского метода Бухарин присоединяет еще один «методологический прием, который можно условно назвать *постулатом равновесия*»²⁰. Этому «приему» т. Бухарин придает особо важное значение («сугубую важность»). На нем следует остановиться более подробно.

Сперва отметим чрезвычайно узкое понимание диалектики у т. Бухарина. Из всего богатства содержания диалектики как метода Бухарин берет только один момент—закон триады. Не мешает вспомнить, что писали о триаде Ленин и Плеханов по поводу того, что народники всегда и всюду выпячивали триаду. Бухарин берет только одну часть диалектического метода и сочетает эту часть с богдановскими понятиями. Ленин подчеркивает несовместимость материалистической диалектики с богдановщиной и при случае с возмущением отмечает «злоупотребление» диалектической терминологией со стороны Бухарина²¹.

Что касается самой «теории равновесия», занимающей центральное место в методологии т. Бухарина, то о ней он пишет в «Теории исторического материализма» следующее: «Мы считаем вполне возможным переложить «мистический», как Маркс его назвал, язык гегелевской диалектики на язык современной механики. Против механических обозначений сравнительно недавно были протесты в среде почти всех марксистов. Это происходило потому, что старое представление об атомах рассматривало их как обособленные, не связанные с другими, изолированные частицы. Теперь, с учением об электронах, об атомах, как целых системах наподобие солнечной, нет никаких оснований бояться механических обозначений. Наиболее прогрессивные течения научной мысли во всех областях ставят вопрос именно так»²². В статье «К постановке проблем исторического материализма» т. Бухарин прямо заявляет, что считает своей заслугой этот перевод гегелевской диалектики на язык механики. Если вы вспомните наш недавний спор с механистами, то вы увидите, что т. Бухарин решительно становится на механистическую позицию. Бухарин пишет: «Более или менее точное понятие равновесия таково. О какой-либо системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе, т. е. без извне приложенной к ней энергии, не может изменить дан-

¹⁸ Ср. напр. речь Ленина на X партсъезде о введении нэпа, Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 141; ср. также слова Ленина по поводу доказательств Розы Люксембург о невозможности свободной Польши.

¹⁹ «Экономика переходного периода», с. 126.

²⁰ Там же, с. 127.

²¹ XI Ленинский сборник, с. 378.

²² «Теория исторического материализма», с. 78.

ного состояния. Если, скажем, на какое-либо тело давят уравновешивающие друг друга силы, оно находится в состоянии равновесия; если одну из этих сил уменьшить или увеличить, тогда равновесие нарушается»²². Таким образом в своей новой формулировке диалектики т. Бухарин полностью уничтожает понятие самодвижения, спонтанного развития, по терминологии Ленина. Все дело в силе, приходящей извне.

В подтверждение своего механистического толкования диалектики т. Бухарин пытается сослаться на Маркса и Энгельса. Но стоит только внимать в тот смысл, в котором у Маркса и Энгельса употребляется слово «равновесие», когда они говорят о «равновесии между спросом и предложением»²³ или о «равновесии между отдельными производителями, производящими за свой частный счет, и рынком, который им неизвестен в точности ни по количеству, ни по качеству спроса»²⁴, — чтобы увидеть, что у Маркса и Энгельса мы имеем совершенно иное понимание равновесия. На с. 130 «Экономики переходного периода» Бухарин пишет: «Рассматривание общественной, и притом иррациональной, слепой системы с точки зрения равновесия ничего общего, конечно, не имеет с *harmonia praestabilitata*». Ленин по этому поводу замечает: «Это очень хорошо. Но не точнее ли говорить о «необходимости известной пропорциональности», чем о «точке зрения равновесия»? Точнее, вернее, ибо объективно первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму»²⁵.

Все эти шатания в конце концов приводят к определенной политической установке, и поэтому на эти моменты нам следует обратить особое внимание. Методологические ошибки чреваты большими опасностями.

Как мыслит себе т. Бухарин то, что он называет «нарушением равновесия»? Подобно тому: как в механике Ньютона для выведения тела из состояния покоя требуется внешняя сила, приложенная к этому телу, так и у Бухарина нарушение равновесия обуславливается отношением между средой и системой. Бухарин пишет: «отношение между системой и средой есть решающая величина... Внутреннее (структурное) равновесие есть величина, зависящая от равновесия внешнего (есть «функция» этого внешнего равновесия)»²⁶. Самое употребление термина «функция» напоминает понятие функциональной зависимости у Маха и Авенариуса, установку Богданова и вообще эмпириокритицизм. Но у Бухарина фигурирует не только этот термин «функция»; он вообще очень склонен злоупотреблять сравнениями, взятыми из математики и естествознания. Напомним хотя бы «расширенное отрицательное воспроизводство». По поводу одной бухаринской формулы, долженствующей выразить отношение между производительными силами и производительностью общественного труда, Ленин замечает: «Математика хуже чем подозрительная. Никуда не годна»²⁷. В «Теории исторического материализма» постоянно говорится о «перекачке материальной энергии из внешней природы в общество», о «переливании энергии» и т. д.

Вся «теория равновесия» т. Бухарина есть не что иное, как перенесение метода механики на рассмотрение общественных явлений. Бухарин как бы гордится этим перенесением механики на общественные явления. Между тем этот перенос в корне противоречит взглядам Маркса, который, как известно, подчеркивал полную непригодность всяких попыток применить методы физики, химии, математики к анализу общественных явлений.

²² «Теория исторического материализма», с. 76.

²³ «Капитал», т. III, ч. 1, гл. X.

²⁴ Предисловие Энгельса к «Ницше философии».

²⁵ XI Ленинский сборник, с. 384—385.

²⁶ «Теория исторического материализма», с. 82—83.

²⁷ XI Ленинский сборник, с. 372.

Совершенно не случайно то, что, став на механистическую точку зрения, Бухарин дает механистическое объяснение случайности. Подобно другим механистам, Бухарин настаивает на субъективности случайности: «Наше незнание мы и называем... случайностью»²⁹. Отсюда проистекает фаталистическая нотка во взглядах т. Бухарина. По Бухарину выходит, что если я встретился на Театральной площади с Иваном Ивановичем Ивановым, то это столь же неизбежно, как неизбежна встреча луны с солнцем, вызывающая солнечное затмение³⁰. По Бухарину, марксисты утверждают, что «социализм должен наступить с такой же необходимостью, с какой наступает в определенный момент затмение солнца»³¹. Если бы это было так, если бы закономерность социалистического переворота была тождественна закономерности наступления затмения, то нам осталось бы только вычислить, когда должен наступить социализм, и ждать этого момента. Механист Бухарин полностью отрицает историческую случайность³². Насколько эта точка зрения отличается от марксистской, видно хотя бы из известного письма Маркса к Кугельману от 17 апреля 1871 г.

Механистическая постановка всех основных вопросов исторического материализма приводит т. Бухарина к абстрактному построению теории общества. Бухаринское определение общества гласит: общество есть «наиболее широкая система взаимодействующих людей, охватывающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь»³³. Определения, даваемые Марксом³⁴, существенным образом отличаются от бухаринского. Маркс всегда и везде подчеркивает *исторический* характер общества, говорит об «обществе, находящемся на определенной ступени исторического развития», об «обществе с своеобразным отличительным характером», об «определенных общественно-экономических формациях», подчеркивая *специфичность* тех или других форм общества.

В дальнейшем у т. Бухарина оказывается, что «в более широком смысле в общество входят также и вещи»³⁵. Что это значит? Это значит, что если основная заслуга Маркса заключается в том, что он вскрыл фетишизм вещей, вскрыл отношения людей за этими вещами, то Бухарин возвращается к этому фетишизму. По Бухарину общество необходимо рассматривать как совокупность «троякого рода элементов: вещей, людей, идей»³⁶. В «Экономике переходного периода» Бухарин пишет: «Мы брали общество как систему элементов in natura». На это мы имеем только один возглас Ленина: «Караул!»³⁷. В чем тут дело? Если взять статью «К постановке проблем теории исторического материализма», то мы увидим, что это «материалистическое» понимание общества, рассмотрение его в натурально-вещественной форме, Бухарин ставит себе в величайшую заслугу.

Бухаринское определение общества, включающее в общество вещи, людей и идеи, по существу дела представляет собой отход от марксизма к Богданову. Недаром Ленин несколько раз в своих пометках на «Экономику переходного периода» выражает свой протест против «организационной тарабарщины», против пристрастия Бухарина к термину «организационный»³⁸.

Отсюда получается схоластицизм и формализм в понимании общественно-экономической формации. Отсюда—чрезвычайно странные, чтобы не сказать больше, форму-

²⁹ «Теория исторического материализма», с. 41.

³⁰ Там же, с. 41—42.

³¹ Там же, с. 49.

³² Там же, с. 43.

³³ Там же, с. 95.

³⁴ В «Ндемном труде и капитале», во II томе «Капитала», с. 12, издания 1907, в III томе «Капитала», ч. 2, с. 347—348, издания 1907 г.

³⁵ «Теория исторического материализма», с. 146.

³⁶ Там же, с. 148.

³⁷ XI Ленинский сборник, с. 357.

³⁸ Там же, с. 356, 360, 365.

лировки т. Бухарина, когда он говорит о закономерностях переходного периода. В «Экономике переходного периода» мы читаем: «В этих рамках и на этой основе (речь идет о диктатуре пролетариата—С. К.) задачи, стоящие перед пролетариатом, в общем и целом, формально, т. е. независимо от *социального* содержания процесса, те же, что и для буржуазии при расширенном отрицательном воспроизводстве»³⁹. Так можно говорить только в том случае, если исключить *социальный* момент, а ведь именно этот момент, а не момент *формальный* является здесь наиболее важным. Ленин по поводу этой фразы о формальной одинаковости задач, стоящих перед пролетариатом и перед буржуазией, замечает, что главным врагом Бухарина является его взятая у Богданова Begriffsscholastik⁴⁰. Механистическая, богдановская концепция общества приводит т. Бухарина к недооценке значения классовой борьбы пролетариата. По поводу рассуждений Бухарина о невозможности восстановления старой капиталистической системы, Ленин замечает: «Это зависит от того, насколько пролетариат сумеет «на базисе лапоющихся отношений» (ну, и языки ну, и «социология»! ну, и организационная наука!) довести до того, чтобы они совсем лопнули»⁴¹. По Бухарину выходит, что определенный вид производственных отношений капиталистического общества «может лечь в основу новой производственной структуры»⁴². Мы же говорим, что производственные отношения капитализма не могут быть перенесены в производственные отношения социализма, ибо это совершенно *противоположные* друг другу системы производственных отношений. Отсюда-то мы и выводим необходимость социальной революции. По Бухарину «превращение (при диктатуре пролетариата) процесса создания прибавочной ценности в процесс планомерного удовлетворения общественных потребностей находит свое выражение в *перегруппировке* производственных отношений»⁴³. Ленин дважды подчеркивает слово «перегруппировка» и ставит два вопросительных знака. Выходит, что надо «перегруппировать» старые производственные отношения, и больше ничего. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями, о котором говорил Маркс, в этой концепции как бы выпадает. Вместо социальной революции выдвигается вращение капитализма в социализм.

Все эти результаты проистекают из общемеханистической установки т. Бухарина, из его стремления дать теорию общества вообще, дать определения, применяемые для всех времен и народов. При этом исходным моментом является для Бухарина (так же, как и для Богданова) отдельная личность (вспомним, как начинается свой анализ т. Бухарин: «Иван Иванович пошел на рынок», и т. д.). Отсюда же получается у Бухарина и выпадение классовых отношений, классовой борьбы, что также отмечает Ленин.

Остановлюсь на последнем моменте—на понятии производительных сил. В этом вопросе у т. Бухарина имеются весьма различные и несогласованные между собой формулировки. С одной стороны, производительными силами он называет средства производства и живую рабочую силу. Но в других местах производительные силы полностью покрываются у него *техникой*. И это отнюдь не случайно, если стать на точку зрения механистической теории равновесия. Согласно этой теории, по Бухарину выходит, что развитие производительных сил обуславливается нарушением равновесия между обществом и внешней средой. Внешняя среда, т. е. природа, нарушает это равновесие и заставляет техническую систему общества приспособляться к ней.

По Бухарину, основным моментом является техника. Раз дана техника, тем самым дано и общество. При такой механистической постановке вопроса можно получить та-

³⁹ «Теория исторического материализма», с. 59.

⁴⁰ XI Ленинский сборник, с. 363.

⁴¹ Там же, с. 359.

⁴² «Экономика переходного периода», с. 52.

⁴³ Там же, с. 67.

кой чудовищный «вывод»: поскольку техника Америки выше нашей техники, «следовательно» и общественно-экономическая система Америки также выше нашей.

Необходимо брать производительные силы в их диалектическом единстве, не забывая, что «наиболее крупной производительной силой является сам революционный класс», как писал Маркс еще в «Ницше философии» (Ленин выделяет эти слова Маркса в тексте Бухарина, подчеркивает их, ставит *pot a bene* и замечает: «Вот это «забыто» автором на страницах 88—90 и следующих»⁴⁴).

В статье о нашей революции, написанной в 1923 г. по поводу книги Суханова, Ленин усматривает основной недостаток меньшевиков как раз в том, что они стоят на точке зрения технического понимания производительных сил.

Таким образом и на этом примере производительных сил ясно видно, что постулат равновесия способен только запутать понимание общественных явлений. А между тем там т. Бухарин иногда становится на правильную точку зрения. Так, на с. 89 «Экономики переходного периода» он определяет производительные силы как «пограничное понятие, стоящее на рубеже техники и экономики». Ленин по этому поводу замечает: «Вот это лучше, чем страница 88»⁴⁵. Именно эта категория производительных сил, стоящая одной стороной в области техники, а другой стороной обращаясь к области общественных отношений, и является для нас исходным понятием в нашем анализе общества. Бухарин же, начиная из момента техники, впадает в вульгарный материализм и недооценивает момента социального.

С точки зрения механистической теории равновесия, необходимы внешние силы для того, чтобы вывести общество из состояния равновесия. С этой точки зрения т. Бухарин ставил на VI Конгрессе Коминтерна вопрос о мировой социалистической революции. Эта революция, по Бухарину, возможна только в том случае, если будет мировая война: внутренние антагонизмы недостаточны. Исходя из этой неверной постановки вопроса, некоторые договариваются даже до того, что мы, мол, должны вести агрессивную политику, чтобы поскорее вызвать войну. Вот к каким извращенным политическим выводам может привести механистическая точка зрения в историческом материализме.

ДОКЛАД т. И. РАЗУМОВСКОГО

Идеология правого уклона представляет собой важное и интересное явление на фоне развития современного мирового ревизионизма. Философия и социология правого уклона представляют собой совершенно определенный этап в развитии ревизионизма. Их нельзя понять, не поставив их в связь, с одной стороны, с некоторыми воззрениями покойного А. А. Богданова, а с другой стороны—с некоторыми установками Каутского и других представителей социал-демократии. И весь мировой ревизионизм и та форма современного советского ревизионизма, которую мы называем правым оппортунистическим уклоном, идут по одной и той же линии,—линии отхода от диалектического материализма в сторону *механистического материализма и позитивизма*, в сторону подмены материалистической диалектики позитивистской по существу *теорией равновесия*.

Что понимает под историческим материализмом точка зрения ортодоксального марксизма? Предмет исторического материализма революционный марксизм всегда рассматривал с двух сторон: 1) он видел в историческом материализме наиболее правильную, наиболее революционную *методологию* исследования общественных явлений; 2) он видел в историческом материализме наиболее революционную *теорию* общественного развития,—теорию, отображающую в чистости самый процесс того «реального движения», которое Маркс и Энгельс еще в своем раннем сочинении о Фейербахе называли

⁴⁴ XI Ленинский сборник, с. 374. Слово «класс» подчеркнуто у Ленина дважды.

⁴⁵ Там же, с. 372.

научным коммунизмом. Это единство общей социальной методологии марксизма и непосредственно вытекающей из нее теории научного коммунизма и составляет характерную особенность исторического материализма.

Поэтому чрезвычайно важно остановиться на двух вопросах—на том, как решает виднейший теоретик правого уклона, т. Н. И. Бухарин, вопрос о *методе* изучения социальных явлений, и вопрос о теории общественного процесса.

Вопрос о методе социального познания рассматривался т. Бухариным еще в его «Политической экономии ренты». Здесь именно им трактуется вопрос о том, как надо понимать научную абстракцию. В нашей недавней дискуссии с механистами было в достаточной степени выяснено, что марксизм не мирится с формально-логическим пониманием общих абстрактных понятий. С точки зрения диалектического материализма каждая научная абстракция, в том числе и каждая историческая абстракция отображает некоторую объективную реальность, охватывающую всю совокупность данных конкретных явлений. Между тем, у т. Бухарина понятие научной абстракции приобретает явный *формально-логический* характер. Он пишет: «Для нас всякая теория экономики, поскольку она есть теория, является абстрактной, и тут марксизм всецело сходит с австрийской школой¹. Свой метод исследования т. Бухарин определяет, как «соединение абстрактно-дедуктивного метода с методом объективным». Он ссылается при этом на предисловие к I тому «Капитала», где Маркс якобы называет свой метод дедуктивным. В действительности Маркс говорит там только о диалектическом методе. Стремление обозначить метод марксизма, как только «абстрактный», «дедуктивный» и т. п., совершенно не мирится с точкой зрения единства анализа и синтеза, единства дедукции и индукции, о котором неоднократно говорили Маркс и Энгельс. Метод марксизма есть *метод диалектический*, а не «абстрактный» и не «дедуктивный».

Здесь же т. Бухарин отмечает ряд моментов, которые, по его мнению, особенно характерны для марксистской методологии общественных наук. Прежде всего у него фигурирует так наз. общественно-объективная точка зрения. Как заявляет т. Бухарин, Маркс—«крайний объективист и в социологии и в политической экономике». Между тем, нам прекрасно известна та полемика, которую в свое время Ленин вел против Струве именно по вопросу об объективизме. Академическому «объективизму» Струве Ленин противопоставлял материализм, связывая это понятие с учетом классовой позиции исследователя. Материалист тем и отличается от обыкновенного объективиста, что является наиболее последовательным объективистом, проводя до конца свою классовую линию, но оставаясь выше классовых противоречий.

Далее Бухарин выделяет момент историзма в марксизме, так наз. «историческую точку зрения». Последнюю он понимает однако ограничительно, подчеркивая только момент специфичности, не забывая о развитии изучаемого объекта. Бухарин ограничивает объект политической экономии товарно-капиталистическим хозяйством. Вместе с тем он заявляет, что Маркс признает также и «законы, пригодные для общественного развития вообще»². Историзм явно не получает глубоко диалектического освещения как единства прерывного и непрерывного, общего и особого. В «Экономике переходного периода» Бухарин говорит о «диалектически-историческом методе». Ленин по этому поводу замечает: «Диалектика включает историчность»³. Беда т. Бухарина в том, что диалектический метод мыслится им как одна из многих возможных «точек зрения», а не как основной и единственный метод марксистского изучения.

Следующий момент, отмечаемый т. Бухариным в его характеристике марксистской методологии,—это—«материально-производственный подход», также понимаемый им

¹ «Политическая экономия ренты», с. 31.

² Там же, с. 46.

³ «XI Ленинский сборник», с. 384.

своеобразно. Общество т. Бухарин рассматривает лишь как «производственный организм», экономику—лишь как «производственный процесс». Другими словами, он исходит в конечном счете из *технического* процесса как такового, а не из соотношения классов. «Материализм» т. Бухарина в социальной методологии сводится к тому преувеличенному значению, которое он отводит чисто техническому, а порой даже физическому положению и месту людей в общественном процессе производства.

Вкратце остановимся наконец на знаменитом «постулате равновесия», особо выделяемом т. Бухариным. Те немногие места из Маркса и Энгельса, на которые пытается сослаться т. Бухарин для оправдания своей теории «равновесия», по существу дела говорят о совершенно другом. Ни о каких общих «законах равновесия» в процессе общественного развития Маркс и Энгельс разумеется никогда не говорили. Равным образом, никогда не говорили они и о том, что принцип равновесия якобы является «сугубо важным методологическим приемом», Маркс отнюдь не исходит из понятия *общественного равновесия*: он отправляется от общего диалектического понимания общественной жизни, ее движения и развития и если где и говорит о «равновесии», то рассматривает это равновесие как частный случай, как «момент» движения, диалектического развития капиталистического производства.

В бухаринской теории равновесия надо отметить две главные особенности. Прежде всего—учение о *взаимоприспособлении* и о «соответствии», о подборе различных частей, о приспособлении общества к среде и частей общества друг к другу. Этот момент, как известно, играет важную роль в теории А. А. Богданова. Например в «Тектологии» мы читаем: «Человечество можно рассматривать как объект подбора, деятелем которого является среда, внешняя природа»⁴. Другая характерная черта бухаринской «теории равновесия» заключается в том, что т. Бухарин стремится всюду видеть лишь единство,—единство *без противоположений*, как бы забывая о том важнейшем положении марксизма, что развитие надо понимать как самодвижение и что ведущим началом в самодвижении является противоречие. И этот момент роднит т. Бухарина с Богдановым, который тоже не понимал значения объективного противоречия в общественном развитии и говорил, например, что «в основе социальной связи лежит единство трудового процесса как социальной борьбы за существование»⁵.

Злополучная теория равновесия красной нитью проходит через все социально-политические построения т. Бухарина. Вспомним хотя бы знаменитый «закон трудовых затрат», который постыжно выдвигается т. Бухариным для понимания закономерностей нашей переходной эпохи. В этом вопросе особенно ярко проявляется характерное для т. Бухарина формально-логическое понимание научной абстракции. Бухарин берет некоторое наиболее общее, «предельное» понятие, рассматривает его независимо от исторической конкретной формы претяжения, а затем в той же абстрактной форме переносит его на современную нам переходную эпоху. Между тем тот общий закон распределения общественного труда в определенных пропорциях, о котором говорил Маркс в письме к Кугельману, когда он берется в абстракции, по существу уже выходит за пределы конкретного социального исследования. Недаром Маркс называет этот закон «*законом природы*».

Абстрактное оперирование общими понятиями очень часто выводит Бухарина за пределы того конкретно-исторического рассмотрения общественных явлений, которое так характерно для методологии марксизма. В самом деле, в чем смысл нашего, марксистского понимания «социального»? Что вкладываем мы в это понятие? Мы вкладываем в понятие социальной категории наряду с общим-то или иное, но всегда определенное конкретно-историческое содержание. Поэтому, чем больше мы будем элиминировать из

⁴ «Тектология», изд. 2-е, с. 154.

⁵ «Эмпириокритицизм», т. III, с. 113.

какой-нибудь общей социальной категории всякое конкретно-историческое содержание, чем более независимо от отдельных исторических форм ее проявления мы будем ее мыслить, тем с меньшим правом мы сможем говорить о данной категории, как о категории социального познания. И поэтому, когда Маркс например говорит о таких общих для всех исторических эпох явлениях, как «обмен веществ» между природой и общественным человеком (в I томе «Капитала»), то он не забывает указать, что в этом наиболее абстрактном понимании общественного производства общественный человек противостоит природе «как сила природы». Существует известная грань, на которой общая социальная категория, лишенная своей исторической определенности, становится некоторым предельным понятием, не могущим уже служить для конкретного исследования исторической жизни. Вспомним, что именно так отзывался Маркс об общих понятиях производства вообще, распределения вообще и т. д.⁶

В результате формально-логического оперирования наиболее общими социальными категориями, учение об обществе превращается у т. Бухарина в ту «социологию в кавычках» или в ту «социологическую схоластику», о которой столь презрительно отзывался Ленин, как об «игре в дефиниции». По мнению Бухарина социология ставит лишь «общие вопросы», «социология—наиболее общая (абстрактная) из общественных наук». Она «выявляет общие законы человеческого развития». О теории исторического материализма Бухарин говорит: «Это не есть политическая экономика, это не есть история, это есть общее учение об обществе и законах его развития»⁷. В другом месте мы читаем: «Теория развития общества есть теория развития *абстрактного* общества, и совершенно справедливо, что ей нет, строго говоря, дела до отношений между обществами. Она анализирует, что такое общество *вообще* и каковы законы развития этого общества *вообще*»⁸.

Может ли быть приемлемой для нас такая постановка вопроса? Для нас исторический материализм отбрасывает общественное развитие каждый раз в его специфической определенности. Для нас он связан, прежде всего, теснейшим образом с теорией научного коммунизма, а стало быть с реальным, конкретным историческим процессом развития современного общества, ведущим нас к обществу будущего. Такое понимание истмата у т. Бухарина отсутствует. Неудивительно, что у Бухарина получается так, что, с одной стороны, имеется исторический материализм, как теория абстрактного общества, общества «вообще», а с другой стороны—политическая экономика, изучающая только законы товарно-капиталистического общества. Ленин решительно не согласен с такого рода пониманием. Ленин замечает, что даже при чистом коммунизме возможна политическая экономика. Мне представляется, что и исторический материализм, и политическая экономика изучают примерно один и тот же объект, и в первую очередь они изучают, несомненно, общественное развитие в его наиболее сложной и важной для нас исторической определенности. Это—конкретный исторический процесс зарождения современного товарно-капиталистического общества, его развитие и переход в общество коммунистическое. Этот один и тот же объект получает лишь различное освещение—освещение *общей связи* социальных категорий в истмате и более специальное освещение его в форме системы *производственных отношений*—в политической экономии.

Само «общество вообще» Бухарин мыслит поэтому механистически, натуралистически. Маркс, Энгельс и Ленин понимали под обществом определенную специфическую форму движения в общественных отношениях. Говоря не о производственных отношениях, они имели в виду определенный тип присвоения прибавочного продукта, определенную форму эксплуатации, определенные отношения между классами, поскольку общество не

⁶ Введение к «Критике политической экономии».

⁷ «Теория исторического материализма», изд. 7-е, с. 13.

⁸ Там же, с. 343 (курсив Бухарина—И. Р.).

есть «общество вообще», а каждый раз определенное, конкретно-историческое классовое общество. Бухаринское же определение общества гласит: общество есть «наиболее широкая система взаимодействующих людей, обнимающая все длительные их взаимодействия и опирающаяся на их трудовую связь»⁹. Разберемся в том, что т. Бухарин понимает под «длительным взаимодействием» и под «трудовой связью». Сам т. Бухарин отвечает на этот вопрос следующим образом: «Это значит, что каждый работник стоит в *определённом* месте, делает *определённые* движения, входит в *материальное* соприкосновение с вещами и другими работниками, тратит определенное количество *материальной* энергии. Это все *материальные*, физические отношения. Конечно, все эти физические, материальные отношения сопровождаются своей «духовной» стороной: люди думают, обмениваются мыслями, разговаривают и т. д. Но это определяется тем, как они *расставлены* в фабричном здании, у каких машин они стоят и проч. Другими словами, они расставлены в фабрике, как определенные *физические тела*; они находятся поэтому в определенных *физических, материальных* отношениях *во времени и в пространстве*. Это и есть *материальная трудовая организация работников фабрики*»¹⁰. То же самое происходит и в пределах мирового хозяйства. Оказывается, что там люди «расставлены» по разным частям света, а «товарные массы переливаются из страны в страну», физически связывая таким образом людей. Вот что понимает т. Бухарин под *производственными отношениями*. В другом месте он пишет: «Мы, рассматривая производственные отношения, сводим их к размещению людей в пространстве. В чем выражается *отношение*? В том, что каждый человек имеет, как мы уже писали, *свое место* точно так же, как винтик в часовом механизме. Именно эта определенность положения в пространстве, «на трудовом поле», и делает из этого «размещения», «распределения» *общественно-трудовое отношение*... Это есть материальное отношение, такое же, как отношение частиц часового механизма...»¹¹. И далее следует сравнение производственных отношений с отношениями между небесными телами, входящими в состав солнечной системы.

Желая «оттолкнуться» от психологического понимания производственных отношений, т. Бухарин попадает в прямо противоположную сторону и приходит к механическому, натуралистическому, «физическому» пониманию общества. Оказывается, что производственные отношения—это *физические* отношения между людьми, расположенными в пространстве и времени. Другими словами, это, во-первых, вовсе не отношения между классами. Это, во-вторых, не та специфическая *социальная* категория, о которой Маркс говорил, что в ней нет ни атома естественного вещества. Социальные явления теряют у т. Бухарина свою качественную специфичность и сводятся к физическим, пространственным отношениям.

Поэтому когда т. Бухарин ставит вопрос о том, что такое общество как реальная совокупность по отношению к отдельным лицам, он разъясняет это следующим примером. Возьмем, говорит он, часовой механизм, разберем его на части. «Что делает их частью общего?—Их *определённое расположение*. Ровно то же самое получится и в обществе. Общество состоит из людей. Но если бы эти люди в процессе труда не занимали бы в каждое данное время определенного места, если бы они не были связаны трудовой связью прежде всего, не было бы и никакого общества»¹².

По т. Бухарину выходит, что обыкновенная трудовая связь есть по существу *физическая* связь. Получается так, что *экономика* сводится Бухариным к *техническому* процессу, а технический процесс, в свою очередь, сводится им к *физическому* процессу. Но ведь уже самый технический процесс представляет собой нечто высшее, чем просто

⁹ «Теория исторического материализма», изд. 7-е, с. 93.

¹⁰ Там же, с. 94.

¹¹ Там же, с. 160—161.

¹² Там же, с. 98.

физический процесс. Это есть явление *социальное*. Дальше итти по линии *сведения* некуда! До такого упрощения не доходил ни один из наших механистов в предшествующей философской дискуссии. Эти места бухаринской «социологии» являются классическими образцами механистического «сведения» — на потребу всем механистам будущего времени. Это же понимание общества нашло свое выражение такое и в «Экономике переходного периода», где т. Бухарин писал: «Мы брали общество, как систему элементов *in natura*», на что Ленин реагировал негодующей пометкой: «Караул!»¹³.

В полном соответствии с этой натуралистической трактовкой общества находятся и воззрения т. Бухарина на «обмен веществ» между природой и обществом и на категорию производительных сил. Как уже указывалось, когда Маркс говорит об «обмене веществ» между человеком и окружающей его природой, он имеет в виду некоторое предельное понятие, выходящее уже за границы конкретно-исторического исследования общественных явлений. Бухарин же ограничивается одной своей тощей абстракцией для изучения процесса общественного производства, для «сверхматериализации» этого процесса. С точки зрения т. Бухарина «непосредственное соприкосновение общества с природой, т. е. перекачивание энергии из природы, есть *материальный процесс*»¹⁴. «Сам процесс труда есть трата физиологической энергии»¹⁵. «Трата человеческой энергии (производство) есть *выкачка энергии из природы*»¹⁶. Для развития общества решающее значение, по т. Бухарину, имеет тот *баланс*, который получается при этом; вопрос в том, «превышает ли получка затрату»¹⁷, и т. д. Другими словами, мы имеем полное исчезновение *социального* момента из категории производительных сил. Производительные силы мыслятся т. Бухариным не только лишь как нечто «вещественное», «техническое», но просто как нечто «энергетическое». Производительные силы общества превращаются в определенное количество материальной энергии.

Тов. Бухарин, как известно, очень строго относится к другим социологам и экономистам. Он бранит Каутского за то, что тот «путает» экономику с техникой. Но как, спрашивается, представляет себе отношение между техникой и экономикой сам т. Бухарин? Техника по Бухарину, это «система общественных *орудий труда*». Техника — это сами орудия и *отношения между орудиями*! В действительности, однако, самую технику не следовало бы сводить к одним только «вещам» — к орудиям труда. Техника — это прежде всего некоторая техническая *организация*, некоторая совокупность технических *приемов*, некоторая совокупность *отношений*, а отношение имеет всегда место не между орудиями, но между *людьми*. Тов. Бухарин называет эту техническую организацию производственными отношениями. Он говорит о необходимости определенного соответствия и равновесия между «техникой», т. е. определенной системой средств производства, и «экономикой», т. е. той же производственной, технической организацией. Сведение техники к одной лишь совокупности средств производства и одновременное сведение производственных отношений к одной лишь технической, трудовой организации людей изменяет самую сущность этих важнейших для марксизма понятий. Техника не входит конечно в предмет политической экономии, но и техника отнюдь не является чем-то выходящим за пределы социального рассмотрения. Как социальное явление, техника представляет собой не только одни орудия производства и даже не только эти орудия плюс рабочая сила. Она представляет собой определенную связь между людьми, определенную *организацию* технического процесса.

¹³ «XI Ленинский сборник», с. 357.

¹⁴ «Теория исторического материализма», с. 114.

¹⁵ Там же, с. 115.

¹⁶ Там же, с. 117.

¹⁷ Там же, с. 118.

Сводя производственные отношения к технически-трудовой организации работников, т. Бухарин с самого начала своего анализа производственных отношений упускает из виду их классовый характер. Вообще в этом бухаринском анализе производственных отношений очень много неясного. Самые *различные* отношения между людьми обозначаются им как производственные отношения. А потом вдруг оказывается, что конфликт между производительными силами и производственными отношениями есть конфликт этих сил именно с классовыми производственными отношениями, а не с какими-либо иными. Таким образом остаются несвязанными та связь и то *единство*, которые существуют между организационно-трудовой и классовой стороной производственных отношений, остается смазанной классовая *основа* какого бы то ни было типа производственных отношений классowego общества.

• Огсуд—основное различие между марксистской и бухаринской постановкой вопроса о классах. Ккие указания дает Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» по вопросу о классах, о производственной *основе* образования классов? Маркс говорит, что под распределением мы должны понимать некоторый момент самого процесса производства, потому что в производство входит *распределение орудий производства*. Из этого распределения орудий производства у Маркса вытекает распределение членов общества по различным родам производства. У Бухарина же получается как раз наоборот: он говорит, что мы имеем, *во-первых*, распределение людей, которые «размещены» различным образом в связи с их ролью в производственном техническом процессе, а *во-вторых*, распределение орудий производства между этими людьми. У Маркса техническая сторона процесса оказывается следствием, точнее, «инобытием» различного распределения средств производства между отдельными людьми или группами людей. У Бухарина же на первом месте—распределение людей в связи с их ролью в техническом процессе производства, размещение людей в пространстве и во времени. Бухарин чувствует получающуюся здесь неловкость и вынужден сделать некоторое сальто-мортале. Он пишет, говоря о капиталистическом обществе: «Мы видим в нем распределение людей». Эти «распределенные», т. е. определенным образом расставленные в производстве люди, делятся... на классы, причем основанием этого деления является различная роль в процессе производства. Но посмотрите! Вместе с этим различным «распределением людей», вместе с этой различной ролью этих людей в производстве связано и *распределение средств труда*: капиталист, владелец латифундий, помещик—имеют в своем распоряжении эти средства труда... Мы видим (?) таким образом, что различная роль классов в производстве *опирается (!) на распределение между ними средств производства* ¹⁸. В действительности у т. Бухарина это ниоткуда не вытекает. Мы имеем здесь дело лишь с одним из формально-логических противоречий самого т. Бухарина.

Общественный класс таким образом мыслится т. Бухариным не как экономическая категория, вытекающая из различных форм присвоения средств производства, из различного распределения средств производства, но как категория прежде всего техническая, образующаяся в самом техническом процессе производства. С этим вполне гармонирует и самое определение т. Бухариным класса: «совокупность людей, играющих сходную роль в производстве, стоящих в процессе производства в одинаковых отношениях к другим людям, причем эти отношения выражаются *также в вещах*» ¹⁹. Тов. Бухарин вообще очень любит подчеркивать физическую «вещественность» общественных отношений для пущей «материализации» их...

У т. Бухарина нет также и правильного понимания различия между классом и профессией. Бухарин по существу дела исходит из богдановского идеалистического раз-

¹⁸ «Теория исторического материализма», с. 157.

¹⁹ Там же, с. 313—314.

деления общества на «организаторов» производства, на командующий класс и на «исполнителей». Но почему какой-нибудь мастер или инженер, занимающие командующее положение в процессе производства, не образуют особого класса, а владельцы средств производства образуют его? Тов. Бухарин старается свести различие между профессией и классом к тому, что только в классе мы имеем командующую группу. А между тем очевидно, что, говоря о профессии, мы имеем в виду «техническую», связанную с определенным видом конкретного труда сторону трудовых отношений. Говоря же о классе, мы разумеем определенную форму присвоения прибавочного продукта. Тов. Бухарин в своей «технизации» понятия класса забывает реальную классовую борьбу. У Ленина же в его определении класса выпячивается совершенно другой момент: общественный строй производства, различное отношение к средствам производства, эксплуатация одного класса другим классом. Бухарин и в этом вопросе всецело следует за Богдановым, также проводящим мысль о том, что классы происходят из технической специализации отдельных групп общества. И здесь механический материализм Бухарина смыкается с богдановским идеализмом.

Я не имею возможности останавливаться на отдельных деталях классовой теории т. Бухарина, в которых проявляется все тот же абстрактный, недиалектический подход, характерный для его методологии. В частности, т. Бухарин неправ, рассматривая классовый антагонизм, как основное общественное противоречие. Классовый антагонизм является лишь дальнейшей формой проявления того основного противоречия между производительными силами и общественными отношениями, которым движется общественное развитие. Вообще недопустимо отождествлять простой антагонизм и противоречие или единство противоположностей, как на это указывает и Ленин.

Уже упоминалось, что вся решительно теория исторического материализма т. Бухарина проникнута идеей равновесия, идеей *приспособленности* одних общественных явлений к другим общественным явлениям и к природной среде. Говоря о надстройках, Бухарин интересуется главным образом двумя моментами: 1) значением данной надстройки, как определенного условия общественного равновесия, и 2) связью этой надстройки с общественной техникой, ее «вещно-материальным» характером, — возможностью отождествить надстройку с базисом. Возьмем напр. государство. Оно рассматривается Бухариным как «добавочное условие равновесия», как некий «обруч», стягивающий общество и не дающий ему распасться²⁰. Правовые и этические нормы, но Бухарину, — тоже определенные условия равновесия, сдерживающие внутренние противоречия людских систем. Религия и философия — это «скрепа всех „знаний“ и „ошибок“ ... условие равновесия между ними»²¹. Идеологии вообще суть «не простые побрякушки а различного рода обручи, держащие в равновесии все общественное тело»²². Под конец т. Бухарин сам подметил, что он слишком много говорил на протяжении своей книги — вплоть до 270 страницы — об едином обществе, о приспособлении, о взаимоприспособлении частей и равновесии между ними. Он вспомнил, что нужно говорить и об общественных противоречиях, и на с. 270 начинает об этом говорить: «Не нужно думать, что между различными элементами общества существует „полная гармония“; здесь имеются противоречия» и т. д. Понятие противоречия понадобилось здесь т. Бухарину для того, чтобы объяснить *нарушение* общественного равновесия, причем это нарушение равновесия изображается им не как момент развития реального, диалектического, внутреннего противоречия, а с точки зрения все той же пресловутой «теории равновесия».

Остановлюсь еще на бухаринском понимании взаимоотношения между общественной психологией и общественной идеологией. Как известно, различие между ними

²⁰ «Теория исторического материализма», с. 289.

²¹ Там же, с. 163.

²² Там же, с. 183.

т. Бухарин усматривает в «степени систематизации». Идеологии суть «сгустки общественной психологии». Общественная психология—это соляной раствор, из которого выкристаллизовывается идеология. Идеология, по Бухарину, систематизирует, организует психологию. Между тем, в действительности, дело обстоит очень часто совершенно иначе. Возьмем например психологию капиталистического общества или психологию пролетариата в переходном обществе. В том и другом случае мы имеем вовсе не аморфный «резервуар» мыслей, чувств и представлений, которые должны организоваться, систематизироваться в идеологию. Общественная психология капитализма складывается из элементов множества растущих идеологических систем, из различных сложных надстроечных явлений: товарный фетишизм, юридический фетишизм, различные формы государственного фетишизма и т. д. Психология рабочего, психология крестьянина часто складывается из этих отдельных, сосуществующих элементов идеологической системы. Тов. Бухарин повторяет здесь старую богдановскую ошибку, становится на «организационную» точку зрения, поднимает идеологию как «*организующую форму*» общественного бытия.

Желая показать материальную базу идеологии, т. Бухарин развивает целую теорию «идеологического труда». Он всячески подчеркивает, что идеологии материализуются в вещах. Все это нужно т. Бухарину для того, чтобы представить все общество, как громадный трудовой механизм с различными видами разделенного совокупного общественного труда, причем между неидеологическим трудом и трудом идеологическим имеется определенное *соответствие*. Он приводит любопытный пример с египетскими памятниками (пирамиды и т. д.) и с «выпиранием» этики в греческом обществе конца V века. Для механистической теории т. Бухарина очень характерны объяснения, которые он дает этому «выпиранию» на первый план той или иной идеологической надстройки: для того, чтобы удержать общество в равновесии, необходимы были в первом случае величественные, колоссальные произведения архитектуры, а во втором случае—выработка моральных норм ²³. По существу дела, несмотря на все насмешки т. Бухарина над «шулятиковщиной», мы имеем у него полное отрицание относительного имманентного развития самодвижения идеологий—непонимание того обстоятельства, что идеологии свойственно некоторое внутреннее развитие, которое определяется не только существующими экономическими отношениями, но также и предшествующим идеологическим развитием. Отрицание этой внутренней закономерности в развитии идеологии является прямым логическим результатом механистического понимания «равновесия» между материальным производством и идеологиями.

Из всего этого вытекают две любопытные теории т. Бухарина: теория «пролетарской культуры» и теория значения организационно-культурной работы в переходный период. Если Ленин и говорил иногда о «пролетарской культуре», то он имел в виду «становящуюся» культуру самого изменяющегося общества и изменяющегося пролетариата, постепенно перерастающую в культуру будущего социалистического общества. У Бухарина же идет речь о пролетарской культуре, как об особой культуре переходного общества, которая в богдановском смысле должна «разрабатываться» независимо от материального переустройства общества. В своих недавних статьях о культурной революции т. Бухарин берет культурное развитие не *вместе* с задачами грандиозной реконструкции нашего хозяйства, не как *момент* этой реконструкции, а как нечто обособленное, как нечто такое, что в известные периоды «выпирает» и оказывается особенно важным для поддержания общественного *равновесия*.

Я останавлиюсь еще на понимании т. Бухариным роли государства, чтобы показать, что и здесь между марксистским ортодоксальным пониманием и воззрениями т. Бухарина существует известное различие. Государство представляет собой, как вы-

²³ «Теория исторического материализма», с. 246.

ражался Ленин, «особую дубинку для подавления». В полемике против Струве Ленин разъяснял, что дело не просто в «принудительной силе» (как думал Струве), а в некоторой *особой* организации, в некотором особом классе или группе людей, которые образуют государственную организацию. Эта особая организация и служит, по Ленину, добавочным средством классового угнетения, классовой эксплуатации. Бухарин исходит в своем определении государства из различия классовых интересов. В силу существующего в обществе различия классовых интересов общество должно было бы распасться. Но общество не распадается. Значит, говорит т. Бухарин, должно существовать некоторое «добавочное условие равновесия; должно быть нечто, что играет роль обруча, стягивающего классы, не дающего обществу распасться... Таким обручем является государство»²⁴. В «Экономике переходного периода» т. Бухарин пишет: «Самой характерной чертой государственной организации господствующего класса, которая отличает эту организацию от других организаций того же класса, является ее *всеобщность*. Государственная организация есть *самая широкая* организация класса»²⁵ и т. д.

Из этих определений видно, что т. Бухарин вполне отдает себе отчет в классовом характере государства, но не указывает определенной *специфической формы*, которую получает в государственной организации господство одного класса над другими. По Бухарину, основной отличительный признак государства—это его «всеобщность» («самая широкая организация» господствующего класса). Тем самым смазываются те специфические признаки государственной организации, которые подчеркивал Ленин: наличие особого аппарата, бюрократии, чиновничества, армии и т. д. А это, в свою очередь, приводит т. Бухарина к неправильным выводам относительно *роли* государства в экономической эксплуатации. Роль государства совершенно *смазывается* в условиях советской экономики, и в то же время функции его отождествляются с функциями господствующего класса при капитализме. По мнению т. Бухарина государство выступает в роли непосредственного эксплуататора угнетенного класса. При государственном капитализме это приводит, по Бухарину, к непосредственному государственному регулированию всех областей производства и обращения, так что внутри каждого такого государства обычная для товарного производства анархия исчезает. Конкретная борьба происходит не внутри империалистических государств, а между ними. Вместо экономических кризисов выражением нарушенного равновесия становятся империалистические войны. Война оказывается единственным выходом для обнаружения внутренних противоречий. Так приводит т. Бухарин к своей знаменитой теории «организованного капитализма».

Перехожу к бухаринской теории фаз революции. Развитие революции, по Бухарину, проходит четыре фазы: сначала идеологическая революция, затем политическая, потом экономическая и наконец техническая. Совершенно очевидно, что вся эта теория «социальной революции вообще» («а ля Спенсер») представляет собой не что иное, как простой сколок с развития пролетарской революции, которая начинается с идеологической подготовки; затем осуществляется политический захват власти, потом вторжение в права капиталистической собственности и наконец переход к технической реконструкции всего общества. Но эта схема отнюдь не применима к другим революциям. Возьмем хотя бы «экономическую фазу» революции. Разве буржуазные революции протекали таким образом, что сначала буржуазия захватывала власть, а потом создавала новую экономическую систему? Все развитие промышленного капитализма этому противоречит. Экономическая революция начиналась раньше политического переворота, а заканчивалась после политического переворота. То же самое относится и к технической революции, которая обычно начинается задолго до политической.

²⁴ «Теория исторического материализма», с. 163..

²⁵ Там же, с. 21.

Четырехфазисная схема т. Бухарина даже в отношении пролетарской революции может вызывать некоторые возражения и уже во всяком случае она не «увязана» у т. Бухарина с его «теорией равновесия». Началом идеологической революции оказывается конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Но почему развивается этот конфликт? Ведь с точки зрения общественного равновесия существует определенное приспособление между материальными и идеологическими элементами. Почему у угнетенного класса появляется революционная идеология? Бухарин этого вовсе не обосновывает. И если в его схеме развития пролетарской революции имеется известная доля истины, то она не только не вытекает из теории общественного равновесия, но находится в полном противоречии с этой последней.

В заключение несколько примеров того, что получается из применения теории равновесия к нашему переходному периоду.

В «Экономике переходного периода» Бухарин заявляет, что в переходный период «постулат равновесия недействителен», так как нет пропорциональности между отраслями производства, между производством и потреблением и т. д. Дальше он замечает: «Можно возразить, что поскольку общество не погибло, равновесие есть. Однако такое рассуждение было бы правильно, если бы период времени, который мы рассматриваем, представлял бы весьма длительную величину. Вне равновесия общество *долго* жить не может...»²⁶. Очевидно, переходный период мыслился тогда т. Бухариным как нечто весьма кратковременное.

В «Теории исторического материализма» говорится уже иное: «Вот пролетариат выполнил свою историческую миссию. Он разрушил старую государственную машину, он построил новую; создано *новое общественное равновесие*; пролетариат занимает место временного командующего класса... Все его частные интересы, рассматриваемые с точки зрения общих интересов, выстраиваются по линии *укрепления и развития* новых отношений»...²⁷.

Таким образом, по Бухарину, выходит, что задача пролетариата, когда он становится «командующим классом», заключается уже не в классовой борьбе, а в классовом мире, в *укреплении и развитии* новых отношений. «Посмотрим,—говорит т. Бухарин,—на какую *удобно* форму общества, и мы тотчас же убедимся, что поскольку это общество существует, постольку в нем в общем и целом господствуют психология и идеология *гражданского мира*»²⁸. И дальше: «Крестьянство поддерживает пролетариат в бою против помещиков и капиталистов, оно поддерживает его потому, что пролетариат охраняет крестьянскую землю и дает возможность развиваться крестьянскому хозяйству, но оно весьма невосприимчиво к «комунии» и держится крепко за старые формы землепользования»²⁹. Последний период бурного развития социалистического строительства в деревне жестоко надсмехался над всеми этими теоретическими рассуждениями...

И нам остается сделать только один вывод: для переживаемого нами периода «Теория исторического материализма» т. Бухарина объективно стала глубоко вредной книгой и вредной «социологией»!

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ тт. С. КРИВЦОВА и И. РАЗУМОВСКОГО

Тов. А р у т ю н я н ц. Очередной важнейшей задачей является сейчас разработка проблем исторического материализма. Разработка этих проблем в наших условиях, по самой логике развития теории исторического материализма в СССР, явится одновременно и критикой бухаринской точки зрения на исторический материализм.

²⁶ «Экономика переходного периода», с. 132—133.

²⁷ «Теория исторического материализма», с. 326—327. (Курсив мой.—И. П.)

²⁸ Там же, с. 29.

²⁹ Там же, с. 328.

Разобрать в одном заседании основные проблемы истмата — совершенно невыполнимая задача, которая может повлечь за собой выдвижение новых, мало обоснованных или ошибочных положений (хотя и выставляемых против Бухарина). Несколько таких ошибочных положений фигурировали, мне кажется, и в заслушанных докладах.

Я хочу остановиться на основном вопросе — на тех философских предпосылках, из которых вытекает у Бухарина ч^то решение отдельных конкретных проблем исторического материализма.

Бухарин, как известно, считает, что он только перевел на язык материализма диалектику Гегеля, доделав своей теорией равновесия дело Маркса и марксистов. «Процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. *воот что реально соответствует диалектической формуле Гегеля, т. е. его триаде*» (сб. «Атака»). Единственное различие между триадой и теорией равновесия Бухарин усматривает только в том, что последняя дает диалектику материального становления.

Упрек в механистичности формулы равновесия был бы, по его мнению, несостоятелен потому, что современную механику нельзя противопоставлять диалектике. Обоснование этой мысли следующие: «если механика не диалектична, то есть не диалектично и все движение, то что же остается от диалектики». Прежде всего об этом «обосновании». Откуда могло взяться это «то есть», которое смешивает непозволительным образом два различных момента?

Одно дело, что всякое движение, взятое как определенный процесс (и простое перемещение в пространстве) диалектично и внутренне противоречиво, а потому и необъяснимо по законам формальной логики. Это хорошо знали еще элеаты (Зенон). И совсем другое дело механика, как определенная наука, которая несколько не интересуется противоречивостью движения или его диалектичностью. Наш ответ: всякое движение — противоречиво, диалектично, механика же, как наука, не диалектична. И никакого «то есть» между ними ставить нельзя. Из того, что диалектичен весь мир, со всеми процессами и явлениями, в нем протекающими, еще не значит, что всякий метафизик и механист, строящий «научные» схемы о действительности, тем самым уже и диалектик. Предметом науки всегда был диалектический мир, а Энгельс указывает на столетия метафизической науки.

Бухарин открыто подчеркивает механистичность своего основного философского положения — теории равновесия; нет смысла доказывать, что в области методологии между Бухариным и нашими механистами нет никакого принципиального расхождения; нет смысла доказывать также, что борьба с механистами в течение 5 лет была борьбой против «бухариизма» или «бухаринианства» в области методологии, что эта борьба великолепно вскрыла несостоятельность механистической концепции. И если я останюсь на теории равновесия, то только потому, что в докладе т. Кривцова был дан неудачный ответ на утверждение Бухарина, что он перевел на материалистический язык основную формулу Гегеля — триаду. Тов. Кривцов говорит: «О т. Бухарине можно сказать, что у него узкое понимание диалектики, потому что из всего богатства содержания диалектики, как метода, он берет только один момент и *притом наиболее неудачный*, он берет закон триады... Если вы вспомните, что писали в свое время по поводу триады Ленин и Плеханов, — то вы увидите, что это выпячивание триады Бухариным является типичным признаком того, что у автора узкое понимание диалектики». Закончил т. Кривцов доклад так: «Мы должны вскрыть новые диалектические закономерности и применить их к общественным явлениям. Тогда наш путь будет более плодотворным, чем в том случае, если бы мы брали диалектику лишь в смысле неудачной формулировки Гегеля о триаде, переводя ее на язык механики».

В этом «возражении» т. Кривцов по существу согласен, что Бухарин перевел триаду на язык механики, на зато считает, что *триада неудачная формула*, не имеющая

значения в нашей методологии. Эти положения т. Кривцова ошибочны. Следует, наоборот, показать, что *триада*—*один из основных законов диалектики* и что в бухаринской трактовке нет не только аналогии триады, но и самого понимания ее существа. Как раз в вопросе о триаде с особой резкостью выступает схематизм и безжизненный формализм бухаринских построений.

С триадой у нас происходит какое-то недоразумение, которое вовсе не должно было бы вытекать из высказываний Энгельса, Плеханова, Ленина. Пора ее понять и этим самым ее реабилитировать в нашей сегодняшней работе. Мы вышли из младенческого периода, когда всю диалектику у нас сводили к простому описанию процессов развития по закону перехода количества в качество.

В наше время, когда все кричат о единстве противоположностей, *дико считать единство, переход и взаимопроникновение противоположностей сутью диалектики и в то же время отмахиваться от триады. Триада есть реализация или развертывание во времени единства противоположностей*. Признающий закон единства противоположностей должен признать и триаду, как его обязательное следствие. Какова роль триады (или отрицания отрицания—это одно и то же) в спорах Энгельса с Дюрингом, Плеханова и Ленина с народниками?

Эти споры не столько о триаде, сколько по вопросу об отношении диалектического метода к действительности. Называем ли мы действительности какую-либо схему, или выводим законы диалектики из нее самой—вот о чем только шел спор. Основные возражения Энгельса, Плеханова, Ленина: *триада не являлась и не является доводом не только для нас, но и для Гегеля*. Но это не должно выделять триаду из других законов. Ясно ведь, что ни один закон диалектики, взятый сам по себе, не является доводом или схемой, в которую надо втиснуть действительность.

Если у нас, в русском марксизме, спор о триаде заострился именно в такой плоскости—это, в значительной мере, случайное обстоятельство объясняется тем, что народники так напали именно на триаду в то время, как Дюринг одинаково нападал и на триаду и на количество-качество, а контр-аргументация Энгельса была совершенно аналогичной в обоих случаях. Таким образом триада никогда и не была скомпрометирована у классиков марксизма.

Если внимательно прочесть Энгельса, будет ясно, что он всюду отождествляет триадический процесс с диалектическим в главе об отрицании отрицания: все примеры, приводимые Энгельсом, обязательно *триадичны* и т. д. Это к сведению тех, которые думают противопоставлять триаду отрицанию отрицания как его частный случай. Есть и такие. Энгельс заканчивает главу словами: «Если Дюринг намерен изгнать из мышления самую суть дела, то вместе с тем он должен изгнать диалектическое развитие из природы и истории и изобрести такую математику, в которой минус A умноженное на минус A не дает плюс A квадрат». Примером и сути дела и диалектического развития и здесь в конце его главы *фигурирует триадический пример* из математики. То же и у Плеханова: «Всякое явление, развиваясь до конца, превращается в свою противоположность» (но это, мы знаем, известное следствие закона единства противоположностей—*Ар.*), но так как новое, противоположное первому явление также, в свою очередь, превращается в свою противоположность, то третья фаза развития имеет формальное сходство с первой».

По Плеханову, триада вытекает *из необходимости из закона единства противоположностей*, а если вспомнить важнейшее замечание Энгельса о том, что каждой категории предметов свойственен свой особый способ отрицания, чтобы из него получилось развитие, будет ясно, что та или иная форма триады или отрицания отрицания обусловлена *специфическим* для каждого случая единством противоположностей и должна быть прослежена конкретно. *Подчеркивание триадичности формы процессов отрицания отрицания не имеет поэтому ничего общего с пристрастием к внешнему формализму* (это

противники марксизма не видят ничего в триаде, кроме внешнего формализма). Для нас **триадичность формы**—только указание на сложный процесс **внутренних** связей изучаемого явления и требование **конкретного** анализа этих связей.

В «Друзьях народа» Ленин подчеркивает, что триада не довод. И это правильно в отношении любого закона диалектики. В замечательной брошюре «Шаг вперед—два назад» глава «Нечто о диалектике» целиком посвящена анализу борьбы внутри социал-демократии с точки зрения триады: «не только овес растет, по Гегелю, но и русская с.-д. воюет между собой тоже по Гегелю»,—заканчивает главу Ленин.

В ответственной статье «Карл Маркс» Ленин **начинает определение** диалектики (в отличие от эволюции) **прямо с закона триады**. В известных 16 пунктах о диалектике в «Конспекте «Науки логики» 13 и 14 пункты говорят о триаде и т. д. и т. п.

Основной смысл триады—в требовании видеть **качественное своеобразие** всякого нового явления, несмотря на внешнее сходство с предыдущими, видеть **различие** в сходстве. Триада противостоит формуле «вечной повторяемости» и обывательскому «ничто не ново под луной». Триада указывает на своеобразную сложную форму связей между отдельными фазами всякого процесса развития и должна быть прослежена везде, где есть **развитие**, т. е. переход одного качества в другое.

Перевел ли Бухарин триаду на материалистический язык? Конечно, нет. В бухаринской формуле: равновесие, нарушение равновесия и равновесие на новой основе мы имеем, в лучшем случае, диаду, а не триаду, так как «нарушение равновесия» не есть для Бухарина особое длительное состояние, не есть определенность, устойчивость, качество, если считать, что качество для него—та или иная форма равновесия. У Бухарина мы имеем одно равновесие и другое равновесие, т. е. **простое** отрицание, вместо отрицания отрицания, вместо синтеза. Система двух равновесий не имеет ничего общего с триадой даже в смысле внешней аналогии. Если же по аналогии взять три равновесия, отразят ли они внутренний смысл триады—различие в сходстве, сложную внутреннюю связь трех моментов развития и т. д. Конечно, нет. В мертвой схеме равновесий, совершенно равнодушных друг к другу, нет ни **внутренней** связи, ни сложного переплета трех моментов, ни развития.

Второй вопрос, на котором коротко остановлюсь,—это исторический материализм как наука. Тов. Кривцов категорически подчеркивает, что истмат **не теория, не социология, а только метод, только руководство для деятельности**. В противоположность т. Кривцову т. Разумовский подчеркивал, что исторический материализм—единство революционной теории общества и революционного метода.

Боюсь, что в области исторического материализма мы стоим сейчас **перед опасностью ползучего эмпиризма**—и это после пяти лет борьбы с механистами за **общую теорию диалектики**. Ползучий эмпиризм проглядывает и в категорическом противопоставлении метода теории и в ограничении исторического материализма только капиталистической формацией и т. д. Эта опасность вызвана силой отталкивания от абстрактно-всеобщей социологии т. Бухарина. Отталкиваясь от Бухарина, товарищи попадают в другую, но не менее метафизическую противоположность.

Тов. Разумовский ставит вопрос правильнее, но недостаточно полно. Мало сказать, что исторический материализм—это метод, который дает теорию научного коммунизма, прилагаясь к анализу капиталистической действительности и обрастая конкретным материалом. В таком ответе не дано еще **внутреннего единства метода и теории**, теория фигурирует здесь еще как нечто внешнее, целиком обусловленное эмпирическим материалом. Для нас, в отличие от всех субъективистов, сам метод объективен и является уже общей теорией науки: любой закон диалектики—прежде всего закон самой действительности, а постольку и закон нашего мышления. Ленин против Бухарина подчеркивает, что диалектика—учение о материальной действительности, а постольку и метод познания. Такая **общая теория** действительности имеет конечно только методологи-

ческий смысл и в приложении к действительности дает уже конкретную теорию изучаемой области, но именно поэтому нельзя метафизически противопоставлять метод теории. Это противопоставление обнаруживает непонимание проблемы общего, особенного и единичного в материалистической диалектике. В связи с Бухаринным у нас мода отбрасывать общее, абстрактное и т. д. Но существует не только метафизическое общее и абстрактное, но и диалектическое. Ленин резко подчеркивает реальность общего; реальность общего—один из главных вопросов нашего спора с механистами. Товарищи забывают, что единичное, как единичное, может быть понято только на основе общего, что конкретное—конкретно только на основе абстрактного, а вне его не больше чем случайный эмпирический факт. Бухарина надо бить за метафизичность, за тшщие абстракции, за непонимание проблемы общего, особенного, единичного, но, отмахиваясь от него, нельзя поступаться важнейшим положением материалистической диалектики.

Ошибочно будет и положение, что истмат ограничен в смысле объекта капиталистической формацией. Основной закон, сформулированный Марксом в «К критике»—общий закон всех формаций. }

Ленин в «Друзьях народа», где особенно выпячен вопрос об общественных формациях, подчеркивает, что исторический материализм доказан на анализе одной формации и потому сомневающиеся в нем пусть докажут ошибочность этой теории на анализе других формаций. Для Ленина не вызывало сомнений полсжение, что исторический материализм, как общая теория, распространяется на все формации.

Нужно признать, что, несмотря на укореишгшееся мнение, будто бы марксизм наиболее разработан в области исторического материализма, у нас нет до сих пор общеустановленной точки зрения по ряду проблем. Именно поэтому перед нами стоит задача разработки проблем исторического материализма.

Тов. Ш а р и я. С общей установкой доклада т. Кривцова я согласен, но т. Кривцов пошел по пути аналитической критики Бухарина, т. е. по пути отдельных выдержек, противопоставления отдельных формулировок и т. д. С таким методом критики я несогласен; такая критика себя не может оправдать. Несмотря на ценный материал, у т. Кривцова не получилось цельной критики. На мой взгляд нужно было ограничиться двумя или тремя основными проблемами, по которым и следовало развернуть прения.

Основной грех Бухарина—это механистичность его концепции, отрицание диалектики. Я несогласен с т. Кривцовым, что у Бухарина узкое представление о диалектике. Нет, у Бухарина неправильное понимание диалектики. И поэтому каждая категория, которой оперирует т. Бухарин, не является подлинной диалектической категорией. Это первое.

Второе. Поскольку Бухарин не понимает основной сущности диалектики, единства противоположностей, и сводит противоположность к внешним противоречиям, у него—непонимание внутренней закономерности движения, непонимание самого движения в каждой специфической области. Поскольку т. Бухарин не понимает специфичности социальной формы движения материи, постольку у него и несоциальное определение общества, и вульгарный материализм и т. д.

Тов. Кривцов считает правильной постановку Бухаринным проблемы производительных сил и производственных отношений, ссылаясь на замечание Ленина, что «это лучше, чем на странице 88». Но т. Кривцов ошибается. Говоря об этом определении Бухарина, что «это лучше, чем на с. 88», Ленин тем самым еще не сказал, что это абсолютно верно. А между тем это понимание производительных сил—центральное в бухаринской концепции. Принимая эту точку зрения Бухарина, вы должны принять и его концепцию равновесия. Бухаринская концепция равновесия немыслима без понимания производительных сил как пограничных, ибо ему нужна была механистическая граница между средой и системой. Мне представляется единственно марксистски ортодоксальной такая точка зрения, которая говорит, что общественные производи-

тельные силы являются социальной категорией. В этом их специфика. Как социальная категория они имеют, конечно, и техническую и экономическую сторону.

Из непонимания диалектики производительных сил и производственных отношений вытекает у Бухарина непонимание самодвижения общества, и поэтому движение у него—результат соотношения среды и системы. Из непонимания им социального качества вытекает и другое—вытекает непонимание общества, как именно общественной формации, с присущей ей специфической закономерностью, в силу которой она специфическим образом себя регулирует.

Тов. Бухарин берет общество вообще, берет общие законы, не понимая конкретного проявления этих законов в каждой определенной ситуации. Соотношение производительных сил и производственных отношений с приматом производительных сил является законом для всех общественных формаций. Но Бухарин не понимает того, что эти общие законы проявляются специфическим образом в каждой специфической общественной формации. Общая установка должна быть сочетаемая с конкретной обстановкой. Нам всегда дано соотношение общего и единичного. Что такое, например, соотношение программы и тактики? Программа это, если хотите, теория, нечто такое, что определяет характер действия. Действуя по программе, вы действуете по определенной теории, считаясь при этом с конкретной ситуацией. И поэтому проблема программы и тактики должна быть поставлена как пример соотношения теории и метода при соответствующей ситуации.

Разрешите теперь в нескольких словах коснуться докладу т. Разумовского. Тов. Разумовский говорит: «Техника—это прежде всего некоторая техническая организация, некоторая совокупность технических приемов, некоторая совокупность технических отношений. Стало быть, отношений не между орудиями, но между людьми». То, что т. Разумовский говорит «не между орудиями»—это против Бухарина, потому что у Бухарина «между орудиями», а по Разумовскому—«между людьми», но оттолкнуться от т. Бухарина в противоположное направление еще недостаточно. Отношения между людьми нельзя понимать как чистые отношения между людьми. В связи с этим мне кажется ошибочным и мнение т. Кривцова, что капитал есть только отношение. Да, товарищи, это есть отношение, но не только отношение—вот в чем заключается сущность вопроса. Бухарина нужно критиковать по той линии, что он в технических отношениях растворяет имущественные отношения. Отсюда у него непонимание классовой структуры производственных отношений. Вот почему бухаринское определение классов нас не удовлетворяет, оно не отражает ни общественного характера производства ни момента эксплуатации.

Основной грех Бухарина, поскольку он не понимает качества общественных формаций,—непонимание специфической закономерности переходного периода. Отсюда, товарищи, и замечание т. Бухарина, которое приводил т. Кривцов, что формально перед пролетариатом и буржуазией стоят одинаковые задачи накопления и расширенного воспроизводства.

Следующий вопрос—соотношение исторического материализма и политической экономии. Я остановлюсь на том замечании Ленина, которое приводил т. Разумовский и которое ему помогло обосновать свою точку зрения, что исторический материализм и политэкономия совпадают или, иначе, что истмат применим только к капиталистической общественной формации. Ленин говорит, что политэкономия применима не только к капиталистической общественной формации. Почему же, по т. Разумовскому, исторический материализм применим только к одной капиталистической общественной формации? Ни по какой логике это из Ленина не вытекает.

Теперь, товарищи, еще один вопрос. В чем механистичность бухаринской концепции в вопросе психологии и идеологии? По Бухарину идеология есть систематизи-

рованная психология. Отсюда Бухарин понимает идеологию и психологию как качественно тождественное; их разница только в степени систематизации. У Бухарина и здесь чисто количественный подход. Критикуя это положение т. Бухарина, нельзя выдвигать, подобно т. Разумовскому, нового, по которому психология неожиданно сама оказывается отражением различных форм идеологии.

Что характерно для Бухарина в целом? Для Бухарина характерно то, что каждую сторону общественного процесса он понимает не в единстве со всем процессом, а разграниченно, таким образом, что каждая низшая форма является содержанием высшей формы. Это неправильно, ибо каждая высшая форма, хотя и в опосредствованном виде, связана с содержанием общественно-исторического процесса в целом. Бухарин, например, не понимает роли государства диктатуры пролетариата, ибо государство диктатуры пролетариата, наша система, является не пустой формой, связывающей существующие отношения,—нет, оно является активной формой, формой содержательной, переделывающей эти отношения, регулирующий отношения нашего народного хозяйства и т. д. Всякая форма содержательна. Например, что является базисом общественной жизни? Вы знаете, товарищи, что этот вопрос является очень важным. Базисом общественной жизни являются производственные отношения в единстве с производительными силами. Производительные силы выступают всегда в единстве с производственными отношениями. Что является содержанием идеологии? Содержанием идеологии является социальное бытие; общественное бытие в целом и т. д.

Тов. А. Кон. Несколько лет тому назад я был сторонником бухаринских взглядов на общие проблемы социальной методологии. Но эти взгляды мною уже давно изжиты. Сегодня я намерен подвергнуть критике концепцию т. Бухарина в целом.

Начну с вопроса о понимании т. Бухариным предмета теории исторического материализма. Тов. Бухарин ставит перед собой задачу найти «сущность» общества вообще, независимую от его (общества) форм. Между тем для Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина сущность немислима вне формы. Марксистская диалектика изучает явления как (противоречивое) единство содержания и формы. Попытка же т. Бухарина дать «общее учение об обществе» основана на абстрагировании от конкретной исторической формы; от качественной определенности общества. Бессодержательность такого рода абстракции ярко выступает в бухаринском определении общества. Маркс же признавал только такие абстракции, которые выводятся из конкретного и служат для познания конкретного. Бухаринское определение общества грешит не только отступлением от принципа историчности, но вообще исключает самую возможность движения, изменения, ибо оно абстрагируется от противоречий, без которых немислимо никакое движение.

Далее: хотя люди, образующие общество, и составляют часть природы, но это такая часть природы, которую нельзя понять, если абстрагироваться от ее качественных особенностей, от ее специфичности. Бухарин же в своих качественно-различных видах движения видит только то, что в них есть *общего*, подводя самые разнородные явления под единый закон равновесия.

Абстрагируясь от качественного разнообразия явлений, т. Бухарин закрывает себе пути к познанию внутренней противоречивости явлений. Противоречие при таком понимании не может возникнуть внутри «системы». Оно возникает лишь в результате столкновения направленных в различные стороны механических сил. Постулат равновесия предполагает равенство этих сил, каковое равенство может быть нарушено лишь вмешательством извне, толчком извне. Процесс движения превращается у т. Бухарина в чисто количественную перегруппировку сил и элементов системы и среды. С т. Бухариным можно еще спорить до тех пор, пока мы имеем дело с явлениями, находящимися в той или иной внешней среде и пока, следовательно, вмешательство внешней силы возможно; но как объяснить себе движение, скажем, такой «системы», как вселенная, которая никакой внешней среды не имеет? Если сказать, что вселенная, как целое, находится

в полном покое, то исключается всякая возможность движения и частей вселенной. Если же вселенная подвержена изменению, то, значит, причину движения надо искать не во внешней среде, а во внутренних противоречиях самой системы.

Тов. Бухарин утверждает, что его теория равновесия лишь низводит на землю гегелевскую диалектику, материалистически расшифровывая ее. Тов. Бухарин проявляет поистине чудовищное непонимание тех различий, которые существуют между его методом и методом материалистической диалектики. Диалектика есть закон движения, а не закон равновесия. Равновесие есть лишь один из моментов движения ¹. «Абсолютного покоя, безусловного равновесия не существует... Покой и равновесие... являются результатом ограниченного движения» ². Сама противоположность движения равновесию относительна. Движение же абсолютно.

У т. Бухарина получается совершенно иначе. Его система равновесия отделима от движения, статична по своему существу.

В статье «К постановке проблем теории исторического материализма» т. Бухарин ставил себе в заслугу, что у него «не получается нелепого удвоения» законов биологии, физиологии и т. д., с одной стороны, и законов общественного развития, — с другой. По Бухарину одно и то же явление должно рассматриваться с разных точек зрения. В этом проявляется непонимание т. Бухариным закона единства противоположностей. Внутреннюю противоположность различных сторон явления т. Бухарин подменяет противоположностью *точек зрения* на единый и однородный по существу объект.

У Маркса процесс производства рассматривается как объективное единство противоположностей: с одной стороны, это есть естественный процесс (обмен веществ между человеком и природой), с другой же стороны, это есть *общественный* процесс, совершающийся «внутри определенной общественной формы и посредством нее». Без понимания этой двойственности процесса производства нельзя понять специфичности общественных явлений. Тов. Бухарин как раз и не понимает этого и скатывается к богдановской теории энергетического баланса.

Из того же отождествления природы и общества, натуральных и общественных явлений вытекает совершенно неправильное представление т. Бухарина о производительных силах общества. Тов. Бухарин подчеркивает, что производительные силы он берет *in natura*, т. е. только как часть природы, а не как социальную категорию. Исключая из состава производительных сил людей, связанных между собой определенными общественными отношениями, или подменяя этих людей совокупностью рабочих сил *in natura*, нельзя понять производительных сил как общественной и исторической категории. Рубин точно так же, как и Бухарин, отождествляет производительные силы с техникой. Мы же подчеркиваем общественный характер производительных сил и их зависимость на каждой ступени развития от общественной формы. Если Рубин, относя производительные силы к числу натуральных категорий, лишает производственные отношения какого бы то ни было материального содержания, то т. Бухарин избегает этой участи ценою перехода на точку зрения вульгарного материализма. Тов. Бухарин не знает категории социальной материи. Для него материальным является только то, что можно видеть, осязать и т. д. Производственные отношения он сводит к техническому размещению людей в пространстве и во времени.

Отсюда же вытекает и неверное определение классов у т. Бухарина. У Бухарина идет речь просто о месте «группы людей» в процессе производства, как техническом процессе. Возникновение классов т. Бухарин по-богдановски выводит из «организаторских функций». Момент эксплуатации одного класса другим у Бухарина отступает на задний план. Отношения эксплуатации очень трудно подвести под признак протяжен-

¹ См. Энгельс, Диалектика природы, «Архив Маркса и Энгельса», т. II, с. 23.

² «Анти-Дюринг», изд. 3-е, с. 74.

ности в пространстве, каковой признак кладется т. Бухариным в основу его понимания прои зводственных отношений. Поэтому и получается, что классовые отношения по существу дела не укладываются в систему т. Бухарина в разряд производственных отношений.

Подводя итоги, мы должны отметить следующие дефекты в концепции т. Бухарина:

1. Замену изучения процесса превращения общественных форм изучением лишь того, что есть общего в различных явлениях.

2. Замену диалектического противоречивого движения равновесием сил, направленных в прямо противоположные стороны, а самого противоречия—антагонизмом.

3. Отрицание принципа имманентного движения и подмену его теорией внешних толчков.

4. Подмену противоречивого единства простым тождеством

5. Вытекающий отсюда субъективизм, подменяющий противоположность различных сторон объекта различными точками зрения на объект и ведущий прямой дорогой к идеализму.

6. Непонимание качественной специфичности общества и сведение общественного к натурально-вещественному.

7. Извращение марксистской теории классов и непонимание роли классовой борьбы в деле общественного развития.

8. Совмещение вульгарного материализма с идеализмом, эклектизм, отвращение к марксистской диалектике—вот те черты, которые свойственны концепции т. Бухарина и которые характеризуют ее, как законченную механистическую концепцию.

Тов. В а ш а к м а д з е. Критикуя концепцию т. Бухарина, мы должны дать и положительное решение тех проблем, которые им поставлены. Это же будет возможно, если не разбрасываться, а сосредоточиться на основном. Основная ошибка, которая приводит Бухарина к отождествлению диалектики с механикой, это *проблема качества*. Не случайно то обстоятельство, что проблема качества в дискуссии с механистами занимала центральное место. Отделять Бухарина от механистов нет никакого основания.

Заслуга марксизма в том, что он констатирует не только материю вообще, но *оформленную материю*. Маркс, ставя проблему оформленной материи и отрицая пустые формы в кантовском смысле слова, примыкает к гегелевскому учению о форме и содержании. Проблема формы тождественна с проблемой качества, потому что качество должно трактоваться не только как отношение или связь вещей, но и как внутренняя структура, внутренняя закономерность, форма движения материи. Материя всегда существует в той или другой форме движения.

В основе всех ошибок Бухарина лежит *непонимание качества как внутренней структуры, как внутренней закономерности*. Здесь выступавшие товарищи правильно указывали на основную ошибку Бухарина, что он не понимает проблемы «социальной материи», если под этим подразумевать социальную форму (качество) движения материи, так как Бухарин не понимает качественной специфичности форм движения материи. Выступавший здесь т. Кон тоже указал, что основной ошибкой Бухарина является непонимание «социальной материи». Но категория «социальной материи» Кона тоже страдает указанной ошибкой Бухарина.

Кон не пошел дальше утверждения, что «нет содержания без формы и формы без содержания», но это известно каждому, и с этим согласится любой механист. Нужно поставить вопрос глубже и сказать, что форма выступает не как равнодушная к содержанию, а как существенная форма. Иначе мы не поймем *внутренней закономерности* развития данного содержания. Непонимание формы как внутренней структуры, непонимание качества приводит Кона и Бухарина к непониманию единства производительных сил и производственных отношений. Отсюда и непонимание *закона единства противоположностей*. Бухарин ставит специальный вопрос о причинах развития про-

изводительных сил, понимая их как техническую категорию. Только тот, кто не понимает существенной формы, или проблемы качества, как внутренней структуры, без которого немислимо развитие данного содержания, только тот может поставить вопрос об особых причинах развития техники. А от чего зависит развитие производительных сил? От структуры общества, от тех отношений внутри общества, которые представляют качественную спецификацию данного общества. Качественная же специфичность отдельных общественных формаций заключается в том, *каким образом труд соединяется со средствами производства,—это есть тот принцип, который определяет строение и структуру общества*. Здесь форма выступает как внутренняя структура, как существенная и содержательная.³

Если мы рассмотрим теорию равновесия [Бухарина, то и здесь мы увидим, как страдает т. Бухарин] от непонимания формы, как внутренней структуры. Он, не понимая качественной специфичности отдельных форм движения, отрицает относительное самодвижение. Ведь в конце-концов проблема качества в известном смысле и есть проблема относительного самодвижения. Отрицая внутреннюю борьбу противоположностей как основную причину самодвижения, он приходит к признанию внешних противоречий как основных; отсюда и теория равновесия. До него эту теорию развил Г. Спенсер, потом Богданов, а сейчас ее развивает и Каутский в своей новой книге. Кто серьезно изучал Спенсера, тот знает, что у него без всяких марксистских формулировок излагается эта теория равновесия. Теория вульгарной эволюции с необходимостью приводит к теории равновесия. У Спенсера нет категории качества. Всякое новое качество является простым усложнением. Отсюда и применение аналогического метода. У Спенсера нет категории внутреннего и внешнего. Внутреннее есть функция внешнего и больше ничего. Слово «внутреннее» Бухарин не случайно ставит в кавычках. У него нет внутреннего единства противоположностей, и у него внутреннее есть функция внешнего. Единство противоположностей у Бухарина представляет единство друг против друга направленных сил или активностей. Исходя из такой механической концепции, Бухарин рассматривает государство как обруч, который сдерживает эти внешние противоположности, чтобы общество не распалось. Здесь же выступавший т. Кон, критикуя Бухарина по вопросу единства противоположностей, сам развивал механическую концепцию. Он говорил, что единство противоположностей нужно понимать как качественные противоположности, а не как противоположности внутри качества. Но это значит признание противоречия как борьбы двух качеств: ведь это и есть теория равновесия. Если Кон начал прорабатывать проблему формы и содержания, то он, к сожалению, пропустил целый отдел сущности у Гегеля (*Голос*: Не дошел до этого). Да. (*Смех*). Он стоит на прежней точке зрения, несмотря на то, что формально критикует Бухарина.

Дальше я хочу остановиться на одном очень серьезном вопросе, который не был затронут докладчиками. Докладчики говорили только о самодвижении, но ясно, что этого недостаточно, потому что мы должны связать внутреннее самодвижение общества с внешней средой. Маркс прямо указывает на это. Нужно прямо поставить вопрос о борьбе общества с природой, о борьбе одного качества с другими качествами в природе. Нужно осветить вопрос, *каким образом внешние противоречия обуславливаются внутренними и обратно: каким образом происходит борьба с внешней природой, исходя из внутренней качественной структуры общества*. Географическая среда влияет через производительные силы на развитие общества, но не непосредственно, а опосредованно. Через производительные силы происходит «овнутрение» внешнего, так как производительные силы являются чисто социальной категорией.

Но сказать, что общество (как качество) овнутряет внешнее, недостаточно, так как само общество есть *относительно саморазвивающееся* и, ведя борьбу с природой, *само проникает в эту природу и изменяет ее*. Поэтому мы должны обратить особое внимание

на диалектику взаимодействия внутреннего и внешнего, ибо, отбросив эту сторону дела, можно скатиться к абсолютному самодвижению качеств.

В заключение я хотел бы связать проблему качества с текущей политикой. Первые ошибки Бухарина коренятся в известном смысле в непонимании этой категории. Голое развитие производительных сил—вот формулировка правых. Не учитывая форму развития или качественную специфичность, социалистическую форму развития производительных сил, Бухарин пришел к обоснованию правой идеологии. То же самое и о вращении кулака в социализм. Кулацкое хозяйство по своей сущности, по своему качеству, является враждебным социализму, и потому оно не может вращаться в социализм.

Тов. Новиков. Бухаринизм представляет собой эклектическую похлебку из кусочков ленинизма, богдановщины и каутскианства. Таковы три источника бухаринизма. Его три составные части: механический материализм, «диалектика» равновесия и механо-биосоциология. Теорию равновесия, методологическую ось всей своей механо-биосоциологии Бухарин позаимствовал и у Богданова, и у Каутского. Каутский еще в 1919 году развивал в своей книге «Размножение» теорию равновесия жизни, позаимствованную у Спенсера. Эту же теорию равновесия жизни Каутский перенес целиком в свою биосоциологию, в 1-й том «Материалистического понимания истории». Бухаринское равновесие общественной жизни есть продолжение и частный случай каутскианского равновесия жизни.

Каутский, Богданов и Бухарин видят суть объективной диалектики в равновесии системы и среды, в приспособлении системы к среде, в примате среды над системой. По Бухарину внутреннее равновесие системы есть функция внешнего равновесия между системой и средой. По Богданову: «всякое изменение системы имеет исходный пункт там, где она соприкасается с внешней средой»³. По Каутскому: «Толчок к развитию дает не спонтанная инициатива, исходящая от индивидуума, но изменение среды»⁴. Каутский думает, что ему даже удалось открыть всеобщий закон биосоциологии. И этот закон гласит, «что всякое изменение обществ, как и видов, следует сводить к изменению среды»⁵. Неудивительно, что Бухарин, Богданов и Каутский одинаково враждебно относятся к категории самодвижения. По Богданову—«никакой самопроизвольности нет места», т. е. нет места самодвижению. По Бухарину—в самодвижении, в саморазвитии есть «телеологический душок». По Каутскому—у Энгельса есть целых три идеалистических момента в трактовке диалектики: самодвижение, саморазвитие и усовершенствование мира через диалектический процесс⁶. Вся троица понимает самодвижение как беспричинность, между тем самодвижение следует понимать лишь как относительную самопричинность. Они не понимают, что каждая система есть относительная самостоятельность, относительное самодвижение в рамках всеобщей зависимости от среды. Они не понимают, что отношение системы к среде есть продолжение внутренних закономерностей самой системы и что *всеобщая* зависимость от среды становится *особенной* зависимостью для каждой системы, сообразно качеству этой системы, т. е. сообразно ее внутренним закономерностям.

Отправляясь от богданово-каутскианской теории равновесия системы и среды Бухарин превращает свою социологию в учение о равновесии общественной жизни, История общества превращается под руками Бухарина в историю равновесия классов, революция—в нарушение социально-классового равновесия, а переходный период—в период восстановления общественного равновесия, в период восстановления социаль-

³ «Тектология», т. II, с. 114.

⁴ «Materialistische Geschichtsauffassung», B. I, S. 140.

⁵ Ibidem, B. II, S. 630.

⁶ Ibidem, B. I, Einleitung.

классового равновесия и органического развития⁷. Переходный период в СССР Бухарин понимает как равновесие классов на основе диктатуры пролетариата («Атака») и наоборот диктатуру пролетариата он хочет упрочить на основе равновесия классов—пролетариата, крестьянства, кулачества и т. д. Организованный капитализм Бухарина есть тоже социально-уравновешенная система, система равновесия внутренних противоречий. Здесь Бухарин подходит очень близко к О. Бауэру, который понимает нашу эпоху как эпоху организованного капитализма и равновесия классовых сил.

Тов. В а р ь я ш. В основе ошибочной методологии т. Бухарина лежит механическое понимание принципа причинности. Формулировка закона механической причинности дана в моей книге «Логика и диалектика», с. 292. В основе механического понимания причинности лежит предположение, что данная причина одинаковым образом действует, всегда действовала и будет действовать в любой механической системе, т. е. будет бесконечно повторяться. В области механики предполагается, что силы, действие которых мы изучаем, независимы друг от друга; если их привести в соприкосновение, они будут действовать так же, как если бы они действовали отдельно друг от друга. Это предположение, эта абстракция необходима в механике. В надмеханических областях, в частности в области общественных явлений, таких независимых друг от друга сил или определяющих условий не существует. Здесь определяющие условия зависят друг от друга и постоянно изменяют друг друга.

Другой пункт, в котором механическое понимание причинности отличается от диалектического, заключается в том, что механика предполагает *постоянство* определяющих условий, *обратимость* механических явлений, *периодичность* механических процессов. В обществе же нет периодичности и обратимости событий. Общественные процессы не повторяются. Неповторяемость общественных процессов не означает однако отрицания присущей им закономерности.

Следующий момент, характеризующий механическую концепцию причинности в противоположность диалектической, состоит в том, что в механических процессах начально данные условия не входят в результат, в диалектических же процессах все последующие звенья сохраняются. Механическое понимание процессов есть понимание неисторическое. Правда, когда механика выступает как прикладная наука, то и в нее до известной степени проникает исторический элемент. Но эта историчность весьма условна. Совершенно иначе дело обстоит в области социальных явлений. Здесь мы имеем подлинные исторические процессы.

Если исходить из этой характеристики, тогда будет совершенно понятна неправильность концепции т. Бухарина в отношении общественных процессов.

Бухарин спрашивает: «В чем заключается состояние подвижного равновесия между обществом и природой? Человеческое общество, поскольку оно существует, должно перекачивать материальную энергию из внешней природы»⁸. Вопрос ставится совершенно абстрактно. Природа и общество понимаются как противоположные силы, которые действуют друг на друга всегда одинаково. Получается обмен энергии, «перекачка» энергии. Подвижное равновесие с положительным знаком, с отрицательным знаком—все это чисто механические аналогии.

Механическая концепция приводит т. Бухарина к неправильному пониманию производительных сил, к неправильному определению общества, к неправильному определению класса, к неправильному представлению о государстве как о некотором «обруче», и т. д.

Если в моей книге «Логика и диалектика» был дан анализ различия между механической и диалектической причинностью, между механическим и диалектическим

⁷ Ср. Богданов, Тектология, т. III, с. 27, 41.

⁸ «Теория исторического материализма», с. 116.

пониманием противоположностей и противоречий, то у деборинской школы, наоборот, можно отметить целый ряд вещей, которые связывают ее с механическим пониманием, имеющимся у т. Бухарина.

У т. Деборина есть стремление перенести биологические аналогии на общественные явления. Так, Деборин определяет класс как «живое коллективное существо» и тем самым механически переносит биологические категории в область общественных явлений. Далее, в определении нэпа Деборин опять исходит из биологической аналогии и приходит в корне к неправильным результатам, весьма близким к взглядам т. Бухарина.

Деборин пишет: «Семя есть реальная возможность дерева... нэп есть реальная возможность социализма...» «Возможность на этой ступени тождественна с действительным» («Под знаменем марксизма». 1926, № 1—2, с. 76)⁶. По Деборину, из нэпа может выйти только социализм. Сталин говорит об этом иначе. «Между возможностью построения социализма и действительным его построением существует большая разница» — пишет т. Сталин. Далее неправильные⁷ положения имеются у т. Деборина и по вопросу об отношении между пролетариатом и крестьянством⁸. О крестьянстве т. Деборин говорит как об едином целом, без всякого расслоения.

Итак, Деборин отчасти перепевает ошибки Бухарина, отчасти подводит под них методологический фундамент. Необходимо отметить, что и у Бухарина биологические аналогии мирно сожительствуют с механическими. Как бы деборинцы ни твердили о вредности и неправильности механического метода, они оказываются в плену у того же механического метода, который лежит в основе ошибок т. Бухарина.

Тов. Б а т и щ е в. Я считаю, что механическая теория общества есть возврат к домарксову пониманию общества и с неизбежностью ведет к идеализму. На основе такой концепции нельзя обосновать теорию классово́й борьбы и революции. Докладчики должны были бы глубже раскрыть это положение вещей на критике взглядов т. Бухарина. Непонимание специфичности социального бытия, социальной материи — вот что особенно характерно для всей механистической теории исторического материализма т. Бухарина.

Рубин является продолжателем дела кантианцев, дела идеалистического извращения марксизма. Он так же мало понимает, что такое социальная материя, как и натуралист Бухарин. Натуралистическое и идеалистическое понимание общественных явлений постепенно смыкаются и переходят друг в друга. Рубин проводит резкую грань между материальным, как натуральным, и социальным, как нематериальным.

Бухарин понимает человеческий труд как простую силу природы, как обмен веществ, как обмен энергией между человеком и природой. Человека т. Бухарин рассма-

⁶ Тов. Варьяш неправильно цитирует т. Деборина. Мы поэтому приводим полностью указанное место из статьи т. Деборина. «Действительность есть конкретное единство сущности и явления. Это значит, что сущность и явление обнаруживают себя как моменты высшей ступени — действительности, представляющей конкретное единство противоположностей. Действительность есть сущность, поскольку она исключает явление, но которая именно постольку заключает в себе явление как реальную возможность. Возможность на этой ступени тождественна с действительным, но вместе с тем имеет тенденцию обнаружить и свою противоположность. Поэтому возможность есть внутреннее, но обнаруживающееся, внутреннее, становящееся внешним. Например, семя есть реальная возможность дерева; стало быть дерево в семени есть еще внутреннее, становящееся вследствие своего развития „обнаружения“ внешним. Или: нэп есть реальная возможность социализма. Социализм в нэпе есть внутренняя сторона, еще не развившаяся, но в процессе дальнейшей эволюции становящаяся внешним, т. е. осуществляющимся». Р е д.

⁷ «Философия и марксизм», с. 264.

тривает только как «живую машину». Отсюда его «социальная физиология» («социальная физиология» представляет собою такое же логическое противоречие, как «организованный капитализм» или «деревянное железо»). Различие между законами природы и законами общественного развития т. Бухарин усматривает лишь в различии «точек зрения» на один и тот же предмет. Таким образом он скатывается к идеализму и субъективизму.

Для Рубина-человеческий труд тоже заключается лишь в трате физиологической энергии. Абстрактный же труд есть, по Рубину, социальная форма без всякого материального содержания. Как Бухарин, так и Рубин не понимают специфичности человеческого труда, его материального содержания, материального в смысле социальной материи, а не натуральной.

Натурализируя человеческий труд, Бухарин последовательно натурализирует и процесс производства. Бухарин берет естественную сторону процесса производства и превращает ее в объект общественной науки. У Маркса же производство понимается только как общественная категория. Тов. Разумовский неправ, говоря, что «производство вообще» по существу уже выходит за пределы исторического материализма. Производство вообще есть *социальная* категория, а не «пограничное понятие». Отрицая понятие производства вообще, т. Разумовский становится на позицию эмпиризма и закрывает путь к историческому пониманию развития общества, ибо без понятия производства вообще (как социальной категории) мы не можем понять развития конкретных исторических форм.

Не понимая специфичности человеческого труда и процесса производства, Бухарин и в производительных силах недоглядывает их социальной сущности и берет их как натурально-техническую категорию. Тов. Разумовский делает другую ошибку: он пытается технику превратить в социальную категорию. Тов. Разумовский пытается изобразить технику как «общественную технологию» и приписывает такой взгляд Марксу. Между тем это положение принадлежит не Марксу, а Рубину.

Производительные силы нельзя отождествлять с техникой, с совокупностью машин, как это делает т. Бухарин. Производительные силы—это та или иная ступень в развитии человеческого труда, который овеществляется в технике. Техника не есть социальная категория, но она является носителем, выразителем и показателем производительных сил и производственных отношений.

Бухарин понимает производственные отношения как физические отношения людей и сравнивает их с трудовыми отношениями пчел. Материальность производственных отношений он выводит из их физического, натурального бытия. Маркс же выводил материальность производственных отношений из их *общественной природы*¹⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что социальная материя существует объективно, независимо от нашего сознания, но в ней нет ни одного атома натуральной материи, вещества природы. Социальная материя есть не что иное, как человеческий труд и отношения трудовой деятельности людей. Другими словами, социальную материю образуют общественно-материальные производительные силы и материально-производственные отношения. Тов. Бухарин, не понимая существа диалектики, не понял и специфичности общества, его материи. Поэтому он не понял диалектики производительных сил и производственных отношений. Натурализируя общественные явления, т. Бухарин тем самым закрыл для себя все пути к объяснению внутреннего развития общества и спустился на уровень домарксовской социологии.

Тов. Кузнецов. Политическая капитуляция вождей правого уклона делает чрезвычайно важной задачу полного идейного разоружения оппортунизма. Если теоретически обобщить те основные идеи, которыми пользовались правые в борьбе против ленинской линии (двухклассовая модель советского общества, закон трудовых затрат,

¹⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, с. 220.

теория организованного капитализма и т. д.), то мы их можем назвать механистической ревизией марксизма. Поэтому нельзя ограничиваться критикой отдельных положений т. Бухарина, вырывая их из общей идейной связи, которая заключается в механистической концепции. Между тем мы имеем попытки со стороны представителей механистического ревизионизма под видом борьбы с «бухаринизмом» перейти в наступление против диалектического материализма и этим путем укрепить те теоретические корни, из которых выросли ошибки Бухарина. При этом они выступают против тех, кто неустанно разоблачал их ревизионистскую линию, следовательно оппортунистическую сущность их механистической теории. Такого рода маневр представляет собою выступление т. Варьяша. Интересно, что, пытаясь перейти в наступление, т. Варьяш развивает здесь еще более ревизионистскую позицию, еще более механистический взгляд, причем его механизм воочию перерастает в отдельных пунктах в прямой идеализм. Так, толкуя о том, что теория равновесия не годится для анализа общественных явлений, т. Варьяш напирает на *неповторимость* общественных процессов как на то, что отличает их от явлений механических в узком смысле. Разве эта «неповторимость» не отдает риккерт-анством? Пытаясь свалить с больной головы на здоровую, т. Варьяш объявляет, что действительным механистом является т. Деборин, и поднимает крик: «держите механиста!».

Остановлюсь вкратце еще на двух выступлениях, имевших здесь место: выступлении т. Батищева и т. Кона. Эти выступления касались той дискуссии между диалектиками и механистами, которая происходит в области политэкономии. Тов. Батищев неправильно освещал вопросы этой дискуссии, пытаясь свести ее к спору за или против Рубина. Что касается выступления т. Кона, то оно поразительно в том отношении, что, желая в первый раз дать развернутую критику бухаринской концепции в целом, т. Кон как-то оставляет в стороне основной методологический стержень этой концепции, т. е. ее механистичность...

Если т. Кон действительно решил отказаться от своих бухаринских ошибок, то ему необходимо самым радикальным образом пересмотреть свое отношение хотя бы к пресловутому «закону трудовых затрат». Между тем из теории «закона трудовых затрат» с неизбежностью вытекает вполне определенная политическая тенденция. Именно на рельсах этой теории т. Бухарин доехал до своей модели «организованного капитализма». Та же самая механистическая «теория равновесия» проявляет себя в теории чистого империализма, к сторонникам которой принадлежит т. Кон. Бухаринский «постулат равновесия» используется далее небезызвестным Альбертом Вайнштейном в его механистической критике нашей хозяйственной практики.

Механистическая критика марксизма идет сейчас в разных областях. Мы сейчас в любой области видим очень ясно и ее методологические корни и ее политические выводы. Политическая победа партии над правым уклоном должна быть закреплена самым последовательным, самым искренним отказом товарищей, которые в своих теоретических работах примыкали к Богданову и Бухарину, от своих немарксистских положений. Половинчатых отказов здесь совершенно недостаточно.

Тов. А р и с ь я н. Прежде всего два слова о выступлении т. Варьяша. В течение целого ряда лет ортодоксальные марксисты-диалектики долбили механистам, что нельзя сводить общественные явления к явлениям биологическим и физико-химическим. И после этого в 1929 г. приходят и обвиняют диалектиков в том, что они отождествляют общество с биологическим организмом!

Далее, по вопросу о нэпе т. Варьяш выдергивает из статьи т. Деборина две-три строки и пытается дать им самое превратное толкование. В своей статье т. Деборин говорил о возможности построения социализма в нашей стране. Что же, по Варьяшу, социализм строится *помимо* нашей экономической политики?

Перехожу к т. Бухарину. Докладчики уже указывали на то, с какой охотой т. Бухарин цитирует Маха. И это не случайно: рационалистические тенденции мето-

логии т. Бухарина тесно смыкаются с эмпиризмом, как это часто бывает и у других. Тов. Бухарин исходит из *данной готовой* общественной системы и спрашивает: как возможна эта система? Далее он переходит к случаям «нарушения равновесия» этой системы и задается вопросом: как это равновесие восстанавливается? При такой метафизической постановке вопроса вообще невозможно научное объяснение этого «исходного факта», так что приходится довольствоваться простой эмпирической констатацией существования определенной «системы».

Перехожу к другому моменту, характерному для методологии т. Бухарина, — к тому, что он называет «объективизмом». В «Политической экономии рантье» т. Бухарин, соглашаясь с Зомбартом, характеризует метод Маркса как «крайний объективизм» и отождествляет «объективизм» с учением о примате общества над личностью. И то и другое неправильно. Против абстрактного, метафизического понимания «объективизма» боролся Ленин (в полемике со Струве). Против отождествления «объективности» и «общественности» возражал Плеханов (в полемике с Богдановым). Основной сущностью марксистского учения об обществе Бухарин считает признание примата общества над личностью, преодоление робинзонад. Но дело не в абстрактном, формальном преодолении индивидуализма, как это думает т. Бухарин, а в установлении понятия общественно-экономической формации и понятия развития различных формаций, как это подчеркивает Ленин в «Друзьях народа».

Тов. Бухарин думает, что марксисты до него отвергали механистические теории главным образом из-за того, что атом в старой механике мыслился как абсолютно-изолированная единица. Он не понимает, что какое бы то ни было механическое понимание общества неприемлемо для марксизма в первую голову потому, что оно противоречит основным принципам диалектического материализма, требующего конкретного понимания предмета в его специфичности. Отсутствие действительно диалектического понимания общества, характерное для т. Бухарина, приводит его в конце концов к отступлениям от материализма в отдельных пунктах его теории и к целой системе правооппортунистических положений в понимании нашей современной действительности.

Что касается элементов идеализма, то они имеются в бухаринской концепции производственных отношений. Сводя эти последние к пространственному размещению людей, т. Бухарин вынужден принять в качестве основного «опосредствующего момента», конституирующего связь между отдельными индивидами, их *психику*. И это вполне понятно, так как т. Бухарин не понимает специфичности социальных явлений, которые хотя и материальны, но не сводимы к физическим, пространственным свойствам вещей. При этом, по существу дела, остается непреодоленной и та самая «робинзонада», в преодолении которой т. Бухарин видит всю суть марксизма.

Из социально-политических следствий механистических взглядов т. Бухарина я отмечу его недооценку классовой борьбы, особенно после взятия пролетариатом власти. Строительство социализма мыслится т. Бухариным как какое-то мирное организаторство.

В заключение несколько замечаний в порядке самокритики по поводу некоторых положений т. Разумовского. Я считаю, что противопоставление социальных категорий — естественнонаучным, как конкретных категорий — абстрактным, неверно с точки зрения марксизма. Здесь т. Разумовский стоит на грани риккертianства. Пустые, формально-логические абстракции нигде, ни в естественных науках, ни в общественных, не могут дать конкретного знания предмета, а конкретные абстракции имеют принципиально одинаковое место как здесь, так и там. Это с необходимостью вытекает из методологического монизма диалектического материализма.

Тов. Соловьев в своем выступлении останавливается главным образом на двух вопросах: на вопросе о предмете исторического материализма и на теории равновесия т. Бухарина. Отмежевываясь от бухаринской трактовки исторического материализма как абстрактной социологии, т. Соловьев несогласен также и с попытками пони-

мать исторический материализм только как социальную методологию. Бухаринскому абстрактному определению общества т. Соловьев противопоставляет определение Маркса, данное им в работе «Наемный труд и капитал». Критикуя бухаринскую теорию равновесия, т. Соловьев отмечает, что у т. Бухарина диалектическое противоречие превращается в антагонизм механических сил, а качественное развитие понимается как количественное изменение. Понятие самодвижения, выпадающее в концепции т. Бухарина, по мнению т. Соловьева применимо только к развитым, законченным формам. В заключение т. Соловьев отмечает неправильности в бухаринском определении класса.

Тов. Турецкий, Наша дискуссия здесь еще раз подтвердила, что, если механисты чему-нибудь и научились, так это употреблять диалектическую терминологию и *злоупотреблять* ею, вкладывая в нее свое механистическое содержание. Она показала также, что прием, пущенный ими в оборот еще на Всес. конференции марксистско-ленинских учреждений и заключающийся в том, чтобы шельмовать механистичностью диалектиков-материалистов, а свои механистические взгляды выдавать за подлинно-диалектические, — что прием этот они продолжают применять и пытаются использовать его и в том тяжелом положении, в котором они очутились, столкнувшись с теорией т. Бухарина, как с более или менее точным слепком (вернее, наоборот, подлинником) со своих собственных идей. Прием этот был в точности квалифицирован в прошлый раз т. Кузнецовым, и мне не остается ничего добавить к этому.

Мне кажется, что одним из важных пунктов в диалектическом материализме, которого совершенно не поняли наши механисты, является проблема единства материи и движения. Признавая ее на словах, они вкладывают в нее иной, совершенно недиалектический смысл, так как признают движение лишь как механическое перемещение частиц материи. При таком понимании движения оно остается внешним по отношению к этим материальным частицам, равнодушным к ним, так как они могут быть представлены сами по себе, вне этого движения. Подлинное диалектическое понимание единства материи и движения есть их взаимопроникновение таким образом, что изменение формы движения связано с изменением самого содержания материи, ее качества, а изменение содержания связано с изменением формы движения. Здесь разрешается проблема реальности связей и отношений отдельных частей, отдельных сторон всякого целостного явления. С нашей точки зрения ни одна вещь, ни одно явление не может быть понято из рассмотрения в отдельности частей, из которых они состоят, так как при этом упускается из виду их реальная связь, их структура, та форма движения, в которой они находятся и которая определяется конкретным типом борьбы противоположностей, существующим в данном явлении. Когда мы говорим об обществе как о совокупности производственных отношений, то мы несомненно не рассматриваем эти отношения, эти связи, как существующие где-то *между* людьми и *отдельно* от них. Производственные отношения суть отношения людей в производстве, и общество состоит из реальных людей, а не из *бесплотных* отношений; с другой стороны, мы не сводим однако общество к простой совокупности индивидов, из которых оно состоит, так как индивиды эти находятся в определенной связи, в определенных отношениях, т. е. в определенной форме движения, которая определяет в значительной степени и характер отдельных индивидов. Вопрос этот связан с проблемой непрерывности и дискретности, которая также заняла значительное место в спорах с механистами.

Этой-то проблемы не понял и т. Бухарин. Бухарин выступает (и справедливо выступает) против психологического понимания связей между людьми в обществе. Бухарин «однако не в состоянии противопоставить этому идеалистическому взгляду ничего иного, кроме натуралистического толкования этой связи «координация людей, как живых машин в пространстве и во времени». Ибо, по существу, Бухарин сам стоит на той же механистической точке зрения, как эти буржуазные социологи. Если рассматривать индиви-

дов в обществе как самостоятельно существующих, а связи между ними как нечто внешнее по отношению к ним, то придется признать эти связи либо *психологическими*, либо пространственно-временными, т. е. натуралистическими. Специфичность общественных явлений здесь исчезает. Координация в пространстве, изменение в положении индивида в пространстве ничего не дают для понимания качественного своеобразия данного общественного явления. И уже при определении таких общественных отношений, как классовые, Бухарин вынужден положить в их основу принцип «командования» и «подчинения», который отнюдь конечно не может быть сведен к пространственной координации, а носит несомненно психологический отпечаток. Бухарин платит дань психологизму за свои механистические воззрения, и борьба его с психологизмом не может дать поэтому должных результатов.

Несколько слов о теории равновесия. Так как Бухарин не признает, что в основе всякого данного явления лежит определенная форма движения, покоящаяся на определенном типе борьбы противоположностей, то он рассматривает всякое сложное явление, как систему (совокупность) различных элементов, находящихся между собой в состоянии равновесия.

Установить это пропорциональное соотношение между частями как условие сохранения равновесия и является основной задачей науки. Борьба противоположностей лишь выводит данную систему из состояния равновесия, разрушает ее. Противоречие поэтому является *внешним* не только в случае соотношения между системой и средой, но и в случае противоречия между элементами самой системы, так как элементы эти рассматриваются как существующие в своей определенности сами по себе, а противоречие есть лишь результат их увеличения или уменьшения, изменения количественного соотношения между ними. Противоречие это не имеет никакого значения для понимания самой сущности данного явления, не есть основа его самодвижения, то, что характеризует его качественное своеобразие, а лишь причина его разрушения. В то время как для нас же, к примеру, законы развития капитализма, которые лежат в основе его существования, в ходе своего развития приводят его к гибели, для Бухарина законы существования системы—сами по себе, законы гибели ее—сами по себе. По Бухарину познать данное явление значит познать условия его равновесия, т. е. законы покоя, между тем как с точки зрения диалектического материализма специфичность явлений заключается в своеобразии его формы движения, и познать его значит познать закон его движения. Для нас покой есть лишь момент (сторона) движения, покой есть лишь выражение *определенной формы* движения и существует лишь в движении, для Бухарина покой (равновесие) есть нечто абсолютное и существует отдельно от движения. Вот почему «закон простых трудовых затрат» является для Бухарина постоянным и подлинным законом существования общества, так как он выражает условия его равновесия, заключающиеся в необходимости постоянного сохранения определенных пропорциональных соотношений между отдельными сторонами хозяйственной жизни. Нарушение этих постоянно существующих пропорций неминуемо влечет за собой, по Бухарину, нарушение равновесия и гибель или, по крайней мере, кризис данного общества. Вот откуда лозунг «равнения на узкие места», вот откуда разговоры о необходимости сокращения капитальных вложений и т. д. Не пропорциональное соотношение отдельных сторон хозяйства определяет характер данной формации, а, наоборот, структура (форма движения) данного общества определяет тип его равновесия, определяет те пропорции, которые для него являются «равновесием», т. е. условием его существования и развития. Таким образом, пропорции и соотношения различных отраслей хозяйства, которые являются равновесием (условием развития) для одного общества (напр., капиталистического), являются губительными для другого (напр., диктатуры пролетариата) и наоборот.

Из бухаринского понимания равновесия и борьбы противоположностей непосредственно вытекает также и его взгляд на переходный период, как на период ослабления

классовой борьбы. Действительно, так как всякое противоречие разрушает данную систему, то пролетариат, заинтересованный в сохранении данной системы, должен стремиться к тому, чтобы не нарушать равновесия, не обострять борьбу с кулаком и нэпманом.

Я хочу остановиться еще на одном вопросе, на вопросе о понимании причинности и закономерности у Бухарина. И в этом вопросе Бухарин стоит на механистической точке зрения, и споры с ним являются продолжением споров с механистами. Уже из сказанного раньше ясно, что Бухарин не признает внутренней закономерности, так как понимание ее связано с диалектическим взглядом на единство и борьбу противоположностей, как основу самодвижения, как *причину* развития данного явления в его своеобразии. Механистическое же понимание закономерности сводится к установлению постоянных и неизменных внешних отношений между различными самостоятельно существующими предметами. При таком понимании связь между причиной и следствием является чисто временной,—простая последовательность во времени. «Можно сказать,—пишет Бухарин—что всякий причинный закон выражается следующим положением: если налицо есть такое-то положение, то обязательно будет и другое явление» («Теория ист. материализма»). Иначе, оставаясь на механистической точке зрения, пришлось бы признать, что в причине сидит какой-то «маленький и невидимый божок, который держит в своих руках вожжи» и управляет следствием. Такое позитивистическое толкование причинности целиком совпадает с тем взглядом на этот вопрос, который защищала Л. И. Аксельрод в своем докладе: «Коренные вопросы диалектического материализма».

Выражаясь словами Энгельса, необходимость при этом снижается до случайности, так как при этом не может быть доказана необходимость данного процесса, а он является лишь результатом случайных столкновений большого количества материальных частиц. Бухарин рассматривает всякое явление как совокупность некоторого числа составных элементов, из которых каждому может быть найдена своя причина; ни о каком целостном подходе здесь не может быть и речи. В «Беглых заметках» Бухарин даже ставит себе в заслугу то обстоятельство, что вместо сплошной точки зрения в вопросе о зависимости надстроек от базиса он разбивает их на отдельные элементы и изучает зависимость каждого из этих элементов в отдельности. С этой точки зрения нельзя, конечно, толковать о более существенных или менее существенных условиях, так как то, что является условием появления целого ряда сторон данного явления, может быть разбито на ряд отдельных моментов, и наоборот, совокупное действие нескольких несущественных условий «сразу же сказывается на дальнейшем развитии». Бухарин однако признает существование *необходимых условий*, так как без этого нет понимания *исторической необходимости*, столь существенного для марксизма. Но при этом Бухарин попадает в затруднительное положение. «Не становимся ли мы на телеологическую точку зрения, если признаем определяющее условие», спрашивает он. Действительно, если мы признаем, что условием развития общества является расширение производства, то не является ли это расширение средством, а рост общества—целью? Бухарин отводит эту мысль, указывая, что и сокращение производства является условием уменьшения общества, «ни одному человеку однако не придет в голову видеть «цель» в разрушении общества». Довод этот нельзя признать достаточно убедительным. Все дело однако в том, что говорить здесь о какой-то цели можно только, рассматривая причину совершенно раздельно от следствия, метафизически противопоставляя их друг другу и не понимая внутренней закономерности развития общества в целом. С механистической же точки зрения всякий раз, когда мы будем идти от причины к следствиям, а не наоборот, придется говорить о телеологии. «Здесь есть лишь—спешит оговориться т. Бухарин—особый прием отыскания условий (причин) *по результату* (по следствиям)». С точки зрения механистической причинности путь от причины к следствию возможен лишь после того, как причина была познана по следствию. С этой точки зрения невозможно ни объяснить появление нового, ни научно предвидеть это новое, так как всякое данное условие постоянно и неизменно вызывает

одно и то же следствие. С механистической точки зрения понять из данной причины нечто новое, никогда не бывшее, значит действительно стать на телеологическую точку зрения. Понять новое можно только став на точку зрения внутренней закономерности, имманентной данной форме движения. Тогда например из внутренних закономерностей капиталистического общества можно понять, куда оно идет, познать тенденции его развития. Тов. Деборин справедливо указал, что только диалектический материализм 'дает возможность действительного предвидения в области общественных явлений. Бухарин тоже пытается обосновать возможность предвидения, но крайне неубедительно. «Если мы знаем—пишет т. Бухарин—законы общественного развития, те пути, по которым неизбежно идет общество, *направление* развития, то нам нетрудно определить и будущее общества» («Теория исторического материализма»).

Это, конечно, верно, но все дело заключается в том, что бухаринская концепция как раз не дает возможности познать закона развития. Оставаясь на механистической точке зрения, можно познать закон равновесия, закон, выражающий известное соотношение между отдельными явлениями или их сторонами, можно познать условия равновесия или условия нарушения этого равновесия, но нельзя познать закон движения, тенденции развития данного явления.

В этой связи несколько слов о выступлении т. Варьяша. Тов. Варьяш пытался здесь представить дело так, будто у Бухарина мы имеем механистическое понимание закономерности, а он, Варьяш, стоит на диалектической точке зрения. С этой целью он вульгаризировал точку зрения Бухарина, сведя ее к тому, что она якобы отрицает всякую связь и взаимодействие между явлениями. Это неверно: Бухарин признает взаимодействие, но не признает внутренней закономерности, как и т. Варьяш. Всякий читавший книгу т. Варьяша «Логика и диалектика» знает, что в ней нет намека на диалектическое понимание причинности и закономерности. Всякое сложное явление рассматривается им как совокупность более простых и закономерность его как простая совокупность более простых закономерностей. «Таким образом—пишет он—биологическая закономерность выражает синтез условий, которые хотя и обнаруживаются нами каждое в отдельности в мертвой природе, но вместе их нельзя найти нигде, кроме органического мира» (с. 297). «Сложные законы представляют собой синтез более простых, причем устранение некоторой части всех условий опять дает более простые явления или, по крайней мере, часть исследуемых сложных процессов» (с. 299). Если отбросить словечко «синтез», которое представляет собой игру в диалектическую терминологию и не имеет здесь никакого диалектического смысла, станет ясно, что это—насквозь механистическая точка зрения, которая полностью совпадает со взглядами т. Бухарина на этот вопрос.

В заключение скажу, что будучи согласен с докладчиками в основных положениях, я должен присоединиться к тем товарищам (Арутюнянц, Шария), которые указали на ряд недостатков. В частности, я также не могу согласиться с трактовкой исторического материализма только как метода (т. Кривцов) или же как [метода, с одной стороны, и теории одной только общественной формации (теория научного коммунизма—т. Разумовского), с другой. У меня не осталось времени для того, чтобы хоть сколько-нибудь задержаться на этих вопросах.

Тов. М а л ы й. Как докладчики, так и оппоненты (в том числе и т. Варьяш) все сходились на том, что т. Бухарин является механистом. Мне кажется, что это не совсем правильно. У т. Бухарина вообще нет цельной и последовательной философской концепции. Концепция т. Бухарина чрезвычайно мозаична, эклектична и не имеет единого стержня. В этой концепции можно отметить следующие элементы: 1) марксизм-ленинизм, 2) богдановщина, 3) каутскианство и 4) деборинизм. Трагедия т. Бухарина в том, что он никак не может примирить эти четыре противоположности. Называть т. Бухарина только механистом неправильно также потому, что его концепция не удовлетворяет тем трем признакам механического метода, которые выдвигает Энгельс.

В самом деле, о работах т. Бухарина (особенно о более ранних его работах) нельзя сказать, что он в них сплошь применяет мерилу механики к общественным явлениям: иногда он рассматривает вопросы как диалектик. Далее, про Бухарина нельзя сказать, что он материалист снизу и идеалист сверху: он не является историческим идеалистом. И только третий из указанных Энгельсом признаков механического метода имеет место в отношении т. Бухарина, а именно: т. Бухарин действительно не понимает исторического метода ни в естествознании, ни в общественном.

Но у т. Бухарина есть еще другой сектор—тоже метафизический: это его близость к Деборину. Для т. Бухарина существует разрыв между местной историей и социологией. В этом непонимании промежуточных звеньев и в мистической концепции скачков мы уже пять лет обвиняем деборинцев, и в этом же я обвиняю и т. Бухарина.

Марксизм не удовлетворяется только метафизическим констатированием истории с одной стороны, социологии—с другой. Марксизм вводит еще промежуточное звено между ними, или по необычайно удачному названию ленинградского социолога К. М. Тахтарева, генетическую социологию, которая и является связующим звеном между конкретной историей и как будто только абстрактной социологией. Мы должны считать, что колоссальнейшая заслуга Тахтарева в том, что он так выставил, так выпятил роль генетической социологии.

Перехожу к вопросу об историческом методе в политэкономии. Всякому памятен спор Степанова-Скворцова с теми товарищами, которые под видом ортодоксального марксизма выставляли здесь, в стенах Комкадемии, теорию Туган-Барановского о сущности исторического метода в политэкономии. Это были Бухарин и Преображенский. В понимании Туган-Барановского, Бухарина и Преображенского политэкономия не является исторической наукой. Степанов же, как и всегда, проводил точку зрения ортодоксального марксизма. Отсутствие историзма лежит в основе также и политических ошибок т. Бухарина.

Что касается «деборинизма» в концепции т. Бухарина, то я считаю, что деборинское понимание нэпа и деборинская трактовка крестьянства являются, по существу, философским обоснованием политики правого уклона. Практический диалектик Сталин совершенно иначе понимает нэп.

Полтора года тому назад деборинцы обвиняли нас в троцкизме, а теперь обвиняют в правом уклоне. У деборинцев отсутствует элементарная последовательность: даже по их логике мы должны были бы быть или троцкистами, или бухаринцами, одно из двух, но не то и другое.

Тов. Ш а р и я. Прежде всего я должен дать маленькую справку. Тов. Кон, выступая здесь, ссылаясь на мое определение социального и, опираясь на него, хотел оправдать свою позицию в политэкономии. Заявляю, что с позицией т. Кона в области политэкономии несогласен, считаю, что, отходя от своей позиции, т. Кон принципиально остается в пределах своей старой позиции.

Теперь разрешите перейти к характеристике выступления т. Малого. Выступление т. Малого носит исключительно агитационный характер; в стенах Коммунистической Академии, где мы разбираем теоретические проблемы, такого рода агитационные выступления совершенно недопустимы.

Затронул ли т. Малый какую-либо проблему, попытался ли он дать теоретический ответ на какой-нибудь вопрос? Нет, т. Малый ограничился короткими фразами, насчитав четыре противоположности, но ровным счетом ничего толкового не сказал.

Первое его положение. Бухарин не имеет системы. Это неправильно. Есть механисты, которые и системы не имеют, и к таким механистам принадлежит Малый, но у Бухарина имеется система. Бухарина можно брать как мыслителя. Этот момент его выгодно отличает от его союзников.

Тов. Малый утверждает, что у Бухарина потому нет механистической системы, что механистическая система вообще монистична. Это утверждение т. Малого неправильно. Механистическая система может быть только эклектической системой. Механистическая методология всякого из нас заставляет быть эклектиком. Если у Бухарина имеются различные элементы, то это не противоположности, а система одних и тех же механистических взглядов. Бухарин всюду проводит одну и ту же механистическую методологию и поддерживает ее до конца. Но беда его заключается в том, что механистическая методология, по существу, не может быть монистической и поэтому ведет и к дуализму и к идеализму. Вот почему можно говорить о бухаринской концепции, как об идеалистической концепции. В его концепции неизбежны элементы идеализма.

Интересно то обстоятельство, что механисты сейчас, например т. Варьяш, выступают под видом диалектиков и тут же в своих выступлениях замаскированно проводят защиту механистической точки зрения. То же самое пытается делать и т. Малый, но совсем неудачно.

Тов. Варьяш заявляет: не мы механисты. Такое заявление смехотворно. Можно зачитать не только главу о причинности, а всю его книгу. Она сплошь механистическая. Тов. Варьяш в прошлый раз подменил сущность спора. Так же, как в различении материализма и идеализма, он и здесь линию расхождения видит в проблеме причинности. Мы видим не в этом разницу между механистами и диалектиками. Мы видим более основную: единство противоположностей, понимание качества-количества; понимание причинности есть следствие этих основных вопросов.

Что делает т. Малый? Вместо того, чтобы критиковать Бухарина по существу, как нам это нужно сейчас сделать,—а критиковать Бухарина только в том случае возможно, когда мы знаем, что он собой представляет,—т. Малый предлагает критиковать Бухарина вообще, а не как механиста. Это замечание следов, а не критика т. Бухарина.

Тов. Малый жалуется, что «вы нас обвиняете и в правом и в левом уклоне». Чем же мы виноваты, что вы являетесь основой и того и другого уклона? Механистическая методология является основой и того и другого уклона, ибо механистическая идеология чужда ленинизму, механистическая методология чужда марксизму, механистическая идеология является основой всяких уклонов. Факты показали, что правые отщепенцы, которые последовательно проводят свою линию, имеют трогательное единение с левыми. Правые в Германии в блоке с троцкистами. Это значит, что у них не только методологическая основа, но и результаты сходятся. Я этим отнюдь не хочу указать на то, что правый и левый уклон совпадают. Нет, но методологическая основа правого и левого уклона одинакова.

Тов. Малый говорил, что Деборин от чего-то отказался. Когда? Где? От чего? Деборину не от чего было отказываться во всех принципиальных вопросах. Является ли нэп условием строительства социализма? Да, товарищи, безусловно, и в этом ленинская установка. Деборин об этом и сказал. Теперь вы заявляете, что, поскольку т. Деборин говорит, что нэп является реальным условием социализма—это правый уклон. Такое заявление является троцкизмом, оно вытекает из теории невозможности построения социализма в одной стране. Поймите все это, а потом жалуйтесь, что вас обвиняют.

Механистическая методология приводит и к риккертIANству, ибо т. Варьяш приводил основные аргументы Риккерта, говоря о причинности в природе и обществе. Механистическая методология ведет к тому, что нельзя говорить о законах общественного развития.

Тов. Малый противопоставил практического диалектика Сталина—теоретическому диалектику Деборину. Это опять-таки выступление против теории по существу. Сталин является практическим диалектиком, потому что он является хорошим теоретическим диалектиком. У Сталина практическая правильная установка вытекает из

правильной теоретической установки. Вы, механисты, скатываетесь к хвостизму, ибо сущность ленинизма заключается в том, что из неправильной теоретической установки вытекает неправильная практическая установка. Нельзя быть практическим диалектиком, не будучи теоретическим диалектиком. Старый аргумент, когда Ленина называли практиком, а не теоретиком, сейчас повторяет т. Малый. Я категорически опровергаю, что вожди нашей партии являются только практическими руководителями. Если бы они не были теоретиками, они бы не могли определять генеральной линии партии. Сказать, что есть практические диалектики, это значит протаскивать механистический взгляд о том, что теоретик не имеет никакого значения для практической борьбы. Это—опять борьба против теории, теоретической философии, отрыв практики от теории и проповедь ползучего эмпиризма и хвостизма.

Тов. Н о в и к о в. Варьяш выступил здесь с пикантным заявлением, что «деборинизм» является методологической основой правого уклона. Не только здесь говорил он об этом—в последнее время он вообще функционирует очень энергично, и с подобного рода заявлениями он выступал на некоторых политических собраниях. Вот почему я считаю, что необходимо подвергнуть политической цензуре произведения самого т. Варьяша. Надо посмотреть что представляет собой политически варьяшизм или «варьяштина», если сказать по-русски (Смех).

Тов. Варьяш, как вы помните, обвиняет Деборина в механическом и правом уклоне на том достаточном основании, что Деборин сравнивал семя—дерево и нэп—социализм. Можно привести десятки подобного рода биологизмов Маркса, Энгельса и Ленина. Я приведу несколько таких примеров, а затем перейду непосредственно к политической части.

Тов. Варьяш неоднократно цитирует ленинский фрагмент о диалектике, и как раз то место, где Ленин, следуя Марксу, говорит, что меновые отношения являются клеточкой буржуазного общества—сравнение как будто бы биологическое. В работе против Струве, во втором томе собр. соч. Ленина, т. Варьяш может прочитать, что Маркс возвел социологию в науку, открыв категории общественно-экономической формации и показав, что к социальным организмам можно и должно применять критерий повторяемости. «Социальный организм»—как будто тоже биологическое сравнение. Технику, средства труда Маркс неоднократно называет производительными органами. В классической формулировке исторического материализма, в предисловии «К критике политической экономии», Маркс говорит, что анатомии буржуазного общества надо искать в его экономике—как будто тоже биологическое сравнение. Или еще из «Капитала»: «Останки техники, останки средств труда имеют для изучения истории общественных формаций такое же значение, как останки костей для изучения животных видов»—сравнение палеонтологическое. Тот же Маркс называет средства труда костно-мышечной системой—сравнение анатомическое, а скажем, хранилища—корзины, трубы—сосудистой системой общества—сравнение анатомо-физиологическое и т. д. и т. п.

Спрашивается, эти биологические сравнения у Маркса, Энгельса и Ленина превращают наших классиков в механистов? Нет, не превращают, точно так же, как часто встречающиеся у Варьяша диалектические слова не превращают его в диалектика.

Перехожу непосредственно к социологически-политической части. Тов. Варьяш, как «великий философ», подарил нам две логики: одну—малую, которая называется «Диалектика у Ленина», и большую логику, которая называется несколько иначе: «Логика и диалектика»... у Варьяша.

Пройдемся по некоторым социологическим и политическим категориям в превратном отражении на сетчатке т. Варьяша, в его больших и малых трудах.

Что такое общество по Варьяшу? «Общество состоит из двух основных составных частей: 1) из физической действительности, т. е. частей природы», которые обрабатываются

людьми, и (2) из психо-физических субъектов»¹¹. Это и есть бухаринское общество, как система элементов *in natura*.

В другом месте Варьяш, опять-таки плагируя бухаринскую «Теорию исторического материализма», определяет общество как систему взаимодействий; «общество—это определенная сложная форма реальных совокупностей»¹². В «Истории философии» мы узнаем, что человек и элементы его бессознательного «относятся к биологическим составным частям производительных сил»¹³. Итак, рабочая сила—биологическая часть производительных сил. Это ли не биология, и к тому еще списанная у Бухарина! «Психофизические субъекты» Варьяша, эти биологические составные части производительных сил ведут свое происхождение от «Беглых заметок», в которых Бухарин рассматривает социологию как частный случай биологии, а рабочую силу как совокупность психофизиологических особенностей: крючника, музыканта и т. д.¹⁴.

Нет ничего удивительного, что вслед за Бухариным и Богдановым Варьяш определяет классы, сословия и касты как группы людей «на основании той роли, которую они играли в производстве».

У кого списано это определение? У Бухарина¹⁵. Надо ли тратить время на доказательство, что это богдановское определение, во всяком случае, не марксистское. Итак, социология Варьяша—вся от Бухарина.

Подходим непосредственно к политическим перлам нашего замечательного историка философии.

В главе «Взаимопроникновение противоположностей», в своей «малой логике», т. е. в т. н. «Диалектике у Ленина», Варьяш берется дать несколько иллюстраций к своему второму закону диалектики.

Вот эти иллюстрации. Они настолько замечательны, что их следует увековечить.

Варьяш интересуется конкуренцией при империализме. Послушайте. «Конкуренция между мировыми трестами, исчезающая на внутреннем рынке, тем усиленнее свирепствует на внешних рынках». Кто тут свирепствует в книге Варьяша? Бухарин. Ведь это дословно списано, украдено у Бухарина и занесено в «Логiku и диалектику» как иллюстрация к взаимопроникновению противоположностей. Итак, конкуренция между мировыми трестами, исчезающая на внутреннем рынке, тем усиленнее свирепствует на внешнем рынке. Все товарищи знают, что это учение о замирании, исчезновении конкуренции привело Бухарина к чему? Говорят: к теории организованного капитализма. Читаю из «Малой логики» Варьяша (вы увидите, чья логика господствует в этой «малой» логике): «Однако, монополия вовсе не означает прекращения убийственной конкуренции. Наоборот, монополия воспроизводит конкуренцию в еще большем, уже мировом масштабе». Это тоже, конечно, списано у Бухарина. Дальше идет продолжение: «Оставшийся победителем в борьбе конкуренций капиталистический класс одной страны производит такому же классу другой страны. Высокоорганизованное капиталистическое производство не может существовать без внешних рынков, без колоний». Это такой перл, который следует разоблачить. Что такое *высокоорганизованное* капиталистическое производство? Капиталистическое производство—это как будто бы капитализм. Высокоорганизованное—это по меньшей мере организованное. Стало

¹¹ Варьяш, История философии, том I, с. 35.

¹² Ср. Бухарин, Теория исторического материализма, § 26; Варьяш, Логика и диалектика, с. 109—110.

¹³ Варьяш, История философии, т. I, с. 49.

¹⁴ Бухарин, Беглые заметки, 9.

¹⁵ Ср. Варьяш, Логика и диалектика, 425; Бухарин, Теория исторического материализма, гл. VIII, § 51, гл. VI, § 37. «Совершенно различная роль в процессе производства и есть основание для деления людей на различные общественные классы» (С. 155 изд. 3).

быть высокоорганизованный или просто организованный капитализм не может существовать без внешних рынков, без колоний. Варьяш тут ухитрился в одном тезисе дать замечательное взаимопроникновение противоположностей, ибо что значит утверждать, что империализм есть высокоорганизованное капиталистическое производство? Это значит, что Варьяш характеризует послевоенный капитализм языком социал-демократов, языком Бухарина до его политической капитуляции. Но Варьяш не ограничивается тем, что он списывает у Бухарина характеристику империализма как организованного капитализма. Он говорит «о высокоорганизованном» капитализме (по-немецки *Hochkapitalismus*).

Откуда позаимствовал эту половину своего тезиса т. Варьяш? У Бухарина? Не совсем у Бухарина. Он позаимствовал это у самых проплеванных социал-демократических теоретиков и политиков организованного капитализма, ибо они как раз и говорят о «высокоорганизованном капитализме» (*Hochkapitalismus*). Вторая половина тезиса—высокоорганизованное капиталистическое производство не может существовать без внешних рынков, без колоний»,—вторая половина этого тезиса есть подпорченное люксембургянство. Что капитализм не может существовать без колоний, без «третьих лиц», что капиталистическая система не может существовать без некапиталистической среды—это же основа основ люксембургянской теории империализма. Бухарин не разделяет этой теории, а путаник из путаников, эклектик из эклектиков—Варьяш ухитряется в одном тезисе наворотить взаимопроникновение социал-демократизма, бухаринизма и люксембургянства.

Еще одна иллюстрация:

Суть закона неравномерного развития капитализма всем товарищам ясна. Варьяш берется вскрыть механизм действия этого закона и развивает теорию, что, собственно говоря, неравномерность вытекает из *нивелировки* различных стран при империализме. Нивелировка уровней технико-экономического и социального развития различных стран ведет к тому, что страны отсталые догоняют и даже перегоняют страны передовые, их сила начинает превалировать; таким образом и получается неравномерность.

Должен сказать, что вся эта аргументация в основном позаимствована у Троцкого. Варьяш, как и Троцкий, механически сводит неравномерность развития капитализма к нивелировке его развития. Пусть Троцкий утверждает, что при империализме неравномерность сменяется растущей нивелировкой, а Варьяш, что из растущей нивелировки вытекает увеличение наравномерности—методологически получается один и тот же результат—«сведение»... на-нет ленинского закона неравномерности.

Вот что собой представляет «варьяштина» в социологии, экономике и политике. Кусочки самого оголтелого, беспардоннейшего социал-демократизма, кусочки бухаринизма, кусочки люксембургянства, кусочки троцкизма.

Тов. В ы ш и н с к и й. Я хочу сказать несколько слов по вопросу о том, как понимать причинность механизмы, в том числе и т. Бухарин. Механистам в этом вопросе, как и в ряде других, свойственно впадать в противоположные крайности: причина и следствие мыслятся ими или как качественно однородные, так что следствие не содержит в себе ничего нового по сравнению с причиной, или же, наоборот, предполагается полная разобщенность, полный разрыв между причиной и следствием. У т. Бухарина представлены обе эти крайности: первая—в «законе равновесия», вторая напр. в теории империализма, который по т. Бухарину не содержит в себе конкуренции, хотя и произошел от конкуренции. Стоя на точке зрения механической причинности, т. Бухарин недооценивает категорию взаимодействия. У т. Бухарина очень много говорится о детерминизме. Но детерминизм без взаимодействия и есть механическая причинность.

По Бухарину, закономерность общественных явлений основывается на детерминированности индивидуальных волей и рассматривается как арифметическое среднее

социальных атомов. Механистическая точка зрения заставляет т. Бухарина вращаться в порочном кругу в вопросе о «примате» общества над индивидом.

В связи с вопросом о детерминизме стоит проблема телеологии. Тов. Бухарин заявляет, что его теория равновесия «освобождает мировоззрение от телеологического привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покосится на саморазвитии духа» («Атака», с. 118). Как и следовало ожидать, для механистической точки зрения *саморазвитие* оказывается непонятным, представляется беспричинным и отождествляется с телеологией в худшем смысле этого слова. Желая освободиться от телеологии, т. Бухарин изгнал из истории также и «спонтанную инициативу» общественных классов. Если классовые интересы мы будем сводить к механистической детерминированности интересов каждого из членов класса и если классовую волю мы будем изображать как равнодействующую того движения, где «лебедь рвется в облака, рак плывет назад, а щука тянет в воду», то мы никогда не поймем той особой формы проявления общественной закономерности, исторической необходимости, которую представляют собою «историческая инициатива масс», классовые цели, классовая активность. На бухаринской теории революции лежит все та же печать механистической точки зрения.

Ленин в своем конспекте Науки логики говорит о «целесолагающей деятельности человека» как об особой «форме объективного процесса» (215). Вот эту *целесолагающую* деятельность людей т. Бухарин совершенно упустил из вида. Поэтому у т. Бухарина и выходит, что классы—пассивные срудя исторического процесса, орудия механически детерминированные, неспособные, сами ничего детерминировать, неспособные спонтанно творить историю.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. РАЗУМОВСКОГО

[Наши доклады (т. Кривцова и мой) преследовали ту цель, чтобы, дав общую критику механистической концепции т. Бухарина, составить своего рода введение к обсуждению целого ряда проблем исторического материализма. Мы не имеем возможности представить здесь исчерпывающее разрешение хотя бы только некоторых из этих проблем.

В своем заключительном слове я остановлюсь на некоторых наиболее важных вопросах, затрагивавшихся в прениях.

[Тов. Новиков дал весьма интересное сопоставление бухаринской «теории равновесия» с воззрениями Каутского и Богданова.

Тт. Турецкий и Вашакмадзе правильно отмечали то обстоятельство, что непонимание Бухариным качественной специфичности социальных явлений привел его с одной стороны к вульгарному механистическому материализму, а с другой стороны—к моментам идеалистическим, психологическим.

[Тов. Ариэлян отмечал элементы эмпиризма в воззрениях т. Бухарина. Бухарин, действительно, переносит черты, вызванные одной определенной общественной формой, на «общество вообще».

[Тов. Шария удачно остановился на бухаринском понимании роли государства. Активная роль государства недостаточно оттеняется у Бухарина. Ленин подчеркивал именно эту сторону дела, когда критиковал рецензию Бухарина на книгу «Государство и революция» (см. Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, XXII, с. 488 и 527).

[По вопросу об отношении между общественной психологией и идеологией т. Шария неправильно меня понял. Мне представляется, что и психология, и идеология в равной степени являются отражениями общественного бытия, но представляют собою качественно различные формы этого отражения.

В прениях довольно много говорилось о понимании производительных сил у Бухарина и у нас. У т. Бухарина производительные силы не являются социальной кате-

горней и потому мыслятся как «нейтральные» по отношению к специфическим особенностям данной социальной структуры. Отсюда и вышел знаменитый лозунг т. Бухарина: «Обогащайтесь», т. е. развивайте свои производительные силы «вообще». В прениях правильно указывалось, что т. Бухарин отрывает технику от экономики, производительные силы от производственных отношений. Тов. Бухарин видит только различие производительных сил и производственных отношений, но не видит того диалектического единства их, в котором совершается «переход», взаимопроникновение и превращение производительных сил в производственные отношения и обратно. Производительные силы становятся производительными силами только в процессе общественного производства. С этой точки зрения, в технике для нас существенны не столько вещи (которые, конечно, необходимы), сколько техническая организация производственного процесса, технические отношения. Не нужно думать, что таким образом «вещи» совершенно «растворяются» в общественных отношениях. Специфичность социальной формы заключается не в «вещах», а в общественных отношениях. А мы знаем, что общественные отношения суть реальные отношения даже и в том случае, когда в них не входит ни атома естественного вещества. Разумеется, мы не мыслим нашего общественного бытия вне вещей, но вещи эти не суть «сами по себе», а представляют собой вещи, определенным образом «охваченные» общественными отношениями.

Тов. Бухарин, который в лучшем случае объявляет производительные силы пограничными (между природой и обществом) понятием, сводит технику к вещам. Мы же самое технику мыслим как нечто «социальное», хотя и не «экономическое». В технике примат также принадлежит не вещам, а отношениям. Экономическая же сторона общественного производства заключается в той особой каждый раз форме, которую производительные силы принимают в производственном процессе.

Перехожу к выступлению т. Кона. Слушая его, мне казалось, что он как бы сдает здесь экзамен по философии, но не вполне разбирается в некоторых основных проблемах. Тов. Кон обнаружил непонимание качества и непонимание единства противоположностей, в частности того единства противоположностей, которое существует между производительными силами и производственными отношениями.

Более откровенный механист, т. Варьяш, пытался дать в своем выступлении «новое» понимание различия между естественными и общественными науками. Тов. Варьяш проделывает своеобразную эволюцию. В 1924 г. в докладе об истории философии он выступил против признания хотя бы относительной имманентной закономерности в развитии идеологии. Эту точку зрения он пытался развить в своей истории философии. Он утверждал, что в основе исторического развития лежит общий для всех исторических эпох закон изменения производительных сил. По т. Варьяшу, внутри «психических функций» мы не имеем причинной зависимости. Настоящая причинная зависимость имеет место только в экономическом базисе, который т. Варьяш опять-таки сводит к технике. Воздействие этого базиса проходит, по Варьяшу, через особые психофизиологические каналы и там перерабатывается и т. д. Теперь т. Варьяш противопоставляет явления механические явления общественным и говорит, что первые характеризуются повторяемостью и обратимостью, а вторые необратимы и неповторяемы. Необходимо сказать прежде всего, что нельзя сводить все законы природы к законам механики. Далее, т. Варьяш не понимает, что и в данных истории и в законах природы мы имеем единство повторяемости и неповторяемости, обратимости и необратимости. Методы истории и методы естествознания вовсе не оторваны друг от друга, потому что и те и другие опираются на одни и те же законы диалектического движения. Тов. Варьяш становится, в сущности, на риккертIANскую точку зрения.

Эта тяга к идеализму проявляется у т. Варьяша и в других пунктах. Так, говоря о различии между законами природы и законами общественной жизни, он связывает эти последние законы, как законы действующие, с сознанием этих законов.

Это напоминает теорию Лукача и в корне противоречит Марксу, Энгельсу и Ленину.

Любопытно, что в ряде пунктов т. Варьяш прямо ссылается на Бухарина, говоря вместе с последним об устойчивости общественной системы в зависимости от внешних процессов и представляя общественное развитие как количественное увеличение или уменьшение противоречий.

Я останавлиюсь еще только на одном моменте в выступлении т. Варьяша—на его попытке противопоставить точку зрения т. Деборина точке зрения т. Сталина по вопросу о нэпе. Здесь т. Варьяш исходит из присущего ему непонимания закона единства противоположностей. Он не понимает, в частности, соотношения категорий реальной возможности и действительности. Между ними имеется и тождество, и различие. Когда т. Деборин, выступая против троцкистской установки, видевшей в нэпе только отступление, подчеркивал, что в нэпе мы имеем элементы рождающегося социализма, он обращал внимание главным образом на единство реальной возможности и действительности. Тов. Сталин же выступал против правых, упускавших из виду различие между нэпом и социализмом, и потому подчеркивал момент различия между реальной возможностью и действительностью. Только полное непонимание диалектики может привести т. Варьяша к противопоставлению формулировки т. Деборина формулировке т. Сталина.

Что касается другого выступавшего здесь механиста т. Малого, то ему уже разъяснили некоторые его ошибки. Я останавлиюсь только на одном пункте его выступления—на его попытке отгнаться на позиции т. Степанова в споре с Бухариным о понимании политической экономии. Я считаю, что мы должны выступать как против позиции Бухарина в этом споре, так и против позиции Степанова и Богданова. Обе позиции представляют собой различные формы одного и того же исторического эмпиризма.

Перехожу к вопросу о понимании предмета исторического материализма. Что это, теория или метод? Нельзя слишком резко противопоставлять теорию методу. У Ленина мы имели подчеркивание постоянного перехода и превращения метода в теорию и теории в метод. В теорию метод превращается из первоначальной гипотезы, и эта теория становится методом дальнейшего изучения общественных формаций. Система метода есть методология: она включает в себя понятие и метода и теории.

Далее, совершенно очевидно, что всякая теория, как система категорий, должна отражать некоторые реальные отношения. Каково взаимоотношение социальных категорий с категориями естественно-научными? Можно ли найти в моей трактовке этого вопроса хоть какое-нибудь сходство с Риккертот? Прежде всего, нужно заметить, что по Риккертоту и Виндельбандоту вообще совершенно невозможно превращение исторических категорий в естественно-научные: эти два вида категорий отгорожены у них китайской стеной. По Риккертоту, историческое понятие представляет собою попытку уловить только единичное, только особенное, отличающее данное индивидуальное явление от всех других, причем осуществляется эта цель путем отнесения индивидуальных особенностей к некоторой высшей ценности. Естественно-научное же понятие стремится, по Риккертоту, охватить только общее, только абстрактное. Поэтому, когда я говорил, что бухаринские формально-логические абстракции стоят на грани «естественно-научного» понимания явлений в риккертотском смысле, то я, как это было мной указано, употреблял термин «естественно-научное понимание», в том же смысле абстрактно-генерализирующего подхода. Я указывал, что, чем более мы отрываем «общее» от «особенного» в какой-нибудь социальной категории, тем меньше эта категория пригодна для изучения социальных явлений. Это отнюдь не означает, что я недооцениваю в социальных категориях момента «общего», что я отрицаю роль абстракции и т. д. «Общее» имеет огромное значение для социальной науки. Возьмем, например, такое общее понятие, как «классовая борьба». Это понятие служит нам той общей предпосылкой, с которой мы подходим к изучению любого общественного явления в классовом обществе.

Вообще, когда мы говорим о социальной категории, то мы всегда имеем в виду некоторое единство общего, особенного и единичного. Так именно понимал социальные категории Маркс (см. напр. «Введение к критике политической экономии»).

У т. Бухарина мы имеем абстрактный эмпиризм, выдвигающий «общее» в противовес «особенному». Эта механистическая тенденция в наших условиях является более распространенной, чем риккертланская тенденция выдвигать только индивидуальное, относя его к «ценностям». Мы боремся как с той, так и другой тенденцией, подчеркивая единство «общего» и «особенного». Я несогласен с теми товарищами, которые считают, что в борьбе против эмпиризма нам нужно выдвигать только категорию «общего».

Теперь поставим вопрос: приложимы ли общие категории исторического материализма ко всем общественным формациям? Несомненно, что такие определения, как общественное производство, производительные силы, производственные отношения, общественное бытие и общественное сознание, имеют приложение к любой общественной формации (материализм как «прием объяснения истории» — Ленин). Но возьмем такие категории, как класс, государство, право. Эти категории имеют место во всяком классовом обществе, но в своем наиболее полном развитии выступают лишь в наиболее сложном товарно-капиталистическом обществе. Поэтому я считаю, что в той системе социальных категорий, которая нашла себе классическую формулировку в марксовом Предисловии к «Критике политической экономии», в первую голову отображен процесс возникновения, исторического развития и гибели товарно-капиталистического общества, хотя сформулированные Марксом общие положения, разумеется, в той или иной мере приложимы к различным общественным формациям. Вот почему мы имеем такую неразрывную связь исторического материализма с теорией научного коммунизма.

Конечно, единство теории научного коммунизма и общей социальной методологии марксизма вовсе не сводится к их тождеству. Если теория научного коммунизма рассматривает и такие вопросы, как вопросы стратегии и тактики, непосредственно не входящие в истмат, то, с другой стороны, материалистическое понимание истории имеет силу, разумеется, не только в отношении к современному нам обществу, но и ко всем другим общественным формациям.

Я считаю, что и в понимании предмета исторического материализма и в понимании предмета политической экономии мы должны подчеркивать момент становления, движения, развития. Подобно тому как политическая экономия в узком смысле в первую очередь есть наука о товарно-капиталистическом производстве, но постепенно превращается в политэкономию в широком смысле, так и исторический материализм, начиная с изучения в первую очередь товарно-капиталистического общества, вовсе не ограничивается этой общественной формацией и постепенно движется по направлению к теории общества «вообще», но не в смысле бухаринского абстрактного эмпиризма, а в смысле конкретного охвата различных общественных формаций с учетом их специфических особенностей и специфических закономерностей. В процессе исторического развития человечества категории исторического материализма и их взаимоотношения испытывают известные видоизменения, и их специфический характер на каждой стадии развития мы обязаны изучать и учитывать.

Вот этого-то понимания исторического материализма и нет у т. Бухарина. А между тем без такого понимания невозможно правильное применение теории исторического материализма к условиям нашего реконструктивного периода, к нашему социалистическому строительству. Критикуя бухаринскую концепцию исторического материализма, мы должны обращать внимание не только на общие проблемы исторического материализма, но и на специфический характер социальных категорий, которые теперь возникают в нашей конкретной действительности как объект исторического материализма.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. КРИВЦОВА

В виду позднего времени мне придется коснуться только основных моментов тех споров, которые здесь велись. В своем докладе я намеренно останавливался главным образом на общих методологических предпосылках т. Бухарина. Теперь мы имеем фактическое доказательство, что т. Бухарин начинает отступать от своих основных механистических позиций. Я имею в виду статью т. Бухарина в «Правде» от 15 декабря, под заглавием «Технико-экономическая революция, рабочий класс и инженерство». В этой статье нужно отметить необычное для прежнего Бухарина выпячивание понятия качества, более высокую оценку творческих возможностей рабочего класса, подчеркивание социального момента в трактовке техники; наконец такие формулировки: «Перенесение закономерности физико-химических явлений на явления общественные означает непонимание ни тех, ни других». Словом, наш дружный натиск на методологические основы правого уклона дает определенные положительные результаты.

В прениях затрагивался вопрос о понимании предмета исторического материализма. Что это—только методология, или же это вместе с тем определенная общественная теория? Я держусь той точки зрения, что исторический материализм есть методология. Сошлюсь на Ленина, который в письме к Потресову писал: «Помните, как один наш общий знакомый... разносил в пух и прах меня за то, что я назвал материалистическое понимание истории „методом“. А вот, оказывается, что и Каутский повинен в столь же тяжком грехе»...¹⁰. Эта социальная методология дает возможность открывать специфические закономерности каждой общественно-экономической формации.

Но это еще не все. Тот же исторический материализм является руководством для действия. Об этом писал Энгельс в письмах к Вишневецкой. Об этом говорит и Ленин¹¹. Но и это еще не все. Маркс, изучая различные общественно-экономические формации, пришел к определенным выводам. Об этих выводах Ленин говорил, что главное в учении Маркса—это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества. Это и есть теория научного коммунизма. Такое понимание истмата избавляет от опасности впасть в социологизм, искать универсальных закономерностей и т. д.

Другой вопрос, по которому мне возражали, касается закона триады. Может быть, у меня была здесь неудачная формулировка, когда я говорил об «узком понимании» диалектики т. Бухариным. Но с дальнейшими рассуждениями т. Арутюнянца я решительно не согласен. Неверно, прежде всего, его утверждение, будто бы Ленин в своих первых работах не затрагивал проблемы качества и количества: эта проблема фигурирует уже в полемике Ленина против Южакова. Далее неверна ссылка т. Арутюнянца на «Анти-Дюринг» Энгельса: у Энгельса не упоминается термин «триада». Что касается отношения Плеханова к триаде, то и тут дело обстоит не так, как это хочет изобразить т. Арутюнянец. Возьмем VII том. Мы читаем: «Она (т. е. триада) вовсе не играет у Гегеля той роли, которую ей приписывают»¹². «Триада вытекает только из одного из выражений Гегеля, но сама вовсе ему не служит основным положением»¹³ (там же). Итак, по Плеханову триада не является отличительной чертой философии Гегеля. Тов. Арутюнянец же пытается сделать ее универсальным законом. Великолепно расправился с триадой Ленин в «Друзьях народа». В статье о Марксе, на которую ссылался т. Арутюнянец, Ленин пишет: «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени...» и т. д. На это словечко «как бы» т. Арутюнянец не обращает должного внимания.

¹⁰ «IV Ленинский сборник», с. 23.

¹¹ Ленин, Соч., т. XI, ч. 2, с. 138.

¹² Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, с. 123.

¹³ Там же, с. 124—125. См. также с. 128, 249 и др.

В нашей литературе уже была одна попытка восстановить триаду в качестве основного закона диалектики. Это—попытка т. Гониммана. Теперь он от нее отказался.

Перехожу к имевшим здесь место выступлениям механистов. Тов. Варьяш заявил, что он является подлинным диалектиком, а деборинцы—биологисты. В доказательство он привел слова Деборина о том, что класс представляет собой не отвлеченное понятие, а живое коллективное существо или живой коллектив. Я спрашиваю т. Варьяша: разве класс не является субъектом, разве у него не может быть классового самосознания?

Другой механист, т. Малый, договорился до того, что необходимо, мол, заполнить пустоту между социологией и историей не чем иным, как социологией Тахтарева. Тахтарев—это один из лидеров экономизма. Будучи разбит на II съезде партии, он отошел от политической деятельности и занялся наукой. В 1918—1919 г. он издал книжку о значении сотрудничества всех классов человеческого общества. Я поздравляю гг. механистов с таким сотрудничеством!

Необходимо коснуться еще одного выпада механистов. Они цитируют слова т. Деборина о том, что пролетариат и крестьянство являются различными общественными классами, и кричат, что здесь крестьянство рассматривается т. Дебориным как единый класс. Возьмем выступление Ленина и его тезисы на III Конгрессе Коминтерна по вопросу о тактике РКП(б). Ленин говорил, что впервые в истории налицо такое положение, что существуют только два класса—пролетариат и крестьянство. С точки зрения гг. Варьяша и Малого, Ленин является, стало быть, правым уклонистом. Далее механисты цитировали слова т. Деборина о нэпе, как о реальной возможности социализма, и пытались дело изобразить таким образом, что это противоречит формулировке т. Сталина о двух возможностях, тающихся в нэпе. Беда гг. механистов в том, что на самом деле Деборин и Сталин развивают одни и те же взгляды и что эти взгляды были впервые высказаны Лениным. Так что опять-таки механистам придется и Ленина объявить правым уклонистом.

РЕЧЬ И. ПОДВОЛОЦКОГО

Товарищи, сегодня мы подводим итоги полуторамесячной дискуссии. Разрешите мне поэтому в заключение сделать несколько замечаний.

Бьрба против теоретических основ правого уклона является прямым продолжением нашей бьрбы против механистов и проверкой правильности тех теоретических философских позиций, которые мы заняли в этой бьрбе. Это—политическая проверка наших теоретических взглядов.

Марксистская философия—диалектический материализм—является основой мировоззрения и всеобщим методом научного познания. Она является поэтому руководством для революционного действия и неразрывно связана с марксистской политикой. Неверные философские позиции ст. новятся поэтому в конце концов основой для неверных политических выводов. Мы предупреждали об этом механистов ряд лет тому назад. Механисты этого не понимали. Теперь всякому ясно, что механистическая ревизия диалектического материализма является методологической основой правого уклона, что духовным отцом наших механистов в области методологии является т. Бухарин, что последний является в этой области учеником Богданова.

Механисты великолепно понимают тождество своих и т. Бухарина взглядов в области методологии. Они могут быть поняли даже, что механистическая методология потерпела, так сказать, политическое фиаско. Они решили поэтому *теперь скрыть* родство своих взглядов со взглядами т. Бухарина. Как легче всего это *скрыть*? Разумеется, критикуя взгляды Бухарина. И вот Варьяш выступил в роли критика т. Бухарина. Но теоретические и политические позиции т. Бухарина нельзя критиковать с точки зрения механистической методологии. Поэтому Варьяш встал в позу диалектика и сде-

тал попытку критиковать механистические позиции т. Бухарина с точки зрения диалектического материализма. Что это был за диалектический материализм,—вы слышали. Правда, эту позицию т. Варьяша испортил его соратник Малый. Малый заявил, что механистический метод не является основой философии т. Бухарина. Тов. Малый испортил позицию т. Варьяша. Позиция т. Варьяша напоминает приводимую Плехановым историю с монахом Горанфло. Горанфло захотел полакомиться курочкой. Но был пост. Тогда хитрый монах устроил обряд крещения: назвал курочку карасем и съел ее за караса. Тов. Варьяш для того, чтобы иметь возможность критиковать механистические взгляды Бухарина, перекрестил себя из механиста в диалектика. Но курочка осталась у Горанфло курочкой, а Варьяш остался Варьяшем, т. е. механистом.

Мы должны разоблачить теоретическое двурушничество механистов, разоблачить их лицемерие и сказать им прямо: если они хотят всерьез критиковать т. Бухарина, они у порога критики должны сложить все свои теоретические доспехи. *Механисты мзгут критиковать методологические позиции т. Бухарина, лишь отказавшись от своих собственных теоретических взглядов.* И если теперь механисты, не отказываясь открыто от своих механистических взглядов, пытаются критиковать механистические же позиции т. Бухарина, то это должно быть квалифицировано как двурушничество, как «военная хитрость».

Но Варьяш не ограничился попыткой критики т. Бухарина и крещением себя в диалектика. Сам сознавая, очевидно, несерьезность этих предприятий, т. Варьяш решил смешать все карты, перевернуть все вверх дном: он объявил механистом... т. Деборина. «Диалектику» Варьяш критикует «механиста» Деборина! Это зрелище для богов. В личном разговоре т. Деборин, характеризуя беспринципность механистов, говорил, что механисты непременно объявят себя диалектиками, а нас—механистами и будут упрекать нас в том, что мы недостаточно боролись против механистов. Варьяш подтвердил, что механисты действительно докатились уже до пределов такой беспринципности.

Стремясь превратить т. Деборина в механиста, Варьяш пытался критиковать здесь отдельные положения т. Деборина. Если бы даже т. Варьяш и был прав в критике отдельных положений—это ни в малейшей мере не могло бы поколебать наших философских позиций, нашей основной линии в борьбе с механистами. Еще Ленин подчеркивал, что в той гигантской работе, которую мы должны вести в области философии, неизбежны отдельные ошибки. И совершенно безнадежным человеком был бы тот, кто, указывая на частные ошибки, отказался бы от основной философской линии. Указанием на частные ошибки, если они есть, вы нас не запугаете. Знайте, т. Варьяш, что мы не только не боимся указаний на ошибки, которые возможны у каждого из нас, но мы сами будем их вскрывать и исправлять путем большевистской самкритики, не дожидаясь вашей («помощи»). Но если вы вздумаете на этом отыграться, если нами же указанные, в порядке большевистской самокритики, частные ошибки вы захотите использовать для борьбы против диалектического материализма и укрепления своих ревизионистских позиций, если вы эту самокритику поймете как выражение нашей слабости, а не нашей силы, то вы будете разочарованы. От завоеванных в борьбе с вами позиций диалектического материализма мы не отступим ни на одну пядь, мы будем укреплять их, разрабатывать дальше проблемы марксизма на путях самокритики и коллективной работы, мы, как и прежде, будем единодушно бороться против вашей механистической ревизии диалектического материализма.

Тов. Варьяш, критикуя т. Деборина, объявил здесь неправильным положение, что нзп дает реальную возможность построения социализма. Но что хотел доказать этим т. Варьяш,—то ли, что нзп не дает нам возможности построения социалистической экономики, что Россию нзповскую нельзя превратить в Россию социалистическую? Пусть это открыто скажет т. Варьяш. Тов. Варьяш объявил также неправильным положение, что у нас имеется сюз двух основных класса—пролетариата и крестьянства. Раз

вы берете крестьянство как класс, говорит т. Варьяш, то вы включаете в него и кулачество. Отсюда первый уклон. Все вы, товарищи, знаете, что та цитата из статьи Деборина, которую приводит Варьяш, является комментарием к ленинскому положению, что наш социальный строй «основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и „изпманы“, т. е. буржуазия». Может быть т. Варьяш скажет, что Ленин, говоря о крестьянстве, как классе, тоже включал в него кулачество и проповедывал союз с кулаком? Тов. Варьяш не понимает того, что, говоря о союзе двух классов—пролетариата и крестьянства—мы исключаем кулачество из этого союза. Желая показать ошибки т. Деборина, Варьяш показал только то, что он ничего не понимает в вопросах о союзе пролетариата и крестьянства. Тов. Варьяш, говоря о крестьянстве, как союзнике пролетариата, включает в него и кулачество. Он не понимает, что кулачество есть эксплуататорский класс, и поэтому генеральную линию партии по отношению к крестьянству он распространяет и на кулачество. Разумеется (и здесь не нужно было откровений т. Варьяша) внутри союза рабочего класса и крестьянства (обусловленного общностью интересов по коренным вопросам) мы имеем противоречие интересов по вопросам текущим, имеем классовую борьбу.

Я не буду останавливаться на словесных спорах о применении биологических терминов. По этому вопросу т. Варьяш получил исчерпывающий ответ.

Поскольку т. Варьяш пытался здесь выступить в роли критика т. Бухарина, я попытаюсь, со своей стороны, показать *тождество философских взглядов т. Бухарина и механистов*.

Это тождество взглядов начинается с общего понимания марксизма т. Бухариным и механистами. «Что мы можем подразумевать под марксизмом?»—спрашивает т. Бухарин и отвечает: «Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология—система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей,—скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и проч., и, кроме того, включаем целый ряд *конкретных* положений»¹. Совершенно ясно, что т. Бухарин и в первом и во втором случае ограничивает марксизм лишь областью общественных явлений и по существу устраняет *марксистскую философию*. То же самое мы имели и у механистов. Они отрицали марксистскую философию, сводя ее к современному естествознанию, и оставляли на долю, так сказать, собственно-марксизма лишь область общественных явлений. Это—обычное буржуазное и ревизионистское понимание содержания марксизма. Само собою разумеется, что такое понимание марксизма устраняет материалистическую диалектику.

Суть позиции т. Бухарина и механистов заключается в замене материалистической диалектики механистической методологией. Необходимость этого т. Бухарин мотивирует тем, что будто бы Маркс и Энгельс не выработали теоретических основ диалектики, не преодолели полностью идеалистической диалектики Гегеля. Механисты мотивируют это тем, что теория диалектики есть гегельянская игра в понятия, схоластика и пр. Поэтому они сводят диалектику к сумме примеров или к механистическому пониманию природы. Тов. Бухарин более последовательно и стройно разворачивает свою механистическую методологию, противопоставляя диалектике *теорию равновесия*, которая, по мнению т. Бухарина, конкретизирует, возводит на новую ступень марксистскую методологию.

Отличие диалектической точки зрения от метафизической т. Бухарин видит в том, что первая рассматривает все вещи в движении, изменении и всеобщей связи, вторая—в состоянии покоя, неизменности. Это общее определение является недостаточным

¹ Н. Бухарин, Атака, с. 255.

для характеристики материалистической диалектики, ибо оно еще ничего не говорит о понимании движения, изменения и всеобщих связей. А именно в этом суть дела. Вы прекрасно знаете, что французские материалисты признавали движение, изменение и всеобщую связь вещей. Они понимали движение как атрибут, как форму существования материи. Но основное противоречие их заключалось в том, что движение, признаваемое ими *атрибутом*, они в то же время сводили к механическому движению. Движение, изменение и всеобщую связь вещей должен признавать всякий материалист, если он хочет остаться материалистом. Но весь вопрос в том, как понимать движение и всеобщую связь. Различное понимание движения и всеобщих связей и лежит в основе деления материализма на метафизический и диалектический. Тов. Бухарин, как и механисты, не понимает этого различия между диалектическим и метафизическим пониманием движения и всеобщих связей. Точнее, они сами становятся на точку зрения механистического материализма.

«Нельзя,—пишет т. Бухарин,—современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика недиалектична, т. е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики?» («Теория исторического материализма», с. 36). Само собою разумеется, что как механическое движение есть одна из форм движения, так и механика является простейшей формой диалектики. Но нельзя сводить движение к механическому движению, как это делает т. Бухарин. Следуя за т. Бухариным, механисты такое сводят движение к механическому движению. «Диалектики,—пишет т. Тимирязев,—утверждают, что в физике вовсе не обязательно все явления сводить к механике, т. е. к движению материи, так как ведь механика и есть учение о движении материи».

Мы имеем полное тождество в понимании движения у механистов и у т. Бухарина.

Механическое понимание движения ведет к непониманию развития. Тов. Бухарин подчеркивал признание *изменения* как существеннейший момент своего метода. Но как понимать изменение? Можно сводить все изменения к изменениям, происходящим в силу внешних причин, не вытекающим из внутреннего самодвижения предмета, на основе имманентной предмету закономерности. В этом случае нет развития, а есть лишь хаос случайных изменений. К этому сводится в конечном счете механистическое понимание изменений. Диалектический материализм, не отрицая внешних изменений, рассматривает изменения как развитие, происходящее на основе внутренней закономерности предмета, берет *имманентное возникновение различий*. Можно сказать, что каждый предмет является в известном смысле причиной своего развития. Самодвижение ни в малейшей мере не устраняет внешнюю связь вещей. Напротив, только признавая внутреннюю активность предметов, можно объяснить внешнее воздействие и связь вещей, внешнее движение. Поэтому самодвижение должно быть признано основным моментом в развитии предмета, и исследование самодвижения предмета составляет основную задачу науки. Основное разногласие между диалектиками и механистами заключается в том, что первые, признавая полную значимость за внешними связями предметов, рассматривают самодвижение, внутреннюю имманентную закономерность, внутреннее противоречие как основу развития предмета. Вторые отвергают самодвижение, переносят источник движения и изменения предмета *во вне*, рассматривают внешние связи как определяющие.

Тов. Бухарин, например, считает, что самодвижение имеет «телеологический привкус». То же самое мы имеем и у механистов. «Толкование движения как внутреннего изменения состояния,—пишут они,—приведет к *мистификации* категории движения».

Наше познание, говорит Энгельс, есть по существу познание законов движения материи. Диалектика, как и всякая наука, есть наука о законах движения. Поэтому правильное понимание движения есть кардинальнейший вопрос. Неверное понимание движения ведет к неверному пониманию всех категорий диалектики. Это мы имеем в одинаковой мере и у т. Бухарина и у механистов:

Начнем с основного закона диалектики—закона единства противоположностей, как всеобщей формы всех связей действительности. Только правильное понимание этого закона, как внутреннего единства противоположностей, как противоречия, дает обоснование самодвижения и развития и правильное понимание других законов и категорий диалектики.

Между прочим, т. Варьяш сразу же обнаружил непонимание субординации категорий диалектики, непонимание того, что единство противоположностей является основным законом диалектики. Вы помните, что он основной недостаток методологии т. Бухарина усмотрел в неправильном понимании причинности. И сколько раз «на этом самом месте» били механистов. Впрямь не пошло. Водораздел между материализмом и идеализмом Аксельрод и Варьяш видели в признании или непризнании принципа механической причинности. Мы неоднократно разъясняли им, что водораздел лежит в понимании соотношения духа и материи, в проблеме субстанции. Не помогло. Это же повторилось и в понимании диалектики. Ленин неоднократно подчеркивал, что причинность не исчерпывает всех связей действительности, что всеобщей формой всех связей действительности и поэтому основным законом диалектики является закон единства противоположностей. Поэтому основу неправильного понимания методологии Бухарина, как и всех механистов, нужно искать в непонимании закона единства противоположностей. Тов. Варьяш снова и снова показал, что он не понимает этого основного положения, не понимает субординации категорий диалектики.

Все механисты сводят единство противоположностей к противоположно направленным силам и поэтому устраняют противоречие. Наиболее систематическую трактовку этого мы находим у т. Бухарина в его теории равновесия.

Теория равновесия была развита первоначально не т. Бухариным, ее развил еще Спенсер. В России она была разработана А. Богдановым, у которого и заимствует свою методологию т. Бухарин. Теория равновесия берет прежде всего вещь, а не движение. Вещь берется как нечто целое, состоящее из частей, находящихся в равновесии друг с другом (внутреннее структурное равновесие), и в свою очередь сама вещь находится в равновесии с окружающей ее средой (внешнее равновесие системы и среды). Движение и изменение предмета рассматривается как «нарушение равновесия». Вещь может изменяться, или, по терминологии Бухарина, внутреннее равновесие может быть нарушено только в результате действия внешних сил. «Более или менее точное понятие равновесия,— пишет т. Бухарин,— таково: о какой-нибудь системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе (*freiwillig*), т. е. без извне приложенной к ней энергии, не может изменить данного состояния» (75). Это внешнее воздействие есть воздействие различных внешних сил. При этом, если внешние действующие на предмет силы уравниваются друг друга, то предмет будет находиться в состоянии равновесия, если же одну из сил уменьшить (кто будет уменьшать?) или увеличить, то равновесие нарушается. Внутреннее равновесие всецело зависит от равновесия внешнего: внутренние изменения суть функция внешнего изменения. Процесс изменения имеет следующую форму: 1) состояние равновесия, 2) нарушение равновесия, 3) восстановление равновесия на *новой* основе.

В чем неправильность теории равновесия? Теория равновесия рассматривает движение и изменение как внешние для предмета. Предмет находится в состоянии равновесия и без внешнего толчка не может выйти из этого равновесия. Равновесие кладется в основу. Вместо того чтобы рассматривать равновесие как момент движения, движение и изменение рассматриваются лишь как моменты нарушения равновесия. При этом движение и равновесие рассматриваются как самостоятельные, внешние друг другу существования. Равновесие с одной стороны; движение как нарушение равновесия— с другой стороны. Нет понимания того, что относительное равновесие возможно лишь как момент движения, что оно поставлено движением, есть результат движения. Инте-

ресен факт, что т. Кон, пытаясь отойти от теории равновесия, обнаружил солидарность с ней в этом существеннейшем вопросе. «Равновесие,—говорил он здесь,—тождественно покою, движение же, даже бесформенное, исключает равновесие». Я не касаюсь положения о бесформенном движении, которое невозможно. Противопоставление движения и равновесия выявляет непонимание того, что равновесие есть момент движения.

Диалектика рассматривает законы предмета, как законы движения. Теория равновесия рассматривает законы как законы равновесия. Точнее, она пытается установить две формы законов: законы равновесия и законы движения. В эту ошибку впадает и т. Кон. «Задачей науки,—говорил он,—является поэтому изучить не столько законы равновесия, сколько законы движения». Выходит, что наряду с законами движения существуют какие-то совершенно особые и самостоятельные законы равновесия. Это неверно. Теория равновесия сводит все связи действительности к внешним связям, и поэтому рассматривает процессы механически. Внешний толчок, антагонизм противоположно направленных сил, свойственный механическому движению и, следовательно, внешним связям в других формах движения, она абсолютизировала, превратила в основные связи всех форм движения. Поэтому единство противоположностей, противоречие, имеющее богатейшие формы проявления в различных видах движения, сводится к внешним противоположностям—к *антагонизму* противоположно направленных сил. «*Противоречия*», т. е. *антагонизмы противоположно направленных сил*, и обуславливают движение—пишет т. Бухарин. Противоречие тем самым отбрасывается, ибо противоположные моменты распределены между разными предметами. Вследствие этого у т. Бухарина и у механистов нет понимания *внутренней* связи, взаимного проникновения, рефлексивности противоположностей, их деятельной связи, нет понимания *развития* противоположностей. Диалектика рассматривает внутренние противоположности как моменты раздвоения единого, как рефлексивные моменты, нераздельно связанные, существующие лишь во взаимном *отношении* друг к другу. Каждая из противоположностей относительно самостоятельна и вместе с тем предполагает существование другой противоположности, определяется ею и определяет ее. Они существуют лишь во *взаимопрокинновении* друг друга, в единстве и нераздельности. Содержание и изменение каждой из противоположностей возможно лишь в отношении с другой противоположностью и определяется через это отношение. Поэтому изменение противоположностей может быть только взаимным, оно может быть лишь результатом деятельной связи, взаимной борьбы противоположностей, противоречия. Развитие единства противоположностей есть одновременное развертывание содержания каждой из противоположностей до ее высшего предела. Но это высшее развертывание содержания противоположностей есть и высшее напряжение их противоречия, приводящее к взрыву данной формы единства противоположностей и переходу к новой форме единства противоположностей. Тов. Бухарин и механисты представляют противоположности, как самостоятельные, внешне сталкивающиеся силы. Нет понимания рефлексивности, относительности противоположностей и их взаимопрокинновения. Поэтому у них нет понимания взаимной обусловленности развития противоположностей. Противоположные силы изменяются самостоятельно, независимо одна от другой: в то время как одна сама по себе увеличивается, другая может сама по себе уменьшаться и наоборот. И переход одного качества в другое или нарушение равновесия рассматривается не как результат одновременного взаимного наивысшего развития противоположностей и их противоречия, а как результат простой количественной разницы между противоположностями: одна противоположность стала больше другой, и поэтому получается новая форма, наступает нарушение равновесия. Для того, чтобы было движение, необходимо исходить из предпосылки, что одна сила количественно больше другой. Не говоря о том, что здесь неправильно изображается связь противоположностей в их развитии, здесь абсолютно не выясняется вопрос, почему одна противоположность увеличилась, а другая

уменьшилась или увеличилась, но в меньшей мере. Это постулируется как голое предположение, ибо теория равновесия не вскрывает и не может вскрыть причин процесса изменения противоположностей. Тов. Бухарин берет изменения противоположностей не как результат их взаимной борьбы, противоречий, а как чисто внешнее для самих противоположностей уменьшение или увеличение. «Если, скажем, на какое-либо тело давят уравнивающие друг друга силы, оно находится в состоянии равновесия; если одну из этих сил уменьшить или увеличить, тогда равновесие нарушается» («Тесрия исторического материализма», с. 75).

Поскольку нет внутреннего движения единства противоположностей, не может быть самодвижения. Источник движения лежит *во вне*, в связи системы и среды, которая сводится к действию противоположно направленных сил.

Аналогичное понимание единства противоположностей и самодвижения мы имеем и у механистов. Дальше понимания противоположностей как противоположно направленных сил они не идут. Любимый пример диалектики у т. Тимирязева—это ящик с шарами. Диалектику он сводит к механическому равновесию. Тов. Сарабьянов рассматривает единство противоположностей как противоположно направленные силы. При этом процесс движения противоположностей и переходы из одной формы в другую у т. Сарабьянов изображает так: одна сила растет быстрее другой, и, когда она становится количественно больше другой, тогда совершается скачок³. Почему одна сила растет больше другой? Неизвестно. Наконец перейдем к самому Варьяшу, который пытался здесь критиковать т. Бухарина. В понимании единства противоположностей и самодвижения т. Варьяш полностью повторяет т. Бухарина. Тов. Варьяш сводит единство противоположностей к внешнему воздействию друг на друга различных предметов, или, по выражению т. Варьяша, различных систем. Совершенно ясно, что у т. Варьяша мы имеем дело с той же внешней связью среды и системы, что и у т. Бухарина. «Системы,—пишет т. Варьяш,—находятся во взаимодействии, и их изменение обязательно их взаимодействиям». «Диалектика Маркса объясняет развитие каждого явления из его взаимодействия со своей средой». «Взаимное проникновение противоположностей дает точный и ясный ответ на этот вопрос (перехода количества в качество.—И. П.). Переход совершается потому, что каждая частичная система находится в непрерывном взаимодействии с другими системами мира... Качественное изменение означает развитие, совершающееся скачками в определенной фазе нарастания количественных изменений внутри одного качества благодаря изменению качественно разных систем»⁴. Тов. Варьяш не понимает внутреннего единства противоположностей, рассматривает лишь внешние отношения вещей, поэтому сводит единство противоположностей к внешнему механическому антагонизму различных систем или противоположно направленных сил. Тем самым устраняется противоречие. Тов. Варьяш, последовательно идя по этому пути, устраняет противоречие, заменяя его внешним, механическим противодействием. «Реальное противоречие,—говорит т. Варьяш,—есть, говоря точнее, противодействие. Каждое действие есть в то же самое время и противодействие, потому что вообще нет действия без противодействия, и обратно»⁴. Понимание единства противоположностей

³ «Если бы крупная буржуазия, пролетариат и другие классы,—пишет т. Сарабьянов,—развивались во всех отношениях пропорционально, то оно (общество) оставалось бы капиталистическим». Но «силы пролетариата количественно нарастают, силы буржуазии тоже растут, но не так быстро. Наступает какой-то момент, когда количество сил обоих классов одинаково. В этот момент наступает скачок, общество перестает жить старой жизнью, переживает какой-то кавардак». Или еще: «И тот и другой класс растут... Но вот пролетариат достигает до буржуазии (силы равны) и перерастает ее (пролетариат сильнее), в результате чего качество отношения противоречащих сил становится иным, новым качеством: пролетариат господствует, буржуазия подчиняется».

³ «Диалектика у Ленина», с. 96—103.

⁴ «Диалектика в природе», сб. III, с. 108.

у механистов самое грубое, вульгарно механистическое. Тов. Кон в своем выступлении не избежал механистических ошибок и в этом вопросе. Он не понял противоречивой природы качества. Он по существу свел внутреннее единство противоположностей к взаимодействию двух качественно различных предметов.

Ленин, с особенной силой выдвинувший закон единства противоположностей как основной закон диалектики, неоднократно подчеркивал, что только правильное понимание единства противоположностей объясняет скачки в развитии, рождение нового. Самодвижение предмета на основе единства противоположностей объясняет нам активность качества, полагание им своих количественных изменений, являющихся ступенями развития качества. Развитие содержания данного качества есть вместе с тем развитие его внутренних противоречий, которые ведут к самоотрицанию, к взрыву данной формы и к переходу в новую высшую форму. Таким образом данный предмет в силу своего собственного самодвижения самоотрицается, переходит в свою собственную противоположность или по выражению Гегеля в *свое* другое. Тем устанавливается *генетическая связь* предметов. Скачок должен и может быть понят только как результат такого самодвижения. Он выражает поэтому не только разрыв, но и генетическую связь в развитии. Переход количества в качество может быть понят только в единстве с переходом качества в количество, а последнее получает свое объяснение в единстве противоположностей.

Механисты на словах признают переход количества в качество. Но каким образом происходит количественное изменение, ведущее к скачку? Поскольку механисты не понимают единства противоположностей, не понимают поэтому активности качества и перехода качества в количество, они не могут объяснить количественных изменений, не могут понять изменения количества, и перехода количества в качество, как момент самодвижения предмета. Поэтому т. Бухарин рассматривает количественные изменения не как моменты развития, а как чисто внешний процесс, как не зависящее от активности предмета прибавление извне «количества». Переход же от одной формы к другой он рассматривает как нарушение равновесия, вследствие давления внешних сил, и установление равновесия на новой основе. Переход одного качества в другое не вытекает из внутреннего самодвижения предшествующего качества, не является переходом его в *свою* противоположность, а есть чисто внешний для него процесс. Здесь нет внутренней генетической связи между предшествующим и последующим, а существует абсолютный разрыв между ними. Поэтому нет скачка, а есть внешне обусловленная катастрофа.

То же самое мы имеем и у механистов. Мы уже видели, что Сарабьянов рассматривает скачок как результат того, что одна сила количественно перерастает в другую силу. Он даже говорит о скачках, как «о процессах нарушения равновесия». Тов. Варьяш рассматривает переход количества в качество, как результат столкновения двух систем, двух предметов, и все механисты, без исключения, рассматривают изменение количества чисто внешне, как прибавление или убавление «количества» *извне*, как результат количественного изменения внешне действующих сил и пр. Поэтому и примеры перехода количества в качество вы найдете у них чисто механические (прибавление груза разрывает ниточку и пр.). Нет понимания количественных изменений, как момента развития, результата активности качества, перехода качества в количество. И. И. Степанов был поэтому совершенно последователен, когда исходя из механистической точки зрения, совершенно отрицал перерыв постепенности и объявил непрерывность основным принципом диалектики.

В проблеме *сведения* механисты идут за т. Бухариным. Непонимание развития, генетической связи форм, непонимание качества ведет к сведению высших форм к низшим. Механисты придерживаются положений т. Бухарина, развитых им в «Теории исторического материализма». Тов. Бухарин выдвинул там

положение, что развитие современного естествознания выдвигает сведение органического к механическому, к устранению качественной разницы между органическим и механическим⁵.

Тов. Бухарин считает возможным все законы диалектики, а поэтому—если т. Бухарин будет последователен—и закономерности всех форм движения выразить в определениях механики.

«Мы считаем вполне возможным,—пишет т. Бухарин,—переложить „мистический“, как Маркс его называл, язык гегелевской диалектики на язык современной механики.

Против механических обозначений сравнительно недавно были протесты в среде почти всех марксистов. Это происходило потому, что старое представление об атомах рассматривало их как обособленные, несвязанные с другими, изолированные частицы. Теперь, с учением об электронах, об атомах, как целых системах, «наподобие солнечной, нет никаких оснований бояться механических обозначений» (76).

Механисты повторяли буквально то же самое. И. И. Степанов и другие механисты доказывали, что развитие современного естествознания выдвигает механический материализм, что поэтому необходим пересмотр «формы» диалектического материализма Маркса-Энгельса и замена его механическим материализмом. Вспомните, как «воинственно» они требовали сведения органического к неорганическому и даже сведения социальных закономерностей к физико-химико-биологическим закономерностям. Словом, *сведение* вместо конкретного исследования специфических законов развития, исследования генезиса предмета, являлось общим для механистов и т. Бухарина. Каково конкретное проявление этого метода в области политики, вы знаете: перенесение закономерностей эпохи военного коммунизма, а впоследствии восстановительного периода на весь переходный период, непонимание особенностей реконструктивного периода и т. д.

Тов. Варьяш пытался здесь доказать, что механическое понимание причинности является основанием всех механистических ошибок т. Бухарина. При этом т. Варьяш извивался ужом, чтобы доказать, что в понимании причинности он, Варьяш, стоит—не шутите!—на диалектической точке зрения, а т. Деборин... на механической! Уважаемый товарищ Варьяш, на каких философских младенцев вы рассчитали свою речь? Ведь все помнят, что и до дискуссии и во время дискуссии Аксельрод, а вслед за ней Варьяш и другие механисты декларировали, что никакой иной причинности, кроме механической причинности, марксизм не признает. Все помнят, что вы высмеивали понимание диалектической причинности. Все помнят, что признание механической причинности вы выдвинули как основной водораздел между материализмом и идеализмом. Все помнят, что именно т. Деборин боролся против вас за диалектическое понимание причинности. Так на кого же рассчитана ваша фальсификация истории разногласий, т. Варьяш?

По существу же дела, выступая против Бухарина, т. Варьяш показал полное непонимание причинности. Я уже сказал, что т. Варьяш демонстрировал полное непонимание субординации категорий диалектики, когда он проблему причинности (а не единство

⁵ «Механическое и органическое. До последнего времени в нашей среде эти понятия *противопоставлялись*...

«Но... современное представление о материи опрокинуло старые взгляды. Изолированный и бескачественный атом скончался. Элемент связи, вз им зависимость, нарастания новых качеств и т. д. восстановлен во всех правах. *Противопоставление* „механического“ и „органического“ с этой точки зрения стало бессмысленным.

«С другой стороны рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к „органическому“ *мистицизму*. Понятие жизни стало мистическим (Бергсон, Дриш). Что же следует отсюда?

«Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если мы только хотим всерьез бороться за *материалистическое* мировоззрение вообще и за материалистическую общественную науку в частности» (с. 360).

противоположностей) выдвинул как основу всех других категорий. Критикуя механическое понимание причинности, Варьяш «забыл» раскритиковать свое собственное понимание причинности и указать такие существенные определения механической причинности (за которые держатся все механисты), как: 1) сведение механистами причинности к *внешней* причинности и отрицание *внутренней* причинности самодвижения предмета, 2) тождество и непрерывность причины и действия, 3) сведение причинности к простой последовательности явлений, 4) сведение к абстрактному детерминизму, признание одинакового значения всех причинных связей, отрицание разделения причинности на необходимость и случайность. Результатом механистического понимания причинности и явилось ваше непонимание проблемы необходимости и случайности и отрицание объективного значения последней. И в этом вопросе, как в вопросе о причинности, вы стоите на позициях т. Бухарина⁶. Когда мы спорили о проблеме случайности, суть дела заключалась в понимании внутренней, имманентной необходимости закономерности предмета. Отрицая случайность, вы становились на позиции абстрактного детерминизма, признание одинакового значения в развитии предмета всех причинных связей. В сочетании же с сведением причинности к внешней механической причинности это вело фактически к устранению внутренней необходимости развития предмета, к низведению необходимости до уровня случайности. Отрицая случайность, вы становились на точку зрения абсолютной случайности.

Такова оборотная сторона абстрактного детерминизма. И в этом вы следовали за т. Бухариным. Вот к чему приходит т. Бухарин, отрицая случайность. «Строго говоря,—пишет он,—в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений: и то, что Каутский не спал в такую-то ночь, когда ему снились ужасы большевистской революции; и то, что был убит австрийский эрцгерцог незадолго до войны; и то, что Англия вела колониальную политику; и то, что возникла мировая война,—словом *все* события, начиная с самых мизерных и незаметных и кончая потрясающими событиями современности,—все эти события одинаково не случайны, одинаково причинно обусловлены, т. е. одинаково причинно, необходимы»⁷. Что все события причинно обусловлены, это азбучная истина материализма. Но *диалектический* материализм не останавливается на этом. Он различает внутреннюю необходимость, имманентную закономерность развития от случайных причин. Поскольку самодвижение предмета необходимо предполагает внешнюю связь, случайность является необходимым условием, абсолютно необходимым моментом развития каждого предмета. Развитие каждого предмета необходимо содержит в себе момент случайного. Но основа развития, самодвижения предмета лежит в его внутренней необходимости. Поэтому, если мы хотим познать законы развития предмета (а не просто дать описание всех внешних связей), мы должны выделить и исследовать внутреннюю необходимость предмета. Точка же зрения т. Бухарина, что

⁶ «Причины, вызывающие следствие,—пишет т. Бухарин,—не поддаются практическому учету. Они существуют, но мы их не можем учесть, а потому мы их и не знаем. Это наше незнание мы и называем... случайностью» (с. 41).

«...Строго говоря, низких случайных, т. е. беспричинных, явлений нет. Явления же могут представляться нам „случайными“, поскольку мы недостаточно знаем их причины» (с. 42).

Те же взгляды по отношению к исторической случайности.

«Отдельный случай играет незаметную роль. Он неважен. Но попробуйте вы сгруппировать, соединить большое количество таких случаев. И сразу вы увидите, что „случайность“ начинает исчезать.

«...Таким образом мы видим, что, строго говоря, в историческом развитии общества нет никаких случайных явлений.

...Из предыдущего вытекает, что следует изгнать понятие случайности из общественных наук» (с. 44).

⁷ «Теория исторического материализма», с. 44.

в историческом развитии *одинаково* необходимо развитие производительных сил, мировая война и то, что Каутский не спал ночь,—устраняет всякое научное исследование.

Так же абстрактно т. Бухарин и механисты подходят к пониманию всеобщих связей вещей.—«Все части мира связаны друг с другом и все влияют друг на друга. Малейшая передвигка, малейшее изменение в одном месте, и от этого меняется все»⁶. Кто будет отрицать,—спрашивает т. Сарабьянов,—что его чихание не отразится на Марсе. Что движение, произведенное где-либо, передается и не может абсолютно исчезнуть—это азбучная истина материализма. Но *диалектический* материализм не останавливается на этой абстрактной постановке вопроса. Он видит различие связей: связи внешние и внутренние существенные связи. И при этом и те и другие в свою очередь имеют различные формы, играющие различную роль в развитии. Если мы возьмем связи не наряду с движением, а как момент движения, тогда нужно конкретно исследовать роль различных связей в развитии предмета. Тогда раскрываем 1) существенные внутренние связи, 2) генетическую связь предметов как ступеней развития, когда предметы, кажущиеся только различными, выступают как звенья в цепи развития, как противоположности. Непонимание самодвижения, недialeктическое понимание связей ведет к эклектизму и софистике.

Я хочу в двух словах остановиться на эклектизме Бухарина, который полностью заимствуют у него механисты.

Рассматривая изменение и связи предмета чисто внешне, т. Бухарин и механисты чисто формально-логически берут наиболее бросающиеся в глаза связи и свойства предметов и, чисто эклектически соединяя их, получают некоторое определение предмета. Но так как предмет имеет множество отношений и связей, то можно до бесконечности описывать и перечислять эти свойства. Это и есть эклектическое объединение через «и» ряда свойств, отношений и т. п. Диалектика не довольствуется таким сопоставлением свойств. Она рассматривает предмет в их самодвижении, развитии и поэтому исследует различную роль различных связей в развитии предмета. Она устанавливает субординацию связей, выделяя из них существенные связи, лежащие в основе развития. Деление на существенные и несущественные связи не является вопросом субъективного выбора, а обусловлено объективной ролью этих связей в процессе развития. Непонимание этого ведет к субъективизму в выборе из многочисленных связей того, что *кажется* важным, к софистике. Механисты идут по этому пути. Тов. Сарабьянов считает на этом основании, что всякое качество и всякая классификация, например классификация видов животных, субъективны. Всякий может их классифицировать по-разному, смотря по тому, какое свойство является для него важным. «Если мы возьмем один признак, то классифицируемые виды рассортируются в этом порядке, если другой—в другом порядке; если возьмем совокупность многих признаков, получим третий ряд качеств и т. д.». Это чисто субъективистские положения. Тов. Сарабьянов забыл, что природа сама классифицировала себя в своем развитии

⁶ «Я пишу сейчас на бумаге, вожу пером. Это производит давление на стол, стол давит на землю, что вызывает ряд дальнейших изменений. Я деирую ручкой, колеблю воздух, и эти колебания идут маленькими струйками, теряясь бог знает где. Нужды нет, что это все маленькие изменения. Все же они есть, существуют. Все в мире связано непрерывной связью, *нет ничего стоящего особняком*, независимого от того, что вне его. Другими словами, нет в мире ничего абсолютно *изолированного*. Конечно, мы очень часто можем не обращать внимания на всеобщую связь явлений: нельзя же каждый раз, говоря, положим, о разведении петухов, поднимать разговор обо всем сразу—и о солнце, и о луне, что было бы глупо, потому что здесь нам всеобщая связь явлений ничем бы помочь не могла. Но при обсуждении теоретических вопросов очень часто нам это необходимо иметь в виду» («Теория исторического материализма», с. 66).

и что дело науки—исследовать генетическую связь видов в их развитии. Таким образом в искажении диалектики механисты идут здесь дальше т. Бухарина.

Следующая проблема—конкретное понятие. Абстрактность, вместе с механистичностью и эклектизмом, составляет основную характеристику взглядов т. Бухарина и механистов. Я уже говорил о сведении, непонимании качественного своеобразия и т. п., являющихся выражением *абстрактного* подхода в исследовании явлений. Вообще механистическая методология есть выражение абстрактного подхода в исследовании. Здесь я хочу лишь указать, что и т. Бухарин, и еще в большей мере механисты стоят на точке зрения абстрактного понятия. У т. Бухарина кой-где имеются попытки перехода к конкретному понятию. У механистов нет и этого. Вспомните наши бои за конкретное понятие, которое было принято механистами за средневековый реализм. Касаясь полемики об общественно-научных и естественно-научных понятиях, необходимо сказать, что с нашей точки зрения как понятия, отражающие закономерности общественного развития, так и понятия естественно-научные должны быть конкретными понятиями. Противопоставление первых как конкретных вторым как абстрактным—несостоятельно.

Итак, мы имеем тождество взглядов механистов и т. Бухарина по важнейшим вопросам методологии. Механистическая методология является их общей платформой.

Два слова о триаде. Маркс видел рациональное зерно гегелевской триады в законе отрицания отрицания, как выражении прогрессивного развития. Триадичность есть формальная сторона этого закона. Маркс останавливался не на формальном моменте—триадичности, а брал как *всеобщий* закон развития закон отрицания отрицания. Отрицание отрицания является таким же всеобщим законом, как и законы перехода качества в количество и обратно и закон единства противоположностей. Тов. Бухарин в своей схеме (равновесие, нарушение равновесия, восстановление равновесия на новой основе) берет как раз формальную сторону гегелевской триады и при этом и ее изображает неправильно. Но он упускает внутреннюю суть, закон отрицания отрицания. У него нет понимания *самоотрицания*, дающего *развитие*, имманентный переход на высшую ступень или в высшую форму, в которой снимается все содержание предшествующих ступеней развития, нет понимания *генетической связи* форм, нет понимания *прогрессивного развития*, развития по спирали, как бы с постоянным возвратом к исходному пункту. Это совершенно естественно, ибо у него нет понимания внутреннего единства противоположностей, противоречия, самодвижения.

Механистическая методология т. Бухарина, его теория равновесия проходит красной нитью в разрешении всех проблем исторического материализма. И в этой области по целому ряду вопросов механисты заимствуют свои взгляды у т. Бухарина.

Прежде всего вопрос о предмете исторического материализма. Мы имеем у т. Бухарина *абстрактную* социологическую постановку проблем исторического материализма. Законы диалектики исторического процесса рассматриваются им абстрактно как законы «общества вообще». Совершенно ясно, что такое исследование этих абстрактных всеобщностей, оторванных от форм их конкретного проявления, является не диалектическим, а абстрактным, формальным способом рассмотрения. Главная опасность у нас здесь в абстрактно-социологическом понимании проблем истмата, и поэтому сюда должны быть направлены главные удары. Но, товарищи, борясь против абстрактности и формализма, было бы неправильно говорить, что исторический материализм является только методом, а не наукой (*с места*—правильно.) В марксизме вообще не может быть такой постановки: метод, а не наука. Метод имеет не только одно „познавательное“ значение, а есть отражение движения самой объективности. Точнее, познавательное значение метод имеет именно потому, что он отражает объективную действительность. Соотношение истмата как метода и как науки по существу аналогично соотношению диалектики как науки и диалектики

как метода. Диалектика может быть *методом* научного познания именно потому, что она является *наукой* о наиболее общих законах всякого движения в области природы, общества и мышления.

Правда и здесь, как и в области исторического материализма, стоит серьезнейшая проблема о соотношении всеобщего и особенного, о соотношении всеобщих законов и законов конкретных форм движения (или в истмате—законов общественно-экономических формаций) и намечаются две опасности. Первая опасность: абстрактное понимание законов диалектики как абстрактных всеобщностей, как абстрактной сущности, лежащей в основе конкретных форм и имеющей значение независимо от этих особенных форм. По существу мы имеем здесь отрыв всеобщего от особенного, в форме и связи которого всеобщее только и может существовать, и превращение всеобщего в абстрактное всеобщее.

Вторая опасность: более или менее последовательное «сведение» закономерностей только к частным отдельно взятым закономерностям частной области явлений и фактическое устранение всеобщих закономерностей, проявляющихся в этих особенных закономерностях. Частные закономерности устраняют здесь всеобщие закономерности и сами поэтому теряют внутреннюю связь. Здесь мы имеем отрыв особенного от всеобщего.

В первом случае диалектика превращается в абстрактную логику, во втором случае не будет обосновано объективное значение диалектики или исторического материализма как метода, не будет обосновано объективное и всеобщее значение категорий диалектики и исторического материализма. В первом случае мы имеем опасность *формализма*, являющуюся теперь очень серьезной опасностью; во втором случае—имеем опасность эмпиризма.

Всеобщее и особенное могут существовать лишь в единстве. Поэтому материалистическая диалектика, отрицая абстрактное, оторванное от особенного, всеобщее, в то же время признает конкретное всеобщее и отвергает замену единства всеобщего и особенного одним особенным. Конкретное всеобщее существует как всеобщий момент ряда особенных форм, разветвляется и конкретизируется в форме и связях особенного. Законы диалектики, являющиеся всеобщими законами всякого движения, и законы истмата, являющиеся всеобщими законами исторического развития, существуют и развивают свое содержание лишь в ряде особых форм движения или особых общественно-экономических формаций.

Поэтому, признавая необходимость исследования законов диалектики и исторического материализма как *всеобщих* законов, мы должны в то же время исследовать эти законы в их развитии, в конкретизации и разветвлении их содержания в ряде особенных форм, исследовать *переходы* в развитии всеобщего закона от одной формы к другой.

Так единство противоположностей является всеобщим законом, и его нужно брать именно как *всеобщий* закон действительности, а не как удобное, имеющее лишь «познавательную ценность» и пр. методологическое положение или как собирательное название для ряда конкретных примеров, конкретных форм единства противоположностей. Но единство противоположностей как всеобщий закон действительности разветвляет свое содержание в ряде особенных форм движения. В каждой из этих форм единство противоположностей само выступает в новой форме. Переход от одной особенной формы движения к другой означает *переход* единства противоположностей из одной формы в другую. При этом с переходом к высшим формам движения развивается и обогащается содержание единства противоположностей: высшие формы единства противоположностей не только сохраняют в себе в снятом виде низшие формы единства противоположностей, но и дают более богатое, более «внутреннее» содержание, подчиняя низшие формы. Поэтому диалектика должна взять единство противоположностей как *всеобщий* закон и должна проследить содержание единства противоположностей в различных формах движения, исследовать *развитие* форм единства противоположностей, *переходы* от одной формы единства про-

типоволоженностей к другой его форме, соответствующие переходу друг в друга формы движения. Таково должно быть исследование всех категорий диалектики. Только такое исследование всеобщих законов (именно как всеобщих законов), вскрывающее *развитие* их содержания в особенных формах и *переходы* в развитии самих законов от одной формы к другой, дает истинное понимание законов диалектики. Гегель, например, в категории меры пытался показать развитие всеобщего закона в его особенных формах, соответствующих различным формам движения, показать переходы к высшим формам меры и сохранение содержания низших форм в высших формах меры.

То, что сказано о законах диалектики, применимо и к пониманию законов исторического материализма. При исследовании развития производительных сил, являющихся всеобщей основой развития исторического процесса во всех общественно-экономических его формах, должно быть рассмотрено *изменение* законов развития производительных сил в различных обществах и т. п.

Поэтому законы диалектики и законы исторического материализма могут быть сформулированы только на основе конкретного исследования их проявления в разных формах движения или в различных общественно-экономических формациях.

Маркс сформулировал основные положения исторического материализма, исходя из конкретного исследования колоссального исторического материала.

Категории исторического материализма отражают наиболее общие законы исторического процесса. Но в то же время нужно иметь в виду, что законы исторического материализма всегда проявляются только в конкретной форме. Знание общих положений истмата не дает конкретного знания той или иной общественно-экономической формации, исторический материализм не является частной наукой о законах какой-либо отдельной общественной формации или какой-либо стороне общественных отношений. Поэтому исторический материализм как наука о наиболее общих законах исторического процесса имеет *методологическое* значение.

Механистическое понимание исторического процесса ведет к абстрактному пониманию категорий исторического материализма, к сведению всех конкретных форм к абстрактным схемам (а у более последовательных механистов—к естественным законам). Из этого вытекает признание у механистов и т. Бухарина за методом лишь познавательной ценности, отсутствие ясного понимания того, что метод отражает объективную действительность. Здесь т. Бухарин и механисты следуют за Богдановым, у которого была органическая связь между абстрактной методологией и идеалистической основой его философии. «Очень часто, слишком часто,—пишет Ленин,—автор попадает в противоречащий диалектическому материализму (т. е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовский по философским основам), в идеализм («логика», «точка зрения» и т. п. *вне* сознания их производности от *материи*, от объективной действительности) и т. п.»

Механисты не удовлетворились использованием богдановщины. Признавая исторический материализм Маркса недостаточным, они предлагали здесь, в своих выступлениях, дополнить Маркса... Тахтаревым, дополнить исторический материализм Маркса генетической социологией Тахтарева. Тахтарев дополняет и возвышает марксизм на новую, более высокую ступень—такое новое слово механистов. Эту новую попытку ревизии и, скажу прямо, дискредитации марксизма механистами нужно решительно отвергнуть и разоблачить.

Нужно признать неправильным сведение исторического материализма к науке о производительных силах, к теории капиталистического общества, к теории научного коммунизма (хотя последний и является необходимым результатом применения метода исторического материализма) и т. п.

В связи с пониманием исторического материализма здесь было затронуто понимание политической экономии. Тов. Малый пытался поставить в заслугу И. И. Степанову историческое понимание политической экономии. Но историзм, т. Малый, можно пони-

мать по-разному. Есть историзм Маркса и есть например «историзм» исторической школы. «Историзм» И. И. Степанова в понимании политической экономии не имеет ничего общего с историзмом Маркса. В то время как Маркс рассматривал законы капитализма как имеющие значение лишь для определенного исторического отрезка, для определенной общественно-экономической формации и поэтому исторически возникающие, развивающиеся и отрицающиеся с возникновением новых форм, И. И. Степанов переносил законы товарно-менового общества на другие общественно-экономические формации, на весь исторический процесс и эту надисторичность называл историческим пониманием. Поэтому в спорах против т. Степанова были правы те товарищи, которые указывали, что законы капитализма нельзя переносить на другие общественно-экономические формации. Но т. Бухарин был неправ, когда он, вслед за Розой Люксембург и др., считал теоретическую экономию наукой об экономике только товарно-менового общества. Такое ограничение области теоретической экономики только рамками товарно-менового общества мотивируется обычно тем, что производственные отношения предшествующих общественных формаций и социализма настолько прозрачны, что не требуют теоретического исследования. Этот аргумент о прозрачности не выдерживает никакой критики. Маркс, Энгельс и Ленин рассматривали политическую экономию в широком смысле этого слова как науку о производственных отношениях всех общественно-экономических формаций, исследующую конкретные законы этих различных форм производственных отношений и исторический переход одних форм производственных отношений и свойственных им закономерностей в другие. Различие исторического материализма от политической экономии заключается в том, что первый исследует общие законы процесса исторического развития, вторая исследует лишь основу исторического процесса — экономику, давая конкретное понимание различных форм производственных отношений.

Несколько слов о производительных силах. Тов. Бухарин в понимании исторического процесса исходит не из внутреннего самодвижения общества, а из взаимодействия системы и среды. Развитие общества зависит от *изменения* соотношения между обществом и природой. Но что является причиной изменения этого соотношения? Такой причиной является, очевидно, или *изменение* природы, или изменение системы — общества. Но изменение общества есть функция изменений равновесия между обществом и природой, следовательно оно не может быть причиной изменения равновесия между обществом и природой. Поэтому, логически рассуждая, нужно было бы прямо сказать, что причиной общественного движения является изменение природы. Тов. Бухарин не всегда делает этот вывод. Он пытается остановиться как на причине общественных изменений на изменении *соотношения* равновесия общества и природы. Но последнее, как мы видим, само должно быть объяснено.

Тов. Бухарин, очевидно желая выйти из этого затруднения, объявляет производительные силы таким средним состоянием, соотношением между обществом и природой, изменение чего изменяет общество. Где закономерность этих изменений? Очевидно в природе. Но т. Бухарин считает, что для такого соотношения уже нет причины, ибо внешняя связь есть последняя инстанция.

Производительные силы лежат у т. Бухарина вне общества. Они лежат между обществом и природой. Отсюда сведение производительных сил к технике, отсюда непонимание диалектики производительных сил и производственных отношений, непонимание конкретных социальных законов развития производительных сил и изменения этих законов в различных общественно-экономических формациях, отсюда идея энергетического баланса и т. п.

Производительные силы не являются абстрактным тождеством. Они есть противоречивое единство рабочей силы и средств производства. Поэтому мы не можем отрицать внутреннюю активность, внутреннюю динамику производительных сил. Но производительные силы могут развиваться только в определенных производственных

отношениях и посредством их. Законы развития производительных сил поэтому изменяются в различных общественно-экономических формациях. Этого нельзя понять, исходя из точки зрения т. Бухарина.

Взгляды т. Бухарина об энергетическом балансе и пр. заимствуют механисты; некоторые из них пытаются *объяснить* общественные явления, исходя из «энергетического баланса», из закона сохранения энергии и пр. Вот что пишут механисты. «Наука еще очень далека от этого, чтобы дать „объяснение всех общественных явлений“ из закона сохранения энергии... Я отнюдь не «склонен применять закон сохранения энергии к объяснению всех общественных явлений... Однако я не напускаю на себя важности, не отлыниваю от ответа и говорю: а вот наука уже теперь может проследить, как закон сохранения энергии объемлет все человеческое хозяйство».

В связи с прениями о производительных силах мне хотелось бы отметить следующее: неправильно было бы считать, что *техника* есть прежде всего некоторая совокупность технических приемов, отношений, некоторая техническая организация и т. п. Я думаю, что в этом вопросе нам нет никакой надобности обращаться к Богданову, что мы должны придерживаться положения Маркса, что техника есть прежде всего совокупность орудий труда.

Всего два слова о производственных отношениях, ибо о них уже много говорили в докладе и прениях. Мы не имеем у т. Бухарина двух существеннейших проблем исторического материализма: правильного понимания материальных общественных отношений и понимания общественно-экономической формации. Тов. Бухарин понимает материальность общественных отношений чрезвычайно вульгарно, сводя их по существу к физическим материальным отношениям. Понятие общественно-экономической формации у него заслоняется понятием «общества вообще». Классы у него также играют незначительную роль при анализе общественного развития. Он исходит в основном от взаимодействия, столкновения отдельных людей.

Одно замечание о соответствии производительных сил и производственных отношений. Товарищи правильно указывали, что нельзя устанавливать в каждый данный период автоматическое соответствие производительных сил и производственных отношений, что на одном и том же уровне производительных сил могут быть различные общественные отношения. Но нужно иметь в виду, что если взять большие исторические масштабы, то определенным общественно-экономическим формациям соответствует определенный уровень или даже определенный тип производительных сил.

Я хотел бы еще указать на одно обстоятельство. Мы имеем серьезную дискуссию в области литературы. Встает ряд других проблем в области искусствознания. Встает проблема соотношения психологии и идеологии и т. д., и т. п. Во всех этих областях теоретические взгляды т. Бухарина могут дать ряд исходных пунктов для развития в этих областях механистических взглядов упрощенства и моментов шулятиковщины. По этому необходимо дать серьезный разбор и критику этих глав «Теории исторического материализма».

Механистичность, эклектизм, абстрактность—таковы основные черты философских и социологических взглядов т. Бухарина и механистов.

Тов. Варьяш пытался критиковать т. Бухарина. Мы показали, что эта выходка т. Варьяша является сплошным лицемерием, ибо мы имеем тождество взглядов механистов и т. Бухарина по всем основным вопросам методологии. Товарищи здесь уже удачно показали совпадение взглядов т. Варьяша со взглядами т. Бухарина и в области политической. Следуя своему методу, т. Бухарин не видит в полной мере внутренних противоречий империализма и классовых противоречий в переходный период у нас, эклектически и абстрактно подходит к пониманию закономерностей реконструктивного периода, к политике партии по отношению к колхозному движению и индивидуальному

крестьянскому хозяйству и т. д. Тов. Варьяш также не видит в полной мере противоречий империализма.

Если мы приглядимся к проблемам, выдвинутым в нашей полуторамесячной дискуссии, то мы увидим, что это в основном те же самые проблемы, вокруг которых шла борьба с механистами. Борясь с механистами, мы по существу боролись с теоретическими взглядами т. Бухарина, ибо все основные свои положения механисты взяли у т. Бухарина. Вместе с тем это была и борьба против ряда философских положений западноевропейского ревизионизма, ибо здесь мы также имеем ряд точек соприкосновения.

Таким образом теоретические взгляды т. Бухарина, ставшие методологическими основами правого уклона, были в основном теоретически разоблачены в дискуссии с механистами. Те политические выводы, которые сделал т. Бухарин, оставаясь на почве механистической методологии, подводят политический итог нашей дискуссии с механистами. Позиции, занятые нами в борьбе с механистами, получили политическую проверку. Теперь больше чем когда бы то ни было мы должны бороться против механистической ревизии диалектического материализма во всех областях.

Разрешите на этом закончить.

В ИНСТИТУТЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ДИСКУССИЯ ОБ «ОРГАНИЗОВАННОМ КАПИТАЛИЗМЕ»¹

Теория «организованного капитализма», развитая т. Бухариным и осужденная X пленумом ИККИ, вызвала за последнее время огромный интерес самых широких партийных кругов. Учитывая этот интерес, Институт мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии организовал серию докладов об «организованном капитализме», привлечших большую аудиторию. Вступительным докладом явился доклад т. Варга.

ПРОБЛЕМЫ «ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА»

ДОКЛАД т. ВАРГА

Тов. Варга прежде всего указал на то, что концепция «организованного капитализма» т. Бухарина является составным элементом теоретической системы *правого уклона* и органически увязана с отклонениями т. Бухарина от *ленинского* понимания империализма. Понятие «организованный капитализм» не является марксистским определением; оно внутренне противоречиво, поскольку в своем завершенном виде теория «организованного капитализма» означает уничтожение основных категорий капиталистического строя: закона стоимости, рыночной стихии, конкуренции, анархии производства и кризисов.

В известном гильфердинговском определении «организованного капитализма» верно лишь указание, что эпоха свободной конкуренции миновала. Утверждение же Гильфердинга, что монополия устранила полностью конкуренцию и что капиталистическое хозяйство в эпоху монополий управляется «социалистическим принципом планового производства», — в корне неправильно.

Докладчик затем переходит к анализу основных видов конкуренции. Сюда относятся: 1) конкуренция между монополиями и немонополистическими предприятиями и 2) конкуренция между монополистическими организациями. К первой группе относится борьба монополий с мелкими товаропроизводителями, ко второму виду конкуренции — борьба монополий с аутсайдерами. Но даже если предположить, что в пределах государственных границ образуется полная, абсолютная монополия, то и тогда конкуренция не исчезнет; во-первых, происходит постоянная борьба внутри картелей за производственные квоты, во-вторых, имеет место конкуренция между различными видами товаров. Так например, топить можно углем, нефтью, дровами, торфом, строить можно из стали, кирпича, цемента и дерева. Кроме того, происходит постоянная борьба за потребителя, в особенности в Соединенных штатах, где монополия дальше всего шагнула вперед. Американские автомобильные фабрики заявляют, что каждый американец должен иметь свой автомобиль, в то время как строительная промышленность старается направить потребление в сторону приобретения новых жилищ. Борьба за потребителя ведется не только путем дорого стоящих реклам, но и путем снижения цен.

¹ Печатаемая здесь в сокращенном изложении дискуссия происходила 5/X, 12/X, 19/X и 26/X. 1929 г.

Дальнейшим видом конкуренции является борьба между различными отраслями промышленности: в Германии имеет место вторжение немецкого химического треста в буроугольную и металлургическую промышленность, что вызывает резкое обострение борьбы между разными группами германской буржуазии. Другой пример из той же области: Акц. о-во маннесмановских трубопрокатных заводов в Германии построило собственный сталелитейный завод для производства высшего качества стали, которую Маннесман до сих пор покупал на крупновских заводах. В ответ на это Крупп строит собственный трубопрокатный завод.

Лишь образование универсального сверхтреста, т. е. слияние в одно целое всех капиталистических предприятий данной страны, могло бы полностью устранить конкуренцию; однако в этом случае общество (хотя и сохранило бы классовый антагонизм и эксплуатацию) уже не было бы капиталистическим, поскольку вместо стихийного товарного обращения здесь имело бы место *плановое* распределение рабочей силы и товаров; такое общество должно было бы привести к обострению классовых противоречий в столь сильной степени, что оно в процессе своего развития погибло бы, как это подчеркивал Ленин в противовес Бухарину.

Несмотря на высокую степень концентрации и монополизирования производства, об устранении конкуренции не может быть и речи.

В данном вопросе несомненно оказался прав Ленин, подчеркнувший, что монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней, порождая этим целый ряд особенно острых и крупных противоречий, трений и конфликтов.

В конкретных условиях капиталистической действительности утверждение, будто «организованный капитализм» устанавливает плановость производства и способен устранить возникновение кризисов, является ложным. Производство стали, которое почти целиком монополизировано сталелитейной промышленностью Соединенных штатов, показывает за последние 10 лет постоянные колебания, как это видно из следующей таблицы.

Производство стали в Соединенных штатах
(в млн. тонн)

1920	42,8	1925	46,1
1921	20,1	1926	49,0
1922	36,2	1927	45,0
1923	45,7	1928	50,0
1924	38,5	1929	55,1

Ни о какой плановости, ни о каком приведении в соответствие производственной способности с фактическими размерами производства не может быть и речи. Другой пример: цены на медь, несмотря на наличие интернационального картеля, охватывающего 90—95% мирового производства, колебались в течение одного только года до 50%.

Но даже если предположить, что монополии способны устранить диспропорцию между отдельными отраслями производства, то и в этом случае не исчезла бы конечная причина кризисов, а именно *несоответствие между ограниченной потребительной и производственной способностью при антагонистических отношениях распределения*. Более того, исполинских размеров монополии, держащие в своем подчинении государственный аппарат, являющиеся для буржуазии средством уменьшения доли рабочих в производственном процессе, увеличения норм эксплуатации и обострения действия «конечной причины всех истинных кризисов» (Маркс).

Следующий раздел своего доклада т. Варга посвятил проблеме *госкапитализма*. При помощи госкапитализма буржуазия пытается преодолеть противоречия между общественным производством и частным присвоением, а также защитить общие интересы буржуазии как класса. Если в течение долгого времени государство пыталось задер-

жать процесс возникновения монополий изданием антикартельных законов, то в настоящее время государственная политика в основном контролируется крупными монополиями. В ряде случаев государство как таковое является соучастником крупных капиталистических предприятий (напр. Германский калийный картель, Англо-персидская нефтяная компания и т. д.).

С понятием «организованного капитализма» также тесно связано понятие *социального государства и хозяйственной демократии*. Выдвинутая реформистами теория «хозяйственной демократии» изображает государство как надклассовую организацию, заботящуюся о всех членах общества. Отсюда социал-демократы делают вывод о необходимости установления делового сотрудничества с буржуазией, завоевания государственного аппарата, а также мирного сотрудничества с предпринимателями (так называемая производственная демократия, участие в прибылях и т. д.). Эта теория тесно смыкается с брандлеровским требованием контроля над производством и преследует исключительную цель помешать рабочим вести революционную борьбу против буржуазии.

По вопросу о характере монополистического капитализма существуют таким образом три точки зрения.

1. Положение *Ленина*, которое гласит, что монополии *не* уничтожают конкуренции, не вносят плановости в хозяйство, *не* устраняют кризисов.

2. Положение *Бухарина*, которое утверждает, что монополии уничтожает конкуренцию *внутри* капиталистических государств, где смягчаются экономические противоречия, одновременно вызывая чрезвычайное обострение *внешних* противоречий и неизбежность новых войн.

3. Положение *реформистов*, которое гласит, что «организованный капитализм» означает уничтожение анархии производства и смягчение экономических противоречий как *внутри* капиталистических стран, так и в области *мирового* хозяйства.

Точка зрения т. Бухарина имеет целый ряд общих элементов с теорией реформистов. Тов. Бухарин исходит из неправильной установки о прекращении конкурентной борьбы между монополистическими предприятиями, реализующими монопольную норму прибыли, и огромной массой мелких неорганизованных капиталистов. Кроме того бухаринская концепция не учитывает противоречий между возможностями производства и сбыта, между общественным производством и частным присвоением, — противоречий, вызывающих усиление антагонизма между рабочим классом и монополистической буржуазией, ведущего и без внешних войн к остро-революционным ситуациям и гибели буржуазии.

Что касается социал-демократической теории сверхимпериализма, то ее неправильность можно доказать на основании одного только закона о неравномерном развитии капитализма. На базе неравномерно развивающегося капитализма нельзя построить длительной надгосударственной организации иначе, как с помощью насилия и путем покорения более слабых государств наиболее сильной в настоящий момент империалистической державой, т. е. в полном противоречии с теорией сверхимпериализма.

«ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ» И БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

ДОКЛАД т. ГОЛЬДШТЕЙНА

Всех буржуазных экономистов, изложивших свои точки зрения на современное положение капитализма, можно разделить на две группы: на пессимистов и оптимистов. Однако правильнее было бы говорить о двух полюсах в современном буржуазном мировоззрении. На одном полюсе можно поставить видного немецкого буржуазного экономиста *Бернгардта Гармса*, который полагает, что мы находимся в *начале* развития

капитализма; на другом полюсе следует поставить *Вернера Зомбарта*, который считает, что капитализм уже заканчивает свое развитие.

В своем докладе на Венском конгрессе Союза социальной политики проф. Гармс подчеркнул происшедшие структурные изменения в мировом хозяйстве, нашедшие свое выражение в замене одного вида сырья другим, в перемещении географических производственных центров, и пришел к выводу, что о кризисе мирового хозяйства говорить нельзя. В общем, соглашаясь с этим выводом, два социал-демократа, Эмиль Ледерер и Рудольф Гильфердинг, подчеркнули в дискуссии по докладу Гармса, что капитализм перешел в новую стадию,—в стадию *связанного* хозяйства, закончившего эру свободной конкуренции.

Обсуждение вопроса о судьбах капитализма возобновилось два года спустя в связи с нашумевшим докладом *Шмаленбаха*, указавшего на рост основных издержек за счет переменных, который ведет к образованию связанного и *скованного* хозяйства. Буржуазная печать выступила с резкой критикой Шмаленбаха, дерзнувшего заявить, что развитие капитализма показывает правильность марковского прогноза. Впрочем самый закон о постоянном повышении органического состава капитала, правда в скрытом и замаскированном виде, подтверждается всеми буржуазными экономистами.

Еще больший интерес представляет выступление *Зомбарта* с докладом на Цюрихском конгрессе того же Союза о «метаморфозах капитализма». Если Гармс является певцом *восходящего* капитализма, то выступление Зомбарта является лебединой песней *умирающего* капитализма. По мнению Зомбарта дальнейшее развитие капитализма невозможно по той причине, что нас в дальнейшем ожидает эра цветного капитализма, причем старый европейский капитализм не в состоянии будет экспортировать капитал. Развитие капитализма невозможно еще потому, что мирохозяйственные связи не усиливаются, а ослабевают; кроме того, по Зомбарту, мы имеем не один господствующий способ производства, а, как он выражается, «социальный плюрализм». Но самое главное доказательство заката капитализма Зомбарт видит в том, что изживается дух предпринимательства, дух спекуляции и калькуляции, свойственный высокоразвитому капитализму. Выступление Зомбарта вызвало ряд возражений со стороны буржуазных экономистов. Заслуживает упоминания выступление Эккерта, утверждающего, что развитие техники, вопреки утверждениям Зомбарта, не остановилось и что капитализм имеет возможность дальнейшего развития. Шульце-Гевеверниц полагает, что существуют три пути развития: или мы идем по пути загнивания и умирания капитализма, о чем говорил Зомбарт, или мы идем по *пути* мировой революции, или же религия и мораль спасут человечество.

Адольф Вебер написал специальную книгу «Конец капитализма», в которой делаются следующие утверждения: 1) прогноз Маркса не может оправдаться, так как в сельском хозяйстве господствует мелкое и среднее производство, ремесла также не исчезли, а концентрация осуществляется единственно в эмиссионных банках; 2) большевистский эксперимент не удался, и если большевики еще сохранили власть, то только за счет остатков капиталистического строя, конфискованной церковной утвари и иностранных кредитов. Большой интерес представляет утверждение Вебера, что в современную эпоху конкуренция вовсе не исчезла, наоборот, она сохраняется в полной мере, что меняется лишь форма монополии и что о плановости не может быть и речи.

Тов. Бухарин в подтверждение своего ленинского тезиса о замирании конкуренции внутри капиталистической страны ссылается на германских буржуазных экономистов: фон Бекерата, Ленина, Эккерта, Бенге, Адольфа Вебера. Цитируя Адольфа Вебера, Бухарин приписывает последнему утверждение: «Картели—это организации, которые превращают разрушительную, поэтому нецелесообразную, конкуренцию в конкуренцию регулируемую». Однако т. Бухарин впал в большую неприятность, цитируя Вебера, как и Эккерта, не по оригиналам, а по статье Браунталя, напечатанной в социал-

демократическом журнале «Die Gesellschaft». В оригинале же после цитированной фразы Вебера следует следующее замечание: «это не отрицание, а подтверждение конкурентного хозяйства». То же самое происходит с т. Бухариным, когда он приводит высказывания фон Бекерата, цитируя его по статье Вольферса. Бухарин приводит слова Бекерата о том, что «происходит замена свободной конкуренции, борьбы индивидуумов—борьбой и обменом у больших групп», но если читать фон Бекерата в подлиннике, то на странице, которая следует за вышецитированной, автор говорит следующее: «наоборот, здесь существует тенденция... переложить последствия конъюнктурных колебаний на другие, менее организованные хозяйственные группы».

В противовес неправильным цитатам, на которые пытался опираться Бухарин в своей теории «организованного капитализма», докладчик приводит ряд утверждений буржуазных экономистов Грюнцеля, Лифмана, Дилия, Бенте, подчеркивающих наличие конкуренции в эпоху монополий. Недавно появилась специальная работа Георга Хальма по вопросу о конкуренции. Автор находит, что и при монополистических тенденциях в капиталистическом хозяйстве продолжает существовать целая гамма видов конкуренции, а именно: 1) конкуренция из-за спроса (борьба за потребителя); 2) конкуренция субститутов с монополизированными товарами; 3) конкуренция монополистических объединений с аутсайдерами; 4) конкуренция со стороны высвобожденного основного капитала при ограничении производства (проблема загрузки предприятий); 5) конкуренция между лучше оборудованными и хуже оборудованными предприятиями; 6) латентная конкуренция внутри монополий; 7) в некоторых случаях издержки конкуренции ниже и поэтому предпочтительнее издержек, необходимых для приобретения предприятий при создании монопольных организаций. Хальм упустил из виду еще три важных вида конкуренции, а именно: 8) конкурентную борьбу между монополиями; 9) конкуренцию между вертикальными концернами или комбинатами и 10) конкуренцию между разными отраслями хозяйства (между промышленностью и торговлей, между промышленностью и сельским хозяйством и т. д.). Все эти виды реально существующей внутри капиталистических стран конкуренции забыты т. Бухариным в его концепции «организованного капитализма».

В заключение докладчик останавливается на теории «организованной бесхозяйственности» Германа Бенте, занимающей особое место в известных статьях Бухарина. Чрезвычайно характерно, что Бухарин характеризует Бенте как автора книги о *теории организованного капитализма*, в то время как сам Бенте в упомянутом предисловии к своей книге заявляет, что характернейшей чертой эпохи организованного капитализма является *бесхозяйственность*, причем слова «организованный капитализм» Бенте ставит в кавычки. Тов. Бухарин распространяет теории Бенте на *всю современную фазу капитализма*, в то время как Бенте говорит о государственном аппарате капиталистических стран. Бенте связывает свою работу с предстоящей реформой управления германского государства, Бухарин же использует теорию Бенте, чтобы доказать наличие организующих начал в современном монополистическом капитализме. Основная установка Бенте—что бесхозяйственность даже в организованной форме приводит к загниванию, к окаменению монополистического капитализма; товарищ же Бухарин из всей концепции Бенте берет лишь одно понятие—*организованность*. Этим самым он выхолащивает самое ценное, что имеется в работе Бенте—*признание усиливающегося загнивания капитализма*. Книга Бенте безусловно представляет интерес, ибо она вскрывает бесхозяйственность капиталистической системы. В некоторых вопросах Бухарин идет даже гораздо дальше Бенте. Тов. Бухарин считает, что Бенте ставит чисто организационные вопросы, в то время как нет никаких сомнений, что Бенте является ярким выразителем буржуазных интересов в эпоху заката капитализма. У нас спор идет с Бухариным не из-за Бенте, а по вопросу об отношении к проблеме «организованного капитализма» и госкапитализма. Нельзя сваливать эти проблемы в одну кучу, как это делает Бухарин. Несмотря

на то, что капиталисты стремятся сами управлять своим хозяйством, без всякого постоянного вмешательства, они, в момент обострения классовой борьбы и войны, могут пойти на известное усиление вмешательства государства. В настоящее же время положение вещей изменилось. Не случайно на съезде германских промышленников была принята резкая резолюция против вмешательства государства в экономическую жизнь страны.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: 1) по вопросам о современном состоянии капитализма и о путях его развития существуют разные оценки среди буржуазных экономистов; 2) во всех своих оценках буржуазные экономисты не в состоянии установить причин упадка капитализма; 3) будучи вынуждены признать правильность марксова закона концентрации и централизации капитала, никто из буржуазных экономистов не решается признать правильность закона крушения капитализма; 4) буржуазные ученые говорят не о замирании или уничтожении конкуренции, а об изменении ее форм; 5) оценка буржуазных теорий о судьбах капитализма сделана т. Бухариным так же неправильно, как и его прогноз дальнейшего развития капитализма. Ни сознание, ни бытие, которые Бухарин приписывает буржуазному миру в своих выступлениях об организованном капитализме, не соответствуют действительности.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «ОРГАНИЗОВАННОГО КАПИТАЛИЗМА» И КОНЦЕПЦИЯ Т. БУХАРИНА

ДОКЛАД Т. ИОЭЛЬСОНА

Современная теория «организованного капитализма» уходит своими корнями в далекое прошлое. Уже в 80-х гг. прошлого столетия буржуазный ученый *Клейнхекстер* говорил о возможности «общенациональных трестов», уничтожающих кризисы, конкуренцию и анархию производства. Это учение было подхвачено *Эд. Бернштейном*, утверждавшим, что дальнейшая концентрация капитала может привести к уничтожению кризисов в капиталистическом обществе.

Однако в развернутом виде социал-демократическая теория «организованного капитализма» предстала лишь в период стабилизации послевоенного капитализма. Главным теоретиком этой концепции является *Р. Гильфердинг*, выступавший в последние годы с рядом заявлений о том, что капитализм находится в периоде нового подъема. Для того, чтобы обосновать возможность дальнейшего развития производительных сил капитализма, социал-демократам и необходимо было выдвинуть теорию о том, что послевоенный капитализм принципиально отличен от довоенного, что это — капитализм новой, «организованной» формации. Кроме того, «организованный капитализм», по мысли Гильфердинга, является «принципиальной заменой капиталистического принципа принципом планомерного производства».

Единственным отличием капитализма от социализма, по формулировке Гильфердинга, является то, что «теперешнее хозяйство — хотя и организованное хозяйство, но организованное в antagonisticческой форме». По мнению социал-демократов, чем больше будут развиваться производительные силы капитализма, тем легче будет мирно перевести это организованное antagonisticческое капиталистическое хозяйство в хозяйство социалистическое. Отсюда делается вывод о «хозяйственной демократии», которая должна послужить средством перерастания капитализма в социализм. Третьим элементом теории «организованного капитализма» является ультраимпериализм; организованное хозяйство перерастает границы отдельных государств (в виде международных переплетений финансового капитала), и создается возможность длительного мирного раздела мира.

Уже при первых выступлениях т. Бухарина, в начале империалистической войны, наметились его расхождения с т. Лениным по вопросу о сущности монополистического

капитализма. Смену свободной конкуренции монополиями Бухарин понимал не диалектически, а механически; он говорил о «чистом империализме».

Уже в статье «К теории империалистического государства», относящейся к 1915—1916 гг., т. Бухарин писал, что внутри капиталистических стран конкуренция замирает и что конкурентная борьба переводится на мировой рынок. Те же мысли были развиты т. Бухариным в 1917 г. в ряде статей, помещенных в московском журнале «Спартак».

Концепция т. Бухарина встретила резкий отпор со стороны Владимира Ильича во время обсуждения проекта партийной программы. В свете этой ошибочной и неленинской концепции приобрели особый смысл известные статьи т. Бухарина в «Правде». В основном они сводятся к утверждению об уничтожении конкуренции и анархии производства внутри отдельных стран и к механическому перенесению борьбы между капиталистами только на внешние рынки. По данному вопросу т. Ленин дал совершенно новые изложения: империализм обостряет противоречия капитализма как внутри капиталистических стран, так и между ними, империализм не в состоянии устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов ни в мировом хозяйстве, ни в хозяйстве отдельных стран.

На анализе конкретной действительности легко доказывается правильность ленинского анализа империализма: конкуренция и анархия производства существуют, несмотря на рост монополий. Современный, третий период послевоенного капитализма и характеризуется резким обострением борьбы за рынки сбыта, причем не только внешние, но и внутренние.

Подчеркивая наличие конкуренции в эпоху монополий, не следует затушевывать различия между эпохой монополистического капитализма и эпохой свободной конкуренции. Господствующим фактором в последнюю эпоху является несомненно монополия. Но *наряду* с ней сохраняются все характерные черты домонополистического капитализма—конкуренция, анархия производства, кризисы и т. д. Чем на более высокую ступень поднимается капитализм, тем более обостряются свойственные ему противоречия, которые приводят не к мирному вращению в социализм, а к взрыву капиталистической системы.

В своих известных статьях в «Правде» т. Бухарин допустил еще одну оппортунистическую ошибку, утверждая, что «на базе эксплуатации колоний создается известная относительная общность интересов между буржуазией и пролетариатом, которая означает величайший *тормоз* революции» («Правда», 26/V 1929). Здесь смазывается ленинская постановка вопроса о том, что только незначительная верхушка рабочего класса, а не весь пролетариат в целом подкупается буржуазией за счет колониальных прибылей. Из этого ошибочного утверждения т. Бухарин делает чрезвычайно опасный вывод о том, что ближайшая социальная революция отодвигается до новой войны. Не говоря уже о том, что, по Ленину, социалистическая революция может разгореться из любого политического кризиса (не только военного), вышеприведенное утверждение т. Бухарина обрекает рабочий класс на фатализм, на пассивность.

Что касается социал-демократической и подхваченной брандлеровцами теории «хозяйственной демократии», то Ленин неоднократно подчеркивал, что участие рабочих в контроле над промышленными предприятиями в условиях капиталистического строя «есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного подкупа в политическом смысле».

Если социал-демократическая теория организованного капитализма связана с прямой апологией послевоенного капитализма и с теорией вращающегося капитализма в социализм, то из концепции т. Бухарина вытекает пессимистическая оценка перспектив революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах и вывод о зависимости успешной социальной революции от военных столкновений. Кроме того, концепция т. Бухарина чрезвычайно затрудняет критику лживой социал-демократической теории, ультраимпериализма.

Концепция т. Бухарина об «организованном капитализме» — антимарксистская и антиленинская концепция; ослабляющая революционную волю и энергию пролетариата. Поэтому она должна быть разоблачена до конца.

«ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ» И УЛЬТРАИМПЕРИАЛИЗМ

ДОКЛАД Т. ГЕРЦБАХА

Теория ультраимпериализма является конститутивным элементом социал-демократической теории «организованного капитализма» и сводится к утверждению о возможности создания единого универсального сверхтреста или единого всеобщего картеля, обнимающего капиталистическое производство всего мира в целом. На базе этого единого сверхтреста, уничтожающего конкуренцию и анархию в производстве, возможен длительный мирный дележ мира международными империалистами.

Еще до войны эта теория была развита английским пацифистом Normann Angel в его нашумевшей книге «The Great Delusion», в которой доказывалось, что международное переплетение финансистов создает возможность мирного сосуществования различных капиталистических государств и уничтожение военной опасности. До Нормана Энджела те же мысли развивали английские попы после англо-бурской войны, как об этом пишет Гобсон в его известной книге об империализме.

Однако развернутую теорию ультраимпериализма дал впервые Карл Каутский в начале мировой войны. Вот основные положения каутскианской теории ультраимпериализма, которые т. Ленин считал самой пошлой и наиболее искусно подделанной под научность и под международность теорией социал-фашизма: 1) необходимость вооружения и соперничества между империалистами вовсе не заложена в самой системе империализма, 2) нет никаких препятствий к возникновению ультраимпериалистической эпохи, которая на место борьбы финансовых капиталов разных стран между собой поставит совместную эксплуатацию мира международно-объединенным финансовым капиталом.

В своих статьях, которые были напечатаны в теоретическом органе германской социал-демократии, Каутский все же не решался говорить о неизбежности наступления ультраимпериалистической эпохи. Иначе обстоит дело теперь, в эпоху, когда, по мнению социал-демократов, капитализм вышел из послевоенного кризиса. Рядом цитат из произведений последнего времени того же Каутского и многих других теоретиков и практиков II Интернационала (Деккер, Гильфердинг, Нафтали, Уфермаь), а также официальных документов социал-демократии последних лет и месяцев, докладчик доказывает, что теперешние социал-демократы не только считают реальным возникновение эпохи ультраимпериализма, но подчеркивают, что эта эпоха уже наступила. Отсюда эсдеки делают сугубо вредные для пролетариата выводы о смягчении империалистических противоречий и военной опасности и о возможности устранить международную конкуренцию при помощи длительных соглашений монополистов (международных картелей и трестов), а также при помощи Лиги наций.

Как и теория «организованного капитализма», ультраимпериалистическая теория покоится на отрицании закона неравномерности развития капитализма и на ложной предпосылке о возможности устранения конкуренции в условиях капитализма. В области мирового хозяйства имеет место не меньшее, а еще большее разнообразие различных видов конкурентной борьбы между капиталистами. Эта борьба ведется в первую очередь между крупнейшими международными монополиями (напр. Стандарт-Ойл и Ройаль-Детч — в области нефти; германский химический трест, английский химический трест — в области химии и т. д.), а также между международными монополиями и аутсайдерами. Но и внутри международных картелей имеет место чрезвычайно резкая, хотя и скрытая

борьба за квоты, за доли участия в общем производстве и сбыте; особенно яркое отражение эта внутрикартельная борьба получила в европейском стальном картеле, главнейшие участники которого вынуждены были после трехлетнего его существования открыто признаться в том, что картель не добился цели, не сумел урегулировать производство, не сумел смягчить конкуренцию и стабилизировать цены. Острая конкурентная борьба ведется между *субститутами*, монополизированными в международном масштабе, т. е. между товарами, могущими заменить друг друга. Это имеет место прежде всего в области борьбы искусственного шелка с шелком натуральным и текстилем, в борьбе синтетической нефти, вырабатываемой в лабораториях и на заводах германского химического треста, с нефтью естественной (на этой почве имеется чрезвычайно симптоматичный с точки зрения загнивания капитализма договор между немецким химическим трестом и Стандарт-Ойл относительно совместного использования—вернее *(неиспользования)*—на американском рынке изобретений немецкого химического треста—J. O.). Аналогичная борьба субститутов имеет место в области азотной промышленности (борьба синтетического азота с монополией естественной чилийской селитры).

Из обзора международных монополий можно сделать вывод, что международные монополии ни в коем случае *не устранили конкурентной борьбы и не являются длительными соглашениями, могущими устранить международные противоречия империализма*. Наоборот, нынешнее положение в области международной конкуренции подтверждает правильность ленинской оценки международных монополий лишь как соглашений временного характера.

Что касается пацифистского утверждения эсдеков о возможности устранения военной опасности благодаря монополиям, то его неправильность доказывается уже тем одним фактом, что до мировой войны существовало свыше ста международных монополий в самых разнообразных отраслях промышленности; международно-переплетенный капитал не только не предотвратил военной опасности, но, наоборот, был до войны 1914—18 гг. всемерно заинтересован в росте вооружений и в военных конфликтах. Ряд фактов последнего времени доказывает, что и в настоящее время международные монополии не только не смягчают опасности империалистической войны, но, как европейский стальной картель, международный медный синдикат, алюминиевый синдикат и ряд других международных монополий, непосредственно *заинтересованы* в росте империализма. Не случайно также, что Арнольд Рехберг связывает свои ярко антисоветские комбинации с существующими франко-германскими монополистическими объединениями в области тяжелой и химической промышленности.

Докладчик подробно останавливается на отношении Ленина к абстрактной теоретической возможности возникновения европейского всеобщего картеля и, путем разбора материалов, опубликованных в последнем издании «Империализма», приходит к выводу, что Владимир Ильич отрицал не только практическую возможность наступления эпохи ультраимпериализма, но и теоретически не допускал в условиях капитализма создания единого сверхтреста.

Сопоставляя бухаринскую теорию «организованного капитализма» с каутскианской теорией ультраимпериализма, можно заметить, что с внешней стороны эти теории имеют резкие отличия: в то время как единые госкапиталистические тресты локализуются у т. Бухарина в рамках национального хозяйства, теория ультраимпериализма допускает возникновение мирового сверхтреста; далее, вместо мирного раздела мира ультраимпериализмом, Бухарин говорит о «чудовищной стихии междугосударственной борьбы». Однако это отличие лишь *видимое*, ибо по существу *логическим завершением бухаринской концепции о возможности устранения конкуренции и анархии производства внутри отдельной страны должно быть уничтожение конкуренции и анархии производства и в мировом масштабе, т. е. возникновение универсального всеобщего картеля*. Если закон неравномерного развития, делающий в ленинском учении империа-

лизма невозможным такое междугосударственное соглашение империалистов, преодолевается в концепции т. Бухарина для отдельных капиталистических стран, то нет никакого основания полагать, исходя из той же неверной концепции, что закон неравномерного развития капитализма не может быть преодолен в международном масштабе.

В относящейся к 1917 г. статье «Крушение капитализма» (помещенной в журн. «Спартак» № 110) сам т. Бухарин почувствовал эту неувязку между прекращением конкурентной борьбы капиталистов внутри отдельных стран и тезисом об ее обострении на внешних рынках; в этой статье он говорит: «Как это ни странно, но организация внутри стран влечет за собой обострение анархической конкуренции между странами». Концепция т. Бухарина не только странная, но и внутренне противоречивая и в корне не соответствует современной капиталистической действительности. Бухаринская теория «организованного капитализма» абстрагируется не только от современной действительности, полной борьбы и противоречий между капиталистами как внутри отдельных стран, так и на мировых рынках,—она абстрагируется от капиталистической системы в целом, ибо в своем завершении она отрицает наемный труд, рабочую силу, цену, закон стоимости, словом все категории, внутренне присущие капиталистическому товарному хозяйству. В своем очерке «Теория империалистического государства», написанном в 1915/16 г. (помещенном в сборнике «Революция права» № 1, 1925 г.), т. Бухарин чувствует эти слабые места своей теории «организованного капитализма» и указывает, что категории—цена, рабочая сила, закон стоимости—сохраняют свою силу, но определяются *мировым* хозяйством. Но эта теория «организованного капитализма» волюн или неволюн ведет именно к международным соглашениям, к единому всеобщему картелю. В «Экономике переходного периода» сам т. Бухарин признает, что в своем завершении процесс монополизации и организации капитализма приводит к созданию междугосударственных соглашений в виде Лиги наций, к организованному мировому хозяйству. Тем самым неправильная теория т. Бухарина об «организованном капитализме» в одной капиталистической стране прямым путем ведет к каутскианской теории ультраимпериализма.

«ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАПИТАЛИЗМ» В СВЕТЕ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ДОКЛАД Т. ЛОУФБОХЕНА

Даже беглое знакомство с американской прессой за последние годы обнаруживает тот факт, что торгово-промышленный мир жалуется на чрезвычайное обострение конкуренции. Последняя протекает не только в старых, но и в разнообразных новых формах. Сюда относится прежде всего *борьба субститутов*: электричества и льда в холодильном деле, леса с цементом, кирпича с камнем в строительной индустрии, химии с нефтью и т. д. Но борьба ведется также между отраслями промышленности, весьма отдаленными друг от друга по характеру удовлетворяемых ими потребностей; примером этого вида конкуренции является борьба автомобильной индустрии с обувными фабрикантами, ведущими агитацию за гигиеническую необходимость пешеходного движения и туризма.

Важным фактором, влияющим на обострение конкуренции, является классовая борьба, вопросы заработной платы, рационализация производства и связанное с последней перемещение промышленных стандартов. Одной из форм «новой» конкуренции является *конкурентная борьба одной области страны с другой* (промышленный север и индустриализирующийся юг). Нельзя также упускать из виду борьбу между фермерами и трестовским капиталом.

Внутренний смысл «новой» конкуренции заключается в противоречии между производственной способностью и емкостью рынка. Это противоречие создает острую

борьбу за «доллар потребителя» или, употребляя другое американское выражение, «продажу под высоким давлением». Отсюда громадные издержки на рекламу и на сбытовой аппарат, отсюда же целая борьба внутри торгово-распределительного аппарата. В Соединенных штатах имеет место острая борьба между розничной и оптовой торговлей, а с другой стороны,—борьба между промышленностью и оптовиками. Разбухание торгового аппарата является ярким образцом загнивания монополистического капитализма.

«Новая конкуренция» ни в какой степени не вытеснила старых форм конкуренции, прежде всего конкуренции между однородными предприятиями. Наоборот, именно в последнее время в Соединенных штатах усилилась так называемая «борьба гигантов». Эта война ведется с особой силой между железнодорожными компаниями, за спиной которых орудут мощные банковские группы Моргана, Беккера, Кун, Леб и К-о. В области транспорта намечается также «новая конкуренция» — конкуренция автобусов и грузовиков с железнодорожными компаниями и нарождающаяся конкуренция авиации. Острая борьба ведется также между железнодорожными компаниями и собственниками угольных шахт по вопросу о тарифах. В области *сталелитейной промышленности*, отличающейся высокой степенью концентрации (один стальной трест концентрирует 40% всего американского производства стали), тоже происходит конкурентная борьба, падение цен и, соответственно,—прибылей. Как указывает «Iron Age», падение прибылей в сталелитейной промышленности обусловлено в значительной степени организованным наступлением потребителей, в первую очередь, в автомобильной промышленности. Но и в самой автомобильной промышленности США ведется острая конкурентная борьба главным образом между Фордом и «General Motors». Ареной глубоких противоречий между монополистами является также нефтяная промышленность Соединенных штатов и ряд других отраслей американской индустрии.

В свете этих фактов становится понятной ошибочность бухаринского тезиса об отрицании конкуренции в капиталистических странах. Против концепции т. Бухарина говорит прежде всего тот факт, что вертикальные тресты, составные части которых дополняют друг друга и являются одна потребителем другой, на самом деле представляют далеко не стройное симметрическое здание, а обнаруживают несоразмерность своих составных частей. Эта несоразмерность является выражением того факта, что создание этих комбинатов шло главным образом путем слияния различных, существовавших до того предприятий, которые очень часто превосходят нужды комбината в целом. Это имеет место в текстильной промышленности, где красильные и аппретурные отделы треста превосходят его прядильную мощность. В медной промышленности аналогичная диспропорция существует между добычей руды и плавильными заводами, в сталелитейной промышленности наблюдается диспропорция между прокатными и сталелитейными заводами, в нефтяной — между добычей сырой нефти и нефтеперегонными заводами и т. д. Эта диспропорция между отдельными элементами производственного процесса внутри монополистических предприятий является заметным препятствием на пути к «плановости» производства. К факторам, срывающим минимую «плановость» трестифицированных предприятий, относится также неодинаковая конъюнктура различных отраслей производства и вытекающая отсюда необходимость постоянной ломки раз намеченных производственных программ. Это не просчеты, как думает т. Бухарин, а внутренняя противоречивость капиталистического общества, вытекающая из закона неравномерного развития капитализма.

Бухаринская концепция «организованного капитализма» не находит применения даже в отношении к денежному рынку США, где, казалось бы, достигнута максимальная степень концентрации. Конечно возможны соглашения между крупнейшими финансово-капиталистическими кликами, однако эти соглашения ни в коем случае не исключают конкурентной борьбы! Между прочим, одной из форм конкуренции между крупными банками является значительная текучесть портфелей ценных бумаг подконтроль-

ных компаний, степень которой зависит от дивидендных перспектив того или иного предприятия.

Бухаринское разделение рынков на внешний и внутренний—механистично. В действительности резкая конкурентная борьба на мировом рынке вызывает обострение конкуренции на внутреннем рынке, как это имело место на нефтяном рынке США. Помимо того обострение на внутреннем рынке Соединенных штатов обусловлено также экспортом капиталов в Европу, совершаемым американскими компаниями (автомобильными заводами, американским банком Диллона, финансирующим европейский Стальной картель и химический трест Франции).

Недиалектическое противопоставление внешнего рынка внутреннему может привести к неверной идее о превалировании в классовой борьбе пролетариата внешней политики над внутренней и отрицанию внутренних, экономических и национально-политических противоречий, обуславливающих крушение капитализма.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ

Тов. Хмельницкая. Составным элементом бухаринской концепции является подчеркивание госкапиталистических тенденций. Анализируя последние, т. Бухарин намечает два исторических этапа в развитии современного капитализма: первый «тур» развития госкапиталистических тенденций относится к эпохе империалистической войны, второй «тур» развивается теперь. Если критически подойти к опыту «первого тура» госкапитализма, то окажется, что это опыт дает чисто внешний повод для построения теории госкапитализма, уничтожающего якобы анархию производства и конкуренцию. Империалистическая война, порожденная противоречиями капитализма, предъявила капиталистическому хозяйству запросы такого масштаба, что потребности войны неминуемо должны были вступить в противоречие с анархической стихийной природой капитализма. Анархия производства, породившая войну, оказалась бессильной перед задачей удовлетворения ее запросов. Отсюда переход к госкапитализму. Однако система военного хозяйства ни в коем случае не «сняла» противоречий, имманентных капиталистической системе. В Германии военную систему госкапитализма раздирали не только неслыханное обострение противоречий между буржуазией и рабочим классом, но также противоречия между промышленностью и сельским хозяйством. Яркой иллюстрацией этому может служить наличие подпольного рынка. Даже в самой промышленности противоречия не уничтожались ни на одну минуту.

Таким образом лишь при поверхностном и некритическом отношении к опыту «первого тура» госкапитализма могло возникнуть представление об отмирании рынка, проблемы цен и кризисов внутри капиталистического народного хозяйства. Тем более для нас интересно выяснить, как мог возникнуть вопрос об «организованном капитализме» в настоящее время. Необходимо добраться до глубоких методологических корней, из которых могла вырасти эта политически вредная и капитулирующая перед реформизмом теория. Основная причина ошибочности бухаринской концепции кроется в механистичности мышления т. Бухарина. Антидиалектический характер бухаринской оценки новейшего этапа развития капитализма обнаружился еще в спорах о «чистом империализме», развернувшихся в 1916—18 гг. Разногласия с «левыми» коммунистами в национальном вопросе, в вопросе о демократических революциях, о программе-минимум представляют лишь логическое продолжение споров о теории «чистого» империализма. В постановке т. Бухарина империализм противопоставляется старому капитализму по всем правилам формальной, а не диалектической логики—«или—или, а что сверх того, то от лукавого». Либо капитализм свободной конкуренции превратился в монополистический, и тогда между ними ничего общего нет, либо, по закону формальной логики, приходится отрицать факт монополистического перерождения капитализма. В противо-

положность бухаринскому механистическому толкованию, мы находим у Ленина диалектическое толкование вопроса о монополии и конкуренции. Ленина интересует не безжизненная *формула*, а *действительное движение*.

[Тот же механистический метод дает свои плоды и в следующем звене теории «организованного капитализма» — в вопросе о *соотношении общественного и технического разделения труда*. В механистической концепции т. Бухарина рост технического распределения труда сопоставляется с сокращением и вытеснением общественного разделения труда. В результате глубочайшее противоречие капиталистического народного хозяйства оказывается приглаженным и причесанным. Бухарин забывает, что нарастание организованности на одном полюсе сопровождается нарастанием анархии на другом полюсе, если взять капиталистическое хозяйство в целом. Так же механистично противопоставление Бухариным внешних и внутренних рынков. Из бухаринской концепции вовсе не вытекает неизбежное обострение внешних противоречий, наоборот, у Бухарина организованность переползает из отдельных капиталистических стран на мировой рынок, и здесь вся теория организованного капитализма получает наиболее законченный и наиболее последовательный, но и наиболее чуждый марксизму вид.

Отсюда актуальная политическая задача дня — решительная борьба против механизма во всех его разновидностях.

Тов. Эвентов. Основные ошибки бухаринской концепции кроются 1) в отрицании анархичности производства в условиях монополистического капитализма, 2) в отрицании конкуренции и 3) в констатировании плановости монополистического хозяйства. Из этих основных ошибок вытекает неправильная и опасная теория т. Бухарина, теория крушения капитализма как результат исключительно военных столкновений. Теория т. Бухарина льет воду на мельницу каутскианской теории об ультраимпериализме, и из нее логически нельзя вывести возможности строительства социализма в отдельной стране. Связь между конкуренцией и монополиями т. Бухарин воспринимает не диалектически, а механистически, он не видит, что конкуренция приводит к монополиям, а монополии конкурируют между собой. Он, далее, игнорирует тот факт, что сам процесс монополизации развивается крайне неравномерно как в отдельных странах, так и в отдельных отраслях. То обстоятельство, что монополии быстрее развиваются в областях, производящих основной капитал, и охватывают крупные предприятия, еще более усиливает хаотичность развития, так как такие отрасли и предприятия крайне чувствительны к циклическим колебаниям. Далее, т. Бухарин огульно утверждает, что монополии заменяют рыночную связь организованной связью, общественное разделение труда — техническим разделением труда. В связи с этим интересно было бы услышать, как представляет себе т. Бухарин положение сельского хозяйства и других крупных областей общественного труда в «организованном капитализме». Неужели магические силы монополии уничтожают рыночную связь между сельским хозяйством и промышленностью между ними обоими и транспортом, между крупным и мелким производством? А как же в таком случае закон неравномерного развития капитализма? Монополия вносит организующее начало лишь внутри своих объединений, но и здесь организующий момент терпит ограничение, так как калькуляция здесь ведется на основе рыночных показателей и с учетом рыночной конъюнктуры. Конфликты картелей из-за квот и сфер влияния, создание компенсационных фондов, борьба с аутсайдерами, междоусобная борьба картелей вовне — все это совсем не похоже на идиллическую картину «организованного капитализма», нарисованную т. Бухариным. Ленин терпеливо и многократно объяснял т. Бухарину его ошибки в вопросах анализа сущности монополистического капитализма. Он уличал его в абстрагировании от конкретной действительности, в непонимании диалектической действительности, в забвении факта сосуществования конкуренции и монополий.

Нзвешшие исследования современного капитализма подтверждают точку зрения Ленина, а не т. Бухарина. Хальм, автор книги «Konkurrenz», отмечает, что хотя конкурен-

ция стала менее заметной, однако она не перестала быть менее действенной. Ряд примеров показывает, что буржуазные специалисты лучше понимают роль монополии, чем т. Бухарин. Творимая легенда «организованного капитализма» разлетается в прах, если вспомнить судьбу различных проектов стабилизации конъюнктуры в капиталистических странах. Единственная сфера буржуазной экономики, которая легче всего поддается воздействию, это—денежно-кредитная. Но и здесь дезорганизация достигла таких размеров, что Пейш, маститый советник британского министерства финансов, вынужден говорить о наступившем финансовом кризисе и о смятении, к которому идут капиталистические страны, отгородившиеся друг от друга высокими таможенными барьерами. Гуверовский отчет о «последних изменениях американского хозяйства» беспощадно разоблачает позбасенку об «организованном капитализме». Отмечая громадный размах концентрационного процесса, авторы отчета отмечают, что если раньше побудительным мотивом образования концернов было использование рынка, то в настоящее время важнейшим мотивом концентрации является нужда в добавочном капитале и в облегчении сбыта. Действительно, проблема сбыта в век монополии крайне обостряется не только на внешних, но и на внутренних рынках.

Тов. Б о р и л и н. Основным пороком системы взглядов т. Бухарина является их *недиалектичность и эклектизм*. Тов. Бухарин берет вопросы империализма недостаточно конкретно. Он замazuje конкретные черты империализма, его противоречивый характер. Ленинские замечания к бухаринской «Экономике переходного периода» являются прекрасной иллюстрацией этой мысли. Например, когда т. Бухарин подчеркивает, что при теоретическом рассмотрении капиталистического хозяйства для нас не важен объем территории распространения капиталистического способа производства, то Ленин подчеркивает слово «объем» и ставит вопросительный знак. Ленин выступил также против излишней теоретизации и схематизации, которой отличается бухаринское определение сущности монополий. Чрезвычайно важно замечание Ленина, что о монополиях автор «Экономики переходного периода» частично вообще забывает, увлекаясь госкапитализмом. Там, где Бухарин говорит: «потому что силовое давление существует, финансовый капитализм влечет за собой борьбу конкурентов, и здесь лежит корень империализма», Ленин пишет: «не поэтому и не здесь». Следовательно, войны вытекают не из того, что «силовое» явление характерно для капитализма, а из другого, а именно—из монополий, которые порождают и насилие, и войны. Для империализма характерна не только вооруженная борьба, а характерно господство монополий и вытекающие из него методы насильственного давления и вооруженной борьбы. Именно здесь корни империализма, а не в «силовом» давлении. Отсюда смешение т. Бухариным войны, конкуренции и кризисов и неправильный вывод, что при империализме кризисы наступают в виде войн. Ленин резко выступил против этого смешения, сделанного также т. Сокольниковым в 1917 г. Ленин указывает, что возможна война в интересах освобождения наемного труда, что война вовсе не есть явление, свойственное исключительно капиталистическому обществу; правильная точка зрения по вопросу об отношении между войной и кризисами сводится не к тому, что кризис заменяется войной, что на смену кризиса выступает война, а к тому, что кризисы дополняются войной и военными конфликтами. Большой интерес представляют замечания Ленина по вопросу о национальном государстве. Там, где Бухарин говорит о том, что так наз. национальное государство уже в довоенный период было чистойшей фикцией, т. Ленин пишет на полях: «не чистойшей фикцией, а нечистой формой».

Автор «Экономики» нарушает законы диалектического материализма, он забывает, что империалистическое государство выросло из национального. Ленин и здесь предупреждает, что нельзя перепрыгнуть через ряд конкретных стадий, что логический прыжок не равен материальному. Ленин выступает также против отрицания Бухариным национальных войн в эпоху империализма.

В вопросе о госкапитализме нельзя конечно замазывать роста госкапиталистических тенденций в современном капитализме. Ленин говорил, что госкапитализм есть величайшая материальная подготовка к социализму. Там, где т. Бухарин в «Экономике» говорит, что война принуждает к военной организации государства, Ленин пишет: «верно». Но и здесь Бухарин смазывает конкретные черты и неправильно утверждает, что финансовый капитал уничтожает анархию производства капиталистических стран. Ленин подчеркивает большую роль, которую играет мелкое производство при госкапитализме.

Критикуя теорию «организованного капитализма», мы не должны отделяться одним теоретическим опровержением. Для доказательства невозможности «организованного капитализма» в той форме, как его изображает Бухарин, недостаточно только той теоретической аргументации, которая в настоящее время выдвинута и которая опровергает теоретические построения т. Бухарина: нужно привлечь и ту конкретную экономическую действительность, которая имеется после войны и которая разоблачает схематичные и неправильные построения т. Бухарина.

Тов. Рубинштейн. Бухаринская концепция требует широкого внимания и безжалостного разоблачения потому, что ее отделяет лишь небольшая грань от гильфердинговщины, т. е. наиболее законченного *ревизионизма наших дней*. Поразительное зрелище капитализма без проблемы рынка и цен, без конкуренции и без кризисов является лишь сколком теории Гильфердинга о «преодолении слепых законов рынка». Ленин неоднократно подчеркивал, что империализм обостряет противоречия капитализма, что монополии ни в коем случае не устраняют свободной конкуренции. Большое значение имеет такое указание Ленина, что сосуществование монополий и конкуренции означает крах капитализма и приводит к социалистической революции. Бухаринская концепция «организованного капитализма» показывает свою полную несостоятельность в свете анализа экономической *действительности* самой мощной империалистической страны—Соед. штатов. Именно в Соед. штатах можно видеть с особенной яркостью, как один ликвидированный или ослабленный вид конкуренции заменяется десятками новых, как с совершенно небывалой остротой разгорается ожесточенная борьба за внутренний рынок, бешеная борьба разных трестов, разных отраслей промышленности, разных технических методов производства. В результате хозяйственные растраты, потери, сокращаемые с одного конца, стремительно нагромождаются на другом. Усиление хаотичности американского капитализма с особенной ясностью сказывается в анализе конъюнктуры хозяйства Соед. штатов. Трудно себе представить что-либо более безнадежно запутанное, чем современные сдвиги американской конъюнктуры. Громадное распространение сетей разного рода «конъюнктурных» и экономических бюро, которые растут, как грибы, в Соед. штатах, является не фактором *роста организованности*, а показателем лихорадочных поисков плановости. Таким же показателем являются многочисленные статьи, появляющиеся в американской прессе о нашем Госплане и нашей пятилетке. Для марксистского исследования американской экономики не может быть никаких сомнений, что, вопреки теории «организованного капитализма», вопреки всей болтовне о ликвидации или смягчении кризисов, хозяйство Соед. штатов лихорадит почти непрерывно, лихорадит как в периоды подъемов, так и в периоды депрессии. Это имеет место в угольной, сталелитейной, машиностроительной и текстильной промышленности. И тем не менее новые фабрики растут, как грибы, и депрессия все более углубляется. Специального рассмотрения требует автомобильная продукция, где проблема насыщения уже надвинулась с небывалой остротой. Глубокий кризис сбыта переживает также авиационная индустрия. Это несоответствие между производственной мощностью и ограниченными рынками сбыта характеризуется Чэзом следующими словами: «Чем больше мы можем производить, тем хуже,—это какая-то экономика сумасшедшего дома». Даже в области внешней политики, где обычно

все силы империализма сжаты в один кулак, имеет место сильнейшая борьба разных интересов разных слоев и групп капитала. Как в свете теоретических положений Маркса, Энгельса и Ленина, так и в свете проверки современной экономической действительности и социальных взаимоотношений в Соед. штатах, вся теория т. Бухарина об отрицании внутренних противоречий капитализма, оказывается, не содержит ни грана марксистского анализа.

Вместе с тем эта теория тесно связана с взглядами правых в вопросах советской экономики. Если капитализм организуется в каждой из руководящих промышленных стран, если стабилизация прочна и устойчива, то отсюда делается вывод, что внутри Советского Союза надо действовать «медленным шагом, робким зигзагом», не увлекаться совхозами и колхозами, не развивать борьбы с кулаком. Устрялов в одной из своих статей пишет: «Бухарин трижды отрекался и не раз еще будет отрекаться от своего лозунга «обогащайтесь», но все же он войдет в историю революции как творец этого лозунга». Тов. Бухарину придется напрячь все усилия для того, чтобы этому злему предсказанию классового врага не суждено было сбыться.

Тов. Бессонов. Концепция т. Бухарина отличается от концепции Ленина в вопросе об империализме прежде всего тем, что Ленин рассматривает империализм как высшую стадию капитализма, а т. Бухарин — как развитие тенденций «мирового хозяйства». Само же мировое хозяйство, по Бухарину, является особым видом социального хозяйства и отличается от других видов социального хозяйства только своим масштабом. Эта концепция противоречит марксизму, ибо в ней отсутствует классовая характеристика явлений, последняя у Бухарина заменена объемно-пространственной характеристикой без внимания к той особой исторической стадии развития капиталистических противоречий, о которых по сути дела идет речь. Понятие мирового хозяйства в качестве исходного анализа империализма взято Бухариным из буржуазной науки. Так же немарксистски выглядит концепция т. Бухарина о государственно-капиталистических трестах, о «национально-организованном капитализме». В «Экономике переходного периода» т. Бухарин утверждает, что при госкапитализме общественное разделение труда заменяется техническим разделением труда, иными словами, мы имеем хозяйство, ведомое по определенному плану. Однако в условиях капитализма даже по отношению к существующим индивидуальным предприятиям любого масштаба и размера можно говорить о плане лишь с большой долей скептицизма.

Железные дороги представляют собой один из ранних видов монополистических предприятий, и тем не менее внутренняя организация железнодорожного транспорта подвергается непрерывным изменениям в связи с изменениями на рынке, в связи с конкуренцией, которую ведут сами железные дороги между собой и т. д. Бухаринская концепция об установлении плановости внутри капиталистической страны не соответствует реальному положению вещей. В области транспорта мы видим неравномерное развитие различных отраслей: водный транспорт в значительной еще части находится в полосе ожесточенной конкуренции с железнодорожными дорогами, сухопутный безрельсовый транспорт еще стоит на самой первоначальной ступени своей капиталистической организации. «Национально-организованный капитализм» невозможен по тем же причинам, по которым невозможно возникновение ультракапиталистического треста, а именно потому, что удельный вес и значение составляющих его капиталистических сил непрерывно меняется и не может не меняться.

Бухарин делает также крупную ошибку в вопросе об истоках классовых противоречий. В своей последней статье не случайно т. Бухарин указал на то, что противоречия на внешнем рынке определяют классовую борьбу внутри страны. По концепции т. Бухарина классовые противоречия разыгрываются только на мировом рынке. В своей книге «Империализм и накопление», написанной в 1925 г., т. Бухарин утверждает, что классовое противоречие современного общества в основе своей сводится к противоречиям

между мировым объемом производства и национальным объемом присвоения. Таким образом перед нами система, из которой совершенно выпадают классовые антагонизмы в собственном смысле слова, т. е. междуклассовые отношения. Тов. Бухарин считает, что современный капитализм может нам показать чудеса техники и что мы якобы находимся перед техническим переворотом. Такой взгляд по меньшей мере преувеличен. Правда, в современном капитализме мы имеем огромный поток изобретений и открытий, однако анархическая природа современного капитализма задерживает их распространение и применение, кладя тем самым предел техническому прогрессу. Следствием этого является то, что новое открытие не испытывает на себе оплодотворяющего влияния общественного труда. По целому ряду отраслей мы наблюдаем значительную стагнацию в результате того, что новые изобретения и открытия не находят себе применения.

В заключение о Шмаленбахе. Тов. Гольдштейн вполне прав, когда указал, что теориям Шмаленбаха не следует придавать столь серьезного значения. На факт роста основного капитала указал еще в свое время Веберман, а также железнодорожные экономисты. Нам нужно внести марксистский анализ в затронутые Шмаленбахом проблемы.

Тов. Кон. Один из ближайших учеников и друзей т. Бухарина т. Марецкий в своей статье в «Большой советской энциклопедии», посвященной т. Бухарину, характеризует метод последнего в изучении теории империализма методом законченных тенденций в данной фазе капитализма. В основном Марецкий прав: Бухарин всегда мыслит *пределами*; однако в отличие от Марецкого я считаю этот метод не сильной, а слабой стороной Бухарина как теоретика. Плодотворным методом абстрактного исследования может быть тот, когда мы берем явление, хотя бы в зародышевом виде, но содержащем все ему присущие противоречия. Совершенно бесплодным является другой метод абстрагирования, когда данное явление берется не в зародышевом виде, а в более развитом и вместе с тем одностороннем виде. Мыслить пределами—это значит проходить мимо тех противоречий, которые движут процесс. По Ленину, экономически основным в процессе развития империализма являются монополистические тенденции. Но Ленин подчеркивает, что рядом с этими тенденциями действует рост анархии, рост конкуренции, следовательно процесс развития империализма следует рассматривать лишь как процесс единства противоположностей.

Ошибка Бухарина не в том, что он подчеркнул монополистическую тенденцию, а в том, что, *мысля пределами, он отрицает конкуренцию*. Метод предельного мышления привел Каутского и эсдеков к теории ультраимпериализма. Разница ведь заключается только в том, что Каутский доводит свою тенденцию до окончательного предела, до единого всемирного треста, а т. Бухарин берет предел не в мировом масштабе, а в масштабе отдельных стран. Тов. Бухарин еще забыл второй момент: при империализме капиталист связан мировыми отношениями не только с другим капиталистом, но и с другими классами—с крестьянством и пролетариатом. Что означает в таких условиях «организация капитализма»? Не замену рыночной связи плановым началом, а сплочение классовых сил капиталиста против других классов. Ленин неоднократно обращал внимание на то, что процесс роста монополий есть процесс объединения насилия и рост насилия по отношению к другим классам. Тов. Бухарин же подчеркивает, что в капиталистическом обществе важен в первую голову *тип связи между хозяйствами, тип неорганизованной связи через обмен*. Это утверждение никак не согласовано с мнением Маркса, что отдельные экономические эпохи и социальные структуры отличаются друг от друга *особым характером и способом, которым осуществляется соединение рабочих со средствами производства*. Рост монополий означает также рост эксплуатации рабочего класса. Прежде всего, организованные наниматели выплачивают рабочему зарплату не в таком размере, в каком ее диктует стихийный закон рынка. Кроме того, система империализма предполагает наличие монопольных цен, уменьшающих и без того низкую зарплату рабочих. Рост насилия и рост эксплуатации выпали из бухаринской концепции «организованного капитализма».

тализма». Между тем рост эксплуатации и делает невозможным завершение монополистических тенденций внутри отдельных капиталистических стран. Противоречие между капиталистической тенденцией и постоянным ростом конкурентной борьбы неизбежно приводит к возникновению тенденций загнивания капитализма. Тов. Бессонов не совсем верно осветил вопрос о загнивании капитализма: прогресс техники в современном капитализме экономически вытекает не из того, что внутри производства имеется широкое развитие кооперации (как утверждал т. Бессонов), а потому, что из системы современного капитализма не только не изгнана конкуренция, но эта конкуренция растет, являясь побудителем к развитию техники. Однако вместе с тем развитие конкуренции порождает монополию, в свою очередь вызывающую тенденции к застою, к загниванию. Тов. Бухарин отвергает теорию ультраимпериализма, теорию всемирной организации империализма только потому, что он усматривает некоторые специфические особенности конкуренции на мировом рынке по сравнению с конкуренцией на внутреннем рынке.

Метод мышления пределами, применяемый т. Бухариным, оказался методом, проходящим мимо всех противоречий капитализма, методом, который ведет не к исследованию противоречивого процесса развития капитализма, а к перескакиванию через этот процесс, в чем и сказывается механический характер этого метода.

Тов. Новиков. Помимо теории «организованного капитализма» у т. Бухарина имеется еще самостоятельная концепция по колониальному вопросу и по вопросу о соотношении войн и революций. В своих статьях в «Правде» т. Бухарин заявляет, что между буржуазией и пролетариатом метрополии существует общность экономических интересов на почве эксплуатации колоний. Эта формулировка позаимствована из последней главы «Экономики переходного периода» и находится в вопиющем противоречии с ленинской теорией империализма и с ленинским объяснением социал-империализма. Ленин объясняет социал-империализм как известный подкуп не всего рабочего класса, даже не большей его части, а как подкуп лишь верхушки рабочего класса, рабочей аристократии, рабочей бюрократии. Иными словами, Бухарин пришел к тезису, что «организованный капитализм» объясняет собой отмирание и притупление не только экономических противоречий между капиталистами, но и социально-классовых противоречий. Каким же образом возможен выход к проблеме революции из этой концепции «организованного капитализма», которая отрицает существование внутренних классовых противоречий? Этот выход т. Бухарин находит в войне. В своей апологии «гармонично организованного капитализма» т. Бухарин оставляет позади целый ряд социал-демократических теоретиков. Так, например, австромарксист Лейхтер, написавший статью о диалектике организованного капитализма, вынужден признать, что последний не в состоянии устранить конкуренцию, кризисы, борьбу за цены и обостряет классовую борьбу. Второй австромарксист, касаясь проблемы послевоенного мирового хозяйства, утверждает, что основное противоречие современного капитализма—это противоречие между мировыми и национальными хозяйствами. Это пишет Карл Реннер, весьма близко, как мы видим, соприкасающийся с Бухариным.

Тов. Иткин а. В самой общей форме теория «организованного капитализма» была уже представлена в гипотезе всемирного треста и ультраимпериализма, осуществление которой социал-демократические теоретики в лице Гильфердинга и Каутского считали вполне возможным. Ленин в свое время подверг жесточайшей критике эту теорию. Идея всеобщего треста и ультраимпериализма является плодом не абстрактного метода, которым пользовался Маркс, а чистой абстракции формально одностороннего подхода к тенденции развития. Проблема тенденции развития монополистического капитализма должна решаться не только под углом зрения *куда* идет развитие, но и *как* оно идет. Развитие идет в направлении к одному всемирному тресту, но оно идет при таких обстоятельствах, что прежде чем дело завершится созданием единого всемирного треста, капитализм превратится в свою противоположность. Так ставил вопрос Ленин. Бухаринская

же концепция «организованного капитализма» является плодом чистой абстракции и «чистого» империализма. Из него выпадает целый комплекс противоречий, который складывается внутри капиталистических стран на почве неравномерности концентрации и монополий.

На почве роста монополий в промышленности усиливается противоречие между двумя основными разделами общественного труда: между промышленностью и сельским хозяйством. Сумма противоречий, возникающих на почве неравномерного развития монополий тем острее, чем сильнее сама неравномерность. Если на одну минуту согласиться с возможностью осуществления гипотезы т. Бухарина, то возникает вопрос, возможно ли, мыслимо ли при *анархической* структуре мирового хозяйства существование *организованных* национальных хозяйств. Отношение между отдельными элементами мирового хозяйства проявляется прежде всего как отношение, основанное на *движении* товаров и капитала. Но так как все колонии уже поделены, это движение может происходить лишь из одного госкапиталистического треста в другой. А этот товарооборот является уже достаточной предпосылкой для того, чтобы «снять «рациональную» организацию всего народного хозяйства». Стихия мирового рынка неизбежно охватывает своим влиянием госкапиталистические тресты, развивая внутри них усиленную конкурентную борьбу между отдельными монополистическими объединениями. Иначе и быть не может, так как каждое национальное хозяйство служит внешним рынком для другого. Наличие внутренних противоречий, существование отдельных капиталистических стран как ачархических систем, объясняет и существование мирового хозяйства как аанархической системы. Между внутренними и внешними противоречиями существует взаимная связь и взаимная обусловленность. И только понимание этой связи и взаимной обусловленности в состоянии воссоздать действительную, а не схематизированную картину современного мирового хозяйства. Но анализа этой связи и взаимной обусловленности как раз и недостает в концепции т. Бухарина.

Тов. Бутаев. Тов. Бухарин говорит, что если мы анализируем проблему капитализма, то мы не можем оперировать абстрактным понятием капитализма. Методологический подход т. Бухарина показывает, что абстрактный капитализм представляется ему как капитализм, совершенно оторванный от конкретной действительности. Получается разрыв абстрактного и конкретного. Получается разрыв между анализом и синтезом и полное игнорирование диалектического метода. Тов. Бухарин рассматривает империализм не как фазу развития капитализма, а как самостоятельное целое. Благодаря тому, что т. Бухарин переходит к этому методу, он дает такую картину развития: торговый капитализм, которому соответствовал меркантилизм как его политика и идеология, затем промышленный капитализм, которому как его политика и идеология соответствует либерализм, а затем следует финансовый капитализм, политикой и идеологией которого является империализм.

Переход на путь «аналогий» приводит т. Бухарина к совершенно неправильным выводам: если уже придерживаться «логики» этих аналогий, то империалистическому этапу соответствует как его «политика и идеология» не империализм, а демократизм. Как раз именно то, что в политике империализму соответствует демократизм, — и выявляет возросшие противоречия и неравномерности эксплуататорской сущности империализма и его политической надстройки.

«Абстрактный капитализм» Маркса есть абстрагирование от несущественных черт капитализма, бухаринский же «чистый империализм» есть абстрагирование от существенных свойств монополистического капитализма. Анализ империализма заменяется т. Бухариным анализом мирового хозяйства с тем, чтобы анализ политической конкретности заменить безжизненной абстрактностью госкапиталистических трестов.

Два замечания о выступлении т. Бессонова. По вопросу о том, задерживается ли при империализме прогресс техники, постановка вопроса у т. Бессонова неверна.

Процессы в области применения техники имеют в монополистический период такой же *неравномерный* характер, как в вопросах развития и загнивания капитализма вообще. Ошибся т. Бессонов и по вопросу о понятии мирового хозяйства, которое якобы является немарксистским. Мировое хозяйство—факт, а немарксистских фактов нет. Неправильно как противопоставлять империализм мировому хозяйству, так и отрицать мировое хозяйство.

Тов. Марков. Прав был т. Бессонов, указавший, что бухаринская категория мирового хозяйства заимствована у буржуазных ученых. Можно прибавить, что и термин «социальное хозяйство», нигде не употребляемый ни Марксом, ни Лениным, заимствован тоже у Гармса. Однако т. Бессонов неправ, когда полагает, что категория мирового хозяйства вообще не существует у Маркса и что, мол, мировое хозяйство чуждо марксизму.

Теория «организованного капитализма» как таковая является теоретическим обоснованием правого уклона в целом. Дело заключается не только в прикрашивании капиталистической действительности, но и в неверных выводах, вытекающих из концепции т. Бухарина и относящихся к оценке международного и внутреннего положения СССР. Выводы эти такие: капиталистические противоречия внутри стран постепенно замирают, пролетарская революция может произойти лишь в результате войны, в силу роста технического прогресса капиталистическая стабилизация укрепляется. Поскольку же стабилизация капитализма укрепляется, наступление мировой революции оттягивается, постольку ни в коем случае нельзя пойти на столкновение с крестьянством. Наоборот, классовая борьба должна ограничиться, необходимо уменьшить нажим на кулака. Отсюда также следует, что не надо форсировать строительства колхозов и совхозов, отсюда—равнение на «узкие места», требование замедлить темп индустриализации страны.

Конечно Бухарин не говорит об этих выводах открыто, но они логически вытекают из его концепции. В свое время, в борьбе с троцкизмом, в основу критики последнего было положено разоблачение теории перманентной революции. Бороться же с правой опасностью можно лишь на основе борьбы с теорией «организованного капитализма».

Тов. Леонтьев. Тов. Рубинштейн был несомненно прав, когда он в своем выступлении подчеркнул теснейшую связь, которая существует между взглядами т. Бухарина на современное состояние мирового хозяйства и его оценкой нашей советской экономики. Эта методологическая связь заключается в том, что т. Бухарин подходит к мировому и к советскому хозяйству с одинаковым механистическим методом, хотя последний и прикрыт марксистской якобы диалектической фразеологией. Известно, что т. Бухарин, с одной стороны, недооценивает роль обмена, с другой стороны, т. Бухарин утверждает, что в советском хозяйстве путь к социализму лежит главным образом и почти исключительно через социализацию процесса обращения. Производственные формы смычки пролетариата с крестьянством остаются в тени. Аналогичное противоречие имеет место и по вопросу о равновесии: в период военного коммунизма т. Бухарин утверждал, что равновесие на весь переходный период уничтожается; это утверждение вызвало критическое замечание со стороны Ленина. А в период нэпа Бухарин выступает с чрезвычайно яркой фетишизацией идеи равновесия: он сводит все задачи плана к намечению условий подвижного хозяйственного равновесия.

Тов. Бухарин до самого последнего времени выступал обычно как идеолог «левого» уклона. В настоящее время он выступает как идеолог правого уклона. По поводу этого несовпадения чрезвычайно важно привести мнение Ленина, что крайне «левый» т. Бухарин скатывается фактически к апологии империализма. Все эти кажущиеся противоречия объясняются механистическим и эклектическим образом мышления т. Бухарина. В своем подходе к мировому хозяйству он забывает в известной степени самостоятельную роль обмена, он забывает о том, что обмен определенным образом формирует производственное содержание. Когда т. Бухарин подходит к советскому хозяйству, он, наоборот, выдвигает на первый план меновую форму, забывая при этом,

что, поскольку меняется содержание производственных отношений, постольку и сама эта форма не остается равнодушной к содержанию и претерпевает в свою очередь изменения.

Аналогичное имеет место и по вопросу о *классовых* отношениях в обмене. Тов. Бухарин забывает, что обмен является не только формой отношения между равноправными товаропроизводителями, но что он формирует также отношение между рабочим классом и капиталистами.

Ошибку делает т. Бухарин также и по вопросу об общественном и техническом разделении труда. Можно ли разрешить вопрос таким образом, что по мере развития капитализма выветривается различие между общественным и техническим разделением труда? Я утверждаю—что отнюдь нельзя. По мере развития капитализма общественное и техническое разделение труда развивается до невероятных пределов, причем развитие идет таким образом, что развиваются оба полюса и растет пропасть и противоречия между общественным и техническим разделением труда. Это противоречие будет уничтожено только после социальной революции, но не в тех крупных монополистических предприятиях, которые приносит с собой империалистическая фаза.

По вопросу о мировом хозяйстве т. Бухарин бесспорно делает ошибку, когда он устанавливает периодизацию хозяйственных эпох по образу и подобию буржуазных экономистов. Однако, критикуя бухаринское определение мирового хозяйства, нельзя скатиться на такую постановку вопроса, что мировое хозяйство вообще не является марксистской категорией. Несколько слов по вопросу о социальной школе, о которой говорил т. Бессонов. Последний в своем выступлении не упомянул ни разу о том, что концепция т. Бухарина является концепцией механистической. Вместе с тем он забыл, что опасность со стороны социальной школы тесно связана с общей механистической опасностью, которая стоит перед нами в качестве основной и главной опасности в современной обстановке. Когда мы говорим об опасности социальной школы, нельзя забывать, что т. Бухарин ссылается на эту опасность с вполне определенными целями: он говорит, что марксизм развивался в тот период, когда не было буржуазно-социальной школы, и тогда вполне естественна была марксистская диалектика, которая мало чем отличалась от диалектики гегельянской. В настоящее время мы имеем возрастающую опасность со стороны буржуазных «социальников», и эта опасность, по мнению т. Бухарина, является достаточным оправданием для замены марксистской и плехановской диалектики диалектикой богдановского механизма. Когда мы слышим об опасности, грозящей нам со стороны социальной школы, мы должны самым решительным образом отклонить использование этого довода для того, чтобы в какой-либо степени замазать основную механистическую опасность, которая стоит перед нами.

Наконец, еще одно необходимое замечание, в связи с выступлением т. Кона, который говорил о том, что мы в каждом процессе должны видеть борьбу двух противоположных тенденций, в каждом явлении борьбу двух разных сил. Мне кажется, что в такой постановке вопроса кроется известная опасность. Ведь диалектика нас учит видеть не только борьбу различных тенденций. Ленин не устал повторять, что вся суть диалектики заключается в единстве противоположностей, что душа диалектики заключается в раздвоении единого. Эту поправку я считаю необходимым внести, тем более, что бухаринское истолкование диалектики теснейшим образом связано с механистической концепцией Богданова, которая в основном заключается в том, что на место раздвоения единого ставится борьба антагонистических различных сил, борьба противоположных активностей.

На основании всего сказанного, можно притти к выводу, что успешная критика современной бухаринской концепции и критика старых механистических ошибок т. Бухарина может быть проделана лишь при помощи остро-отточенного оружия марксистской диалектики, которое никогда, ни под каким видом и ни в какой степени нельзя заменить тупыми доспехами механистической методологии.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. ВАРГА

Прежде всего необходимо отметить, что в нашей среде не нашлось защитников теории Бухарина об «организованном капитализме». Это не значит однако, что таких защитников вообще нет. Сторонники ее безусловно имеются, но они настоящее время не считают подходящим для выступлений. Это необходимо подчеркнуть, потому что вопрос об «организованном капитализме» необходимо в дальнейшем разработать еще глубже.

Далее. В некоторых выступлениях проскальзывала попытка отрицать монополистический характер капитализма в его империалистической стадии развития. Это ошибка. Никогда нельзя забывать известную «краткую дефиницию» Ленина, что империализм есть монополистический капитализм.

Третий вопрос: что нам дала дискуссия нового в теоретическом смысле, что не было затронуто в первом докладе? Прежде всего вопрос о методе, совершенно правильно затронутый гг. *Хмельницкой, Коном, Леонтьевым*, которые подчеркивали, что корень ошибок т. Бухарина лежит в его недиалектическом методе. Известный спор между механистами и так наз. немеханистами, или, как они себя называют, диалектиками, проник в нашу дискуссию, но интересно отметить, что, когда мы слушали выступления гг. *Кона и Леонтьева*, получалось такое впечатление, что разница между ними не по существу. Позитивно новые мысли, которые дала дискуссия, следующие: т. *Герцбах* в своем докладе правильно подчеркнул, что к вопросам современного капитализма нельзя подходить так, как это делает т. Бухарин. Последний говорит, что может быть «организованный капитализм» в одной стране или в отдельных странах, но борьба продолжается на мировом рынке. Это означает, что Бухарин отрицает неравномерность развития капитализма в отдельных странах и принимает ее в мировом масштабе. Эти два явления — «организованный» капитализм и закон неравномерного развития капитализма — не могут быть совместимы. Другую интересную мысль высказал т. *Лоуфбохен*, что борьба рабочего класса есть элемент неравномерного развития капитализма. Это очень правильная мысль, которую можно проиллюстрировать на развитии Соединенных штатов. Далее, в дискуссии правильно говорилось, что т. Бухарин дал неправильную концепцию в колониальном вопросе: если весь пролетариат империалистических стран имеет, как это утверждает т. Бухарин, общие интересы с капиталистами, то тогда нельзя утверждать, что обостряются классовые противоречия внутри отдельных стран.

Недостаточно ясно был поставлен вопрос о технике и о загнивании капитализма. Имеются некоторые тенденции отрицать вообще в наше время, и в особенности в послевоенное время, технический прогресс. Отрицание технического прогресса было бы ошибкой, но это не значит, что мы отрицаем процесс загнивания капитализма. Ни в коем случае. Процесс загнивания капитализма может идти одновременно с развитием технического прогресса. Конечно, в развитии монополистического капитализма имеются элементы, которые тормозят технический прогресс: при прочих равных условиях технический прогресс будет быстрее развиваться при свободной конкуренции, чем при монополистическом капитализме.

В заключение необходимо отметить, что вопрос о теории «организованного капитализма» является одним из важнейших вопросов в борьбе с социал-демократией. Теория «организованного капитализма» тесно связана с концепцией «социального государства» и является тем мостом, который ведет от старого социал-реформизма к социал-фашизму. Социал-демократы могут выступать в защиту буржуазного строя против коммунистов только тогда, когда они могут сбавлять рабочих уверениями, что это государство не является больше классовым государством, что современный капитализм «организован». Поэтому нам нужно продолжать критику теории «организованного капитализма». Если мы это хорошо сделаем, мы окажем большую помощь нашим братским коммунистическим партиям в их борьбе против капиталистического государства и социал-фашизма.

ИМПЕРИАЛИЗМ И КРИЗИСЫ

ДОКЛАД Ф. ШТЕРНБЕРГА¹.

В своем докладе Ф. Штернберг в сжатом виде повторяет тот круг идей, который он развил предварительно в своих двух книгах— «Der Imperialismus» и «Der Imperialismus und seine Kritiken». Основные пункты выдвигаемой Штернбергом теории накопления капитала и кризисов сводятся к следующему.

В реальных условиях различия органического состава капитала в разных отраслях и тенденции повышения этого состава и нормы накопления прибавочной стоимости не могут быть одинаковы в I и II подразделениях. Во II подразделении норма накопления должна быть *меньше*, чем в I подразделении, для сохранения равновесия общественного хозяйства. Капиталисты II подразделения должны меньше накапливать и больше потреблять, ибо в противном случае в этом разделе окажется нереализуемый товарный остаток $C_2 > (v + m)$, но давление конкурентных отношений заставляет всех капиталистов накапливать и расширять свое производство в максимальной степени. Капиталисты I подразделения не могут потреблять *большую* долю своей прибавочной стоимости, т. к., чтобы удержаться на ногах в ожесточенной конкурентной борьбе, необходимо обращать возможно большую долю присваиваемой прибавочной стоимости в накопление. В этих условиях оказывается, что II подразделение постоянно стоит перед фактом избыточности части своей товарной продукции, которая не может быть реализована внутренними силами капиталистического общества. Отсюда—необходимость некапиталистических форм хозяйства, обеспечивающих развитие капитализма. Выводы Штернберга в этой части его теории сводятся к следующему:

1. В условиях «чистого капитализма» в хозяйстве существует перманентная производственно-потребительская диспропорция и следовательно непроходящий кризис товарного перепроизводства.

2. Перманентность кризисного состояния «чистого капитализма» свидетельствует об имманентной необходимости связи с капиталистическими хозяйственными областями.

3. Благодаря наличию некапиталистической среды кризисы носят не перманентный, а периодический характер. Именно экономическая связь с некапиталистической средой обуславливает *цикличность* капиталистического процесса, т. к. чистый капитализм не развивался бы циклами, но находился бы в состоянии сплошного хронического кризиса.

В дальнейшей части доклада Штернберг развил детальнее свое понимание значения некапиталистической среды для капитализма. Бескризисное преодоление той диспропорции, которая имеет место благодаря стихийному и безграничному повышению норм накопления, может быть мыслимо при наличии хотя бы одного из следующих условий.

1. Повышение покупательной силы пролетариата в результате повышения его реальной зарплаты. 2. Повышение покупательной силы пролетариата в результате повышения численности занятых в производственном процессе людей (при одинаковом уровне реальной заработной платы). 3. Вовлечение в капиталистический процесс некапиталистических территорий для всей совокупности капиталистических стран. 4. Внешняя торговля во всех ее видах.

¹ Заслушан 5/XI 1929 г. Краткое изложение доклада и прений.

Первое условие с точки зрения Штернберга не имеет никакой прочной основы при капитализме благодаря присущей ему антагонистичности в распределении дохода. Лишь в определенную эпоху капитализма, при наличии широких некапиталистических областей, капиталисты могли относительно повышать прожиточный уровень рабочих. Но, при наличии чистого капитализма, подобного рода устойчивое повышение реальной заработной платы отпадает. Второе условие также не реально, ибо оно означало бы, что капитализм развивается в зависимости от роста населения, что совершенно абсурдно. Остается некапиталистическая хозяйственная среда, многообразные взаимоотношения с которой преодолевают *перманентность* производственно-потребительской диспропорции. Заканчивая свой доклад, Штернберг подчеркивает свое несогласие с Розой Люксембург в том отношении, что Роза Люксембург считала невозможной реализацию в «чистом капитализме» всей накопленной прибавочной стоимости, в то время как он считает невозможной реализацию лишь той определенной части прибавочной стоимости, которая в виде товарного остатка средств потребления оседает во II подразделении.

В открывшихся прениях все выступавшие товарищи *критически* отнеслись к основным положениям теории Штернберга и квалифицировали эту теорию как немарксистскую. Возражения против концепции Штернберга сводились к следующему:

Герценштейн А. считает, что основная ошибка концепции Штернберга лежит в неправильном *методологическом* подходе к объяснению экономических явлений. Штернберг совершенно верно констатирует необходимость различных норм накопления для поддержания равновесия общественного хозяйства и стремление капиталистов безоглядно гнать эти нормы вверх. В этой формулировке скрывается внутреннее противоречие капитализма между тенденцией к неограниченному росту производства и противоположной тенденцией ограничения потребления рабочего класса и самоограничения капиталистического потребления. Правильно указывая на это противоречие, Штернберг берет его не в *движении*, а в мертвом, застывшем состоянии. Вместо того, чтобы показать, как это противоречие внутренним ходом развития постепенно обостряется в фазе подъема и превращается к моменту кризиса в массовую «производственно-потребительскую диспропорцию, которая, в свою очередь, изживается в фазе депрессии», Штернберг поступает совершенно иначе. Он *отождествляет* противоречие между производством и потреблением с *результатом* движения этого противоречия—производственно-потребительской диспропорцией—и приходит к выводу, что наличие противоречия исключает процесс расширенного воспроизводства в чистом капитализме. Штернберг не понимает, что противоречие не исключает развития капитализма, но лишь сообщает этому развитию—в совокупности с другими обстоятельствами—фигуру цикла.

Гольдштейн Ю. не останавливается на многочисленных частных ошибках Штернберга. Последний до самого последнего времени находился под сильнейшим влиянием учения Ф. Оппенгеймера. Так например, по мнению Штернберга, прибавочная стоимость создается лишь благодаря тому, что при капитализме имеется промышленная резервная армия, которая принуждает рабочего к производству прибавочной стоимости сверх необходимого для воспроизводства его рабочей силы стоимости. Вторая крупная ошибка Штернберга заключается в том, что он не различает стоимости рабочей силы от заработной платы и считает, что уровень заработной платы прямо и непосредственно определяется состоянием резервной армии. Штернберг далее отрицает факт *абсолютного* обнищания рабочего класса в XIX веке в противоположность тому, что писал по этому вопросу Ленин. Он выдвигает неправильную теорию «аристократизирования» *всего* рабочего класса капиталистических метрополий и не понимает, что этот процесс охватывает лишь определенную (верхущую) часть рабочего класса. Наконец, Штернберг дает неправильное толкование всей эпохе империализма, т. к. из поля зрения у него выпадает коренная основа империализма—монополистический характер хозяйства, и центр тяжести смещается в плоскость борьбы за некапиталистические территории.

Ма д ь я р отмечает крупнейшие расхождения Штернберга с Марксом и Лениным по основным вопросам теории реализации и накопления. Он упрекает Штернберга в том, что тот, характеризуя эпоху империализма, совершенно обходит проблему финансового капитализма. Помимо того, Штернберг подчас выдвигает идеи деколонизации и высвобождения колоний от экономической зависимости со стороны капиталистических стран. Далее т. Ма д ь я р приводит ряд статистических данных о доле внешнеторгового оборота в общей продукции Германии, США, Англии, Венгрии и т. д. и утверждает, что эта доля значительно меньше того, что представляет себе Штернберг. В заключение т. Ма д ь я р квалифицирует все учение Штернберга, как реакционное, поскольку согласно этому учению гибель капитализма упирается в исчезновение некапиталистических областей—процесс, который откладывается еще надолго.

Р у д а ш В. направляет всю свою критику на методологическую основу и показывает, насколько чужд Штернбергу диалектический метод анализа. Штернберг совершенно не понимает связи абстрактного и конкретного. Марксовы абстракции не есть отвлечения от действительности. Законы воспроизводства и накопления, установленные Марксом, не *отменяются*, но лишь *видоизменяются* в конкретно-исторических условиях развития капитализма. На учении Штернберга о кризисах прекрасно виден механистический тип мышления. Кризисы, по Штернбергу, носят в условиях «чистого капитализма» перманентный характер. Он не понимает диалектического процесса разрешения кризисов внутренними силами капитализма, на что неоднократно указывал Маркс. Отсюда его теория автоматической, чисто экономической гибели капитализма.

Ра го ль с к и й М. считает прежде всего далеко не доказанным положение, что нормы накопления стремятся к нивелировке. Он думает, что на ступени конкретизации марксовых схем вполне правомерно утверждать обратное тому, что говорит Штернберг, а именно, что в силу целого ряда условий норма накопления в I подразделении должна быть действительно больше, чем во II. В связи с этим происходит известное выравнивание тех неравноностей, какие отмечает Штернберг. Тов. Рагольский считает также вполне возможным перенос избыточной во II подразделении части товаров в раздел I, ссылаясь на схемы Бауэра. Он вообще отрицает существование той проблемы остаточного продукта, о которой все время говорит Штернберг. Наконец он упрекает Штернберга в том, что тот стоит на точке зрения перманентности кризисов и думает, будто империалистическая экспансия лишь облегчает развитие капитализма, сглаживает присущие ему противоречия.

Го р ф и н к е л ь С. подробно останавливается на различных спорных вопросах, поднятых Штернбергом. Он выставляет против докладчика в основном три возражения. Во-первых, в теории Штернберга остается совершенно недоказанным то значение некапиталистической среды, какое Штернберг ей приписывает. Нельзя из эмпирического наблюдения факта взаимодействия капитализма с некапиталистической средой вывести имманентную необходимость последней для капитализма. Должен быть дан углубленный теоретический анализ выставленного Штернбергом утверждения. Во-вторых, Штернберг совершенно непоследователен в своих выводах. С его точки зрения, поскольку существует некапиталистическая среда, кризисы должны быть, собственно говоря, устранены. Между тем, он не отрицает, что кризисы имеют место и при взаимодействии капитализма с некапиталистической средой. Как же это возможно? Нет ли тут внутреннего противоречия в самой концепции? Наконец, в-третьих, Штернберг должен ответить на вопрос, что изменится в условиях реализации товаров, если сырые и пищевые продукты, которые вывозятся из колоний в обмен на «избыточные» товары индустриальных стран, будут производиться на *капиталистических* началах. Почему тогда автоматически приостанавливается развитие капитализма? Горфинкель считает концепцию Штернберга неудовлетворительной, полной крупных и мелких ошибок и далеко отходящей от линии ортодоксального марксизма.

НОВЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

ДОКЛАД А. АРЦИХОВСКОГО¹

Дискуссией о новых методах археологии Социологическая секция Общества историков-марксистов включила в предмет своих занятий новую область исследования и произвела первую марксистскую разведку в пределы дисциплины, очень слабо разрабатанной с точки зрения научной методологии.

А. Арциховский, выступая от имени группы археологов, коллективно ведущих работу по созданию основ марксистской археологии, начинает с критики методов старой археологической школы, «которая за вещами не видела отношений между людьми» и потому ограничивалась систематикой явлений материальной культуры «ради систематики» или в лучшем случае располагала изучаемые памятники в эволюционные ряды, даже не пытаясь научно классифицировать их под углом зрения общественно-экономических формаций. Этой бесплодной тенденции изолировать археологию от остальных наук о человеческом обществе докладчик противопоставляет тезис: археология и история—две параллельные дисциплины, отличающиеся друг от друга только характером своих источников (вещественные—письменные); вместе с другими общественными науками они разрабатывают материал для социологического обобщения. В настоящее время археология технически вполне вооружена для такой работы и, в частности, может дать богатейший материал для изучения развития орудий производства. Земледельческие орудия, элаки, охотничье оружие, ремесленный инвентарь, наконец жилища, шахты, мастерские, раскапываемые археологами, позволяют в свою очередь восстановить ступени развития производительных сил и формы производственных отношений, т. е. именно техника составляет наиболее показательный элемент в системе производительных сил общества, а этой системой в основном характеризуется общественно-экономическая формация. С другой стороны, производственные отношения непосредственно вскрываются археологическим изучением типов поселений и жилищ, погребений, домашнего инвентаря, средств торгового обмена и т. д. Брачные отношения, семья, родовое и классовое общества с достаточной полнотой характеризуются этими остатками. Наконец идеологическая надстройка освещается раскопками храмов, погребений, памятников искусств и т. п. Именно в этом смысле М. Н. Покровский говорил об археологии как наиболее материалистической по своим объектам общественной науке.

В работе по методу восхождения от памятников, характеризующих развитие производительных сил, к общественно-экономическим формациям следует брать за основу технику широких общественных групп (по принципу социально-хозяйственного единства), избегая увлечения бесчисленными «культурами», созданными современной буржуазной археологией на материале нескольких совершенно однородных пунктов. С точки зрения научной классификации нельзя, например, относить к разным культурам погребения татар-кочевников и современные им городские жилища оседлых татар. Метод восхождения требует привлечения обширного материала, характеризующего целые общественно-экономические формации, а не отдельные и частичные их проявления.

Далее, слишком часто забывается конкретно-археологическая обстановка: место техники *данной* группы в схеме развития общечеловеческой техники и своеобразие окружающей среды, на которую воздействует человек при помощи своих орудий. Выяснение этой конкретной обстановки действительно требует единой хронологической классификации. Нельзя рассматривать культуры недиалектически изолированно друг от друга, как привыкла делать старая школа, изучающая *отдельные* эволюционные ряды; типологические аналоги и диффузия типов дают достаточный материал для расположения культур

¹ Заслушан 11/X 1929 г. в Социологической секции. Краткое изложение доклада и дискуссии.

в единой хронологической системе. Одновременно следует дать отпор представителям этнологии (и в частности так называемым «палеоэтнологам»), отрицающим право археологии на самостоятельное социологическое обобщение. Единственно возможный путь к такому обобщению они видят в методе «наложения» этнологического комплекса на археологический. Если эти комплексы частично совпадают (а полностью они никогда не совпадают), этнологическая формация целиком переносится в прошлое, причем ни тысячи лет, ни тысячи километров в соображение не принимаются. Однако цивилизации Вавилона, Рима, Халифата—явления не повторявшиеся. Древняя дьяковская культура на Москва-реке не может быть оживлена «наложением» родового строя современных чукчей (хотя в вещественном инвентаре находим значительные совпадения). Первая культура развивалась под влиянием античной формации, вторая—под воздействием русского торгового капитала. Археология пользуется категориями не этнологическими, а социологическими, которые в свою очередь строятся на обобщенном материале различных наук. Позиция палеоэтнологов—механистическая. Только рассматривая производственные отношения как *механический* рефлекс производительных сил, можно стирать грани между отдельными системами производственных отношений, развившимися в различной исторической обстановке. На самом же деле *близость* между такими системами производительных сил не обуславливает еще *близости* между соответствующими системами производственных отношений, а полное *тождество* производственных сил в этом случае невозможно. Впрочем, отвергая отождествление целых комплексов (этнологических и археологических), нельзя отказываться от сравнения *отдельных фактов*, добытых археологией и этнологией, от привлечения этнологического материала для иллюстративных целей.

ПРЕНИЯ ПО ДСКЛАДУ

Тов. Брюсов на примере австралийской культуры показывает, что не этнология дает материал для «наложения» на археологические категории, а наоборот: данные археологии освещают происхождение этнологических фактов. Именно такое значение имела, например, работа Свердруп «От обычая захоронения до веры в мертвых», целиком основанная на археологических изысканиях, для выяснения вопроса о происхождении австралийской религии. Пользование этнологическими фактами для реконструктивных целей крайне затруднено многообразными культурными влияниями, вне которых не живет ни один современный народ. Это видно уже из того, что религия современных австралийцев, как оказывается, не есть продукт самостоятельного развития, а заимствована со стороны: состояние хозяйства самих австралийцев («собирательное» хозяйство) не создавало предпосылок для возникновения религии.

Тов. Кушнер, приветствуя выступление группы археологов против старой школы археологов-систематиков, считает вредным увлечением отказ от использования этнографических данных. У докладчика понятие общественно-экономической формации трактуется слишком узко, преимущественно в техническом разрезе. Между тем оно значительно шире понятия производственных сил и охватывает и производственные отношения и то, что мы называем гражданским обществом. Здесь самый слабый пункт в утверждениях т. Арциховского. Дело в том, что как раз все явления надстроечного порядка, которыми пренебрегает докладчик, — ранние формы брачных отношений, исчезнувшие идеологии, первобытная психика и пр., — не могут быть выяснены без этнографического материала. Самое понятие родового общества социологии заимствовала у этнографии. Матриархат был сначала открыт этнографами, потом замечен историками и теперь, по утверждению т. Брюсова, обнаружен археологами. Но это и доказывает, что без этнографии и истории (в узком смысле—истории письменности) археология бессильна строить самостоятельные социологические обобщения. Нужно отвергнуть метод грубого «наложения» в смысле перенесения в другую обстановку всего целиком взятого конкретно-этнологического материала, но нельзя отказываться от метода сравнения, аналогии. Если наблюдается сходство или может быть даже тождество не только в материальных производственных силах, но и в области надстроек, то мы имеем право распространить аналогию и на недостающие звенья, ибо общественно-экономическая формация есть целостный комплекс с необходимой взаимозависимостью его частей. Отказ от такого метода противоречит требованиям марксистской социологии и ставит под сомнение самую возможность перестроить отжившую археологию на новых началах, провозглашенных докладчиками. В общем доклад бил мимо цели, избрав своей мишенью не столько старую археологию, сколько марксистскую этнографию.

Тов. Киселев, уточняя положения докладчиков, предлагает строго различать обобщения социологические (понятие общественно-экономической формации) от обобщений этнографических. Первые могут быть непосредственно «перенесены» на материал археологии,

вторые же нуждаются в предварительной социологической обработке. «Материнское право» чукчей наряду с другими аналогичными явлениями дает материал для построения социологической категории матриархата, его отдельными чертами может оживляться картина археологических раскопок, но переносить целиком этот институт чукчей со всеми его атрибутами на миллионы вымерших племен было бы величайшей ошибкой: там эти атрибуты, возможно, никогда не бывали.

Тов. *Дмитриев-Кельда* подвергает разбору процесс «восхождения» от вещественных остатков орудий производства к общественно-экономическим формациям. Если археолог при этой операции будет ограничен случайным местным материалом, то его построения будут носить совершенно произвольный, фантастический характер; если же он вступит на путь сравнения своего материала с другими локальными (археологическими же) данными, то ему придется либо ограничиться сравнением внешних форм предметов (это отвергнутый нами путь старой археологии), либо применить к сырым материалам *теорию*. Но сама археология на этой ступени исследования теории еще не дала (т. к. «восхождение» к обобщениям еще не начиналось), социология не может дать законченных конструкций для тех глубин, которые захватывает археология, а от услуг этнографии докладчики сами отказываются. Таким образом, археология оказывается неспособной ни к каким самостоятельным обобщениям. Недостаточность археологического материала иллюстрируется совершенно ошибочным выводом, к которому, по словам т. Брюсова, пришла археология в вопросе о заимствованности религии австралийцев. Этот вывод находится в полном противоречии с данными лингвистики и приводит к абсурдным заключениям: либо язык австралийцев тоже заимствован, либо состояние языка не увязывается с уровнем религиозных представлений. На возражение т. Брюсова, что примитивный народ нередко заимствует религию у другого народа, стоящего на более высоком культурном уровне, т. Дмитриев-Кельда указывает, что во всех случаях такого заимствования происходит полное приспособление более развитой религии к низкому культурному уровню заимствующего народа (напр., христианство у вотяков фактически перестает быть христианством). Задача в отношении австралийцев ставится так: выясните, почему при данной высшей форме идеологии (языка и религии) налицо низший тип материальной культуры. Русские в Якутии тоже имеют низшую культуру, чем в метрополии.

Тов. *Аптекарь*, признавая заслугу докладчиков в самой постановке проблемы марксистской археологии, считает однако данную попытку ее разрешения неудавшейся. Это обусловлено рядом методологических ошибок. Во-первых, археология не располагает материалом, чтобы, отгородившись от других наук, строить весь исторический процесс на основе одних памятников материальной культуры. Попытки таких «самостоятельных» обобщений в области индоевропейской лингвистики привели к построению «пракультуры», «пранарода» и прочей фантастики; к тому же приведет археология, если она не будет рассматриваться, как одна из вспомогательных частей «истории». Столь же метафизично отношение докладчиков к вопросу об использовании этнографии. Нельзя, конечно, ставить знак равенства между фактами этнографии и археологии, но *сравнивать* их необходимо. Отсылать для такого «наложения» к социологическим категориям (общественно-экономическим формациям) да еще рассматривать при этом последние как отвлеченные сущности, не имеющие ничего общего с реальными фактами, незаконно, и это тем более, что сравнивать конкретное можно только с конкретным.

Тсв. *Дмитриев* констатирует, что ряд разногласий вызван терминологическими недоразумениями. Все согласны, что археология является равноправной с этнографией, а не частью палеоэтнологии, что метод наложения применим лишь условно, что археология может конкретизировать социологические категории, что сами эти категории нельзя отрывать от исторической обстановки. Наконец, подчеркнутая в прениях недостаточность археологического материала в значительной степени обусловлена тем, что до сих пор раскопки велись не теми методами, которые диктуются марксистской постановкой этой науки.

Тов. *Арциховский* в своем заключительном слове отводит упрек т. Аптекаря докладчику в том, что он оперировал «сверхсоциологией». Социологические категории понимаются им не как абстракции, но как совокупность конкретностей—*этнографических*, археологических, исторических и т. д. Между тем этнографическая формация—только индивидуальная конкретность. Поэтому, отрицая метод «наложения» этнографических формаций, докладчик отнюдь не возражает против сравнения; но последнее нельзя рассматривать, как доказательство, и только социологические категории могут оживлять археологический материал.

Тов. *Никольский* (председатель), резюмируя прения, отмечает, что впечатление некоторой односторонности и беспочвенности позиции докладчиков, нападавших почти исключительно на палеоэтнологическое направление, объясняется тем, что в прениях

не приняли участия представители этой школы. Между тем, борьба с нею весьма актуальна, отсюда и некоторые полемические увлечения докладчиков. Всегда ли археолог может воспользоваться готовой социологической конструкцией для наложения ее на свой материал? Нет. Древнейшие формации (например родовые) только еще строятся; здесь директивы социологии явно недостаточны для археологов. Это обязывает их координировать свою работу с этнографией, антропологией, лингвистикой, историей письменности и другими смежными науками. Если археология под руководством марксистской социологии может определять принадлежность тех или других материальных остатков к известной общественно-экономической формации, то почему не может этого же достичь этнография в отношении живых явлений? Этнография помогает строить такие формации, которые еще не вполне разработаны социологически. Эти каркасы строящихся формаций и их конкретные варианты в живых обществах, будучи перенесены в прошлое, свяжут и выполнят недостаточно полный археологический материал.

Без использования материала смежных дисциплин «восхождение» от орудий труда к системе производственных отношений неосуществимо. Археология не может иногда объяснить даже технологического назначения отдельных орудий, не говоря уже о тех отношениях, которые порождаются работой при помощи этих орудий. Кроме того метод восхождения не позволяет установить различия между социально-экономической формацией и конкретным обществом. Социологические категории создаются, имея отправным пунктом конкретные общества, и здесь история письменности и этнография поставлены в гораздо лучшие условия, чем археология, и потому будут играть руководящую роль в установлении самой категории общественно-экономической формации. Здесь основной метод—путь от современного и позднейшего к глубинам прошлого, а не «восхождение» от случайно сохранившихся обломков вещественных памятников. Археология—дисциплина, равноправная с марксистской этнографией, письменной историей и другими науками, вспомогательными по отношению к единой истории человеческого общества. Тем более важно для новой археологии решительно отмежеваться от этнологии, как буржуазного суррогата марксистской социологии, и, конечно, от суррогата в квадрате—палеоэтнологии. Правильная постановка этой задачи составляет несомненную заслугу группы археологов, поставившей настоящий доклад.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДОКЛАД С. КРИВЦОВА¹

Тов. Кривцов останавливается сначала на упреках, высказываемых по адресу Методической секции, будто она с цеховой точки зрения отстаивает историю, рассматривает ее, как самодовлеющую ценность, вне зависимости от воспитательного значения этого предмета и в жертву ей готова принести проблемы современности.

Уже в первом сборнике секции «Вопросы преподавания исторических дисциплин» одна из статей (т. Степановой) специально посвящена вопросу о связи преподавания истории классовой борьбы с современностью. На ряде примеров (термидор, якобинский террор, чартизм) здесь показано, как правильно диалектически можно увязать историю и современность с тем, чтобы опыт классовой борьбы прошлого помогал борьбе нашего времени. В качестве образцов такой плодотворной обработки прошлого под углом зрения текущей политики там приведены статьи Ленина 1918 г. (о бонапартизме, луи-блановщине и пр.). И позже Секция не раз давала доказательства того, что она не отторгается от современности. Но есть современность и «современность»; различное понимание этого термина и составляет главный предмет спора.

Впервые в советской исторической литературе проблема «современности» была поставлена в сборнике статей: «Современность в обществоведении в школе» (1923 г.) под ред. М. Н. Коваленского и Шульгина. Здесь уход от истории в современность аргументирован не методологически, а личными реминисценциями автора (Коваленского), испытывавшего «прелести» истории в старой школе. Впрочем, выбрасывая за недостатком времени историю, Коваленский сохраняет первобытную культуру и непосредственно сопоставляет ее с современностью. Кудрявцев в своих «Методологических очерках» признает равноправие истории и современности, но возражает против введения систематического курса истории, как достаточно уже себя скомпрометировавшего. Катаев увидел в соотношении между историей и современностью применение гегелевской триады, причем чисто логическим синтезом оказывается равноправие прошлого и настоящего.

Наша задача по-новому поставить этот вопрос о взаимоотношении истории и современности и практически разработать метод их взаимопроникновения. Н. К. Крупская рассказала на последнем заседании ГУС'а, что В. И. Ленин в наиболее критические моменты существования советской власти обращался не к статистическим сводкам и не к современным тактическим материалам, а вновь перечитывал I том «Капитала» или «Анти-Дюринга». И это понятно. Без исторического подхода к современности не может быть теоретического овладения последней. Возможно лишь голое описание. Маркс в письме к Кугельману указывал, как на основную его ошибку, на то, что он лишь констатирует факты, между тем как констатация факта—только начало научного изучения. Ленин постоянно упрекал народников в том, что они не ставили изучения кустарных промыслов, артелей и пр. исторически. Ленинскому методу этот историзм был в величайшей степени присущ. В недавно опубликованной лекции о государстве Ленин подчеркивает, что основной путь к познанию современного государства—изучение того, как государство возникло и куда росло. Изучение современности, быстротекущего сегодняшнего дня, не может дать правильной картины соотношения классовых сил и направления их роста. Получается господство статистического, количественного метода, который не раскрывает сущности изучаемого процесса. Если мы, например, решим изучать и преподавать эволюцию деревни с точки зрения индивидуального хозяйства, а не с точки зрения новых коллективных форм хозяйствования, исходя из того, что в *настоящий момент* процентное отношение первого ко второму дает огромный перевес индивидуальному сектору, то мы и наши ученики получим совершенно превратное представление о тенденциях развития и о сущности пятилетки.

¹ Заслушан 11/X 1929 г. в Методической секции. Краткое изложение.

Понятие «современности» у различных авторов получает весьма неодинаковое содержание. Шульгин считает, что это — империализм и СССР. Изучение же империализма одни начинают с предпосылок Октября, а другие — с 50-х гг. прошлого столетия. У М. Н. Коваленского другое и притом троякое понимание современности. Первый аспект — современность как предмет изучения. Но возможно ли изучение современности без исторического метода? Как разобраться в правильном понимании современности, если имеются самые различные трактовки этой последней: меньшевистская, эсеровская и пр. При обсуждении хозяйственного плана СССР указывалось (статья Вайсберга), что установка этого плана, предложенная Громаном, есть отражение капиталистического пути развития России. Следовательно; одна «объективная» статистика без исторического критерия не даёт достаточной ориентировки в современности. Другой пример: в 70-х гг. так называемое русское общество и даже многие революционеры были увлечены шумной борьбой за освобождение славянства, и в то же время почти незамеченным прошёл фак основания группой рабочих во главе с С. Халтуриним в 1878 г. Северного союза русских рабочих. Теперь славянофильская шумиха давно забыта, а скромное начинание питерских рабочих в *исторической перспективе* должно рассматриваться как первый шаг к социализму в нашей стране. Так история обнаруживает относительную значимость отдельных фактов общественной жизни. Далее, Коваленский предлагал наблюдать, «учиться слушать» современность. Но, очевидно, правильно наблюдать современность можно только активно участвуя в ней, а не рассматривая ее со стороны в качестве любопытного наблюдателя. Между тем у Коваленского имеется и третий вариант современности: современность, понимаемая как наша социальная среда, *введенная* в школу. Как будто школа есть нечто принципиально чуждое советской действительности, куда надо искусственно вводить нашу среду. Таким образом современность, как объект изучения, отделяется от современности, как объекта активного воздействия. Здесь нужно прямо сказать, что единственный метод правильного решения этой проблемы активного познания современности — метод диалектического единства истории и современности; без этого остается либо сплошной историзм, либо сплошная современность. Наша задача схватить быстротекущую современность, найти ее корни в прошлом, открыть приемы борьбы различных классов за новые общественные отношения и использовать эти приемы в интересах борьбы пролетариата за социализм. Маркс вывел идею диктатуры победившего рабочего класса исторически, взяв за образец революционную диктатуру якобинцев. Позже эта идея была проверена на событиях 1848, 1871 и 1917 гг., хотя даже после Октября современникам не сразу стало ясно подлинное значение советской власти как *международной* формы диктатуры пролетариата (Ленин, Детская болезнь левизны). Таково значение истории для познания современности.

Столь же велико *воспитательное* значение истории. Современность должна эмоционально заражать подрастающее поколение ненавистью к угнетателям и преданностью делу освобождения трудящихся и угнетенных. Но этой же цели могут служить картины прошлого, история классовой борьбы, которая облегает неясные настроения в конкретные, четкие образы и даст им законченное научно-обобщенное оформление.

Без современности нельзя мыслить советской школы, воспитывающей участников социалистического строительства; но современность должна быть органически увязана с историей и притом не так, чтобы история была механически подчинена современности. Нельзя Пугачева изображать «для понятности» современным детям председателем колхоза, нельзя исторический термидор подгонять к событиям текущего момента.

Для понимания сегодняшнего дня необходим исторический метод. При помощи его мы сумеем отделить существенное (созревание международной революции) от второстепенного, хотя бы последнее по внешности выплывало на первый план (например, дипломатическая возня вокруг разных планов Дауэса, Юнга, пакта Келлога и пр.), при помощи его возможно наметить и перспективы на завтрашний и послезавтрашний день. Вопросы о выполнении пятилетки в 4 года, о реальности генерального плана освещаются анализом предшествующего развития. Беда правых уклонистов в том и заключается, что трудности данного момента заслоняют перед ними историческую перспективу. Взгляды их теоретиков насквозь антиисторичны, метафизичны и механистичны. Таким образом односторонняя ориентировка на современность может служить источником величайших политических ошибок.

Опыт показывает нам, что знаменитые комплексы в московских школах второй ступени были плохи не сами по себе, а тем, что они не находились ни в какой органической связи с развитием хозяйства и производительных сил СССР. Характерно в этом смысле, что агропедфак строился в Москве, т. е. в центре области, где в сельском хозяйстве существует уклон в животноводство и огородничество. В этом сказывается отсутствие исторической перспективы.

Современная молодежь склонна рассматривать наших политических противников как явления давнего прошлого. Был случай, когда молодые рабочие после лекции о крепостном праве высказали предположение, что этого вообще никогда не было, что все ужасы крепостного права просто выдуманы. Такое игнорирование прошлого может привести к недооценке его пережитков повсюду выпирающих из нашей современности. Необходимо уметь показать, откуда и куда растет кулак, каков исторический смысл его борьбы с колхозами, сельхозармиями и пр.

Современность текуча, каждый день ставит новые проблемы, меняет перспективы и установки. В этом потоке событий надо уметь уловить основное, не потерять руководящей, принципиальной точки зрения. При установлении нэпа были сильнейшие колебания в его оценке (полное отступление или маневр), на 14-м съезде выплыл тезис о новом нэпе, противопоставленный генеральной линии социалистического развития. Все эти уклоны и колебания в известной степени объясняются утратой исторической перспективы; во избежание этого мы не должны терять из поля зрения нашего прошлого во всем его своеобразии, во всей конкретности отдельных исторических моментов, не упавая при этом в абстрактные социологические схемы, находящиеся подчас вне времени и пространства.

Современность мы должны рассматривать в процессе становления. Еще Энгельс говорил, что сами по себе результаты не имеют для нас значения без того развития, продуктом которого они явились, и без тех последствий, для которых они послужили зародышем. Изучая современность, мы присутствуем при зарождении нового, из явлений прошлого, развития, но, чтобы заметить процесс роста, нужно взять исторический процесс в его целом; отдельные отрывки эпох и событий не смогут дать понятия о закономерности общественно-исторического развития; учащиеся будут вынуждены искать голых аналогий (некоторые учебники сравнивают индустриализацию нашего хозяйства с промышленной революцией в Англии), научное преодоление современности превратится в простое ее описание, эмпирическую констатацию фактов, т. е. в своего рода исторический механизм. А при описательном методе неизбежно перенесение старых терминов и понятий на новые явления, а, следовательно, и искажение изучаемой действительности. Так, например, Ленин настойчиво предупреждал на X съезде против понимания нашего госкапитализма в бисмарковском духе и указывал, что это—новое явление, для которого не найдено еще адекватного названия. В этом смысле изучение неустановившихся категорий современности гораздо труднее работы историка. Зато изучение более совершенного организма облегчает понимание его зачаточных форм (Маркс), поэтому современность при правильном ее понимании даст ключ ко многим историческим проблемам. Вот почему с таким успехом идет теперь у нас изучение пугачевщины и в частности ее организационных форм. В свете нашей современности нам становятся понятнее советы солдатских депутатов в армии Кромвеля (ср. доклад Пашуканна на берлинской неделе наших историков), судьбы и достижения Парижской Коммуны и пр.

С другой стороны такие кардинальные проблемы нашей современности, как вопрос о возможности для нас догнать и перегнать передовые капиталистические страны в техническом отношении, находят исторические аналогии и удовлетворительно решаются на историческом материале. Если бы технически отсталые страны не могли торжествовать над своими более сильными конкурентами, Германия и США не выдвинулись бы перед войной на первое место в ряду капиталистических стран.

Ожесточенная полемика, которую Секция вела против «описательной современности», была направлена прежде всего против подмены великих перспектив будущего ограниченными задачами сегодняшнего дня, против школьных комплексов с свиной или козой, которую обыватель в голодные годы выкармливал в качестве «большевистской коровы». Современность должна быть подчинена будущему, а будущее нельзя познать, не изучив прошлого. Мы не можем подобно народникам подчинить будущее абстрактному идеалу, сочиненному по нашему произволу, мы изучаем соотношение общественных сил сегодняшнего дня, в свою очередь порожденное прошлым, и ищем те тенденции, которые ведут вперед общественное развитие. Изучая опыт вчерашнего дня, мы намечаем темпы развития и пути разрешения актуальных проблем современности. Программу изучения современности, понимаемой таким образом, наметить не легко, так как каждый год ставит перед нами новые проблемы. Но достаточно дать молодым педагогам правильную методологическую и политическую установку в изучении современности и систематическое знание прошлого,—и они сумеют самостоятельно произвести анализ конкретной ситуации, соотношения общественных сил на данной ступени исторического развития, сумеют, например, самостоятельно обнаружить опасность троцкистского уклона, который в своих мечтах о сверхиндустриализации желаемое выдавал за настоящее.

Без этого изучения современности будет наблюдением из окна вагона и никакого воспитательного влияния оказать не сможет.

В КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ПАЛЕСТИНЕ И АНГЛИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

ДОКЛАД В. ХАЙДАРА ¹

В Палестине происходит национальная борьба против империализма, против колониального господства. Национальный вопрос в Палестине отличается рядом специфических особенностей, требующих особого рассмотрения.

Национальные взаимоотношения в Палестине—это прежде всего взаимоотношения между отмирающей буржуазией империалистической Европы, представителем которой является сионизм, и агонизирующим азиатским феодализмом. Однако наряду с этим происходит рост туземной арабской буржуазии, в свою очередь сталкивающейся, с одной стороны, с пришлой еврейско-европейской буржуазией, а, с другой стороны—как ни как — и со своим собственным феодализмом, тормозящим ее развитие. Однако момент национальных *арабско-европейских* взаимоотношений остается основным. В Палестине мы имеем не просто национальный вопрос в общем смысле, т. е. вопрос о правовом, экономическом и политическом положении существующего национального меньшинства в капиталистическом государстве: ибо здесь не наличие национального меньшинства является предпосылкой национального вопроса, а наоборот, национальное меньшинство искусственно создается на основе некоторой формулировки национального вопроса. Как известно, еврейское меньшинство развивается на основе мандата, полученного Англией, на основе Бальфурской декларации 1917 г., обещавшей создание в Палестине еврейского «национального очага», и именно эта политика создания еврейского национального очага и положила начало иммиграционной волне в Палестину, достигшей внушительной цифры (80 тыс. человек). За один 1925 г. в Палестину иммигрировало 33 тыс. евреев.

Другой особенностью национально-колониального вопроса в Палестине является то, что здесь коренным трудящимся массам приходится сталкиваться не непосредственно с империализмом, а с каким-то подставным лицом—с сионистским движением, с еврейским населением. Тем самым борьба трудящихся масс Палестины с империализмом за свою национальную независимость отвлекается от своей главной цели в сторону национальной борьбы с еврейским населением. Последние события в Палестине—это по существу своему антиимпериалистическое движение, но по форме, по внешнему характеру— национальная борьба между арабами и евреями; колониальный вопрос как бы растворяется в национальном.

Своеобразие национально-колониального вопроса в Палестине объясняется рядом обстоятельств. Укажем прежде всего на географическое положение Палестины. Интерес империалистов к этой стране вызван не богатством самой страны (которая не располагает особыми сырьевыми ресурсами или естественными богатствами), а ее географическим положением на стыке между Европой, Азией и Африкой, между Суэцким каналом и Персидским заливом, т. е. на путях из Англии в Индию. После раздела Африки вопрос о Сирии и Палестине становится очередным. Для Франции вопрос о Сирии, о влиянии в этом арабском центре связан с вопросом об укреплении своих позиций в североафриканских арабско-берберских странах—в Марокко, Алжире, Тунисе. Далее, для Англии, сознающей, что дни ее господства в Египте сочтены, вырастает значение Палестины как ключа к Суэцкому каналу и в то же время как барьера,

¹ Заслушан 1/X 1929 г. и передается в сокращенном изложении.

ограждающего подступы к этому каналу от французского империализма, утвердившегося в Сирии. Необходимо отметить еще значение Палестины как моста к Моссульской нефти, к минеральным богатствам Мертвого моря и как поста, контролирующего пути в Аравию. Палестина имеет еще громадное политическое значение как клин, разбивающий арабское национальное движение. Нельзя забывать, что арабской нации в строгом смысле слова еще не существует, что арабский Восток теперь лишь переживает процесс национальной консолидации, выкристаллизования нации из громадного конгломерата племен, родов и т. д. Эти процессы еще не преодолели местного партикуляризма, межплеменной розни, на которой и пытаются играть империалисты. Сионистское движение по замыслу империалистов должно разбить, расколоть объединительные тенденции среди арабов.

Сионистская колонизация, несмотря на то, что ее фактические достижения ничтожны по сравнению с задачей, поставленной сионизмом, а именно созданию еврейского большинства в стране, несомненно, имела влияние на хозяйственное развитие страны. Палестина—полуфеодалная страна. До сих пор в ней сохранились формы натурального хозяйства, формы, напоминающие нашу общину,—и притом не только на окраинах, но и в центре. Приток капиталов в страну, в частности в связи с сионистской иммиграцией, постепенно разрушает устои натурального хозяйства. Этому способствует политика англичан, введших вместо натурального налога денежный налог и насаждающих кулацкое хозяйство (закон о кадастре). Сионистская колонизация привела к неслыханному повышению цен на землю. В ряде случаев за последние 10 лет цена земельных участков возросла в 8—10 раз. Капитальная рента сильно повысилась, цена на землю настолько возросла, что проценты с капитала, полученные за проданную землю, гораздо выше, чем реальная прибыль обыкновенного хозяйства или чем арендная плата. Начинается процесс концентрации и скупки, а то и просто узаконенный грабеж земли под видом землеустройства (кадастра). В то же время растут капиталистические элементы и в городе. Растет промышленность не только в еврейских, но и в арабских городах (текстильная, мыловаренная и т. п.), несмотря на преграды, ставящиеся правительственной налоговой политикой. Итак, процессы, происходящие в стране, выражаются в том, что развивается промышленность, растет и торговая буржуазия, феллах экспроприруется, растет пролетариат и бедное крестьянство, разоряется бедуин-кочевник.

Нельзя рассматривать арабское национальное движение в Палестине как явление, изолированное от общего арабского движения. Палестина лишь искусственным путем выделена из арабского мира: ибо, несмотря на сохранившийся в нем местный партикуляризм, Палестина—органическая часть всей арабской территории, охватывающей кроме нее Сирию, Трансиорданье и Ирак. Палестинские арабы чутко реагировали всегда на иракские, сирийские, трансиорданские выступления. Однако само арабское движение в Палестине сохраняло все еще примитивные черты группировки не по партиям, а по родам. Там мы имеем не столько партийные организации, сколько родовые. Так, «партия» Эльхусейнов, опирающаяся на этот род, число членов которого достигает 500 человек, пользуется влиянием только в Иерусалиме и его окрестностях, дальше к северу ее влияние незаметно. Несмотря на разрушение экономической базы родового строя, надстройка в виде родовой традиции держится еще довольно прочно, и все же в первые годы после войны волна арабского национального движения поднялась довольно высоко; требования арабов сводились к эвакуации страны англичанами и вхождению в независимую арабскую федерацию.

Однако изменения, происшедшие в экономической структуре страны, привели к некоторой перегруппировке сил. Выросшая туземная торговая буржуазия, являющаяся самой активной частью арабского населения, связала свои интересы с интересами британского империализма. Английское господство выразилось для нее в дорожном строительстве, упорядочении кредитной системы, в возможности закупки готовых фабрикатов в метрополии и т. д. Точно так же интересы арабских плантаторов, сбывающих свою продукцию в Лондон, тесно связаны с британским империализмом. Национальная буржуазия переходит на национал-реформистские позиции. Сирийское восстание 1925 г., приведшее в движение крестьянские массы, подействовало отрезвляюще на буржуазию. Рост аграрного движения в Палестине, появление арабских рабочих организаций, действуют в том же направлении. Влияние торговой буржуазии и плантаторов в арабском движении выразилось в усилении оппортунистических и соглашательских тенденций. На арабском конгрессе 1928 г. происходит консолидация сил этих элементов на платформе соглашения с европейским империализмом и борьбы с еврейским конкурентом.

В национальном арабском движении в Палестине мы имеем фактически две группы, если не считать третью, только сейчас начинающую выходить на политическую арену.

Это, с одной стороны, течение, группирующееся вокруг арабского Исполнительного комитета и представляющее соглашательскую торговую буржуазию и владельцев плантаций. Второе течение группируется вокруг «Меджлис Исламия», представляющей родовую знать, теряющую свои экономические позиции, но сильную традициями прошлого; контроль над весьма значительным церковным имуществом (вакуфами) дает ей известную экономическую силу. Развитие страны, подрывающее влияние этой группы, толкает ее на большую оппозиционность, границы которой однако определяются опасностью возникновения аграрного движения в стране.

Эти моменты определяют арабско-еврейские национальные взаимоотношения в стране. Партия торговой буржуазии в первую очередь видит своего экономического врага в еврейской торговле. Конфликты между арабами и сионистами происходят вокруг земли, труда, политических прав, распределения бюджета. Конфликты вокруг земли начались уже с первых дней сионистской колонизации. Еврейским колонистам приходилось каждый клочок земли покупать у арабских помещиков. Эта земля, принадлежавшая помещикам, обрабатывалась феллахами, а закон запрещал продажу несвободных земель. И вот для того, чтобы иметь возможность продать землю, помещики приходилось заранее согнать с нее своих арендаторов. Началось насильственное выселение феллахов с земли как арабскими помещиками, так и сионистами; на этой почве имел место ряд жестоких конфликтов между еврейскими колонистами и арабами-феллахами. В этой борьбе непосредственное участие принимают, конечно, не капиталисты, сидящие далеко в Америке и Европе, а, к сожалению, еврейские рабочие, идущие еще за реформистами и с оружием в руках принимающие участие в выселении феллахов. Неудивительно, что феллахи или бедуин начинают именно в еврейях видеть своих врагов.

Конфликты вокруг труда происходят оттого, что экспроприированный феллах, желающий продать свои рабочие руки еврейскому колонисту или промышленнику, наталкивается на противодействие реформистских еврейских организаций, выдвигавших лозунг «завоевание труда» (Кибуш авода). Согласно этому требованию в еврейских колониях, в еврейских фабриках имеют право работать только еврейские рабочие. Разгорается борьба за рынок труда, доходщая как до кровавых столкновений между еврейскими и арабскими рабочими, так и до столкновений между еврейскими рабочими и еврейскими плантаторами, предпочитающими арабский, более дешевый труд. Далее разгорается борьба вокруг концессий (электрическая концессия Рутенберга, концессия по разработке минеральных богатств Мертвого моря и т. д.). Фактически концессионеры—англичане и американцы—выдвигают подставные еврейские фамилии, отвлекая тем самым внимание арабов от подлинных владельцев концессий в сторону евреев, которые, мол, захватывают все богатства страны.

Переходя к проявлениям национальных взаимоотношений в политической жизни страны, необходимо указать, что среди евреев мы имеем в этой области три основных течения: первое, самое сильное, самое активное, хотя количественно и наиболее слабое—это так наз. сионисты-ревизионисты, с Жаботинским во главе. Их программа формулируется следующим образом: «Палестина должна быть еврейской, как Англия является английской». Добиться этого можно только путем жесточайшей борьбы с оружием в руках. Основное же сионистское течение, отказываясь от воинственной фразеологии ревизионистов, по существу придерживается той же точки зрения.

Эти течения отражают обычные взаимоотношения между «колонистами» и «туземцами» в колонизируемых странах, когда борьба идет не столько за право эксплуатации последних, сколько за их физическое вытеснение или уничтожение, как единственное условие возможности занять необходимые участки земли и стать большинством в стране.

Наконец отметим еще одно течение, усиливающееся за последние дни: это партия «брит шалом» (мирный союз), которая выдвигает требование соглашения и сожительства с арабами на основе признания арабами права еврейской колонизации Палестины и вплоть до совместной борьбы с английским империализмом. Это—идеология сионистских пацифистов.

Переходя от буржуазных партий к рабочим, наталкиваемся на парадоксальное явление: среди еврейских рабочих свило себе гнездо наиболее шовинистическое и непримиримо-максималистское настроение. Рабочие реформистские организации проводят самую активную проарабскую национальную политику—политику захвата земли, захвата рынка труда и т. д. Дело доходит до забастовок, проводящихся под требованием увольнения арабских рабочих.

Из арабских партий упомянутая нами «Меджлис Исламия» выдвигает на первый план религиозный момент, поскольку это ее основной политический козырь. Она занимает резко антисионистскую позицию, хотя и делает попытку сближения с клерикальными еврейскими кругами, поскольку и те нередко отмежевываются от сионизма.

Торговая буржуазия распадается на две части: в то время как мелкие торговцы не прочь бы пойти на соглашение с евреями, расширяющими внутренний рынок страны и в то же время освобождающими их от зависимости от крупной торговой буржуазии, последняя—в составе которой наиболее видную роль играют арабы-христиане—является застрельщицей антиеврейской борьбы. Однако эти элементы проводят точку зрения своеобразного экономизма. Они считают, что центр тяжести борьбы с евреями лежит не в области политической, а в области экономической, в основании акционерных обществ, банков и т. д. Что касается пролетарских элементов, то имеется ряд организаций от национально-религиозных до слабой еще революционной.

Об отношении арабских партий к борьбе с английским империализмом было сказано выше. Какова же политика Англии в вопросе об арабско-еврейских взаимоотношениях? Эта политика сводилась прежде всего к тому, чтобы выдвигать на самые рискованные места и на первый план сионистскую колонизацию. Английскому империализму нужно, чтобы сионисты были достаточно сильны, чтобы держать арабов в страхе, но не настолько сильны, чтобы не нуждаться в нем самом. Своеобразная английская система управления страной заключалась в том, что все английские чиновники были разделены по принципу разделения труда—на две категории: чиновников-юдофилов и чиновников-юдофобов. Одни участвовали в еврейских национальных торжествах и т. д., вызывая протесты со стороны арабов, другие руководили антиеврейской пропагандой среди арабов. Это двурушничество обнаружилось уже в 1921 г. и очень ярко проявилось во время последних событий: один чиновник принимал еврейские делегации, делал успокаивающие заверения и т. д., другой—давал арабам разрешение на антиеврейские демонстрации и т. д.

Переходим к анализу последних событий. Отметим следующий факт: ко времени арабского выступления в Палестине было английских войск всего 800 человек, из которых всего 160 англичан-офицеров, а остальные—туземцы. Это в то время, когда французы в Сирии, даже в сравнительно спокойные периоды, никогда не сокращали своих оккупационных войск ниже 50 тыс. человек. Каким образом 160 англичан-офицеров могли удержать власть над *восемьюстами тысячью* населением страны? Каким образом им удавалось предотвращать какие-либо активные выступления арабского населения против английского империализма? Ключ к разгадке этого явления лежит в плоскости еврейско-арабских взаимоотношений. В течение всего времени еврейские и арабские кварталы, еврейские колонии и арабские деревни представляют собой два враждебных и борющихся лагеря. Столкновения происходят непрерывно. Благодаря этому англичане могут опереться не только на 800 человек своих войск, но и на тысячи вооруженных сионистов, фактически и поддерживавших внешнее спокойствие в стране. Однако главная суть дела не в этом, а в том, что арабско-еврейские конфликты разлагают арабское национально-освободительное движение, направляют его по ложному пути. События грабежа, насилий и т. д. нередко оказываются слишком сильными для неустойчивых элементов, разлагают их революционную энергию.

В последнее время положение борющихся сил резко меняется. Сионизм Англии больше не нужен. Он сделал свое дело и может уйти. С одной стороны, англичане с опасением смотрят на проявляющиеся кое-где в еврейском населении тенденции к сближению с арабским населением; с другой стороны, переход арабской буржуазии к национал-реформизму делает излишней сионистскую опору. В связи с этим меняется политический курс в отношении сионизма. Сионизм отвечает на это сближением с враждебным Англии северо-американским капиталом, начинающим проявлять активность в Палестине, Египте и Ираке. Финансовый капитал США ищет путей на арабский Восток и сионизм стремится сойтись с ним в этой области, что, в свою очередь, усиливает охлаждение между сионизмом и Англией. Англия не прочь допустить, чтобы арабы несколько умерили сионистскую «заносчивость».

Необходимо указать на один весьма существенный фактор конфликта. Мы уже говорили о происходящем процессе обезземеления феллахов, разрушения основ феллаха и бедунского хозяйства. Автомобиль вытесняет караван. На этой почве усиливается аграрное движение, направленное не только против еврейских, но и против арабских участников этой экспроприации. Случаи подобных конфликтов все учащаются. В этом выражается усиленное влияние компартии, до последнего времени исключительно еврейской, но в настоящее время вовлекшей в свои ряды таюке и передовые части растущего арабского пролетариата.

Конечно, рано еще говорить о широком революционном движении среди арабских рабочих, но тенденции к росту этого движения уже проявляются достаточно рельефно. Так за последнее время вспыхивает ряд забастовок среди арабских рабочих. Иерусалимские пекари бастовали 6 недель, несмотря на самые суровые репрессии, избиения,

аресты. 1 мая 1929 г. арабы демонстрировали под коммунистическим знаменем, первоавгустовская демонстрация оказалась еще внушительнее. Мы не говорим уже о массовых демонстрациях национального характера. При подобной накаленности атмосферы малейшая искра должна была привести к взрыву. Этот взрыв был до некоторой степени нужен всем: арабские буржуазные националисты хотели продемонстрировать силу своего влияния, свою «революционность» и помешать развитию тенденции к сближению между арабами и евреями. Сионисты должны были показать американскому капиталу неспособность английского империализма справиться со своей задачей; англичанам нужен был предлог для усиления своих войск после вынужденной эвакуации Египта; арабско-еврейское столкновение (разумеется, поскольку оно не перерастает в революционно-освободительное движение) усиливало его позиции.

Единственной группой, проводившей в этот момент действительно интернациональную политику, была компартия. Коммунистическая партия ведет свою работу в атмосфере, насыщенной шовинистическим угаром; она последовательно проводит линию интернационального сближения. В момент арабско-еврейских столкновений она обращалась к населению с воззваниями, указывавшими на необходимость совместной борьбы против империализма. Эти воззвания в некоторых районах оказывали свое действие. Там феллахи отказывались идти на зов буржуазных националистов против евреев, заявляя: «если вы пойдете с нами против англичан, то мы с вами». Движение переросло свои организационные рамки.

Это подводит к общей характеристике палестинского движения. Особенность движения заключается в том, что оно перерастает организационные рамки, созданные реакционными вождями движения; оно охватывает все более и более широкие феллахские и бедуинские массы, подвергающиеся беспощадной эксплуатации и экспроприации. Разумеется, благодаря тому, что движение еще очень слабо, оно может легко быть направлено по реакционному пути. Это выдвигает особые задачи перед революционными элементами движения. При этом существеннейшее значение имеет то обстоятельство, что арабское движение в Палестине перерастает не только свои организационные, но и свои территориальные рамки, перекидываясь в Сирию, Ирак, Аравию. Палестинское движение—одно из звеньев общего арабского национально-освободительного движения, один из моментов нарастания революционной волны на Востоке.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СПОСОБ РАССЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТИП ЖИЛЬЯ ¹

ДОКЛАД М. ОХИТОВИЧА

Каждому способу производства соответствует и свой способ расселения. Основное структурное деление последнего на город и деревню является следствием общественного разделения труда—отделения ремесла, промышленности от земледелия. Форма расселения (напр. форма деревни или города, или села) является как бы способом непосредственной связи человека с местом производства или обмена. Она меняется при наличии *общих* интересов в *одном* месте производства или обмена. Каждому способу расселения соответствует и свой тип жилища. Структура жилища (напр. деление жилищ на комнаты) вытекает в свою очередь из факта разделения труда внутри жилища. Форма жилища находится в соответствии с формой расселения и соответствующих ей способов передвижения в особенности.

Простое товарное общество в структурном отношении характеризуется отделением города от деревни на основе отношений обмена продуктов мелкого земледелия, с одной стороны, на продукты свободного ремесла города—с другой.

Форма расселения свободного ремесла—бург, посад, местечко. Ей присущи и свои средства и способ передвижения (пешеходный). Для связи с производством, т. е. со станком, лошади не требуется, для связи с рынком—тоже. Жилище является и местом производства, и местом обмена, и местом потребления. Дом мещанина—самый стационарный дом в истории. Улицы бурга—непроезжие дороги, дороги для пешеходов, и пешеход на них еще более задерживается выставленными на середину улицы лавками. Даже упряжная телега крестьянина, стоит ей проникнуть в город, доезжает лишь до рыночной площади, где превращается в стационарную лавку.

Мануфактура деформирует структуру бурга. Разрушаются цеховые улицы, после чего лошадь, осел, мул—эти орудия междугородного сообщения—с рыночной площади проникают и в улицы. Так рождается первое противоречие между формой расселения современного города и способом передвижения, междугородным по своему существу.

Анархическая планировка, соответствующая капиталистическому способу производства, с его отделением пункта обмена от места производства и места производства от места потребления, вызывает потребность в новых средствах передвижения, но пользование этими средствами никогда не могло стать всеобщим и постоянным. Избранные пользовались ими большей частью всегда, а основные массы населения—от случая к случаю (извозчик, омнибус).

Форма общения в условиях свободного городского ремесла (т. е. пешеходья и полного отсутствия средств сношения) основывалась на максимальной местной близости (цеховая улица в первую очередь, город—во вторую, деревня ближайшей округи—в третью). В условиях мануфактуры (т. е. появления okazji, зародышей почты и т. п. средств сношения) форма общения еще мало чем отличалась от формы общения эпохи свободного ремесла. Но форма общения мануфактурных рабочих делается в первую очередь городской (тогда как у мещан—уличной) и лишь во вторую—междугородной, главным образом в интересах торгового капитала.

¹ Зачитан 1/X 1929 г. Доклад и прения передаются в кратком изложении.

В то время как деревня в смысле способа сношений и передвижения находилась в равных с городом условиях (лошадь—для производства и для связи с рынком, для связи же с людьми—то же пешеходье, что и в городе), в смысле расселения она была поставлена в иные условия. Тысячелетия деревня пребывала в изоляции, между тем как в городах общественная жизнь развивалась *crescendo*, ибо город при пешеходном способе передвижения и отсутствии средств сношения сам по себе является условием непосредственного общения людей, деревня же—условием максимальной изоляции.

Промышленный капитализм не только сохраняет, но до крайних пределов усиливает процесс отделения города от деревни—форм расселения, свойственных товарно-капиталистическому способу производства. Вся капиталистическая культура окрашивается в урбанистические тона, вся капиталистическая индустриализация протекает на урбанистической форме расселения. Эпоха капитализма—время бешеного роста не только положительных сторон городской формы расселения по сравнению с деревенской, но и отрицательных сторон: социально-гигиенических, социально-психологических—в первую очередь, политических—во вторую (отрыв городов друг от друга).

Ужасы города начинают осознаваться всеми. Социалисты (Оуэн, Фурье) в своих планах предусматривают уничтожение противоречия, породившего такое развитие отрицательных сторон города. Возникает *революционная* идея, идея соединения города и деревни. Мелкобуржуазные утописты (немецкий прудонист Мольбергер и др.), считая естественным наличие противоречия между городом и деревней, предлагают уничтожить вред города, сохранив его пользу. Буржуазные утописты (Генри Джордж Уэллс, наиболее яркий представитель этого течения) ставят себе задачу весь мир превратить в город, весь город—в один дом, все средства городского передвижения—в одно. У Генри Джорджа Уэллса мы видим наивысший расцвет урбанистических идей в человеческой истории.

С отделением места производства от места потребления промышленный капитализм вызвал огромную потребность в новых средствах передвижения, для чего в первую очередь пытались приспособить механический транспорт, возникший как между-городское, международное средство сообщения, к условиям городской формы расселения. В результате этого приспособления железнодорожный поезд остается между-городским, международным средством сообщения, электропоезд становится средством пригородного сообщения, и лишь трамвай проникает внутрь города. Экономически доступный всем, он все же не смог удовлетворить полностью потребности в средствах передвижения. Метрополитен, надземка только бесконечно усилили неустрашимое противоречие между условиями движения и условиями покоя, между средствами передвижения, рожденными в условиях мировых просторов, и ограниченной узким пространством городской формой расселения.

Промышленный капитализм создал могучие механические средства сношения: телеграф, телефон, радио. Они вместе с автомобилем и аэропланом подготовили в недрах старого общества элементы для соединения города и деревни в одно целое; с их помощью стала возможной пролетарская форма классовой сплоченности в национальном масштабе,—масштабе страны; с их помощью облегчалась борьба за революцию, за социализм во всем мире, хотя разумеется в первую очередь этими средствами передвижения и сношений пользуется для укрепления своего классового господства на всем земном шаре, за господство города над деревней владелец этих средств передвижения и сношений—крупная буржуазия.

С другой стороны происходит отделение средств производства не только от жилища, но и от города. Вытеснение мелкого земледелия приводит к тому же и деревню. На наших глазах происходит процесс *разложения* товарно-капиталистического способа расселения в форме *дизурбанизации*.

Это выражается в процессе *расселения промышленности*, на который указывали Энгельс и Ленин. Из города бегут все, кто может. Богачи покидают городские кварталы—отсюда рост загородных вилл; более бедные слои населения поселяются в загородных коттеджах. Это стало возможным только после появления массового производства индивидуальных средств передвижения и сношения.

Весьма нетрудно проследить эту тенденцию в росте распространения автомобилей. Машина крупная, многосильная, на много людей, распространена среди самого узкого круга населения. Чем машина ближе, так сказать, к одному человеку (а это ее делает дешевой), тем она больше распространена, тем более нужна, тем более вступает в противоречие со старой формой расселения—городской. Так в центре Нью-Йорка в деловые часы так тесно, что машине туда не попасть; ближе к окраине тесно от машин и мало пешеходов, главная же масса автомобилей, принадлежащих городским жителям, остается ждать владельца за *городом*. Если механические средства сношения

сделали невозможной деревенскую изолированность, то средства механического транспорта делают невозможным город, как форму расселения. И прежде чем Уэллс успеет осуществить свои подвижные улицы и тротуары, автомобиль уничтожит сами улицы и тротуары.

Эту тенденцию легче всего проследить в странах развитого автомобилизма. И только в нашей стране с почти полным, по существу, отсутствием автомобилей могла родиться идея «социалистического города», затем идея уничтожения противоположности между городом и деревней путем создания индустриальных городов и агрогородов. Разумеется, при отсутствии автомобиля, телефона, радио лучше всего людей селить в городе, т. е. в максимальном сосредоточии. Рассредоточить, децентрализовать или, как Энгельс, Бебель, Ленин говорили—равномерно (т. е. не центрами, с одной стороны, и пустынями—с другой) *расселить* людей, без автомобиля, без телефона нельзя. С другой стороны эти лозунги показывают, что ни опыт укрупненного земледелия на Западе, где он уже приводит к рассеянию фермерских жилищ, а не к объединению их в города, ни опыт укрупнения земледелия в СССР до авторов этих идей не дошел, ибо город потому-то и не заселяется в течение тысячелетий мужиком, что он *отдаляет* работника от производства. Даже автомобиль не заставит крестьянина жить в городе (если бы он почему-либо захотел там жить),—он слишком для этого медлителен, аэроплан же в город проникнуть не может.

Ни деревня вся не сможет влиться в город, ни город не сможет влиться в деревню. Соединение города и деревни произойдет в форме равномерного расселения промышленности, равномерного расселения человечества. В отдаленной перспективе центры рассеиваясь быть может и исчезнут совсем; так, строго говоря, в земледельческой, горной, дорожной индустрии центров нет, есть районы. Фабричнозаводская промышленность показывает тенденцию к уменьшению потребности в центрах, но ни в коем случае не к их исчезновению в *наше время*. Считаясь с фактом их существования, мы назвали форму расселения людей, связанных с фабричным производством, децентрической, чтобы охарактеризовать этим противоположную тенденцию, концентрическую. Таким образом в агроиндустрии, дорожностроительной и горнодобывающей промышленности будет возможно наиболее равномерное расселение, в фабричной же—децентрическое. В этом случае от производственного, общественнокультурного центра будут протянуты автопути в другие индустриальные районы или фабричные центры. Рабочие будут связаны с этими центрами телефоном и автомобилем (сперва автобусом, затем такси и наконец индивидуальным автомобилем) и со всем миром—радио.

Точно так же, как капитализм в крайнем своем развитии подготовил элементы своей гибели, в том числе и гибели своего способа расселения, а с ним и форм этого расселения—деревни и города, точно так же, как он подготовил элементы соединения обеих этих форм, точно так же капитализм подготовил элементы гибели и своего типа жилища. Выделение женщины из домашнего хозяйства в производство подготовило гибель дома. Жена отводала себе отдельную комнату; жена стала участником общественного процесса производства; она стала уходить на фабрику, завод, в контору, на бульвар. Дети—в школе, на улице. Питание в столовой, чайной, кафе, ресторане. Стирка в прачечной. Дома—сон, досуг вместо домашнего хозяйства и воспитания детей.

В условиях городской тесноты, высоты земельной ренты семья обитает в одной из бесчисленных квартир огромного дома. За городом семья живет в вилле или, главным образом—в коттедже.

Каким будет тип социалистического жилища? Элементы его мы находим в типе жилищ, соответствующем капиталистическому способу расселения (в конце концов домом фермера стал тот же коттедж, семейный домик). Женщина, как равноправная работница, получит отдельное от мужа помещение, и поскольку она будет жить не в городских условиях, значит и *отдельное строение*. Точно так же, как теперь мы не видим ничего странного в отдельной комнате, так в социалистических условиях никто не будет протестовать против права каждого члена общества, всякой человеческой личности на отдельное жилье (строение), отдельный телефон, радио, автомобиль.

В таком жилье не может быть и каких-нибудь элементов домашнего хозяйства. «Жена», поскольку останутся старые наименования для новых отношений мужчины и женщины, живет наиболее близко от «мужа», но сохраняет свое отдельное от него помещение. Дети живут возле родителей, но ответственность за надзор за ними и воспитание, поскольку мать работает на производстве, снимаются с плеч матери.

Итак—смерть очага, но не смерть жилища. Смерть коттеджа, но не смерть индивидуального жилища.

Разумеется, такой тип жилища возможен при соответствующих условиях производства, т. е. при развитых средствах механического передвижения и сношений с одной

стороны и при полном вытеснении индустрией всех элементов домашнего хозяйства, полной замены домашнего воспитания (точнее недосмотра) общественным.

Социалистическому способу расселения будет соответствовать и своя форма общественного общения, *коллективизма*, людей. Равномерность расселения означает, по Энгельсу и Ленину, равномерность распределения культуры. Равномерность расселения делает постепенно всех сознательными членами единого мирового производственного процесса, пользующимися средствами технической, интеллектуальной, физической культуры, пока эти три направления культуры не сольются в один общечеловеческий поток коммунистического человечества.

Нам предстоит огромная работа. На наших глазах меняются социальные отношения в нашей стране. Лозунг индустриализации означает попытку перестроить отношения на основе нового социалистического способа производства. Старое еще живо, но в старые города вливается новая кровь индустрии.

Плановая наша политика должна предусмотреть тенденцию разложения города как старой формы расселения. Нужно в виде автодорог ставить пивьки к бухнущему городу. Нужно отводить железнодорожные ветки от теперешних крупных центров, ибо к железным дорогам тяготеет промышленность. Нужно город разбить на два сектора—индустриальный и неиндустриальный. Индустриальный сектор надо обслужить полностью индустрией, вытесняя совершенно домашнее хозяйство, а неиндустриальный сектор коллективизировать (кооперировать). Фабричную промышленность нужно расселять, расселяя рабочих по *децентрализованному* принципу. Агро-индустриальные, горнопромышленные районы должны претерпеть большую эволюцию на основе возможно равномерного размещения рабочих, занятых в промышленности. Сельскохозяйственные коллективы нужно коллективизировать не только в отношении производства, но и в отношении распределения. Укрупнение колхозов убивает прежний, деревенский способ расселения. Необходимые и неизбежные в условиях укрупненного производства автомобиль и телефон определяют в свою очередь возможность и необходимость такого равномерного способа расселения.

Итак социалистическому способу производства будут соответствовать две формы расселения: децентрализованная (расселение от «разсеянных» центров фабрично-заводской промышленности) и равномерная. Обе эти формы связаны друг с другом, причем децентрализованная тяготеет к уменьшению (рассеянию)—вплоть до полного слияния с формой равномерного расселения. Последовательно равномерное расселение всегда будет иметь преимущество перед децентрализацией в том отношении, что при нем возможно ставить жилище работника непосредственно на месте производства, а при децентрализованном неизбежно известное удаление жилища от места производства.

Возвращаясь назад, можно сказать: отделение города от деревни заключалось в том, что ремесло, а за ним мануфактура и, наконец, фабрично-заводская промышленность в отличие от земледелия не требуют для себя огромных пространств и что работники (в особенности при продолжительном рабочем дне), естественно, со своими жилищами тяготеют к *малому* пространству в *большом* числе—отсюда неизбежный *концентрализм* расселения, отсюда различие между городом и деревней (урбанизм); отсюда необычайная, неслыханная высота земельной ренты в городах, а за нею и высота жилищ, отсюда—многоквартирный дом, наконец, небоскреб. В городе, за городом ли жилище капиталистической эпохи остается буржуазным, кто бы в нем ни жил: капиталист, служащий, мелкий буржуа, рабочий. Но в городе жилище концентрирует массу квартир, массу этажей, за городом происходит обратное: капиталист живет в вилле, мелкий буржуа, служащий, рабочий—в коттедже. И в городе и за городом, однако, буржуазное жилище представляет собой семейный очаг, сохраняет элементы домашнего хозяйства. Но вслед за полным разложением буржуазной семьи неизбежно произойдет в городе разделение квартир на отдельные комнаты, за городом—на отдельные строения—не семейные, но чисто индивидуальные.

Дизурбанизация помимо децентрации выражается также в том, что мы называем децентрализацией. Само производство перестает быть прикрепленным к одному месту: не говоря уже о работах на дне моря, о дорожных работах, под влиянием развития механических орудий производства с одной стороны, орудий механического транспорта—с другой, *вновь соединяющихся друг с другом*—происходит децентрализация в горной промышленности и земледелии. Механические тележки и поезда в угольных копях—ведь это промышленный транспорт; раньше (при перевозке, скажем, сырья на фабрику) он являлся *условием* производства—тут он является *орудием* производства. Экскаватор, паровая лопата, скрепер—это децентрационные орудия производства, это соединение средств производства и средств передвижения. Трактор и аэроплан в земледелии—это такое же соединение средств передвижения со средствами производства.

Механический транспорт в высшем своем развитии делает излишним всякое замкнутое хозяйство. Автомобиль разрешит, вернее, прикончит его. Тенденция современной торговли заключается именно в том, чтобы с помощью совершенных средств сношений и средств передвижения доставить любому человеку любой товар, в любое место, в любое время. Лишь только при этой системе может исчезнуть домашнее хозяйство.

Темп развития промышленности ставит вопрос об уничтожении стационарности жилища в горном деле, земледелии, не говоря уже о том, что непостоянство жилья для людей делового мира (businessmen) стало фактом. Стационарность жилищ и концентрация их—два основных препятствия к развитию массового производства жилища. Жилище ближайшего будущего—это стандартное, монтирующееся, легко транспортируемое, небольшое, значит, и дешевое жилище. У капиталистов это *индивидуально-семейный коттедж*, при социализме—это *чисто индивидуальное* строение.

Итог: социалистический способ расселения отличается максимальной равномерностью. Переходные к социализму условия расселения означают постепенную разгрузку городов, соединение их в общую систему, тяготеющую к равномерному расселению. Социалистическое жилище—индивидуальное, бессемейное, без домашнего хозяйства. Жилище переходного периода—индивидуальное, бессемейное, без домашнего хозяйства помещение в малых квартирах в большом доме.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Тов. Б у р ц е в. Доклад т. Охитовича касается главным образом социальной эволюции жилища, лишь попутно затрагивая и вопросы размещения жилищ на плоскости. Основные мои возражения по докладу относятся к той его части, где докладчик дает прогноз будущего жилища. Мне лично кажется, что жилище, рассчитанное на одного человека, не разрешит все-таки проблемы социальных взаимоотношений в социалистическом обществе, и в ближайшем будущем наиболее возможными и всеупотребительными вероятно будут жилища гостиничного типа, что будет соответствовать той децентрализации человека, на тенденцию к которой правильно указывалось в докладе.

Тов. В а р т а н о в. Приведенные докладчиком соображения нереальны и не могут быть воспринимаемы как научное освещение вопроса или подведение научной базы под нашу действительность и политику. Коммунальному благоустройству жилищ внимания не было уделено совершенно. Так же докладчик не коснулся и путей нашего жилищного строительства на ближайшее время, ибо та эволюция жилья, о которой говорил т. Охитович, по моему невероятна и для будущего. Я слишком прикован к современным задачам строительства, чтобы иметь возможность всматриваться в будущие перспективы. В стенах Комакадемии могут рассматриваться всевозможные научные доклады. Но мне хотелось бы, чтобы от чисто теоретических докладов мы перешли бы к докладам, опирающимся на нашу современность и ее экономику.

Тов. Г и н з б у р г. Положения, высказанные т. Вартановым, представляются мне прямо преступными. Они—яркое выражение того узкого практицизма, который не имеет никакой социальной перспективы и является по своей ограниченности, если хотите, социально-вредным и именно так отражающимся на нашей практике. Мне кажется, что Комакадемия именно должна вести обсуждение проблем принципиального и теоретического характера, ибо их разрешение имеет наибольшее, и притом решающее влияние на социальную сущность наших практических мероприятий (Г о л о с: «А ваше мнение о дизурбанизации?»).

По этому вопросу мое мнение совпадает с мнением докладчика. Я думаю, что дизурбанизация, особенно там, где наблюдается ненормальная концентрация, является настоятельно необходимой. И здесь нам придется пойти быстрее, чем это кому-нибудь кажется, на разрушение существующих городов.

Тов. В е р е з у б о в. Я удивлен тоном и содержанием выступления т. Вартанова. В условиях выполнения пятилетнего плана народнохозяйственного развития для всех, занимающихся строительством, создаются совершенно иные задачи. Без обсуждения первоначально в плоскости принципиальной и теоретической разрешение их немыслимо. Докладчик не архитектор, а социолог, и для нас, специалистов, занятых практической работой, решение проблем технического порядка, социологические построения не только необходимы, но без них немыслим правильный подход к разрешению и техническим задачам. Необходимо отметить, что т. Охитович затронул множество интереснейших, с точки зрения строителя, вопросов.

Тов. Э й х е н г о л ь ц. Огромная ценность доклада т. Охитовича заключается в той остроте, с которой были поставлены вопросы переустройства быта, создания новых социальных отношений и раскрепощения женщины от индивидуального домашнего

хозяйства. Эта последняя проблема имеет актуальнейшее значение, и мне жаль, что у докладчика слабо освещены возможности ее разрешения. Мне кажется, что производство не может быть и не является главным местом приложения труда женщины. Несколькими неясна для меня мотивировка преимуществ индивидуального жилища и ряд других вопросов (культурного обслуживания), но это ни в коей мере не умаляет ценности прослушанного сегодня доклада.

Тов. Г о л ь д ф р б. Я считаю большой заслугой докладчика уже самую постановку вопроса на обсуждение в настоящей аудитории, и я конечно высказываюсь против узко-практического подхода к теме, свидетелями которого мы были сегодня. Мне лично казалось, что недостаток доклада заключается в том, что, наметив идеальное будущее расселение, докладчик не указал ни этапов, ни путей к его достижению, что несомненно должно явиться темой дальнейших наших работ над затронутой сегодня проблемой. Меня, как интересующегося социальным воспитанием, больше всего интересует именно эта часть проблемы. Я считаю, что переход к обобщественному воспитанию детей настоятельно необходим. Мы должны ввести единую систему воспитания, дабы обеспечить его надлежащее социальное качество. Эта система должна начинаться от яслей и кончатся подготовкой к профессиональной деятельности, со связью с производством и общественной жизнью. Мне кажется, что этого можно было бы достигнуть наиболее совершенным образом путем организации воспитательных комбинатов для детей, являющихся одной из составных частей города—несомненно отличным от города в современном понимании этого слова.

Тов. Б е л о у с о в. В докладе т. Охитовича показана эволюция человеческого жилища и эволюция человеческого поселения, которое в настоящее время представляет гигантское скопление людей, именуемое городом, и несомненно является продуктом капиталистической эпохи. Но изменение социальной структуры производственных отношений, техники производства и форм человеческого общения приведут к естественному распаду современного города. Немалое значение в этом распаде будет иметь наша решительная борьба против индивидуально-семейного домашнего хозяйства. Наши поиски идеального жилья идут в двух направлениях: в создании огромных общежитий, домов-коммун типа хорошего отеля и в поисках нового типа расселения, уничтожающего разницу между городом и деревней при помощи новых средств сообщения. Мы знаем, что человеческая подвижность увеличивается, и это не может не отразиться и на жилище. Именно в такой перспективе мы и должны искать наши идеалы, твердо помня, что установление переходных этапов возможно только после прогноза более отдаленного будущего. Именно в этом направлении и будет правильным развивать наши прения.

Тов. П у з и с. Я не только присоединяюсь к высказанным в докладе т. Охитовича положениям, но намереваюсь взять на себя трудную задачу подкрепления его социологических выводов рядом фактов и обобщений.

Большой ущерб наносит проблеме расселения то обстоятельство, что она ни в какой мере не отражена нашей пятилеткой. В дискуссии, происходившей в 1926/27 г., в период разработки генплана по вопросам размещения новых промышленных предприятий, было забыто, что новое промышленное строительство неизбежно влечет за собой новое расселение. С этой проблемой пришлось немедленно столкнуться, едва было начато развертывание индустриальной программы.

Несомненно, что всякое расселение, а тем более социалистическое, не может рассматриваться без далекой перспективы. Связанное с производственной базой и с ее ресурсами, оно должно как минимум рассчитываться на тот промежуток времени, на какой сохраняет свое значение эта производственная база. Пример—подсчитанные запасы разведанной магнитогорской руды определяются в 275 млн. тонн. Не исключена возможность уточнения этого количества в сторону увеличения. Производство завода рассчитано в пределах 1.100 тыс. тонн в год, что вместе с рудой, которая будет отправляться с угольным порожняком в Кузбасс, должно дать выработку руды—в 2,5—3 млн. тонн ежегодно. Надо помнить, что даже допуская дальнейшее расширение завода с увеличением в 2—3 раза количества вырабатываемой руды во втором и третьем пятилетии, рациональное существование предприятия в этом пункте определяется на период минимум в 40—50 лет. Это соответственно обязывает к проектированию и расселения с расчетом для столь отдаленного будущего, ибо активнейшая забота и о будущих поколениях именно и отличает наше переходное к социалистическому обществу от общества эгоистически-капиталистического.

Проблема идеального города, идеального расселения занимала десятки философов, социологов, деятелей науки и искусства. Леонардо да Винчи, Томас Мор, Кампанелла, Фурье, Оуэн, Кабэ, Сен-Симон, Фрич, Гоуард и многие другие отдал

разработке этого вопроса много труда и времени. Большинство попыток осуществления идеального расселения разбивалось о препятствия в окружении и из-за отсутствия правильного понимания задач расселения. Именно поэтому впоследствии Энгельс особенно подчеркивал, что задачи Оуэна и Фурье, правильно понявших, что при новом расселении необходимо уничтожить противоположность между городом и деревней, смогут быть разрешены, как и жилищный вопрос, лишь тогда, когда преобразование общества достигнет соответствующей ступени.

Итак, правильное понимание задач расселения связано с необходимостью уничтожить противоположность между городом и деревней, причем «бессмысленно желание решать жилищный вопрос сохраняя современные крупные города. Современные большие города могут прекратить свое существование лишь по отмене капиталистического способа производства» (Энгельс). Эти замечания Энгельса необходимо относить к городам с численностью населения, соответствующей его времени, если даже не упоминать его указаний в отношении городов с населением «в 20—30 и более тысяч жителей»¹ и указаний в отношении городов вообще, так как в нынешнем понимании большого города это определение относят к городам лишь со многими десятками и сотнями тысяч жителей. Не приходится говорить, что доклад т. Охитовича правильно ставит вопрос именно в не обсуждавшейся еще принципиальной плоскости, а не в практической, как этого хотели бы некоторые нетерпеливые практические работники, мало интересующиеся в своей деятельности марксистскими принципиальными установками, хотя это должно составлять их первейшую обязанность.

Но общие социально-теоретические предпосылки обуславливаются и экономическими факторами нового расселения. Это в первую очередь—развитие средств сообщения—«неизбежное распространение средств сообщения» (Энгельс), которое сократит «пространства, отдаляющие (людей) друг от друга по крайней мере в 10 раз» по скромному подсчету Вэйглинга в период введения железных дорог, ныне отошедших на второй план по сравнению с автотранспортом и авиацией. Авто-аэро-транспортная линия и ее значение для будущего расселения правильно отражены и у т. Охитовича.

Блестящим подтверждением правильности этого положения может служить ярко выраженный процесс дизурбанизации в западных странах. Этот процесс показатель в двух направлениях: а) в том, что эволюция расселения именно идет по дизурбаническому принципу, б) что загнанный капитализм в частности в градостроительстве облегчает переход человечества к социалистической форме расселения.

Вспомните о новейших тенденциях планировки. Системы спутников вокруг Берлина, Лондона и др., развитие пригородных сообщений и рост пригородов, построенных на внегородских принципах, переход к районной планировке расселения и т. д., и наконец параллельное развитие автомобилизма, снижение этажности, калибра строений и плотности заселения жилого здания. Эта эволюция, сопровождаемая внегородским расселением, является весьма и весьма показательной. Все это говорит за то, что для нас уже нет надобности рабски идти по старым путям градостроительства XIX в. и начала XX в., и мы можем, не повторяя недостатков капиталистического концентрированного городского расселения, прямо пойти по пути равномерного расселения—социалистического, на основе уничтожения противоположности между городом и деревней.

Так стоит сегодня перед нами задача расселения. И не менее остро стоит вопрос о типе жилища. За последнее время у многих складывается представление, что обобществление бытового обслуживания уже есть коллективизм-социализм, т. е. то, достижение чего является целью всего нашего строительства. При этом забывают, что сильное развитие обобществления обслуживания имеется и на Западе, в капиталистическом обществе. Американский инженер Р. Нейтр писал: «Задачей американского отеля является предоставление массе людей, могущих оплачивать его услуги, полное коллективное общественное обслуживание». Коллективным обслуживанием на Западе пользуются преимущественно люди, живущие на нетрудовые доходы. Факт наличия коллективизированного обслуживания не является еще признаком социализма, но предоставление обобществленного обслуживания всем трудящимся, всему населению Советского Союза—необходимейшая предпосылка к построению социализма, ибо при социалистических условиях производства это создаст возможность участия женщин в производственном и ином общественном труде, необычайного поднятия культурного уровня и поведет к изменению существующих семейных отношений (благодаря переходу на общественное воспитание детей будут изжиты современные брачные формы, базирующиеся на «семейной экономике»), следовательно приведет к полному изменению социальных отношений. Отсюда ясно, что форма жилища, его типаж и конструкция именно и должны быть рассчитаны на эту эволюцию. Практика же наша и наша современная «теория» отстают еще

¹ См. Э н г е л ь с, Жилищный вопрос, с. 36.

очень далеко от задач приведения типа жилища и расселения в соответствие с необходимостью создания социалистических отношений между членами общества. Так, в курсе «Основ коммунального благоустройства и строительства», читаемом проф. Френкелем в Ленинграде студентам Коммунального Института, на с. 35, роль человека в обществе формулируется следующим образом: «Каждый человек руководится лично своими собственными интересами, а орган, представляющий общие интересы (в городе—Г. П.), регулирует и регламентирует эти проявления деятельности так, чтобы вреда другим не было». Несмотря на то, что у нас сейчас стоят вопросы о переходном типе наших городов, о социалистическом характере городов, предполагается все же, что каждый человек будет руководиться личными интересами и не считаться с интересами общественными, регулирование которых осуществляют органы, представляющие общественные интересы.

Точно так же для характеристики понятия «город» Френкель приводит формулировку Гоуарда, ставшую каноном: «Город—символ общества, взаимной помощи и сотрудничества, развитых отношений между людьми, идеи общего братства, великих захватывающих симпатий (?), символ науки, искусства и культуры».

Этот канон является для нас не только сверхполитичным, но и реакционным. Я бы так его расшифровал: «Город—символ капиталистического общества, взаимной помощи и сотрудничества капиталистов и социал-реформистов по эксплуатации пролетариата, развитых отношений между людьми, скрывающихся в несправедливом распределении прибавочного продукта, идеи общего братства при социальном неравенстве и угнетении, великих захватывающих симпатий угнетенных к борцам за их освобождение, символ науки, упорчающей господство паразитических слоев общества; символ искусства, щекочущего нервы буржуазии, и символ культуры, доступной немногим». Формулировка Гоуарда не заслуживает печатания в наших условиях, ибо для символов капиталистического общества у нас нет места, и первойшей нашей задачей является уничтожение этих «символов».

Не лучше поставлены в этом смысле и практические задачи новых строителей. На с. 58 книги проф. Френкеля читаем: «При разработке плана вновь строящегося поселка важнейшей задачей является достижение условий для создания здорового жилья, здорового пребывания и жизни, но он в то же время преследует цели социальные, экономические, строительные-технические и художественные». Такие задачи не содержат в себе ничего присущего социальному содержанию нашей эпохи. Их с одинаковым успехом ставили перед собой и в древности, и в феодальном обществе и ставят перед собой в капиталистических странах.

Этим теоретическим предпосылкам соответствует и наша действительная практика. В очень интересном альбоме типов жилища Цескомбанка к вопросам строительства подходят вот с какой точки зрения: «Жилое здание, поставленное на участке, без учета своей связи с целым поселением, с характером его культурного и технического оформления, с возможностями его значения в будущем, является не только обесценением объекта ссудного обеспечения (курсив мой—Г. П.) но и не отвечающим санитарно-экономическим требованиям нормального жилища». А вот рецепт планировки рабочего поселка: «Задача планирования рабочего поселка есть прежде всего экономическая и санитарная задача». К этому надо еще добавить, что в альбоме говорится о невозможности думать о строительстве новых городов.

Самое обидное, что альбом Цескомбанка не является исключением. По нему равняются и другие альбомы. В книжке о строительстве школьных зданий, изданной под редакцией комиссии Главцесова, имеются такие перлы: «Комиссия при Государственном музее социальной гигиены, исходя из принципов школьного строительства в прошлом и из соотношений основных задач школы и новых приемов ее работы, подвергла переоценке и пересмотру основания школы. Строительство должно наметить новые планы школьных зданий, отвечающих особенностям и задачам реформированной школы».

В своей работе комиссия Соцвоса идет по пути, во-первых, определения потребностей новой школы в отношении помещений, которыми она должна быть обеспечена; во-вторых, оценки тех санитарно-гигиенических требований, которые диктуются соотношениями школьной гигиены вообще и особенностями новой школы в частности, в-третьих, выработки заданий для проектирования плана; в-четвертых, составления примерных планов».

Отшлифованность мысли необычайная, все кругло и гладко, без сучка и задоринки. И о «потребностях новой школы» сказано, и о «требованиях, диктуемых соотношениями», указания есть, но о социальном содержании строительства нет ни слова, Категорических указаний на то, что мы резко рвем традиции строительства, что мы строим социалистические школы, не сделано, и потому трактовать все эти положения можно как угодно, а следовательно и строить можно так, как этого делать не следовало бы.

Таких примеров «установок» и «теорий» можно привести бесконечное количество. И надо со всей резкостью заострить вопрос о характере социального содержания и принципиальном значении нашего строительства, ибо так дальше продолжаться не может и не должно.

Необходимо точно определить социалистические основы нашего расселения. Они заключаются в таком территориальном размещении членов социалистического общества, объединяемых всеобщим производственным сотрудничеством, на базе развитого транспорта и высшей производственной техники, в котором обеспечивается обобщественное распределение производственных благ и обслуживание всех нужд по принципу «каждый по способностям и каждому по потребностям». Наука о социалистическом расселении направлена к дальнейшему облегчению человеческого существования, а искусство и культура ко всестороннему удовлетворению всех запросов членов социалистического общества.

Если при этом помнить соответствующие указания классиков марксизма о равномерном расселении, то станет ясным, что во всех случаях нового строительства, при создании новых промышленных предприятий, речь должна идти не о создании новых городов и увеличении существующих, как это имеет место, а о равномерном расселении трудящихся в радиусе тяготения к промышленному пункту с обеспечением их удобным и быстрым транспортом. Схема Охитовича должна пониматься как схема. Дороги могут и должны идти по радиусам, и вдоль них могут быть размещаемы обеспеченные санитарно, гигиенически и технически обобщественные человеческие жилища.

Каково же должно быть жилище? По опыту строительства в Донбассе, где были случаи, когда по мере разработки бассейна через несколько лет рабочие поселки оказывались в 25—30 и более километрах от места производства, а также исходя из необычайных перспектив для жилищного строительства уже через 8—10 лет, следует отказаться от строительства домов со сроком службы в 60—70 лет (это должно и удешевить строительство). Необходимо решительно перейти на производство передвижных, сборных, стандартных одно- и двухэтажных массового производства жилищ, рассчитанных на обобщественное обслуживание (последнее от размеров зданий ни в какой степени не зависит). Новое строительство должно исходить из учета автомобилизации страны, при которой оно в первую очередь может быть обеспечено автомашинами, а следовательно должно вестись с линейной распланировкой и большими разрывами (50—100 и более метров) между ними, по децентрализованному принципу, исходя из социальных задач планировки, т. е. такого всестороннего, рационального, равномерного размещения социалистических жилищ и зданий социального назначения, которое 1) обеспечивало бы коллективизацию социально-культурного и иного обслуживания населения, 2) устанавливало бы социалистические отношения с обобщественным воспитанием детей, с полным раскрытием женщины от домашнего индивидуально-семейного труда и приложением ее сил к труду общественному и т. д. и в то же время 3) исходило бы из учета связи членов социалистического общества с местами приложения труда, политико-культурного и социального обслуживания на базе существующих транспортных возможностей и выявленных тенденций их дальнейшего развития, в конечном счете являясь и разрешением главнейших задач построения социализма—стирания граней между различными видами труда и уничтожения противоположности между городом и деревней.

Всем сомневающимся в правильности этих положений, считающим их утопическими или, что еще хуже, —делом весьма отдаленного будущего, особенно следует вчитаться в соответствующие строки Энгельса²: «Уничтожение резкого разделения города и деревни не представляет, следовательно, утопии и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Цивилизация оставила нам, конечно, в лице крупных городов наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но с ними необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс».

Эти категорические указания должны помнить все работники нашего строительства, привыкшие к окружающим их сгущенным городским формам расселения и концентрированному размещению промышленности, ибо чем дольше будет сохраняться и поддерживаться оставшееся нам от цивилизации наследие в виде крупных городов, тем дальше мы будем от социализма.

Тов. Рысс. Совершенно бесспорным является основное положение т. Охитовича, что развитие транспорта предопределяет собой всю будущую картину человеческого общежития. Но аргументация т. Охитовича—процессы уменьшения транс-

² «Анти-Дюринг», с. 334.

портной единицы, пример почкования производства, выделение отдельных цехов, мастерских и т. д.—являются процессами, наблюдаемыми в капиталистическом обществе. Я хочу указать, что я не увидел в докладе Охитовича аргументации от социализма.

Представленное им схематическое расселение по одной линии маловероятно. Надо думать, что оно будет идти по двум и более линиям. Это естественная децентрация расселения. Как тип жилой ячейки в докладе рекомендована кабина для одного человека. В этом центр построений докладчика. Не говоря о будущем типе жилья, надо сначала решить вопрос о характере семьи в будущем. Решение этого вопроса, заключающееся в индивидуальной кабине, для меня сомнительно, как исключающее возможность сожительства мужчины и женщины. Мне кажется, что в будущем обществе такое сожительство будет допускаться.

Я хотел бы еще поделиться кое-какими соображениями о строительстве новых городов. Тов. Пузис правильно отметил, что смысл наших устремлений не должен сводиться лишь к созданию общественных кухонь и прачечных, а должен направляться к построению социалистических отношений. И увлекательнейшей задачей сегодняшнего дня мне представляется приспособление к созданию социалистических отношений Магнитогорска в рамках современных экономических и технических условий.

Я не разделяю взглядов т. Охитовича на будущее, но считаю весьма полезной и ценной постановку его доклада хотя бы потому, что он вызывает интереснейшие соображения и ассоциации.

Тов. Ложечкина. Основной недостаток схем т. Охитовича—оторванность от действительности, слишком большой скачок в будущее. Неверно указание т. Рысс, что решение проблемы семьи предшествует решению проблемы жилища. Исходить надо из возможностей для человека наибольшего участия в общественной жизни, а не от семейных отношений.

Конечно современные города плохи. В них производство и жилье собраны в кучу; в этом отношении (в этом вопросе я не специалистка) большие преимущества у «Зеленого города». Мне более целесообразными представляются большие дома, но возможность индивидуального отдыха и работы должна в них быть обеспечена. Индивидуальные жилища типа кабин по моему невероятны и не являются решением вопроса. Такие сомнительным мне представляется полное обобществление воспитания детей с отрывом их от родителей. Я не проповедую собственности на детей, но родители вряд ли смогут отказаться от непосредственного наблюдения за ребенком дома в свободное время. Этот вопрос надо решать осторожно.

Тов. Кожаный. Я заостряю вопрос на том, правильно ли строить города и дома, рассчитанные на многие десятки лет, если знать, что очень скоро современное строительство отстанет от техники и новых возможностей и будет обречено на уничтожение динамитом.

Необходимо установить в этом вопросе генеральную линию—идем ли мы к усилению противоположности между городом и деревней или к ее уничтожению. Здесь долго спорить не приходится—уничтожение этой противоположности является требованием социалиста.

Несомненно, что из жилища должны быть вынесены все элементы, могущие быть обобществленными. Неверно мнение, что большие дома с множеством жильцов увеличивают общественные настроения живущих. В наших, правда, тяжелых условиях практика говорит об обратном.

Мне кажется, что реакционная идея города-сада реакционна лишь в капиталистических условиях и соответственно преобразованная может оказаться полезной для дела революции. Говоря о многоэтажном строительстве на Западе, как о наиболее экономичном, мы забываем, что эта экономичность базируется на капиталистической земельной ренте, отсутствующей в СССР. И все таки в Лондоне в среднем приходится 7—8 человек на одно жилище.

Мы совершенно забываем, что у нас расходы по соцстраху, связанные с антигигиеническими условиями, создающимися в больших домах, благодаря скученности и легкой передаче инфекции, не только во много раз больше мнимой экономии, достигаемой в крупноэтажном строительстве, но их с избытком хватило бы на увеличение сети дорог и другие расходы, связанные с большими разрывами между домами и мелкоэтажным (2—3) строительством.

Мне кажется, что мы серьезно решили посадить рабочего и крестьянина на автомобиль, а следовательно вопрос о сообщении, пугающий многих при разговоре о мелкоэтажном строительстве, должен отпасть. Кроме того, мелкоэтажное строительство и децентрическое расселение имеют огромнейшую обороноспособность, и нам в ожидании грядущих боев с капитализмом этого не следует забывать.

Расселение с уничтожением противоположности между городом и деревней по внегородскому принципу значительно облегчит и обеспечение нас сельскохозяйственными продуктами и кроме того создаст более здоровые условия жизни. Следует обратить внимание на резко выявившуюся у нас тенденцию тяготения не к центру, а от центра к окраинам, являющуюся весьма показательной как для эволюции города, так и для будущего расселения. Раз тяготение к центру отпадает, окраины будут децентрализованы, то город в прежнем понятии этого слова исчезнет, а это создает предпосылки и к переходу в новом строительстве на иные принципы и к тому, чтобы требования нашего здоровья—не жалеть территории под здания и на разрывы между ними—были выполнены.

Очередными нашими задачами является производство малоэтажных стандартных домов из дешевых материалов, рассчитанных на обслуживание всех элементов быта и расселение с резко выраженным курсом на полное стирание в существующих городах разницы между центром и окраинами, а при новом строительстве—уничтожение грани между городом и деревней.

Тов. Л о з о в ы й. Актуальное значение темы доклада т. Охитовича несомненно. В Харькове, где я недавно был, она также обсуждается весьма оживленно, особенно в плоскости решения проблемы семейного быта. Мне кажется, что мысль об индивидуальном жилье возникает как результат реакции на тяжелые условия нынешнего времени. Я например по моему складу к этому типу жилья не склоняюсь. Возможно, что будущие жилища будут строиться по тону и гамме, как это предполагал Фурье. Нам не мешало бы пересмотреть все так называемые утопии, в них можно будет отыскать и кое-что полезное. Правильны указания товарищей на то, что построение социалистического общества связано с уничтожением граней между городом и деревней. И с этой стороны не менее остро стоит вопрос о деревне, о борьбе с «идиотизмом деревенской жизни». Это приобретает особое значение теперь, при революции в сельскохозяйственном производстве, небывалом росте процесса коллективизации и т. д.

С этой стороны большое сомнение вызывают намерения харьковских товарищей строить в деревне вместо хибарок—огромные дома. Вопросами жилищного строительства в обобщественном секторе сельского хозяйства нам надо заняться специально, не допуская возможных ошибок.

Мне кажется, что наиболее целесообразным в настоящих условиях было бы создание специального общества социалистического планирования и жилищного строительства, которое вело бы научную разработку всех связанных с проблемой вопросов.

В СЕКЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ТОЧНЫХ НАУК

ПСИХОАНАЛИЗ КАК ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

ДОКЛАД В. РЕЙХА¹

Тов. Рейх начинает свой доклад с анализа принятого в русской психологической литературе понятия «переключение» и обозначения «фрейд-марксист». Он полагает, что понятие «переключение» совершенно точно соответствует психоаналитическому гермину «сублимация», который обозначает перевод сексуальной энергии в рабочую энергию. Что касается второго понятия—фрейд-марксист—то оно, по мнению т. Рейха, обозначает, очевидно, не просто марксиста, являющегося вместе с тем последователем Фрейда или наоборот, а ту сложную и противоречивую позицию, которую по необходимости должен занимать марксист-психоаналитик, вынужденный, с одной стороны, отражать нападки марксистов на психоанализ, с другой—критиковать определенные течения в психоанализе как с точки зрения марксизма, так и с точки зрения самого психоанализа.

Приступая к докладу, т. Рейх просит оказать ему доверие во всем том, что касается фактов психической жизни, на которых основывается психоанализ, так как судить о том, насколько они действительно существуют, может только тот, кто применял психоаналитический метод на практике.

Обращаясь к вопросу, является ли психоанализ естественнонаучной дисциплиной, т. Рейх касается прежде всего того воззрения, согласно которому психоанализ, хотя и представляет собой науку, но науку буржуазную, а не пролетарскую, которая не служит делу классовой борьбы. Тов. Рейх полагает, что в таком же положении находятся и другие естественные науки и что по этому признаку нельзя судить о научности или ненаучности какой-либо теории. Для того, чтобы судить, является ли психоанализ естественной наукой, необходимо выяснить: 1) что составляет предмет психоанализа, 2) каков его метод и постановка вопроса, и 3) к каким выводам он приходит.

По пункту первому т. Рейх возражает прежде всего т. Сапиду, который считает психоанализ индивидуальной психологией. Психоанализ действительно изучает душевную жизнь отдельного живущего в обществе человека. Но ничто другое и не может быть предметом как психологии вообще, так и психоанализа. Массовой психологии не существует, так как не существует массовой психики. Такие явления, как классовое сознание, относятся не к психологии, а к социологии, так же, как и все вопросы идеологии. Массовые явления не могут быть объяснены с помощью психоанализа, он может только установить, с помощью каких механизмов определенное социальное явление находит свое выражение в психике отдельного человека. Кроме того психоанализ может объяснить те явления в жизни личности, которые с точки зрения ее классового положения являются противоречивыми и необъяснимыми. К тем явлениям душевной жизни, которые не могут быть объяснены рациональным путем, которые кажутся нам абсурдными и бессмысленными, относятся также сновидения, невротические симптомы, невротический характер и ошибочные действия. Все это составляет область применения психоанализа. Система психических механизмов и процесс образования индивидуальности также относятся к этой области.

Когда психоанализ имеет перед собой какое-нибудь явление, необъяснимое обычным рационалистическим путем, он предполагает, что это явление имеет скрытый смысл и свои определенные причины. Психоанализ в этих случаях пытается выяснить, что

¹ Заслушан 28/XI—1929. Передается в сокращенном изложении.

привело к созданию у человека такого симптома и какой процесс лежит в основе этого душевного явления. Такова *постановка вопроса в психоанализе*. Психоанализ ставит своей задачей открыть под видимостью подлинную психическую реальность, подобно тому как Маркс исследовал общественные явления с целью вскрыть в них то, что находится за ними и приводит их в действие.

Что касается *метода*, то психоанализ, подобно физике или химии, имеет свой собственный метод исследования. Это метод *«свободного течения мыслей»*, метод *«свободных ассоциаций»*. С помощью этого метода психоанализ обнаруживает такие факты, которые поражают всякого человека, знакомого только с содержанием сознания. Как только люди пассивно отдаются течению своих мыслей, они обнаруживают у себя такие ощущения и представления, о которых они не только никогда не подозревали, но которые стоят в полном противоречии с их сознательным существом. Метод психоанализа не может быть ни марксистским, ни немарксистским—это специфический психологический метод. Марксист может только спорить о том, являются ли выводы психоанализа диалектистско-материалистическими. Тов. Рейх утверждает, что выводы психоанализа материалистичны и диалектичны. Хотя диалектику приходится из психоанализа вылучивать, все же Фрейд с самого начала выставил целый ряд диалектических формулировок. Бессознательная диалектика свойственна в настоящее время многим естественным наукам.

Психоанализ нельзя рассматривать как систему и нельзя рассматривать как мирозеркаление. Фрейд неоднократно протестовал против того и другого. Действительно, психоанализ изображают иногда как систему, но это делают буржуазные психоаналитики, главным образом представители гуманитарных наук.

Переходя к тем *выводам*, которые делает психоанализ, т. Рейх указывает, что главное и основное положение психоанализа утверждает, что сознание составляет наименьшую и далеко не самую важную часть душевной жизни. Психоанализ относит к сознанию функцию восприятия и ощущения. Кроме подсознательного, т. е. того содержания душевной жизни, которое, хотя и не находится в сознании, но может быть в любой момент осознано, психоанализ различает еще собственно бессознательное, куда относится все то, что не может быть осознано непосредственно. Тот психический механизм, который мешал бессознательному стать сознательным, мы называем *вытеснением*. Психическая *цензура* задерживает все то, что в свое время вступило в резкий конфликт с нашим сознательным «я» и было вытеснено. Это вытеснение могло произойти и непосредственно, в данное время, но также и в раннем детстве. Наличие цензуры можно установить при попытке отдалиться свободному течению своих мыслей. В этом случае субъект испытывает желание кое-что из этих мыслей допустить, кое-что из них отбросить. Что-то в нем тормозит этот процесс и критикует его. Это «что-то» психоанализ и называет цензурой.

Техника психоанализа состоит именно в том, чтобы сознательно выключить эту инстанцию, сказать или додумать до конца все то, что приходит в голову, как бы чужды ни были эти мысли. Таким путем психоанализ проникает все глубже вплоть до забытых или вернее вытесненных впечатлений раннего детства и может в некоторых случаях восстановить почти непрерывную цепь переживаний индивидуума.

В достаточной ли степени при рассмотрении отдельного индивидуума психоанализ причисляет во внимание момент социальный? На этот вопрос можно ответить так: все, что психоанализ описывает, все теории, которые он до сих пор выставлял, суть не что иное, как изображение процесса формирования основных биологических потребностей под влиянием той непосредственной или более отдаленной среды, в которой развивается индивидуум. Подобно другим наукам в буржуазных странах психоанализ еще не выявил тех воздействий, которые являются результатом классовой принадлежности индивидуума и классовой структуры общества вообще. Однако психоанализ показывает до мельчайших подробностей столкновение биофизических потребностей с общественной необходимостью. Результатом такого столкновения является также и пресловутый эдипов комплекс. Ребенок направляет свои первые как любовные, так и враждебные чувства на родителей, которые являются для него не только первыми объектами любви и ненависти, но и первыми представителями общественного авторитета, предъявляющими ему требования господствующего общественного порядка. В психоанализе еще до сих пор не получило отражения то обстоятельство, что этот господствующий порядок есть порядок классовый и что предъявляемые им требования, а также и даваемое им воспитание являются классовыми требованиями и классовым воспитанием.

Утверждение некоторых марксистов, что психоанализ представляет собой субъективный метод, основано на недоразумении. Многие убеждены, что психоаналитик или только сами выдумывают эдипов комплекс. Они не подозревают, что тот материал,

который продуцирует больной, неизвестен ему самому до тех пор, пока он не выплывает из общей массы воспоминаний. Как пациент, так и врач являются объективными наблюдателями, а следовательно и метод психоанализа является методом объективным.

Существует мнение, что психоанализ считает либидинозные явления первопричиной всякого движения. Есть психоаналитики, которые действительно держатся такого мнения. Поэтому необходимо рассмотреть основные положения учения психоанализа о влечениях. Оно сводится к следующему: все влечения можно свести к двум основным потребностям—к голоду и половому чувству. Первая потребность может быть удовлетворена только непосредственно, так как в случае ее неудовлетворения наступает смерть, вторая может быть превращена в психическую энергию и поэтому играет большую роль в душевной жизни. Эта психоаналитическая теория не представляет собой законченного целого, но положения об ограничении либидинозных стремлений со стороны общества, о застое сексуальной энергии, о прорыве ее в виде невротического симптома или превращения ее в социальный интерес или социальную деятельность стоят твердо и обоснованы эмпирически. Из этих положений с полной ясностью вытекает, что сами либидинозные влечения не могут быть движущей силой. Такую роль может сыграть только конфликт между либидинозным влечением и обществом. Энергия этого движения дается влечением, но содержание душевной жизни берется из внешнего мира.

Таким образом и эдипов комплекс, т. е. тот факт, что половые переживания ребенка разыгрываются внутри семьи, т. е. в определенной формируемой обществом ситуации, представляет собой явление социальное, а не биологическое.

Тов. Рейх дает в дальнейшем характеристику некоторых идеалистических воззрений внутри психоанализа. В связи с тем, что моральная инстанция развивается у ребенка на основе семейных отношений, многие склонны заключить, что и общественная мораль развивается из взаимоотношений родителей и детей. В действительности же экономические отношения определяют общественную мораль, которая в свою очередь определяет взаимоотношения родителей и детей. И, наконец, та же общественная мораль снова выступает как индивидуальная мораль, возникшая на основе семейных отношений. Связь этих сложных взаимоотношений с общественной ситуацией далеко еще не изучена психоанализом.

Попытка Фрейда свести происхождение общественного порядка к гипотетическому убийству первобытного отца дала повод заключить отсюда о причинной связи, существующей между индивидуальной установкой к отцу и возникновением морали и образованием общественного порядка в первобытную эпоху. Насколько осторожно действовал Фрейд, выставляя все в целом как гипотезу, настолько неосторожно поступают те, которые строят на этой гипотезе социальные теории. Однако, по мнению т. Рейха, все эти идеалистические отклонения можно отбросить, не изменяя этим ничего в общем здании психоанализа. Необходимо также заметить, что многие из этих идеалистических теорий встречаются отпор со стороны психоаналитиков, стоящих на чисто эмпирической почве и не имеющих понятия о марксизме. Тов. Рейх полагает, что психоанализ имеет для пролетарского государства такое же значение, как и всякая другая естественная наука. Психоанализ может оказать большие услуги в вопросе душевной гигиены, профилактики неврозов, в вопросе о наилучших условиях для развития трудоспособности индивидуума и, наконец, в вопросе половом.

Докладчик категорически отмежевывается от ложного представления о психоанализе, как о теории, призванной спасти человечество. Психоанализ не может также, по его мнению, внести никаких улучшений в марксистскую теорию общественного процесса. Однако в одной области социологии психоанализ может быть использован успешно. Он может показать, каким путем бытие определяет сознание, как отражается в отдельном человеке его социальное положение и какие психические механизмы действуют при этом.

В заключение т. Рейх говорит о том, что на Западе психоанализ подвергается со стороны буржуазных теоретиков уплощению и разжижению, и выражает надежду, что психоаналитикам будет предоставлена в Советской России возможность вести исследования и открыть дискуссию по поводу теоретических заблуждений психоанализа, так как именно здесь имеются подходящие условия для того, чтобы очистить психоанализ от буржуазных наростов.

Тов. Сапир считает необходимым предпослать возражениям по докладу определение сущности психоанализа. Психоанализ представляет собой, по мнению т. Сапира, большую теорию в области психологии, с одной стороны, и учение, пытающееся выйти за пределы изучения психологии отдельного человека—с другой. Это соответствует взглядам, изложенным в статье т. Сапира в журнале «Под знаменем марксизма».

Тов. Сапир разграничивает два понятия: фрейдизм, т. е. учение Фрейда, охватывающее ряд важнейших вопросов мировоззрения, и «психоанализ» в точном смысле этого слова. Хотя т. Рейх и отмежевывается от тех, кто приписывает психоанализу методологическое значение в разрешении социологических проблем, все же, по мнению т. Сапира, т. Рейх как в своей статье в журнале «Под знаменем марксизма», так и в настоящем докладе, считает психоанализ плодотворным для разрешения некоторых общественных проблем.

Обращаясь к оценке психоанализа, как индивидуально-психологического учения, т. Сапир считает неправильным данное т. Рейхом определение психологии как науки о душевной жизни обобщенного человека. Тов. Сапир считает гораздо более правильным определение психологии как науки о личности, о поведении, как науки, захватывающей всю совокупность закономерностей, могущих определить поведение субъекта. Кроме того т. Сапир несогласен с тем, что психоанализ целиком покрывает понятие об идеальной, хорошо построенной психологии. Тов. Сапир полагает, что в деле овладения поведением личности нельзя обойтись без учения о характере, о темпераменте, о конституции, без Иенша, Павлова и других. Для более высоких этажей личности невозможно также обойтись и без учения о законах интеллекта, которое ставит гораздо полнее, чем психоанализ, вопрос о влиянии внешней среды на организм. С этой точки зрения следует признать, что если психоанализ будет браться за разрешение задач, которые в силу его свойств и его метода для него неразрешимы, если он будет претендовать на подмену собой всей психологии, его не может ожидать ничего, кроме неудач.

Переходя к рассмотрению по существу некоторых основных моментов психоанализа, т. Сапир признает, что психоанализ сделал чрезвычайно много для психологии. К заслугам психоанализа следует отнести прежде всего разработку учения о бессознательной сфере, открытие закономерностей в сочетании психических образований в бессознательном, а также динамики превращения одних переживаний в другие. Заслугой Фрейда является также и то, что он подчеркнул необходимость для психологии не застревать на поверхности явлений, а исследовать их глубину. Однако т. Сапир считает все это не специфическим для психоанализа, так как всякая наука по мере своего развития должна перейти от феноменологического описания к установлению закономерностей. Тов. Сапир ставит в дальнейшем вопрос о диалектичности психоанализа в целом, так как диалектичность отдельных положений, установленная т. Рейхом как в его статье, так и в докладе, не гарантирует диалектичности всего учения в целом. Утверждение т. Рейха, что психоанализ представляет собой метод, а не систему, по мнению т. Сапира, в корне неправильно. Ни в истории, ни в теории науки мы не знаем такого положения, при котором оказался бы правомерным голый метод или голая система. Тов. Рейх говорил в своем докладе о предпосылках, с которыми психоанализ подходит к здоровому и больному человеку. Эти предпосылки психоанализ соединяет в известную систему, определяющую и метод психоанализа. Психоанализ не является, конечно, законченной системой, но ему бесспорно приходится сочетать свой метод с целой системой теоретических предположений.

Что представляет собой психоаналитическое учение о личности? С марксистской точки зрения личность есть синтез биологически обусловленных и социально обусловленных моментов. Психоанализ действительно удовлетворяет этому основному требованию, но удовлетворяет только формально. Если же подойти к вопросу о соотношении биологического и социального момента с точки зрения их удельного веса, их структурного соотношения, то биологизм фрейдовской системы станет совершенно очевидным. Пусть та энергия, которая обуславливает половое чувство, является исходным пунктом дальнейшего развития, все же в процессе жизни, по мнению т. Сапира, имеет место образование новых влечений, которые т. Сапир называет вторичными. Эти вторичные влечения имеют несомненно самостоятельную силу в формировании личности, психоанализ же видит в них то же половое влечение, только приобретшее разные формы под влиянием внешней среды. Тов. Рейх заявляет, что развитие есть продукт противоречий между половым влечением и средой, которая не дает выхода этим влечениям. В этом диалектическом противопоставлении, даваемом т. Рейхом, среда играет роль только внешнего препятствия, которое человек вынужден преодолевать, в то время как на самом деле среда играет гораздо более многогранную роль, а именно как организатор личности и источник образования вторичных влечений. Если половое влечение является исходным пунктом развития, то это не значит, что оно продолжает действовать на всех остальных стадиях развития. Основной грех психоанализа в том, что он переоценивает идею преемственности, благодаря чему старые остатки оказываются демиургом сегодняшнего дня. Психоанализ сокращает длинный и сложный путь развития и упускает из виду различные формы и виды влияния социальной среды на человека, которые имеют место не только

в детстве. Психоналитики не учитывают также в достаточной степени влияния классовой принадлежности человека и на его бессознательное. Та же недооценка социального момента имеется и в теории Фрейда о взаимоотношениях «я» и «оно».

Взключение т. Сапир делает следующие выводы: поскольку психоанализ пытается выйти за пределы того, на что он уполномочен своим методом и исходными точками зрения, он не в состоянии дать естественнонаучных, т. е. правильных с точки зрения материализма результатов. Поскольку однако Фрейду удалось выставить целый ряд положений, обогативших психологию, эти зерна истины следует включить в систему строящейся марксистской психологии, причём однако о сохранении психоанализа как цельного учения не может быть и речи.

Тов. Залкинд считает дискуссию о психоанализе очень своевременной именно теперь, в эпоху энергично развертывающегося ясного идеологического самоопределения и отмежевания от эклектических и механистических течений. Фрейдизм представляет собой, по мнению т. Залкинда, сгусток очень крупных идеологических вопросов, заостряющих крупные проблемы диалектического материализма, а именно вопрос о психофизическом монизме, о диалектическом монизме в учении о личности, о среде и ее влиянии на личность, об изменчивости и т. п.

Тов. Залкинд указывает главнейшие этапы развития дискуссии о фрейдизме в СССР и отмечает, что в настоящее время замечается более легкий подход к фрейдизму по сравнению с недавним временем, когда фрейдизм предлагали выжигать каленым железом отовсюду, куда он успел проникнуть. Тов. Залкинд полагает, что т. Рейху не удалось ограничить тему своего настоящего доклада и представить психоанализ только как один из научных методов исследования индивидуальной психики. Как в настоящем докладе, так и в статье т. Рейх освещает всю фрейдовскую систему полностью и защищает фрейдизм не только в области индивидуальной психики, но и в социальной психологии и в социологии. По мнению т. Залкинда, психоанализ является, с точки зрения т. Рейха, не одним из методов, а исчерпывающим методом в изучении психики, диалектическим материализмом в психологии.

Исходя из замечания т. Деборина, что фрейдизм очень часто встречается рядом с реформистскими течениями, т. Залкинд рисует политическую историю психоанализа в СССР. Он указывает на то, что в области литературной критики правое течение, возглавляемое Вронским, утверждавшее невозможность регулирования творчества педагогическими воздействиями, опиралось на фрейдистскую концепцию о бессознательном как основе творческого процесса. Далее т. Залкинд полагает, что в вопросах педагогических фрейдовское учение о детской сексуальности отвлекает внимание педагога от социальных эмоций ребенка, от трудовой тренировки и воспитания волевых усилий. Такую же реакционную роль, по мнению т. Залкинда, играет психоанализ и в рационализаторской пропаганде психогигиены, так как с точки зрения психоанализа интеллект и рационализаторская работа бессильны против бессознательного. Подобным же образом психоанализ относится к коллективной психотерапии.

Тов. Залкинд заканчивает свое выступление указанием на коренные различия во взгляде на сущность коллектива между марксизмом и фрейдизмом. В то время как для марксистов коллектив есть особое качество, основной решающий фактор, диктатор социально-психических явлений, для фрейдистов коллектив есть механический агрегат изолированных индивидуальностей, и закономерности в этом коллективе растут изнутри индивидуальных влияний, а не из жизненной социальной среды.

В заключение т. Залкинд обещает в особом докладе поговорить о прогрессивном значении ряда фрейдистских положений, о своих попытках перестроить некоторые моменты в психоанализе и о возможности использовать этот очищенный фрейдизм.

Тов. Рор напоминает, что обозначение «фрейдомарксист» возникло главным образом в связи с одной статьей т. Варьяша, с которым т. Рейх и ортодоксальные марксисты ничего общего не имеют. Тов. Рор указывает далее, что психоанализ действительно не всегда достаточно оценивал значение интеллекта, так как психоанализ вовсе не является наукой, призванной дать объяснение всем явлениям психической жизни, а только бессознательной части психики. Все же Фрейд в своем «Толковании сновидений» дает очень ценные указания, как следует подходить к проблеме сознания.

Далее т. Рор находит, что предложенный т. Сапиром очень удачный термин «вторичные влечения», т. е. те структурные изменения личности, которые вызваны воздействием социальной среды вполне соответствует фрейдовскому понятию «идеэл-я». По кардинальному для психологии вопросу «биология или социология» т. Рор указывает, что, согласно учению психоанализа, физические особенности индивидуума, лежащие в основе переживаний человека, в дальнейшем не определяют их и что формирующим началом является и общество.

Тов. Фридман отводит прежде всего утверждение т. Залкина, что из психоанализа всегда с необходимостью делают правые выводы. Тов. Фридман указывает на то, что сам т. Залкинд умеет делать из психоанализа и левые выводы.

Обращаясь к выступлению т. Сапира, т. Фридман указывает, ссылаясь на статью Фрейда «Очерк истории психоанализа», что психоанализ не претендует на объяснение всей душевной жизни в целом. Однако психоанализ существенно отличается от других психологических направлений, перечисленных т. Сапиром, тем, что он дает основные принципы психической деятельности человека, охватывает всю сущность психического процесса в целом, в то время как другие направления играют роль частных методов и учений, необходимых в науке о человеке.

Тов. Фридман полагает, что психоанализ должен в будущем лечь в основу марксистской психологии, так как никакие другие направления психологии не содержат в себе в такой степени элементов, необходимых для построения марксистской психологии—взять хотя бы как пример принцип зависимости сознания от бытия, с такой определенностью выдвигаемый психоанализом. Чтобы стать этой основой марксистской психологии, психоанализ должен с помощью своего метода исследовать многие стороны психики, до сих пор еще не изученные или изучавшиеся другими методами с частных точек зрения.

Тов. Залманзон исходит из того положения, что правильным критерием в области той или другой науки является практика. Он утверждает, что практика психоанализа часто вредна, так как его идеология вредна. Тов. Залманзон полагает, далее, что ни один коммунист или марксист, применяющий психоанализ, не осмелился бы предложить его в качестве основного метода в советской педагогике. Поэтому он считает, что психоанализ должен быть глубоко реорганизован.

В своем заключительном слове т. Рейх касается прежде всего приписываемой ему теории промежуточных звеньев и указывает, что по его мнению идеология творится действительно не в воздушном пространстве и что он в достаточной степени показал, что, по учению психоанализа, идеология, а следовательно, наука и искусство определяются социальным бытием. Тов. Рейх еще раз повторяет, что он не считает психоанализ мирозерцанием и не нуждается в дипломатических приемах, чтобы защитить эту точку зрения. Он находит, что психоанализ заслуживает объективного и делового отношения к себе. Реакционная интерпретация психоанализа и реакционное его применение не могут служить обвинением против него. Это судьба многих научных теорий в буржуазных странах. Здесь, в Советском Союзе, можно дать психоанализу революционное применение.

Тов. Рейх еще раз обращается с призывом дать психоанализу возможность широко внести диалектический метод в психологию.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

HENRYK GROSSMANN. — *Das Akkumulations-und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems (Zugleich eine Krisentheorie).* — Schriften des Instituts für Sozialforschung an der Universität Frankfurt a. M. Herausgegeben von Karl Grünberg. — Verlag von C. L. Hirschfeld. Leipzig 1929. — S. XVI + 628.

ГЕНРИК ГРОССМАН. Закон накопления и крушения капиталистической системы (одновременно и теория кризисов).

Особое классовое значение проблемы накопления и кризисов, ее связь с вопросом о «судьбах капитализма», двойственность самой задачи, подлежащей решению теорией накопления: необходимость показать как возможность развития капиталистической системы, так и противоречивый характер этого развития, неизбежно приводящий к ее гибели, а также фрагментарный характер отдельных частей марковского труда, освещающих эти вопросы, издавна служили источником различных ревизионистских извращений действительной сути марксовской концепции накопления. Но эти же особенности приводили и ряд ортодоксальных марксистов к ошибочным интерпретациям этой марксовской теории, к механистическим упрощениям в обосновании ее революционного характера. Достаточно известен в этом отношении пример Розы Люксембург.

Перед нами новая попытка того же порядка. Автор рецензируемой работы, считая себя ортодоксальным марксистом, стремится вылущить революционную суть марксовской концепции из всей той кучи извращений, которым она подверглась в интерпретациях марксовых эпигонов. Но он вместе с тем отказывается «увеличить марксистскую догматику еще одной новой интерпретацией». Он ставит перед собой двойную задачу: во-первых, восстановить заново (впервые—добавляет он—ибо в течение всего времени после Маркса в центре интереса как защитников, так и критиков Маркса, стоял вопрос о выводах из марковского учения, а марков метод был при этом совершенно забыт) метод, который лежит в основе «Капитала», и, во-вторых, на этой основе дать важнейшие области марксовской теоретической системы в новом освещении.

Уже одно это должно привлечь наше внимание к этой работе. И действительно, книга его читается с большим интересом. Автор подводит нас к своему решению проблемы, продемонстрировав предвзято, каким извращениям подверглась марксова теория под пером не только буржуазных экономистов и ревизионистов, но и многих крупнейших ортодоксальных марксистов. Это составляет содержание первой главы. Уже чтение этой I главы очень заинтриговывает читателя особенностями критического подхода автора. Во II главе мы находим собственную, действительно оригинальную трактовку автором теории накопления и крушения капитализма. В III главе под углом зрения найденного автором решения данной проблемы дано освещение целого ряда других проблем теоретической экономики, являющихся, с его точки зрения, тенденциями,

модифицирующими течение основной, выведенной им из абстрактного анализа, тенденции краха капитализма (*Zusammenbruchstendenz*).

На протяжении всего своего исследования автор постоянно прибегает для лучшего оттенения своей точки зрения к критическому сравнению ее со взглядами, существующими в этой области как среди марксистов, так и буржуазных экономистов, к экскурсам в область истории экономической мысли, к иллюстрациям конкретно-исторического порядка. Все это делает его книгу, несмотря на ошибочность данного им решения проблемы, исключительно интересной и плодотворной, и на критической разбор ее должно быть направлено внимание всех занимающихся данной проблемой марксистов.

Пытаемся прежде всего, по возможности короче, изложить даваемое автором решение проблемы. Его методологическими исходными предпосылками являются следующие положения:

1) Глубоко ошибочным является, по его мнению, распространенное представление о том, что противоречие между производительными силами и капиталистической оболочкой представлено в отношении $c : v$. В действительности это противоречие должно быть представлено как противоречие между свойственным всем общественным формациям отношением $Pm:A$ (средства производства к рабочей силе) и отношением $c : v$ (S. 5—7). Отсюда—не верно, по его мнению, представлять марксову теорию обнищания как вывод из факта вытеснения рабочих машиной. Это—«две вещи, ничего общего между собою не имеющие и существующие у Маркса *независимо друг от друга*» (S. 27. Подчеркнуто автором, как и во всех цитатах в дальнейшем—Б.Л.). В то время как вытеснение рабочих машиной вытекает из *технического* отношения, которое сохраняется при всяком способе производства, в том числе и социалистическом, марксова теория обнищания и крушения капитализма вытекает из того факта, что применение средств производства и рабочей силы в процессе капиталистического накопления происходит *на базе ценности*, т. е. в форме c и v , ибо только из этой ценностной формы вытекает необходимость возрастания ценности со всеми вытекающими из этого последствиями: недостаточным возрастанием ценности, резервной армией и т. п. (там же).

2) Анализ проблемы воспроизводства проходит, по его мнению, у Маркса по *трем* последовательным ступеням: I—нормальное течение воспроизводства или простое воспроизводство; II—последствия накопления капитала и вытекающая из него тенденция *Zusammenbruch'a* и III—модификации, которые вносят в этот процесс противодействующие тенденции (S. VII).

3) Теория крушения капитализма должна быть выведена из закона ценности. Это означает, по его мнению, недопустимость привнесения в обоснование этого закона «политических, внеэкономических моментов» т. е. «волюнтаристическое» его обоснование (S. 58). Он солидаризируется с Э. Бернштейном и Туган-Барановским, что суть марксовой теории состоит в доказательстве «чисто экономической невозможности развития капитализма» (S. 59).

4) При анализе проблемы накопления необходимо исходить из предпосылки *стабильности цен*. Так поступил, по его мнению, и Маркс. Ибо «только при этой предпосылке было возможно провести точное доказательство, что циклические периоды подъема и депрессии независимы от изменения цен товаров и рабочей силы, что они в большей мере являются функцией накопления капитала» (S. 301, также 81—82, 94 и др.).

5) Наконец, исходной предпосылкой при объяснении кризисов должно быть также *отвлечение от конкуренции*. Для него вопрос стоит так: «Как влияет накопление капитала на течение процесса воспроизводства? Может ли в течение продолжительного времени сохраниться *предположенное* равновесие или в процессе накопления проявляются такие новые моменты, которые приводят к нарушению равновесия? Если это последнее имеет место, то и этим было бы дано также доказательство того положения,

что нарушения, наступающие в течение процесса воспроизводства и накопления, совершенно независимы от ценностных (ценовых) изменений денег или товаров и нуждаются в *особом объяснении*» (S. 99).

Как же он решает проблему накопления, исходя из этих предпосылок? В основу своих рассуждений он кладет схемы воспроизводства Отто Бауэра, данные последним в его статье против Розы Люксембург. Наш автор находит, что схемы Бауэра представляют собою «решающий шаг вперед по сравнению со всеми предыдущими подобными попытками», что «Бауэру удалось построить схему, которая, за исключением некоторых недостатков, которые, однако, нас здесь совершенно не должны смущать (*stören*), действительно соответствует всем формальным требованиям, которые вообще могут быть предъявлены подобной схематической конструкции, и не содержат ни одного из тех недостатков, за которые Роза Люксембург упрекает схемы воспроизводства Маркса» (S. 100). Поэтому он утверждает, что можно согласиться с Р. Люксембург в том, что «бауэровская теория накопления... является позором для современного официального марксизма и скандалом для социал-демократии», и тем не менее признать значение бауэровских схем воспроизводства (S. 100, прим.).

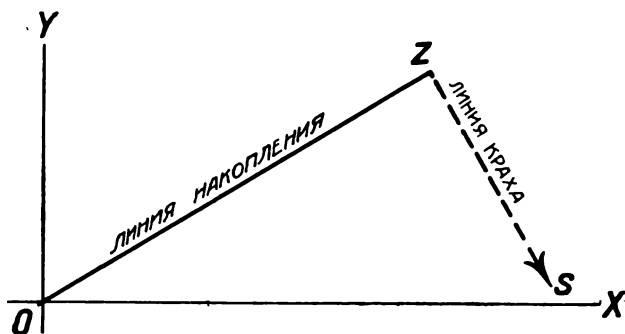
Эту схему Бауэра он продолжает далее тех 4 лет, которые вычислены самим Бауэром, и получает следующую картину: *начиная с 21-го года падает уже не только относительно, но и абсолютно потребляемая капиталистами часть прибавочной ценности, а в 35-м году она опускается даже до нуля*. В это время норма накопления (отношение накапливаемой части прибавочной ценности ко всей прибавочной ценности) все время растет и в 35-м году достигает *немыслимой высоты в 104,61%*.

Ввиду исключительно важного значения, которое занимает в его концепции эта таблица, приведем ее здесь полностью (см. с. 354).

Итак, уже в 35-м году исчезает потребляемая капиталистами часть прибавочной ценности, т.е. «класс капиталистов не располагает никакими средствами к существованию для своего личного потребления, все наличные средства существования должны быть использованы для целей накопления, и несмотря на это, оказывается дефицит в средствах существования в размере 11 510, именно: во II подразделении производится только на 540 074 предметов потребления, в то время как, согласно бауэровской предпосылке о 5%-ном ежегодном приросте населения, требуется в 36-м году 551 584 и то снова исключительно для рабочего класса, так что капиталисты в дальнейшем должны питаться воздухом. Таким образом выясняется, что *предпосылки Бауэра не могут быть сохранены*. Система рухнет, наступающий кризис выражает крах процесса возрастания ценности. С 35-го года при указанных предпосылках всякое дальнейшее накопление капитала оказалось бы *бесцельным*. Предприниматели должны были бы затрачивать труд по руководству производственной системой, плоды которой попадали бы исключительно рабочему классу. Уже в 35-м году возросший капитал не мог бы доставлять достаточной величины прибыли, чтобы обеспечить классу капиталистов необходимую им часть К...

«Описанное положение в качестве постоянного явления было бы равнозначно развалу капиталистического механизма, его экономическим концом. Накопление для класса предпринимателей было бы не только бесцельным, оно было бы *объективно невозможным*, ибо перенакопленный капитал лежал бы без употребления, не мог бы вступить в действие, не возрастал бы, не доставлял бы никакой прибыли» (S. 121—123). «Однако недостаточное возрастание ценности в результате перекапитализации является при этом только *одной* стороной процесса накопления. Этим еще не исчерпывается его изображение. Он имеет еще и вторую сторону. Недостаточное возрастание ценности в результате перекапитализации служит выражением того факта, что капитал растет быстрее, чем выжимаемая из данного населения прибавочная ценность, что базис возрастания ценности, население, слишком мал в отношении к разбухшему капиталу. Но тотчас же неиз-

бежно обнаруживается, как *следствие* наступившей перекапитализации, противоположное явление: в конечной фазе конъюнктурного цикла масса прибыли m , а, следовательно, также и части ее a_c и a_v , сокращается так резко, что оказывается недостаточной для продолжения накопления при существующих предпосылках, т. е. оказывается не в состоянии соответствовать ежегодному приросту населения». В 35-м году по норме накопления в схеме требуется $510\,563\,a_c + 26\,265\,a_v = 536\,818$, в то время как в действительности наличная масса прибавочной ценности составляет только 525 319. «Норма накопления должна таким образом оказаться 104,61% фактически наличной прибавочной ценности (несмотря на предположение, что норма прибавочной ценности 100%), что означает логическое противоречие и реальную невозможность... С 35-го года, следовательно, накопление уже не может идти в ногу с приростом населения на базисе какого-либо технического прогресса. Накопление оказалось бы слишком малым, неизбежно возникла бы резервная армия, которая с каждым годом возрастала бы... В 35-м году норма накопления переменного капитала составляет всего лишь 14 756 вместо необходимой суммы в 26 265 a_v и

Фигура I

таким образом оказывается недостаточной, чтобы дать занятие наличному населению в 551 584 человека. 11 509 рабочих остаются без работы, образуется резервная армия, но вследствие того, что не все рабочее население вступает в процесс производства, не вся сумма и добавочного постоянного капитала ($510\,563\,a_c$) оказывается необходимой для приобретения средств производства. Если при населении в 551 584 был бы применен постоянный капитал в 5 616 200, то при населении в 540 075 будет применен постоянный капитал лишь в размере 5 499 015. Таким образом оказывается *излишек* капитала в 117 185, остающийся без применения». Этим подтверждаются, по его мнению, положения Маркса что «избыток населения является продуктом накопления», что «избыток капитала (существует) при избытке населения» и т. д. (S. 125—126).

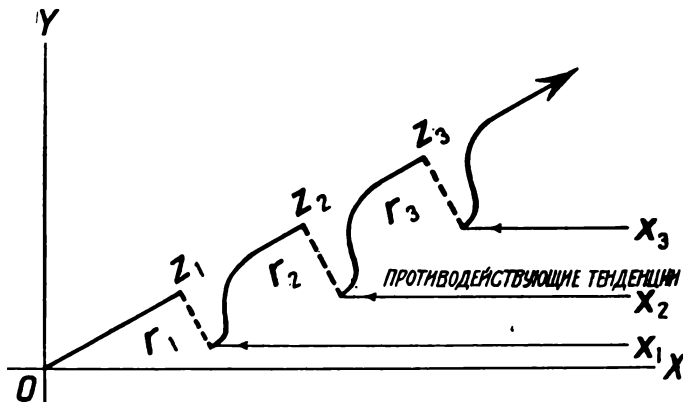
Но еще задолго до 35-го года (пункт z), уже с 21-го года (пункт r) накопление потеряло бы для капиталистов всякий смысл, и должен был бы начаться поворот к кризису (S. 133). Так как накопление в виде роста постоянной и переменной частей капитала остается и в социалистическом обществе, то совершенно очевидно, по его мнению, что часть K является для накопления капитала «существенным и характерным условием» (S. 135). Поэтому уже с 21-го года окажется необходимым для предотвращения падения потребляемой части прибавочной ценности снизить темп накопления (т. е. увеличивать постоянный капитал меньше чем на 10% и т. д.) (S. 136—137).

Исходя из всего изложенного, он дает следующие два графических изображения процесса накопления (S. 141) (см. выше и с 356):

Фигура I изображает абстрактную картину накопления, когда с определенного пункта наступает отклонение линии накопления (OZ) с положения равновесия в направлении ZS. Это и есть тенденция краха капитализма, его вековая «тренд-линия».

II фигура изображает циклический процесс, когда после наступившего перенакопления и проявления тенденции краха входят в силу противодействующие тенденции, которые восстанавливают процесс нормального возрастания ценности и этим восстанавливают каждый раз равновесие системы на новом уровне.

Анализ этих противодействующих тенденций дан, как мы уже знаем, в III главе. Прежде чем перейти к ним, необходимо, однако, упомянуть еще о тех модификациях схемы, которые автор производит, чтобы выявить причины, влияющие на *периодичность* циклов. Изменяя по переменному органический состав капитала, норму накопления постоянного капитала, норму накопления переменного капитала и норму прибавочной ценности, он приходит к следующему выводу: точно определить можно лишь продолжительность

Фигура II

периода подъема. Она является функцией перечисленных четырех факторов. Чем выше органический состав капитала и чем выше норма накопления капитала, тем скорее наступает кризис. В обратном направлении действует увеличение нормы прибавочной ценности. Увеличение нормы накопления переменного капитала имеет двоякий результат в зависимости от причины, вызывающей это увеличение его нормы накопления: если это увеличение — результат роста заработной платы, то оно ускоряет наступление кризиса; если же оно — результат увеличения населения в большем размере чем раньше, то оно замедляет наступление кризиса.

Интересно также отметить, что на своих схемах автор показывает и влияние вовлечения в анализ системы *кредита*. Исходя из фактически единственно возможного (для того, чтобы образовался свободный капитал) случая, когда накопление меньше, чем при прежде принятых условиях равновесия, он увеличивает ежегодно постоянный капитал не на 10%, а на 5%; соответственно уменьшается и увеличение переменного капитала; потребление капиталистов он определяет в 10% прибавочной ценности. Таким образом у него ежегодно образуется остаток неиспользованной прибавочной ценности, который переходит в разряд ссудного капитала, и остаток неиспользованной рабочей силы, который составляет резервную армию труда. Тогда схема обнаруживает наличие двух периодов. В первый период масса ссудного капитала растет. Поэтому и ссудный процент

будет понижаться. Затем наступает второй период, когда для поддержания прежней нормы накопления приходится уже заимствовать из созданного в первый период резервуара ссудного капитала. Наконец, наступает момент, когда потребность в добавочном капитале оказывается выше суммы созданной прибавочной ценности и остатка ссудного капитала. Образуется дефицит, т. е. невозможность возрастания ценности, т. е. кризис. Отсюда рост ссудного процента во второй период. Безработица также в первый период растет, а во второй падает.

||Перейдем теперь к *противодействующим* тенденциям. Их мы можем здесь за недостатком места лишь перечислить: 1) рост нормы прибыли в результате развития производительности труда и его влияния на понижение ценности постоянного капитала; 2) понижение ценности переменного капитала в результате развития производительности труда; 3) сокращение периода оборота капитала; 4) вытеснение части денежного капитала; 5) увеличение массы потребительных ценностей в результате роста производительности труда; 6) организация новых отраслей производства с пониженным—по сравнению со средним общественным—органическим составом капитала; 7) понижение земельной ренты, торговой прибыли, оплаты торговых агентов; 8) периоды воспроизводства на основе неизменной техники; 9) обесценение капитала; 10) войны и революции (ибо производимое ими разрушение производительных сил действует аналогично явлению обесценения капитала, т. е. создает положение, как если бы накопление капитала находилось на более низкой ступени); 11) рост акционерного капитала; 12) рост населения в результате ускорения нормы прироста или иммиграции; 13) внешняя торговля; 14) экспорт капитала.

Именно из стремления к смягчению тенденции краха он объясняет все перечисленные явления, в том числе и необходимость внешней торговли и экспорта капитала.

В заключение он пытается увязать свою концепцию с проблемой *классовой борьбы*. Неизбежность последней вытекает, по его мнению, из того обстоятельства, что недостаточное возрастание ценности на определенной ступени толкает капиталистов к выходу из этого положения путем снижения заработной платы. Этим удастся замедлить движение к краху капитализма. Наоборот, если рабочим удастся повысить уровень заработной платы, момент краха системы приближается. Автор считает, что его понимание процесса накопления дает возможность понять, почему на высших ступенях накопления капитала борьба за распределение доходов является уже не только борьбой за лучший жизненный уровень, но и борьбой из-за самого существования капиталистической системы.

Завершением его работы является критика гильфердинговской теории «всеобщего картеля» и «организованного капитализма». Корни этой теории он видит в непонимании Гильфердингом значения марксовой теории ценности и денег, ибо в его представлении регулируемое организованное капиталистическое хозяйство остается все же *товаро-*производящим, капиталистическим хозяйством. Но одно с другим несовместимо. Одно из двух: если оно организованное хозяйство, то оно перестает быть капиталистическим хозяйством, основанным на обмене. Если же оно капиталистическое, то оно не может быть организованным. И кроме того, сохранение этого общества как капиталистического означает сохранение рабочей силы, как товара. Но если на рынке остается товар—рабочая сила, то неизбежно существует и меновая ценность как основная форма отношений. Если же исчезает товарный обмен, то и рабочая сила перестает быть товаром, и, следовательно, основное капиталистическое отношение также исчезает.

Таково вкратце, схематически, содержание рецензируемой книги. Попытаемся теперь критически разобраться в основных ошибках этой концепции.

II

Читатель уже заметил, конечно, что Гроссман в своем построении следует примеру Маркса в XIII и XIV главах III тома «Капитала». И Маркс там сначала доказывает

закон тенденции нормы прибыли к понижению, «как таковой», предполагая сохранение той же нормы прибавочной ценности (100%), отвлекаясь также и от того факта, «что с прогрессом капиталистического производства и соответствующего ему развития производительной силы общественного труда... прежняя величина стоимости представляет прогрессивно возрастающую массу потребительных стоимостей и наслаждений» («Капитал», т. III, ч. 1, с. 198). Лишь затем, в следующей главе, Маркс исследует «противодействующие моменты», каковыми являются: повышение степени эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже ее стоимости, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, увеличение акционерного капитала.

Мы напомнили об этом приеме Маркса для того, чтобы сразу же поставить вопрос, правомерно ли при построении схем воспроизводства следовать этому приему Маркса?

Как известно, одним из обвинений, выдвинутых Р. Люксембург против схем Бауэра, является обвинение в том, что наряду с предположением сильного и беспрестанного технического прогресса он предположил стабильную норму прибавочной ценности, что равнозначно, по ее мнению, тому, как если бы математик одну часть уравнения помножил на 2, а другую оставил неизменной или разделил на 2 (см. «Накопление капитала», изд. 2-ое, т. II, с. 604). Наш автор также ставит в вину Бауэру игнорирование им того корректива, который вносится в схему учетом неизбежного роста нормы прибавочной ценности при росте органического состава капитала (S. 315, прим.). Но он полагает, что исправил ошибку Бауэра тем, что отнес влияние роста нормы прибавочной ценности к числу явлений, *смягчающих* действие установленной им на основе основной схемы тенденции. Достаточно ли, однако, такое «исправление» схемы Бауэра? Гроссман такого вопроса перед собою и не ставит. Этим он обнаруживает непонимание разницы между схемами воспроизводства и цифровыми иллюстрациями Маркса при выведении им закона тенденции нормы прибыли к понижению. В самом деле. В то время как тенденция нормы прибыли к понижению с совершенной очевидностью выступает из самого факта роста органического состава капитала, ибо является «только выражением прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражением, свойственным капиталистическому способу производства» («Капитал», т. III, ч. 1, с. 192),—схемы воспроизводства должны показать процесс возмещения всех частей общественного продукта, а величины этих частей ведь меняются в зависимости от того, будет ли учтен рост нормы прибавочной ценности или нет. Таким образом включение в схему Бауэра-Гроссмана влияния роста нормы прибавочной ценности должно будет не только смягчить действие установленной Гроссманом тенденции, но изменить всю картину в целом. Гроссман сам устанавливает, что чем выше принятая в качестве предпосылки норма прибавочной ценности, тем больше и число лет, в течение которых тенденция *Zusammenbruch*'а окажется смягченной (S. 185). Но если таково влияние *повышенной, но неизменной для всех лет* нормы прибавочной ценности, то каков должен быть результат, если норма прибавочной ценности будет повышаться *постоянно в соответствии с ростом органического состава капитала и накопления*? Не окажется ли при этом под сомнением вопрос о самом существовании подобной тенденции? Мы произвели соответствующий подсчет. Мы оставили полностью все условия схемы Бауэра-Гроссмана, за исключением условия стабильности нормы прибавочной ценности. Мы повышаем ее ежегодно в соответствии с повышающимся в схеме Бауэра-Гроссмана органическим составом капитала. Картина получается следующая (мы ограничиваемся здесь приведением лишь 4 столбцов полученной нами таблицы, так как абсолютные величины как постоянного и переменного капиталов, так и накапливаемых частей постоянного и переменного капиталов, остаются те же, что и в схеме Гроссмана).

Мы продолжили расчет до 45-го года, т. е. более чем удвоили период, когда у Гроссмана обнаруживается перелом в движении потребляемой части прибавочной

Таблица № 2

Годы	$\frac{с}{v}$	$\frac{m}{v}$	m	k
1	2,0	1,0	100 000	75 000
2	2,1	1,05	110 250	88 250
3	2,2	1,1	121 275	91 564
4	2,3	1,15	133 126	100 718
5	2,4	1,2	145 860	110 501
6	2,5	1,25	159 534	120 943
7	2,6	1,3	174 210	132 079
8	2,8	1,4	196 991	150 982
9	2,9	1,45	214 227	163 968
10	3,0	1,5	232 695	177 780
11	3,2	1,6	260 618	200 599
12	3,3	1,65	282 199	216 586
13	3,5	1,75	314 267	242 520
14	3,7	1,85	348 836	270 363
15	3,8	1,9	376 177	290 329
16	4,0	2,0	415 774	321 835
17	4,2	2,1	458 390	355 577
18	4,4	2,2	504 229	391 680
19	4,6	2,3	553 506	430 276
20	4,8	2,4	606 451	471 499
21	5,1	2,55	676 571	528 756
22	5,3	2,65	738 258	576 325
23	5,6	2,8	819 047	641 616
24	5,8	2,9	890 715	696 273
25	6,1	3,05	983 625	770 507
26	6,4	3,2	1 083 600	849 976
27	6,7	3,35	1 191 113	934 973
28	7,0	3,5	1 306 669	1 025 804
29	7,4	3,7	1 450 704	1 142 386
30	7,7	3,85	1 584 664	1 246 824
31	8,0	4,0	1 728 724	1 358 129
32	8,5	4,25	1 928 607	1 522 032
33	8,9	4,45	2 120 336	1 674 239
34	9,3	4,65	2 326 414	1 833 899
35	9,7	4,85	2 547 797	2 010 581
36	10,2	5,1	2 813 083	2 223 459
37	10,7	5,35	3 098 527	2 451 319
38	11,2	5,6	3 405 483	2 695 002
39	11,7	5,85	3 735 389	2 955 381
40	12,3	6,15	4 123 292	3 266 878
41	12,9	6,45	4 540 552	3 600 174
42	13,5	6,75	4 989 438	3 956 782
43	14,1	7,05	5 471 752	4 337 678
44	14,8	7,4	6 030 571	4 785 030
45	15,5	7,75	6 631 590	5 263 533

ценности. Совершенно очевидно, что дальнейшее продолжение таблицы не внесет ничего нового. Никакого мистического сокращения этой потребляемой части прибавочной ценности, не говоря уж о полном ее исчезновении, мы не получим. Наоборот, она будет возрастать не только абсолютно, но и относительно: в 1-й год она составляла 75% всей массы прибавочной ценности, а в 45-м году—уже 79%¹.

¹ Когда Гроссман в порядке «модификации» своей основной схемы хочет показать влияние изменения нормы прибавочной ценности, он берет случай *пониженной* нормы прибавочной ценности и *повышенной* нормы накопления постоянного капитала, в результате чего крах у него наступает уже во 2-м году (см. S. 225). Но не в этом его ошибка. Если бы он взял и *повышенную* норму прибавочной ценности, он мог бы с таким же успехом «доказать» неизбежность сначала абсолютного сокращения, а затем

Разумеется, в реальной действительности этот рост будет менее значителен, чем получилось в нашей таблице. Относительно потребляемая часть прибавочной ценности будет даже падать, ибо темп роста капитала будет, конечно, тоже возрастать, а не оставаться одним и тем же (10% для постоянного капитала и 5% для переменного капитала). Но даже такое относительное падение потребляемой части прибавочной ценности из схемы *самой по себе* при правильном ее построении произойти не может, ибо повышение темпа роста капитала повлечет за собой и повышение темпа роста органического его состава, а вместе с ним и темпа роста нормы прибавочной ценности. Чтобы приблизиться к реально происходящему процессу, надо учесть, что как бы ни возрастали потребности роскоши у капиталистов, здесь все же имеется предел возможного потребления, и что капиталисты *сознательно* все более возрастающую долю прибавочной ценности обращают в накопление. Но получающееся в результате этого относительное падение потребляемой части прибавочной ценности в отношении ко всей сумме ежегодно создаваемой прибавочной ценности совсем не должно влечь за собой и абсолютное ее падение. Таковое будет иметь место лишь при учете неизбежного в результате роста производительности общественного труда понижения ценности товаров, но тогда это абсолютное уменьшение потребляемой части прибавочной ценности в *ценностном* выражении будет компенсировано ростом его величины в *вещественном* выражении.

Совершенно надуманным и неверным следует признать утверждение нашего автора, что показателем критического состояния капиталистического хозяйства является исчезновение потребляемой части прибавочной ценности. Каждому известно, что кризис в классической своей форме вытекает и по существу означает невозможность возрастания ценности, т. е. невозможность извлечения «нормальной» величины прибавочной ценности и, след., прибыли. Но вместе с тем каждому известно, что меньше всего это отражается на уровне потребления капиталистов. Прекращение возрастания ценности означает прекращение накопления, а не потребления капиталистов. Если же потребление капиталистов в это время и имеет место, то лишь как *результат* кризиса, а не как его *симптом*. Гроссман же, правильно подчеркивая марксово положение о том, что границей капиталистического производства является сам капитал, т. е. самовозрастание ценности, ставит это положение на голову тем, что ищет проявления этой границы в исчезновении потребляемой части прибавочной ценности.

Он вообще старается подменить учение Маркса о падении *нормы прибыли*, как *momento* *modi* капитализма, утверждением о непременном падении и *массы прибыли*. Для «подтверждения» марксистской ортодоксальности этого своего утверждения он прибегает к таким, например, способам. Он цитирует (см. S. 123) следующую фразу Маркса: «Понижение нормы прибыли сопровождалось бы в этом случае абсолютным уменьшением массы прибыли... А уменьшенную массу прибыли пришлось бы вычислять в отношении ко всему возросшему капиталу» («Капитал», т. I П, ч. 1, с. 233, нем. изд. S. 234). Эта цитата оказалась емкой *«доказательной»* для его концепции, что он приводит ее еще раз на с. 523 с тем же пропуском посередине. Между тем наш автор заменил многоточиями следующие слова Маркса: «Так как при наших предположениях масса применяемой рабочей силы не могла бы увеличиться, и норма прибавочной стоимости не могла бы повыситься, следовательно, не могла бы увеличиться и масса прибавочной стоимости».

и полного исчезновения потребляемой части прибавочной ценности, хотя и в более поздние сроки, чем в первоначальной схеме. Вся суть в том, что, берет ли он повышенную или пониженную норму прибавочной ценности, он оставляет ее для всех лет *неизменной*, между тем как она должна *меняться из года в год* в соответствии с изменением органического состава капитала. Поэтому никакого «корректива» Гроссман по существу не внес в построение Бауэра. И поэтому насмешкой над ним самым звучит его грозное обвинение Бауэра в забвении марксовой методологии за то, что тот не учел корректирующего влияния изменения нормы прибавочной ценности (S. 315, *примеч.*).

Совершенно очевидно, что у Маркса речь идет о том случае, когда не увеличивается ни применение рабочей силы, ни норма прибавочной ценности. Следовательно, это замечание Маркса не может относиться даже и к схеме Гроссмана, ибо в ней применение рабочей силы все время увеличивается. Непосредственно вслед за приведенной цитатой Маркс пишет: «Но если даже предположить, что помещенный в дело капитал продолжает возрастать в своей стоимости при прежней норме прибыли, следовательно, масса прибыли остается прежняя, то все же она вычислялась бы на возросшую общую сумму капитала, а это опять предполагает понижение нормы прибыли». Ясно, что Маркс перебирает здесь различные варианты, при которых норма прибыли все равно падает, но в одном случае (при прекращении накопления, т. е. при условии, когда не увеличивается ни масса применяемой рабочей силы, ни норма прибавочной ценности) падает также и масса прибавочной ценности, а в другом случае (при продолжении накопления) масса прибавочной ценности не падает.

Другой пример применяемого Гроссманом доказательства: тот факт, что у Маркса неизбежный конец капитализма связан с падением нормы прибыли, а не массы ее, он приписывает тому обстоятельству, что 3 главу III тома «Капитала» обработал Самуэль Мур, математик, а не экономист. «Здесь или Энгельс или Мур, наверное, допустили опisku», утверждает он (S. 195). И в подтверждение этого своего утверждения он приводит (там же в прим.) цитату («Капитал», III, ч. 1., с. 198, нем. изд. 199), которая кончается следующей фразой: «Dieselben Gesetze produzieren also für das Gesellschaftskapital eine wachsende absolute Profitmasse und eine fallende Profitrate». («Таким образом в силу одних и тех же законов абсолютная масса прибыли на общественный капитал возрастает, а норма прибыли понижается»), и старается по построению фразы показать, что вместо последних слов: «und eine fallende Profitrate» должно было бы быть: «und zugleich eine Profitmasse, welche relativ fällt», ибо «противоположением абсолютному росту составляет относительное падение той же величины». Поэтому это может относиться лишь к массе прибыли. Норма прибыли падает не относительно, а абсолютно. Этот стилистический экскурс свидетельствует о явном стремлении извратить совершенно ясную мысль Маркса. У Маркса слово «absolute» относится не к «wachsende», а к «Profitmasse», и следовательно, противоположение строится не по линии слов: «absolute» и «relative», а по линии слов: «wachsende—fallende», «Profitmasse—Profitrate». Ни о каком *относительном* падении нормы прибыли в этой фразе и не говорится.

Далее. Одним из существеннейших положений нашего автора является противопоставление тезиса о прекращении возрастания ценности тезису о невозможности реализации. Он не устает подчеркивать, что последний тезис ничего общего с марксовой теорией не имеет, что и в действительности кризис вызывается не отсутствием возможностей для реализации товаров, а нерентабельностью дальнейшего процесса воспроизводства. По этой линии он много раз противопоставляет свое понимание проблемы концепции Р. Люксембург, а также различным трактовкам теорий недопотребления, перепроизводства и т. п. Тут мы сталкиваемся с явно формальным подходом Гроссмана к проблеме. Что означает нерентабельность дальнейшего процесса воспроизводства? Невозможность получения «необходимой», «нормальной» etc. нормы прибыли. В результате чего это получается? У Гроссмана ответ готов: его схема доказывает, что «в определенный момент» потребности накопления поглощают всю потребляемую часть прибавочной ценности, а затем и всю прибавочную ценность с избытком, в результате чего исчезает как стимул, заставляющий капиталистов продолжать расширенное воспроизводство, так и объективная возможность такого в требуемых размерах. Он считает, что это его положение является особым преимуществом его концепции, ибо она находит причины кризиса в условиях самого производства, а не реализации или потребления. Между тем это совершенно безжизненная, метафизическая постановка вопроса. И потребление, и реали-

зации, как известно, не являются в отношении производства какими-то трансцендентными категориями, они — моменты того же производства. Но мало того. На всем протяжении своей объемистой книги Гроссман не пытается даже не только ответить, но и поставить вопрос, чем же объясняется возникновение такого рокового переломного пункта. Ведь сколько ни повторять, что в основе капиталистического производства лежит стремление к прибыли, мы не сдвинемся с места в понимании закономерностей его динамики, если каждый раз будем ограничиваться ссылкой на схему, которая-де показывает, что «в определенный момент» должен наступить крах вследствие невозможности получения той прибыли, ради которой капиталисты и ведут свое производство. Мы все же снова стоим перед тем же вопросом: откуда и почему вдруг возникла эта «невозможность»? И тут, конечно, без привлечения *условий реализации* никак не обойтись. Именно эти изменившиеся условия реализации и создают нерентабельность дальнейшего процесса воспроизводства, процесса накопления в прежних размерах. Ибо реализация в капиталистическом обществе есть реализация не только определенного количества товаров, но и *по определенной цене*, включающей в себе, помимо покрытия издержек производства, также и «нормальную» прибыль.

Чтобы доказать, что он и в этом вопросе ортодоксален, он дважды (S. 291 и 306) приводит цитату из Маркса, что «в периоды кризиса... норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал почти совершенно исчезают» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 52; нем. S. 51). Эта цитата подтверждает, по его мнению, его положение, что «невозможность сбыта товаров, перепроизводство, есть только *следствие* недостаточного возрастания ценности, которое наступает вместе с перекапитализацией» (S. 291), ибо «покупательная сила при наступлении кризиса в нашей схеме имеется в наличии так же, как она имела в течение всей фазы подъема» (там же). Совершенно очевидно, что и здесь Гроссман напрасно ссылается на Маркса, ибо у Маркса в приведенной фразе рисуется не причина кризиса, а последующий момент, когда кризис уже наступил, когда причина и следствие уже переменились местами. Это подтверждается и смыслом той части фразы, которая Гроссманом опять заменена многоточием: «спрос на ссудный капитал, а вместе с тем и норма процента достигают своего максимума». Если вообще считать эту цитату объяснением причин кризиса, то следовало бы и возросший до максимума спрос на ссудный капитал считать причиной такового. Между тем, кажется, никто не приписывал Марксу такого понимания причин кризиса. Вслед за приведенной цитатой Маркс разъясняет: «В такое время каждый занимает лишь для того, чтобы произвести платежи, чтобы выпутаться из обязательств, уже принятых на себя». Следовательно, дело идет уже о том, чтобы «выпутаться из обязательств», т. е. кризис уже в полном разгаре. Ясно, что в такой момент «почти совершенное исчезновение» спроса на промышленный капитал является уже следствием такого же исчезновения нормы прибыли, т. е. нерентабельности производства. Но предварительно, чтобы вызвать эту нерентабельность, должен был наступить кризис сбыта, т. е. невозможность реализации товаров по цене, сохраняющей такую рентабельность².

Но Гроссман отрицает также и необходимость *изменения цен* в момент кризиса. «Основная проблема, о выяснении которой идет речь,—пишет он,—заключается в вопросе,

² Очень характерно, что, перечисляя противоречия, придающие капиталистическому производству «дуалистический характер», он упоминает лишь противоречия между ценностью и потребительной ценностью, между рентабельностью и производительностью, между ограниченной возможностью возрастания ценности и безграничным развитием производительных сил (S. 620), не упоминая о противоречии между производством и потреблением, между производством и реализацией. Упущение этих противоречий объясняется не тем, что Гроссман их включает в одно из перечисленных им противоречий, как можно было бы подумать, а тем, что он, видимо, вообще игнорирует их, не придавая им значения.

как складываются отношения между барышем и накоплением капитала; остается ли барыш при развитии накопления неизменным, увеличивается ли или наоборот все уменьшается? Т. е. проблема заключается в точном определении изменений прибавочной ценности при развитии накопления. Ответ на этот вопрос даст нам также разъяснение волнообразных движений, конъюнктурных колебаний в течение процесса накопления капитала» (S. 82—83). Искрывает ли, однако, это положение постановку вопроса об изменении цен? По мнению Гроссмана, «не повышающиеся цены определяют поведение предпринимателя, а барыши. Последние же являются разностью двух факторов: цен и издержек. И при стабильных или даже при падающих ценах барыши могут расти, если понижение издержек превышает понижение цен. Уже эти соображения указывают на то, что вопрос о повышении цен как для теории, так и для практики принципиально совершенно безразличен» (S. 82). Гроссман делает здесь чудовищную по своей элементарности ошибку: он не замечает, что снижение издержек есть все же проблема изменения цен, хотя бы она касалась даже только цены труда!

Кроме того, когда он утверждает, что при сохранении пропорциональности в увеличении капиталов, рабочих сил и покупательной силы, накопление может развиваться без изменения цен (S. 230), то он совершенно упускает, что накопление ведет к повышению производительности общественного труда, что неизбежно влечет за собою ценностные изменения. В ценах эти изменения могут не отразиться лишь в том случае, если эта производительность труда повышается одинаково во всех отраслях производства, в том числе и в золотопромышленности.

Далее. Гроссман много раз повторяет, что кризисы характеризуются обесценением капитала. Но ведь обесценение капитала есть только выражение обесценения товаров!

Гроссман, возражая Ледереру, заявляет, что «всеобщее повышение цен (если мы отвлечемся от обесценения денег) в экономическом смысле невозможно. Если цены всех товаров возрастают равномерно,—что мыслимо лишь при обесценении денег,—то можно о повышении цен говорить лишь в арифметическом смысле. Экономически во взаимных меновых отношениях товаров и доходов ничего не изменилось, за исключением того обстоятельства, что считают теперь большими числами. Если же, напротив, цены товаров растут неравномерно, то это означает, что товары, цены которых отстали в своем росте от цен других, в действительности в экономическом смысле стали дешевле» (S. 304). Такого рода рассуждение имеет тоже свой «экономический смысл»: оно выдает его автора как сторонника теории знаменитого Бэйли. Только при отрицании наличия абсолютной ценности можно отрицать и экономический смысл всеобщего повышения цен.

В действительности же и неравномерное повышение всех цен есть все же всеобщее их повышение, и его-то и должна, между прочим, объяснить теория цикла или кризиса.

Ставить перед собою задачу объяснить это всеобщее повышение цен совсем не значит принять тезис Ледерера, что это повышение цен является причиной общего конъюнктурного подъема и роста производства. У Ледерера это увязывается с тем, что само повышение цен он перед этим уже «объяснил» ростом спроса, вызванным добавочным кредитом. Марксисты же основную первичную причину перелома в движении цен должны вывести из изменившихся условий общественного производства (это не исключает признания, что в дальнейшем в течение фазы подъема имеет место взаимное влияние роста производства и роста цен, подгоняющих друг друга). Во всяком случае никакая теория цикла не может увильнуть от постановки и решения вопроса о причинах всеобщего повышения, как и следующего за ним всеобщего понижения цен, этих основных характерных черт классического течения капиталистических циклов. Ссылка Гроссмана на факт, имевший место в США в 1925 году, когда конъюнктурный подъем сопровождался падением цен (S. 81 и 240, прим.), совсем не убедительна, ибо теория должна прежде

всего объяснить явления типичные, являющиеся правилом, и только исходя из этого, она сможет правильно объяснить и отдельные исключения из этого правила. Важно понять следующее: переходы от подъема к депрессии и от депрессии к подъему являются *переломами* в капиталистической динамике. Всякий такой перелом *не может не быть* переломом кривой динамики производительности общественного труда, т. е. кривой динамики *ценности*.

Уже даже только исходя из этой априорной теоретической предпосылки, теория не может уклониться от вопроса о ценностных сдвигах в ходе капиталистического цикла.

Важно отметить также, что по вопросу о наступлении переломного момента в процессе накопления капитала Гроссман также все ссылается на Маркса. В то время как у Маркса наступление такого момента является результатом постепенного количественного накопления противоречий в движении капиталистической системы, разрешением которых и является кризис, у Гроссмана этот переломный момент наступает как-то мистически *без всякой предварительной борьбы противоречий*, как *deus ex machina* из его схемы. Какие противоречия обуславливают наступление такого перелома? И почему он наступает именно в таком-то году, а не раньше или позже? На эти вопросы не дают нам ответа ни схема Гроссмана, ни вся его книга. Ведь любопытно, что все его попытки объяснить причины периодичности кризиса исчерпываются модификациями его схем путем различной комбинации исходных предпосылок их построения. Но *почему* при каждой *данной* комбинации условий перелом наступает в таком-то году, на этот вопрос Гроссман ответа не дает и при своей концепции дать и не может. Замечательно ведь, что в книге в 600 с лишним страниц, претендующей изложить теорию, которая (как гласит заглавие книги) должна одновременно быть как теорией накопления и крушения капиталистической системы, так и *теорией кризисов*, вопросу о роли основного капитала посвящены следующие несколько строк в одном примечании: «Если, как явствует из данного в тексте изложения, решающим важным элементом марксовой теории кризисов является накопление капитала, все же с другой стороны на течение кризисов оказывают влияние также и другие факторы и специально роль основного капитала, который регулирует влияние на периодичность кризисов. К сожалению, здесь нет возможности ближе подойти к этому вопросу, ибо этот фактор подпадает под угол зрения *простого* воспроизводства и поэтому оказывается за пределами нашего анализа». Постольку здесь можно ограничиться лишь следующим замечанием: в противоположность к всеобщему пространственному ныне также и в марксистской литературе представлению, что при простом воспроизводстве проблема конъюнктур вообще не существует, Маркс приводит доказательство, что и при простом воспроизводстве под воздействием основного капитала неизбежно возникают периодические кризисы» (S. 140, 142, прим.). Здесь все вызывает недоумение: движение основного капитала оказывается фактором, стоящим как-то особняком от процесса накопления капитала; анализ кругооборота основного капитала может быть дан лишь под углом зрения простого воспроизводства, и наконец, и процесс простого воспроизводства неизбежно сопровождается периодическими кризисами под влиянием основного капитала. Гроссман при этом не замечает даже, что последняя его фраза противоречит первой, ибо если *периодические кризисы неизбежно* сопровождают и процесс простого воспроизводства, то как может накопление капитала быть «решающе важным» (*entscheidend wichtige*) элементом марксовой теории кризисов.

Мало того, это утверждение опровергает все содержание его книги, которая должна была доказать, что самый процесс накопления *и только он, сам по себе*, вызывает тенденцию крушения системы, которая в реальной действительности проявляется в виде периодических кризисов! Что же касается опять ссылки на Маркса, то здесь она, в отличие от других случаев, даже не обоснована, вероятно потому, что даже по внешности подходящей цитаты Гроссману найти не удалось. В литературе достаточно известно,

что связь капиталистических циклов с оборотом основного капитала Марксом не разработана и что в том месте 9 главы II тома «Капитала», где он эту связь констатирует, он ясно говорит о «развитии капиталистического способа производства», вместе с которым «растет размер стоимости и продолжительность существования вкладываемого основного капитала», о «постоянных переворотах в средствах производства» и т. д., т. е., несомненно, имеет в виду расширенное, а не простое воспроизводство.

Так что все это странное замечание (а оно единственное в книге) не может нам помочь в уяснении причин, почему кризис наступает в такой-то момент, а не в другой.

Вообще, представления Гроссмана о циклическом движении капитализма отличаются упрощенностью и механистичностью: в противоположных направлениях действуют различные тенденции; в один период *по неизвестным причинам* побеждают одни из них—получается конъюнктурный подъем; в другой период—опять-таки по неизвестным причинам—победа оказывается на стороне других—получается кризис и депрессия. Между тем задача марксиста-диалектика заключается в том, чтобы показать, как одна и та же тенденция в противоречивом своем движении в определенный момент приводит к своему собственному отрицанию, к результату, противоположному ей самой. Кроме того, по концепции нашего автора капиталистическая система, *независимо от формы* своего движения, от цикличности этого движения, движется к краху. Таким образом гибель системы совершенно не вытекает из этой формы. Между тем основная задача в том и заключается, чтобы понять, как само движение системы порождает специфически ей присущую форму движения и как эта форма в дальнейшем определяюще влияет на содержание, на сущность самого движения.

Непонимание этого составляет основной грех всей концепции нашего автора. Этим объясняется и его резкий *отрыв* отношения $s : v$ от отношения $P_m : A$; отрыв марксовой теории обнищания от факта вытеснения рабочих машинной,—вещи, которые, по его мнению, как мы видели, «ничего общего между собою не имеют и существуют у Маркса *независимо друг от друга*». Он не понимает, что если эти две стороны недопустимо смешивать, их нельзя и полностью отрывать друг от друга; что без отношения $P_m : A$ (которое также не является чисто техническим, ибо включение в него элемента рабочей силы придает ему социально-исторический характер), нет и ценностного отношения $s : v$; без факта вытеснения рабочих машинной нет и теории обнищания.

Это непонимание диалектической связи содержания и формы приводит его к непониманию и того, что именно под воздействием циклической конъюнктурной формы динамики капиталистической системы образуются структурные изменения в самой системе, знаменующие собою появление новых этапов, новых фаз капитализма, во многом качественно отличных от предыдущих. Поэтому для него империализм, монополистический капитализм по существу есть не особая фаза капитализма, а лишь проявление более высокой степени накопления капитала. Он за количественным различием не видит качественного отличия. Поэтому для него и «монополия сама только средство, чтобы путем повышения цен увеличить барыш, т. е. улучшить условия возрастания ценности, и является поэтому только поверхностным явлением» (S. 269.). Поэтому он не может понять также, как загнивание капитализма связывается с агрессивной империалистической политикой: «Если монополия вызывает „стагнацию“, то как может быть объяснен агрессивный характер империализма?» недоуменно спрашивает он по поводу теории империализма Ленина (Там же).

Именно потому, что ему совершенно чужда диалектика, он не понимает также, что при объяснении краха капитализма нельзя обойтись без привлечения на сцену политической классовой борьбы пролетариата. Он утверждает, что неизбежность *Zusammenbruch* 'а должна быть выведена чисто экономически, исходя из закона ценности. Но в том-то и дело, что и эта политическая борьба рабочего класса должна быть объяснена из дви-

жения закона ценности, что классовая борьба—и притом именно в политической своей форме—является «концентрированным» выражением противоречий закона ценности. У Гроссмана же, как бы он нас ни заверял в противоположном, классовая борьба просто «пришита» к его теории крушения капитализма. Неизбежность этого крушения сама собой, именно фаталистически, вытекает у него из его схемы и ни в какой логической связи с успехами классовой борьбы у него не находится. Поэтому он совершенно напрасно одобрительно цитирует (S. 22) Ленина, что не бывает для капитализма абсолютно безвыходных положений. По Гроссману, капитализм в определенный момент, указываемый его схемой, попадает именно в безвыходное положение.

Именно потому, что вся его концепция построена на этой предпосылке безвыходности положения капитализма в определенный момент, он вынужден каждый новый подъем объяснить появлением периодического «толчка» (Anstoss). Попытки обойтись без такой теории «толчка» он объявляет поисками экономического *perpetuum mobile* (S. 229). Между тем он ограничивается в данном случае лишь критикой Шпиттоффа, не давая себе труда задуматься над тем, что гегелево-марксово понятие «самодвижения», благодаря *противоречивому* своему характеру, неизбежно связано и с перерывами и с порожденными этими же перерывами возобновлениями движения,—и поэтому ничего общего не имеет с идеей *гладкого* непрерывного течения *perpetuum mobile*.

На этом мы считаем возможным закончить нашу рецензию. Укажем лишь еще на то, что читатель найдет в рецензируемой книге между прочим ряд интересных критических замечаний по поводу концепции Р. Люксембург, Штернберга, многих положений Н. И. Бухарина. В ней имеется и ряд ценных критических соображений по поводу теории так называемого «организованного капитализма» (причем авторство этой теории в противоположность М. Изольсону—см. «Большевик» № 18—устанавливается за Гильфердингом, а не за Н. И. Бухариным); по поводу тезиса, что революция произойдет в результате «второго тура» империалистических войн и т. д. Из конкретно-описательного материала особенный интерес представляет часть, посвященная вопросу о причинах заинтересованности индустриальных капиталистических стран в колониях.

Б. Л.

ОБ ОДНОЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

И. Давыдов, Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости, изд. «Прибой», 1929 г., с. 172.

Автор пытается критически разработать существующие концепции абстрактного труда и претендует на наиболее правильное, с марксистской точки зрения, понимание вопроса. На деле же в лице автора мы имеем законченного представителя *идеалистического* направления в политэкономии.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие у автора хотя бы элементарных представлений о диалектике. В его концепции вполне уместными являются определения в роде: «Пути движения абстрактно-аналитической мысли и мысли диалектической диаметрально противоположны» (с. 166); или—«соскальзывание с плоскости абстрактно-аналитического метода на плоскость метода диалектического» приносит ущерб тому и другому» (с. 164). Ясно, что подобные заявления свидетельствуют только о том, насколько автор далек от понимания диалектического метода. Но о методе ниже.

Идеалистическая установка автора ярко обнаруживается уже тогда, когда он выдвигает свое понимание сущности капиталистического производства. «В товарно-капиталистическом производстве... т. е. в *понятии* товарно-капиталистического произ-

водства нет ни грана ни от природы, ни от техники». «Товарно-капиталистический способ производства и простой процесс труда в *понятии* не имеют между собой ничего общего, они несоизмеримы... глубоко отличны друг от друга» (с. 18). Таковы его основные определения, из которых вытекает понимание ряда других вопросов. Приведенные определения показывают, как автор идеалистически понимает Маркса. Сначала он и производство и способ производства превращает в чистые *понятия*. Для него они существуют только в понятии. После этого ему уже нетрудно утверждать, что *эти* понятия ничего общего не имеют с действительным процессом производства и действительной трудовой деятельностью.

Нам, конечно, остается признать, что эти его понятия в самом деле с действительностью ничего общего не имеют. Но мы одновременно решительно отводим попытки автора приписать эти свои взгляды Марксу.

Ошибка автора в этом вопросе вытекает из неверного понимания сущности производительных сил. По его мнению, товарное производство носит сугубо «социальный» характер, в отличие от всякого другого производства просто предметов потребления. Что же касается производительных сил, то они «как категория натуралистическая не входят в ... понятие, носящее социальный характер» (с. 85). «Материальные производительные силы,—пишет он,—категория чисто натуралистическая, она содержит в себе не только субъективный, личный (?—С.) фактор, рабочую силу, как естественно (?—С.) исторический момент», но еще «средство труда и предмет труда» (с. 132). Может показаться, что Давыдов дает здесь определение производительных сил, как единства человеческого труда и противостоящих ему элементов природы, подчиняемых человеком себе в его трудовом процессе. В действительности он понимает вопрос совершенно иначе.

Производительные силы не могут быть не чем другим, как производительными силами общества. Поэтому они носят социальный характер. Не говоря уже о том, что это общественное определение характера производительных сил Давыдов сводит к «личным факторам», мы здесь наблюдаем сведение и самого человека к неким естественным элементам. По его мнению, не машина, благодаря ее применению человеком, приобретает общественный характер, а, напротив, сам человек, благодаря его соприкосновению с элементами природы, т. е. благодаря его трудовой деятельности, превращается как бы в живую машину. Хотя человек и включается в определение производительных сил, но его нужно «рассматривать *исключительно* (курсив мой—С.) как своеобразный комплекс естественно-исторических сил» (с. 132).

Разумеется, эти определения не могут не подтверждать совершенную чуждость автора марксистскому диалектическому пониманию. Он не только определяет производительные силы как только технику, но даже человека, поскольку он включен в процесс производства, он рассматривает уже только как... технологию. Отсюда не трудно понять тот отрыв, который он производит между производительными силами и производственными отношениями. Первые—только техника, вторые—только «социология». Ничего общего между ними нет.

Мы знаем, что производственные отношения не могут существовать вне производительных сил, что процесс труда, как процесс производительных сил, обуславливает определенные отношения между людьми, которые в свою очередь играют ведущую роль в отношении развития производительных сил, что вместе с тем рез установившиеся производственные отношения имеют тенденцию закрепиться и на известном этапе в развитии производительных сил превращаются в консервативную форму, сдерживающую дальнейшее развитие. Тогда возникает необходимость насильственной ломки этих отношений и смены их новой общественной формой. Но по Давыдову получается совершенно иная картина. Между «социальной» формой и «техническим» содержанием никакого перехода быть не может. Они разорваны. Следовательно, ни о какой ломке старой формы под влия-

нием изменения содержания не может быть даже речи. Автор об этом благообразно умалчивает. Но операция автора, выбрасывающего совершенно революционное содержание марксизма, для нас ясна.

Концепция Давыдова особенно характеризуется тем, что он не допускает никакого перехода одних определений в другие, их взаимосвязи, единства их одновременно с противоположностью. По его мнению, абстрактный труд—это *чисто* социальная категория, без всяких иных примесей. «Абстрактный труд,—пишет он,—можно определить как «труд вообще», преломившийся в призме товарно-капиталистических отношений» (с. 169). Но что он понимает под этим «трудом вообще»? Это у него понятие, ничего определенного не означающее.

Путем абстракции от конкретных полезных свойств товаров Маркс вскрывает в них труд вообще, как безразличную затрату человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, труд, являющийся абстрактным трудом, образующим стоимость, ибо с самого начала речь идет о товаре со всеми общественными условиями его производства и обмена, при которых только он может существовать. Давыдов же, тоже путем абстракции от конкретных и полезных свойств товара, приходит к чему-то другому. Абстрагируя «от вещной формы», он приходит «к понятию абстрактного труда, но отнюдь не к понятию труда вообще». Продолжая этот путь, «от абстрактного труда путем отвлечения от „исторического“, „общественного“ момента, я прихожу—пишет он—к понятию „труда вообще“. Если двинуться еще дальше по этому пути, „я погашаю,—пишет он,—самое понятие „труд“, и мы имеем тогда лишь „тщательность вообще“. Известно, может ли он абстрагировать еще дальше и каким образом он мог бы это делать. Вывод автора во всяком случае ясен: «Нигде на этом пути абстрагирования мы не могли бы натолкнуться на „физиологический труд“ (с. 40).

Не будем останавливаться на принципах абстрагирования автора, он предпочел сохранить при себе свой секрет. Но что его «труд вообще» представляет из себя пустое понятие, не означающее никакого реального труда именно в смысле затраты человеческой рабочей силы,—это не подлежит сомнению. Этого он и сам не скрывает и, приводя слова Маркса, осмеливается на глазах у публики извращать их. Он пишет: «Понятие „затраты человеческой рабочей силы в физиологическом смысле“ (слова Маркса—С.) не входит в содержание экономической категории труда» (с. 124). Трудом в этом смысле, оказывается, занимается естественная наука—физиология, а политэкономия сюда отношения не имеет. Но что же тогда входит в содержание труда? Это тоже остается тайной автора, вернее, для автора. Таким образом «труд» превращен в бессодержательное понятие, никакого отношения к действительному труду не имеющее. Содержание принесено в жертву «социологии». Ибо «если абстрактный труд... рассматривать хотя бы в малой дозе и физиологически, т. е. как сгусток мускулов, нервов, крови и т. д., то мы приходим к чисто натуралистической трактовке труда» (с. 51). И в священном порыве, избегая преступной связи с греховной материей, он утверждает, что «труд вообще» «не имеет ничего общего с физиологическим» (с. 79).

Прямое извращение учения Маркса об абстрактном труде здесь выступает совершенно явно. По Марксу труд—это есть общественный трудовой процесс, реальная затрата рабочей силы в физиологическом смысле слова. Маркс прямо заявляет о том, что товар создается именно этими реальными трудовыми затратами. Но не всегда эти затраты создают именно товары. Для этого требуется, чтобы само производство выступало как производство товаров, т. е. чтобы господствующими общественными отношениями были отношения людей как товаропроизводителей. При этих общественных условиях непосредственные затраты рабочих сил разнообразной интенсивности, умелости и квалификации сводятся к простому труду; одновременно в этом труде выравниваются разнообразия технических приемов и методов, и тем самым он превращается в общественно-необхо-

димый труд. Труд в этом смысле выступает как труд абстрактный, образующий стоимость. Следовательно, каждая особая физиологическая затрата в трудовом процессе непосредственно не является абстрактным трудом, образующим стоимость товаров. Для этого каждый особый вид непосредственного труда должен пройти через процесс сведения его к труду простому и общественно-необходимому. Это есть общественный процесс, происходящий за спиной отдельных товаропроизводителей и обусловленный определенными производственными отношениями между людьми. Поэтому определяющими в отношении категории абстрактного труда выступают эти специфические производственные отношения. Но этим отнюдь не выбрасываются реальные трудовые затраты. Они существуют здесь как бы в снятом виде (в диалектическом смысле), отчужденном от их непосредственной индивидуальности и приобретшим специфически общественный характер в качестве абстрактного труда.

Таково то понимание абстрактного труда, которое вытекает из учения Маркса и которое целиком соответствует диалектическому пониманию. В противовес этому мы имеем у Давыдова произвольные комбинации с неуловимыми понятиями, наподобие некоего бестелесного духа, проникнуть в сущность которых нам не дано.

Но наш автор совершает еще большие «подвиги». Он не только «опустошает» труд, выбрасывая из него всякое представление о действительном труде. Он производит подобную же операцию и в отношении человека, как субъекта труда. После этой операции человек перестает быть физическим человеком, как мы привыкли видеть его в его общественной жизни. Перед нами оказывается некое понятие «человека», лишенное всякой реальности, содержание которого сводится к нулю. Автор наш отважно решает: «В теоретическом анализе социальной формы мы смело можем и даже обязаны отвлечься от „физического человека“. Мы можем... приравнять его в этом случае к нулю» (с. 98).

Справедливость требует признать за автором всех этих волшебств последовательность взглядов. В самом деле. Сначала процесс производства оказался превращенным в чистое понятие, ничего общего с действительным процессом не имеющее. Затем он самый труд привел в соответствие с этим «производством», выбросив реальные затраты труда и оставив только пустое понятие. А так как для труда в этом давыдовском понимании вовсе не обязательно и даже излишне наличие действительных людей, являющихся факторами процесса производства, обладающих рабочей силой и способных к реальной трудовой деятельности, то он, не колеблясь, превращает и их в некие бестелесные персоны.

Само общество у Давыдова превращается тоже в чистое понятие, не включающее в себя действительных людей с их реальными отношениями.

Труд как «затрату рабочей силы в физиологическом смысле» Давыдов считает чисто натуралистической категорией, никакого общественного значения не имеющей. Этим трудом может заниматься только физиология. Этим самым он совершенно отождествляет человека с животными, не видя принципиального различия между ними. Человеческий труд не есть просто физиологический процесс. «Мы предполагаем труд,— пишет Маркс,— в форме, составляющей исключительное достояние человека». И дальше, приведя примеры паука и пчелы, он указывает: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»¹. В одном случае мы имеем здесь чисто физиологический процесс у животных, в другом случае—сознательный общественный процесс у людей. Второе нельзя сводить к первому, и Маркс против этого предостерегает.

Поэтому человеческий труд, как реальная затрата мозга и всего организма человека, не есть натуралистическая категория. Трудовой процесс есть процесс материального производства и воспроизводства жизни людей, объединенных в общество. Труд есть

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, с. 120.

процесс, свойственный исключительно человеческому обществу (а не отдельному, совершенно изолированному от общества индивиду). Поэтому труд есть категория социальная, приобретающая в различные исторические эпохи специфически общественные формы.

«Формально-логический» уклад мышления не позволяет Давыдову понять все это. Из этого непонимания вытекает отрицание им социального характера реального человеческого труда, производства, производительных сил, да и самого человека. Поэтому давидовская концепция не в состоянии дать правильного определения категории абстрактного труда. Концепция эта оторвана от действительности и висит в воздухе. Она противостоит материалистическому пониманию этих явлений.

По мнению автора «труд товаропроизводящий—не что *глубоко отличное* (курсив мой—С.) от „труда вообще“» (с. 41). Этим самым категория абстрактного труда лишается своей основы, теряет свое содержание! как реальный труд прежде всего. Эта бессодержательность лучше всего обнаруживается при попытке автора определить величину стоимости. Начиная с первых страниц книги, автор при каждом соприкосновении с этим вопросом обещает дать определение «ниже». Но когда, наконец, приступает к ее определению, он беспомощно барахтается и не способен дать что-либо вразумительное.

Для того, чтобы определить величину стоимости товара, он берет «совокупное общественное рабочее время», как нечто целое. Затем «из этой совокупности,—пишет он,—мы как бы делаем вырезок, берем некоторую часть, приурочивая ее к данному товару». «Этот вырезок тем самым выражает некоторое количественное отношение к целому, ибо вне этого „отношения“ он вообще не существует, как зависима от целого величина» (с. 133). Вот и все долгожданное «определение». Вслед за этим, еще на протяжении трех страниц, автор занимается всякими подведениями и выведениями, приводит цитаты из Маркса и тут же находит, что его «определение требует, однако, некоторого уточнения», что «этому суждению Маркса видимо (но лишь видимо!) противоречит другое его суждение» (с. 135) и т. д., но ничего определенного, ничего путного не в состоянии привести.

Заявления автора вроде «мы берем», «мы делаем» свидетельствуют только о субъективном подходе автора к разрешению вопроса и неспособности проследить объективный ход вещей. Что же касается «целокупности», «вырезок», «приурочивания», «количественных отношений» и пр., то тайна всего этого остается неразгаданной даже самим их изобретателем. Единственный смысл их употребления заключается в запутывании вопроса. По существу же Давыдов с его субъективно-идеалистической установкой совершенно не способен дать количественное определение и труда и стоимости.

К концу своих рассуждений автор совершенно неожиданно приводит следующую цитату из Маркса: «Общественно-необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» («Капитал», т. I, с. 4). Кажется, наступает некоторое просветление. Но автор быстро разрушает эти иллюзии. Оказывается, здесь «Маркс говорит... об изготовлении... потребительской стоимости», т. е. о «явлении натуралистического, технологического порядка» (с. 135). Маркс здесь, оказывается, говорит об «условиях производства», об «умелости, ловкости рабочего, интенсивности его труда». Во всем этом «мысль Маркса остается в плоскости технологии». Таким образом, четкое, ясное и исчерпывающее определение Маркса разбито по частям, разведено, опошлено и отвергнуто.

По мнению Давыдова, Маркс здесь говорит только о потребительной стоимости, но это определение не имеет к стоимости никакого отношения. Совсем другое дело, рассуждает он, если бы дело шло о товаре. Тогда должны вступить в силу «вырезок», «приурочивание» и проч.

Товар и потребительная стоимость, по его мнению, являются совершенно различными вещами. Для производства первого служит его «абстрактный труд», а для изготовления второй—всякие технологические элементы, вроде машин, людей и т. д. Отсюда вы-

текает, что в процессе капиталистического производства участвуют два совершенно различных и ничего общего между собой не имеющих вида труда. У автора совершенно исчезает двойственный характер труда, создающего товар, который у Маркса занимает центральное место и на котором «покоится все понимание фактов». Давыдов разорвал эту двойственность одного и того же труда на два совершенно обособившихся вида труда. Отсюда совершенное несоответствие и противоположность концепции Давыдова учению Маркса; отсюда полный отход его от марксизма.

Неверная, недиалектическая, антимарксистская методологическая установка, следствием которой явилась несостоятельность всей концепции автора, достаточно ясна. В заключение приведем еще некоторые цитаты, характеризующие позиции автора.

По поводу отношений тождества и различия между трудом, поскольку он создает стоимость и прибавочную стоимость, и тем же трудом, поскольку он создает потребительную стоимость, Давыдов пишет, что «это и носит здесь характер *исключения*». «Или одно—или другое,—продолжает он,—здесь нет никакого логического мостика. Мнимая (!) диалектика не заполнит явно зияющей пропасти между обоими „или“» (с. 100). Эти слова выдают с головой самого ярого и неприкрытого метафизика, кантианца, стоящего целиком на формально-логической почве. Он иронически называет диалектику «универсальной отмычкой» и призывает «экономистов-марксистов» отказаться от такого сомнительного «методологического приема» (с. 166).

А книга вся испещрена определениями «формально-логически». Непонятно только, каким образом подобная явная подмена марксизма кантианством может проходить через советские издательства.

Во всей полноте автор раскрывает свою сущность, когда говорит об источниках своих методологических взглядов. После неудачно приведенных и неверно разъясненных слов Маркса он пишет: «Здесь веет духом гегелева и кантова учения о форме. Тем именно духом, которым, как яркими солнечными лучами, пронизано все учение о „товарном фетишизме“ Маркса, а следовательно, все его экономическое учение» (с. 52.) Эти слова прежде всего говорят о полной безграмотности автора относительно гегелевской диалектики и относительно применения ее Марксом в «Капитале». По существу же автор здесь показал, во-первых, что духом кантианства насквозь проникнуты он сам и вся его работа и, во-вторых, свое стремление причесать Маркса под кантианскую гребенку и извратить тем самым революционное содержание марксизма.

В конце книги автор постарался выдать и эти свои намерения. «В «Капитале»,—пишет он,—главное конечно написано». Но всякий экономист, «преломляя написанное в призме своего индивидуального дарования, в призме индивидуального проникновения, творит „новое“, „свое“... дает отображение прочитанного в своей индивидуальной окраске, в зависимости от настроенности его сознания» (с. 171—172). У автора оказалась кантианская «настроенность». Под это «свое» он и пытался переделать марксизм. Здесь автор призывает «экономистов» к вольному обращению с Марксом. Но все эти его попытки найдут сокрушающий отпор со стороны диалектиков-марксистов. Попытки подмены Маркса Кантом тщетны, обречены на неудачу.

Мы не останавливались на том, как автор критикует другие концепции. После выяснения позиций самого автора это становится излишним. Книга в целом может только иметь смысл предостережения против подобного рода взглядов,—она свидетельствует о необходимости мобилизации марксистской экономической мысли против подобных извращений Маркса.

Семд-Гусейн А.

ЗА МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ДИАЛЕКТИКУ

НИК. КАРЕВ, *За материалистическую диалектику*, сборник статей, изд. «Московский рабочий», М.—Л. 1929, с. 320, ц. 2 р.

Проблема философии, проблема метода—одна из существеннейших проблем нашего времени. После борьбы с механистами этот тезис не нуждается в обосновании. Если сейчас споры по вопросам методологии перебросятся в область специальных наук (политической экономики, литературоведения, истории), это означает только их подъем на высшую ступень. Метод остается попрежнему «душой всякой объективности», он же «душа», внутренний стержень книги т. Карева. Проблема философии в марксизме, поставленная в общем виде в первой статье книги, углубляется и раскрывается в дальнейшем на протяжении всей книги, конкретизируется на большом, содержательном и интересном материале.

Содержание книги т. Карева может быть разбито на «положительную» и полемическую части, правда, с большой оговоркой: формула «разрушать—строить и строить—разрушая» остается, очевидно, в силе и для этой книги.

Прежде всего, о «положительной» части книги: философия марксизма резюмируется в ней как общая методология знания и действия. Но одной из существеннейших сторон методологии, особенно сейчас, когда очередная задача—методология общественно-знания, является вопрос об отношении метода к мировоззрению, к теории, к «системе». Вопрос о внутреннем единстве метода и теории, философии и науки, рассматриваемый в первой статье книги, с большой отчетливостью и резкостью выступает в центральной статье сборника: «Тектология и диалектика». «Отрицать неразрывную связь метода и мировоззрения может либо тот, кто не понимает настоящего значения ни того, ни другого, либо тот, кто сознательно стремится разорвать их в воззрениях своих противников» (с. 105). Неразрывное единство метода и теории является и предпосылкой всех полемических частей книги. Книга ставит ряд проблем и умеет дать на каждую из них свой, если иногда и спорный, но всегда остроумный и глубокий ответ.

Каждая отдельная статья книги (а их 12) представляет в наших условиях значительный интерес. Предисловие книги хорошо освещает вопрос о том, почему в те или иные исторические периоды развития марксизма выдвигаются на первый план именно вопросы философии. Статья «Проблемы философии в марксизме» ставит вопрос о философии в ее происхождении и развитии, дает краткий обзор ее судеб в разные эпохи, хорошо освещает вопрос о философской эволюции Маркса (Гегель, Фейербах); этот же последний вопрос является темой статьи «Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса». Эта статья—хороший комментарий к опубликованной в 1927 году рукописи Маркса «Критика философии права Гегеля»¹.

В статье «Тектология и диалектика» рассмотрены основные принципы «всеобщей организационной науки» Богданова. Рассмотрение и критика общей методологии Богданова предполагает и раскрытие в положительной форме основных принципов методологии диалектического материализма.

Карев хорошо выполнил эту задачу. В настоящих условиях «Тектология и диалектика» приобретает большое актуальное значение в связи с разоблачением и критикой теоретических основ правого уклона. Родство теоретической концепции т. Бухарина с богдановской методологией достаточно ясно. На этом моменте именно фиксировал свое внимание Ленин при чтении «Экономики переходного периода». Основные замечания Ленина—это борьба с «организованной тарабарщиной», «схоластикой à la Богданов», игрой в дефиниции» у «автора, испорченного эклектизмом Богданова»².

¹ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. III.

² См. «IX Ленинский сборник», с. 348—402.

Читатель найдет в книге Карева не только хорошее разоблачение абстрактного схематизма и «*Be griffsscholastik*», но и основательную критику теории равновесия богданово-бухаринской «диалектики» и вытекающих из нее практических выводов.

Менее удачной в этой части следует признать небольшую статью т. Карева «Октябрьская революция и исторический материализм» («Заметки к десятилетию»). Давая общую характеристику исторического материализма в связи с нашей революцией, эта статья несколько подробнее освещает категорию производительных сил и теорию классовой борьбы. Беглый, а потому схематичный и абстрактный характер этой статьи особенно отразился на освещении последнего вопроса.

«Новая проблема, выдвинутая революцией, есть проблема форм классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата... Для каждой общественно-экономической формации существуют свои *основные* классы, воспроизводимые ходом развития данного общества»,—правильно замечает т. Карев; но решение этой новой проблемы, намеченное в этих беглых заметках, нельзя признать правильным, несмотря на оговорки, которыми оно сопровождается.

Решение следующее: «Для переходного периода от капитализма к социализму, строго говоря, существует лишь *один* основной класс—пролетариат. (Курс. автора—А. А.). Но это вовсе не значит, что и вообще существует в переходном обществе только один класс. В „исторически определенной“ для переходного времени системе производственных отношений сохраняются и *частично* воспроизводятся и другие оставшиеся от прежних общественно-экономических формаций классы... Отношение к ним пролетариата есть отношение классовой борьбы. Формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам. В эти формы входят наряду с насилием и такие формы, как убеждение, пример, помощь в переходе к новому типу хозяйства» (с. 62—63).

Мы привели с возможной полнотой освещение вопроса о классах в переходный период. Из приведенного явствует, что т. Карев подошел к вопросу о классах (в частности, и об *основном* классе) главным образом с точки зрения проблемы воспроизводства. Тов. Кареву таким образом изменила здесь манера конкретного и исторического рассмотрения отдельных вопросов. А историческое и конкретное рассмотрение не «вообще» переходного периода—и не только с ограниченной точки зрения воспроизводства классов, а нашего конкретного переходного периода—должно бы с необходимостью привести 1) к положению о *двух основных* классах—пролетариате и крестьянстве; 2) к тому что переходное время—не столько «исторически определенная» *система* производственных отношений, сохраняющая и *частично воспроизводящая* и другие классы, сколько процесс величайшей переделки производственных отношений, обуславливающий радикальную «переделку» роли и значения тех или иных классов. Переходное время—реальная критика всяческого схематизма, в частности и схематизма теории классов. Ни один период не разоблачает с такой четкостью, как переходный, историческую сущность общественных классов. Уже сегодняшняя «мощная лавина» колхозного и совхозного движения, означающая на языке исторического материализма коренную ломку производственных отношений в безбрежном секторе сельского хозяйства, требует *иной*, чем вчера, постановки вопроса о крестьянстве как классе и т. д. Все это—элементарные истины, хорошо известные, конечно, т. Кареву, и если мы несколько задержались на них, то только потому, что схематизм и абстрактность постановки этого вопроса, ограничивающейся точкой зрения воспроизводства, могут послужить почвой для ошибочных выводов в некоторых кругах читателей.

Все остальные статьи сборника—«К вопросу об отношении марксизма к естествознанию», «О наших естествоиспытателях, путешествующих в диалектическом», «Спиноза и материализм», «Коренные вопросы диалектического материализма», «Что же дальше?»—как это видно из простого перечня их заглавий,—являются материалом борьбы на нашем философском фронте, борьбы, в которой т. Кареву принадлежит одно из первых мест.

Взятые вместе, эти статьи дают отражение и ответ в той или иной форме на все вопросы, поднятые дискуссией, а вопросов этих было, как известно, так много, что, по удачному выражению т. Карева, самый марксизм был превращен в дискуссионную проблему.

Книга т. Карева должна быть прочитана каждым уже по одному тому, что она принадлежит активнейшему участнику борьбы на фронте философии и является сборником подлинных документов одного из крупных событий нашей философской жизни, в известном смысле, поворотного пункта нашего философского развития—борьбы с механистической критикой марксизма.

И хотя мысль в наше стремительное время почти немедленно претворяется в дело, и вопросы, вокруг которых шла борьба, вошли уже в учебники, хрестоматии и т. д. и кажутся хорошо знакомыми, книга т. Карева будет прочитана с интересом и пользой и потому, что ее содержание не исчерпывается непосредственными вопросами дискуссии, и потому, что в ней пульсирует живая, сильная мысль, и потому, наконец, что т. Карев умеет освещать с новой и интересной стороны давно и хорошо знакомый вопрос.

Карев—прекрасный стилист, хорошо продолжающий традиции марксистской полемики.

Арам Арутюнянц

КАК НЕ СЛЕДУЕТ БОРЬБЫС С МЕХАНИСТАМИ

И. Ф. КУРАЗОВ. *Исторический материализм*. Краткий конспект лекций. Изд. «Работник просвещения», Москва 1929.

Пропаганда основ философии марксизма начинает все более проникать в толщу партийного и рабочего актива. Разногласия с механистами, теоретические, философские корни правых оппозиции в партии приковывают к себе за последнее время внимание и начинают становиться достоянием широких масс. Но тут у нас повторяется старая история: почти полное отсутствие на книжном рынке популярной и в то же время научно-выдержанной литературы по всем этим боевым вопросам. Имеются, правда, некоторые попытки за последнее время заполнить этот пробел, но их вряд ли можно считать удачными, и задача создания массового, теоретически выдержанного учебника является самой актуальной для наших научных учреждений, в первую очередь Института философии Комкадемии и О-ва воинствующих материалистов-диалектиков.

Книжка т. Куразова представляет собой схематический конспект лекций, читанных им за последние годы в Ленинградском рабочем университете. Автор сделал несомненно интересную попытку [дать рабочему слушателю, недостаточно еще философски подготовленному, да к тому же еще не обладающему] достатком времени, сжатую книжку по всем вопросам диалектического и исторического материализма. Книжка интересна еще тем, что в ней заостряются почти все актуальные вопросы борьбы с механистами и что она призвана основной идеей—дать рабочему читателю основы марксистско-ленинской диалектики. Но два обстоятельства делают эту книжку мало пригодной для изучающего диалектический материализм и значительно понижают ее теоретическую ценность: во-первых,—слишком сложный язык, «геллертовский» стиль изложения, крайняя его схематичность; во-вторых, недостаточно четкое понимание автором некоторых весьма важных положений марксизма, что наряду с крайне схематичным изложением и многими небрежными, весьма путанными формулировками ставит на голову, уродует почти большинство вопросов, трактуемых автором. Эти дефекты, несмотря на то, что автор в общем стоит на ортодоксальных позициях в вопросах трактовки материалистической диалектики,¹ делают его книжку, помимо его воли, кривым зеркалом боевых марксистских положений, и это может дать повод нашим противникам использовать ее демagogически, как агитационный материал против основ ортодоксального марксизма. По-

этому мы постараемся указать т. Куразову, как не следует бороться против механистов и как не следует защищать основы ортодоксального марксизма-ленинизма.

Первое положение, которое автор упорно выдвигает, это то, что диалектический материализм, марксизм, не есть ни материализм, ни идеализм, а то и другое вместе. Правда, он оговаривается, что синтез этот является диалектическим, а не эклектическим, что в этом синтезе, так сказать, снимается односторонность и старого материализма и старого идеализма и получается что-то новое, новое в форме диалектического материализма. Но это все же не спасает автора от эклектизма, ибо он ставит на одну доску и тот и другой: «и тот и другой—по мнению автора—были *одинаково* (подчеркиваем *одинаково*—Я. Л.) односторонни, непоследовательны, ни та, ни другая философия не могла дать обоснованного познания» (с. 9).

Мы, грешным делом, следуя Энгельсу, до сих пор думали, что современный диалектический материализм является новой формой материализма, ибо диалектический материализм преодолел ограниченность старого материализма, бывшего по преимуществу механическим, метафизическим, и обогатил его новыми достижениями естественных наук. Обогащенный гегелевской диалектикой, старый материализм получил новую форму, так что диалектический материализм действительно является синтезом материализма с диалектикой. У автора же выходит, что диалектический материализм есть синтез материализма с идеализмом вообще. Автор, очевидно, недостаточно понял слова Энгельса о том, что рабочее движение является наследником классической немецкой философии, т. е. философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, и не понял также того, что мы унаследовали у немецкой классической философии ее диалектику, в особенности диалектику Гегеля, разработанную им в наиболее всесторонне развитой форме. А потому не совсем правильно следующее положение автора: «Таким образом, разрабатывая теорию развития мира и мышления, марксизм не мог ограничиться данными только материализма или только идеализма. Но, синтезируя эти данные, он преодолел и идеализм и ограниченность старого материализма. Следовательно, *марксизм одинаково исторически связан и с идеализмом и с материализмом, одинаково несводим ни к тому, ни к другому*» (с. 11).

Итак, мы «одинаково исторически связаны» с философией Платона и Демокрита, Беркли и Спинозы, Канта и французских материалистов. Хорош «диалектический синтез»—нечего сказать!

Нетрудно видеть, почему собственно запутался т. Куразов. Он знает, что наши механисты считают себя наследниками Демокрита, французских механических материалистов XVIII в. и ругают на чем свет стоит деборинцев за гегелевщину, за идеализм и т. д., что, спекулируя энгельсовским положением о том, что с каждым новым открытием в естественных науках материализм меняет свою форму, они неоднократно заявляют, что, дескать, старая форма диалектического материализма уже не годится и необходимо ее «подновить» (а на самом деле у них эта «новая» форма—не что иное как вечно старая, т. е. форма механического материализма). Все это, конечно, законно приводит т. Куразова в ярость. Намерения у него бесспорно хорошие. Но, как говорится, хорошими намерениями ад вымощен. Автор намеревался синтезировать материализм с поставленной Марксом на ноги гегелевской диалектикой, а вышло у него эклектическое сращивание материализма с идеализмом вообще; не ясно ли т. Куразову, что он оказал плохую услугу философии марксизма, ибо и он невольно попался на удочку к механистам со своим смешиванием диалектики с идеализмом, гегелевского метода с гегелевской системой. Так что выходит, что автор не с механистами борется, а со своей собственной тенью. Да, кстати, напомним автору, что когда-то Плеханов и Ленин дали по рукам всем тем, кто пытался разъединить марксизм с французским материализмом XVIII в. и со спинозизмом и соединить его с кантианством. А ведь, по нашему автору, это делать дозволяется, ибо почему нельзя «диалектически синтезировать» материализм ну, примерно, с идеализмом Канта? Тут все у автора, как видит читатель, стоит на голове!

Этим собственно и объясняется в дальнейшем изложении автора неприязнь, прямо ненависть к домарковскому материализму. Так, он, перечисляя все недостатки старого материализма—его метафизичность, антиисторичность и т. д.,—забыл все же добавить, что у некоторых из них (у Спинозы, Дидро, например), мы имеем, по выражению Энгельса, прекрасные образцы диалектики; что наши современные механисты стоят гораздо ниже материалистов XVII—XVIII вв. и больше общего имеют с немецким вульгарным материализмом XIX в.—Фохтом, Бюхнером, Молешоттом. Вот почему автору не нравится, например, определение материи как объективной реальности вне сознания, данное французскими материалистами, ибо, если мы примем это определение, то оно, по его мнению, может привести к тому, что не только материя существует вне сознания, но и сознание вне материи. Автор очевидно забыл, что это определение материи, как объективной реальности, существующей вне нашего сознания, приводится неоднократно Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме». Неоднократно приводимых Лениным и Плехановым, классически непревзойденных определений материи для автора как бы не существует, а потому он пишет: «Философская материя есть всеобщая сущность всего существующего и внутреннее единство всех материальных процессов и тел, через которые она воздействует на наше сознание и в нем отображается... Только такое понимание материи дает метод для естественных наук» (с. 61). Кстати, у автора фигурируют какие-то «новые» формы материи—механическая, физическая, философская—вместо физического и философского понятий материи. И тут нетрудно видеть, на чем сбился автор. Разделяя правильное положение классиков марксизма, что, следуя Спинозе, необходимо определить мышление как атрибут материи,—положение, упорно отвергаемое механистами,—он опасается того, что если принять положение, что материя есть объективная реальность, вне сознания существующая, то получится отделение мышления от материи. Это опасение приводит его невольно к тому положению, что материя не предшествует мышлению, а существует рядом с ним. Не спасает положения и ссылка его на то, что определение материи как объективной реальности, «будучи верным в теоретико-познавательном смысле, недостаточно логически и методологически» (с. 60), ибо получается, что не только высокоорганизованная, а всякая материя обладает сознанием, т. е. смазывается историчность, диалектика возникновения сознания из несознания.

Вот этой диалектики возможности и действительности, возникновения сознания из состояния «в себе» в состоянии «для себя», в мыслящий субъект, в «я», — вот этого единства субъекта-объекта автор совершенно не учитывает. А ведь в «Материализме и эмпириокритицизме» имеются совершенно ясные формулировки по данному вопросу. У автора же получается, что «материя есть всеобщая реальность, являющаяся основанием и исходным пунктом познания, проявляющаяся *в многообразии объективно-реальных, в пространстве и во времени движущихся форм материальной действительности*, изучаемых многообразием частных наук, которые через практическую деятельность людей воздействуют на наши органы чувств и отображаются в нашем сознании» (с. 61, курсив мой—Я. Л.). Не говоря уже об эзоповском языке, это положение совершенно неверно, ибо получается, что только формы материи объективны, сама же материя как субстанция объективно вне сознания не существует. А ведь объективность и реальность материальных форм, явлений, не отрицают и агностики и механисты. Они только разделяются с материей как объективной реальностью, как сущностью. И тут, как видит читатель, автор, преследуя цель защиты верного марксистского тезиса, что в «здании самой материи необходимо предположить способность, сходную с ощущением» (Ленин), совершенно запутал вопрос, и невольно получилось, что материя не предшествует сознанию как объективная реальность, а существует рядом, одновременно с ним.

Тов. Куразов затрагивает в своей тоненькой книжке все актуальные вопросы методологии естествознания, но настолько обще и схематично, что в многочисленных графиках, колонках даются только намеки, указываются лишь заголовки, суть же дела не

выясняется. Ведь недостаточны, например, общие указания насчет того, что современное естествознание уперлось в ограниченность его методологических основ,— это необходимо показать и доказать. А то получается одна фразеология. Следовало бы объяснить, почему механическая причинность не может уже больше удовлетворять современное естествознание, и далее, показать, что отсутствие диалектического понимания причинности ведет к идеализму, к поповщине. Точно так же не выясняется диалектическая постановка проблемы пространства и времени, целостности, непрерывности и т. д. Ведь без разбора всех этих вопросов одно голое указание автора на кризис методологических основ современного естествознания—недостаточно убедительно.

Мы не будем производить детального разбора философской части книжки. Скажем только, что здесь имеется очень много неточностей. Так, например, излагая философию рационалистического материализма (имея очевидно в виду теорию познания Спинозы), автор пишет, что у него «критерием истины служит соответствие суждения материальному миру» (с. 58). Не точно. У Спинозы критерием истины служит ясное и отчетливое познание. Или, например, такое выражение: «В общественно-культурном опыте даны вместе развитие рационального познания мира и познание эмпирического» (с. 62). Как понять «общественно-культурный опыт»? Не смахивает ли это на «организационный опыт» Богданова?

Перейдем к разбору социологической части, к центральной теме учебника.

Все проблемы исторического материализма так же, как и в первой, философской, части, автор ради наглядности и простоты (эта простота, как увидим, действительно хуже воровства) излагает в таблицах, схемах и диаграммах. Остановимся прежде всего на том, как трактуется проблема отличия человека от животного, человеческого общества от животного стада, ибо здесь большое количество неправильностей. Так, например, известное выражение Маркса о том, что человек, воздействуя на природу и изменяя ее, тем самым изменяет свою собственную природу, т. е. социальную природу, автор выражает в таблице «Животное, человек» (на с. 81) так: «Развитие общественного человека совершается через изменение орудий и способа производства, в процессе которого изменяется и организм». Автор имеет здесь в виду, очевидно, физический организм человека, но если даже под этим «организмом» понимать общественный организм, общество, то в этом контексте сопоставления общественного и животного организма тоже ничего марксистского нет. Далее, говоря в этой же таблице об обществе, автор нагромоздил столько замысловатых определений, что мы не можем себе отказать в удовольствии привести их полностью: «1) общество есть трудовое единство; 2) общество изменяется через изменение способа труда, производства, определяя и изменение человека; 3) общество есть сущность и непосредственная среда, опосредующая приспособление людей к природе (как тут не привести восклицание Ленина: Караул!—Я. Л.); 4) фактором развития общества является изменение системы орудий производства; 5) в обществе есть развивающаяся система разделения труда, создающая сложную цепь взаимозависимости одних людей от других; выполнение различных видов труда при пользовании продуктами всех видов труда; 6) в обществе образуются совершенно новые виды отношений (трудовые, экономические, политические, идеологические и т. д.), которые обуславливают био-физиологические отношения людей» (караул !!!—Я. Л.)

Вот эти шесть замысловатых определений общества, одно другого чище, ни на шаг не продвигают читателя в понимании общества, а наоборот, в состоянии его только запутать. В самом деле, после всех этих определений возникает снова вопрос: что же такое действительно человеческое, реальное общество: капиталистическое, социалистическое и тому подобное общество? Неужели все эти конкретные социально-экономические формации, как совокупности исторических производственных отношений, характеризуются и обуславливаются биофизиологическими отношениями людей? Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы понять всю никчемность вычурных определений общества, данных автором в его таблице.

Пойдем дальше вслед за нашим автором к его определению категории производительных сил.

Читатель наверное уже не будет удивлен, найдя у автора чисто-натуралистическую трактовку этой категории. Но нас здесь интересует вопрос с другой стороны, а именно, внешне получается, будто автор борется с механистическим пониманием категории производительных сил, а на самом деле у него самого, как говорится, рыльце в пушку. Говоря, например, что категория производительных сил принадлежит исключительно науке исторического материализма, он дает такую формулировку: «законы биологии отличаются от законов исторического материализма настолько же, насколько *живой белок отличается от производительных сил, насколько обмен веществ отличается от способа материального производства*» (курсив мой—Я. Л.). Против кого воюет здесь автор? Неужели находится какой-нибудь человек, отождествляющий живой белок с производительными силами? А с другой стороны, понимание автором производительных сил в отличие от живого белка (что это вообще за сравнение?! не спасает его еще от понимания производительных сил если не как белкового вещества, то во всяком случае как какой-нибудь другой натуралистической формы. В этом достаточно убедиться, если взять хотя бы схему на с. 87. (Ах, эти схемы, они погубили автора!). Приведем для этого всю изображенную автором колонку различных форм материи: «Космическая масса; механическая масса; электромагнитная масса; химический элемент; сложные соединения; белок, существующий в форме организма; нервное вещество; спинной и головной мозг; производительные силы». Чем же собственно отличаются производительные силы от нервного вещества? Очевидно тем же, чем нервное вещество отличается от белка. Иначе понимать производительные силы в этой колонке нельзя. Да и сам автор, как мы видели выше, говорит о них в таком же духе.

Дальнейшая конкретизация понятия производительных сил в той же схеме дает такие же неожиданные сопоставления. Так, например, формой явлений производительных сил у автора является следующее: «Труд определенного человека, *цена, война, революция* и т. д.» Мы не будем демагогически комментировать тут автора, а только скажем, что все это у него получилось потому, что у него странная манера все схематизировать, сводить под колонки, рубрики и т. д. Попробуйте на колонках, схемах и таблицах изучать исторический материализм!

Переходя к вопросу о диалектике развития производительных сил, автор говорит следующее: «Единственно возможная теория (т. е. теория развития производительных сил—Я. Л.)—это теория имманентного, внутреннего развития производительных сил, т. е. их саморазвитие. В процессе самого производства происходит количественное изменение факторов и моментов производительных сил, которое, в конце-концов, приводит к изменению качественному» (с. 93). Как будто на этот раз ничего, правильно! Но подождите: вся штука в том, как понимает автор этот внутренний, имманентный процесс развития производства? И вот оказывается: «Они (т. е. производительные силы—Я. Л.) развиваются в процессе самого производства, т. е. в процессе воздействия на природу» (с. 93, курсив мой—Я. Л.).

И вот оказывается: автор на глазах, тут же подменяет внутреннее развитие внешним влиянием природы; такая же подмена на глазах у читателя средь бела дня происходит с понятием производственных отношений. Вот, например, что он о них пишет: «Следовательно, производственные отношения есть система отношений трудовой и экономической зависимости людей друг от друга, возникших в процессе воспроизводства материальной жизни» (с. 94). Как будто сносно!—А вот он продолжает: «Иначе говоря, *производственные отношения есть отношения людей к природе, совершающиеся через отношения их друг к другу в процессе воспроизводства материальной жизни*» (там же, курсив мой—Я. Л.). Совершил такой трюк и даже не моргнув глазом!

Остановимся теперь на тех социологических взглядах автора, которые непосредственно касаются современной политики партии, ибо книжка написана, согласно предисловию, в июне 1929 г., т. е. в момент, когда автор уже очевидно в своей работе руководствовался постановлениями апрельского пленума ЦК и XVI партконференции. Дальнейший разбор его социологических исследований покажет, что у автора (опять-таки невольно) важнейшие решения партии получились как бы преломленными в кривом зеркале. Остановимся на главе о классах. Тут автор кладет в основу классовообразования в первую очередь организационный принцип. Вот что он по этому поводу пишет: *«Общественное разделение труда ведет к выделению группы организаторов, распаденю общественного хозяйства на индивидуальное, к образованию частной собственности. На основе этого происходит образование классов»* (курсив мой—Я. Л.). Итак, в основе классовообразования лежит не распределение средств производства, а выделение в первую очередь группы организаторов. Автор наверное не подумал, что он совершает плагиат, списав эти формулировки у... Богданова. Зато автор предпочитает обходить молчанием ленинское определение класса и вместо этого дает свое, «оригинальное». Так он пишет: «Класс есть определенная группа людей, образовавшаяся в процессе общественного разделения труда, одинаково относящаяся к собственности на средства производства, занимающая одинаковое положение в процессе производства, имеющая одинаковый источник средств к существованию, одинаковое отношение в обмене и одинаково относящаяся к своему антиподу» (с. 103). Как видит читатель, автор повторяет пять раз слово «одинаково», а диалектики класса все же не дал, а именно: что классы различаются по их месту в «исторически определенной системе общественного производства» и что «классы—это такие группы людей, из которых одна может присвоить себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин). Таким образом, как мы видим, у автора отсутствует конкретно-исторический подход к определению системы общественных отношений, могущий нам дать диалектику классов. Вот почему нет ничего удивительного, когда по вопросу о крестьянстве, как о классе, автор пишет следующее: *«Между классами капиталистов и классом пролетариата находится крестьянство, которое не является в капиталистическом обществе классом. Оно частью примыкает к классу капиталистов, а частью к пролетариату. И если бы капиталистический строй просуществовал долго, то класс крестьянства был бы растворен между основными двумя классами. Эта тенденция ярко обнаружена в крестьянстве Германии, Англии, Америки»* (с. 104, курсив мой—Я. Л.).

Итак, существование или несуществование крестьянства, как класса, объясняется продолжительностью капитализма, а не своеобразием конкретных капиталистических производственных отношений, сочетающихся с остатками феодализма. Трудно найти более метафизический подход к такому важному социологическому вопросу.

Но все это еще цветики, а вот ягодки—классы в СССР! Рассуждая на тему, есть ли у нас класс капиталистов, автор приходит к выводу, что если можно говорить о буржуазии как об «исторически преходящем классе в СССР», то это потому, что его основание имеется в мировом капитализме. «Формально капиталистического класса,—пишет автор,—как будто бы и нет, ибо отменена частная собственность, но фактически они нам на каждом шагу наступают на пятки. Как „исторически преходящий“, класс капиталистов существует в СССР, но лишенный формальных прав и оснований. Их основание—мировой капитализм» (с. 105, курсив мой—Я. Л.).

Итак, питательной базой наших кулаков и эппманов является мировой капитализм! Но автор все же не только рассуждает в «мировом масштабе», но ищет основание для нашей буржуазии и внутри СССР. Но где же—вы подумали бы—он его ищет? Оказывается, не в мелком крестьянском хозяйстве, а в хозяйственной системе СССР вообще. Не угодно ли?

«Но если бы,—продолжает автор,—даже и была мировая революция, сбросившая капитализм, все же проблема классов в СССР не разрешилась бы. В хозяйственной

системе СССР, с множеством пестрых, антагонистических хозяйственных укладов существует основание для существования разных социальных групп» (курсив мой—Я. Л.). Итак, даже в случае победы мировой социалистической революции питательной базой капитализма будут служить разнообразные хозяйственные уклады в СССР, и в том числе крупная социалистическая промышленность, натуральное хозяйство и т. д. Но так как наш автор все же, очевидно, сомневается в том, что наша социалистическая промышленность может породить капиталистов, то в заключение дает такую формулировку: «Вышеуказанные моменты и основания обязывают нас признать, что в СССР есть два класса—крестьянство и пролетариат» (с. 106). «Дробь» одним взмахом со счетов сбрасывается, ибо неизвестно в конце-концов откуда она берется!..

Но автор, как видно, все же читал последние решения партии, ибо предлагает уничтожить социально-экономическую и культурную пропасть между городом и деревней через индустриализацию и коллективизацию всего хозяйства и даже через организацию бедноты, и даже через экономическое и политическое подавление кулаков. (Откуда они у автора вдруг нашлись?). Но все мероприятия каким-то непонятным образом стоят у него вне классовой борьбы (т. е. другими словами, классовая борьба у автора стоит вне «классовой борьбы»). Не угодно ли?!

«Но эти два класса,—продолжает автор дальше,—не подобны классам буржуазного строя. При экономическом и политическом подавлении кулаков эти два класса не через классовую борьбу, не через новые революции приведут нас к социализму, а через уничтожение социально-экономической и культурной пропасти между городом и деревней, через организацию бедноты и середняков около пролетариата, через индустриализацию и коллективизацию всего хозяйства. Эти тенденции и выражены в очередных современных задачах партии и государства: союз рабочих и крестьян, индустриализация и коллективизация хозяйства, культурная революция и т. д.» (там же, курсив мой—Я. Л.).

Итак, тут формально как будто все есть (и индустриализация и коллективизация!), но все это стоит на голове, ибо автор не понял основного в последних постановлениях партии, раз он индустриализацию и коллективизацию противопоставляет классовой борьбе.

Любопытна еще одна деталь в работе т. Куразова. В первый половине своей книжки он так «учено» излагает предмет, так усложняет его всякими схемами и таблицами, что книжка становится совершенно недоступной (может быть, в этом и «положительная» сторона книжки) для читателя, тем более для читателя рабочего университета. Во второй же половине книжки автор до такой степени смягчает тяжеловесное изложение предмета, до того упрощает его, что прямо-таки сбивается на вульгарный тон митинговщины, где отсутствует какая бы то ни была теория вообще. Так, например, в главе об идеологиях он настолько «спускается» к читателю, что вместо теоретического выяснения сущности идеологий он начинает поучать своего читателя всяким добрым нравом. Так в вопросе о семье он становится в позу моралиста и изрекает: «Но чем же пролетариату заменить семью? Свободным половым союзом по следующим принципам: 1) социально-идеологический подбор; 2) принцип полового эквивалента, полового соответствия; 3) принцип половой гигиены и эстетики» (с. 116).

Зато он в главе «Революции» опять начинает теоретизировать. Но что это за теория? Посмотрите! «Если в буржуазной революции движущей силой является мелкая буржуазия и пролетариат, а гегемоном является буржуазия, то в пролетарской революции пролетариат, опирающийся на крестьянство, есть движущая сила и гегемон» (с. 136, курсив—мой Я. Л.). Тут что ни слово, то путаница!

Наш вывод: Книжка т. Куразова нуждается в радикальной переработке (оставляя план и порядок изложения вопросов); в теперешнем ее состоянии она не только не может служить учебным пособием, но может внести путаницу и вред.

Я. Левин.

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ И АКАДЕМИЯ НАУК

Подготовка квалифицированной советской смены во всех областях научно-исследовательской работы является задачей, правильное решение которой в свете общего вопроса борьбы за кадры имеет громадное значение. Для своевременного решения этой задачи должны быть использованы все средства и возможности.

Между тем, как констатирует постановление ЦК ВКП(б) (см. «Правда», 18 августа 1929 г. № 189), это дело у нас еще сильно хромает. В подборе и подготовке аспирантуры существует разноречивость. В выдвижении молодых научных работников общественные и партийные организации принимают слабое участие. Практическое руководство часто предоставляется здесь личному усмотрению отдельных профессоров, что по понятным причинам нередко дает отрицательные результаты. Классовый принцип в социальном подборе подрастающей научной смены и контроль за качеством выполнения ею плана научной работы проводятся недостаточно четко и планомерно. С другой стороны, наши аспиранты не обеспечены и материально. Часто они лишены элементарных бытовых удобств (жилье и проч.). На их научную работу (лабораторные принадлежности, литература и т. д.) отпускаются еще до сих пор мизерные средства.

Наконец, некоторые организации «просто» не уделяют этому делу достаточного внимания, предоставляя его своему собственному течению. Правда, советский научный молодец вместе со всем пролетарским студенчеством пытался и пытается сейчас преодолеть все эти трудности, но при этом он затрачивает непроизводительно много энергии и отвлекается от своей основной работы. Многочисленное совмещение и чрезмерная нагрузка по партийной и общественной линии еще более затрудняют эту борьбу, увеличивая процент отсева. Таким образом подготовка и выращивание советской научной смены протекают у нас в явно неблагоприятных условиях.

В результате еще один важный участок на фронте культурной революции оказался недостаточно крепким и защищенным.

Судя по приводившимся в печати данным (см. «Правду» от 21 ноября 1929 г.) во всем Союзе насчитывается немногим больше 24 тыс. научных работников. Из всего этого числа лишь 5 500 человек работают в области так наз. прикладных наук. Основная масса научных работников состоит из дореволюционных кадров. Партсостав в среде научных работников доходит лишь до 7—8%, причем огромное его большинство работает в области гуманитарных, а не точных и естественных наук. Профессура и преподавательский персонал становятся с каждым днем все более «остро-дефицитным товаром», так как пополнение на смену выбывающим старым кадрам поступает недостаточно интенсивно... Из общего контингента аспирантуры по НКПросу РСФСР (на 1 мая 1929 года— 2 368 чел.) в области индустриально-технических наук специализируется всего 143 человека, то есть менее 6% по отношению к общему количеству аспирантов. Результаты приема аспирантов в нынешнем году еще более плачевны: на 10 октября на 150 аспирант-

ских мест по индустриально-техническим наукам поступило всего 55 заявлений, а по сельскохозяйственным на 195 мест—103 заявления.

Совершенно ясно, что такое ненормальное положение в первую очередь объясняется нашим собственным невниманием к этому делу.

Мало говорить о «важнейшей задаче партии». Надо ее разрешать на деле.

Общего плана подготовки новых кадров научных работников в увязке с потребностями народного хозяйства и всего культурного строительства Союза у нас как не было, так еще нет и до сих пор. Работа отдельных ведомств и учреждений в этом отношении еще не координирована. Действительного перелома во всей этой работе еще не наблюдается и времени уделяется ей значительно меньше, чем нужно.

[На примере с аспирантурой во Всесоюзной академии наук наглядно проявилась наша беспечность в этом деле, но одновременно выявлены и те возможности, которыми мы здесь располагаем, но которые далеко нами не используются.

К концу 1927 г. Академия наук насчитывала в своем составе 322 высококвалифицированных научных работника при средней убыли их до 4% в год. Эту убыль Академия предполагала пополнять за счет организованного ею еще в 1926 г. института «практикантов». Академию интересовало пополнение убыли *своих* работников для *своих* учреждений. Вот почему «ввиду того, что характер подготовки практикантов существенно иной, чем проходимой аспирантами высших учебных заведений (исключается обязательная для последних подготовка к преподавательской деятельности), решено было отметить это и терминологически, почему и избрано другое название» (см. «Академия наук СССР за десять лет», изд. Академии наук 1927). Но дело, разумеется, не в одной лишь терминологии.

В этой установке сказалась определенная тенденция Академии к изоляции от контроля советской общественности и определенное пренебрежение ее к научно-педагогическим потребностям страны, что подтверждается рядом фактов.

В цитированной выше статье—о подготовке научных работников Академии—прямо выражается недовольство тем, что молодых начинающих ученых, которых Академия хочет воспитать на смену своим старым кадрам, приходится брать со стороны. «Когда на службу в Академию поступал молодой ученый, его приходилось брать извне; обучения в Академии он не проходил; его задатки и навыки складывались вне Академии. Таким внешним источником пополнения академических сил служили высшие учебные заведения, главным образом университеты. Такой порядок безусловно нельзя считать вполне удовлетворяющим потребности Академии, в особенности *«в настоящее время. Это обуславливается особенностями университетского преподавания и университетских учреждений»* (курсив мой—Е. В.). Приведенные слова в сочетании с самым утверждением: «что касается учреждений такого рода, как химические лаборатории, лаборатории по физиологии животных и физиологии растений, то нет никакой разницы между названными учреждениями Академии и соответствующими учреждениями высших учебных заведений, и поэтому молодой ученый, начавший свое поприще в лаборатории высшего учебного заведения, является вполне готовым к переходу на соответствующее место в Академии», недвусмысленно намекают на то, что воспитываемая «извне» научная смена в области общественных наук была особенно нежелательна для Академии.

В соответствии с этим старые «Правила о приеме практикантов в академические учреждения» гласили, что «избрание кандидатов в практиканты предоставляется *усмотрению*» (курсив мой—Е. В.) учреждения, при коем будет происходить практика, причем представления о зачислении на вакансии практикантов могут исходить *только* от подлежащих академическим учреждениям (курсив мой—Е. В.). Кандидаты народных комиссариатов по просвещению республик должны представляться *через* (курсив мой—Е. В.) соответствующие академические учреждения».

Как мы видим, подбор практикантов производился с большей тщательностью и осторожностью, чем во многих других, более знакомых нам местах.

Ясно, из какого социального материала вербовались практиканты Академии. Разумеется, что в плане их научной работы отсутствовал какой бы то ни было общественный минимум. Собственно говоря, у них вообще не существовало никакого плана.

Разыгравшийся в прошлом году с академическими практикантами инцидент, когда они на общем собрании большинством голосов порешили, что марксистская методология и «вообще политика» ни им, ни Академии не нужна,—являлся вполне естественным и закономерным на фоне общих принципиальных установок Академии в деле подбора и воспитания *своей* смены.

При всем том, Академия считала все же себя в праве претендовать на то, что «академические аспиранты должны быть поставлены в первых рядах той научной молодежи, которая готовилась в СССР к самостоятельной исследовательской деятельности».

Практика научной работы практикантов приводила к тому, что даже после тщательно осуществленного подбора они все же были лишены возможности самостоятельно выбирать и усваивать научные направления, находились в постоянной даже административной зависимости от своих более или менее случайных руководителей, а иногда и использовались для технической работы в отдельных академических учреждениях.

Об усвоении практикантами марксистской методологии научного исследования, как мы уже отмечали, не было, разумеется, и речи. Но независимо от этого цели и методика своей подготовки каждый практикант и его руководитель представляли себе по-своему. Общие принципы качественной оценки научной работы практикантов отсутствовали, как не было и объективного критерия степени их подготовки.

В организационном отношении штаты практикантов были распылены между отдельными академическими учреждениями, причем практиканты фактически находились на положении служащих этих учреждений.

Все это привело к тому, что научная ценность практикантов Академии к моменту истечения срока двухлетней их подготовки подвергалась большим сомнениям и даже сама Академия вынуждена была признать, что институт практикантов подлежит коренной реорганизации.

Опубликованное в «Правде» общее постановление ЦК о научных кадрах партии и частное задание о подборе из числа наиболее подготовленных молодых научных работников-коммунистов 40 человек для прохождения аспирантского стажа в учреждениях Академии наук было более чем своевременно. Это частное задание следует считать сейчас уже выполненным.

В новом «Положении об аспирантах при Академии наук СССР» уже содержится ряд моментов, обеспечивающих нормальную постановку аспирантской работы на дальнейшее время. Так, мы читаем в этом положении, что «введение аспирантуры при Академии наук СССР имеет целью подготовку высококвалифицированных научных работников по представленным в Академии наук специальностям, преимущественно в области точных наук, для научно-исследовательской деятельности как в учреждениях АН, так и в других научных институтах и учреждениях Союза ССР». Как мы видим, здесь уже нет речи о подготовке научных работников исключительно для самой Академии.

Для отбора аспирантов и для наблюдения за их нормальной работой Положением предусмотрено образование постоянной комиссии, в которую наряду с соответствующими академиками и научными работниками Академии входят также и представители: ЦБ СНР, Комакадемии, ЛИМ, партколлектива Академии и, наконец, самих аспирантов.

Для кандидатов в аспиранты обязательно представление не только отзывов по научной линии, но и рекомендаций, характеризующих их в общественном отношении, причем все кандидаты в виде правила «подвергаются коллоквиуму по основным пробле-

мам диалектического и исторического материализма», а «в план подготовки аспиранта по всем специальностям обязательно входит изучение марксистской методологии по программам, рекомендуемым академиками по социально-экономическим и философским наукам».

В организационном отношении работа аспирантов должна протекать под непосредственным руководством академиков-специалистов или другого старшего научного персонала Академии, под ответственностью специально выделяемых для этого лиц, а самому аспиранту предоставляется право заявлять о своем желании работать под наблюдением того или другого специалиста.

План подготовки вырабатывается руководителем совместно с аспирантом, причем «к концу первого полугодия подготовки и затем в сроки, устанавливаемые комиссией, но не реже одного раза в год, аспиранты отчитываются в своей работе и могут отчитаться по решению комиссии ранее окончания аспирантского стажа».

Срок аспирантуры, как правило, трехлетний. Обеспечение аспирантов в 1929—1930 г. выражается в 170 руб., не считая особых расходов на их научную работу (лабораторные расходы, литература и пр.). В жилищном отношении для остро нуждающихся аспирантов в помещениях Академии организуется общежитие.

При этом аспиранты работают «без права совмещения с какими-либо служебными занятиями, за исключением преподавательской деятельности, каковая разрешается по особому постановлению комиссии».

Таковы основные черты, характеризующие новые установки и принципы организации института аспирантов при Академии наук. Важно, чтобы дело было доведено до конца, что сравнительно не так уже трудно. Для этого необходимо не *успокаиваться на наборе* аспирантов, а действительно и немедленно *организовать* их работу, обеспечив ее в материальном отношении. Достаточно было опубликования Академией этих общих условий аспирантского набора, как на 100 вакансий было подано свыше 300 заявлений. В настоящее время в результате работы комиссии по отбору аспирантов (председатель—ак. Комаров), в состав которой входили академики Фаворский, Самойлович, Ферсман, Марр, Деборин, Архангельский, а также профессора Волгин и Левит (от Комакадемии) и др.—принято 58 аспирантов и зачислено кандидатами 67.

Следует отметить, что из общего числа 125 принимаемых аспирантов мы имеем: 44 членов партии, 3 кандидатов партии, 9 членов ВЛКСМ и 69 беспартийных.

По социальному происхождению: 13 рабочих, 33 крестьян, 59—служащих, 13 прочих и 7 неизвестных. Мужчин—94 (из них членов партии 48) и женщин—31 (из них членов партии 8). По возрасту: до 25 лет—23 чел., от 23—30 лет—53 чел., от 30 до 35 лет—40 чел. и, наконец, свыше 35 лет—9 человек. Основную массу аспирантов дал Ленинград (68 чел.), Москва дала лишь 32 чел. и провинция—25 человек.

По своему национальному составу зачисляемые аспиранты Академии наук разбиваются следующим образом: русских—72 чел., евреев—22 чел., украинцев—5 чел., белоруссов—2 чел., кавказских национальностей—12 и др. национальных меньшинств—12 (эстонцев, карелов, финнов, чувашей, татар, турок, болгар, корейцев, мордвин, узбеков и др.).

По отдельным специальностям принимаемые в аспиранты лица распределяются, как показано в таблице на с. 385.

О чем говорят приведенные данные и цифры? Во-первых, о том, что в течение ряда лет мы не удосужились привлечь для подготовки научной смены находящиеся в составе Академии наук (и только ли в ней?) высококвалифицированные научные силы (особенно по I ее отделению физико-математических наук); далее, они говорят о том, что наша «забывчивость» неизбежно влечет за собой попытки выращивания новых, но отнюдь не наших научных кадров, причем им предоставляется возможность исполь-

зовать хорошо оборудованные институты, лаборатории, музеи и весь накопленный в течение столетий богатый научный материал Академии со всеми отпускаемыми ей денежными ресурсами и проч., в то время, когда в некоторых других научно-исследовательских учреждениях нехватает буквально нескольких рублей на постановку экспериментальной работы для идеологически более близких к нам аспирантов.

	Парт.	Бес- парт.	Ленин- град	Москва	Про- винция	Мужч.	Женщ.	Всего
1. Лингвистика	4+ 1	1+ 4	4+ 3	1+ 2	—	5+ 5	—	5+ 5
2. Социология и экономика	6+ 1	2 —	5 —	2+ 1	1 —	8+ 1	—	8+ 1
3. Востоковедение	1+ 3	—+ 4	1+ 1	—+ 3	—+ 3	1+ 6	—+ 1	1+ 7
4. История, ист. литер.	5+ 2	2 —	7+ 2	—	—	7+ 1	—+ 1	7+ 2
5. Минералогия	—	—+ 3	—+ 3	—	—	—+ 2	—+ 1	—+ 3
6. Математика	1+ 2	2+ 6	2+ 3	—+ 2	1+ 3	3+ 7	—+ 1	3+ 8
7. Идеология	—+ 3	3+ 1	2+ 1	1+ 3	—	3+ 4	2 —	3+ 4
8. География и эксп. д.	1+ —	1+ 2	1+ 1	1+ 2	—	2+ 1	—+ 1	2+ 2
9. Ботаника и микробиол.	3+ 3	4+ 4	4+ 2	2+ 1	1+ 4	2+ 5	5+ 2	7+ 7
10. Химия	4+ 3	2+ 6	2+ 5	3+ 2	1+ 2	6+ 3	— 6	6+ 9
11. Биология и зоология	7+ 2	6+ 4	8+ 1	3+ 2	2+ 3	11+ 1	2+ 5	13+ 6
12. Антропология и этногр.	2+ 2	1+ 11	3+ 8	— 1	—+ 4	2+ 8	1+ 5	3+ 13
Итого	34+ 22	24+ 45	39+ 30	13+ 19	6+ 19	50+ 44	10+ 23	58+ 67

Затем они говорят о том, что при более серьезном отношении к этому делу мы можем использовать старые кадры ученых для подготовки советской научной смены. Нет сомнения, что большинство академических научных работников передадут ей свои знания. А ведь у нас не одна Академия наук! Наконец, все эти данные говорят о стихийной тяге нашей молодежи к овладению научным знанием. Жесткость требований, предъявлявшихся по линии научного отбора к аспирантским кандидатурам в Академию наук, не помешала тому, что сверх ста штатных аспирантских вакансий академическая комиссия, заполнив эти места, могла отобрать еще 25 годных кандидатов.

Тяга к овладению наукой нашего подрастающего научного работника очень сильна, и все данные говорят за то, что мы располагаем здесь богатым резервом живого людского материала.

Проходя через горнило разнообразных испытаний, подрастающий советский научный работник идет вперед к намеченной цели.

Нашей обязанностью является активно помочь ему, осуществляя партийную директиву об интенсивной подготовке новых отрядов советской смены в области научно-исследовательской работы.

На примере с Академией наук мы воочию убеждаемся в том, как много у нас в этом отношении возможностей и как мало мы еще их используем.

Е. В.

¹ Первые рубрики цифр означают количество уже принятых аспирантов, а вторые — кандидатов. Ввиду того, что заметка печатается с значительным опозданием, большинство из намеченных кандидатов в аспиранты уже утверждены, и в результате мы имеем сейчас 107 аспирантов, из которых 57 членов и кандидатов партии и членов ВЛКСМ.

В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

В связи с тем, что пленум Коммунистической Академии был отложен, вследствие необходимости более тщательной *подготовки выборов новых членов Академии*, эта отсрочка была использована для более глубокой проработки планов отдельных секций и институтов, и в течение ноября и декабря была проделана работа по детализации тех планов, которые не могли быть более конкретно проработаны ранее. В настоящее время все эти планы сведены в единый, *общеакадемический план*, находящийся ныне в печати, который и будет представлен на обсуждение пленума Академии.

Точно так же за это время была проделана работа по окончательному редактированию *отчета о работе Комакадемии за 1928/29 г.*, который, согласно постановлению президиума, должен был быть отпечатан к пленуму в виде краткого перечня наиболее существенных работ, выполненных отдельными секциями и институтами за истекший год.

Одним из серьезнейших вопросов, которым пришлось заниматься президиуму Академии в течение всего последнего времени, явился вопрос о *подготовке научных кадров*. Разработка этого вопроса была поручена специальной комиссии из состава работников Комакадемии под председательством т. О. Ю. Шмидта, которая должна была заняться как составлением общего Положения о подготовке научных кадров, в соответствии с постановлением ЦК по этому вопросу, так, в частности, и составлением Положения об аспирантуре Комакадемии.

В настоящее время комиссией уже разработан проект Положения об аспирантуре Комакадемии, который рассмотрен и одобрен президиумом Комакадемии и направлен на утверждение соответствующих инстанций. Что же касается проекта общего положения о подготовке научных кадров, то он также разработан указанной комиссией и уже одобрен президиумом; однако для окончательной проработки этого проекта создана комиссия с привлечением представителей других заинтересованных учреждений. Комиссия эта работает под председательством т. В. П. Милютина в составе тт. О. Ю. Шмидта, Е. Б. Пашуканиса, Н. М. Лукина, Луппола, И. К. Губкина, Милха, Талья и представителей от наркомпросов союзных республик, от секции научных работников (т. Остро-витинов) и представителя НТУ ВСНХ.

В связи с тем, что в процессе работы с уже имеющейся при Комакадемии аспирантурой выяснилась возможность дальнейшего увеличения числа аспирантов уже в текущем академическом году, президиум Комакадемии признал желательным расширить количество аспирантов до 200 человек против имеющихся уже 125 человек. Для проведения в жизнь этого решения поручено совещанию заведующих секциями и институтами под председательством т. О. Ю. Шмидта разработать необходимые организационные мероприятия, а также смету, которая должна быть представлена в соответствующие органы через Комитет по заведыванию научными и учебными учреждениями при ЦИК СССР.

Тому же совещанию поручено разработать организационный план работы с аспирантами на 1930/31 г.

Президиум заслушал также доклад члена президиума Комакадемии т. А. М. Деборина о работе комиссии по приему аспирантов при Академии наук.¹

Из важнейших организационных вопросов, которыми занимался президиум, следует отметить вопрос о *переходе Ленинградского института марксизма в число учреждений Комакадемии* и вопрос о *переходе в состав Секции литературы, искусства и языка некоторых учреждений Государственной академии художественных наук*.

По вопросу о Ленинградском институте президиум выделил специальную комиссию под председательством т. В. П. Милютина в составе представителей: Института истории, Института философии и Экономической секции, а также от Ленинградского

¹ Подробные данные о результатах приема аспирантов в Академию наук печатаются нами в заметке «Подготовка научных кадров и Академия наук».

института, который поручил произвести обследование на месте состояния Института и разработать необходимые мероприятия по реорганизации Института в Ленинградское отделение Комакадемии.

Доклад о работе этой комиссии был заслушан в заседании президиума, который принял выдвинутые ею предложения, касающиеся основных вопросов, вытекающих из слияния Ленинградского института с Комакадемией.

Структура Института в связи с его реорганизацией в Ленинградское отделение Комакадемии такова: он будет состоять из трех институтов—Института философии, Института истории и Института экономики, и двух секций—аграрной и проблем войны. Президиум рассмотрел также личный состав научных сотрудников Ленинградского отделения и утвердил состав его руководящих органов. Председателем отделения назначен т. Позерн, заместителем т. Гониман и членами президиума тт. Зайдель, Кирпотин, Кшарский, Левит, Булат и Угаров.

Президиум принял предложение комиссии об организации в начале 1930 г. в Ленинградском отделении торжественного заседания, посвященного открытию этого отделения, на котором в качестве докладчика должен будет выступить М. Н. Покровский.

Вопрос о переходе в состав Комакадемии некоторых частей ГАХНа встал в связи с постановлением Наркомпроса РСФСР о реорганизации ГАХН, согласно которому в Комакадемию должны быть переданы три учреждения: Комитет по изучению искусств и литературы народностей СССР, Комитет художественной агитации и пропаганды и Отдел заочного обучения. Работа этих учреждений была предварительно обследована работниками Секции литературы, искусства и языка Комакадемии, в состав которой должны быть влиты эти учреждения. Обследование это показало, что после их перехода в Комакадемию проводящаяся ими работа должна будет подвергнуться значительной реорганизации.

В частности с переходом Комитета агитации и пропаганды в Комакадемию должны быть переданы значительные и интересные коллекции плакатов по художественной агитации и пропаганде (коллекции плакатов по агитации займов и пр). По национальному комитету будет передано 4000 книг на языках различных национальностей и т. д.

Заслушав сообщение Секции литературы, искусства и языка о состоянии переходящих в Комакадемию учреждений, президиум постановил образовать комиссию в составе тт. Бескина, Маца и представителя управления делами Комакадемии для их приемки и оформления перехода в соответствующих инстанциях.

Из других структурных вопросов следует отметить организацию в составе существующей подсекции коммунистической критики Секции литературы, искусств и языка Комакадемии новой комиссии по изучению истории критики и публицистики, руководство которой поручено т. Лебедеву-Полянскому.

Из вопросов, связанных с организацией научно-исследовательской работы на местах, следует отметить заслушанный президиумом доклад представителя саратовских научных работников-марксистов, ректора Саратовского университета т. Каценбогена об организации в Саратове марксистского научно-исследовательского центра.

В настоящее время в Саратове имеется 4 высших учебных заведения с 10 000 студентов, организуется Педагогический институт; кроме того, имеется значительная группа высших учебных заведений в Астрахани и Сталинграде, что является серьезным мотивом для организационного оформления научно-исследовательской марксистской работы в Нижнем Поволжье.

В Саратове имеется до 70 научных работников-марксистов, ведущих работу в области философии, социологии, ленинизма, теоретической и прикладной экономики, по русской и западной истории и т. д. За последние полтора-два года был организован ряд научных докладов, в частности «О диалектическом материализме и механизмах», «О философских взглядах Чернышевского», «Чернышевский как революционер», «О пугачевщине» и т. д.

В области философии ведется работа над проблемой неоспинозизма в Германии, над гносеологией Спинозы, над теорией одушевленности материи и т. д.; с другой стороны, ведется также работа в области кредита, в области мирового хозяйства, по теории права, государственному и уголовному праву и т. д.; кафедра диалектического материализма организовала кабинет марксистской методологии, ведется работа в семинаре с аспирантами, выдвиженцами и пр.; установлена связь с фабриками и заводами; в Доме ученых организованы лекции по различным разделам марксистской науки, которые посещаются широким кругом научных работников. Все это выдвигает необходимость сплочения научно-исследовательских марксистских сил в Саратове вокруг какого-то центра, находящегося под идеологическим руководством Комакадемии и связанного в своей работе с ее секциями и институтами.

Обсудив доклад т. Каценбогена, президиум Комакадемии признал целесообразным и желательным организацию в Саратове научно-исследовательской кафедры марксизма и ленинизма и постановил установить с ней такие же взаимоотношения, в каких Комакадемия находится с другими марксистско-ленинскими научно-исследовательскими учреждениями в смысле идеологического руководства, увязки планов и т. д. Решено, что эта кафедра будет организована при Саратовском университете, однако в дальнейшем, когда работа ее разовьется настолько, что она сможет быть превращена в научно-исследовательский марксистско-ленинский институт, целесообразно будет поставить вопрос о включении этого института в состав Комакадемии.

Из работ отдельных учреждений Комакадемии президиум заслушал доклад комиссии по изучению истории религии о предварительном обследовании религиозности рабочих и о плане генерального обследования по тому же вопросу среди московских рабочих.

Потребность в таком обследовании вытекает из необходимости исследования прежде всего тех масс, среди которых ведется антирелигиозная работа для того, чтобы она была действительно построена на научных основах. Работа эта проводится комиссией по изучению истории религии Комакадемии совместно с кабинетом профаботы МГСПС при участии Института методов внешкольной работы и Московского совета союза безбожников.

Для того, чтобы прежде всего разработать правильную методику, дающую объективные показатели, было проведено предварительное обследование, при котором были использованы четыре метода: анкетирование, тесты, учетные совещания и монографии.

Обследование это, проведенное на заводе «Пролетарский труд» и на 1-й Ситце-набивной ф-ке (бывш. Циндель) и охватившее 500 чел., в основном подтвердило правильность применявшейся методики.

Одобрив проделанную работу, президиум Комакадемии поручил комиссии по изучению истории религии согласовать план предстоящего генерального обследования состояния религиозности рабочих с Институтом философии Комакадемии.

Крупным событием в жизни Комакадемии за последнее время явилась открывшаяся 21 ноября с. г. выставка «Новая письменность народов СССР», организованная подсекцией материалистической лингвистики. Решение об организации этой выставки было принято еще в июле, вслед за чем началась работа по установлению связи с различными организациями, привлеченными к участию в создании выставки и по собиранию необходимых экспонатов. Ближайшее участие в подготовке выставки приняли ЦИК СССР и Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита. Руководство всей этой работой было поручено оргкомитету под председательством академика т. Н. Я. Марра. В организации выставки принимал непосредственное участие ныне скончавшийся руководитель секции литературы, искусства и языка т. В. М. Фриче; от ВЦК нового тюркского алфавита в оргкомитет вошли т. Агамалы-Озлы и т. Кульбешеров. Непосредственно-организационная работа проводилась рабочей комиссией под председательством ученого секретаря подсекции материалистической лингвистики т. В. Б. Аптекера.

Выставка явилась показателем завоеваний в области письменности народов, населяющих СССР, достигнутых ими за годы революции. Основной отдел выставки содержит в себе исторические экспонаты, иллюстрирующие русификаторскую политику царизма в отношении угнетавшихся национальностей, экспонаты, демонстрирующие развитие национальной письменности и культуры народов СССР в условиях диктатуры пролетариата, и экспонаты, посвященные латинизации татаро-тюркского алфавита.

Следующий отдел, посвященный истории письма, основан на новейших достижениях материалистической лингвистики. Специальный отдел содержит в себе материалы, относящиеся к истории русского письма, и имеет целью осветить назревшую потребность в реформе русского правописания и способствовать латинизации русского алфавита.

В настоящее время поставлен вопрос о превращении выставки в постоянную выставку-музей, и подыскивается соответствующее помещение.

Из важных мероприятий Комакадемии в области усиления связи с массами следует отметить успешную работу по постановке лекций-докладов для низового партийного актива. В настоящее время состоялись лекции т. Вайсберга о контрольных цифрах на 1929/30 г., т. Милюткина о социалистической реконструкции сельского хозяйства в пятилетнем плане и т. Подволоцкого о философских основах правого уклона.

Г. Торбек.

УСЛОВИЯ ПРИЕМА АСПИРАНТОВ В КОММУНИСТИЧЕСКУЮ АКАДЕМИЮ ПРИ ЦИК СССР

В целях подготовки марксистских кадров научных работников для научно-исследовательской и научно-педагогической работы при Коммунистической Академии учреждается институт аспирантов.

В 1930/31 г. производится прием аспирантуры при перечисленных в § 7 институтах и секциях Коммунистической академии.

1. В число аспирантов принимаются члены ВКП(б), окончившие вуз или имеющие знания в объеме курса высшего учебного заведения.

Примечание: Беспартийные принимаются (за исключением Института философии) в исключительных случаях, причем преимущество отдается рабочим и крестьянам.

2. При поступлении желательно знакомство кандидатов в аспиранты, по крайней мере, с одним европейским языком.

3. В состав аспирантов зачисляются, как правило, лица не старше 35 лет.

4. Для приема необходимо представление следующих документов:

- а) отзыва об общественной работе;
- б) командировки парторганизации для членов ВКП(б) и отзыва парт-или профорганизаций для беспартийных;
- в) краткой биографии;
- г) документа об образовании, а для лиц, окончивших вуз в 1928/29 г., отзыва квалификационной комиссии;
- д) документа об отношении к воинской повинности.

5. Товарищи, удовлетворяющие поставленным условиям и допущенные специальной мандатной комиссией к испытаниям, должны представить не позже 15 августа с. г. письменную работу, тему которой желательно согласовать с соответствующим научным учреждением Комакадемии. В случае признания работы удовлетворительной, товарищи допускаются к устным испытаниям между 1 и 15 сентября с. г. Поступающие подвергаются устным испытаниям по диалектическому и историческому материализму, политэкономии и предмету своей специальности.

Примечание 1: Вступительные работы должны отвечать следующим требованиям: тема вступительной работы должна соответствовать избираемой специальности. Работа должна свидетельствовать о достаточных навыках кандидата к самостоятельному научному исследованию, с обстоятельным знакомстве с литературой вопроса, умелом использовании источников и критическом отношении к привлекаемому в работе материалу.

Примечание 2: Списки основной литературы, знакомство с которой обязательно для поступления в отдельные научные учреждения Комакадемии, будут напечатаны в ближайших номерах журнала «Вестник Комакадемии».

6. Срок подготовки аспирантов устанавливается трехлетний.

7. На 1930/31 г. устанавливается следующее распределение аспирантских вакансий по научным учреждениям Комакадемии: по Институту философии—26; по Институту истории—30; по Институту советского строительства—20; по Институту мирового хозяйства и мировой политики—5; по Институту аграрному—10; по Институту изучения высшей нервной деятельности—5; по Биологическому институту им. Тимирязева—10. По секциям: Кооперативной—20; Экономической—20; подсекции техники Экономсекции—5; Секции литературы, искусства и языка—7, Секции естественных и точных наук—5; Секции изучения женского движения—5; Секции по изучению проблем войны—2; Комиссии национальной—10; Комиссии по изучению истории религии—2; Биомузею—4. Прием в Институт истории производится в секции: а) социологии (специальности: этнология и история эпохи торгового капитала); б) истории промышленного капитализма; в) истории империализма (со специализацией внутри перечисленных секций по истории народов СССР и истории Запада) и г) истории Востока.

8. Зачисленным в состав аспирантов предоставляется стипендия в размере 170 руб. в месяц и общежитие.

9. Прием заявлений от желающих подвергнуться аспирантским испытаниям производится с 1 марта по 10 августа с. г. За всеми справками и получением анкет, заполнение которых необходимо при подаче заявления, обращаться в секретариат Президиума Коммунистической академии—Москва, Волхонка, 14.

СПИСОК

ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЗНАКОМСТВО С КОТОРОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЛЯ АСПИРАНТОВ, ПОСТУПАЮЩИХ В ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ КОМАКАДЕМИИ.

Политэкономия

1. *Маркс*, Капитал, т. I, т. III, гл. I—XXVII, XXXVI—XL и XLIV—XLVII.
2. *Борхардт*, «Капитал» К. Маркса (изложение II тома «Капитала»).
3. *Маркс*, К критике политической экономии (введение и предисловие).
4. *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма.
5. Один из университетских марксистских учебников по политэкономии.
6. Кроме того, требуется общее знакомство с экономикой СССР по книгам:
 - а) *Ленин*, Экономическая политика, хрестоматия под ред. Крумина.
 - б) *Таль и Сегаль*, Экономическая политика.

Диалектический и исторический материализм

1. *Маркс*, Критика готской программы.
2. *Маркс*, Нищета философии.
3. *Маркс и Энгельс*, Коммунистический манифест.
4. *Энгельс*, Людвиг Фейербах.
5. *Энгельс*, Анти-Дюринг.
6. *Энгельс*, Диалектика природы.
7. *Ленин*, Государство и революция.
8. *Ленин*, Пролетарская революция и ренегат Каутский.
9. *Ленин*, *Маркс*, *Энгельс*. Марксизм (сборник статей).
10. *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм.
11. *Ленин*, К вопросу о диалектике («Под знаменем марксизма» № 5—6, 1925.)
- 11-а. *Ленин*, Что такое друзья народа.
12. *Плеханов*, Основные вопросы марксизма.
13. *Плеханов*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
14. *Плеханов*, Критика наших критиков (Собр. соч., т. XI).
15. *Плеханов*, Очерки по истории материализма.
16. *Деборин*, Ленин как мыслитель.
17. *Деборин*, Введение в философию диалектического материализма.
18. *Деборин*, Марксизм и философия.
19. *Деборин*, Книга для чтения по истории философии, т. I и II.
20. *Деборин*, Диалектика и естествознание.
21. *Деборин*, Очерки по истории материализма.
22. *Деборин*, Предисловие к I тому Гегеля.
23. *Сталин*, Вопросы ленинизма.
24. *Аксельрод*, Философские очерки.
25. *Гомперц*, Греческие мыслители.
26. *Маковельский*, Досократики.
27. *Целлер*, История греческой философии.
28. *Гегфдинг*, История новейшей философии.
29. *Декарт*, Рассуждение о методе.
30. *Гоббс*, Избранные сочинения.
31. *Ламеттри*, Избранные сочинения.
32. *Юм*, Трактат о начале человеческого знания.
33. *Беркли*, Трактат о зрении.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЗНАКОМСТВО С КОТОРОЙ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЛЯ АСПИРАНТОВ, ПОСТУПАЮЩИХ В ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ.

Политэкономия.

1. *Ленин*, Империализм как новейший этап капитализма.
2. *Ленин*, Развитие капитализма в России; работы по аграрному вопросу, Собр. соч. тт. III и IX, стар. изд.

3. *Маркс*, Капитал, тт. I и III, гл. I—XXVII, XXXVI—XL, XLIV—XLVII.
4. *Маркс*, К критике политической экономии (введение и предисловие).
5. Один из университетских марксистских учебников политической экономии.
6. *Лавидус* и *Островитянов*. Полит.экономия в связи с теорией советского хозяйства, изд. 2-е.

И с т м а т.

1. *Деборин*, Введение в философию диалектического материализма.
2. *Ленин*, Государство и революция.
3. *Ленин*, Пролетарская революция и ренегат Каутский.
4. *Ленин*, *Маркс*, *Энгельс*. Марксизм. Сбор. статей, изд. Института Ленина.
5. *Ленин*, Национальный вопрос (Собр. соч., т. XIX).
6. *Плеханов*, Основные вопросы марксизма.
7. *Плеханов*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.
8. *Сталин*, Вопросы ленинизма.
9. *Сталин*, Марксизм и национальный вопрос.
10. *Столяров*, Диалектический материализм и механисты.
11. *Энгельс*, Людвиг Фейербах.
12. *Энгельс*, Анти-Дюринг.
13. *Энгельс*, Происхождение семьи, частной собственности и государства.

И с т о р и я.

1. *Волгин*, История социалистических идей.
2. *Виппер*, История древний Греции.
3. *Виппер*, Очерки истории Римской империи.
4. *Ключевский*, Курс русской истории, т. I—IV.
5. *Кунов*, История народного хозяйства, т. I.
6. *Лукин*, Очерки новейшей истории Западной Европы.
7. *Лукин*, Парижская Коммуна.
8. *Маркс* и *Энгельс*, Исторические работы.
9. *Матъез*, История французской революции, тт. I—II—III.
10. *Покровский*, Очерк истории русской культуры, ч. I.
11. *Покровский*, Очерк истории революционного движения.
12. *Покровский*, Русская история в самом сжатом очерке, ч. 3, вып. I (издание последнее).
13. *Покровский*, Русская история с древнейших времен, т. I—IV.
14. *Покровский*, Марксизм и особенности исторического развития.
15. *Петрушевский*, Очерки по истории средневекового общества и государства.
16. *Петрушевский*, Восстание Уота Тайлора.
17. *Ротштейн*, Очерки по истории английского рабочего движения.
18. *Конради*, История революций, т. I, гл. IV—VIII (Английская революция).
19. *Стеклов*, I Интернационал (ч. I).
20. *Фридлянд*, История Западной Европы, т. II.

П О П Р А В К А

В № 34 (4) «ВКА» (стр. 234—235) напечатано сокращенное изложение выступления т. Зельцера по докладу П. Ф. Преображенского «Основные проблемы происхождения религиозных форм». Там ошибочно напечатана фраза: «Марксистская теория стоит на правильной линии для последующих ступеней развития религии, но для первичных ступеней она допускает крупные ошибки». В действительности т. Зельцер говорит не об ошибочности теории, а об ошибках отдельных теоретиков, заключающихся в отступлении от методологии марксизма.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Бухарин Н. И., Дволайцкий Ш. М., Деборин А. М., Крицман Л. Н., Лукин Н. М.,
Милютин В. П., Пашуканис Е. Б., Покровский М. Н., Шмидт О. Ю.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Луначарский, А. Фриче-искусствовед	3
Переверзев, В. Литературоведческие идеи В. М. Фриче	14
Нусинов, И. Жизненный путь В. М. Фриче	24
Тележников, Ф. Социология Вормса (Теория общества Р. Вормса в свете современной социологии)	38
Рудаш, В. Механистическая и диалектическая теория причинности (Теория причинности т. Бухарина)	74
Дмитриев, Г. Логика Гегеля и логика марксизма	194
Брушлинский, В. О категории меры у Гегеля	122
Михалевский, Ф. О кредитных связях в реальном капитализме и в хозяйстве СССР	136
Атлас, З. Денежный рынок и противоречия банковского кредита	150
Корнилов, К. и Франкфурт, Ю. Объективное или марксистское направление в психологии	181
Михайлов, А. О ревизионизме и эклектике в искусствознании	205

ДОКЛАДЫ В КОМАКАДЕМИИ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ

Кривцов, С. и Разумовский, И. Критика теоретических основ бухаринской концепции исторического материализма	227
Прения по докладам	250
Речь Подволоцкого И.	280

В ИНСТИТУТЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Дискуссия об «организованном капитализме»	297
Штернберг, Ф. Империализм и кризисы	319

В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Арциховский, А. Новый метод в археологии	322
Кривцов, С. История и современность	326

В КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Хайдар, В. Национальные взаимоотношения в Палестине и английский империализм	329

В КООПЕРАТИВНОЙ СЕКЦИИ

Охитович, М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья	334

В СЕКЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ТОЧНЫХ НАУК

Рейх, Психоанализ как естественно-научная дисциплина	345

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Л.—Henryk Grossmann. Das Akkumulation- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems (zugleich eine Krisentheorie) (Генрик Гроссман. Закон накопления и крушения капиталистической системы (одновременно и теория кризисов)	351
Сеид-Гуссейн, А. Об одной идеалистической концепции (И. Давыдов. Абстрактный труд в учении Маркса о стоимости)	366
Арутюнянц, А.—Ник. Карев. За материалистическую диалектику	372
Левин, Я. Как не следует бороться с механистами (И. Ф. Куразов. Исторический материализм)	374

ХРОНИКА

Е. В. Подготовка научных кадров и Академия наук	381
Торбек, Г. В Коммунистической академии	386
Условия приема аспирантов в Комакадемию	